

И. Б. Греков

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ

XIV-XVI вв.

[В]

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

АБС

И. Б. ГРЕКОВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
XIV—XVI вв.

002
-02
1

Шадринская

Библиотека

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1963

Ответственный редактор
доктор исторических наук

И. И. СМЕРНОВ

Сложные исторические процессы протекали в Восточной Европе в XIV—XVI вв. Это было время бурного развития феодальных отношений в русских, литовских и польских землях, период, когда в ходе напряженной борьбы с Золотой Ордой, Крымским ханством и Турцией происходило становление Русского и Польско-Литовского государств, когда формировалась новая политическая карта восточноевропейского пространства.

Представляя собой далеко не начальный момент в формировании этнического, социального и политического облика Восточной Европы, эта эпоха отнюдь не являлась и завершающим этапом в развитии тех или иных восточноевропейских стран в рамках феодализма, в частности она может рассматриваться как своего рода переходный этап от периода образования раннефеодального древнерусского государства и древнерусской народности к той эпохе, когда произошло воссоединение украинского, белорусского и русского народов в составе единого централизованного государства.

Этот переходный этап имел большое самостоятельное значение в истории Восточной Европы. Изучение его дает ключ как для понимания исторического развития отдельных восточноевропейских стран, так и для раскрытия характера взаимоотношений между ними.

Последнее очень важно. Анализ политической жизни Восточной Европы XIV—XVI вв. убеждает в том, что если сам факт создания больших государственных образований на данной территории был обусловлен прежде всего их внутренним закономерным развитием, то темп, масштабы, активность процессов, приведших к формированию этих государств, в известной степени зависели от конкретного хода политической

борьбы, происходившей между всеми восточноевропейскими странами, от соотношения сил на международной арене. Поэтому в поле зрения историка должна находиться не только внутренняя эволюция феодальных государств, но также и напряженная международная борьба, сопровождавшая их развитие, т. е. весь комплекс политических взаимоотношений стран Восточной Европы в период установления новых государственных границ между ними. При этом необходимо постоянно учитывать также восточноевропейскую политику соседей этих стран — Золотой Орды, Крымского ханства, Османской Порты, с одной стороны, и Империи, Немецкого ордена, Ватикана — с другой.

Необходимо помнить о том, что социально-экономическая и политическая жизнь каждого феодального государства была тесно, органически связана с его внешней политикой, что внутреннее развитие феодальных государств тогдашней Европы ставило перед каждым из них задачу дальнейшего территориального расширения, а следовательно, требовало активной внешнеполитической деятельности правящих верхов. Но эта порожденная природой феодального общества политика далеко не всегда имела одинаковые формы и одинаковое объективно-историческое значение. Задача историка — выяснить специфику внешнеполитического курса того или иного государства, показать его объективные результаты как для внутреннего развития страны, так и для всей международной жизни восточноевропейских народов.

Такой комплексный подход к политической истории Восточной Европы XIV—XVI вв. оправдан состоянием источников и литературы, касающихся данной эпохи. Уже в XIX и начале XX в. в условиях повышенного интереса к политической истории восточноевропейских стран был собран значительный материал, отражающий так или иначе историческое прошлое Московской Руси, Польши и Великого княжества Литовского, раскрывающий ход их взаимоотношений. Благодаря усилиям главным образом русских и польских историков того времени наука обогатилась большим количеством публикаций. Важное значение для изучения политической истории Восточной Европы XIV—XVI вв. имеют такие отечественные издания, как «Полное собрание русских летописей», «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», сборники Русского исторического общества, «Акты Западной России», «Акты Юго-Западной России», а также издания Вельяминова-Зернова, Тизенгаузена, Тургенева, Березина, Уляницкого, Лашкова и др. Значительный вклад в науку внесли капитальные публикации, подготовленные такими поль-

скими историками, как Малиновский, Голембевский, Крашевский, Немцевич, Сенковский, Рыкашевский, Гельцель, Шуйский, Соколовский, Прохаська, Белевский, Плятер, Гурский, Пулаский, Пшездзецкий, Павинский, Грабовский, Яблоновский, Закшевский и многие другие. Необходимо также упомянуть публикации немецких, французских и других ученых (Тейнер, Папст и Толь, Гармузаки, Вересс).

Вместе с тем велась усиленная монографическая разработка многих частных вопросов политической истории Восточной Европы XIV—XVI вв. Вышли в свет специальные работы Вельяминова-Зернова, Смирнова, Карпова, Барбашева, Новодюрского, Папе, Колянковского, Закшевского и др., обширные экскурсии на эту тему появились в больших сводных работах (Соловьев, Любавский, Пресняков, Грушевский, Шуйский, авторы «Политической истории Польши», Пирлинг, Хаммер, Цинкейзен, Иорга и т. д.).

Правда, в большинстве монографий многие стороны исторического развития Восточной Европы XIV—XVI вв., как правило, изучались изолированно друг от друга, без учета внутренней связи и взаимодействия различных политических явлений эпохи. Исследователи чаще всего ограничивались «национальными масштабами» как при определении темы и подбора источников, так и при формулировании выводов, создании концепций.

В трудах отдельных историков, занимавшихся изучением прошлого восточноевропейских и прежде всего славянских народов, были элементы явной тенденциозности, а иногда и прямой фальсификации. Дело в том, что исследование истории Восточной Европы и, в частности, изучение прошлого славян уже в XIX и начале XX в. было отнюдь не областью чисто академических знаний, а одним из участков острой идеологической борьбы. На вооружении каждого крупного европейского государства того времени была своя программа решения славянской «проблемы», свой план изменения политической карты восточноевропейского пространства. Известно, что официальная Россия выдвигала доктрину «православного панславизма», а некоторые западные державы и римская курия пытались навязать славянским народам программу «католического панславизма», т. е. план подчинения всех славян Ватикану.

Напряженная политическая борьба в Европе второй половины XIX в. вызвала к жизни, например, серию работ польского эмигранта Ф. Духинского, выступившего с концепцией турано-монгольского происхождения «москалей» и польского происхождения украинцев и белорусов. Такая интерпретация

исторического развития восточноевропейских стран по существу была попыткой «теоретически» обосновать новые этнические границы Восточной Европы, а вместе с тем подготовить условия для превращения этих «теоретических» границ в практические. О том, в чьих интересах создавались подобные исторические работы, свидетельствовали места их опубликования — Константинополь, Париж, Лондон; Рим, австрийский Краков. Политический смысл «научной» теории Духинского, продиктованной наряду с ненавистью к царскому панславизму национализмом и религиозным фанатизмом, исчерпывающим образом разъяснил еще в 60-х годах XIX в. его современник и единомышленник польский литератор П. Свентицкий¹. Теория эта была настолько грубо сфабрикована, что сравнительно быстро себя дискредитировала. Но отголоски ее продолжали звучать в позднейших работах. Своеобразной модификацией схемы Духинского являлась, в частности, много томная «История Украины-Руси» М. С. Грушевского², хотя автор ее, квалифицированный историк, и старался обосновать свою концепцию более «солидной» аргументацией.

Другим примером политической тенденциозности, религиозного фанатизма может служить деятельность известного историка-иезуита Пирлинга, развернувшаяся на рубеже XIX и XX столетий. Именно в этот период он издал свое пятитомное исследование «Россия и папский престол»³, явившееся тенденциозным изложением многочисленных и разнообразных попыток Рима установить контроль над всем славянством и прежде всего над русским, украинским и белорусским народами. Работа Пирлинга призывала осуществить то, что не удалось известному Флорентийскому собору 1439 г., провозгласившему унию православной и католической церквей. Объявляя отказ России от унии «роковой ошибкой» ее истории, автор выдвигал программу исправления этой «ошибки» в будущем⁴. За

¹ Развивая «теорию» Духинского, Свентицкий откровенно писал: «Всем известно, что российский панславизм, столь грозный славяниине, в своих желаниях опирается на то, что финско-монгольская Москва самозванно назвала себя сначала славянской Русией, потом всей Русью, а теперь Россией... Москва только приписывает себе права славянской Руси... Мы увидим, что она отделяется от Европы и между ней и Западом стоит неодолимая стена — славянская Украина-Русь» (цит. по кн.: А. П. Пыпин, *История русской этнографии*, т. III, СПб., 1891, стр. 285).

² М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. III, IV, V, VI, Київ — Львів, 1905—1907.

³ Пирлинг, *Россия и папский престол*, т. I, М., 1912.

⁴ «Пусть в Москве, — писал он в 1896 г., имея в виду далекое прошлое, — уния потерпела крушение. Прошли века, а мысль о ней все еще носится в воздухе» (Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 25).

пылиными фразами, проникнутыми католическим фанатизмом, скрывался обычный план территориальной экспансии «европейских» католических государств на «варварский» православный восток.

Эти примеры характерны не только для старой, но и для современной буржуазной исторической науки. Весьма симптоматично, что в настоящее время история Восточной Европы (между прочим, и XIV—XVI столетий) оказалась в центре внимания многих реакционных исследователей на Западе. Факт этот имеет большое значение, если учесть наличие самой тесной связи между теоретическими построениями реакционных идеологов и конкретными политическими устремлениями правящих кругов современного империалистического мира. Западногерманская пресса, например, и не скрывает этого. Она не только признает недостаточное знание Восточной Европы одной из причин поражения Германии во второй мировой войне, но и прямо призывает новое поколение специалистов Ostforschung'a не повторять ошибок прошлого, настаивает на выработке «основы будущего устройства Восточной Европы»⁵. При таком определении политических функций специалистов по «исследованию Востока» приобретают особое значение их теоретические построения, их исторические труды.

Рассматривая территорию Восточной Европы как объект экспансии империалистических сил и арену будущих столкновений, эти буржуазные идеологи стараются при помощи фальсификации исторического прошлого восточноевропейских народов обосновать и оправдать захватнические устремления современного империализма. Сознательное искажение картины исторического развития славянства стало специальностью многих реакционных историков западного мира.

Можно сказать, что в настоящее время над фальсификацией истории славянских народов (прежде всего славянских народов СССР) усиленно работает огромный коллектив «ученых», состоящий не только из таких западногерманских и американских «знатоков» Восточной Европы, как Шлезингер, Штекль, Людат, Кайзер, Кох, Рен, Уолш, Кирхнер и др., но и из широкого круга различных эмигрантов славянского происхождения. Чрезвычайно активную деятельность в этой области развернули реакционные польские историки Галецкий, Пашкевич, Бачковский, чешские эмигранты Лемберг и Дворник, выходцы из России Вэкар, Ланцев, Карпович, Флоринский,

⁵ Цит. по кн.: В. Т. Пашуто, В. И. Салов, А. Л. Хорошкевич, *Против фальсификации истории нашей родины*, М., 1961, стр. 6.

украинские буржуазные националисты Дорошенко, Смаль-Стоцкий, Штепа, Мирчук и др. Всех их так или иначе объединяет служение одним политическим целям, ненависть к Советскому Союзу, к славянским народам, ставшим на путь строительства социализма.

В области «теории» эти «ученые» выступают по существу единым фронтом (это не означает, разумеется, что между ними не существует разногласий по частным вопросам). Ведя борьбу против марксизма, отрицая существование социально-экономических формаций и общесоциальных закономерностей в жизни каждого общества, опираясь на антинаучные, геополитические доктрины, на теории «культурных кругов», «смены цивилизации», «неравноценности» народов, они пытаются изобразить чуть ли не всю тысячелетнюю историю восточноевропейских стран под углом зрения борьбы «европейской цивилизации» с «азиатским варварством». В сочинениях этих буржуазных идеологов Западной Европы противопоставляется либо восточное славянство в целом, либо та его часть, которая в течение XIV—XVI вв. оказалась в составе Московского государства. В первом случае обычно «доказывается» полная несамостоятельность исторического развития восточных славян, какая-то особая податливость их внешним влияниям, неспособность создать свою государственность, культуру, городскую жизнь, подчеркивается отсутствие в их прошлом сколько-нибудь выдающихся исторических деятелей, могущих олицетворять те или иные важные этапы внутреннего развития данного общества⁶. Если же «западной цивилизации» противопоставляется одна Московская Русь, последняя выступает в качестве «деспотической азиатской державы», а Украина и Белоруссия, находившиеся ряд столетий в составе «европейского» Польско-Литовского государства, объявляются частью «интегральной Европы». Очевидно, что при такой трактовке исключительно важное, если не решающее, значение приобретает изучение именно XIV—XVI столетий, когда происходило постепенное установление политических границ между Московской Русью и Польско-Литовским государством. Фальсификаторская сущность построений реакционных историков выражается, в частности, в их попытке выдать существовавшие в определенной международной обстановке временные политические границы

⁶ По мнению этих буржуазных историков, раннефеодальное восточнославянское государство с центром в Киеве было вызвано к жизни не всем ходом внутреннего развития страны, а деятельностью энергичных князей-норманнов. Вся последующая история восточного славянства связывается ими либо с решающим воздействием Орды, Крыма, Турции, либо с определяющим влиянием различных политических сил Западной Европы.

на своего рода «кигайскую стену», отделявшую «европейскую цивилизацию» от «азиатского варварства», а население, жившее по обе стороны этой «стены», изобразить замкнутыми в себе народами, не только чуждыми друг другу этнически и культурно, но и находящимися в постоянной вражде. При этом фальсификаторы считают сложившиеся в XIV—XVI вв. политические границы такими «исконными» рубежами, которые якобы были определяющими для этнической карты Восточной Европы задолго до XIV в. и, разумеется, после XVI в. Подобное утверждение призвано доказать извечность коренных отличий украинцев и белорусов от «москалей», законсервировать эти отличия, не допустить сближения братски родственных народов в дальнейшем.

Так для «обоснования» «необходимости» будущего полного политического «расщепления» Восточной Европы бесцеремонно искажается прошлое этой части европейского континента. Однако попытки таким образом фальсифицировать картину исторического развития восточного славянства, стремление во что бы то ни стало доказать извечность коренного этнического и культурного отличия украинцев и белорусов от «москалей» наталкиваются на ряд препятствий. Одним из них, в частности, является факт существования образовавшейся в процессе становления раннефеодального древнерусского государства единой древнерусской народности, на основе которой значительно позднее в силу определенных исторических причин сформировались родственные друг другу украинская, белорусская и великорусская народности. Это препятствие современные буржуазные историки пытаются различными путями обойти. Одни из них готовы даже отказаться от противопоставления Киевской Руси Западной Европе, чтобы потом утверждать, будто история Киевской Руси является предысторией лишь одной «связанной» с Европой Украины. Другие доказывают, что Киевская Русь была лишь своеобразным коридором, пропустившим через себя многие народы и этнические группы, среди которых наибольшим влиянием пользовались норманны. Третьи выдвигают концепцию, согласно которой якобы варяжский термин «Русь» был лишь политическим прикрытием реального существования украинцев, белорусов и «москалей» уже в IX—XII вв.

Перечисленные фальсификаторские приемы призваны лишить братские украинский, белорусский и русский народы общей исторической колыбели и вместе с тем облегчить искажение последующей истории народов Восточной Европы. Реакционные историки стремятся «логически» доказать, что закономерный процесс становления национального государ-

ства, политика собирания русских земель вокруг Москвы, программа воссоединения украинского, белорусского и русского народов в едином централизованном государстве не что иное, как проявление «традиционного московско-азиатского империализма» (Галецкий, Бачковский), они объявляют захватом, агрессией Москвы всенародный акт воссоединения Украины с Россией 1654 г. В то же время наступательную политику Ватикана, Ордена, феодальной Польши, осуществлявшуюся в различных формах на восточнославянских землях в XIII—XVII вв., они склонны трактовать в плане концепций «интеграции Европы»⁷. Так, современные фальсификаторы стараются навязать народам Восточной Европы искаженное представление об их прошлом, по существу воскрешают созданную еще в середине XIX и модифицированную в начале XX в. глубоко антинаучную концепцию Духинского⁸, которую в ходе двух мировых войн пытались претворить в жизнь с помощью Германии Шептицкий и ему подобные.

Разумеется, марксистская наука не может пассивно относиться к яркой фальсификаторской деятельности реакционных историков Запада. В последнее время ученые-марксисты СССР и Польской Народной Республики вели успешную работу в области изучения политической истории Восточной Европы. Труды советских и польских историков послевоенных лет знаменуют собой принципиально новый этап в изучении политического развития восточноевропейских стран, основанный на марксистско-ленинском осмыслении всего исторического процесса и, в частности, таких его проблем, как образо-

⁷ Подлинная сущность этих концепций «приобщения» русских земель к западной «цивилизации» раскрывается самими реакционными идеологами. Так, совсем недавно босвой орган западногерманских реваншистов и фальсификаторов истории цинично писал: «Единственное, что Советский Союз может предложить Западной Европе в обмен на ее традиции, свободу и культуру, — это жизненное пространство» («Zeitschrift für Geopolitik», 1953, № 3, S. 183).

⁸ Разница между построениями Духинского и концепциями продолжателей его дела Грушевского, Дорошенко, Мирчука и др. состоит лишь в том, что первый «москалям-турано-монголам» противопоставлял украинцев и белорусов в качестве поляков, а вторые противопоставляли их «москалям-азиатам» то как народы, тесно «связанные» с «германским культурным кругом» (это доказывали до 1945 г. Дорошенко, Мирчук, Смаль-Стоцкий, Яковлев и др.), то в качестве «примыкающих» к «западно-европейской цивилизации» (данная концепция выдвигается теперь тем же Мирчуком и его единомышленниками — украинскими буржуазными националистами, а также польским эмигрантом Галецким, который пытается сейчас возрождать схему Духинского почти в первоизданном ее виде). «Достоинства» этих «теорий» стали особенно очевидными в ходе Отечественной войны 1941—1945 гг. всем народам нашей страны, но прежде всего украинцам и белорусам.

вание раннефеодальных государств, становление национальных и многонациональных государств, пути развития отдельных народностей, классовая политика феодальных государств и т. д.

Новая трактовка политической истории восточноевропейских стран получила отражение в таких обобщающих трудах, как многотомные «Очерки истории СССР периода феодализма», коллективные труды по истории Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, Татарии, как большие сводные работы по истории Польши советских и польских авторов.

Важное значение имела и монографическая разработка отдельных периодов политического развития Восточной Европы. Много нового и ценного дали науке исследования по истории древней Руси М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, Д. С. Лихачева, П. Н. Третьякова и др. Интересными и важными для раскрытия тех или иных сторон политической жизни Восточной Европы XIII—XVI вв. явились хорошо известные труды В. И. Пичеты, М. Н. Тихомирова, А. Н. Насонова, А. Ю. Якубовского, Д. С. Лихачева, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто, К. В. Базилевича, В. В. Мавродина, Р. Ю. Виппера, И. И. Смирнова, С. В. Бахрушина, А. А. Новосельского, В. И. Шункова, Е. А. Кушевой, К. Н. Сербиной, Н. А. Смирнова, Г. А. Новицкого, В. Д. Королюка, А. А. Зимина, Я. С. Лурье, А. И. Клибанова, С. О. Шмидта, И. У. Будовнича, В. Н. Бернадского, А. К. Касименко, В. Л. Голобуцкого, Ф. Г. Шевченко, К. Г. Гуслистого, Д. Л. Похилевича, Л. А. Дербова, А. П. Пьянкова, Л. С. Абецедарского, Я. Я. Зутиса, Х. Х. Крууса, Ю. И. Жюгжды, Ю. Юргениса, М. Г. Сафаргалиева, Х. Г. Гимади, Е. М. Русева, Н. А. Мохова и др.⁹

Для правильной ориентации в проблемах феодальной истории Восточной Европы имеют важное значение и работы всеобщих историков: Е. А. Косминского, выступившего с критикой реакционной историософии А. Тойнби, С. Д. Сказкина, занимавшегося историей реформации и контрреформации, М. М. Шейнмана, автора ряда работ по истории Ватикана, и И. М. Майского, давшего научную, объективную оценку роли империи Чингисхана в истории народов Азии начала XIII в.

Вооруженная самой передовой методологией, имеющая в

⁹ Монографическая разработка некоторых проблем политической истории Восточной Европы ведется также в Польской Народной Республике (А. Гейштор, Ю. Бардах, Г. Ловмянский, Ст. Кучинский, Ст. Арнольд, К. Лепший, З. Вуйчик и др.), Болгарской Народной Республике (А. Бурмов, В. Николаев, И. Сиегаров и др.), Германской Демократической Республике (Э. Винтер, Г. Гейден и др.) и в других странах социализма.

своём распоряжении значительный фактический материал как новый, так и старый, переосмысленный с позиций исторического материализма, советская историческая наука ведет систематическую борьбу против реакционных теорий буржуазных исследователей, противопоставляет их фальсификаторским построениям свое научно обоснованное понимание истории народов Восточной Европы.

Прослеживая как общие закономерности, так и своеобразие их исторического развития, советские историки, естественно, сосредоточивают свое внимание не столько на том второстепенном, что разъединяет эти народы, сколько на том главном, что их объединяет. Выявляя различия и особенности исторической жизни каждого народа, советские исследователи далеки от того, чтобы превращать эти особенности в непреодолимое препятствие для дальнейшего сближения народов, чтобы фетишизировать различия и консервировать их для будущего. Программой деятельности советских историков в этой области являются решения XXII съезда КПСС, известные положения, сформулированные Н. С. Хрущевым в его докладе на съезде. «Встречаются, конечно, и такие люди, которые сетуют по поводу того, что стираются национальные различия. Мы им отвечаем: коммунисты не будут консервировать и увековечивать национальные различия. Мы будем поддерживать объективный процесс все более тесного сближения наций и народностей, происходящий в условиях коммунистического строительства на базе добровольности и демократизма»¹⁰.

Выдвинутая партией важная задача требует от советских историков внести свой вклад в дело выработки правильного понимания исторических процессов далекого прошлого, а вместе с тем сделать еще более очевидными основные тенденции развития народов нашей страны в более близкую нам эпоху. С этой точки зрения политическая жизнь восточноевропейских стран XIV—XVI вв. представляется интересной и важной. Хотя для изучения данного периода сделано уже многое, тем не менее существующие работы либо в силу ограниченности хронологических рамок, либо вследствие особой специфики не ставят задачи развернутого анализа международной жизни Восточной Европы XIV—XVI вв., показа *политического взаимодействия* восточноевропейских государств в этот период.

Поэтому предлагаемая вниманию читателя попытка синтеза политических взаимоотношений восточноевропейских стран XIV—XVI вв., опирающаяся на достаточно широкую базу источников и литературы, представляется вполне правомерной.

¹⁰ «Правда», 19.X 1961.

ЗОЛОТАЯ ОРДА И СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ в XIV в.

1. Несколько вводных замечаний

История феодальной Европы XIV—XVI столетий — это время преодоления политической раздробленности во многих странах, эпоха образования централизованных национальных государств. Значение этих процессов в историческом развитии было отмечено Ф. Энгельсом: «...Тенденция к созданию национальных государств, — писал он, — ...является одним из существеннейших рычагов прогресса в средние века»¹.

В известной мере эти явления были характерны и для славянских стран Восточной Европы. Именно в конце XIII и в XIV в. Польша стала на путь создания единого национального государства с определенными элементами политической централизации². Подобные процессы происходили также на тех обширных территориях Восточной Европы, где в свое время сформировалась древнерусская народность. Становление Русского централизованного государства завершилось, как известно, в конце XV в., когда Иван III не только добился объединения значительной национальной территории (присоединив Новгород и Тверь), но и осуществил ряд важных внутривластных мероприятий в стране³.

Это было итогом длительного и сложного развития Северо-

¹ Ф. Энгельс, *О разложении феодализма и развитии буржуазии*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 444.

² «История Польши», т. I, М., 1954, стр. 96—106; «Historia Polski», t. I, cz. I, Warszawa, 1957, str. 420—428, 536—554; I. Baszkiewicz, *Powstanie zjednoczonego państwa polskiego na przełomie XIII i XV wieku*, Warszawa, 1954; J. Bardach, *Historia państwa i prawa Polski*, t. I, Warszawa, 1957, str. 366—370.

³ А. Е. Пресняков, *Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий*, Пг., 1918, стр. 408—458; М. Н. Тихомиров, *Древняя Москва*, М., 1957; В. В. Мавродин, *Образование единого русского государства*, Л., 1951, стр. 31—67; Л. В. Черепнин, *Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв.*, М., 1960.

ро-Восточной Руси. Начало его следует искать еще в период феодальной раздробленности. Происходившее в это время интенсивное экономическое и политическое развитие отдельных земель и княжеств создавало предпосылки для консолидации их в более или менее крупные объединения. Таким образом, наряду с центробежной тенденцией возникала тенденция центростремительная, обусловленная соответствующим этапом развития феодальной формации, всем ходом внутренней социально-экономической и политической жизни страны.

Закономерность данного процесса подтверждается одновременным распространением его на всей территории Руси. Показательно, что первые конкретные шаги на пути концентрации русских земель были сделаны как в Северо-Восточной, так и в Юго-Западной Руси довольно рано, задолго до вторжения татаро-монгол в Восточную Европу⁴. Симптомы объединительных стремлений можно видеть уже в политике владимирских князей Андрея Боголюбского (1157—1174) и Всеволода Большое Гнездо (1176—1212)⁵, а также галицко-волынского князя Романа Мстиславича (1172—1205), фигурировавшего в источниках в качестве «короля Руси» и «самодержца»⁶. Характерно, что русские князья в XII—начале XIII в. все еще руководствовались, видимо, политической традицией целостной Руси X—XI вв. Так, Андрей Боголюбский и Всеволод занимали прочные политические позиции не только в Северо-Восточной Руси, но и в Переяславле Южном, постоянно контролируя деятельность переяславских князей Владимира Глебовича (1157—1186) и Ярослава Мстиславича (1187—1200). В 1202 г. Всеволод посадил князем в Переяславль своего сына Ярослава⁷. В то же время и южнорусские князья, опираясь на свои владения в Галицко-Волынской Руси, стремились не только упрочить позиции в Киеве, Чернигове

⁴ В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин, *О периодизации истории России эпохи феодализма*, — «Вопросы истории», М., 1951, № 2.

⁵ А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 29—41 и сл.; В. В. Мавродин, *Образование...*, стр. 48—68; А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, М. — Л., 1940, стр. 6, 39; «Очерки истории СССР. IX—XV вв.», ч. I, М., 1953, стр. 327—334.

⁶ В. Т. Пашуто, *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*, М., 1950, стр. 18—30 и сл.; «Полное собрание русских летописей», т. 2, СПб., 1843, стр. 716 (далее — ПСРЛ).

⁷ М. Д. Приселков, *История русского летописания XI—XV вв.*, Л., 1940, стр. 68—69, 80, 84. — Характерно, что важная политическая роль Всеволода в жизни русских земель была отмечена более поздними летописцами. Так, сообщая о зайятии Иваном Калитой великокняжеского стола, Новгородская летопись писала, что он получил «княжение великое надо всею Русью землею, яко же и праотец его великий Всеволод Дмитрий Юрьевич» («Новгородская I летопись», М., 1950, стр. 469).

и других центрах Поднепровья, но и претендовали на руководящую роль в политической жизни всех русских земель. Так, летописный свод 1246 г. «настойчиво подчеркивал мысль об «отчинном» праве князя Даниила Романовича не только на Волынь и Галичину, но и на первенство в Киевщине и всей Руси»⁸.

Наметившаяся еще до появления татаро-монгол тенденция объединения отдельных русских территорий получила весьма своеобразное отражение в развитии летописания; в летописях XII — начала XIII в. общерусские проблемы продолжали занимать весьма видное место, хотя, разумеется, в условиях установившейся феодальной раздробленности интерес летописцев к локальным событиям отдельных русских земель был заметным. В 1177 и 1212 гг. во Владимире-на-Клязьме были созданы особые летописные своды, использовавшие епископскую и княжескую летопись Переяславля Южного, которые стремились доказать, что объединение северных и южных княжеств Руси должно сохраняться и в будущем и что речь идет лишь о перемещении политического центра этого объединения из Киева во Владимир⁹. Показательно, что летописцы в Киеве (великокняжеский свод 1200 г.¹⁰ или предполагаемый свод 1238 г.¹¹) и Галицко-Волынском княжестве (остатки этого весьма сложного по составу летописного памятника сохранились, как известно, в Ипатьевской летописи¹²) не только широко использовали тексты друг друга, но и привлекали хроникальный материал Владимиро-Суздальской Руси¹³, одновременно предоставляя свои записи для составления Новгородской летописи¹⁴.

С середины XIII в. развитие Руси, как известно, протекало в крайне сложной международной обстановке, в условиях усилившегося натиска феодальных сил Западной Европы, установления татаро-монгольского ига, которое, по словам К. Маркса, не только подавляло, но и «оскорбляло, растлеvalo и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой»¹⁵.

⁸ В. Т. Пашуто, *Очерки...*, стр. 9, 19, 30, 191—193.

⁹ М. Д. Приселков, *История...*, стр. 72, 82—87; Д. С. Лихачев, *Русские летописи*, М. — Л., 1947, стр. 270—271, 279.

¹⁰ М. Д. Приселков, *История...*, стр. 52—54.

¹¹ В. Т. Пашуто, *Очерки...*, стр. 17, 21—67.

¹² Там же, стр. 17, 67, 90—92, 101, 109, 129.

¹³ М. Д. Приселков, *История...*, стр. 47, 59, 93; Д. С. Лихачев, *Русские летописи*, стр. 432—433; В. Т. Пашуто, *Очерки...*, стр. 90.

¹⁴ М. Д. Приселков, *История...*, стр. 55; В. Т. Пашуто, *Очерки...*, стр. 22; Д. С. Лихачев, *Галицкая литературная традиция в «Житии Александра Невского»*, — «Труды отдела древнерусской литературы», т. V, Л., 1947, стр. 36—56 (далее — ТОДРЛ).

¹⁵ К. Marx, *Secret Diplomatic History of Eighteenth Century*, London, 1899, p. 78.

Появление в 20—40-х годах XIII в. татаро-монгольских завоевателей на русских землях привело к их разорению. Подавив военное сопротивление раздробленной Руси, осуществив ряд административно-политических мероприятий, захватчики обеспечили себе тем самым условия длительного господства.

Распространив свою власть на обширные русские территории, золотоордынские ханы замедлили развитие Руси, но не смогли все же изменить основ ее социальной, политической и религиозной жизни, оказались не в состоянии сломить важные процессы, наметившиеся еще в предшествующую эпоху и продолжавшиеся, правда в замедленном темпе, и после их прихода.

Сделать это не удалось и феодальным силам Западной Европы, осуществлявшим наступление на восток под эгидой римской курии¹⁶. Известно, что римский престол пытался также поставить на службу своим интересам галицкого князя Даниила¹⁷ и литовского князя Миндовга¹⁸.

Во второй половине XIII — первой половине XIV в. различные объединительные центры Северо-Восточной, Южной и Западной Руси не только продолжали существовать, но и постепенно накапливали силы.

На территории Северо-Восточной Руси, на землях великого владимирского княжения уже в конце XIII — начале XIV в. возникли два крупных очага централизации — Москва и Тверь. Известно, что в ходе напряженной политической борьбы этих княжеств друг с другом¹⁹ на основе определенных социально-экономических сдвигов уже в середине XIV в. главенствующее положение заняла Москва²⁰.

¹⁶ «Очерки истории СССР. IX—XV вв.», ч. I, стр. 863—866.

¹⁷ В. Т. Пашуто, *Очерки...*, стр. 241, 247, 250—259; E. Winter, *Rußland und Papsttum*, Berlin, 1960, S. 105—106.

¹⁸ В. Т. Пашуто, *Образование Литовского государства*, М., 1959, стр. 379; E. Winter, *Rußland...*, S. 106—111.

¹⁹ В. С. Борзаковский, *История Тверского княжества*, СПб., 1876; А. Н. Насонов, *Летописные памятники Тверского княжества*, — «Известия АН СССР», 1930, № 9, 10; Я. С. Лурье, *Роль Твери в создании русского централизованного государства*, — «Ученые записки ЛГУ», 1939, № 4.

²⁰ Экономические и политические причины этого явления, как и отдельные этапы борьбы московских князей за доминирующее положение в Северо-Восточной Руси, достаточно полно освещены в исторической литературе. См.: А. Е. Пресняков, *Образование...*; М. Н. Тихомиров, *Древняя Москва*; В. В. Мавродин, *Образование...*; А. Н. Насонов, «Русская земля» и образование территории древнерусского государства, М., 1952; Л. В. Черепнин, *Образование...* По этому вопросу в 1946 г. происходила дискуссия, получившая отражение на страницах журнала «Вопросы истории».

Одновременно с возвышением Москвы шел процесс объединения русских земель на юге, в частности в Галицко-Волынском княжестве. Максимальных успехов это объединение достигло, как известно, при Данииле Романовиче (1238—1264), который, хотя и подчинился после некоторых колебаний власти татарских ханов, тем не менее продолжал политику собирания русских земель вокруг Галича²¹, ведя борьбу с боярством и активно отстаивая Галицкую Русь от посягательств со стороны Венгрии, Польши и других соседей. Значение Галицко-Волынской земли как очага политической централизации южнорусских земель сохранялось и при преемниках Даниила — Василии Романовиче (1264—1271) и Льве Даниловиче (1272—1301)²², Болеславе-Юрии II (1322—1340)²³ и др.

Если на юге и северо-востоке Руси объединительную политику возглавили русские князья, то на западе она была связана со становлением раннефеодального Литовского государства, по-видимому, совпавшим по времени с процессом консолидации мелких западнорусских княжеств в более крупные объединения. Международное и внутривнутриполитическое положение западнорусских и литовских земель часто ставило перед ними общие задачи. В результате происходило сближение, в ходе которого сначала литовские князья выступали вассалами русских княжеств, а потом русские князья становились вассалами Литвы²⁴. «Здание первой литовской государственности было построено на русской (исторически и этнографически русской) территории, — подчеркивал А. Е. Пресняков, — ее первым центром был русский Новгородок»²⁵.

²¹ В. Т. Пашуто, *Очерки...*, стр. 277—287; М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. III, Львів, 1905, стр. 287—288 и др.; А. Е. Пресняков, *Лекции по русской истории*, т. II, М., 1939, стр. 22—44.

²² В. Т. Пашуто, *Очерки...*, стр. 289—302. — Определенная идеализация этого периода в истории Галицко-Волынской Руси присутствует в трудах представителей «школы» украинских буржуазных националистов. Так, не признавая существования закономерностей в развитии общества вообще, Грушевский, Томашевский, Дорошенко и др. не желали видеть в факте объединения Галицко-Волынской земли одно из проявлений тенденции консолидации русских территорий, считали это событие неповторимым явлением только «украинской» истории (М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. III, стр. 41, 82; С. Томашевський, *Українська історія*, Львів, 1919, стр. 99—107; Д. Дорошенко, *Нарис історії України*, т. I, Варшава, 1932, стр. 80).

²³ См. сб. «Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси», СПб., 1907. См. также статью А. В. Соловьева («Вопросы истории», 1947, № 7, стр. 29).

²⁴ В. Т. Пашуто, *Образование...*, стр. 393.

²⁵ А. Е. Пресняков, *Лекции...*, т. II, стр. 53.

В процессе создания Литовско-Русского государства были случаи как прямой вооруженной экспансии литовских феодалов на русские земли²⁶, так и «мирного» подчинения русских княжеств литовским князьям²⁷. Успех объединительной политики Миндовга (1215—1268), Витеня (90-е годы XIII в.—1316) и Гедимины (1316—1341) в значительной степени объясняется наличием в самих западнорусских землях определенных тенденций к объединению. Практика сохранения автономных русских княжеств в составе Литовского государства²⁸ способствовала быстрому росту этого нового государственного образования.

Хотя представить процесс создания Литовско-Русского государства весьма трудно из-за отсутствия достаточного количества источников²⁹, тем не менее результат его говорит сам за себя: уже в конце XIII—начале XIV в. в состав Литовского государства входили Турово-Пинское, Витебское, Минское княжества, кроме того, литовские князья пытались распространить свое влияние на Псков, Смоленск, Тверь, Киев и Волынь³⁰. «Факты эти существенны, свидетельствуя о сознательном вступлении литовских князей на путь собирания русских земель»³¹, — подчеркивал один из крупных исследователей этой эпохи А. Е. Пресняков.

Таким образом, закономерный процесс консолидации русских территорий в конце XIII—XIV в. оказался связанным в первую очередь с Московским, Литовским и Галицко-Волынским княжествами. Правда, он протекал и на других русских землях, но менее эффективно и, по-видимому, более завуалированно. Можно предполагать, что аналогичные симптомы

²⁶ В. Т. Пашуто, *Образование...*, стр. 378, 380, 382; А. Е. Пресняков, *Лекции...*, т. II, стр. 46.

²⁷ В. Т. Пашуто, *Образование...*, стр. 70—72, 76—77, 373—376, 392; А. Е. Пресняков, *Лекции...*, т. II, стр. 53—56. См. также рецензию Х. А. Моора на работу Пашуто («Вопросы истории», 1961, № 9).

²⁸ В. Т. Пашуто, *Образование...*, стр. 392. — Есть прямые указания на то, что в Литовском государстве первое время сохранялись местные княжеские династии. Например, минский князь Василий ездил в Новгород послом от Литвы в 1325 г. («Новгородская I летопись», стр. 98, 341; А. Е. Пресняков, *Лекции...*, т. II, стр. 56; В. Т. Пашуто, *Образование...*, стр. 392). Есть основания предполагать, что в эту делегацию входил также смоленский князь Федор Святославич. Сохранение автономии русских земель в составе Великого княжества Литовского подтверждается последующей практикой раздачи их как отдельных княжений (земли-аннексы) сыновьям Ольгерда и Кейстута (L. Kołankowski, *Dzieje Wielkiego księstwa Litewskiego za Jagiellonów*, t. I, Warszawa, 1930, стр. 13).

²⁹ В. Т. Пашуто, *Образование...*, стр. 9—161.

³⁰ А. Е. Пресняков, *Лекции...*, т. II, стр. 56; В. Т. Пашуто, *Образование...*, стр. 393—394.

³¹ А. Е. Пресняков, *Лекции...*, т. II, стр. 58.

давали себя знать в политической жизни Чернигово-Северского³², Смоленского³³, Тверского³⁴ и других княжеств. В конце концов и огромная по своим размерам Новгородская боярская республика олицетворяла тенденцию собирания русских земель вокруг единого центра, собирания, протекавшего, как известно, без участия сильной княжеской власти и потому исторически себя не оправдавшего. Несомненно, однако, что среди ряда тогдашних очагов концентрации русских земель наиболее крупными и определяющими характер процесса в целом являлись три названных выше объединения. Любопытно, что именно они стали самостоятельными центрами летописания³⁵, именно в них почти одновременно возникли самостоятельные церковные иерархии: одна во Владимире-на-Клязьме³⁶, другая в Галиче (существовала с перерывом с 1302 по 1347 г.)³⁷, третья в городе Черной Руси — Новгороде³⁸.

Параллельное созревание очагов централизации приводило к тому, что каждое крупное княжество стремилось обосновать свой приоритет во всей русской земле и создать реальные предпосылки для распространения влияния на все русские территории. Об этом говорила и практика политических контактов между княжествами, осуществлявшаяся в XIII—XIV вв. (в частности, заключавшиеся с определенными политическими целями многочисленные браки московских, твер-

³² М. С. Грушевский, *Исторія України-Русі*, т. III, стр. 175—178; В. Т. Пашуто, *Очерки...*, стр. 60; А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 25—27.

³³ П. В. Голубовский, *История Смоленской земли до начала XV столетия*, Киев, 1895, стр. 301—307; В. Т. Пашуто, *Очерки...*, стр. 23—26; В. Т. Пашуто, *Образование...*, стр. 392.

³⁴ В. С. Борзаковский, *История...*, стр. 93—123; А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.*, т. II, СПб., 1891, стр. 444—559.

³⁵ В. Т. Пашуто, *Очерки...*, стр. 17—134; М. Д. Приселков, *История...*, стр. 57—127. — Гипотеза В. Т. Пашуто о возникновении литовско-русского летописания еще в XIII в. представляется весьма убедительной. Кажется обоснованным и предположение об использовании этой ранней литовской летописи, создавшейся как будто в Новгороде, летописцами Великого княжества Литовского в XV—XVI вв. (см.: В. Т. Пашуто, *Образование...*, стр. 37—43, 67—77; А. А. Шахматов, *Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.*, М. — Л., 1938, стр. 329—345).

³⁶ Е. Голубинский, *История русской церкви*, т. II, СПб., 1900, стр. 94.
³⁷ Там же, стр. 96, 125—130; К. Chodynicki, *Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska (1370—1632)*, Warszawa, 1934, str. 4, 5; Н. Тихомирин, *Галицкая митрополия*, СПб., 1896, стр. 26.

³⁸ К. Chodynicki, *Kościół...*, str. 3, 5, 11; В. Т. Пашуто, *Образование...*, стр. 390; А. Е. Пресняков, *Лекции...*, т. II, стр. 59; Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 129.

ских, литовских, галицко-волинских княжеских домов³⁹), и все усиливавшиеся общерусские тенденции в летописании⁴⁰. Если гипотеза А. А. Шахматова о существовании общерусского Владимирского свода начала XIV в., созданного якобы на митрополичьем дворе⁴¹, не получила широкого признания историков⁴², то никаких сомнений не вызывает появление в начале XIV в. аналогичных сводов в Твери⁴³, Галиче⁴⁴, в 1340 г. в Москве⁴⁵, а также создание в Москве «Летописца Великого Русского» (около 1389 г.)⁴⁶. В значительной степени на общерусской основе развивались и возникавшие в это время так называемые литовские летописи⁴⁷.

О стремлении каждого крупного княжества рассматривать себя в качестве ведущего центра всей русской земли свидетельствовала церковная политика князей Северо-Восточной, Южной и Западной Руси. Характерны попытки каждого князя превратить свою церковную организацию в общерусскую, поставить на пост митрополита всея Руси такого кандидата, который был бы способен, в силу своих «особых» индивидуальных качеств стать реальным главой всей русской церкви, обеспечить постоянное пребывание митрополита в своем княжестве. По-видимому, не случайной была практика при-

³⁹ См.: А. Е. Пресняков, *Образование...*; Л. В. Черепнин, *Образование...*; А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.*, т. I, СПб., 1889; т. II; А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*.

⁴⁰ См.: А. А. Шахматов, *Общерусские летописные своды XIV—XV вв.*, — «Журнал Министерства народного просвещения», 1900, № 9, 11; 1901, № 11; А. А. Шахматов, *Обозрение...*; М. Д. Приселков, *История...*; А. Н. Насонов, *О русском областном летописании*, — «Известия отделения истории и философии», т. II, 1945, № 4; Д. С. Лихачев, *Русские летописи*, стр. 268, 272, 280, 288; М. Н. Тихомиров, *Источниковедение истории СССР*, М., 1962, стр. 177—192.

⁴¹ А. А. Шахматов, *Обозрение...*, стр. 77, 91—92, 365—366.

⁴² А. Н. Насонов склонен признавать эту гипотезу (А. Н. Насонов, *«Русская земля»...*, стр. 48, 182), М. Д. Приселков (вслед за ним и Д. С. Лихачев) ее отвергает (см.: Д. С. Лихачев, *Русские летописи*, стр. 432, 470, 474). Тем не менее сам Приселков допускает наличие каких-то летописных записей при дворе митрополита Петра (М. Д. Приселков, *История...*, стр. 123, 126).

⁴³ Там же, стр. 106—113; А. Н. Насонов, *Летописные памятники...*, стр. 763—769; Я. С. Лурье, *Роль Твери...*, стр. 94, 97, 101.

⁴⁴ М. Д. Приселков указывает, что общерусским сводом южной редакции был свод князя Юрия Львовича (ум. в 1323 г.), явившийся основой Ипатьевской летописи (М. Д. Приселков, *История...*, стр. 57).

⁴⁵ Там же, стр. 124.

⁴⁶ Там же, стр. 124—128.

⁴⁷ А. А. Шахматов, *Обозрение...*, стр. 329—345, 369; М. Д. Приселков, *Летописание Западной Украины и Белоруссии*, — «Ученые записки ЛГУ», 1941, вып. 7, стр. 17—24; В. Т. Пашуто, *Образование...*, стр. 37—43, 70—72.

знания князьями Северо-Восточной Руси митрополитов южнорусского происхождения («южанами» были митрополиты Кирилл⁴⁸, Петр⁴⁹, Алексей⁵⁰) и выдвижения князьями Литовско-Русского государства митрополитов, ведущих свое происхождение из Северо-Восточной Руси (кандидат Ольгерда митрополит Роман был тверичанин⁵¹, кандидат Витовта и Свидригайло Герасим — «москвитин»⁵²). Характерно также, что конкурирующие между собой объединительные центры Руси очень часто мирились с пребыванием на высоком посту митрополита всяя Руси «нейтральных» кандидатов болгарского (Киприан)⁵³ или греческого (Максим⁵⁴, Феогност⁵⁵, Фотий⁵⁶) происхождения.

Постепенное становление нескольких очагов концентрации русских земель происходило на протяжении XIII—XIV вв. Борьба за первенство, возникшая между ними, и воздействие на эту борьбу ряда особых обстоятельств закономерно осложнили их дальнейшее политическое развитие.

Первоначально столкновения между ведущими объединительными центрами Руси протекали главным образом в чисто политической сфере. Занятые борьбой с ближайшими соседями

⁴⁸ «Троицкая летопись», Реконстр. М. Д. Приселкова под ред. К. Н. Сербиной, М.—Л., 1950, стр. 332; Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 53. — Митрополит Кирилл (1242—1281) был родом из Галицкой Руси (М. Д. Приселков, *История...*, стр. 57; А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 38—40).

⁴⁹ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 99—103. — Митрополит Петр (1308—1326) происходил из Галицко-Волынской Руси («Троицкая летопись», стр. 353).

⁵⁰ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 162. — Митрополит Алексей (1354—1378) был сыном черниговского боярина (П. М. Строев, *Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви*, СПб., 1877, стр. 654; ПСРЛ, т. 23, СПб., 1910, стр. 121). Симеоновская летопись возводит Алексея к литовским боярам: «беше родом боярин, славных и иарочитых бояр Литовских, от страны русских» (ПСРЛ, т. 18, СПб., 1913, стр. 120). Несмотря на эти прямые указания летописи, Приселков видит в Алексее только московского, а не литовско-русского боярина (М. Д. Приселков, *История...*, стр. 127).

⁵¹ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 185; K. Chodunicki, *Kościół...*, стр. 13—16; А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 295—296.

⁵² ПСРЛ, т. 17, СПб., 1907, стр. 417—420.

⁵³ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 297; А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак*, СПб., 1904, стр. 20; «Троицкая летопись», стр. 402.

⁵⁴ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 90—97; «Троицкая летопись», стр. 352; П. П. Соколов, *Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в.*, Киев, 1913, стр. 195—198.

⁵⁵ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 145—170; «Троицкая летопись», стр. 359; «Новгородская I летопись», стр. 346.

⁵⁶ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 357—413; ПСРЛ, т. 17, стр. 53—54.

ми, не имея общих границ, Московское, Галицко-Волынское и Литовское княжества почти не сталкивались друг с другом на поле брани⁵⁷ (исключением были отдельные столкновения галицко-волынских и литовских князей, происходившие на протяжении второй половины XIII и первой половины XIV в. при активном участии татар). Но если период до середины XIV в. характеризовался в основном скрытой политической борьбой за промежуточные «нейтральные» княжества (Киев, Смоленск, Тверь, Новгород, Псков), то после этого хронологического рубежа наступила эпоха открытых военных конфликтов сначала между Галицко-Волынской Русью и Литвой, потом между Литвой и Московской Русью.

Этот результат развития русских земель был подготовлен прежде всего самим ходом их социально-экономической и политической жизни. Однако, чтобы понять внутреннюю логику борьбы встречных тенденций развития (сначала в масштабах отдельных частей Руси, а потом в масштабах всей Восточной Европы), нужно одновременно иметь в виду наиболее важные аспекты золотоордынской политики, которая не только играла важную роль, но и отражала реальные политические процессы, протекавшие на территории Восточной Европы.

2. Золотая Орда и некоторые приемы ее политики в Восточной Европе до середины XIV в.

Период господства татаро-монгол над русскими землями неоднократно привлекал внимание исследователей. По этой проблеме собран большой материал, сделаны важные и интересные наблюдения, касающиеся, в частности, особенностей и значения восточноевропейской политики Золотой Орды⁵⁸.

Все историки согласны с тем, что Орда действительно играла большую роль в исторических судьбах Восточной Евро-

⁵⁷ А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья...*, т. I, стр. 86 и др. — Автор подчеркивает, что до середины XIV в. «политические отношения Москвы к Литве были только косвенные, по делам новгородским или псковским, и до крайности... не доходили» (там же, стр. 86).

⁵⁸ Восточноевропейская политика Золотой Орды была предметом специальных исследований таких старых русских историков, как И. Н. Березин, В. В. Вельяминов-Зернов, В. Г. Тизенгаузен, а также советских историков А. Н. Насонова, А. Ю. Якубовского, Б. Д. Грекова, В. В. Мавродина, Л. В. Черепнина, М. Г. Сафаргалиева, И. У. Будовица и др. На Западе в XIX—XX вв. ею занимались И. Хаммер-Пургшталь, Оссон, Б. Шпулер (B. Spuler, *Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland 1223—1502*, Leipzig, 1943).

пы, но характер этой роли раскрывался ими по-разному. Значительная часть исследователей склонна считать, что политические замыслы и расчеты золотоордынских ханов касались только Северо-Восточной Руси, что татары активно вмешивались лишь в дела Москвы, Твери, Рязани и Нижнего Новгорода. При этом одни видели в политике Орды только поощрение тенденции сепаратизма⁵⁹, а другие, особенно зарубежные историки, усматривали в ней поддержку объединительных стремлений и даже утверждали, что само образование Русского централизованного государства явилось будто бы результатом осуществления замыслов Золотой Орды. Такая трактовка позволяла им противопоставлять «азиатский» путь развития Московской Руси «европейскому» пути развития Великого княжества Литовского и Польши⁶⁰. Разумеется, советская наука не может согласиться с последними утверждениями. Тем не менее она не отрицает активной роли Орды в жизни Восточной Европы XIII—XV вв.

Хорошо известно, как утвердили господство над русскими землями татаро-монгольские завоеватели⁶¹. После ряда последовательных ударов в 1238—1240 гг.⁶² по Северо-Восточной и в 1258—1259 гг.⁶³ по Южной и Западной Руси, после серии мероприятий административно-политического порядка⁶⁴ тата-

⁵⁹ А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 8, 153 и др.; М. Г. Сафаргалиев, *Распад Золотой Орды*, Саранск, 1960, стр. 10.

⁶⁰ В той или иной форме подобные взгляды изложены в работах Б. Шпулера, О. Галецкого, Г. Пашкевича, Е. Лемберга, а также М. Т. Флоринского, Г. В. Вернадского и многих других. Критику их см. в работах И. И. Минца, Е. И. Дружининой, Л. В. Черепнина («Коммунист», 1954, № 11), Н. Я. Мерперта и В. Т. Пашуто («Вопросы истории», 1955, № 8), Л. В. Черепнина (*Образование...*, стр. 141—145), М. С. Восленского («История СССР», 1960, № 3), Л. В. Даниловой («Вопросы истории», 1961, № 3). См. также: «Критика буржуазных концепций истории России в период феодализма», М., 1962.

⁶¹ А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 9—49; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда и ее падение*, М., 1950, стр. 214—232; М. Г. Сафаргалиев, *Распад...*, стр. 51—52 и сл.

⁶² М. Г. Сафаргалиев, *Распад...*, стр. 21—23; «Очерки истории СССР. IX—XV вв.», ч. I, стр. 858—885; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 201—217.

⁶³ В. Т. Пашуто, *Образование...*, стр. 381—396; В. Т. Пашуто, *Очерки...*, стр. 282—284; J. Hammer-Purgstall, *Geschichte der Goldenen Horde im Kiptschak*, Pesth, 1840, S. 100—108; D. Wolff, *Geschichte der Mongolen oder Tataren*, Breslau, 1872, S. 136—158.

⁶⁴ Татаро-монгольские ханы провели перепись подвластного им населения (такие переписи производились уже в 1257 и 1273 гг.), обложили его данью (см. А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 12—22; А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 109; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 219—232), подчинили своему контролю деятельность почти всех русских князей, а также в известной мере и деятельность церкви (см. Е. Голубинский, *История...*, т. II; А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*;

про-монголы распространяли свою власть на огромное пространство. Представление о размерах потерянной русскими князьями территории дает «Слово о погибели Русской земли»: «Отселе до оугор и до ляхов до чахов от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы до немец от немец до корелы от корелы до оустьюга где тамо бяхоу тоимици погани и за дышючим морем от моря до болгарь от болгарь до боуртас от боуртас черемис от черемис до морьдвиги»⁶⁵.

Естественно, что сами размеры подвластной территории⁶⁶ уже во многом определяли характер политики Орды в Восточ-

И. У. Будовниц, *Общественно-политическая мысль Древней Руси*, М., 1960; М. Д. Приселков, *Ханские ярлыки русским митрополитам*, СПб., 1916). Хотя русские земли в рамках Золотоордынской империи занимали особое положение и «восточные источники не относили русских земель к владениям Улуса Джучи» (Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 61), тем не менее власть золотоордынских ханов в «русском улусе» была в XIII—XIV вв. достаточно сильной (М. Г. Сафаргалиев, *Распад...*, стр. 19, 27, 37). Арабский писатель Эль-Омари так характеризовал положение, сложившееся в Восточной Европе после прихода татаро-монгол: «У султана этого государства (речь идет о золотоордынском хане.—И. Г.) рати черкесов, русских и яссов... Они... не в силах сопротивляться султану... и потому [обходятся] с ним как подданные его, хотя у них и есть [свой] цари» (В. Г. Тизенгаузен, *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*, т. I, СПб., 1884, стр. 231).

⁶⁵ Н. Серебрянский, *Древнерусские княжеские жития. Тексты*, — «Чтения Общества истории и древностей российских», 1915, кн. 3, стр. 109.— Анализ этого памятника см. в работах: А. С. Орлов, *Древняя русская литература XI—XVI вв.*, Л., 1937, стр. 167; М. Н. Тихомиров, *Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли»*, — ТОДРЛ, т. VIII, Л., 1951; А. В. Соловьев, *Заметки к «Слову о погибели Русской земли»*, — ТОДРЛ, т. XV, М.—Л., 1958; А. В. Соловьев, *По поводу Рижского списка «Слова о погибели Русской земли»*, — ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960; Ю. К. Бегунов, *«Слово о погибели Русской земли»*, автореф. канд. дисс., Л., 1960, стр. 10—13.

⁶⁶ Иногда историки игнорируют тот факт, что Орда основывала свое «право» властвования над восточноевропейским пространством в XIV—XV вв. на факте захвата всех русских земель в границах древнерусского государства. А это означало, что золотоордынские ханы рассматривали и Владимиро-Московскую, и Галицкую, и Литовскую Русь как в одинаковой мере подвластные им территории. Концепция ордынских политиков была настолько широко распространенной в XIV в., что попала и в русскую летопись, а позднее оказалась использованной в таком произведении, как «Повесть о Мамаевом побоище». Так, характеризуя захватнические устремления Мамай, летописец писал: «Царь Батый пленил всю русскую землю и всеми странами, всеми ордами владел, так же Мамай мысляше во уме своем» (ПСРЛ, т. II, СПб., 1897, стр. 47). По словам «Повести о Мамаевом побоище», Мамай, готовясь к походу против Дмитрия, «начал испытывать от старых эллин, како Батый пленил Киев и Владимир и всю русскую землю» (С. К. Шамбинаго, *Повести о Мамаевом побоище. Тексты*, СПб., 1906, стр. 4). Эта концепция позднее проявилась в практике выдачи ханских ярлыков на обладание русскими землями не только московским, тверским и нижегородским, но и литовским, киевским

ной Европе, требуя применения разнообразных методов и приемов. Но основу осуществлявшегося золотоордынскими ханами сложного комплекса мероприятий составляло использование противоречий внутривосточной жизни Руси того времени.

Придя в Восточную Европу, татары застали здесь подготовленными всем ходом истории две закономерные тенденции развития феодальной Руси — центробежную и центростремительную. Понятно, что золотоордынских ханов интересовало не торжество той или иной тенденции, а создание максимально благоприятных условий для господства над русскими землями, для обеспечения львиной доли «национального дохода»

и другим князьям. Например, Тохтамыш в 1393 г. выдал ярлык на русские земли Ягайло (см.: И. Н. Березин, *Ханские ярлыки*, ч. I, Казань, 1850; А. Н. Самойлович, *Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыша*, Симферополь, 1927). В переговорах Тохтамыша с Витовтом подчеркивалось, что выдача ярлыков обосновывается историческим «правом» Золотой Орды на все русские земли (A. Prochaska, *Z Witoldowych dziejów. Układ Witolda z Tochtamyszem 1397*, — «Przegląd historyczny», t. 15, 1912, z. 3, str. 260; M. Żdan, *Stosunki litewsko-tatarskie za czasów Witolda*, — «Ateneum Wileńskie», rocznik VII, 1930, z. 3—4, str. 539). Подобная практика продолжалась в течение XV и даже XVI в. (М. С. Грушевский, *Історія України-Русі*, т. IV, Львів, 1907, стр. 85—87, 457—461; K. Pulaski, *Stosunki Polski z tatarszczyzną od połowy XV w.*, Kraków, 1881, № 90; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 256). Так, Улуг-Мухаммед выдал ярлык Свидригайло, потом Сигизмунду Кейстутовичу. На этот прецедент ссылался крымский хан Хаджи-Гирей при выдаче ярлыков Казимиру IV в 1461 г. (L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 309). Выдачу ярлыков практиковал Менгли-Гирей, а крымский хан Девлет-Гирей в 1570—1571 гг. просто объявил себя «царем и государем всея Руси» (Г. Штаден, *О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника*, М.—Л., 1925, стр. 115).

Наиболее хорошо сохранившимся и широко раскрывающим территориальные аппетиты татарских ханов является ярлык Менгли-Гирея. Содержавшиеся в тексте ссылки на практику Хаджи-Гирея, Нур-Девлета и отчасти Тохтамыша дают полное основание считать приведенный в нем перечень территорий традиционным. Перечень этот включал как города, находящиеся теперь на территории УССР (Киев, Владимир-Волинский, Брацлав, Черкассы, Чернигов и т. д.), так и города, расположенные на территории РСФСР (Курск, Мценск, Псков, Новгород Великий, Брянск, Оскол, Липецк, Любутск, Тула, Переяславль, Пронск, Козельск, Рязань, Смоленск и др.). Тем не менее, анализируя ярлык Менгли-Гирея, Грушевский пришел к несколько неожиданному выводу: «Мы имеем здесь достаточно полное перечисление украинских земель, которые входили в состав Великого княжества Литовского во времена Витовта» (М. С. Грушевский, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 87). С Грушевским можно согласиться только в том случае, если понимать термин «украинский» как обозначение окраинных территорий Великого княжества Литовского. Но если понимать этот термин в плане этническом (как его понимает и сам автор «Истории Украины-Руси»), то вывод Грушевского вызывает решительные возражения.

Руси в виде «выхода», «царева сбора» и т. д. Эта главная стратегическая задача Орды и определяла все тактические приемы ее политики. И эту задачу она решала путем умелого разжигания политической распри в стране, сталкивая силы централизации и децентрализации (противоречия «по вертикали»), поощряя борьбу между исторически сложившимися очагами консолидации в русских землях (противоречия «по горизонтали»). «Традиционной политикой татар, — писал К. Маркс, — было обуздывать одного русского князя при помощи другого, питать их раздоры, приводить их силы в равновесие и не позволять никому из них укрепляться»⁶⁷.

Такое понимание тактики и стратегии Золотой Орды подтверждается большим количеством фактов. Показательным было уже то, что золотоордынские ханы, установив свою власть над разоренной, политически раздробленной страной, все же сочли нужным сохранить два таких важных политических института общерусского значения, как великое княжение во Владимире⁶⁸ и митрополичья кафедра в Киеве⁶⁹. Использование Ордой института великого княжения в качестве инструмента татарской политики на Руси было отмечено К. Марксом: «Для того, чтобы поддержать рознь среди русских князей..., — писал он, — монголы восстановили достоинство великого княжения»⁷⁰. Совершенно естественно, что правители Орды, сохранив эти общерусские институты, позаботились, чтобы ни «великий князь владимирский», ни «митрополит всея Руси» не проявляли большой политической активности. Об этом свидетельствовали не только опустошенные резиденции великого князя (дотла сожженный Владимир)⁷¹ и митрополита (вконец разоренный Киев)⁷², но и весьма

⁶⁷ К. Marx, *Secret Diplomatic...*, p. 80.

⁶⁸ А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 27—94; А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 53, 58—59, 63; М. Г. Сафаргалиев, *Распад...*, стр. 37—38.

⁶⁹ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 53. — Об использовании золотоордынскими ханами центростремительных тенденций в развитии феодальной Руси свидетельствовала практика участия Орды в общерусских княжеских съездах. Так, съезды 1297 г. во Владимире, 1301 г. в Дмитрове, 1304 и 1311 гг. в Переяславле, 1360 г. в Костроме, нередко проходившие при непосредственном участии татарских послов, были связаны с теми или иными политическими мероприятиями правителей Орды («Троицкая летопись», стр. 347, 349, 351, 377 и др.; «Новгородская I летопись», стр. 351; А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 79—80).

⁷⁰ К. Marx, *Secret Diplomatic...*, p. 78.

⁷¹ А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 35, 39.

⁷² В. Т. Пашуто, *Очерки...*, стр. 221; А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 47. — Фактически политическая деятельность русской церкви была поставлена под контроль Орды уже при митрополите Кирилле (1249—

сложная судьба тех, кто занимал эти посты. Так, суздальский князь Ярослав Всеволодович получил в Орде ярлык на великое владимирское княжение уже в 1243 г.⁷³ Казалось, что признание его старейшим князем «в русском языке», разгром татарами Чернигово-Северского княжества, давнего антагониста владимирского княжения⁷⁴, — все это расчищало почву для активизации деятельности Ярослава. Тем не менее уже в 1246 г. он был вызван в Орду и там казнен.

А. Н. Насонов высказал предположение, что казнь Ярослава была вызвана разногласиями внутри правящих кругов Орды (двоевластием)⁷⁵. Той же причиной он объясняет и создание двух параллельных великих княжений — в Киеве, куда в 1249 г. был назначен Александр Ярославич (Невский)⁷⁶, и во Владимире, где почти одновременно был посажен брат его Андрей Ярославич⁷⁷. Это объяснение, однако, не кажется исчерпывающим. В 1249 г. внутривластная борьба в Орде затухала. Кроме того, при таком объяснении остается немотивированным факт совместной поездки Александра и Андрея в Монголию и почти одновременного получения ими ярлыков в одной и той же Каракорумской Орде. Все эти соображения позволяют думать, что параллельное создание двух великих княжений в Киеве и Владимире, по-видимому, являлось первым шагом на пути использования Ордой противоречий между крупными центрами объединения Руси (противоречия «по горизонтали»⁷⁸). В тот момент Галицкая земля еще не входила фактически в состав «русского улуса» Орды и в

1281). Роль контролирующей инстанции, видимо, первоначально выполняла созданная в 1261 г. сарайская епископия (Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 60; Макарий, *История русской церкви*, т. V, СПб., 1866, стр. 161; П. П. Соколов, *Русский архиепiscop*..., стр. 175, 190—192; А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 45, 48, 80). Позднее отношения русской церкви с Ордой получили дальнейшее развитие и оформлялись выдачей специальных ханских ярлыков митрополитам (Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 30—32, 61; М. Д. Приселков, *Ханские ярлыки...*, стр. 3; И. У. Будовниц, *Общественно-политическая мысль...*, стр. 324, 344).

⁷³ А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 26; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 219; М. Д. Приселков, *История...*, стр. 57.

⁷⁴ А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 27; В. Т. Пашуто, *Очерки...*, стр. 270; «Очерки истории СССР. IX—XV вв.», ч. I, стр. 862.

⁷⁵ А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 32. — Речь идет о борьбе между Волжской и Каракорумской ордами.

⁷⁶ «На Киев и на всю Русскую землю» (А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 32—33, 40).

⁷⁷ В. Т. Пашуто, *Очерки...*, стр. 271; «Очерки истории СССР. IX—XV вв.», ч. I, стр. 863.

⁷⁸ Показательно, что практика разделения русских княжеств на отдельные группы применялась как в эпоху двоевластия в Орде, например в 1282—1299 гг. и отчасти в 60—70-х годах XIV в. (см. А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 92—93), так и в период укрепления власти золото-

глазах ордынских политиков еще не могла служить реальным противовесом великому владимирскому княжению. Это обстоятельство, вероятно, и продиктовало золотоордынским ханам план создать два противопоставленных друг другу княжения на территории уже покоренной Руси, чтобы обеспечить власть над страной при помощи хорошо известных им политических приемов сталкивания⁷⁹. Осуществление такого плана предполагало как раз ослабление борьбы между ордами и согласование действий между ними⁸⁰.

Такое объяснение подтверждается и последовавшей вскоре ликвидацией одного из двух великих княжений, обусловленной возникновением новой политической обстановки в Восточной Европе. Когда в 1250 или 1251 г. Андрей Ярославич женился на дочери Даниила Галицкого⁸¹, когда тверской князь также оказался на стороне Даниила и перспектива превращения Галицко-Волынского княжества с помощью па-

ордынских ханов. На этот путь стал хан Узбек в 1328 г., когда отдал Новгород и Кострому московскому князю Ивану Даниловичу, а Владимир и Поволжье — суздальскому князю Александру Васильевичу (там же, стр. 96, 99). Так же действовал и хан Джанибек (1342—1357), когда в 1343 г. закрепил Нижний Новгород за суздальско-нижегородским князем Константином Васильевичем, а Москву и Владимир оставил Семену Ивановичу (ПСРЛ, т. 15, вып. 1, Пг., 1922, стр. 55).

⁷⁹ Не замечая некоторых особенностей ордынской политики на Руси, в частности намеренного сталкивания различных объединительных центров русской земли, М. Д. Приселков вынужден прибегать к несколько упрощенной трактовке факта одновременного создания двух великих княжений «всей Руси» в Киеве и Владимире в 1249 г. Признавая, с одной стороны, что «Киев всегда был распорядительным центром всего Киевского государства» (М. Д. Приселков, *История...*, стр. 56), М. Д. Приселков, с другой стороны, утверждал, что в результате совместной поездки Александра Ярославича Невского и Андрея Ярославича в Монголию один стал только князем Поднепровья, другой — междуречья Оки и Верхней Волги. «Совместною поездкою в Монголию, — писал М. Д. Приселков, — Андрей и Александр Ярославичи добились для Александра «Киева и всей Русской земли», понимая, очевидно, под последней Киевское, Черниговское и Переяславское княжества, т. к. Андрей в это же время получает титул великого князя Владимирского» (там же, стр. 57). Таким образом, М. Д. Приселков искусственно суживает значение термина «всей Руси», между тем как учет ордынской тактики сталкивания различных центров «всей Руси» позволяет трактовать этот термин в обычном для XII—XIII вв. понимании, в частности в том смысле, в котором его использовали автор «Слова о погибели Русской земли» и создатель «Слова о полку Игореве».

⁸⁰ Весьма характерно, что Батый, переправляя русских князей в Каракорум, оказал им хороший прием («Лаврентьевская летопись», СПб., 1897, стр. 448), а позже пропустил их обратно.

⁸¹ «Тое же зимы оженися князь Ярославич Андрей Даниловичю...» («Лаврентьевская летопись», стр. 449).

пы римского Иннокентия III в особое королевство начала определяться все более отчетливо⁸², тогда для ордынских политиков стала особенно очевидна нецелесообразность сохранения двух великих княжений на подвластной им русской территории. Необходимость ослабить чрезмерно усилившегося Даниила заставила Орду отказаться от расщепления великокняжеского престола и восстановить одно владимирское княжение, которое в 1252 г. было передано Александру Невскому⁸³.

Характерно, что, восстановив это княжение, Орда продолжала поощрять его общерусские притязания⁸⁴. Весьма показательно, что следующим шагом Орды было прямое выступление татарских войск против Галицко-Волынской земли: в 1254 г. в результате вторжения войск Бурундая князь Даниил превратился в вассала ханов⁸⁵. В этом новом качестве Галицкая Русь стала выполнять функцию противовеса сначала Владимирскому, а потом и Литовскому княжествам. С ее помощью золотоордынские ханы, верные тактике сталкивания отдельных объединительных центров, во второй половине XIII и начале XIV в. предприняли несколько походов на территории Литвы⁸⁶.

⁸² Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 85; А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 33—34; В. Т. Пашуто, *Очерки...*, стр. 239, 254, 259; А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 55—56.

⁸³ «Иде Олександр князь Новгородский Ярославич в Татары; и отпустиша и с честью великою, давшие ему старейшинство во всей братии его». «Того же лета приде Олександр князь великий ис Татар в град Володимерь, и усретоша и со крести у Золотых ворот митрополит и все угмени и граждане и посадиша и на столе отца его Ярослава» («Лаврентьевская летопись», стр. 443—450. См. также: «Ипатьевская летопись», СПб., 1871, стр. 541). Что касалось Андрея Ярославича, то вряд ли верно утверждать, что он стал на путь сближения с Даниилом Галицким, получив отставку от хана Менге, преемника хана Гаюка (А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 33). В действительности имело место обратное: женившись на дочери Даниила в 1250 г. и, естественно, сблизившись с набиравшим тогда силу Галицким княжеством, Андрей Ярославич тем самым стал на путь разрыва с Ордой и в 1252 г. должен был уступить место Александру Невскому. Летопись сохранила любопытную запись о бегстве Андрея в Швецию: «В то же лето (1252 г. — И. Г.) здума Андрей князь Ярославич с своими бояры бегати, нежели цесарем служити и побяже на неведому землю...» («Лаврентьевская летопись», стр. 449). Характерно, что здесь говорится о службе двум ханам одновременно.

⁸⁴ А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 34; В. Т. Пашуто, *Образование...*, стр. 372.

⁸⁵ В. Т. Пашуто, *Очерки...*, стр. 284.

⁸⁶ «Орда внимательно следила за политикой Литвы, — подчеркивает В. Т. Пашуто, — не только в Юго-Западной Руси, но и вообще в Восточной Европе. Так возникли татарские (при участии русских вассалов) походы на Литву в 1259, 1287, 1315 гг.» (В. Т. Пашуто, *Образование...*, стр. 396).

Приведенные эпизоды характеризуют методы татарской политики на Руси в XIII в., но методы эти широко применялись ордынскими правителями и в последующее время, в период единодержавного правления ханов Тохты (1290—1312) и Узбека (1312—1342)⁸⁷. Весьма показательной в этом смысле была политика Орды, осуществлявшаяся в первой половине XIV столетия в отношении тех княжеств, которые были объединены великим владимирским княжением.

Санкционировав существование великого княжения во Владимире, золотоордынские ханы умело разжигали борьбу князей Северо-Восточной Руси за обладание великокняжеским престолом. В конце XIII и первой половине XIV в. наблюдалась любопытная закономерность: владимирское княжение, как правило, получал тот княжеский дом, который в данный момент представлялся Орде менее могущественным и, следовательно, менее опасным. Как только обладатель владимирского стола слишком усиливался, Орда лишала его поддержки и вставала на сторону более слабого претендента, тем самым восстанавливая необходимое ей «равновесие» в системе княжеств Северо-Восточной Руси. Чтобы убедиться в наличии такой закономерности, достаточно проследить развитие отношений Москвы, Твери и Новгорода того времени в связи с основными этапами тогдашней политики Орды.

В начале XIV в. Тверское княжество оказалось политически самым мощным в Северо-Восточной Руси. Тверской князь Михаил Ярославич не только занял с помощью Орды владимирский престол в 1304—1305 гг., но и выступал в качестве «великого князя всея Руси»⁸⁸. Не удовлетворясь достигнутым, он стал добиваться подчинения своему влиянию Москвы и Новгорода, а также стремился контролировать деятельность митрополита всея Руси. Весьма существенным для политики Михаила было то обстоятельство, что он постоянно поддерживал контакт с литовскими князьями. Очень высокий пост тверского епископа занимал с 1289 г. владыка Андрей, прямой родственник литовских князей⁸⁹.

⁸⁷ А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 78—82; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 88—94; М. Г. Сафаргалиев, *Распад...*, стр. 63, 65, 101.

⁸⁸ А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 102—106, 109. — Так называл князя Михаила и греческий патриарх Нифонт [*«Русская историческая библиотека»*, т. VI, СПб., 1880, стр. 147 (далее — РИБ)].

⁸⁹ «Сий Андрей бяше родом литвин, сын Ерденов, литовского князя» (*«Троицкая летопись»*, стр. 344—345). Выдвинул тверской княгиней Ксению и ее сыном Михаилом, поставлен митрополитом Максимом.

Разумеется, осуществление претензий тверского князя наталкивалось на весьма энергичное сопротивление Москвы, Новгорода, а также в дальнейшем и митрополита всея Руси Петра.

В этой напряженной политической борьбе в роли своеобразного арбитра постоянно выступала Орда. Новгородская летопись писала под 1304 г.: «И сопростася два князя о великое княжение: Михаил Ярославич Тферской, Юрий Данилович Московский поидоша в Орду в споре и много бысть замятни Суздальской земли во всех градах». Как известно, Орда решила тогда спор в пользу тверского князя Михаила. Опираясь на этот успех, Михаил попытался наложить руку и на Новгород: «А в Новьгород въслаша Тферица наместники Михайловы силою, и не прияха Новгородцы»⁹⁰. Проявив настойчивость, Михаил добился своего и в 1307 г. стал князем Великого Новгорода.

Однако эти действия «великого князя всея Руси» встретили отрицательное отношение со стороны Орды, которая теперь постаралась вытеснить из Новгородской земли Михаила Ярославича с помощью другого претендента на Новгород — московского князя Юрия Даниловича. Чувствуя поддержку Москвы, новгородцы изгнали, видимо, в 1310—1311 гг. тверских наместников. Но тверской князь принял все меры, чтобы восстановить свое влияние на Волхове. Собрав войско против северного соседа («заратися князь Михаил к Новгороду»), он «занял Торжок, Бежицу»⁹¹ и организовал экономическую блокаду Новгородской республики («не пустя обилья в Новгород») ⁹². В результате Новгород снова капитулировал перед тверским князем. Поставленный еще в 1304 г. под влиянием Михаила новгородский епископ Давид посетил весной 1312 г. Тверь и заключил от имени Новгорода соответствующий договор: «И иде владыка Давыд во Тферь весне, в роспутье, и доконцаша мир и князь... наместники своя присла в Новгород»⁹³.

Но торжество тверского князя на Новгородской земле оказалось недолговечным. Уже в 1314 г. имел место открытый конфликт между Москвой и Тверью на почве борьбы за влияние в Новгороде: «приеха Федор Ржевский в Новгород от князя Юрия с Москвы и изыма наместники Михайловы, и держаша их во владычне дворе... Новгородцы со князем Фе-

⁹⁰ «Новгородская I летопись», стр. 332.

⁹¹ Там же, стр. 335.

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

дором поидоша на Волгу и выйде изо Тфери князь Дмитрий Михайлович и ста об ону страну Волъгы и тако стояша и до замороза, а Михаилу князю тогда сущу в Орде»⁹⁴.

Видимо, в 1314 г. дело разрешилось дипломатическим путем в пользу Москвы: «по сем dokonцаша мир с Дмитрием и оттоле послаша по князя Юрья на Москву по всей воле новгородской. Тое же зимы... приеха князь великий Юрьи в Новгород на стол с братом Афанасием и ради быша новгородцы своему хотению....» Но и победа московского князя в Новгороде оказалась не окончательной. В 1315 г. Юрий Данилович был «из Новгорода позван в Орду от цесаря... оставив в Новгороде брата своего Афанасия»⁹⁵. Когда московский князь направился в Орду, тверской князь был на пути из ордынской столицы в свое княжество. Показательно, что Михаила Ярославича сопровождали татарские войска («Того же лета поиде князь Михайло из Орды в Русь, ведъи съ собою татары, ока[я]нного Талтемира»⁹⁶), а это означало, что Михаил был намерен сделать новую попытку восстановить свою власть в Новгороде. Наместник московского князя в Новгороде Афанасий попытался оказать вооруженное сопротивление тверскому и татарскому войску, у Торжка «бысть сеча зла». Победителем в сражении оказался тверской князь; новгородское войско во главе с Афанасием отошло к Новгороду и заперлось в крепости. Подступив к Новгороду, Михаил Ярославич потребовал выдачи московского князя. После длительных препирательств новгородцы «по неволе выдаша его, а на собе dokonцаша 5 темь гривен серебра, dokonцаша мир и крест целоваша»⁹⁷.

Характерно, что после получения выкупа и приведения к присяге новгородского населения тверской князь осуществил в отношении новгородского боярства меры, на какие осмелился позднее только Иван III: он переселил видных новгородских бояр из Новгорода в Тверь⁹⁸. По-видимому, тверской князь чувствовал себя полным победителем: «и посла князь наместника свои в Новгород»⁹⁹. Но уже в 1316 г. положение резко

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же, стр. 336.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ «И по миру призва князь к собе князя Афанасия и бояры новгородскыя изыма ихъ и посла на Тьферь в таль, а останок людий, что есть в городе, нача продаяти, колико кого станеть, и снасть отъима у всех» («Новгородская I летопись», стр. 336).

⁹⁹ Там же, стр. 337.

изменилось: получая поддержку из Москвы, новгородцы снова восстали против господства князя Михаила. К ним присоединилось население всей Новгородской земли — ладожане, лужане, корела, ижора и т. д. Новгородцы стремились ликвидировать тайную агентуру тверского князя на своей земле: так, некто Игнат Беска был сброшен с моста в Волхов, поскольку он «перевет держаща к Михаилу», Данилко Писцов был убит каким-то холопом за переписку с Тверью и т. д.¹⁰⁰. Попытка епископа Давида достигнуть компромисса с князем Михаилом и вернуть новгородских бояр из тверского плена не увенчалась успехом. «Великий князь всея Руси», видимо, считал себя настолько сильным в то время, что отверг все предложения, шедшие со стороны Новгорода¹⁰¹.

Однако чрезмерное усиление тверского князя, разумеется, не могло нравиться правителям Золотой Орды. Именно тогда хан Узбек стал снова поддерживать московского князя против тверского. Под 1318 г. в Новгородской летописи сказано: «Того же лета выйде князь великий Юрьи из Орды с татары и со всею Низовскою землею и поиде к Тфери на князя Михаила»¹⁰².

Характерно, что, инспирировав поход московского князя на Тверь, представитель Орды Телебег настоял на том, чтобы Новгород сохранил нейтралитет в этой борьбе: «И прислав Телебегу и позва новгородцев и, они прихавше в Торжек, и доконцаша с князем Михаилом како не вступатися ни по одному»¹⁰³. Когда же московский князь без поддержки Новгорода проиграл сражение против тверского войска, Орда, видимо, снова санкционировала союз Юрия Данииловича с Новгородской республикой. Во всяком случае после поражения 1318 г. Юрий Даниилович бежит в Новгород, собирает там новгородско-псковское войско и снова идет на Тверь.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 93, 101. — Ведущее положение Твери в системе княжеств Северо-Восточной Руси подчеркивается, между прочим, и тем фактом, что именно тогда Тверь стала центром общерусского великокняжеского летописания. Так, следы общерусского тверского летописного свода 1305 г. мы видим в Лаврентьевской летописи, а фрагменты тверских сводов 1318 и 1327 гг. — в Тверском сборнике (ПСРЛ, т. 15, СПб., 1863), Рогожском летописце (ПСРЛ, т. 15, вып. 1), Симеоновской (ПСРЛ, т. 18) и Троицкой летописях (см.: А. Н. Насонов, *Летописные памятники...*, стр. 767—768; М. Д. Приселков, *История...*, стр. 106—113).

¹⁰² «Новгородская I летопись», стр. 338.

¹⁰³ Любопытно, что, поддерживая соперничество Москвы с Тверью в эти годы, Орда в то же время старалась не допустить упрочения в Новгороде как московского, так и тверского влияния.

Но до нового сражения дело не дошло. При явном содействии Орды между Москвой и Тверью был заключен мирный договор, одним из пунктов которого была обязательная поездка обоих князей в Орду. Как известно, для чрезмерно усилившегося тверского князя Михаила эта поездка кончилась кровавой расправой, для московского князя Юрия — предоставлением ему великого владимирского княжения (1318—1322)¹⁰⁴.

Все эти факты ясно показывают, что для Орды институт великого владимирского княжения был лишь одним из инструментов политики сталкивания князей друг с другом. Аналогичным образом обстоит дело и с другим институтом общерусского значения — русской церковной иерархией, в частности с такими ее важными звеньями, как кафедра митрополита всея Руси¹⁰⁵ и основанная в 1261 г.¹⁰⁶ сарайская епископия. Об этом свидетельствуют даже отдельные, наиболее показательные эпизоды русской церковной истории конца XIII — начала XIV в.

Одним из ярких примеров использования Ордой русской церковной иерархии в целях упрочения своей власти на Руси является комплекс событий, связанных с борьбой русских княжеств начала XIV в. за того или иного кандидата на пост митрополита всея Руси, борьбой, в которой самое деятельное участие принимали не только ордынская дипломатия, но и константинопольский патриарх¹⁰⁷.

Став в 1305 г. «великим князем всея Руси», тверской князь Михаил сразу же пожелал подчинить своему контролю и митрополичью кафедру, выдвинув своего кандидата Геронтия на должность, оказавшуюся в 1305 г., после смерти митрополи-

¹⁰⁴ «Новгородская I летопись», стр. 338.

¹⁰⁵ И. У. Будовниц, *Общественно-политическая мысль...*, стр. 324—344.

¹⁰⁶ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 61; А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 46—47, 79.

¹⁰⁷ Весьма характерно, что правители Орды в отношении русских земель нередко достигали известного взаимопонимания с Византийской империей и греческим патриархом (П. П. Соколов, *Русский архиепiscop...*, стр. 160—163, 187, 192, 348). Так, выдвинутый в 1242 г. русской церковью на пост митрополита Кирилл был не только поставлен греческим патриархом, но также получил особый ярлык на этот пост от золотоордынских ханов. То же самое происходило со многими митрополитами всея Руси в последующее время (см. М. Д. Приселков, *Ханские ярлыки...*). Ханские ярлыки дошли до нас частично в точных переводах, частично в переработке митрополичьей канцелярии. Наиболее известные публикации краткой и пространной редакции ярлыков находятся в приложении к книге М. Д. Приселкова, в «Сборнике памятников по истории церковного права» (вып. II, Пг., 1914, стр. 9—25). Краткое собрание ярлыков напечатано А. А. Зиминим в «Памятниках русского права» (т. III, М., 1955, стр. 463—471).

та Максима, вакантной¹⁰⁸. Однако константинопольский патриарх не поддержал настойчивых просьб Твери и поставил митрополитом всея Руси в 1308 г. галицкого кандидата игумена Петра, который вскоре был благосклонно принят в своей резиденции во Владимире¹⁰⁹. Весьма характерно, что и ордынский хан Тохта также не пожелал содействовать дальнейшему усилению Твери и 12 апреля 1308 г. выдал ярлык на митрополю игумену Петру¹¹⁰.

Не примирившись с таким оборотом дела, тверская дипломатия стала энергично противодействовать этому назначению, сначала чисто политическими средствами, а потом и религиозными. В 1308 г. тверской князь организовал поход на Москву¹¹¹, а в 1311 г. предпринял военно-политические акции против Владимира, тогдашней резиденции митрополита Петра. Действия князя Михаила были связаны с намерением получить от митрополита благословение на изгнание московского князя Юрия из Новгорода. Однако военная кампания 1311 г. не дала результатов¹¹². Тогда на сцену был выпущен тверской епископ Андрей, который во всеуслышание стал обвинять нового митрополита в симонии, т. е. поставлении иерархов русской церкви «по мзде»¹¹³. Обвинение такого характера должно было скомпрометировать Петра как в глазах константинопольского патриарха, так и в глазах иерархов русской церкви, а следовательно, лишить его поддержки и влияния. Но расчет Михаила не оправдался.

По согласованию с греческим патриархом, а также с ханом Золотой Орды Тохтой в 1311 г. в Переяславле был созван общерусский съезд князей и высшего духовенства.

¹⁰⁸ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 101.

¹⁰⁹ М. Д. Приселков, *История...*, стр. 123. — Троицкая летопись пишет под 1308 г.: «В лето 6816 поставлен бысть архиепископ Петр, митрополит всея Руси, и прииде из Царьграда и седе в Киеве». Под 1309 г. говорит: «Того же лета приеха ис Киева пресвященный Петр митрополит на Суждальскую землю» («Троицкая летопись», стр. 353; ПСРЛ, т. 18, стр. 87).

¹¹⁰ М. Д. Приселков, *Ханские ярлыки...*, стр. 70, 78, 86—87. — Текст ярлыка 1308 г. до нас не дошел, однако он был повторен в позднейших ярлыках («Памятники русского права», т. III, стр. 472).

¹¹¹ «Троицкая летопись», стр. 353; ПСРЛ, т. 18, стр. 87.

¹¹² «В лето 6819 князь Дмитрий Михайлович Тверской, собрав вой много, и хоте ити ратью к Новгороду на князя на Юрия, и не благослови его Петр митрополит столем въ Володимири, он же стоявъ Володимири А. иже и рать распусти и възвратися в землю свою» («Троицкая летопись», стр. 354).

¹¹³ А. И. Клибанов, *Реформационные движения в России*, М., 1960, стр. 94, 105. — Представляется, что А. И. Клибанов несколько упрощает вопрос, когда изображает борьбу Андрея с Петром лишь как борьбу прогресса с регрессом.

Съезд рассматривал выдвинутые Тверью против митрополита Петра обвинения. Петра защищали московский князь Юрий Данилович и константинопольский патриарх Афанасий. На его стороне фактически оказались и золотоордынские правители, которые выдали ярлык Петру еще в 1308 г. и одобрили созыв съезда. Переяславский съезд отверг все обвинения в адрес Петра и по существу упрочил его положение в качестве митрополита всея Руси. Такой результат, разумеется, не устраивал Михаила, продолжавшего считать себя ордынским фаворитом. Теперь нападки в адрес Петра последовали не только со стороны епископа Андрея, но и со стороны самого тверского князя, вернувшегося в 1312 г. из Орды в Тверь; в Константинополь был направлен тверской посол Акиндин с доносами на церковные злоупотребления Петра. Однако все эти ухищрения тверской дипломатии опять ни к чему не привели. Ни новый цареградский патриарх, ни пришедший к власти в 1312 г. хан Узбек не только не признали обоснованными обвинения тверского князя против митрополита, но и стали еще более энергично поддерживать главу русской церкви¹¹⁴.

Таким образом, благосклонное отношение золотоордынских ханов Тохты и Узбека к митрополиту Петру представляет бесспорный факт.

В определенной связи с этим находится и замена сарайского владыки Измаила в 1312 г. епископом Варсонофием¹¹⁵, являвшимся сторонником Петра и московского князя Юрия Даниловича¹¹⁶. Еще более упрочив свое положение поездкой к хану Узбеку¹¹⁷, митрополит Петр перешел от обороны к наступлению в борьбе со своим давним противником епископом Андреем: уже в 1315 г. он добился снятия сана с тверского владыки и назначения на епископскую кафедру в Тверь уже упомянутого Варсонофия¹¹⁸. Выступая союзником относи-

¹¹⁴ Под 1313 г. в Троицкой летописи сообщалось: «В лето 6821 князь великий Михайло поиде в Орду, такоже и Петр, митрополит всея Руси... вкупе с князем великим поиде в Орду того деля, понеже тогда Тохта царь умре, а новый царь Озбяк сел на царстве... Но милостию божиею вборзе отпущен бысть Петр митрополит отъ царя из Орды и прииде на Русь» («Троицкая летопись», стр. 354; ПСРЛ, т. 18, стр. 88).

¹¹⁵ «Троицкая летопись», стр. 354.

¹¹⁶ «Новгородская I летопись», стр. 339—340; «Троицкая летопись», стр. 358.

¹¹⁷ Дошедший до нас ярлык хана Узбека, якобы выданный Петру, является позднейшей фальсификацией (М. Д. Приселков, *Ханские ярлыки...*, стр. 47—48; П. П. Соколов, *Подложный ярлык Узбека митрополиту Петру*, — «Русский исторический журнал», 1918, кн. 5, стр. 72).

¹¹⁸ «Троицкая летопись», стр. 355; ПСРЛ, т. 18, стр. 88.

тельно «слабой» Москвы¹¹⁹ против более могущественной тогда Твери, митрополит Петр почти постоянно жил в столице Московского княжества. В сущности, фактический переезд митрополита всея Руси из Владимира в Москву произошел задолго до его формального перевода, состоявшегося, судя по ряду данных, только в 1325—1326 гг.¹²⁰ Видимо, особенно тесное и эффективное сотрудничество Петра с московским княжеским домом установилось тогда, когда усилившаяся Тверь была лишена великого владимирского княжения, а московский князь Юрий Данилович стал его обладателем (1318—1322).

Однако это сотрудничество двух ведущих институтов общерусской политической жизни устраивало золотоордынских ханов только до тех пор, пока не стало обнаруживаться ослабление Тверского княжества и намечаться усиление Москвы. Имея в виду перспективу возможного перевеса Москвы над Тверью, Орда уже в 1322 г. решила снова «перетасовать» карты, устранив с политической арены московского князя Юрия Даниловича и передав ярлык на великое владимирское княжение представителям тверского княжеского дома — сначала Дмитрию Михайловичу (1322—1325), а потом Александру Михайловичу (1326—1327)¹²¹. Противопоставив еще раз митрополичью кафедру великому владимирскому княжению, а вместе с тем Московское княжество — Тверскому, правители Золотой Орды обеспечили на известный отрезок времени необходимое им состояние максимальной политической напряженности в русских землях.

Приведенные факты весьма характерны для политической практики ханов в Восточной Европе XIII—XIV вв. Они показывают, что правители Орды стремились сохранить и поддерживать такие общерусские институты, как великое владимирское княжение и кафедра митрополита всея Руси, явно используя в данном случае исторически сложившуюся тенденцию централизации русских земель. Но вместе с тем ордынские политики старались не допустить их чрезмерного усиления, прибегая в случае необходимости к широкому исполь-

¹¹⁹ Характерно, что, по образному выражению первого автора «Жития святого Петра», Москва в те годы была «смиренна кротостию» (Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 142; ПСРЛ, т. 18, стр. 89—90).

¹²⁰ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 138—143; М. Д. Приселков, *История...*, стр. 123.

¹²¹ Все эти перестановки многим историкам казались непонятными. Большой знаток удельного периода истории Руси А. В. Экземплярский прямо писал, что передачу «крамольным» тверским князьям владимирского стола «объяснить трудно» (А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья...*, т. II, стр. 472).

зованию центростремных тенденций, сталкивая друг с другом эти институты, насаждая политический сепаратизм русских княжеств, поддерживая состояние политической раздробленности феодальной Руси¹²².

Так, поддерживая своеобразное равновесие между тенденциями централизации и децентрализации, татаро-монгольские завоеватели продолжали властвовать над русскими землями.

3. Основные центры объединения русских земель и восточноевропейская политика Золотой Орды во второй половине XIV в.

Активность ордынской дипломатии не могла приостановить историческое развитие восточноевропейских стран, протекавшее в рамках основных этапов феодализма. Такое закономерное явление, как становление национальных государств, происходившее повсеместно в Европе на определенном этапе развития феодального общества, было характерно и для стран Восточной Европы. Этот процесс в русских землях стал особенно заметным уже в первой половине и середине XIV в. Именно в эти десятилетия тенденция консолидации русских земель вокруг главных центров (великого владимирского княжения, Великого княжества Литовского¹²³, а до 1352 г. — Галицко-Волынской Руси) стала определенно брать верх над тенденцией их раздробления.

¹²² В этом отношении весьма характерны случаи использования Ордой сарайской епископии в качестве своего рода трибуны для провозглашения тех или иных политических рекомендаций, адресованных всем русским княжествам. Любопытен один из документов, вышедший из канцелярии сарайской епископии, как известно, являвшейся ключевой для Орды ячейкой русской церкви (А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 79, 101), — поучение сарайского епископа Матвея середины XIV в. (Макарий, *История...*, т. V, стр. 414). Здесь среди ряда чисто религиозных положений выступают тезисы сугубо политического характера: требование служить только своему князю «головой» и «мечом» («Аще ли добре приясте своему князю, и обогатеет земля ваша, и плод мног восприимете от неа»), осуждение практики перехода феодалов от одного князя к другому («Аще ли иачнете прияти инем князем от своего, то подобни будете жене... [иеверной] яко же съ всеми... хошет, и последи же муж са устережет ю, и пси ею накормит, и весь род ея в сраме будет велице»). Осуществление проповеди епископа Матвея должно было содействовать сохранению тенденций политического сепаратизма в русских землях.

¹²³ В исторических работах распространено не совсем точное наименование Литовско-Русского государства этого времени. Между тем летописи, а также актовый материал XIV — начала XV в. называют данное государство «Великим княжеством Литовским и Русским» или «Великим княжеством Литовским, Русским, Жемайтйским» (ПСРЛ, т. 17, стр. 61).

Это объяснялось не только результатами параллельного социально-экономического развития русских земель¹²⁴, но и общностью их происхождения из единого корня древнерусской народности. По существу можно говорить об определенной преемственности между киевским периодом и эпохой XIV—XV столетий в историческом развитии феодальной Руси, преемственности, проявившейся не только в области культуры, литературы, языка и т. д.¹²⁵, но в какой-то мере и в сфере чисто политической жизни: традиции общерусского единства, несомненно, сыграли значительную роль в оформлении политической концепции подчинения всех русских земель одному центру.

Игнорирование преемственности этих эпох облегчает создание фальсификаторских построений неонорманистов, представителей «школы» украинских буржуазных националистов и сторонников «азиатского» происхождения Московской Руси, оно обедняет представления и о каждом из этих периодов в отдельности, порождает иногда не совсем четкие представления о реальном значении тех или иных процессов в истории Восточной Европы XIV—XV вв.

Так, историки часто говорят о становлении в это время «Русского национального государства», имея в виду только Московское государство, сознательно или бессознательно закрывая глаза на то обстоятельство, что «Великое княжество Литовское и Русское», включившее в свой состав часть Галицко-Волинской Руси в 1352 г., по существу также в известной мере было «русским государством». Так же как великое владимирское княжение, Великое княжество Литовское не только формально выдвигало программу восстановления былой целостности Руси, но и практически старалось осуществить эту программу, вставая на путь «собирания» всех русских земель, объединенных в свое время древнерусским государством.

Последовательно придерживался этой программы князь Ольгерд (1345—1377). Уже первая половина жизни Ольгерда, проведенная им в Полоцке (до 1345 г. он был женат на полоцкой княгине Марии Ярославне¹²⁶), была весьма показатель-

84, 259, 335, 338; «Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia», t. VI, Cracoviae, 1882, pp. 6, 7, 34, 73, 96, 152; «Akta unii Polski z Litwą 1385—1791», Kraków, 1932, str. 37, 62, 91, 97, 102, 103, 107.

¹²⁴ См.: Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 178—253, 329—346, 402; «Очерки истории СССР. IX—XV вв.», ч. II, М., 1953, стр. 475—516.

¹²⁵ Д. С. Лихачев, *Культура Руси эпохи образования русского национального государства*, М., 1946, стр. 6, 14—15, 22.

¹²⁶ «Троицкая летопись», стр. 402.

ной в этом смысле, он втайне принял православие¹²⁷, а в 1342 г. пытался подчинить своему влиянию Псков, воспользовавшись угрозой городу со стороны Ордена¹²⁸. Став великим князем литовским, Ольгерд еще более настойчиво стремился осуществить «общерусскую» программу. Хорошо знакомый с внутривосточной обстановкой в Новгородской земле, он уже в 1346 г. сделал попытку распространить свою власть на Новгород¹²⁹. В 1349 г. Ольгерд женился на тверской княжне Ульяне Александровне¹³⁰. В напряженной борьбе с польским королем Казимиром III он добился в 1352 г. присоединения к Литовско-Русскому государству Волини¹³¹. После смерти митрополита всея Руси Феогноста литовский князь выдвинул кандидатом на общерусскую митрополию тверичанина Романа¹³², чтобы при его помощи «приобрести себе власть и в Великой Руси»¹³³. В 1357 г. Ольгерд захватил Брянск и Смоленск¹³⁴. Воспользовавшись ослаблением татарской власти в Среднем Поднепровье, он взял Киев в 1362 г.¹³⁵, а в 1363 г. нанес поражение на р. Синие воды татарским войскам, попытавшимся вытеснить его из этого района. После победы над татарами к Литовско-Русскому государству были присоединены Подолия (1363—1364), Чернигово-Северская земля (конец 60-х — начало 70-х годов)¹³⁶, на короткое время Галицкая Русь (1376 г.)¹³⁷. Политика собирания русских земель обусловила также попытки Ольгерда упрочить свое влияние в Пскове, Новгороде, Твери¹³⁸.

Подобную политику вел и другой центр объединения русских земель — великое владимирское княжение¹³⁹. «Общерусская» программа определяла в сущности всю деятельность

¹²⁷ П. Н. Батюшков, *Белоруссия и Литва*, СПб., 1890, стр. 70.

¹²⁸ «Псковские летописи», вып. I, М., 1941, стр. 18—20, тексты.

¹²⁹ «Новгородская I летопись», стр. 358.

¹³⁰ «Троицкая летопись», стр. 370, 402.

¹³¹ М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 34—37.

¹³² K. Chodynicki, *Kościół...*, str. 16—17.

¹³³ РИБ, т. VI, прил., № 30, стр. 168.

¹³⁴ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 65.

¹³⁵ М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 73—82.

¹³⁶ «Historia polityczna Polski», t. I, Warszawa — Kraków, 1920, str. 358.

¹³⁷ Ibid., str. 430—431.

¹³⁸ «Троицкая летопись», стр. 386—394; «Очерки истории СССР. IX—XV вв.», ч. II, стр. 215, 521—522, 527; Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 539—542.

¹³⁹ Л. В. Черепнин, *Образование...*, гл. IV—V. — Здесь, как и далее, термин «великое владимирское княжение» употребляется в качестве наименования государственного образования в Северо-Восточной Руси, выступавшего политическим антагонистом «Великого княжества Литовского, Русского, Жемайтійского».

московских князей Семена (1340—1353), Ивана (1353—1359), Дмитрия (1362—1389), обуславливала их отношение к «православию» и «митрополиту всея Руси», оказывала влияние на политику брачных союзов. Именно в 40—60-х годах политическое влияние великого владимирского княжения в русских землях не только распространилось на большую территорию, но и в какой-то мере стало более стабильным. После кончины Ивана Калиты в подчинении Семена Ивановича оказались многие русские князья («и все князи Русии дане ему в руце»)¹⁴⁰. Интересно, что Семен Иванович также был женат на представительнице тверского княжеского дома Марии¹⁴¹.

Политическая жизнь владимирского княжения осложнялась спорами из-за великокняжеского престола между Москвой, Нижним Новгородом, Тверью и Рязанью¹⁴², однако к середине 60-х годов XIV в. ведущей политической силой Северо-Восточной Руси оказалась Москва, возглавленная малолетним князем Дмитрием Ивановичем и стоявшим за его спиной митрополитом всея Руси Алексеем.

Таким образом, к середине XIV в. в Восточной Европе создались два основных центра объединения русских земель, выявились два пути сложения русской феодальной государственности той эпохи. Разница между ними состояла, между прочим, в том, что процесс роста великого владимирского княжения не выходил первоначально за этнические границы русских территорий и совершался путем расширения одного из ведущих русских княжеств, в частности Московского, а процесс объединения юго-западных русских земель протекал в рамках Великого княжества Литовского и Русского, во главе которого оказалась собственно литовская княжеская династия. Это обстоятельство в XIV в. еще не играло важной роли, но по мере сращивания Литвы с феодальной Польшей и практического слияния власти польского короля с властью великого князя литовского оно приобретало все большее значение и в конце концов во многом определило большую жизнеспособность одного пути формирования русской феодальной государственности по сравнению с другим.

* *
*

Говоря о значительных сдвигах в развитии русских земель в середине XIV в., нельзя игнорировать и важные перемены, происходившие тогда в самой Золотой Орде.

¹⁴⁰ ПСРЛ, т. 23, стр. 105; т. 24, Пг., 1921, стр. 117.

¹⁴¹ А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья...*, т. 1, стр. 88.

¹⁴² А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 160—162; Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 530—538.

Как известно, уже в начале XIV в. «Улус Джучи» распался на Кок-Орду («Синяя Орда») и Ак-Орду («Белая Орда») ¹⁴³. В этих новых границах Золотая Орда при ханах Узбеке и Джанибеке (1342—1357) все еще продолжала оставаться сильной и грозной для соседей державой ¹⁴⁴.

Однако процесс феодализации постепенно приводил к дальнейшему обособлению отдельных улусов, к усилению тенденций децентрализации, к обострению династической борьбы. Отражением этих сдвигов в социально-экономической и политической жизни Орды явились феодальные смуты, наступившие после насильственной смерти Джанибек-хана (1357 г.) ¹⁴⁵ и продолжавшиеся вплоть до воцарения Тохтамыша (1381 г.). Внимательно наблюдавшие за развитием событий в Орде русские летописцы характеризовали сложившееся там в 1357 г. положение следующими словами: «и бысть в Орде замятня велика» ¹⁴⁶, «того же лета замятня в Орде не престааше, но паче возвизавшеся» ¹⁴⁷. И действительно, в течение 24 лет (с 1357 по 1381 г.) на золотоордынском престоле перебыло более 25 ханов ¹⁴⁸. В результате последовательной смены

¹⁴³ До недавнего времени большинство исследователей считало, что Синяя Орда охватывала территории Поволжья, Северного Кавказа и Причерноморья, а Белая Орда занимала пространство между Аральским и Каспийским морями. Это мнение было основано на показаниях персидского источника начала XV в. Анонима Искандера (В. Г. Тизенгаузен, *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*, т. II, Л., 1941, стр. 126—138), в то время как другие источники (в частности, русские летописи) дислоцировали Белую Орду в Поволжье, а Синюю — в Средней Азии. М. Г. Сафаргалиев в своей монографии «Распад Золотой Орды» убедительно опроверг точку зрения персидского источника, доказав его малую компетентность в вопросах историко-географического и хронологического порядка. Он подкрепил данные русских летописей свидетельством собственно ордынского происхождения: так, в татарском тексте ярлыка, выданного Тохтамышем Ягайло, Волжская Орда называется «Улук-Улус», а в синхронном русском переводе — «Белая Орда» (Н. И. Березин, *Ханские ярлыки*, ч. I, стр. 22). Возникает вопрос: не является ли длительное употребление этого названия связанным с устойчивым существованием в XV в. термина «Белая Русь»? Возможно, результатом этого «параллелизма» был тот факт, что и позднее на Востоке «государей русских ак падишаха и сархан, т. е. белый государь, и государство Ак Урус — Белая Русь» именовали (В. Н. Татищев, *История Российская*, т. I, М.—Л., 1962, стр. 439). А. В. Соловьев считает возможным даже говорить о восточном происхождении термина «Белая Русь» («Вопросы истории», 1947, № 7, стр. 33).

¹⁴⁴ М. Г. Сафаргалиев, *Распад...*, стр. 101—108.

¹⁴⁵ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 269—271.

¹⁴⁶ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 69.

¹⁴⁷ ПСРЛ, т. 10, СПб., 1885, стр. 229.

¹⁴⁸ J. Hammer-Purgstall, *Geschichte...*, S. 315—325; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 272; А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 117—121; В. Spuler, *Die Goldene...*, S. 109—120; В. Г. Тизенгаузен, *Сборник...*, т. II, стр. 146, 207.

ханов Бердибека, Кудьны, Хизра (Кидыря), Темира-Ходжи на ордынском престоле в 1362 г. утвердился Абдула, креатура Мамаю, который, не будучи чингисидом, не имел права занимать ханский трон¹⁴⁹. Абдуле и Мамаю не удалось распространить власть на всю Орду. Одновременно с ними «правили» ханы Булат-Темир, Амурат (Мюрид), Хаджи-хан, Джанибек II и др. В этих условиях Сарай-Берке постоянно переходил из рук в руки.

Таким образом, почти двадцатилетний период в истории Орды (с конца 50-х до конца 70-х годов XIV в.) был временем усилившейся феодальной анархии, и это не могло не отразиться благоприятным образом на развитии русских земель. Но значение вспышки феодальной анархии в Орде не следует преувеличивать. Дело в том, что, несмотря на обилие ханов, по-видимому, довольно рано самой влиятельной фигурой в политической жизни Орды оказался уже упомянутый Мамай¹⁵⁰. Сменяя одного хана другим (в конце 60-х — начале 70-х годов он заменил Абдулу новым ханом Макат-Салтаном¹⁵¹), Мамай начинал играть все более заметную роль во внутренней и внешней политике Золотой Орды¹⁵². Характеризуя отношения, сложившиеся в Орде к концу 70-х годов, Троицкая летопись подчеркивала, что часто сменявшиеся цари обладали тогда лишь номинальной властью, а реальным хозяином Орды стал Мамай¹⁵³. Запись 1378 г. гласила: «царь ихъ, иже въ то время имеаху себе не владеяше ничимъ же и не смеяше ничто же сътворити пред Мамаем, но всяко старейшинство держаше Мамай и всеми владеаше въ Орде»¹⁵⁴. Все это в известной мере объясняет, почему Орда, несмотря на весьма напряженную внутривосточную борьбу, все же продолжала и в эти годы осуществлять довольно активную политику в отношении восточноевропейского пространства, хотя усиление центробежных тенденций в ее политической жизни определенным образом сказывалось на характере внешней политики золотоордынских правителей.

¹⁴⁹ J. Hammer-Purgstall, *Geschichte...*, S. 325—326; «Троицкая летопись», стр. 377—378; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 275; А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 301—319; ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 70; М. Г. Сафаргалиев, *Распад...*, стр. 123—131.

¹⁵⁰ Его выдвижение произошло в начале 60-х годов (ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 70).

¹⁵¹ «Троицкая летопись», стр. 389.

¹⁵² А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 121, 124; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 275, 279—280; М. Г. Сафаргалиев, *Распад...*, стр. 123—134; В. Г. Тизенгаузен, *Сборник...*, т. I, стр. 350, 389.

¹⁵³ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 70, 74.

¹⁵⁴ «Троицкая летопись», стр. 416.

Итак, как ход событий в Орде, так и самое развитие восточноевропейских стран в середине XIV в. создавали во многом новую расстановку сил в Восточной Европе, обуславливали сложение новых политических отношений между Золотой Ордой, Литовско-Русским государством и Московской Русью.

И действительно, когда ордынские политики увидели, что ведущие очаги концентрации русских земель стали разрастаться территориально, крепнуть политически, что столкновения, возникавшие между объединительными центрами, все чаще заслоняли борьбу, происходившую между мелкими княжествами внутри этих объединений, они сочли необходимым обновить кое в чем свою восточноевропейскую политику, «усовершенствовать» тактику. Практиковавшееся ранее использование противоречий между тенденциями централизации и децентрализации золотоордынские ханы стали теперь дополнять, а иногда и заменять использованием антагонизма между складывающимися крупными государствами Восточной Европы. Ордынские правители все больше сознавали риск поощрения противоречий между теми княжествами, которые были расположены слишком близко друг к другу: это могло привести (а иногда и приводило) к окончательной, «необратимой» победе одного из соперников, что, разумеется, мало устраивало ордынских политиков. Поэтому с середины XIV в. Орда все чаще пыталась разжигать противоречия тех объединительных центров русской земли, которые оказывались далеко расположенными друг от друга¹⁵⁵.

Однако эти попытки были связаны с двумя как бы взаимоисключающими условиями: с одной стороны, с форсированием тенденции смыкания территориально-политических границ этих объединений, а с другой — с содействием сохранению пояса «нейтральных» княжеств в качестве постоянной арены борьбы между ведущими очагами централизации. Одним из ярких примеров новой тактики. Орды была политика хана Джанибека по отношению к Галицко-Волынской Руси в 40—50-х годах XIV в.

Южнорусские территории постоянно находились под пристальным наблюдением ордынских правителей. Известно о совместных с татарами походах галицко-волынских князей против Литвы (1315 г.)¹⁵⁶, об использовании Ордой своего вас-

¹⁵⁵ В этом отношении было характерно не только перемещение внимания Орды с Твери на Москву, но и санкционирование переноса столицы Суздальско-Нижегородского княжества из Суздаля в Нижний Новгород (1350 г.).

¹⁵⁶ В. Т. Пашуто, *Образование...*, стр. 396.

сала киевского князя Федора в сложных политических комбинациях той эпохи (1332 г.)¹⁵⁷. Поведение ордынской дипломатии в 40—50-х годах оказало значительное влияние на судьбу Галицко-Волынского княжества.

Источники сообщают о том, что Орда в начале 1349 г. заключила с польским королем Казимиром соглашение, острое которого было направлено против Литвы и западнорусских земель¹⁵⁸. Показательно, что ордынско-польское сближение 1348—1349 гг. совпало по времени с резким ухудшением ордынско-литовских отношений. Именно тогда послы великого князя литовского Ольгерда встретили плохой прием в Орде¹⁵⁹. Используя договоренность с ханом, польский король начал уже в 1350 г. осуществлять крупные наступательные операции на территории Волыни и Подолии. Преодолевая сопротивление литовских сил, польские войска заняли ряд городов-замков (Гжель, Берестье, Владимир). Военная активность Казимира сочеталась с дипломатической: весной 1350 г. польский король заключил союз с венгерским королем Людовиком, а также выхлопотал помощь римского престола¹⁶⁰.

Наметившаяся в ходе военных и политических событий перспектива значительного усиления Польши, видимо, серьезно обеспокоила ордынских правителей. Во всяком случае в 1350—1351 гг. Орда перестала поддерживать Казимира, заняв позицию «строгого нейтралитета» в польско-литовском конфликте, а затем начала энергично помогать Ольгерду против польского короля.

Открытый переход Орды на сторону Ольгерда существенным образом изменил соотношение борющихся сил. Осознав бесперспективность продолжения борьбы при таком обороте дела, Казимир в 1352 г. пошел на компромисс с Ольгердом. В силу достигнутого соглашения Галицко-Волынская Русь ~~была~~ разделена между польским королем и литовским князем: Казимир получил земли Люблинскую и Галицкую («Русь, что короля слушает»), Ольгерд оказался обладателем Владимира, Луцка, Белза, Холма, Берестья¹⁶¹. Нетрудно видеть, что

¹⁵⁷ А. Е. Пресняков, *Лекции...*, т. II, стр. 57—58; «Очерки истории СССР. IX—XV вв.», ч. I, стр. 521; М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. III, стр. 170—174; т. IV, стр. 17, 427—430.

¹⁵⁸ М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 33—34.

¹⁵⁹ ПСРЛ, т. 7, СПб., 1856, стр. 215; «Троицкая летопись», стр. 369; А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья...*, т. I, стр. 86.

¹⁶⁰ М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 34—40; «Historia polityczna...», t. I, str. 341, 343; В. Spuler, *Die Goldene...*, S. 106—107.

¹⁶¹ М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 34—40, 444—445; В. Spuler, *Die Goldene...*, S. 107—108.

в подготовке этого соглашения активную роль сыграла ордынская дипломатия, что условия компромисса не только были во многом подготовлены Ордынской державой, но, возможно, и дипломатически санкционированы самим ханом Джанибеком в 1352 г.

Сыграв свою роль в разделе Галицко-Волинской Руси и тем самым в создании новой расстановки сил в Восточной Европе, Орда стала быстро приспосабливаться к этой новой обстановке, стараясь использовать ее в интересах сохранения своей власти над восточноевропейским пространством. Процесс дальнейшей консолидации русских княжеств вокруг великого владимирского княжения и Великого княжества Литовского и Русского привел к тому, что Орда главное свое внимание стала обращать на разжигание противоречий между Вильно и Москвой, больше всего проявлявшихся в поясе «нейтральных» русских княжеств. Скрыто поддерживая эти противоречия между главными политическими центрами Восточной Европы, а также не отказываясь пока от поощрения внутривнутриполитической розни в новых государственных образованиях, ордынские правители тем самым обеспечивали сохранение контроля над русскими землями.

Так, Орда отнюдь не стояла в стороне от той напряженной борьбы между Литвой и Москвой за влияние в Черниговщине, Смоленщине, Рязани, Твери, Новгороде, Пскове¹⁶², которая началась еще в 30-х годах, но особенной остроты достигла в середине XIV столетия.

Когда литовское правительство в 1331 г. попыталось укрепить свое влияние в Пскове с помощью своего ставленника тверского князя Александра Михайловича и псковского владыки Арсения, ордынская дипломатия при поддержке митрополита всея Руси Феогноста (1328—1353) отклонила все эти попытки¹⁶³. В ответ на претензии литовских князей распространить власть вслед за Средним и на Верхнее Поднепровье (Смоленск) Орда стала готовиться к вооруженному выступлению (1339 г.)¹⁶⁴. В то же время, как только Иван Калита пытался сам утвердиться в Новгороде, Пскове или Твери, Орда не только противилась этому, но и начинала поддерживать сторонников Литвы в русских княжествах, в частности того самого тверского князя Александра, который «из литов-

¹⁶² А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 102; «Очерки истории СССР. IX—XV вв.», ч. I, стр. 210, 521—522.

¹⁶³ А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 142; А. Е. Пресняков, *Лекции...*, т. II, стр. 57—58; Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 502—503.

¹⁶⁴ А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 106; А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 393.

ские руки» получил Псков¹⁶⁵. Так, в 1335 г. сын тверского князя Федор совершил поездку в Орду, в 1338 г. сам Александр, получив благословение митрополита Феогноста, поехал в Орду, где «неожиданно» был пожалован тверским княжением¹⁶⁶.

Правда, позиция тверского князя в той борьбе, которая развертывалась между Москвой и Литвой, оказалась в такой мере «пролитовской», что Орда уже в 1339 г. сочла нужным устранить Александра Михайловича¹⁶⁷. Однако она не хотела и чрезмерного усиления Москвы. Когда в 1343 г. Семен Иванович просил у Орды санкционировать объединение Московского и Нижегородского княжеств, последовало решительное возражение со стороны золотоордынских правителей¹⁶⁸. Если в период преобладания Твери в Северо-Восточной Руси Орда допускала сближение Московского княжества с Суздальско-Нижегородским (до 1340 г. Нижним Новгородом, по-видимому, владел московский князь¹⁶⁹), то в эпоху усиления Москвы (с 40-х годов XIV в.) ордынские правители стали содействовать отделению Нижегородского княжества от Московского¹⁷⁰.

¹⁶⁵ Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 503.

¹⁶⁶ Там же, стр. 506; А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 102; А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья...*, т. II, стр. 475.

¹⁶⁷ А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 101—102; А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья...*, т. II, стр. 475.

¹⁶⁸ Один из наиболее информированных об ордынской политике летописцев, так называемый Рогожский, сообщал: «Въ лето 6851 князь великий Семень Иванович сперся съ князем Константиномъ Васильевичемъ Суздальскимъ о княжении Новгорода Нижняго и поидоша во Орду... и бысть имъ въ Орде суд крепок и достася княжение Новгородское князю Константину». Весьма характерно, что при этом нижегородские бояре, ставшие на сторону московского князя, были подвергнуты опале и даже казни. Летопись сообщала, что если до суда в Орде «яшася бояре Новгородский и Городецкий за князя Семена Ивановича», то после суда ордынские правители «выдаша ему (Константину Васильевичу. — И. Г.) бояр и придеши быша в Новъгородъ и имение ихъ взя, а самех повеле казнити по торгу вода» (ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 55).

¹⁶⁹ А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья...*, т. II, стр. 400.

¹⁷⁰ В дальнейшем состояние нижегородско-московских отношений во многом зависело от хода борьбы великого владимирского княжения с Великим княжеством Литовским, от стремления Орды с помощью Нижнего Новгорода держать в равновесии силы Москвы и Вильно. На тесную связь московско-нижегородских отношений с ходом политической борьбы на территории Восточной Европы указывали и брачные союзы суздальских князей: в 1354 г. князь Борис Константинович (1340—1394) женился на дочери Ольгерда — Аграфене, а сестра этого князя Евдокия Константиновна тогда же была выдана замуж за тверского князя Михаила Александровича (ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 61; А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья...*, т. II, стр. 497). В период сближения Нижнего Новгорода с Москвой суздальские князья заключали браки с московским княжеским домом. Примером может служить женитьба Дмитрия Донского на дочери суздальского князя Дмитрия Константиновича Евдокии в 1366 г. (А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья...*, т. II, стр. 410).

Играя на противоречиях двух основных объединительных центров феодальной Руси, ордынские правители с особым вниманием относились к положению дел в русской церкви; они не только постоянно следили за ходом политической борьбы в церковной среде, но и пытались в определенных случаях оказывать влияние на эту борьбу. Вмешательство ордынской дипломатии в дела русской церкви имело место в середине XIV в., когда, по образному выражению летописи, «мятеж во святительстве сотворился».

Сам факт «мятежа во святительстве» свидетельствовал об обострении тенденции поляризации политических сил феодальной Руси вокруг двух главных центров. После смерти митрополита Феогноста (1353 г.) в Константинополь поехали как московский кандидат на пост митрополита Алексей, родом из черниговских, «украинских» бояр, так и ставленники литовского князя Ольгерда — сначала грек Феодорит, а потом уроженец тверской земли Роман¹⁷¹.

Настойчивые просьбы литовского и московского князей, видимо, поставили в трудное положение патриарха Филофея, считавшего в соответствии со сложившейся традицией, что «вся Русь должна находиться в ведении единой, неразделенной киевской митрополии с местопребыванием в городе Владимире»¹⁷².

Сначала патриарх готов был признать и Киев, и Владимир резиденциями только одного митрополита всея Руси, именно Алексея¹⁷³. Однако позднее, под давлением представителя литовского князя Ольгерда, он принял компромиссное решение, сделав и Алексея, и Романа митрополитами. Алексей был поставлен митрополитом всея Руси в Киеве и Владимире, Роман — митрополитом литовским с резиденцией в Новгороде. В его ведение входили епископства Малой Руси, а также епископства литовское, полоцкое, туровское¹⁷⁴.

Такой результат был весьма показательным для тогдашней политики Литвы. Вполне естественно, что Ольгерд, при-

¹⁷¹ А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 290, 292, 295, 296; Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 172—173, 185; К. Chodynicki, *Kościół...*, str. 13—16, 18; А. И. Клибанов, *Реформационные...*, стр. 139—140. — «Тое же зимы поиде из Литвы в Царьград Роман, чернец сын боярина Тферьского и ста на митрополью въ Тернове...» (ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 61).

¹⁷² К. Chodynicki, *Kościół...*, str. 14.

¹⁷³ Ibid.

¹⁷⁴ Ibid., str. 16. — В Рогожском летописце под 1355 г. записано: «Того же лета мятеж сотворишется, чего то не бывало прежде сего: в Царегороде от патриарха поставлени быша два митрополита на всю Русскую землю Алексей да Роман. И бышет межи ихъ нелюбие велико» (ПСРЛ, т. 15, вып. I, стр. 63). См. также РИБ, т. VI, прил., № 24.

соединив к Литовскому княжеству Волынь¹⁷⁵ и рассчитывая в будущем на расширение своего государства за счет других русских территорий на юге и востоке, признал необходимым не только создать самостоятельную русскую православную церковь в Литве, но и выдвинуть на должность ее руководителя человека, ведущего свое происхождение из Северо-Восточной Руси, чуть ли не родственника самого тверского князя¹⁷⁶.

Характерно, что митрополит Роман сразу же захотел выйти за рамки предоставленной ему сферы влияния и настаивал на том, чтобы в его титуле значилось «митрополит всея Руси». Приехав в Литовское княжество, он после ряда неудачных попыток все же поселился с помощью Ольгерда в Киеве, где и начал осуществлять свои функции «митрополита всея Руси»¹⁷⁷.

Естественно, что Алексей и стоявшие за ним политические силы Московской Руси повели энергичную борьбу против пролитовского митрополита Романа. В борьбу двух митрополитов оказалась вовлеченной и ордынская дипломатия. Видимо, не случайно Алексей, перед тем как ехать с жалобой на Романа в Константинополь, направился в ордынскую столицу¹⁷⁸. Получив здесь поддержку, он двинулся в Царьград, где также был поддержан патриархом. Заручившись благожелательным

¹⁷⁵ М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 34—40; «*Historia polityczna...*», t. I, str. 343.

¹⁷⁶ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 185. — Нельзя забывать, что Ольгерд сначала был женат на дочери витебского князя Ярослава (1318 г.), а потом на сестре тверского князя Михаила Александровича («Очерки истории СССР. IX—XV вв.», ч. II, стр. 215, 522; А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 295—298).

¹⁷⁷ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 191; А. И. Клибанов, *Реформационные...*, стр. 140.

¹⁷⁸ «Троицкая летопись», стр. 375. — Киприан, один из создателей Троицкой летописи, сообщая о поездке митрополита Алексея в Сарай, связывает ее не с борьбой против другого митрополита — Романа (о конфликте двух митрополитов он вообще умалчивает), а с обстоятельствами внутриполитической жизни Ордынской державы. По мнению Киприана, поездка в Орду была обусловлена приглашением заболевшей царицы Тайдулы («посетить ее на здравие»), а быстрый отъезд из Сарая вызван не стремлением скорее попасть в Царьград, а вспышкой феодальной анархии в Ордынском государстве. Показательно, что автор летописи тверского происхождения (Рогожский летописец) довольно подробно останавливается на конфликте Алексея с Романом. Так, сообщив о назначении в 1356 г. Алексеем епископов в Рязани, Смоленске, Ростове, Сарае, автор Рогожского летописца записал: «Тое же осени Алекси митрополит всея Роуси ходил в другие в Царьгород, да Роман преже его пришел... и тамо межи ихъ бысть спор велик» (ПСРЛ, т. 15, вып. I, стр. 65). Хорошо знают об этом конфликте и так называемые литовские летописи (ПСРЛ, т. 17, стр. 34).

отношением двух важных политических инстанций, Алексей в 1358 г. направился в Киев, где рассчитывал расправиться с «самозванным» митрополитом Романом. Однако в Киеве его ждали далеко не религиозные дискуссии. Только своевременное предупреждение избавило Алексея от ареста, а возможно, и кровавой расправы.

Завершила борьбу двух «митрополитов всея Руси» лишь неожиданная смерть Романа, последовавшая в 1361 г.¹⁷⁹. Но, разумеется, ликвидация этого конфликта не была завершением борьбы Литовского и Московского государств за приоритет в религиозной и политической жизни Руси. Следующий ее этап оказался связанным с событиями в Тверской земле.

К середине XIV столетия положение Твери в системе русских княжеств стало заметно меняться. В обстановке роста Москвы и Литвы, в условиях постепенного «смыкания» литовско-московских границ старая программа превращения Твери в один из ведущих общерусских центров все чаще стала уступать место ориентации одной части тверских феодалов на Москву (князья кашинские), другой — на Литовско-Русское государство Ольгерда (князья холмские).

Наличие двух группировок в Твери предопределяло состояние напряженной политической борьбы в княжестве. Важным обстоятельством в ходе этой борьбы было выдвижение на тверскую епископию в 1342 г. Федора, иерарха из рода князей кашинских¹⁸⁰. Его позиция как сторонника митрополита всея Руси и московского князя оказывала значительное влияние на развитие политических событий в Тверском княжестве.

Так, когда при поддержке Литвы и Орды на тверское и великое владимирское княжение был выдвинут в 1347 г. холмский князь Всеволод Александрович, именно тверской епископ Федор не только выступил против этой кандидатуры, но и активно содействовал появлению на тверском княжении представителя кашинского княжеского дома — Василия Михайловича.

За спиной Федора стоял митрополит всея Руси Феогност, после 1353 г. — митрополит Алексей; значительную поддержку политической линии тверского епископа оказывали и мо-

¹⁷⁹ К. Chodyncki, *Kościół...*, str. 17; Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 192.

¹⁸⁰ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 55. — Когда на Руси появилось два митрополита — Алексей и Роман, тверской епископ Федор формально оказался в двойном подчинении: тогда направлялись «к тферьскому епископу послы к владыце Федору от обою ихъ (Алексея и Романа. — И. Г.) изъ Царягорода...» (там же, стр. 63).

сковские князья (так, Семен Гордый в 1348—1349 гг. выдал свою дочь замуж за Михаила Васильевича, сына кашинского князя¹⁸¹).

Те же силы поддерживали Василия Михайловича и в 1352 г., когда Всеволод сделал новую попытку захватить тверское княжение¹⁸².

Показательно, что в 50-е годы Орда поддерживала союз Москвы с кашинскими князьями¹⁸³. Это объяснялось ее стремлением парализовать активность литовского князя, стоявшего за спиной Всеволода. Как уже отмечалось, после захвата Волыни Ольгерд устремился на восток: в 1355 г. он овладел г. Белый, в 1359 г. его сын Андрей занял Ржев. Военные операции сопровождались политическими демонстрациями: в Ржев в 1359 г. прибыл сам Ольгерд, а в Тверь направился пролитовский «митрополит всея Руси» Роман¹⁸⁴ (любопытно, что почти одновременно другой митрополит всея Руси, Алексей, пытался активизировать свою деятельность в Киеве¹⁸⁵).

В конце 50-х — начале 60-х годов борьба двух группировок в Тверском княжестве достигла большого напряжения. До сих пор чаша весов склонялась на сторону кашинского князя Василия и стоявших за его спиной московского княжеского дома и митрополита Алексея¹⁸⁶. Но, верная своей политике, Орда, несмотря на наступившую там «замятню», попыталась ослабить позиции Москвы, предоставив в 1360 г. ярлык на великое владимирское княжение сначала нижегородскому князю Андрею Константиновичу, а после его отказа суздальскому

¹⁸¹ ПСРЛ, т. 10, стр. 221; т. 15, вып. 1, стр. 60; А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья...*, т. II, стр. 481.

¹⁸² ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 66; А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья...*, т. II, стр. 481. — Характерно, что московский князь Иван Иванович направился в 1357 г. в Орду вместе с Василием Михайловичем после того, как «князь Василий возма любовь со князем с Иваном по митрополичью слову» (ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 66).

¹⁸³ «Того же лета, — сообщает Рогожский летописец под 1358 г. — князь Василий послал Григорьчука да Кореева в Орду на Всеволода, а тамо без соуда царь и царица выдали княз[я] Всеволода и мисюрь привел его во Тферь в тягот[е] и выдал князю Василью» (ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 67).

¹⁸⁴ Там же, стр. 69.

¹⁸⁵ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 192; К. Chodyncki, *Kościół...*, стр. 17; П. П. Соколов, *Русский архиеп[iscop]ей...*, стр. 385.

¹⁸⁶ Напряженная борьба пролитовских и промосковских феодальных группировок происходила в эти переломные годы и в Новгороде. Характерно, что борьбу против новгородского архиепископа Моисея (ум. в 1359 г.), являвшегося врагом Москвы, московские князья вели также вместе с митрополитом Алексеем и тверским епископом Федором.

князю Дмитрию Константиновичу¹⁸⁷. Временное ослабление позиции московского княжеского дома в системе княжеств великого владимирского княжения сказалось и на политической обстановке в Твери. В этих условиях Ольгерд от политических демонстраций перешел к прямому нажиму на Тверь с помощью вооруженных сил. «Тое же зимы, — сообщает Рогожский летописец под 1361 г., — Литва волости Тферьскыи имали»¹⁸⁸. По-видимому, в непосредственной связи со всем этим находились и уход тверского епископа Федора со своего поста (1360 г.), и факт значительных уступок со стороны князя Василия холмскому князю Всеволоду.

Изменившаяся расстановка сил привела к тому, что в начале 60-х годов наиболее влиятельной фигурой в Тверской земле стал микулинский князь Михаил Александрович¹⁸⁹. Хотя Василий Михайлович продолжал оставаться номинальным князем Твери вплоть до 1368 г., реальная власть все в большей мере переходила к Михаилу. Не случайно, видимо, уже под 1362 г. Тверская летопись поместила панегирик этому князю¹⁹⁰. Что касалось его внешнеполитической ориентации, то она была явно пролитовской. «Того же лета, — сообщает Рогожский летописец под 1362 г., — князь Михайло Александрович ездил в Литву о миру и взял мир с Ольгердом»¹⁹¹.

Успехи Ольгерда в Твери, захват им Киева, победа над татарами на р. Синие воды¹⁹² — все это чрезмерное усиление литовского князя в Восточной Европе, происшедшее в начале 60-х годов, обеспокоило Орду. И, видимо, не одной лишь вспышкой феодальной анархии в Ордынской державе, а также не только хлопотами митрополита Алексея в Орде следует объяснить факт выдачи в 1362 г. ярлыка на владимирское княжение московскому князю Дмитрию¹⁹³ и признание объединения Москвы с Нижним Новгородом, последовавшее в 1364 г.¹⁹⁴. Нельзя не видеть здесь проявления традиционной

¹⁸⁷ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 68—69; А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья...*, т. II, стр. 406, 408.

¹⁸⁸ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 72.

¹⁸⁹ Интересно, что Михаил Александрович был женат на дочери нижегородского князя Константина Евдокии (ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 61; А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья...*, т. II, стр. 497).

¹⁹⁰ А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья...*, т. II, стр. 485.

¹⁹¹ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 73.

¹⁹² М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 73—76, 79—82. — Кроме того, нельзя забывать о родственных связях Ольгерда с суздальскими князьями (РИБ, т. VI, прил., стр. 140).

¹⁹³ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 73.

¹⁹⁴ «Троицкая летопись», стр. 379. — Выше уже говорилось о зависимости нижегородско-московских отношений от хода борьбы великого владимирского княжения с Литовско-Русским государством. Когда верх бра-

тактики Орды, которая заключалась в поддержании слабой стороны против сильной и должна была предотвращать полное торжество одной из борющихся сторон, тем самым обеспечивая «стабильность» крайней политической напряженности в русских землях.

Именно эта политика заставила ордынских правителей вновь изменить линию поведения, когда опять наметилось преобладание московско-нижегородского объединения. Позиция Орды изменялась постепенно в течение 1365—1367 гг. Уже в 1365 г. хан Тагай вторгся с большим войском в пределы Рязанского княжества, но встретил здесь организованный отпор со стороны рязанского князя Олега, пронского князя Владимира и козельского князя Тита¹⁹⁵. В 1367 г. натиск татар на Северо-Восточную Русь усилился. «Князь Ординский, именем Булат Темир, прииде ратью Татарскою и пограби уезд даже до Волги». Однако этот ордынский военачальник уклонился от генерального сражения с войском суздальского князя Дмитрия Константиновича, что привело впоследствии к уничтожению татарской армии и гибели самого Булат-Темира¹⁹⁶.

Возраставшая активность Орды на востоке и Ольгерда на западе вынуждала московского князя Дмитрия Ивановича также действовать довольно энергично.

Когда князь Михаил уехал в 1365 г. для переговоров с Ольгердом, Дмитрий Иванович решил поддержать своих сторонников в Тверском княжестве: сначала в Москву был вызван тверской епископ Василий и, по-видимому, наказан за неудачное для московской «партии» решение дорогобужского спора¹⁹⁷, а затем, в 1366 г., московские войска вместе с кашинскими и волоцкими под водительством князей Василия и Еремея прошли боевым маршем к самой столице Тверского княжества. В ответ на это осенью того же года армии Ольгерда и

ла Москва, Суздальско-Нижегородское княжество оказывалось отделенным от Москвы, а иногда даже поставленным над Москвой (в 1359—1361 гг. нижегородский князь Дмитрий Константинович занимал владимирский стол), когда же преобладание в системе «нейтральных» русских княжеств переходило к Литве, Нижний Новгород попадал в подчинение к московскому князю (примерно с 1364 г.).

¹⁹⁵ «Троицкая летопись», стр. 381—382; ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 80.

¹⁹⁶ «Троицкая летопись», стр. 385.

¹⁹⁷ Там же, стр. 384—385; А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья...*, т. II, стр. 516—517. — В 1364 г., после смерти дорогобужского князя Семена, возник спор из-за обладания Дорогобужским княжеством между микулинским князем Михаилом и братом умершего Еремеем Константиновичем, поддержанным тверским князем Василием. Дело, разбиравшееся сначала в Твери при участии епископа Василия, было решено в пользу Михаила.

Михаила совершили поход к Кашину, резиденции промосковских князей.

Заключенное в конце 1366 г. перемирие между Михаилом и Василием Михайловичем было лишь кратковременной передышкой, за которой последовали новые схватки между сторонниками Литвы и Москвы в Тверской земле, новые столкновения между Ольгердом и Дмитрием на всех тех территориях, которые составляли пояс «нейтральных» русских княжеств.

То обстоятельство, что позиция Орды становилась все более пролитовской, заставляло будущего победителя на Куликовом поле вести последовательную борьбу на два фронта. Начиная с середины 60-х годов XIV в. московское правительство все чаще шло на открытый разрыв с правителями Орды, вместе с тем московский князь вынужден был все более бдительно следить за скрытой и явной подготовкой Ольгерда к новому натиску на территории «нейтральных» русских княжеств, а также и на земли самого Московского государства¹⁹⁸.

Весьма характерно, что в данной обстановке московский князь, все больше игнорируя волю Орды, добился дальнейшего сближения с Суздальско-Нижегородским княжеством: в 1366 г. он женился на дочери суздальского князя Дмитрия Константиновича¹⁹⁹, что, несомненно, сделало более прочным соглашение 1364 г. Летом 1367 г. Дмитрий Иванович заключил союзный договор с Новгородом Великим, в силу которого на Волхов были посланы московские наместники²⁰⁰. Политические шаги Дмитрия Ивановича на Волхове и в Нижнем Нов-

¹⁹⁸ Содержащаяся в Троицкой летописи характеристика Ольгерда как политика и полководца, видимо, соответствовала тем представлениям, которые сложились у многих современников литовского князя, в частности у московского князя Дмитрия. Автор этой летописи подчеркивал наличие у Ольгерда таких качеств, как скрытность, хитрость, дальновидность: «не толма силою елико умением воеваше... Обычай бо бе Ольгерду егда куда поидяще на войну, тогда никому же не ведущу... на кого идет» («Троицкая летопись», стр. 387). Эта характеристика попала и в другие летописи (ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 88).

¹⁹⁹ ПСРЛ, т. 18, стр. 105—106.

²⁰⁰ «Новгородская I летопись», стр. 369. — Интересно, что твердая политика Дмитрия получила своеобразное отражение у автора Рогожского летописца: «Того же лета 6875 (1367. — И. Г.)... на Москве почали ставити город камень, надеясь на свою на великую силу, князи Русьские начаша приводити в свою волю, а который начал не повиноватися их воле, на тыхъ начали посягати злобою» (ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 84). Характерно, что укрепление Москвы осуществлялось параллельно с укреплением Нижнего Новгорода. В 1372 г. нижегородский князь Дмитрий Константинович «заложил Новгород Нижний Камень» (А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья...*, т. II, стр. 410).

городе сопровождалась активностью и в отношении Тверского княжества. Так, в 1367 г. великий князь владимирский Дмитрий Иванович и митрополит всея Руси Алексей в связи с дорогобужским спором вызвали в Москву на своего рода третейский суд самого тверского князя Михаила²⁰¹. Чувствуя за собой поддержку Литвы и Орды, Михаил Александрович приехал в Москву. Но здесь его ждал арест, что в конечном счете должно было облегчить решение тверской проблемы в пользу московского князя.

Однако развитие событий в этом направлении, видимо, настолько расходилось с интересами Орды, что ее дипломатия, до сих пор державшаяся в тени, стала действовать открыто, стремясь не допустить соединения Твери с Москвой. Сразу после ареста Михаила в Москву прибыли ордынские послы, потребовавшие освобождения тверского князя²⁰². Вынужденный отпустить Михаила в Тверь, московский князь все же сумел добиться того, что в Городке был посажен московский наместник, а князем утвержден Еремей, придерживавшийся тогда московской ориентации²⁰³.

Возвратившись в Тверь, князь Михаил «негодоваша» на московского князя, «нача же на митрополита жаловашеся». В этой обстановке в Твери неожиданно умер кашинский князь Василий (1368 г.), и Михаил стал не только фактическим, но и формальным главой Тверской земли. Тогда великий князь владимирский и московский Дмитрий Иванович организовал поход войск на территорию Тверского княжества²⁰⁴. Появление московской армии в Тверской земле привело к немедленному бегству Михаила в Литву: «Князь же Михайло бежа в Литву к князю Ольгерду, зятю своему и тамо многы укоры изнесе и жалобы изложи, прося помощи себе... зовучи его ити ратию к Москве»²⁰⁵.

Ольгерда, видимо, не нужно было долго уговаривать. В его распоряжении уже давно находилась хорошо подготовленная армия для решительной схватки с Московским государством²⁰⁶. В декабре 1368 г. эта армия была подведена «близь порубежии литовского», а затем брошена «в пределы области

²⁰¹ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 84.

²⁰² «Не задолго время внезапно, — писала Троицкая летопись, — придоша от Орды Татарове Карачь; они же подумавше и тако попускаша их въ свояси» («Троицкая летопись», стр. 386; ПСРЛ, т. 18, стр. 107; т. 15, вып. 1, стр. 87).

²⁰³ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 85, 87.

²⁰⁴ Там же, стр. 88.

²⁰⁵ Там же; «Троицкая летопись», стр. 387.

²⁰⁶ Весьма показательно, что в эту армию входили вооруженные силы Тверского и Смоленского княжеств («Троицкая летопись», стр. 387).

Московская»²⁰⁷. Разрушив ряд порубежных городов, войско Ольгерда двинулось к Москве. Стремясь захватить город, в котором укрылись князья Дмитрий Иванович, его двоюродный брат Владимир Андреевич, а также митрополит всея Руси Алексей, Ольгерд, вероятно, рассчитывал добиться решающего перелома в борьбе с Московским государством. Масштабы разрушений, осуществлявшихся армией Ольгерда, также свидетельствовали о самых грандиозных замыслах главы Литовско-Русского государства. Даже терпимо относящийся к Ольгерду автор Троицкой летописи должен был признать, что «прежде того толь велико зло Москве от Литвы не бывало в Руси, аще от Татар бывало»²⁰⁸.

И все же замыслам Ольгерда не суждено было осуществиться: он «стоялъ около города три дня и три ночи... а града кремля не взял и поиде прочь возвратится въ свояси»²⁰⁹. Правда, вторжение Ольгерда вынудило московского князя снова пойти на некоторые уступки в пользу Твери и Литвы. Однако, осуществив в 1369 г. военные операции против союзных Ольгерду Смоленска и Брянска, Дмитрий Иванович уже в августе 1370 г. объявил о расторжении мирного договора с Тверью и стал готовиться к войне против Михаила.

Тверской князь немедленно направился в Литву, а затем побывал в Орде²¹⁰. Результаты этой миссии свидетельствовали об определенных сдвигах в политике ордынских правителей в отношении русских земель. Столкнувшись со стремлением Ольгерда и Дмитрия так или иначе ликвидировать пояс «промежуточных» княжеств, Орда предприняла шаги к тому, чтобы сохранить «нейтральную зону» как арену постоянных столкновений двух ведущих центров Восточной Европы. Эта цель частично была достигнута путем предоставления Михаилу ярлыка на великое владимирское княжение²¹¹. Разумеется,

²⁰⁷ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 88—89.

²⁰⁸ «Троицкая летопись», стр. 388; ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 90.

²⁰⁹ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 90.

²¹⁰ Там же, стр. 93.

²¹¹ Там же. — Как бы ни велико было честолюбие Михаила, развертывавшаяся тогда в Тверской земле борьба была в сущности лишь частью борьбы между двумя ведущими центрами объединения русских земель — Москвой и Литвой. Не случайно даже летописец тверского происхождения (Рогожский летописец) видит в событиях 1368 и 1370 гг. не попытки Тверского княжества стать самостоятельным центром объединения русских земель, а происки литовско-русской дипломатии, называя два этапа совместных операций Ольгерда и Михаила против Москвы соответственно «первой литовщиной» (там же, стр. 88) и «другой литовщиной» (там же, стр. 94). Тот же летописец отмечал, что в период, когда тверской князь занимал владимирский стол, «ко князю к великому к Михаилу так и не почали люди из городов передаватися» (там же, стр. 98).

этот шаг был прежде всего направлен против Москвы, но в известной мере он задевал и Литву, стремившуюся поглотить Тверь и не желавшую, чтобы она заняла место Москвы в системе княжеств, охватываемых великим владимирским княжением.

Тем не менее Ольгерд приветствовал предоставление Михаилу ярлыка на владимирский стол. Уже осенью 1370 г. он вместе со всеми литовскими князьями, а также со смоленским князем Святославом и тверским Михаилом двинулся на Москву²¹². На этот раз московский князь оказался более подготовленным. Владимир Андреевич стоял с войском у Перемышля на р. Угре²¹³, пронский и рязанский князья также пришли к нему на помощь. Вторжение Ольгерда принесло новое разорение Московской земле, но оно не достигло главной цели — занятия московского кремля — и не привело к решительным сдвигам в соотношении сил между Литвой и Московским государством.

Между тем поведение честолюбивого великого владимирского князя Михаила, видимо, настораживало самого Ольгерда настолько²¹⁴, что он предложил Дмитрию Ивановичу заключить мир, закрепив его браком между литовской княжной Еленой Ольгердовной и князем «московской руки» Владимиром Андреевичем²¹⁵.

Наметившаяся в 1370—1371 гг. перспектива литовско-московского сближения и в связи с этим возможность ликвидации пояса «нейтральных» княжеств, вероятно, не могли не вызвать тревоги в Орде. Не случайно ордынские правители именно тогда предприняли шаги, которые должны были снова разжечь московско-литовскую вражду: в 1371 г. ярлык на владимирский стол опять получил московский князь Дмитрий²¹⁶. Правда, это отнюдь не означало, что Орда превратилась в непримиримого противника Михаила и Ольгерда. Она продолжала поддерживать в той или иной мере как Дмитрия, так и этих князей²¹⁷.

²¹² Там же, стр. 94.

²¹³ Л. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья...*, т. II, стр. 293, 296.

²¹⁴ Игнорируя литовско-московские мирные переговоры, тверской князь Михаил в 1371—1372 гг. своими силами действовал в районе Костромы, Мологи, Углича, Бежецкого верха («Троицкая летопись», стр. 392). Разумеется, эти операции были направлены против Москвы и Новгорода, но чрезмерная самостоятельность новоявленного «великого князя владимирского» не могла не раздражать и самого Ольгерда.

²¹⁵ «Троицкая летопись», стр. 392, 393.

²¹⁶ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 96—97.

²¹⁷ Там же, стр. 110, 179—182.

Получение Дмитрием ярлыка на великое княжение вновь сблизило Михаила с Ольгердом, послужив, возможно, причиной возобновления совместных вооруженных выступлений против московского князя и его сторонников в Тверской земле (например, в 1372 г. был razорен Дмитров, а также совершен новый поход к Кашину²¹⁸). Совместные операции против московских сил в 1372 г. Ольгерд и Михаил осуществляли также в районах Переяславля, Торжка, Любутска²¹⁹. Здесь войска Ольгерда потерпели поражение, что вынудило литовского князя летом 1372 г. снова пойти на перемирие с Дмитрием Ивановичем²²⁰. Оставшись в одиночестве, тверской князь Михаил в 1373 г. также должен был установить мирные отношения с Дмитрием Ивановичем.

Наступившая временная стабилизация на московско-литовских рубежах была использована московским князем для активизации борьбы против татар в Поволжье. «Того лета, — говорится в Троицкой летописи под 1374 г., — новгородцы Нижнева Новгорода побиша послов Мамаевых, а с ними татар тысящу и старейшину их, именем Сарайку»²²¹. Одновременно с прямыми выступлениями против татар великое владимирское княжение осуществляло мероприятия, рассчитанные на оборону границ от неприятельских вторжений. Князь Владимир Андреевич, женившись в 1371 г. на дочери Ольгерда Елене, воздвиг на левом берегу Оки новую крепость, названную Серпуховом²²².

Важные события происходили и во внутривосточной жизни великого владимирского княжения. Под 1374 г. Троицкая летопись сообщает: «Бяше съезд велик в Переяславли, отъвсюду съехашася князи и бояре и бысть радость велика во граде Переяславле...»²²³. Хотя летописец связывает это событие с рождением у Дмитрия Ивановича сына Юрия, тем не менее представляется весьма вероятным, что съезд имел прямое отношение к выработке «антиордынской» программы для всех земель великого владимирского княжения. Показательно, что на съезде не присутствовали татарские послы, хотя пребывание их на княжеских съездах стало традицией. Характерно также, что эпизод с «побиением послов Мамаевых» про-

²¹⁸ Там же, стр. 100.

²¹⁹ Там же, стр. 99—100.

²²⁰ Там же, стр. 103—104.

²²¹ Там же, стр. 106; «Троицкая летопись», стр. 396.

²²² «Того же лета... князь Владимир Андреевич заложил град Серпухов в своей отчине и повеле его снарядити в срубити дубов» («Троицкая летопись», стр. 393, 396).

²²³ Там же, стр. 398; ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 108.

изошел как раз во время съезда²²⁴ и что войска против татар послало то самое Нижегородское княжество, которое прежде нередко являлось в руках Орды орудием против Москвы²²⁵.

Вполне понятно, что возраставшая активность великого владимирского княжения, а также установление мирных отношений на московско-литовском пограничье представлялись ордынской дипломатии крайне нежелательными явлениями. В этих условиях Орда делала все от нее зависящее, чтобы направить внимание князя Дмитрия на запад. Уже в начале 1375 г. правители Орды опять прислали тверскому князю Михаилу ярлык на великое владимирское княжение²²⁶, что свидетельствовало о намерении татар спровоцировать новое выступление Михаила против Москвы.

Это выступление не заставило себя долго ждать. Летом 1375 г. Михаил сложил с себя крестное целование Дмитрию и послал войска к Угличу, а тверских наместников направил в Торжок²²⁷. Разумеется, за наступательным порывом тверского князя скрывалась поддержка Орды, с одной стороны, и Литвы — с другой. Всем было ясно, что Михаил не только близок Ольгерду, но «сложился съ Мамаем и со всею ордою»²²⁸. Поведение Михаила вызвало соответствующую реакцию московского князя Дмитрия и всех участников Переяславского съезда. Летом 1375 г. была создана большая армия, в которой оказались представлены войска почти всех княжеств Северо-Восточной Руси²²⁹. В августе 1375 г. объединенные силы Дмитрия оказались у стен Твери, тогда же были заняты такие центры Тверской земли, как города Зубцов, Белгородок, Старица. Военное и политическое преобладание Москвы было настолько очевидным, что ни Орда, ни Литва не решились прийти на помощь тверскому князю²³⁰. Осознав свое бессилие, Михаил капитулировал перед превосходящими силами княжеств Сече-

²²⁴ «Троицкая летопись», стр. 398. — Летописец подчеркнул, что попытки татар командовать привели к расправе с ними: «Сами же татарове ту все избиени быша и ни едии от них не избыть. А въ то время быша князи на съезде» (там же).

²²⁵ См. стр. 47, 51—53 настоящей работы.

²²⁶ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 110.

²²⁷ ПСРЛ, т. 23, стр. 118.

²²⁸ «Троицкая летопись», стр. 398.

²²⁹ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 110—112; «Троицкая летопись», стр. 398—399. — Характерно, что в этой армии, кроме сил московских, суздальско-нижегородских, ростовских, кашинских и новгородских, участвовали также отряды смоленского князя Ивана Васильевича, брянского князя Романа Михайловича и др.

²³⁰ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 112. — «А надеялися помочи от Литвы и от Татар, жда тоя помочи» (там же).

ро-Восточной Руси²³¹. Он отказался от притязаний на великое владимирское княжение, признал независимость Кашинского княжества, объявил себя младшим братом московского князя.

Понятно, что ни Литва, ни Орда не хотели мириться с подобными результатами московско-тверского конфликта. Не удивительно, что после 1375 г. Ольгерд, с одной стороны, а Мамай — с другой, усилили прямые атаки на владимирское великое княжение.

Перспектива военного сотрудничества Литвы и Орды заставила Дмитрия Ивановича предпринять некоторые превентивные шаги как на западе, так и на востоке. Так, в 1376 г. князь Дмитрий «послал брата своего князя Володимера Андреевича ратью ко Ржеве, он же, стоя у города 3 недели, посад пожже, а города не взя»²³². В марте того же года московский князь организовал большой поход к Булгару²³³, в результате которого «князь болгарский Осан и Маахмат Салтанъ и добиста челом князю великому»²³⁴.

Переход московского правительства к наступательным операциям на Волге совпал, как известно, с установлением относительной стабилизации в Орде, связанной с деятельностью Мамае²³⁵. Поэтому на боевые действия московских войск под Булгаром Орда ответила уже в 1377 г. походом к Нижнему Новгороду большого татарского войска под командованием Арабшаха. Хан Арабшах выиграл битву с московско-суздальской ратью и овладел Нижним Новгородом²³⁶. Эта победа, однако, не принесла больших политических выгод Орде. Характерно, что уже в следующем году войска московского князя Дмитрия нанесли поражение татарам на р. Воже (11 августа 1378 г.)²³⁷. Победа на Воже свидетельствовала о таком

²³¹ Ермолинская летопись сообщает: «Князь же Михайло... жда к себе от Литвы помочи, обещал бо бе ему Ольгерд силу послати, они же придоша близ Тфери и слыша под Тферью великого князя, убояшася, побегоша назад. И то слыша князь Михайло, яко не есть ему оттуду помочи... и посла к великому князю с челобитьем миру просить, в волю даяся» (ПСРЛ, т. 23, стр. 119).

²³² «Троицкая летопись», стр. 401.

²³³ Здесь, на восточном берегу Волги, в районе Булгара, в 1361 г. было, видимо, создано татарское государство во главе с Булат-Темиром (М. Г. Сафаргалиев, *Распад...*, стр. 118—119, 123).

²³⁴ «Троицкая летопись», стр. 401; ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 116.

²³⁵ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 287.

²³⁶ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 118—119; «Троицкая летопись», стр. 402—403.

²³⁷ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 134—135; т. 18, стр. 127; «Троицкая летопись», стр. 415—416; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 290.

усилиении великого владимирского княжения, с которым уже совсем не могли мириться ни в Ордынском царстве, ни в Великом княжестве Литовском²³⁸. Именно теперь Мамай, с одной стороны, и новый великий князь Литвы Ягайло — с другой, занялись непосредственной подготовкой своих армий для решительного выступления против Москвы, стали на путь тесного политического сотрудничества, направленного против великого владимирского княжения. Весной 1380 г. Мамай собрал огромное войско у Воронежа. Сюда же прибыли послы литовского князя Ягайло и перешедшего на их сторону рязанского князя. Они договорились о встрече татарских и литовских армий 1 сентября²³⁹.

Накануне решительного столкновения с Ордой общий фронт русских княжеств несколько сузился по сравнению с 1375 г., когда Дмитрий организовал поход против Твери. Теперь в армии Дмитрия Ивановича не было новгородских, рязанских и нижегородских полков²⁴⁰. Показательно, однако, что в московском войске находились полоцкий князь Андрей Ольгердович и Дмитрий Ольгердович, князь трубчевский, брянский и северский²⁴¹. Эти литовские князья были первыми жертвами новой политики Ягайло, который, заняв после смерти Ольгерда великокняжеский стол в Вильно (1378 г.), стал, видимо, ограничивать автономию земель-аннексов. Ягайло лишил полоцкой вотчины Андрея Ольгердовича, передав ее в управление князю Скиргайло, и угрожал тем же Дмитрию Ольгердовичу, владевшему Брянском и Северщиной. Узнав об этом, московский князь организовал зимой 1379/80 г. поход к Брянску, Трубчевску и Стародубу²⁴², чтобы, во-первых, затруднить в ближайшем будущем продвижение литовских войск на соединение с Мамаем и, во-вторых, оказать поддержку тем литовско-русским князьям, которые стали в оппозицию к

²³⁸ ПСРЛ, т. 18, стр. 127; «Троицкая летопись», стр. 417. — Возможно, что Мамай даже пытался подослать убийцу к московскому князю: «...бысть побоище на Воже с Бегычем изнимаща на той войне некоего попа от Орды пришедша... и обретоша у него злых зелий лютых мешок» («Троицкая летопись», стр. 417).

²³⁹ Там же, стр. 419; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 19.

²⁴⁰ Характерно, что уклонялись от активного участия в борьбе именно «окраинные» княжества, которые «боялись либо Орды, либо Литвы». Нижегородский князь Дмитрий Константинович послал свои войска против Мамай, но в самой Куликовской битве они не участвовали (А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья...*, т. II, стр. 416).

²⁴¹ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 15; «Троицкая летопись», стр. 418—419.

²⁴² «Троицкая летопись», стр. 418—419; ПСРЛ, т. 18, стр. 129; т. 15, вып. 1, стр. 138; А. Е. Пресняков, *Лекции...*, т. II, стр. 74.

Ягайло. Трудно сказать, удалось ли Дмитрию замедлить продвижение Ягайло к Куликову полю, но двух верных союзников — брянского и полоцкого князей — Москва сумела себе обеспечить²⁴³.

Таким образом, совершенно очевидно, что московский князь Дмитрий осуществлял не только военную, но и политическую подготовку к решающей схватке с Ордой и ее союзником Ягайло. Результат, как известно, оказался блестящим: 8 сентября 1380 г. князь Дмитрий, не допустив соединения литовских и татарских войск²⁴⁴, нанес на Куликовом поле сокрушительный удар по армии Мамаея²⁴⁵.

Победа сразу же создала новую расстановку сил в Восточной Европе. Сокрушив Орду, Дмитрий Донской не только продемонстрировал способность Москвы вести успешную борьбу с самым сильным, как тогда казалось, государством в Восточной Европе, но показал, что именно Москва теперь стала главным центром объединения русских земель.

Последнее обстоятельство было столь очевидно, что не только в «нейтральных» русских княжествах²⁴⁶, но и в тех, которые вошли в состав Литвы, явно активизировались промосковские и антиягайловские настроения. «Полная победа Москвы на Куликовом поле,— подчеркивает польский историк Колянковский,— была не только значительным ослаблением внутривнутриполитических позиций Ягайло, но и могла стать просто катастрофой для престижа Литовского государства на Руси»²⁴⁷. Весьма показательным было восстание в Полоцке, начавшееся летом 1381 г. Несомненно, что его вдохновителем был полоцкий князь Андрей, а прямую дипломатическую поддержку Полоцку оказал Великий Новгород²⁴⁸. Ягайло вынужден был стянуть к Полоцку все свои войска. Тем временем общим недовольством политикой Ягайло воспользовался князь

²⁴³ ПСРЛ, т. 18, стр. 129; т. 15, вып. 1, стр. 138.

²⁴⁴ Вооруженные силы Ягайло в самой битве участия не принимали. Тем не менее литовские войска сумели нанести ряд ударов по возвращавшейся с Куликовского сражения армии Дмитрия Донского, отняв у нее часть трофеев и татарских военнопленных (L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 19). Однако эти операции не ослабили общего эффекта достигнутой на Куликовом поле победы.

²⁴⁵ ПСРЛ, т. 18, стр. 129—131; М. Н. Тихомиров, *Древняя Москва*, стр. 198—200; М. Н. Тихомиров, *Куликовская битва 1380 г.*, — «Вопросы истории», 1955, № 8.

²⁴⁶ ПСРЛ, т. 18, стр. 130. — На сторону Дмитрия сразу перешел рязанский князь Олег (там же).

²⁴⁷ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 20; «Historia polityczna...», t. I, str. 462.

²⁴⁸ «Новгородская I летопись», стр. 378; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 21; «Historia polityczna...», t. I, str. 462.

Кейстут. Он занял столицу Литовского княжества Вильно, а Ягайло предложил в удел Витебск и Крево²⁴⁹.

Другим весьма характерным фактом явилось изменение ориентации митрополита литовского и Малой Руси Киприана. Возвышение его началось еще при Ольгерде, который в 1368 г. попытался начать в Царьграде новые хлопоты о создании в Литовском княжестве особой митрополичьей кафедры. На этот раз кандидатурой, предложенной Ольгердом, был болгарин Киприан из рода Цамблаков²⁵⁰. «Дай нам другого митрополита, — писал патриарху Ольгерд (имея в виду под первым митрополита Алексея), — на Киев, Смоленск, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижний Новгород»²⁵¹. Получив отказ, литовский князь в 1374 г. снова обратился к константинопольскому патриарху с прежней просьбой, но опять безуспешно. Осенью 1375 г. было снаряжено третье посольство в Константинополь, состоявшее из русских князей «литовской руки». Они потребовали дать Литве особого «митрополита всея Руси», угрожая в случае нового отказа «перейти к другой церкви»²⁵² (римско-католической). Этот аргумент видимо, подействовал на патриарха. Он решил, как и в 1358 г., пойти на компромисс: оставив Алексея митрополитом всея Руси, он создал для Киприана временный пост митрополита Малой Руси и Литвы²⁵³. Это не вполне удовлетворяло Ольгерда, но он рассчитывал, что после смерти Алексея митрополитом всея Руси все же станет его ставленник Киприан²⁵⁴.

Хотя в Москве и предвидели близкий конец Алексея, князь Дмитрий в конце 70-х годов отвергал всякую возможность признания Киприана верховным главой всей русской церкви²⁵⁵. Он выдвигал своих кандидатов — сначала Митяя²⁵⁶, умершего на пути в Царьград, а потом Пимена, который и был поставлен константинопольским патриархом Нилом на

²⁴⁹ «Historia polityczna...», t. I, str. 462.

²⁵⁰ К. Chodynicki, *Kościół...*, str. 20; А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак*, стр. 15—20, 153—163.

²⁵¹ РИБ, т. VI, прил., стр. 140.

²⁵² Там же, стр. 172; Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 212.

²⁵³ К. Chodynicki, *Kościół...*, str. 20. — Факты свидетельствуют, что Царьград, исходя из политических и финансовых интересов, предпочитал иметь дело с одним митрополитом. Но обострение борьбы между Литвой и Москвой заставляло его соглашаться на создание двух соперничавших митрополий. Одним из объектов соперничества был Киев (РИБ, т. VI, прил. № 3, 4, 9, 12—15, 22—25, 30—33).

²⁵⁴ К. Chodynicki, *Kościół...*, str. 21.

²⁵⁵ «Троицкая летопись», стр. 408—411; РИБ, т. VI, прил., № 30.

²⁵⁶ А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 355—357; ПСРЛ, т. II, стр. 71—81; М. И. Тихомиров, *Древняя Москва*, стр. 253.

пост митрополита всея Руси в июне 1380 г.²⁵⁷. При этом Нил согласился лишь на то, чтобы Киприан остался временно митрополитом Литвы и Малой Руси²⁵⁸. Однако в 1381 г. произошли «неожиданные» перемены в судьбах этих двух митрополитов: когда в декабре 1381 г. в Московское государство прибыл Пимен, то он должен был уступить высокий пост своему недавнему конкуренту Киприану, приехавшему в Москву еще в мае 1381 г. и, по-видимому, сумевшему найти общий язык с победителем на Куликовом поле²⁵⁹.

В чем причина такой быстрой перемены планов и намерений Дмитрия Донского? В литературе уже неоднократно высказывалось предположение о том, что приезд Киприана в Москву был связан с победой на Куликовом поле²⁶⁰. Обычно ограничиваются при этом объяснением поведения Киприана, справедливо указывая, что после Куликовской битвы ему стала особенно очевидна бесперспективность удержания за собой временного поста митрополита литовского и Малой Руси²⁶¹. Перемену настроения самого Дмитрия Донского оставляют чаще всего без развернутых комментариев²⁶². Между тем Дмитрий, затратив столько усилий в предшествующие годы на избрание своего кандидата и устранение его конкурента «литвина» Киприана²⁶³, теперь не мог изменить решение без достаточно веских оснований. Видимо, одной из причин такого поведения было то, что после Куликовской победы перед Дмитрием открылось весьма широкое поле деятельности в общерусском масштабе. Для нового этапа политики князя Дмитрия нужен был митрополит, хорошо знающий не только Северо-Восточную, но и Юго-Западную Русь. Новая обста-

²⁵⁷ Версия о том, что Пимен был «самозванцем», принадлежит, вероятно, самому Киприану, подробно изложившему ее в Троицкой летописи («Троицкая летопись», стр. 412; М. Н. Тихомиров, *Древняя Москва*, стр. 196—198). Нижегородское княжество выдвинуло своего кандидата Дионисия, который, видимо, был поддержан Ордой (ПСРЛ, т. 18, стр. 128).

²⁵⁸ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 226—232 и сл.; А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 360; РИБ, т. VI, прил., стр. 176.

²⁵⁹ ПСРЛ, т. 18, стр. 131; Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 249.

²⁶⁰ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 250.

²⁶¹ K. Chodynicki, *Kościół...*, str. 24.

²⁶² А. Е. Пресняков (*Образование...*, стр. 360) объясняет перемену в карьере Киприана фактом перепинки последнего с некоторыми иерархами русской церкви (игумены Сергей и Федор). Между тем пригласил Киприана сам Дмитрий Донской через своего духовника, посланного с этой целью в Киев. Троицкая летопись, близкая Киприану, утверждает, что в то время, как Пимен медлил в Царьграде, «князь Великий восхоте прияти митрополита Киприана, сущу ему в Киеве в тыи дни и посла по него игумена Симановьского Феодора, отца своего духовного в Киев, зовучи его к собе на Москву» («Троицкая летопись», стр. 413).

²⁶³ А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 359.

новка, новые внешнеполитические задачи Москвы, созданные Куликовской победой, подсказали Дмитрию Донскому и новую кандидатуру на пост митрополита всея Руси.

Значение происшедших сдвигов в расстановке сил на территории Восточной Европы лучше всего поняли в самой Орде. Проиграв битву на Куликовом поле, Мамай поставил под угрозу власть Орды над всем восточноевропейским пространством. А это означало, что он проиграл не только битву, но и свои политические позиции в Орде. Его попытки наспех собрать новые силы для реванша уже не давали никакого эффекта. Из Средней Азии надвигался новый властолюбивый хан Тохтамыш²⁶⁴. Он стремился устранить с политической арены неудачливого Мамай и восстановить престиж Орды в Восточной Европе. На р. Калке Тохтамыш нанес Мамаю еще одно поражение, после которого последнему пришлось бежать в Крым и там вскоре кончить бурную жизнь²⁶⁵.

Появление Тохтамыша на ханском престоле знаменовало собой не только временную ликвидацию феодальной анархии внутри Золотой Орды, но и новый этап татарской политики, без учета которой нельзя правильно понять всего сложного хода событий, происходивших на просторах Восточной Европы в конце XIV и начале XV в.

Разгромив Мамай, Тохтамыш сразу стал на путь тесного сотрудничества с Ягайло, который, как уже упоминалось, в 1381 г. был изгнан из Вильно Кейстутом и находился в своем уделе в Витебске или Крево²⁶⁶. Опираясь на золотоордынскую традицию, рассматривавшую всю Русь как улус Орды²⁶⁷, и желая нанести удар по объединительной политике

²⁶⁴ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 321—323; ИСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 141.

²⁶⁵ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в.*, СПб., 1887, стр. 132.

²⁶⁶ Колянковский (L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 21—22) высказывает мнение, что Кейстут действовал в контакте с Дмитрием Донским (А. Е. Пресняков, *Лекции...*, т. II, стр. 75; «Historia polityczna...», t. I, str. 462).

²⁶⁷ Такое понимание сущности ордынской политики на Руси проникло и в русские летописи; как уже подчеркивалось, Мамай, готовясь к походу на Москву, исходил из «исторических» прав Орды на русские земли, завоеванные еще Батыем. Естественно, что Тохтамыш стал преемником этой традиционной политической концепции.

московского князя, Тохтамыш в 1381 г. направил Ягайло ярлык на великое княжение в литовских и русских землях²⁶⁸.

Предоставление ярлыка было не только актом подчинения Литвы верховной власти Тохтамыша²⁶⁹, но и вместе с тем формой поддержки внутривосточных и внешнеполитических позиций Ягайло. Тохтамыш стремился упрочить положение Ягайло в самой Литве и в то же время поощрить антимосковскую активность литовского князя. Результаты не замедлили сказаться: уже в июне 1382 г. Ягайло снова оказался в Вильно в качестве великого князя, а старый Кейстут стал сначала его пленником, а потом и жертвой (есть сведения, что Кейстут был убит коморниками Ягайло)²⁷⁰. Но ярлык Тохтамыша одновременно превращал Ягайло в находившегося в вассальной зависимости от Орды реального правителя всего «русского улуса». А это означало, что он должен был начать в ближайшее время активную восточную политику, согласованную с новым ордынским ханом.

Делая в этот период основную ставку на Ягайло, Тохтамыш не оставил без внимания Северо-Восточную Русь. Он направил послов к великому князю владимирскому и московскому «и ко всем князем русским, поведая им свой приход...». Характерно, что Тохтамыш в переписке с русскими князьями стремился изобразить Мамай как общего противника Орды и Руси²⁷¹. Он обращался не только к Дмитрию, но и ко всем другим князьям, входившим в сферу влияния великого владимирского княжения, рассчитывая таким путем ослабить позиции Москвы в Северо-Восточной Руси.

Л. В. Черепнин справедливо отмечает, что «это была лишь дипломатия»²⁷². При этом, может быть, стоило подчеркнуть и своеобразие этой дипломатии, которая опиралась не только на сложившиеся традиции противопоставления отдельных княжеств Северо-Восточной Руси, но и на практику столкновения двух ведущих очагов объединения русских земель — Москвы и Вильно. Собираясь нанести военное поражение Дмитрию Донскому, как самому сильному и опасному для него в

²⁶⁸ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 323—324; Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 629.

²⁶⁹ Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 629.

²⁷⁰ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 14, 23—24; A. Prochaska, *Upadek Kiejstuta*, — «Kwartalnik historyczny», 1909, rocznik XXIII, str. 493—506. См. также работы: St. Smolka, *Kiejstut i Jagiello*, — «Pamiętniki Akademii Umiejętności», Wydział hist.-filosof., VIII, 1889; K. Szajnocha, *Jadwiga i Jagiello*, Kraków, 1861.

²⁷¹ ПСРЛ, т. 11, стр. 69; т. 15, вып. 1, стр. 141.

²⁷² Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 629.

то время князю Северо-Восточной Руси, Тохтамыш подготовлял почву для сотрудничества с другими северорусскими князьями.

Эта сторона политики Тохтамыша хорошо прослежена в работе А. Н. Насонова²⁷³, показавшего, что новый золотоордынский хан вел деятельные переговоры с нижегородским, рязанским и тверским князьями. Автор указывает даже на тот факт, что до Руси дошли слухи о намерении Орды поделить великое владимирское княжение на два великих княжения—московское и тверское. Но, правильно фиксируя внимание на этой стороне ордынской политики, квалифицируя ее как политику насаждения местного сепаратизма, противодействия процессу объединения Руси Москвою²⁷⁴, А. Н. Насонов все же недооценивает другой стороны, связанной со стремлением сохранить великое владимирское княжение в качестве реального противовеса Великому княжеству Литовскому и Русскому.

Весь ход последующих событий подтверждает необходимость учитывать наличие именно этих двух постоянных тенденций во внешнеполитической деятельности золотоордынских ханов. Слухи о разделении владимирского великого княжения не оправдались²⁷⁵, и после известного похода на Москву, совершенного в августе—сентябре 1382 г., Тохтамыш не без некоторых колебаний вручил ярлык на великое княжение не тверскому князю Михаилу Александровичу, а все тому же Дмитрию Донскому²⁷⁶. Эту кажущуюся непоследовательность можно объяснить только наличием определенной внутренней логики в политике золотоордынских ханов, основанной на использовании не только локальных противоречий между отдельными княжествами, но и противоречий в масштабе всей Восточной Европы. В условиях наметившегося «равновесия» между Литвой и Москвой²⁷⁷ Орда боялась, видимо, делать основную ставку на тверского князя в качестве главы Северо-Восточной Руси, боялась как из-за территориальной и политической близости последнего к Руси Литовской, так и из-за того, что Тверь не могла быть надежным противовесом Великому княжеству Литовскому.

²⁷³ А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 135—137.

²⁷⁴ Там же, стр. 135.

²⁷⁵ Там же, стр. 137.

²⁷⁶ «Очерки истории СССР. IX—XV вв.», ч. II, стр. 228—230; Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 629—647.

²⁷⁷ Авторы «Политической истории Польши» считают, что поход Тохтамыша на Москву 1382 г. «сохранил преобладание Литвы на Руси» («Historia polityczna...», t. I, str. 462).

Не случайно, видимо, Орда противилась и установлению прямых связей Вильно с Москвой. Когда в середине 80-х годов наместилось два варианта женитьбы литовского князя Ягайло (на дочери Дмитрия Донского и на польской королеве Ядвиге), Орда воспрепятствовала московско-литовскому сближению, тем самым способствуя реализации польско-литовской унии. Когда же Ягайло стал польским королем и уния была заключена (1385 г.)²⁷⁸, золотоордынский хан, с одной стороны, несколько ослабил нажим на великое владимирское княжение, а с другой — активизировал вмешательство во внутренние дела нового Польско-Литовского государства, возглавленного Ягайло²⁷⁹. Возможностей же для такого вмешательства становилось все больше, поскольку внутри этого нового объединения с самого начала существовал антагонизм между Польшей и Литвой, а также все в большей мере давали себя знать литовско-русские и польско-русские противоречия²⁸⁰.

Такова была программа Тохтамыша, но ее осуществление затруднила начавшаяся борьба с Тимуром. Рост могущества Тохтамыша, его честолюбивые планы в отношении Восточной Европы и главным образом в отношении Мавераннахра и Кавказа заставили Тимура выступить против своего недавнего вассала и союзника. Конец 80-х и 90-е годы XIV в. были ознаменованы несколькими сражениями между войсками Тохтамыша и Тимура²⁸¹. Первое столкновение на Кавказе в 1387 г. окончилось частичным поражением Тохтамыша²⁸². Затем последовали удачные для него операции в Мавераннахре, оазисах Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. Военные действия сопровождались использованием политической оппозиции Тимуру в Хорезме, в частности там было спровоцировано восстание, во главе которого формально стоял глава кунградской династии Сулейман Суфи²⁸³. Однако быстрые и энергичные действия Тимура, прибывшего в Среднюю Азию из Ирана, положили конец временным успехам Тохтамыша в Ма-

²⁷⁸ А. Е. Пресняков, *Лекции...*, т. II, стр. 77; М. К. Любавский, *Литовско-русский сейм*, М., 1901, стр. 9—10; А. Барбашев, *Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.)*, СПб., 1885, стр. 32—36.

²⁷⁹ См. Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 318, 329—333.

²⁸⁰ В. И. Пичета, *Белоруссия и Литва XV—XVI вв.*, М., 1961, стр. 525—550 и др.; А. Барбашев, *Витовт и его политика...*, стр. 37—49.

²⁸¹ J. Hammer-Purgstall, *Geschichte...*, S. 333—370; ПСРЛ, т. 25, М. — Л., 1949, стр. 222—223.

²⁸² Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 333; В. Г. Тизенгаузен, *Сборник...*, т. I, стр. 302 и сл.

²⁸³ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 334—335.

вераннахре. Тем не менее глава Золотой Орды все еще обладал большим политическим весом и значительным военным потенциалом. Поэтому Тимур должен был тщательно готовиться к последующим схваткам.

В 1391 г. в местности Кундузша, на левом берегу Волги, произошло грандиозное сражение²⁸⁴, окончившееся полным поражением войск Тохтамыша. Но хан Золотой Орды не сложил оружия: он рассчитывал продолжить борьбу, используя имевшиеся еще ресурсы Золотой Орды, а также оппозиционные Тимуру силы на Кавказе, в Мавераннахре и Египте²⁸⁵. Он надеялся использовать в своих интересах и страны Восточной Европы, в частности Московскую Русь и Литовское княжество. Уже летом 1392 г. Тохтамыш пригласил к себе московского князя Василия Дмитриевича (1389—1425), чтобы санкционировать передачу под контроль Москвы того самого Нижегородского княжества, которое в 1382—1383 гг. выступило отнюдь не союзником Дмитрия Донского. Теперь великий князь Василий I получал ярлык на Нижний Новгород, Городец, Мещеру, Тарусу²⁸⁶.

Несомненно, что этот шаг Тохтамыша был обусловлен его слабостью и стремлением опереться в предстоящих схватках с Тимуром на возросшую силу Москвы. Но было еще одно обстоятельство, связанное с московско-литовскими отношениями. Дело в том, что еще в 1390 г. наметилось сближение между Василием и столкнувшимся с Ягайло литовским князем Витовтом (тогда была решена женитьба московского князя на дочери Витовта Софье)²⁸⁷. Тохтамыш не мог, разу-

²⁸⁴ В. Г. Тизенгаузен, *Сборник...*, т. I, стр. 392—394, 453, 454, 456; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 350, 354—361.

²⁸⁵ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 362.

²⁸⁶ По приезде из Орды Василий сразу же предпринял поход в Нижний Новгород и без большого труда реализовал данные ему права (ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 164; т. 23, стр. 132—133): «Того же лета (1392. — И. Г.) иде в Орду князь великий Василей ко царю Тахтамышу, июля 16, — писала Ермолинская летопись, —... а октября 24 прииде из Орды князь велики, многу честь приемъ от царя, яко же ни единъ от прежних князей; прида же ему царь Новгород Нижней и Городец со всем, и Мещеру и Торусу... ноября 6 князь велики иде в Повгород Нижней и бысть там до Рождества Христова и возвратися, оставив наместника своего Дмитрея Александровича Всеволожа» (ПСРЛ, т. 23, стр. 132—133). Вместе с московскими войсками были и татарские отряды («Троицкая летопись», стр. 439). Весьма показательно, что после присоединения Нижнего Новгорода и изгнания князи Бориса великий князь «безбожных же татар чтив и дарив, отпусти в Орду, сам же возвратися въ свояси на Москву» (там же, стр. 440, 456).

²⁸⁷ А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 334, 337; А. Е. Пресняков, *Лекции...*, т. II, стр. 83; А. Барбашев, *Витовт и его политика...*, стр. 55—56.

меется, симпатизировать этому сближению и решением нижегородского вопроса, возможно, хотел отвлечь Василия от дальнейшего сотрудничества с Литвой. Вместе с тем он принял весьма важные шаги и в литовской столице, целью которых было не допустить сближения Витовта с московским князем и противопоставить Польско-Литовское государство как целое Москве. Есть основания думать, что он сочувственно отнесся к примирению Ягайло и Витовта, состоявшемуся в 1392 г. и завершившемуся предоставлением последнему в управление Великого княжества Литовского²⁸⁸. А вскоре при дворе Ягайло вновь появились татарские послы. Всего через год после поездки Василия I в Орду и выдачи ему ярлыка на нижегородское княжение Тохтамыш выдал Ягайло ярлык на обладание всеми литовскими и русскими землями²⁸⁹ и предложил заключить военный союз.

Сопоставление этих двух почти одновременных мероприятий Тохтамыша говорит не только о лихорадочных попытках золотоордынского хана завербовать союзников перед надвигавшейся схваткой с Тимуром, но также и о стремлении сохранить между ними своеобразное «равновесие». Судя по всему, сам Ягайло воспринял предоставление ярлыка как санкцию активной политики Литвы и Польши на востоке. Дальнейшее развитие событий показало, что действия Тохтамыша объективно способствовали этому.

Следующий важный этап в жизни восточноевропейских стран был связан с новым столкновением Тимура и Тохтамыша на р. Терек в 1395 г. Золотоордынский хан был окончательно разбит²⁹⁰, вместе с небольшой группой приближенных ему удалось бежать²⁹¹ в «Булар». Подчеркивая, что это слово могло быть либо искаженным «Келар», что в переводе с арабского означает Польшу, либо «Булгар», что означало бы известный город на Волге, А. Ю. Якубовский склоняется ко второму объяснению²⁹². Его поддерживает и М. Г. Сафаргалиев, выдвинувший некоторые дополнительные аргументы²⁹³. Однако в пользу трактовки «Булара» как Польши говорят

²⁸⁸ «Того же лета король Ягайло дал Витофту великое княжение литовское» (ПСРЛ, т. 23, стр. 133).

²⁸⁹ И. Н. Березин, *Ханские ярлыки*, ч. I, стр. 21—22; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 67; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 362; М. С. Грушевский, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 72, 460.

²⁹⁰ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 363—366; J. Hammer-Purgstall, *Geschichte...*, S. 360—362; M. Zdan, *Stosunki...*, str. 538.

²⁹¹ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 367; J. Szujski, *Dzieje Polski*, t. II, Lwów, 1862, str. 20.

²⁹² Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 377.

²⁹³ М. Г. Сафаргалиев, *Распад...*, стр. 174—175.

некоторые общие соображения и отдельные свидетельства источников.

Утверждение М. Г. Сафаргалиева, что Тохтамыш ушел от преследований Тимура на Среднюю Волгу, откуда будто бы сразу предпринял попытку завоевать «поморские города» (территории, расположенные между Камой, Вяткой и Белым морем)²⁹⁴, не имеет документального подтверждения, как признает сам автор. Предполагаемый уход Тохтамыша на Среднюю Волгу, как и якобы осуществленные им вскоре операции по завоеванию «поморских городов», прежде всего не укладываются в сравнительно узкие временные рамки. Хорошо известно, что уже в начале 1396 г. Тохтамыш предпринял поход в Крым против объявившей себя независимой генуэзской колонии в Кафе²⁹⁵. Если учесть, что между решающим столкновением с Тимуром (15 февраля 1395 г.) и появлением Тохтамыша в Крыму (март 1396 г.) прошло менее года, а срок этот должен был быть использован Тохтамышем для политической²⁹⁶ и военной подготовки²⁹⁷ крымской кампании, придется признать, что бывший хан Золотой Орды практически не имел возможности осуществлять политику большого масштаба на обширном пространстве от Камско-Волжского междуречья до Белого моря. Совершенно естественно, что за этот короткий период, который отделяет момент его поражения на Тереке от появления у стен Кафы, значительно легче было организовать армию для борьбы за овладение Крымом именно в Польско-Литовском государстве, а не в далеком Волжском Булгаре.

Гипотеза о бегстве Тохтамыша к Булгару противоречит также и общей обстановке, создавшейся в Восточной Европе

²⁹⁴ Там же, стр. 174. — Хотя А. Ю. Якубовский также склонен считать, что после понесенного весной 1395 г. поражения Тохтамыш скрылся в Булгаре, тем не менее под летописным термином «поморские города» (ПСРЛ, т. 11, стр. 162—163) он все же разумеет города Крыма (А. Ю. Якубовский, *Из истории падения Золотой Орды*, — «Вопросы истории», 1947, № 2; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 378).

²⁹⁵ По сообщению арабского автора Ибн-эль-Ферата, в Египте уже 17 марта 1396 г. были сведения о том, что Тохтамыш приступил к осаде Кафы (В. Г. Тизенгаузен, *Сборник...*, т. I, стр. 364; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 377).

²⁹⁶ Перед походом в Крым Тохтамыш сблизился с главой феодально-родового рода ширинских мурз — князем Рухтимиром, выдав за него свою сестру Джанаки-Султану (Ф. Лашков, *Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. Родословная ширинских мурз*, — «Известия Таврической ученой комиссии», Симферополь, 1895, № 23, стр. 124).

²⁹⁷ Ибн-эль-Ферат подчеркивает в своей информации, что Тохтамыш, прежде чем отправиться в Крым, «собрал войска» (В. Г. Тизенгаузен, *Сборник...*, т. I, стр. 364).

после битвы на Терек. Тимур, желая ослабить материальную основу поколебленной уже мощи золотоордынского хана, уничтожил в Поволжье ряд важных центров Золотой Орды, а потом совершил поход на территории, подчиненные Ягайло, и подверг опустошениям Поднепровье, где пытался расправиться с некоторыми ближайшими соратниками Тохтамыша²⁹⁸, бежавшими после разгрома на Северном Кавказе. Нанеся серьезный урон западнорусским украинским землям Литовского княжества, а также территориям Причерноморья (Крым)²⁹⁹, Тимур отступил к Дону. Отсюда он неожиданно направился на север, в земли Рязанского княжества, находившиеся тогда в сфере влияния Тохтамыша и Литвы³⁰⁰. Разорив Рязань, Тимур не тронул самой Москвы³⁰¹. Отсюда он снова двинулся на Азов, разграбил его, а потом направился в Южное Поволжье, где стер с лица земли Сарай-Берке и Астрахань³⁰². На ордынский престол он посадил своего ставленника Тимур-Кутлука, за спиной которого стоял энергичный Едигей³⁰³.

²⁹⁸ В. Д. Смирнов подчеркивает, что Тохтамыш в 1392—1393 гг. вместо своего врага Бек-Булата поставил в Крыму вассала Таш-Тимура, против которого Тамерлан и выступил (В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 146; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 70—71).

²⁹⁹ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 147; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 375.

³⁰⁰ Не случайно позднее, в 1398 г., Тохтамыш искал поддержки именно у рязанского князя (Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 381).

³⁰¹ ПСРЛ, т. 23, стр. 134; т. 18, стр. 143. — Русские источники (Ермолинская и Воскресенская летописи) объясняют отказ Тимура от дальнейшего наступления на Москву своевременным перенесением иконы Владимирской богородицы в Москву (ПСРЛ, т. 23, стр. 134; т. 25, стр. 223; Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 332). Тот факт, что Тимур, имея полную возможность если не захватить, то значительно ослабить Москву, все же после двухнедельного стояния на рязанско-московских рубежах предпочел оставить Московское княжество в покое и начать отступление на юг, весьма интересен. Возможно, что в данном случае Тимуром руководил определенный политический расчет: подвергнув разорению земли Ягайло, наиболее могущественного в Восточной Европе союзника Тохтамыша, не наносить удара по территории московского князя, являвшегося потенциальным противником Литвы.

³⁰² Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 371; J. Hammer-Purgstall, *Geschichte...*, S. 360—369; В. Г. Тизенгаузен, *Сборник*, т. I, стр. 466—467; ПСРЛ, т. 25, стр. 222.

³⁰³ J. Hammer-Purgstall, *Geschichte...*, S. 360. — Представляется преувеличением утверждение М. Г. Сафаргалиева о том, что появившиеся в этот период в Золотой Орде ханы Тимур-Кутлук, Едигей, Кайрчак, Таш-Тимур вели независимую от Тамерлана политику. Необходимость борьбы против Тохтамыша диктовала политику «единого фронта», и, возможно, сам Тимур санкционировал объединение отдельных орд под эгидой Едигея. Автор первой половины XV в. Шериф-эд-дин Йезди дает информацию, ко-

В таких условиях пребывание на разоренных после кампании 1395 г. территориях Поволжья не только не сулило Тохтамышу выгод в борьбе против Тимура, но и грозило ему большой опасностью, поскольку этот район, с одной стороны, граничил с Московской Русью, не питавшей симпатий к Тохтамышу, а с другой — находился поблизости от территорий, так или иначе контролировавшихся тогдашними вассалами Тимура (например, ханом Кайричаком)³⁰⁴ или его союзниками (Тимур-Кутлуком, Едигеем). Совсем иные перспективы открывало бегство в сторону Польско-Литовского государства, с правящими кругами которого Тохтамыш уже давно поддерживал самые тесные союзные отношения. Ряд источников дает по существу прямые указания о направлении, избранном Тохтамышем в 1395 г. Так, арабский источник (Ибн-эль-Ферат) прямо утверждал, что в апреле 1395 г. «Тохтамыш был разбит и бежал в земли Русских»³⁰⁵ (в данном случае речь шла, видимо, о русских землях Великого княжества Литовского). Автор персидского происхождения Аноним Искандер писал: «перед тем как он (Тимур-Кутлук.—И. Г.) вззошел на престол, Тохтамыш бежал в Либка (т. е., видимо, в Литву.—И. Г.)»³⁰⁶. Вологодско-Пермская летопись, которая лучше других должна была знать, действительно ли Тохтамыш бежал к Волжскому Булгару, излагая события 1395 г., отмечала: «бон бысть царю Темир Кутлюю (следует подразумевать «Темир Аксаку», т. е. Тимуру³⁰⁷ —И. Г.) с Тактамышем и

горя вполне подтверждает такое предположение: вскоре после возвращения Тимура из Восточной Европы к нему «прибыли из Дешта посол Тимур-Кутлук-оглана и человек эмира Идигу, из Джете также прибыл посол Хызр-ходжи-оглана (Кайричак-хана.—И. Г.)». Послы эти заявили: «Мы рабы, слуги... его величества, если до этого... мы сходили с пути повиновения... то теперь... мы увидели безобразие этого... и закусили палец раскаяния зубами сожаления. Если милость его величества Тимура коснется положения нашего, пятна наших погрешностей смоем водою прощения и отпустит наши вины, то мы после этого [уже] не сойдем с пути повиновения и ни в коем случае не отступим от приказаний рабов его величества». Тимур «милостиво обошелся с послами узбеков и джете, удостоил их шапок, поясов, халатов и лошадей, согласился на просьбы всех их и отпустил их с благосклонными грамотами» (В. Г. Тизенгаузен, *Сборник...*, т. II, стр. 187—188).

³⁰⁴ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 367.

³⁰⁵ В. Г. Тизенгаузен, *Сборник...*, т. I, стр. 363.

³⁰⁶ В. Г. Тизенгаузен, *Сборник...*, т. II, стр. 133.

³⁰⁷ Об этом свидетельствуют показания автора Московского свода конца XV в., который, излагая те же события, называет имя не Тимур-Кутлука, а Темир-Аксака. Ошибка Вологодско-Пермской летописи происходила, вероятно, из общности политики этих ханов в тот период (ПСРЛ, т. 25, стр. 225).

прогна Тактамыша в Литву»³⁰⁸. Аналогичные сообщения встречаются под 1396 г. и в западнорусских летописях³⁰⁹.

Как бы то ни было, бесспорно, что в 1396 г. (во всяком случае после похода в Крым) Тохтамыш вместе с другими татарскими эмигрантами прочно осел в Литве. Здесь он из «властелина» обширной Золотой Орды превратился в клиента Витовта³¹⁰, но не оставлял мысли о восстановлении своего былого величия. Его планы были тесно связаны с планами Витовта, который в 90-х годах выступал с программой создания самостоятельного Русско-Литовского королевства, противопоставленного, с одной стороны, Польше, а с другой — Москве³¹¹, и потому настойчиво стремился не только добиться ослабления связей с Польшей (вплоть до расторжения унии), но и осуществить значительное расширение Литовско-Русского государства за счет приобретений на востоке.

Эта политика Витовта отражала тенденцию самостоятельного, независимого от Польши, развития Литовско-Русского

³⁰⁸ ПСРЛ, т. 26, М. — Л., 1959, стр. 164.

³⁰⁹ См. «Летописец князей литовских» (ПСРЛ, т. 17, стр. 96).

³¹⁰ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 161; А. Барбашев, *Витовт и его политика...*, стр. 95; А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 341; А. Мухлинский, *Исследование о происхождении и состоянии литовских татар*, СПб., 1857, стр. 10.

³¹¹ Так считал ряд историков (J. Caro, *Geschichte Polens*, Bd 111, Gotha, 1869, S. 200; А. Барбашев, *Витовт и его политика...*, стр. 87, 100; М. С. Грушевский, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 143; J. K. Kochanowski, *Witold Wielki książę litewski*, Lwów, 1900, str. 108; A. Lewicki, *Kiedy Witold został Wielkim księciem Litwy*, — «Kwartalnik historyczny», 1894, rocznik VIII, str. 421—436; S. Zajęczkowski, *Witold wielki książę litewski*, — «Ateneum Wileńskie», rocznik VII, 1930, z. 3—4, str. 455—468), в то время как другие историки (A. Prochaska, *Dzieje Witolda wielkiego księcia Litwy*, Wilno, 1914, str. 394; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 67—70, 74, 101—103, 163; «Historia polityczna...», t. I, str. 469) утверждали, что Витовт всегда был лишь правой рукой Ягайло, что он не мыслил развития Литовско-Русского княжества без опоры на Польшу и что его восточная политика была по существу политикой Польского государства и польского короля Ягайло. Так, польский историк Колянковский, например, подчеркивал в своей работе, что данный период в истории Восточной Европы открывал перед Ягайло и его вассалом Витовтом чрезвычайно широкие перспективы на востоке. «Там на востоке, — писал он, — появилась возможность приобретения для Литвы господства над всеми русскими землями. Выполнить это можно было в союзе с татарами, фактическими и номинальными обладателями Руси, как той, которая уже была в составе Литвы, так и той, которая лежала за пределами ее границ, главным образом Москвы». Характерно что инициатором в деле выполнения такой программы Колянковский считал польского короля Ягайло, который «в наследство от отца получил опыт объединения с татарами против Москвы. Он и сам шел вместе с Мамаем на Дмитрия» (L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 64).

государства³¹². Она отнюдь не была только личным делом правителя Литвы (хотя при ее успехе он сам должен был получить корону), но представляла собой, во-первых, выражение интересов литовско-русских феодалов, стремившихся при благоприятных обстоятельствах расторгнуть унию с Польшей и упрочить свое государство на общерусской основе³¹³, а во-вторых, опиралась на определенное соотношение сил, сложившееся к тому времени в Европе.

Витовт стремился использовать заинтересованность феодальных сил Западной Европы, и прежде всего Рима, в привлечении Польско-Литовского государства к борьбе против турок, усиливших в то время натиск на Балканах. Он не хотел открытого разрыва с Ягайло, надеялся опереться на римскую курию. Этим маневрированием, по-видимому, объясняется его причастность к переговорам польского короля Ягайло с митрополитом всея Руси Киприаном осенью 1396 г. в Киеве, результатом которых было обращение к константинопольскому патриарху с предложением осуществить унию греческой и римской церкви³¹⁴. В той же связи находилась, вероят-

³¹² Существование противоречий между Польшей и Литовско-Русским княжеством в этот период подтверждается и в различной трактовке задач восточной политики — так, в эти годы Ягайло и Витовт вели скрытую борьбу за разграничение «сфер влияния» на русских землях (Новгород и др.) (см. А. Барбашев, *Витовт и его политика...*, стр. 92—93), — и в споре польской королевы Ядвиги с Витовтом по поводу выплаты Литвой в польскую казну ежегодной дани (там же, стр. 74—75, 84).

³¹³ Показательным в этом отношении было провозглашение Витовта «королем Литвы и Руси», осуществленное литовскими и русскими феодалами в 1398 г. (А. Барбашев, *Витовт и его политика...*, стр. 87). О позиции литовско-русских феодалов см. также в работах: Ф. И. Леонтович, *Правоспособность литовско-русской шляхты*, — «Журнал Министерства народного просвещения», 1908, № 3, 5—7; 1909, № 2, 3; М. К. Любавский, *К вопросу об ограничении политических прав православных князей, панов и шляхты в Великом княжестве Литовском до Люблинской унии*, — «Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому», М., 1909; М. К. Любавский, *Литовско-русский сейм*; В. И. Пичета, *Литовско-польские унии и отношение к ним литовско-русской шляхты*, — «Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому»; В. И. Пичета, *Белоруссия и Литва...*

³¹⁴ «Троицкая летопись», стр. 448; Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 337—339. — Несомненно, авторы этого проекта исходили из того, что уния Рима с Константинополем должна решить и судьбу русской церкви в смысле ее подчинения римскому престолу. Как известно, греческий патриарх, находившийся тогда в осажденном турками Константинополе, осторожно отнесся к этому плану, направив с уклончивым ответом к Ягайло вифлеемского епископа (РИБ, т. VI, прил., № 44; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 133). Интересна не только сама попытка осуществления унии, но и участие в этих переговорах митрополита всея Руси Киприана; его позиция определялась, видимо, стремлением сохранить свой пост при любых переменах в политической и церковной жизни Восточной Европы.

но, и отправка в Рим познанского епископа Ястшембца с просьбой благословить крестовый поход против Тимур-Кутлука³¹⁵. Но одновременно Витовт устанавливал контакты помимо Ягайло, искал союзников для осуществления своей «общерусской» программы, направленной против Польши. Поэтому он заключил союз с Тевтонским орденом, выступившим против польского короля³¹⁶. Во время переговоров в Салине весной 1398 г.³¹⁷ речь шла и о поддержке планов отделения Литовско-Русского княжества от Польши, и о признании Орденом прав Литвы на Великий Новгород³¹⁸ в обмен на отказ Витовта от Жмуди (Жемайтии)³¹⁹. Тогда же орденские представители демонстративно называли Витовта «королем Литвы и Руси» (после того как его провозгласили королем находившиеся с ним литовские и русские феодалы)³²⁰.

Однако главным союзником Витовта в 90-х годах стал Тохтамыш. Горевший желанием вновь занять золотоордынский престол хан и литовский князь, лелеявший планы создания Литовско-Русского королевства, разработали программу совместных действий, которая была закреплена в 1398 г. выдачей Витовту ярлыка на все русские земли³²¹. В некоторых русских летописях сохранились записи, фиксирующие планы Витовта и Тохтамыша: «Побием царя Тимур Кутлуя, посадим царя Тохтамыш, а он нас посадит на всей русской земли»³²². Та же мысль, приписываемая Витовту, пересказы-

Не случайно на протяжении своей долгой жизни он находил общий язык с Ольгердом, Дмитрием Донским, Ягайло, Витовтом и Василием Дмитриевичем, пытаясь встать над противоречивыми интересами отдельных княжеств Руси. Это нашло отражение в Троицкой летописи, созданной, как известно, под его влиянием.

³¹⁵ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 67; M. Zdan, *Stosunki...*, str. 546.

³¹⁶ А. Барбашев, *Витовт и его политика...*, стр. 80.

³¹⁷ Там же, стр. 84—85; В. И. Пичета, *Белоруссия и Литва...*, стр. 527; М. К. Любавский, *Литовско-русский сейм*, стр. 25.

³¹⁸ А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 339; «Historia polityczna...», t. I, str. 470.

³¹⁹ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 63—64; А. Барбашев, *Витовт и его политика...*, стр. 82—86. — Во время переговоров магистр Ордена подчеркивал, что передача Жмуди Ордену уже давно санкционирована папой и императором (А. Барбашев, *Витовт и его политика...*, стр. 82). Следует отметить, что реализация этого пункта Салинского соглашения должна была отразиться на официальном наименовании княжества: потеря Жмуди привела бы к удалению слова «Жемайтийское» из этого наименования, после чего княжество и формально называлось бы «Литовским и Русским». Это подчеркивает внешнеполитическую концепцию Витовта того времени (там же, стр. 87).

³²⁰ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 64.

³²¹ A. Prochaska, *Z Witolodowych dziejow...*, str. 260; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 162; А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, стр. 140.

³²² ПСРЛ, т. 17, стр. 330, «Троицкая летопись», стр. 450.

вается: Вокресенской летописью: «Похвалился глаголяще бевитовт: поидем и победим царя Темир Кутуя, взяв царство его, посадим на нем царя Тохтамыша, а сам сяду на Москва, на великом княжении, на всей русской земли»³²³. Еще более ярко изложена речь Витовта составителем «Хронографа», опиравшимся на «Полихрон» митрополита Фотия, датированный 1418 г.: «Витовт рече: «Я тебя посажу на Орде и на Сарай, и на Болгарех, и на Азтархан, и на Озове, и на Заятцкой Орде, а ты мене посади на Московском великом княжении и на всей Семенатыцати тем и на Новгороде Великом, и на Пскове, а Тферь и Рязань моя и есть, а Немцы и сам возмужу»³²⁴.

Летописи отражали действительные настроения правящих кругов Литовско-Русского государства³²⁵, а возможно, и самого митрополита всея Руси Киприана. О широкой подготовке Витовта и Киприана к осуществлению своей программы свидетельствовали политические переговоры, происходившие в 1398 г., в частности встреча жены московского князя Василия Софьи Витовтовны с отцом в Смоленске³²⁶, а также вторичная поездка Киприана в Литву через Тверь³²⁷. Совершенно очевидно, что Киприан старался быть в непосредственной близости от главы Литовско-Русского государства накануне возможной победы последнего над Тимур-Кутлуком и Едигеем и утверждения в результате этого его власти во всех русских землях.

Кроме этих политических мероприятий, осуществлялась и военная подготовка к предстоящей кампании. В срочном порядке воздвигались замки на пограничных реках. Центром сбора литовского войска был Киев³²⁸. Уже в 1398 г. отряды Витовта предприняли первый поход к устью Днепра³²⁹. В последующие месяцы армия Витовта продолжала пополняться главным образом за счет литовско-русского феодального

³²³ ПСРЛ, т. 8, СПб., 1859, стр. 72; А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 341; «Троицкая летопись», стр. 450.

³²⁴ ПСРЛ, т. 22, ч. I, СПб., 1911, стр. 423.

³²⁵ Прежде всего об этом свидетельствовала реальная политика Витовта конца 90-х годов на «нейтральных» русских территориях (Смоленская, Новгородская, Тверская земли), а также его бесцеремонные попытки использовать в политических целях свою дочь Софью Витовтовну, являвшуюся с 1390 г. супругой московского великого князя Василия.

³²⁶ «Троицкая летопись», стр. 449; А. Барбашев, *Витовт и его политика...*, стр. 90—91, 96.

³²⁷ «Троицкая летопись», стр. 449.

³²⁸ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 165; А. Барбашев, *Витовт и его политика...*, стр. 97; J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 20—21; M. Żdan, *Stosunki...*, str. 548—551.

³²⁹ А. Барбашев, *Витовт и его политика...*, стр. 95.

класса, а также за счет многочисленных отрядов крестоносцев, татар и польских рыцарей³³⁰.

Однако планам Витовта и Тохтамыша не суждено было осуществиться: реальные правители Орды Тимур-Кутлук и Едигей, зная о приготовлениях Витовта, также не бездействовали. В течение зимы 1398/99 г. они создали свою армию, передвинув ее весной к рубежам Великого княжества Литовского. Опираясь на эти вооруженные силы, Тимур-Кутлук тогда же направил в Вильно своих послов с требованием выдать Тохтамыша³³¹. Ультимативное требование ордынской дипломатии ускорило приготовления Витовта к решительной схватке с противником. В результате уже в конце июля 1399 г. обе армии встретились на берегах Ворсклы. Здесь 12 августа произошел бой, который кончился для Витовта страшным поражением³³². Армия литовского князя почти целиком погибла на поле битвы. Все Поднепровье оказалось лишенным средств обороны. Киевщина и Волынь сразу стали жертвой татарского грабежа и разорения³³³.

Победа, одержанная Едигеем и Тимур-Кутлуком на берегах Ворсклы, имела важные политические последствия: она не только вновь укрепила влияние Золотой Орды в Восточной Европе и окончательно уничтожила престиж Тохтамыша³³⁴, но и заставила Витовта надолго отказаться от своих сепаратистских планов. Первый этап правления литовского князя, характеризовавшийся почти полной политической самостоятельностью, был завершен. Витовт был вынужден вернуться к тесному сотрудничеству с польскими феодалами и королем Ягайло, идти в фарватере их политики. Эта новая позиция Витовта была зафиксирована его санкцией на формальную инкорпорацию Литвы в состав Польши в 1401 г.

³³⁰ В армии Витовта, кроме литовско-русских полков, были сравнительно немногочисленные отряды Тохтамыша, около 100 крестоносцев, а также 400 воинов из Польши (см. А. Барбашев, *Витовт и его политика...*, стр. 96—97). Отсутствие значительных польских контингентов указывало, между прочим, на то обстоятельство, что Ягайло опасался оказывать всемерную поддержку планам экспансии Витовта в Восточной Европе. По-видимому, цели польского короля и литовско-русского князя в данном случае полностью не совпадали. Разумеется, польские феодалы не были против восточной экспансии, но они с подозрением относились к восточной политике Витовта, угрожавшей в случае успеха отделением Литвы.

³³¹ В. Г. Тизенгаузен, *Сборник...*, т. I, стр. 469—470.

³³² ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 165; М. О. Strykowski, *Kronika Polska. Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi*, t. II, Warszawa, 1846, стр. 113—116.

³³³ А. Барбашев, *Витовт и его политика...*, стр. 98—99.

³³⁴ В дальнейшем карьера Тохтамыша постепенно сходит на нет. В 1405 или 1407 г. где-то около Тюмени он был убит (В. Spuler, *Die Goldenen...*, S. 141).

РАСПАД ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.

1. Взаимоотношения Орды, Литвы и Московского княжества в первой четверти XV в.

Победа, одержанная над Витовтом и Тохтамышем в 1399 г., несомненно, укрепила положение Едигея внутри Орды, а также усилила его позиции на международной арене. Смерть Тимура в 1405 г. создала условия для еще большей активизации Едигея в Средней Азии, на Кавказе и на Волге. Политическое могущество правителя Орды позволяло ему по-прежнему вмешиваться в дела Восточной Европы, умело используя противоречия между двумя основными центрами консолидации русских земель — великим владимирским княжеством и Великим княжеством Литовским.

Как уже отмечалось, параллельное развитие этих двух государств приводило к сходным результатам, причем в основе этого лежали не только общие закономерности развития феодального общества в целом¹, но и то обстоятельство, что как Литовское, так и Московское государства росли за счет присоединения русских земель, близких по происхождению, религии, уровню экономической и духовной жизни. Совершенно не случайным поэтому представляется совпадение внешних политических, а отчасти и идеологических программ московского князя Василия I и литовского князя Витовта. Как известно, и Витовт, и Василий выдвигали программу собирания русских земель. Разница состояла в первую очередь в том, что Витовт предлагал основой этого «собирания» сделать Литовское княжество, а Василий — Московское².

¹ «Очерки истории СССР IX—XV вв.», ч. II, М., 1953, стр. 494—572.

² М. К. Любавский, *Очерк истории литовско-русского государства до Люблинской унии*, М., 1910, стр. 1, 2, 22—29, 34—39. — О близости политических программ двух дворов говорил и сам брак Василия I с Софьей Витовтовной. Витовт, вероятно, надеялся использовать его если не для подчинения, то для нейтрализации Москвы, а Василий рассчитывал при

Однако существовали и другие различия, вытекавшие из специфики внутренней жизни двух восточноевропейских государств. Так, тогдашняя политика Московского государства была определенно подчинена программе консолидации русских земель в одно целое. Подготовленная всем ходом социально-экономического и политического развития Северо-Восточной Руси, эта программа последовательно осуществлялась московскими князьями как в борьбе с центробежными тенденциями в самих русских землях (Нижнем Новгороде, Рязани, Твери, Великом Новгороде, Пскове и т. д.), так и в напряженной борьбе с натиском Золотой Орды на востоке и Великого княжества Литовского на западе.

Правительство Василия Дмитриевича не только содействовало объединению Нижнего Новгорода с Москвой в 1392 г.,³ но, воспользовавшись борьбой Тохтамыша с Тимуром, в 1396 г. прекратило выплату регулярного «выхода» Орде⁴, что, несомненно, поднимало престиж Москвы в глазах удельных князей других русских княжеств и помогало концентрации русских земель. Борясь за «нейтральные» территории, Москва добилась в 1401 г. перехода Смоленска на свою сторону⁵, тогда же Василий Дмитриевич стал поддерживать рязанского князя Олега Ивановича в его борьбе с Литвой⁶, содействовал появлению в Великом Новгороде в 1405 г. смоленского князя Юрия Святославича, наконец, в 1406 г. открыто встал на за-

случае оказывать влияние на своего тестя. В обоих случаях этот брак был призван облегчить осуществление политических планов князей [см. «Полное собрание русских летописей», т. 8, СПб., 1859, стр. 140 (далее — ПСРЛ); А. Е. Пресняков, *Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий*, Пг., 1918, стр. 334—337; M. Zdan, *Stosunki litewsko-tatarskie za czasów Witolda*, — «Ateneum Wileński», rocznik VII, 1930, z. 3—4, str. 546]. Совпадение идеологических программ обоих дворов нашло отражение и в летописании. На рубеже XIV—XV вв. своеобразным синтезом этих двух программ являлась Троицкая летопись, создававшаяся, как известно, при участии Киприана. Летопись 1409 г. носила следы литовско-московского «компромисса». Здесь были как комплименты, так и критика в адрес обоих дворов, обсуждение борьбы княжеств друг с другом, призывы создать общий антиордынский фронт («Троицкая летопись», Реконстр. М. Д. Приселкова под ред. К. Н. Сербиной, М. — Л., 1950, стр. 22—23; Д. С. Лихачев, *Русские летописи*, М. — Л., 1947, стр. 296—305).

³ См. стр. 69 настоящей работы.

⁴ А. Н. Насонов, *Монголы и Русь*, М., 1940, стр. 140; М. Г. Сафаргалиев, *Распад Золотой Орды*, Саранск, 1960, стр. 180.

⁵ Под 1403 г. (6911) в «Хронографе» записано: «Князь Юрьи Святославич Смоленской поиде к Москве служити и Смоленскъ здати, свою отчину, великому князю» (ПСРЛ, т. 22, ч. I, СПб., 1911, стр. 424).

⁶ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», М., 1950, стр. 52—55.

щиту Пскова, которому угрожала польско-литовская активность⁷. Характерно, что уже в 1406 г. на сторону великого владимирского княжения перешла группа феодалов Литовской Руси: «Александр Нелюб, сын князь Иванов Олгимантов» (Александр Иванович Ольшанский) и др.

Это свидетельствовало о четкости политической программы консолидации, проводившейся Москвой, программы, находившей отражение и в идеологической жизни Московской Руси. Именно в это время московские идеологи (например, автор «Повести о нашествии Едигея») стали проявлять все более глубокий интерес к той эпохе, когда все русские земли не теряли еще политической независимости⁸ и сохраняли сознание своего единства⁹. Весьма характерным в этом смысле было внимание к одному из главных объединительных центров Руси — кафедральному городу Владимиру¹⁰ и принятое московским правительством решение осуществить в 1408 г. полную реставрацию главного собора во Владимире, украсив стены храма живописью мастеров Даниила и Андрея Рублева¹¹.

Если целенаправленность московской политики консолидации не вызывала сомнения, то политика Витовта не всегда была последовательной в этом смысле. Причина заключалась как в специфике польско-литовских отношений после Кревской унии, так и в характере отношений, сложившихся к тому времени между собственно литовскими и русскими феодалами Великого княжества Литовского, Русского, Жемайтского.

При Гедимине и Ольгерде, несмотря на наличие известных противоречий между литовскими и русскими феодалами, существовало все же определенное сотрудничество этих двух групп феодального класса, основанное на стремлении содействовать созданию и упрочению их общего государства. При Ягайло и Витовте характер отношений между собственно Литвой и Литовской Русью постепенно менялся. Территориальный рост княжества, происходивший главным образом за счет присоединения русских земель, создавал здесь новую расстановку сил, увеличивая политический потенциал Руси и уменьшая соответственно удельный вес литовского элемента.

⁷ «В лето в 6914 (1406. — И. Г.) князь великий Василий Дмитриевич разверже мир с великимъ князем Витовтомъ за Псковичъ» (ПСРЛ, т. 18, СПб., 1913, стр. 151).

⁸ См. Л. В. Черепнин, *Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв.*, М., 1960, стр. 714.

⁹ Д. С. Лихачев, *Национальное самосознание Древней Руси*, М.—Л., 1945, стр. 70.

¹⁰ ПСРЛ, т. 18, стр. 154.

¹¹ «История русского искусства», т. III, М., 1955, стр. 132.

В течение XIV в. эти сдвиги еще не могли привести к парализации сотрудничества двух феодальных групп княжества¹². Качественно новые черты в эволюции отношений литовских и русских феодалов стали проявляться лишь после Кревской унии 1385—1386 гг. Последовавшее за созданием польско-литовского династического объединения превращение собственно Литвы в католическую страну, а также предоставление литовским феодалам больших прав и привилегий по сравнению с феодалами русскими¹³ привело к тому, что обе группы господствующего класса княжества оказались противопоставленными друг другу как по религиозной, так и по сословно-правовой линиям¹⁴. Применявшаяся польскими правящими кругами тактика сталкивания литовских и русских феодалов препятствовала углублению их политических контактов, в дальнейшем она привела сначала к их разобщению, а потом к поглощению порознь двух частей Великого княжества Литовского и Русского феодальной Польшей. Тем не менее на рубеже XIV—XV вв. сотрудничество русских и литовских феодалов все же продолжалось, хотя и было осложнено сильным воздействием польской дипломатии и католической церкви. На это сотрудничество опирался Витовт, разрабатывая «общерусскую» программу.

Ослабленный поражением на Ворскле, глава Литовско-Русского княжества должен был в начале XV в. отказаться от осуществления честолюбивых планов и искать поддержки на Западе. Правящие круги Польши использовали ослабление Литвы, чтобы еще крепче привязать ее к короне, еще больше подчинить литовского князя польскому королю. Провозглашенный в 1401 г. акт подтверждения польско-литовской унии¹⁵ представлял собой попытку инкорпорации Литвы в состав Польского королевства. Правда, польским феодалам не

¹² М. К. Любавский, *Очерк...*, стр. 34—39, 60.

¹³ «Akta unii Polski z Litwą, 1385—1791», Kraków, 1932, № 1, 2, str. 1—4; А. Барбашев, *Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы 1410 г.*, СПб., 1885, стр. 41—47; А. Барбашев, *Витовт. Последние двадцать лет княжения 1410—1430*, СПб., 1892, стр. 118—119; «История Польши», т. I, М., 1954, стр. 120.

¹⁴ Характерно, что уже с 1387 г. запрещались браки между литовцами-католиками и православными (А. Барбашев, *Витовт. Последние двадцать лет...*, стр. 119).

¹⁵ А. Барбашев, *Витовт и его политика...*, стр. 103—105; А. Барбашев, *Витовт. Последние двадцать лет...*, стр. 119—120; В. И. Пичета, *Белоруссия и Литва XV—XVI вв.*, М., 1961, стр. 527—528; L. Kolankowski, *Dzieje Wielkiego księstwa Litewskiego za Jagiellonów*, t. I, Warszawa, 1930, str. 75—77; M. Żdan, *Stosunki...*, str. 554; M. O. Strykowski, *Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkich Rusi*, t. II, Warszawa, 1846, str. 117—118.

удалось полностью добиться своей цели: по договору 1401 г. Литовско-Русское княжество во главе с великим князем Витовтом сохраняло автономию. Но, рассчитывая инкорпорировать Литву после смерти Витовта, польские правящие круги сумели вновь противопоставить литовскую феодальную знать русским феодалам, предоставив литовцам-католикам преимущественные права и привилегии, подтвердив запрет браков с православными и т. д. Тем самым они не только внутренне ослабляли Великое княжество Литовское и Русское, но и создавали реальные предпосылки для будущего поглощения его Польшей по частям.

В таких условиях Витовт, оказавшийся в положении вассала польского короля, стал все чаще выступать в роли политического орудия польских феодалов на востоке Европы. Влияние польского короля становилось доминирующим как во внутривитовской жизни Литовско-Русского княжества, так и во внешней политике Витовта¹⁶. При этом «общерусская» программа литовского князя получала по существу новое содержание. Если политические акции Витовта, осуществленные им в 1401—1406 гг. в Смоленске, Новгороде, Пскове, Рязани¹⁷, формально выглядели как мероприятия, продолжавшие политику «собирания» русских земель вокруг Великого княжества Литовского и Русского, то в действительности они представляли собой не что иное, как попытку прямого подчинения названных территорий Польско-Литовскому государству и его главе — польскому королю Владиславу Ягайло¹⁸.

¹⁶ А. Барбашев, *Витовт и его политика...*, стр. 106—108; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 75—77, 82. — В 1403 г. Ягайло особым документом обязал Витовта не вступать без его санкции в какие-либо отношения с Орденом [*«Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia»*, t. VI. *Codex epistolaris Vitoldi*, Cracoviae, 1882, pp. 92—93 (далее — «Codex...»)]. Теми же «нормами» Витовт должен был руководствоваться и во время переговоров с другими соседними государствами (*ibid.*, p. 107). Характерно, что Орден рассматривал в это время Польшу и Литву как одно государство, а Витовта — как вассала Ягайло (А. Барбашев, *Витовт и его политика...*, стр. 122—124; «Codex...», pp. 104—105). Показательно также, что именно в это время римский папа Бонифаций IX запретил Ордену нападать на Витовта, ставшего правой рукой Ягайло (А. Барбашев, *Витовт и его политика...*, стр. 122).

¹⁷ Борьба за обладание Смоленском окончилась в 1405 г. насильственным подчинением этого города Ягайло и Витовту. Характерными для тогдашней политики Витовта были попытки укрепиться в Новгороде (в 1401, 1405, 1407 гг.), Рязани (1402 г.), Пскове (1406 г.) (см. А. Барбашев, *Витовт и его политика...*, стр. 112—116, 123; «Очерки истории СССР. IX—XV вв.», ч. II, стр. 246; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 80—85; «Codex...», № 308—310, 326, 338).

¹⁸ Показательно, что «граждане Смоленска» выступали против «налога и енасилъства от иноверных от ляхов» (ПСРЛ, т. 4, СПб., 1915, стр. 391).

Начавшаяся осенью 1406 г. военная кампания Витовта против Московской Руси, проходившая при участии польских и орденских военных частей¹⁹, ясно свидетельствовала о наличии общих планов Польши, Литвы и католической церкви в отношении русских земель и православного населения Восточной Европы²⁰.

Естественно, что усиление тенденции сращивания Литвы с Польшей и превращение Витовта в последовательного исполнителя воли правящих кругов Польского государства на востоке Европы вызывало серьезное недовольство части феодалов Литовской Руси и создавало благоприятную почву для открытого выступления против князя его политических противников. Характерно, что Свидригайло, один из наиболее активных врагов Витовта, начал борьбу против правителя Литвы, используя его прежнюю политическую программу. Опираясь на феодальные элементы Литовской Руси, недовольные унией 1401 г.²¹, он заручился также поддержкой Ордена (в 1402 г. он подтвердил Салинский договор)²² и Орды (есть сведения о его переговорах с ханом Шадибеком)²³, а потом вступил в

Интересно также, что, согласно новому договору 1404 г. с Орденом, подтвердившему от имени Польши и Литвы Салинский договор 1398 г., Новгород должен был оказаться в сфере влияния Польско-Литовского государства, в то время как по соглашению 1398 г. он передавался только Литве («Codex...», № 285, 308, 320).

¹⁹ Ibid., № 348, 349, 352, 358, 369, 474; А. Барбашев, *Витовт и его политика...*, стр. 117; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 85. — Когда в сентябре 1408 г. Василий Дмитриевич подошел с войском к р. Угре, «Витовт также съ многю силою прииде з другу сторону реки тоя, а с ним же Литвы, Ляхи, Немцы, Жемоть» (ПСРЛ, т. 18, стр. 155).

²⁰ Вероятно, с этими планами были связаны и новые маневры митрополита Киприана, участвовавшего свои визиты в Литву для прямых переговоров не только с Витовтом, но и с польским королем. «Того же лета..., — пишет Троицкая летопись под 1405 г., — Витовт поеха кь королю, а король Ягайло тако же поеха кь Витовту и съехашася в граде Милолюбье, с ними же и митрополить Киприанъ, и пребыша вкупе неделю целу едину» («Троицкая летопись», стр. 459).

²¹ Интересно, что, став на путь самостоятельной политики, Свидригайло начал называть себя «князем подольским и дедичем Руси» (L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 78). Стрыйковский писал, что в 1406—1407 гг. в Литве Свидригайло «вновь начал бунтовать против Витовта, опираясь на сочувствующую ему Русь» (М. О. Strykowski, *Kronika...*, t. II, str. 123).

²² А. Барбашев, *Витовт и его политика...*, стр. 68, 109, 121; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 80. — 13 марта 1408 г. маршал Ливонского ордена доносил великому магистру о том, что Свидригайло стал на путь разрыва с Витовтом и обратился к Ордену за поддержкой («Codex...», p. 155).

²³ Об этом писал в 1406—1407 гг. войт Жемайтии обер-маршалу Ордена («Дополнения к актам историческим, относящимся к России», СПб., 1848, стр. 293). Возможно, что с тогдашней деятельностью Свидригайло была связана и судьба туровского епископа Антония, который также вел

прямые переговоры с московским правительством²⁴. Из истории борьбы Свидригайло и Витовта в 1406—1407 гг. хорошо известен крупный этап, связанный с переходом Свидригайло на сторону Москвы в июле 1408 г.²⁵

Этот акт не был проявлением случайного каприза одной личности, а представлял собой выступление большой группы западнорусских феодалов, хорошо организованное в Литве и в полной мере согласованное с Москвой. Примечательно, что и московский князь, и сам Свидригайло рассматривали происшедшее не как нечто из ряда вон выходящее, а как обычное событие, естественное для взаимоотношений Великого княжества Литовского, Русского, Жемайтйского и великого владимирского княжения. Вместе с тем оба они придавали этому событию очень большое значение, что видно хотя бы из факта передачи Свидригайло Владимира, Переяславля и других русских городов²⁶. По существу речь шла о чрезвычайно серьезной и важной политической сделке, с помощью которой

переговоры с Шадибеком и, по сохранившимся отдельным указаниям, как будто касался вопроса о выходе русских земель из состава Великого княжества Литовского. По требованию Ягайло и Витовта митрополит Киприан в 1405 г. отстранил Антония от туровской епископии, лишил его сана и направил в Москву («Троицкая летопись», стр. 59; ПСРЛ, т. 11, СПб., 1897, стр. 192; М. Żdan, *Stosunki...*, str. 555).

²⁴ «Дополнения к актам историческим...», стр. 293.

²⁵ М. О. Strykowski, *Kronika...*, t. II, str. 123. — Интересные подробности об этом событии сообщает Типографская летопись под 1408 г.: «Того же лета, июля 26, прииде к великому князю изъ Дѣбрянска князь литовский Швитригайло Ольгердовичъ слоужити, а с ним владыка Дѣбрянский Исакей, да с ним же князь Патркей Звенигородский и князь Олександр Звенигородский, ис Поутивля князь Феодор Александровичъ, князь Семен Перемышльскый, князь Михайло Хотетовскый, князь Оуроустой Менскый, и бояре Черниговски, и Дебрянскы Стародубскый и Лоубутескый и Ярославскы. Князь же великий Василей Дмитреевичъ приат его с честию и даст ему градъ Володимерь съ всеми волостями и с пошлинами и с селы и с хлебом, также и Переяславль по тому же и Юрьев Полотскый и Волок Ламскый и Ржеву и половину Коломны» (ПСРЛ, т. 24, Пг., 1921, стр. 174. См. также т. 23, СПб., 1910, стр. 142; т. 20, СПб., 1910—1914, стр. 225). Любопытные сведения содержатся и в Симеоновской летописи: «А в то время прислалъ великий князь Светригайло... на Москву къ великому князю Василию... хотя с нимъ съ единого на Витовта... того ради и призваша его на Москву и вдаша ему гради мнози, мало не половину великого княжения московского (в других летописях «мало не половиину великого княжения всея Руси». — И. Г.), даша ему многославный Володимерь, еже есть стол земля русская и градъ Пречистые Богоматери, въ нем князи велиции Рустии первоседание и столь земля Русская приемлють» (ПСРЛ, т. 18, стр. 156—157).

²⁶ Возможно, что именно с передачей Владимира во владение Свидригайло было связано решение о реставрации владимирского кафедрального собора.

обе стороны стремились облегчить осуществление близких политических программ.

Передавая в распоряжение Свидригайло столицу «всёя Руси» и «мало не половину великого княжения всёя Руси», московское правительство рассчитывало не только удержать его в сфере своего влияния, но и в дальнейшем при его содействии ускорить процесс собирания русских земель за счет территорий, входивших в состав Великого княжества Литовского, Русского, Жемайтйского (естественно, что, подчеркнута хорошо принятый в Москве, Свидригайло мог оказаться своего рода приманкой для других князей Литовско-Русского государства). С другой стороны, сам Свидригайло не только стремился найти поддержку против сблизившихся тогда Витовта и Ягайло, но и рассчитывал, находясь во Владимире, упрочить свой престиж во всех русских землях и тем самым обеспечить успешное продолжение «общерусской» политики, унаследованной от Витовта.

Хотя Свидригайло пробыл на своем высоком посту лишь около года, тем не менее его появление на владимирском княжении рассматривалось современниками, несомненно, как событие особо важного значения. Этот факт сразу оценили в Польско-Литовском государстве, начав собирать войска для борьбы с объединившимися Василием и Свидригайло. Разумеется, он привлек самое серьезное внимание и в Орде, которая продолжала проводить традиционную политику поддержания равновесия в Восточной Европе, сталкивая ее основные объединительные центры и используя их внутренние противоречия.

Следуя этой тактике, Орда явно не стремилась добивать врага до конца, хорошо понимая, что чрезмерное ослабление одной восточноевропейской страны вызовет значительное усиление другой. Поэтому, нанеся страшное поражение Витовту и Тохтамышу в 1399 г., Едигей сравнительно недолго преследовал своих противников. Разрешив татарским загонам дойти до Луцка и взять с Киева выкуп²⁷, он вскоре отозвал войска из Поднепровья в прикаспийские и причерноморские степи²⁸.

Одновременно с прекращением военных операций в Поднепровье Едигей стал проявлять военно-политическую активность в Северо-Восточной Руси. Так, он энергично вмешался в политическую жизнь Тверской земли, оказав поддержку тверскому князю Ивану Михайловичу, выступавшему против сближения Твери с Москвой и против тех удельных князей

²⁷ ПСРЛ, т. 18, стр. 143.

²⁸ А. Барбашев, *Витовт и его политика...*, стр. 99.

Тверской княжества, которые придерживались промосковской ориентации²⁹. В 1400 г. хан Шадибек выдал князю Ивану Михайловичу ярлык на великое тверское княжение³⁰. В том же году Едигей предпринял решительную попытку разорвать союз между Московским и Нижегородским княжествами: используя находившегося на службе у татар суздальского князя Семена Дмитриевича, а также татарского царевича Ентяка, правитель Орды организовал поход против Нижнего Новгорода³¹.

Все эти действия были направлены на ослабление великого владимирского княжения, усилившегося на фоне понесенного Литвой поражения. Стремясь восстановить равновесие в Восточной Европе, Орда «благосклонно»³² позволила Витовту быстро оправиться от последствий разгрома на Ворскле: уже в 1404 г. в состав Литовско-Русского государства был силой возвращен Смоленск³³, в 1406 г. литовские войска напали на Псковскую землю³⁴; усилились происки литовской дипломатии в Новгороде³⁵.

Однако эта активизация Литвы, а главное, сращивание ее с Польшей, реально намеченное унией 1401 г., заставило Едигея вскоре изменить тактику. Правитель Орды стал поддерживать великого князя московского и в то же время вести скрытую подрывную деятельность в Польско-Литовском государстве, направленную против Ягайло и Витовта. Так, Едигей уже в 1402 г. направил в Москву суздальского князя Семена Дмитриевича, продемонстрировав тем самым свою лояльность к московскому княжескому дому³⁶, и санкционировал подчинение московскому князю Рязани³⁷. В 1403 г. «приходил по-

²⁹ «Троицкая летопись», стр. 452; А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.*, т. II, СПб., 1891, стр. 498. — Тверской князь Иван был женат на сестре Витовта Марии Кейстутовне.

³⁰ «Троицкая летопись», стр. 452.

³¹ Там же, стр. 453.

³² В 1400 г. Шадибек направил в Вильно посольство («Codex...», № 64, р. 64; А. Барбашев, *Витовт. Последние двадцать лет...*, стр. 119).

³³ «Троицкая летопись», стр. 454, 457; М. Zdan, *Stosunki...*, str. 554; Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 712.

³⁴ ПСРЛ, т. 18, стр. 151; А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 343—344.

³⁵ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 85; А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 344.

³⁶ ПСРЛ, т. 18, стр. 150; т. 22, ч. I, стр. 424.

³⁷ «Духовные и договорные грамоты...», стр. 52—55. — Весьма показательным было «докончание» московского князя Василия с рязанским князем Федором Олеговичем (25 ноября 1402 г.) «Докончание» называло рязанского князя «молодшим», а московского князя — «братом старейшим» (там же, стр. 55).

сол из Орды на Русь, царевич Энтяк и был на Москве»³⁸. В 1405 г. «приде кь великому князю от царя Шадибека посол именем Мирза, иже бе казначей царев»³⁹. В 1403 и 1405 гг. Орда предоставила Василию Дмитриевичу возможность выступить арбитром в новых спорах между шурином Витовта тверским князем Иваном Михайловичем и промосковским князем Василием Кашинским⁴⁰. В 1406 г., когда началась война между Москвой и Польско-Литовским государством, Едигей прислал московскому князю вооруженную помощь⁴¹ и всячески поддерживал его решимость, «многа обещавая ему»⁴². В сентябре 1408 г., перед решающей битвой войск Василия и Витовта на р. Угре, правитель Орды поспешил обрадовать московского князя вестью о походе ордынских войск во главе с ханом Булат-салтаном на литовско-русское Поднепровье⁴³.

Оказывая, таким образом, явную поддержку Москве, рассыпаясь в любезностях по отношению к Василию⁴⁴, называя его своим «сыном», Едигей в то же время вел тонкую игру и в Великом княжестве Литовском⁴⁵. С одной стороны, он устанавливал контакты с оппозиционными правительству элементами (еще хан Шадибек вел переговоры с князем Свидригайло в 1406—1407 гг.⁴⁶, а также с туровским епископом Антонием о выходе русских земель из состава Литовского княжества⁴⁷), а с другой — добивался сближения с самим Витовтом⁴⁸.

³⁸ «Троицкая летопись», стр. 456.

³⁹ Там же, стр. 459.

⁴⁰ ПСРЛ, т. 25, М. — Л., 1949, стр. 232, 233; А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья...*, т. II, стр. 498—499.

⁴¹ ПСРЛ, т. 28, стр. 140. — «Прииде же к нему (Василию. — И. Г.) из Орды рать татарская от царя Шадибека на помощь» (там же, т. 18, стр. 151).

⁴² Там же, стр. 156.

⁴³ М. Żdan, *Stosunki...*, str. 556. — «Ведый буди, Василне, — говорили посланцы Едигея, — се идет царь на Витовта, да мстить, колико есть сътворилъ земли твоей, ты же въздай же честь цареви, аще не сам, да сын твой послѣ к цареви или брата» (ПСРЛ, т. 18, стр. 157). В Никоновской летописи этот текст выглядит еще более внушительно: «Ведай буди, Василне, — писал Едигей великому князю московскому, — се идетъ царь Булат-салтан со всею великою Ордою на Витовта, да мстит, колико есть сотворилъ земли твоей, ты же возда... честь цареви» (ПСРЛ, т. 11, стр. 208).

⁴⁴ «Повесть о нашествии Едигея» говорит, что правитель Орды «многу же любовь лукавную имяше и к великому князю Василию Дмитриевичу и честию высокою обложи его» (ПСРЛ, т. 11, стр. 206).

⁴⁵ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда и ее падение*, М., 1950, стр. 343, 395.

⁴⁶ «Дополнения к актам историческим...», стр. 293.

⁴⁷ ПСРЛ, т. 11, стр. 192; М. Żdan, *Stosunki...*, str. 555.

⁴⁸ «Такоже и кь Витовту кратка и лестна некая посылаше словеса, втай держать повеле, друга его собе именоваше» (ПСРЛ, т. 18, стр. 156).

Ханские послы «дружески» предупреждали литовского князя об опасности со стороны Москвы уже в то время, когда московские и литовские войска оставили берега Угры, заключив в сентябре 1408 г. перемирие: «Ты мне буди друг, а я аз тебе буду друг», — декларировал Едигей в своем послании Витовту, предлагая при этом рассматривать Москву в качестве противника: «Князя Василия... Московского познавай, яко желателен бе в чужиа пределы вступатися... блюдися убо от него»⁴⁹.

Так, применяя излюбленные приемы ордынской дипломатии, Едигей срамливал между собой Литву и Московское государство. Используя московско-литовский конфликт, он под видом помощи воюющим сторонам осуществлял грабительские набеги на русские земли, расширив тем самым арсенал средств восточноевропейской политики Орды. За походом Булат-салтана в литовско-русское Поднепровье последовало нашествие Едигея на Северо-Восточную Русь в октябре — декабре 1408 г.⁵⁰. Татарские войска разорили Переяславль, Нижний Новгород, Городец, Юрьев Польский, Ростов, Дмитров и другие города, овладели Серпуховом и Рязанью. Едигей пытался даже взять Москву, ведя ее осаду до начала 1409 г.⁵¹. На северо-западном направлении татарские загоны, захватившие Можайск и Звенигород, должны были действовать совместно с тверским князем Иваном Михайловичем, который использовал момент для восстановления своего влияния в Кашине⁵².

Поход Едигея 1408—1409 гг. преследовал главную цель ослабления Московского государства, и цель эта была достигнута. Дело заключалось не только в грабеже и разорении русских земель⁵³, но и в тех политических результатах, кото-

⁴⁹ ПСРЛ, т. 11, стр. 208.

⁵⁰ ПСРЛ, т. 4, стр. 406—407. — О нем рассказывает «Повесть о нашествии Едигея», помещенная в Симеоновской летописи (ПСРЛ, т. 18, стр. 155—159) и в Рогожском летописце (ПСРЛ, т. 15, вып. 1, Пг., 1922, стр. 177—186), и известное письмо-ярлык Едигея, направленное в 1408 г. Василию Дмитриевичу, с требованием восстановления практики регулярной выплаты «царевых сборов» в пользу Орды. Само грабительское вторжение татарских войск на территорию Московской Руси Едигей объяснял «необходимостью» компенсировать убытки, понесенные Ордой в связи с последовавшим еще в 1396 г. отказом Москвы вносить «выход» в ордынскую казну (ПСРЛ, т. 4, стр. 406—407).

⁵¹ ПСРЛ, т. 15, СПб., 1863, стр. 482—484; т. 6, СПб., 1853, стр. 136, 137; т. 4, стр. 406; «Новгородская I летопись», М., 1950, стр. 401.

⁵² «Новгородская I летопись», стр. 400; ПСРЛ, т. 23, стр. 143; т. 25, стр. 238.

⁵³ Яркая картина разорения Московской Руси в 1408 г. дана Московским летописным сводом конца XV в.: «Отшедшимъ же Татаромъ съ

рых добилась Орда. Одним из условий мира в 1409 г. Едигей поставил ликвидацию союза Василия со Свидригайло, союза, сулившего перспективу резкого усиления Москвы в недалеком будущем. Да и само превращение Свидригайло из лидера оппозиционной Витовту группировки литовско-русской знати в великого владимирского князя, обладающего стратегически и политически важными центрами Руси, не устраивало ордынских правителей. Недаром основной удар татарской армии был направлен на города и земли, переданные Свидригайло.

Лишив Москву единственного союзника⁵⁴, Орда не упустила возможности вновь подвергнуть территории великого владимирского княжения политическому раздроблению. На нижегородский стол были посажены Даниил и Иван Борисовичи, которые за несколько лет правления (1408—1411) довели (с помощью татарского войска) Нижегородское княжество до полного разорения⁵⁵. Противопоставленными Москве оказались и тверские князья⁵⁶. Вполне вероятно, что с ордынским влиянием был связан и уход из Великого Новгорода в 1409 г. «промосковского» князя Константина Дмитриевича, которого сменил ставленник Литвы Лугвен⁵⁷.

Таким образом, весь комплекс военно-политических мероприятий, осуществленных на Руси в 1408 г., обеспечил Орде ряд важных для нее экономических и политических результатов, не только снова устранивших угрозу ликвидации равновесия в Восточной Европе, но и создавших на какое-то время выгодное для Едигея соотношение сил между Ордой, с одной стороны, и восточноевропейскими государствами — с другой. Старая политика ордынской дипломатии еще раз оправдала

множеством полона и всякого товару и всякого узорочья наймавшеся, полона же только множество ведяху, яко многы тысяща число превъсхождаше. Жалостно же бе видети, достойно слезъ многих, яко един татарин до четыредесяти хрстьянъ ведяше с нужею повязавши, многое же множество изъсечено бысть... И бысть тогда въ всей Руской земли всемъ хрстьяном туга велика и плачь неутешим и рыдание... вся бѣ земля пленена бысть, наченъ от земли Рязанские и до Галича и до Белаозера, все бо подвижашася и вси смутишася, многи бо напасти и убытки всем человеком здеашася и большим и меншим и ближним и далним и не бысть такова, иже бы без убытка был» (ПСРЛ, т. 25, стр. 239).

⁵⁴ То, что Орда была виновницей расторжения этого союза, подтверждается также тем обстоятельством, что после вынужденного примирения Москвы с Ордой Свидригайло ушел в Литву с боями, захватив по пути Серпухов (ПСРЛ, т. 18, стр. 159).

⁵⁵ Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 716, 735.

⁵⁶ ПСРЛ, т. 18, стр. 154.

⁵⁷ «Новгородская I летопись», стр. 401.

себя. Едигей сумел одержать победу и сохранить ордынское влияние в Восточной Европе.

Однако влияние это в начале XV в. было уже не столь прочным, 1410—1420-е годы оказались переломными в этом отношении. Весьма показательно, что именно в эти годы в определенных политических кругах феодальной Руси стали более глубоко понимать сущность тогдашней политики Орды в Восточной Европе. Летописцы начала XV в., проследив основные этапы ордынской политики на Руси и осмыслив тактические приемы ордынских правителей, выдвинули свою трактовку их действий в русских землях, поднявшись при этом на уровень широких и важных для того времени политических обобщений.

Так, составитель тверского летописного свода начала XV в. (так называемый Рогожский летописец) писал под 1371 г., имея в виду правителей Орды: «Они же дьявольским научением и безбожною своею лестию ввергли мечь и огонь в Русскую землю на крестьянскую погибель, и тако створили мятеж в Русской земли и велику погибель хрестианам»⁵⁸. Запись 1409 г. является в сущности целым политическим трактатом, анализирующим политику Орды и показывающим ее пагубные последствия для русских земель: «В лето 6917 прилучися таково зло... в Руси. Беззаконнии измалтяне лукавень миръ сочиниша съ Русскими князми нашими, наипаче же всих къ великому князю Василию Дмитриевичу, лестно мирующе с нимъ»⁵⁹. Сообщив о соглашении, вскоре вероломно нарушенном, автор тверского свода дал следующую оценку деятельности ордынской дипломатии: «Никогда же бо истинно глаголють къ хрестианомъ, аще бо когда немнози обретаются, то лестно и злоковарно честыми окладають князии наших и дары украшают, и темъ злохитрство свое питають и мир глубок обещавають имети со князми нашими, и таковыми пронырьствы ближняя от любви разлучають и усобную рать межи нас съставляют, и в тои разности нашей сами в тайне покрадають насъ, самояднии вльци хрестианьскимъ людемъ обретаются научениемъ отца их сатаны...»⁶⁰.

Несомненно, что к таким же политическим выводам приходили также в Москве⁶¹ и Вильно и даже делали успешные

⁵⁸ Там же, стр. 96.

⁵⁹ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 177.

⁶⁰ Там же, стр. 177—178. — Эти мысли тверского летописца позднее попали и в Никоновскую летопись (ПСРЛ, т. 11, стр. 205).

⁶¹ Об этом свидетельствует концепция «Повести о нашествии Едигея», созданной, как думают А. А. Шахматов (*Общерусские летописные своды XIV—XV вв.*, — «Журнал Министерства народного просвещения», 1900,

попытки перенять опыт Орды. Судя по ряду данных, уже на рубеже XIV—XV вв. как московской, так и литовской дипломатии удавалось оказывать известное влияние на ход политической жизни в Орде, используя в своих интересах внутривосточную борьбу в Ордынской державе.

Одним из первых проявлений новой тактики восточноевропейских государств была уже известная попытка Витовта утвердиться в русских землях, восстановив на золотоордынском престоле бежавшего в Литву Тохтамыша (90-е годы XIV в.).

С этого времени использование татарских эмигрантов в политических целях стало весьма популярным приемом в борьбе против Орды. Так, Троицкая летопись под 1393 г. сообщает о крещении трех татарских феодалов — Бахты-ходжа, Хидырь-ходжа и Мамат-ходжа, — превращенном правящими кругами Москвы в событие первостепенной государственной важности⁶². Есть основания думать, что позже, во время похода Едигея на Москву в 1409 г., московское правительство предприняло попытку произвести переворот в Сарай-Берке, используя опять-таки татарскую политическую эмиграцию. Летописи указывают, что «некий царевич», воспользовавшись отсутствием значительных вооруженных сил в столице Орды, попытался захватить хана Булата и, возможно, сесть на его место⁶³.

Судя по ряду данных, этим «царевичем» был сын Тохтамыша — Джелал-эд-Дил⁶⁴, который, как сообщают восточные источники, после смерти отца (в 1405 или 1407 г.) вместе

№ 9, стр. 171—172) и Д. С. Лихачев (*Русские летописи*, стр. 296—300), во Владимире или в Москве сразу после событий 1408 г. Представляется справедливым их мнение, основанное на указании Карамзина, о том, что «Повестью» заканчивалась Троицкая летопись 1409 г.

⁶² «Тое же осени приехаша на Москву 3 татарина ко князю великому в рядъ рядишася и биша ему челомъ, хотяще ему служити, иже беша почести и знакоми двора царева и восхотеша креститися... Киприан митрополит прием я, наче учити и облечеса самъ во вся своя священные ризы и со всемъ своим клиросом бело образующимъ... и позвониша во вся колоколы, и собрася мало не весь градъ и снидоша на реку Москву, ту сушу князю великому» («Троицкая летопись», стр. 443). Орда пыталась нейтрализовать «промосковскую» деятельность таких татарских элементов: «В то же лето (1403 г. — И. Г.) приходил посол изъ Орды на Русь, царевич Энтякъ и был на Москве да изобмолвил Микулу татарина», т. е. осудил деятельность какого-то знатного татарина, находившегося в Москве (там же, стр. 456).

⁶³ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 396; ПСРЛ, т. 8, стр. 82—84; т. 11, стр. 205—211; «Троицкая летопись», стр. 469.

⁶⁴ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в.*, СПб., 1887, стр. 174; ПСРЛ, т. 8, стр. 83.

с братом Керим-берды находился на территории Московской Руси⁶⁵. Возможно, именно отсюда он «прииде изгоном на Орду и едва не полонил оставшегося дома хана». Разумеется, Джелал-эд-Дин действовал в своих интересах, мстя за отца и рассчитывая таким путем обеспечить собственную политическую карьеру⁶⁶. Тем не менее объективно его своевременная диверсия в Орде сыграла существенную роль в ходе весьма важной для Москвы военной кампании, заставив Едигея, стоявшего в Коломенском, спешно увести войска, чтобы восстановить порядок в Сарай-Берке.

Активизация Тохтамышевичей⁶⁷ открывала широкое поле деятельности и для Витовта. Когда в 1412 г. Джелал-эд-Дин сделал новую, на этот раз успешную попытку овладеть ордынским престолом, устранив Тимур-хана⁶⁸, литовский князь оказал ему помощь. Причиной этого было не только участие Джелал-эда-Дина в Грюнвальдском сражении в составе литовской армии⁶⁹; опираясь на Тохтамышевича, Витовт рассчитывал осуществить свои старые планы в отношении русских земель.

И действительно, заняв золотоордынский престол⁷⁰, Джелал-эд-Дин стал осуществлять откровенно пролитовскую, антимосковскую политику. Стремясь содействовать усилению Литвы, новый золотоордынский хан пытался отделить Ниж-

⁶⁵ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 174; В. Г. Тизенгаузен, *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*, т. I, СПб., 1884, стр. 472; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 398.— Показательно, что одним из формальных поводов похода Едигея на Москву, изложенным в известном ярлыке 1408 г., было укрытие великим князем Василием детей Тохтамыша: «Тохтамышевы дети у тебя и того ради пришли есми ратию» (ПСРЛ, т. 4, стр. 206). Прекращение борьбы Едигея с великим князем Василием под стенами Москвы было связано с отправкой Тохтамышевичей под Киев и с переговорами Джелал-эда-Дина в Гродно о заключении союза с Витовтом против Орды и Ордена (M. Źdan, *Stosunki...*, str. 559, 561).

⁶⁶ Это была не первая его попытка захватить престол. М. Г. Сафаргалиев утверждает, что уже летом 1407 г. Джелал-эд-Дин сделал неудачную попытку устранить Шадибека. Оттесненный вернувшимся из Хорезма Едигеем на Среднюю Волгу — в Булгар, Джелал-эд-Дин, видимо, уже оттуда попал в Московскую Русь (М. Г. Сафаргалиев, *Распад...*, стр. 183—185; В. Spuler, *Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland 1223—1502*, Leipzig, 1943, S. 148—149).

⁶⁷ M. Źdan, *Stosunki...*, str. 559—562.

⁶⁸ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 175; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 400.

⁶⁹ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 96, 110; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 175.

⁷⁰ J. Hammer-Purgstall, *Geschichte der Goldenen Horde im Kiptschak*, Pesth, 1840, S. 375—376; В. Г. Тизенгаузен, *Сборник...*, т. I, стр. 472, 474; т. II, JI., 1941, стр. 134, 193.

ний Новгород от владимирского княжения, старался столкнуть Тверь с Москвой⁷¹.

Такая политика грозила чрезмерным усилением Литвы, что, несомненно, было опасно для самих ордынских феодалов. Это обстоятельство, видимо, облегчило Едигею задачу устранения Джелал-эд-Дина и возведения на престол нового («своего») хана Керим-берды (август 1412 г.)⁷². Политика Едигея и Керим-берды оказалась благоприятной для великого владимирского княжения, Нижний Новгород был возвращен великому князю Василию⁷³.

В дальнейшей борьбе, развернувшейся во втором десятилетии XV в. между Едигеем и Польско-Литовским государством, обе стороны использовали как орудие своих ставленников на ханском престоле. Пролитовского хана Бетсуб-улана⁷⁴ сменил близкий Едигею Чекри-оглан, который в свою очередь был вытеснен союзником Витовта Иерем-ферденом⁷⁵. В 1417 г. Едигею удалось возвести на престол Дервиш-хана⁷⁶. Однако Дервиш-хан в 1419 г. был устранен новым ханом пролитовской ориентации Кадыр-берды⁷⁷, начавшим при поддержке Литвы

⁷¹ Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, т. V, СПб., 1852, стр. 198. — Теперь в Москве Джелал-эд-Дина рассматривали в качестве «злого недруга» (ПСРЛ, т. II, стр. 219).

⁷² J. Hammer-Purgstall, *Geschichte...*, S. 376. — Вопрос о сроках правления Керим-берды остается открытым в исторической науке. По одним сведениям, он царствовал несколько лет, вплоть до начала 1417 г., и был устранен ханом литовской ориентации Иерем-ферденом [J. Dlugosz], *Jana Długosza kanonika krakowskiego dziejów polskich ksiąg dwanaście*, t. IV, Kraków, 1870 (далее — J. Dlugosz, *Dzieje Polski*), str. 203—204; М. О. Strykowski, *Kronika...*, t. II, str. 158}. По другим данным, представляющимся более верными, Керим-берды просидел на золотоордынском троне всего лишь около года, а затем где-то на стыке 1413—1414 гг. был убит одним из ханов — союзников Витовта (Кепеком или Иерем-ферденом). (И. Шильтбергер, *Путешествие по Европе, Азии и Африке*, — «Записки Новороссийского университета», т. I, Одесса, 1869, стр. 37; В. Г. Тизенгаузен, *Сборник...*, т. II, стр. 62). Последняя точка зрения была развита в недавно вышедшей работе М. Г. Сафаргалиева. Она подкреплена не только анализом письменных источников, но и использованием данных нумизматики. Автор указывает, что монеты Керим-берды, чеканившиеся в Крыму, Сарае, Астрахани, не имеют даты, зато монеты Кепека (Булгар, Астрахань) относятся к 1414 г., а монеты Чекри-оглана (также Булгар, Астрахань) выбиты в 1414—1416 гг. (М. Г. Сафаргалиев, *Распад...*, стр. 190—191). Однако можно предположить, что уже в этот период в различных частях Орды «сосуществовали» несколько ханов, которые придерживались различной внешнеполитической ориентации.

⁷³ Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 735; ПСРЛ, т. II, стр. 487.

⁷⁴ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 126; M. Żdan, *Stosunki...*, str. 566.

⁷⁵ В. Г. Тизенгаузен, *Сборник...*, т. II, стр. 195.

⁷⁶ М. Г. Сафаргалиев, *Распад...*, стр. 192—193.

⁷⁷ В. Г. Тизенгаузен, *Сборник...*, т. I, стр. 532.

и крымских феодалов вооруженную борьбу против самого Едигея⁷⁸, в которой последний, несмотря на попытку сближения с Витовтом, потерпел поражение и был убит (1420 г.)⁷⁹.

Нетрудно заметить, что попытки Едигея и Витовта утвердить в Орде своих ставленников имели переменный успех. Несмотря на большую активность литовского князя⁸⁰, ему редко удавалось закрепить достигнутые результаты. Но и власть Едигея в последние годы была уже не столь прочна, как прежде.

Такое положение вещей отражало, с одной стороны, начавшееся под влиянием процесса феодальной децентрализации ослабление Орды⁸¹, а с другой стороны — наметившееся в то время усиление Польско-Литовского и Московского государств. Это изменение соотношения сил стран Восточной Европы и Орды, ставшее явственным уже во втором десятилетии XV в., определило их дальнейшие взаимоотношения и ордынскую политику.

Нашествие Едигея 1408—1409 гг., сильно осложнившее экономическое и политическое положение Северо-Восточной Руси, не смогло надолго задержать ее развитие. Правительство великого князя Василия Дмитриевича использовало все находившиеся в его распоряжении средства, чтобы ликвидировать хозяйственную разруху, укрепить внутренние и международные позиции Москвы. Для достижения этих целей были мобилизованы не только армия, административный и дипломатический аппарат, но и церковь. Новый митрополит всея Руси Фотий, приехавший в Москву в 1410 г., стал активно содействовать осуществлению «централизаторской» политики собирания русских земель.

Это проявилось уже в 1410—1411 г. при назначении им новых епископов в Рязань, Коломну, Тверь: именно Фотий

⁷⁸ М. Żdan, *Stosunki...*, str. 569; М. Г. Сафаргалиев, *Распад...*, стр. 194.

⁷⁹ В. Spuler, *Die Goldene...*, S. 154.

⁸⁰ Практика назначения Витовтом правителей тогдашней Орды получила отражение в «Сказании о великом князе Витовте»: «Живущу же ему в граде Києве, присылаху к нему велиции Ординстыи князи, просяще у него царя царствовати. Много бо быше Ординских царей и князей, служаще ему. Он же даяше им царя на царство. Егда же тои умре, князи же Ординстии никакоже смеюше не от его руки поставити царя, дабы не прогневали его, но посылаху к нему с великою честию, просяще у него иного царя; он же даяше им иного царя» (ПСРЛ, т. 17, СПб., 1907, стр. 615—616).

⁸¹ М. Г. Сафаргалиев, *Распад...*, гл. VI—VII.

поддержал избрание тверским владыкой «москвитина» Антония⁸². По его инициативе в Москве происходили переговоры с епископами ряда русских княжеств, в частности с новгородским иерархом Иоанном⁸³. Фотий стремился подчеркнуть значение Владимира как церковной столицы «всех Руси»⁸⁴, уделял много внимания идеологическому обоснованию приоритета Москвы в русских землях, руководя созданием специального летописного свода (известный «Полихрон» Фотия 1418 г.)⁸⁵. Заботясь об укреплении международного положения Московского государства, митрополит посредничал в заключении брака дочери Василия Анны с наследником византийского престола Иоанном Палеологом⁸⁶.

Таким образом, направленность церковной политики Фотия была совершенно ясной⁸⁷. Характерно, что уже на первых порах она привлекла внимание тогдашних противников великого владимирского княжения. Намечившееся сотрудничество митрополита и великого князя активизировало антимосковскую деятельность Едигея и его нижегородских вассалов, толкнув их на путь организации похода в район Владимира.

Главной целью задуманной операции было, по-видимому, пленение митрополита всех Руси, что, несомненно, предполагало его последующее использование в интересах антимосковской политики⁸⁸. Однако план этот не удался: Фотий своевременно покинул Владимир, скрывшись в одном из митрополичьих имений, окруженном труднопроходимыми болотами. Ворвавшиеся в город татары разграбили его, сосредоточив основное внимание на разорении и разрушении «святынь» кафедрального собора, где находилась тогда знаменитая икона Богородицы⁸⁹. Автор Симеоновской летописи писал

⁸² ПСРЛ, т. 17, стр. 54—55.

⁸³ А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.*, т. 1, СПб., 1889, стр. 372.

⁸⁴ Е. Голубинский, *История русской церкви*, т. II, СПб., 1900, стр. 365.

⁸⁵ М. Д. Приселков, *История русского летописания XI—XV вв.*, Л., 1940, стр. 142—146.

⁸⁶ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 365.

⁸⁷ А. Е. Пресняков (*Образование...*, стр. 375) вряд ли прав, когда утверждает, что Фотий стоял «в стороне от политической борьбы».

⁸⁸ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 365. — Трудно согласиться с утверждением автора, что целью захвата Фотия было только получение денежного выкупа.

⁸⁹ ПСРЛ, т. 18, стр. 160. — Какое важное значение придавали этим «святыням» современники, видно, между прочим, из «Повести о нашествии Едигея»: «Многославный Владимир... есть стол земли русския и градъ Пречистые Богоматери... въ нем же и чудна великая православная съборная церкви Пречистыа Богоматери, еже есть похвала и слава по всей вселенней живущим христианом, источник и корень нашего благочестия... в нейже чудотворная икона Пречистыа» (ПСРЛ, т. 18, стр. 157).

об этих событиях: «...Они же окааннии... на посад пришедше, начаша люди сечи и грабити, потом же пригониша к церкви святых Богородица соборных... высекша двери святых Богородица и вшедше в ню, икону чудную святых Богородица одраша, тако же и прочая иконы и всю церковь разграбиша... Тогда же в том пожаре и колоколы разлишася»⁹⁰.

В этих внешне беспорядочных, а по существу весьма целенаправленных операциях нижегородско-татарского отряда нельзя не усмотреть попытки Едигея помешать сотрудничеству нового митрополита всея Руси с московским княжеским домом и предотвратить возможность преобладания Владимирско-Московской Руси в религиозно-политической жизни Восточной Европы. Однако эта попытка ослабления Москвы была последней антимосковской акцией Едигея, встревоженного укреплением Польско-Литовского государства после Грюнвальда. Уже в августе 1410 г. в Москву прибыло ордынское посольство, положившее начало союзу Едигея с Василием⁹¹.

В дальнейшем, опираясь на Едигея и его ставленников — ордынских ханов, московский князь боролся за влияние в «нейтральных» землях. Так, уже упоминалось о том, что «промосковская» позиция Керим-берды позволила в 1412 г. Василию Дмитриевичу вытеснить с территории Нижегородского княжества Даниила и Ивана Борисовичей, а также их многочисленное потомство⁹². Не менее последовательно действовал московский князь и в Твери. Характерно, что он вернулся из Орды⁹³ не с великим тверским князем Иваном Михайловичем (последний намеренно был задержан в Орде, откуда он уехал только в апреле 1413 г.), а с тверским удельным князем промосковской ориентации Василием Кашинским. Последнего сопровождали татарские войска⁹⁴, что свидетельствовало о намерении Москвы распространить свое влияние на всю Тверскую землю⁹⁵. Возникшее в результате установления союза Орды с Москвой новое соотношение сил в Восточной Европе отразилось и на обстановке в Великом Новгороде, который был связан договором с Польско-Литовским государством. Получив возможность опереться на великое владимирское

⁹⁰ Там же, стр. 160.

⁹¹ А. Барбашев, *Витовт. Последние двадцать лет...*, стр. 101.

⁹² ПСРЛ, т. 15, стр. 487.

⁹³ ПСРЛ, т. 18, стр. 16. — Князь Василий отправился в Орду в августе, а вернулся в Москву в ноябре 1412 г. (см. А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья...*, т. I, стр. 144; т. II, стр. 503).

⁹⁴ Там же, т. II, стр. 503.

⁹⁵ Там же.

княжение, новгородские бояре заняли более независимую позицию, расторгли союзный договор с Ягайло и Витовтом и, став на путь сближения с Москвой, изгнали осенью 1412 г. пролитовского князя Семена Лугвена (брата польского короля), посадив на его место брата московского князя Василия — Константина Дмитриевича⁹⁶.

Использование Москвой союза с Едигеем для осуществления своих централизаторских стремлений продолжалось и при Чекри-оглане, который вел активную политику, направленную против Витовта и его влияния в «нейтральных» княжествах. Об этом свидетельствовали походы татарских войск на рязанский город Елец (1415 г.), на Киев (1416 г.)⁹⁷ и в Подолию (1417 г.)⁹⁸. Действуя в контакте с Ордой, Василий Дмитриевич снова добился удаления «мятежных» братьев Борисовичей из Нижнего Новгорода и подчинения их власти московского князя (1416—1417 гг.)⁹⁹. Князь Александр, первым из Борисовичей изъявивший покорность¹⁰⁰, получил в 1418 г. из рук Василия номинальный титул великого нижегородского князя и был обручен с его дочерью. В те же годы Москва вновь стала добиваться преобладания в Великом Новгороде и Пскове. В марте 1415 г. в Псков прибыл ростовский князь Андрей Александрович, рекомендованный, видимо, великим князем московским. В подчеркнута торжественной обстановке, свидетельствующей о желании Фотия и князя Василия придать этому акту особо важное политическое значение, произошло поставление в Москве в марте 1416 г. новгородским епископом чернеца Спасо-Хутынского монастыря Самсона. На поставлении присутствовали не только великий князь Василий, его братья Юрий и Константин, но также почти все епископы Северо-Восточной Руси¹⁰¹.

«Общерусская» программа, осуществления которой добивалось таким образом великое владимирское княжение, получила в это время идеологическое выражение и обоснова-

⁹⁶ В создавшихся условиях Лугвен выступал не столько в роли новгородского князя, сколько в роли наместника польского короля в Новгороде, что, разумеется, не могло не вызывать недовольства новгородского боярства. Сам Лугвен лишь повторил обвинения новгородцев в его адрес, когда заявил: «занеже есмь с ними (королем и Витовтом. — И. Г.) один человек» (ПСРЛ, т. 4, стр. 413).

⁹⁷ ПСРЛ, т. 18, стр. 163; т. 17, стр. 57; т. 23, стр. 145; J. Długosz, *Dzieje Polski*, t. IV, str. 182.

⁹⁸ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 127.

⁹⁹ ПСРЛ, т. 11, стр. 231—232; т. 18, стр. 163; А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья...*, т. II, стр. 433, 435, 438.

¹⁰⁰ А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья...*, т. II, стр. 442.

¹⁰¹ «Новгородская I летопись», стр. 405, 406; ПСРЛ, т. 4, стр. 415.

ние в «Полихроне» Фотия, летописном своде, создававшемся в 1410—1418 гг.¹⁰².

На большое практическое значение работы Фотия указывало уже то, что одной из задач создававшегося им летописного свода было «придать единообразие епископскому летописанию на местах»¹⁰³, т. е. обеспечить единый идеологический фронт всех епископий Северо-Восточной Руси. Основная концепция «Полихрона» в корне отличалась от основной концепции летописи Киприана, одинаково тесно связанного как с московским, так и с виленским двором. Так, если свод Киприана исходил из факта параллельного существования двух объединительных центров Руси — одного в Москве, другого в Вильно, выдвигал общую для них идею антиордынского союза, осуждал попутно все княжеские раздоры далекого и близкого прошлого, то «Полихрон» Фотия, исходя из факта напряженной политической борьбы Северо-Восточной Руси с Великим княжеством Литовским, не только не ставил общих для них задач на международной арене, но связывал процесс консолидации русских земель как в прошлом, так и в будущем главным образом с деятельностью великого владимирского княжения, давая при этом новую трактовку некоторым узловым моментам истории Руси. Видимо, не случайно автор «Полихрона» проявлял большой интерес к эпохе Киевской Руси, подчеркивая прямую преемственность Киева и Владимира (Фотий намеренно включил известие о построении Владимира-на-Клязьме киевским князем Владимиром I Святославичем)¹⁰⁴, не случайно, переходя к изложению конкретной истории Северо-Восточной Руси, он старался сгладить противоречия между Москвой, Нижним Новгородом, Тверью, Псковом и Великим Новгородом. Так, используя материал «Летописца великого русского» (1389 г.), Фотий устранял факты раздоров между московскими, нижегородскими, тверскими князьями, убирал оскорбления в адрес Великого Новгорода¹⁰⁵. В то же время «Полихрон» не

¹⁰² М. Д. Приселков, *История...*, стр. 142—147. — «Полихрон» сохранился лишь в виде отдельных вкраплений, сокращенных и переработанных вставок в другие летописные своды. Он был использован, в частности, составителями Новгородской IV летописи (ПСРЛ, т. 4), Софийской I летописи (ПСРЛ, т. 5, СПб., 1851; т. 6), а также создателем «Хронографа» (ПСРЛ, т. 22, ч. I; ч. II, СПб., 1914) (М. Д. Приселков, *История...*, стр. 142—147; Д. С. Лихачев, *Русские летописи*, стр. 305—308, 332—335, 445—451, 454; А. А. Шахматов, *Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.*, М. — Л., 1938, стр. 133—135).

¹⁰³ М. Д. Приселков, *История...*, стр. 146.

¹⁰⁴ Д. С. Лихачев, *Русские летописи*, стр. 306.

¹⁰⁵ М. Д. Приселков, *История...*, стр. 145—146.

допускал «идеализацию» прошлого Литвы, давал новую трактовку поведения тех или иных литовских князей¹⁰⁶; если свод 1409 г. главную роль в защите Москвы от Тохтамыша (1382 г.) приписывал внуку литовского князя Ольгерда — Остею, заменившему ушедшего в Кострому князя Дмитрия¹⁰⁷, то в редакции Фотия не Остей, а сами горожане выступали решающей силой в героической обороне Москвы¹⁰⁸.

Антилитовская направленность концепции «Полихрона» была не случайной. Польско-Литовское государство в этот период стало главным соперником и противником Москвы. Его происки в Новгороде и Пскове давали себя знать еще в 1409 г.¹⁰⁹, а усиление после Грюнвальдской битвы 1410 г. было использовано польским королем и литовским князем для активизации наступательной политики в Восточной Европе.

Внутриполитическая обстановка в Великом княжестве Литовском и Русском после Грюнвальда сложилась таким образом, что Витовт почувствовал возможность вернуться к прежней «общерусской» программе. Поддержанный феодалами Литовской Руси, он стал предъявлять Ягайло ряд территориально-политических требований¹¹⁰, выступал с определенными политическими концепциями на международной арене, устанавливая контакты с венгерским королем и императором Сигизмундом Люксембургом¹¹¹. Витовт вел переговоры с Великим Новгородом и Псковом и, опираясь на поддержку Джелал-эд-Дина, пытался установить выгодную ему расстановку сил в системе княжеств великого владимирского княжения, противопоставив Москве Нижний Новгород (братья Борисовичи)¹¹².

Сталкиваясь с такими проявлениями активности и самостоятельности Витовта, правящие круги Польши стали действовать более гибко и вместе с тем более решительно, чем в предшествующие годы. Так, с согласия польских «баронов и прелатов» южнорусские земли, находившиеся после событий

¹⁰⁶ В. Л. Комарович, *Московские летописи*, — «История русской литературы», т. II, ч. I, М., 1945, стр. 196.

¹⁰⁷ ПСРЛ, т. 15, вып. I, стр. 144; т. 18, стр. 132.

¹⁰⁸ ПСРЛ, т. 4, стр. 331—338; т. 22, ч. I, стр. 415—416.

¹⁰⁹ В этом году Лугвен временно вытеснил Константина Дмитриевича из Новгорода (L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 87; ПСРЛ, т. 4, стр. 405; А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья...*, т. II, стр. 372, 409), а в Пскове наместником оказался литовский ставленник пииский князь Юрий Нос (L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 87).

¹¹⁰ Ibid., str. 109—110.

¹¹¹ А. Барбашев, *Витовт. Последние двадцать лет...*, стр. 55, 104, 105. — Уже в эти годы Сигизмунд пытался предлагать Витовту «корону».

¹¹² ПСРЛ, т. 4, стр. 219.

1408 г. под контролем королевских старост, в марте 1411 г. были переданы Витовту в качестве «наследства» Свидригайло¹¹³. Польские феодалы стремились поставить под контроль внешнеполитическую деятельность литовского князя: весной и летом 1411 г. Ягайло и Витовт совершили совместную поездку по территории всего Великого княжества Литовского (от Жемайтии до Киева). Тогда же польский король вел переговоры с представителями Рязани, Пскова, Новгорода, после чего на Волхов и был направлен в качестве наместника Семен Лугвен Ольгердович. Одновременно Ягайло вступил в переговоры с сыном Джелал-эд-Дина¹¹⁴.

Стремясь разорвать самостоятельные контакты Витовта с Западом, польская дипломатия предприняла при дворе императора Сигизмунда важные политические шаги, в результате которых в марте 1412 г. в Любле был заключен особый договор между императором и польским королем¹¹⁵. Договор касался не только политического сотрудничества обоих монархов, но и будущей судьбы таких «спорных» территорий, как Галиция и Подолия, на которые венгерское королевство продолжало претендовать еще с 1387 г.¹¹⁶. Добившись «временного» отказа Сигизмунда от этих территорий в пользу Польско-Литовского государства, Ягайло выступил как бы в роли «защитника» прав Витовта на южнорусские земли, вынудив тем самым литовского князя оставаться пока в роли «благодарного» вассала польского короля.

Договор в Любле, к которому Литва вынуждена была присоединиться, делал невозможным использование Империи для осуществления «общерусской» программы Витовта. После гибели Джелал-эд-Дина и прихода к власти Керим-берды литовский князь потерял и поддержку Золотой Орды. Ход политической жизни в Польше и Литве также складывался не в пользу Витовта: преобладание польского короля и стоявших за ним польских феодалов становилось все более заметным; гибкая тактика польской администрации в отношении определенных кругов литовской и русской знати приносила плоды. Все это не позволило Витовту идти на открытый разрыв с Ягайло, вынуждало его мириться со скромным положением вассала польского короля, отказываться пока от попытки осуществления своей программы-максимум.

В такой обстановке правящим кругам феодальной Польши сравнительно легко удалось форсировать провозглаше-

¹¹³ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 109.

¹¹⁴ Ibid., str. 110, 142; M. Żdan, *Stosunki...*, str. 565.

¹¹⁵ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 11; M. Żdan, *Stosunki...*, str. 565.

¹¹⁶ А. Барбашев, *Витовт. Последние двадцать лет...*, стр. 108—109.

ние еще одного акта польско-литовской унии. 2 октября 1413 г. Ягайло и Витовт подписали в Городло три документа: грамоту польского короля и великого князя литовского, фиксировавшую главные положения унии, грамоту польских панов и соответствующую грамоту панов литовских¹¹⁷. В этих документах подтверждался союз обоих государств, декларировалось сохранение великокняжеского престола в Литве, провозглашалась верность Литвы Польше; вместе с тем в них развивался ряд положений, реализация которых должна была содействовать дальнейшему сращиванию литовской знати с польскими панам, а следовательно, ослабить связи, существовавшие ранее между литовскими и русскими феодалами. Так, городельские грамоты не только заменили старый термин «литовские бояре» новым термином «бароны и нобили», но и утвердили определенный порядок назначения на государственные должности, распоряжения земельными владениями, заключения браков и т. д. Согласно этим грамотам, занимать должности и прочно удерживать в своих руках земельную собственность в княжестве могли лишь те литовские феодалы, которые являлись католиками, были приписаны к польским гербам и находились в браке с католичками (браки с православными запрещались)¹¹⁸.

Все эти положения делали очевидными как ближайшие, так и более отдаленные цели правящих кругов Польши в Великом княжестве Литовском: вставая на путь сращивания Польши с католической Литвой, польские феодалы сначала добивались только столкновения литовских феодалов с русскими, их изоляции друг от друга. Позднее эта тактика должна была обеспечить поглощение феодальной Польшей как литовской, так и русской части Великого княжества Литовского и Русского. Городельская уния являлась, по-видимому, этапом на этом пути, временным компромиссным соглашением, зафиксировавшим тогдашнее соотношение сил Польши и Литвы. Она свидетельствовала, что феодальная Польша еще была не в состоянии полностью поглотить Литву, а Великое княжество Литовское и Русское не могло в тот момент стать на путь решительного разрыва с Польшей.

Заключение Городельской унии, направленной на подчинение Литовского княжества Польше, привело в то же время к известному усилению позиции Польско-Литовского государства на международной арене, создав, в частности, усло-

¹¹⁷ «Akta unii Polski...», № 49—51, str. 50—72.

¹¹⁸ Ibid., № 51, str. 60—72. — Характерно, что тогда же, в 1413 г., началось и крещение Жемайтии (Самогитии) (А. Барбашев, *Витовт. Последние двадцать лет...*, стр. 133—134).

вия для активизации внешнеполитической деятельности Ягайло и Витовта в Восточной Европе. Именно к этим годам (1413—1414) относятся попытки Витовта укрепить на золотоордынском престоле Бетсуб-улана, Кепека, Иерем-фердена и, опираясь на поддержку Орды, добиться преобладания в Северо-Восточной Руси¹¹⁹. В 1414 г. изгнанные из Нижнего Новгорода братья Борисовичи вновь решили силой оружия вернуть себе власть с помощью татар и Литвы. Эта угроза была настолько серьезной, что московский князь Василий вынужден был послать на Среднюю Волгу Юрия Дмитриевича Галицкого, который и прогнал ставленников Кепека за р. Суру¹²⁰.

Одновременно Москве пришлось защищать и свои позиции в Великом Новгороде и Пскове. Расторжение псковичами и новгородцами союзного договора с Польско-Литовским государством в 1412 г. вызвало еще в январе 1413 г. дипломатический демарш Ягайло, Витовта и Лугвена. В начале 1414 г. Витовт прибег уже к военной демонстрации: он сжег Себеж и блокировал Порхов¹²¹, заставив тем самым Псков и Новгород пойти на уступки и заключить с ним новый договор, предусматривавший не столько военный союз против Ордена¹²², сколько вытеснение московского влияния из северорусских земель. Видимо, с этим договором следует связывать уход из Новгорода летом 1414 г. промосковского князя Константина Дмитриевича¹²³, а также удаление с епископской кафедры новгородского владыки Иоанна¹²⁴, поддерживавшего тесные контакты с Москвой и митрополитом Фотием¹²⁵ и противодействовавшего распространению литовского

¹¹⁹ Тесное взаимодействие Витовта в те годы с Золотой Ордой не мешает некоторым буржуазным историкам видеть в нем борца за распространение «европейской цивилизации», а московского князя Василия считать защитником «азиатской» Руси (L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 128—129).

¹²⁰ ПСРЛ, т. 15, стр. 487.

¹²¹ М. О. Strykowski, *Kronika...*, t. II, str. 151.

¹²² «Тое весны, — сообщает Новгородская IV летопись под 1414 г., — ездил от Новгорода в Литву послом посадник Юрьи Онцифорович и взя съ князем Витовтом миръ по старине, а к немцем не нялся» (А. В. Экземпларский, *Великие и удельные князья...*, т. II, стр. 373).

¹²³ После года пребывания в Новгороде (с начала 1413 по 1414 г.) князь Константин Дмитриевич перебрался на короткий срок в Псков, но вскоре уехал и отсюда, направившись в Москву (А. В. Экземпларский, *Великие и удельные князья...*, т. I, стр. 411).

¹²⁴ «В сию же осень владыка Иван Новгородикый възложи на себе схиму месяца ноября 15 день... и съ двора съиде» (ПСРЛ, т. 18, стр. 162).

¹²⁵ ПСРЛ, т. 4, стр. 411; А. В. Экземпларский, *Великие и удельные князья...*, т. I, стр. 411; «Русская историческая библиотека», т. VI, СПб., 1880, № 36 (далее — РИБ)..

влияния в Пскове. Псковичи не только признали подчинение политической власти литовского князя и его наместника Юрия Носа, но взяли на себя обязательства финансового порядка, обещав платить Витовту и его потомкам ежегодно по 5 тыс. золотых и поставлять большие партии мехов. Что касается Великого Новгорода, то он также должен был принять литовского наместника Семена Ольгердовича Ольшанского (племянника Витовта) и посылать в литовскую казну 10 тыс. золотых в год вместе с огромным количеством мехов¹²⁶.

Характерно, что наступление Витовта в Восточной Европе в этот период проводилось им в тесном сотрудничестве с польским королем. Это было следствием Городельской унии, ослабившей надежды литовского князя на полный разрыв с Польшей и возвращение к самостоятельной «общерусской» политике. Между тем «общерусская» программа не потеряла еще симпатий литовско-русской знати¹²⁷, о чем свидетельствовал, в частности, факт освобождения ранней весной 1418 г. Свидригайло¹²⁸. Заточенный с 1408 г. в Кременецком замке, Свидригайло оставался знаменем определенных кругов западнорусских феодалов, «которые были к нему расположены за то, что он благоприятствовал их порядкам и обычаям»¹²⁹. Прямое содействие этих феодалов — «князей Дашко, Алек-

¹²⁶ М. О. Strykowski, *Kronika...*, t. II, str. 151.

¹²⁷ Симптомом возрождения «общерусской» программы можно считать факт женитьбы киевского князя Александра (Олелько) Владимировича на дочери московского князя Анастасии 22 августа 1417 г. («Codex...», str. 392; А. В. Экземпларский, *Великие и удельные князья...*, т. I, стр. 147). Характерно, что с этим браком примирился и Витовт, хотя в данном случае, может быть, проявилась не столько «уступчивость» литовского князя, сколько его расчетливость: Анастасия была одновременно и внучкой Витовта, поэтому брачный союз ее с киевским князем мог в дальнейшем принести определенные политические выгоды и самому главе Литовско-Русского княжества (А. Барбашев, *Витовт. Последние двадцать лет...*, стр. 188).

¹²⁸ Многие летописи, восходящие к «Полихрону» Фотия, сообщают об этом событии следующее: «В то же лето, — говорится в Симеоновской летописи, — князь Дашко, Федоров сын Острожского, такую козьюю взял град Кременец великого князя Витовтовъ въ великий четвертокъ. Послал же прежде себе своих дву человек, Дмитриа и Илию, а съ ними ся съговоря: „поедите служити Кондрату Прусу, воеводе Кременьскому, и егда прииду азъ къ граду, а вы възводъ ототните, а мость положите“». Далее летопись рассказывает о том, как этот план был реализован: 500 всадников князя Острожского без особого труда вошли в Кременец, «уби Кондрата воеводу и приставов королевых и Витовтых изсече, а князя Швитригаила из желез высече, седевши полъ девята года» (ПСРЛ, т. 18, стр. 165).

¹²⁹ J. Długosz, *Dzieje Polski*, t. IV, str. 200.

сандра, Носа и других»¹³⁰ позволило сопернику Витовта вырваться из-под бдительного надзора¹³¹ и установить контроль над большей частью территории Литовско-Русского княжества¹³², напугав Витовта¹³³ и встревожив соседние правительства¹³⁴.

Хотя Свидригайло вскоре после освобождения направился к императору Сигизмунду¹³⁵ (кстати, часто использовавшему «сепаратистские», «антипольские» настроения феодалов Литовской Руси), тем не менее появление его на политической арене заставило Витовта серьезно задуматься о возрождении «общерусской» политики. Не имея возможности сделать это открыто, литовский князь повел двойную игру. Прежде всего он постарался обеспечить себе союзников. Одним из них в 1418—1419 гг. сделался Едигей, который был встревожен усилением Москвы и освобождением ее бывшего друга Свидригайло и стремился восстановить равновесие сил при помощи ордынско-литовского союза.

Весьма характерно, что Едигей хотел ослабить Московскую Русь, противопоставив ей не все Польско-Литовское государство, а лишь Великое княжество Литовское и Русское. В Орде прекрасно понимали, что столкновение великого владимирского княжения с Польшей и Литвой как целым

¹³⁰ Ibid. — Возможно, что упоминаемый здесь Александр и был киевским князем Александром Владимировичем (Олелько), недавно женившимся на дочери московского великого князя Анастасии. Князем Носом, видимо, был пинский князь Юрий Нос, который одно время присутствовал в Пскове в качестве литовского наместника. Князь Дашко Федорович Острожский был хорошо известен правящим кругам Московской Руси (ПСРЛ, т. 18, стр. 165), а также и правителям Ливонского ордена («Codex...», № 883, pp. 484—485). Его отец получил из рук Витовта подтверждающую грамоту на имения (ibid., № 127).

¹³¹ Охрана замка была поручена отряду польско-литовских войск под командованием Конрада Франкенбергского.

¹³² См. сообщение комтура из Торуня 11 апреля 1418 г. («Codex...», № 767, р. 406). Комтур Рагнеты сообщал о том, что Свидригайло, по одним утверждениям, стал обладателем Валахии, по другим — Подолии (ibid., № 768, р. 406). Характерно, что после бегства Свидригайло польский король признал необходимым принять меры предосторожности в отношении Подолии, рекомендовав подольской шляхте еще раз присягнуть Витовту (ibid., pp. 427—428). Значение «рекомендации» понятно, если учесть, что «дедичем» этой территории до 1408 г. был Свидригайло (М. С. Грушевский, *Исторія України-Русі*, т. IV, Львів, 1907, стр. 476).

¹³³ После бегства Свидригайло Витовт в течение нескольких недель скрывался в Троках («Codex...», № 766, р. 405).

¹³⁴ Весьма показательно, что подробными сведениями о факте побега Свидригайло располагало не только Польско-Литовское государство, но также Московская Русь, Орден и Империя. Так, комтур из Динабурга писал уже 10 апреля 1418 г., что Свидригайло получил энергичную поддержку со стороны местной знати, имел на своей стороне сильное войско и много народа («Codex...», № 766, р. 405).

¹³⁵ Ibid., pp. 412, 433.

могло привести в тот период к размежеванию борющихся сил не по государственно-политическим, а по национально-религиозным признакам. Восстановление союза московского князя Василия с князем Свидригайло, разумеется, отнюдь не устраивало ордынскую дипломатию. Орда стремилась столкнуть восточноевропейские государства таким образом, чтобы исключить возможность соглашения между ними, сделать абсолютно нереальным объединение всех русских земель или большей их части вокруг одного центра. Условием столь эффективного с точки зрения Орды сталкивания было наличие у двух борющихся сторон близких если не адекватных, внешнеполитических программ. Поэтому не удивительно, что Едигей в 1418—1419 гг. стал сочувствовать возвращению Витовта к его широким политическим планам 1398 г.

Это сочувствие выразилось в установлении на рубеже 1417—1418 гг. каких-то контактов между Ордой и Витовтом¹³⁶. По всей вероятности, следствием сближения правителя Орды с Литвой было и бегство из Москвы нижегородских князей Борисовичей, происшедшее в том же 1418 г.: «В лето 6926 князь Данило Борисович с братомъ Иваномъ Новгородские бежаша съ Москвы от великого князя Василия Дмитриевича»¹³⁷. Важным политическим шагом Едигея, предпринятым в 1419 г., было прямое обращение к Витовту¹³⁸, содержавшее предложение сотрудничества между Ордой и Великим княжеством Литовским, направленного против Северо-Восточной

¹³⁶ Ibid., pp. 307, 401.

¹³⁷ ПСРЛ, т. 18, стр. 164—165. — Хотя летописец не говорит об уходе князей Борисовичей именно в Орду, тем не менее вся их предшествующая деятельность является как бы доказательством тому, что они и на этот раз направились в Сарай, надеясь здесь получить поддержку своим притязаниям на нижегородскую «отчину». Об этом говорит последующее двукратное предоставление им ярлыков на нижегородское княжение Улуг-Мухаммедом (Л. В. Черепнин, *Русские феодальные архивы*, т. I, М., 1948, стр. 89). Характерно, что сразу после бегства князей Борисовичей московский князь предпринял шаги, которые должны были ослабить политический эффект этого события: он женил на своей дочери оставшегося при нем суздальско-нижегородского князя Александра Ивановича Брюхатого, передав ему при этом номинальный титул великого нижегородского князя (А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья...*, т. II, стр. 442; А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак*, СПб., 1904, стр. 221).

¹³⁸ Длугош сообщает, что в 1419 г. Едигей направил в Литву послов, которые вручили Витовту специальное послание ордынского правителя, а также передали ему традиционные на Востоке подарки — трех верблюдов и несколько десятков отборных коней. Пересказывая обращение Едигея к литовскому князю, польский хронист сохранил все своеобразие восточной дипломатической переписки, подчеркнув тем самым, что им был использован текст ордынского оригинала (J. Długosz, *Dzieje Polski*, t. IV, str. 220). На это обстоятельство обратил внимание А. Прохаська («Codedex...», p. 443).

Руси. «Не могу скрыть от внимания пресветлейшего князя, — так передавал Длугош слова Едигея, адресованные Витовту, — что оба мы с тобой приближаемся к закату жизни. Не пристойно ли нам провести конец жизни в согласии и мире, чтобы кровь, пролитая в войнах между нами, впиталась в землю, чтобы ветер развеял взаимные упреки и проклятия, чтобы огонь уничтожил гнев и ожесточение [между нами], чтобы пожары, все еще пылающие в наших странах, были погашены водой»¹³⁹.

Хотя некоторые историки относятся к информации польского хрониста с определенным скептицизмом¹⁴⁰, она, по-видимому, заслуживает доверия. Факт сближения Едигея с Витовтом в 1418—1419 гг. хорошо вписывается в сложившуюся к тому времени в Восточной Европе политическую обстановку. Кроме того, сведения о прибытии посольства Едигея к Витовту в 1419 г. находят подтверждение и в документах Ордына¹⁴¹.

Правда, все эти сведения как бы вступают в противоречие с фактом скоро наступившего разрыва между Витовтом и Едигеем. В борьбе, завязавшейся в конце 1419 г. между Едигеем и сыном Тохтамыша Кадыр-берды, Витовт выступал в поддержку последнего, а после гибели обоих ханов способствовал утверждению на престоле Золотой Орды Улуг-Мухаммеда.

Однако нельзя забывать, что Витовта в те годы интересовала не персональная дружба с Едигеем, а установление максимально прочного союза с Ордынской державой. С помощью прямых литовских ставленников Кадыр-берды и Улуг-Мухаммеда достичь этой цели было легче, чем с помощью столь ненадежного союзника, как Едигей. Поэтому разрыв Витовта с Едигеем, появление в Орде сначала Кадыр-берды, а потом Улуг-Мухаммеда¹⁴² следует рассматривать как раз в качестве таких событий, которые подтверждают сближение Литвы с Ордой в 1418—1419 гг., указывая на известную устойчивость тенденции, наметившейся в развитии ордынско-литовских отношений.

Укрепив союз с Ордой и получив возможность опереться на ее поддержку, Витовт стал искать новые возможности для осуществления «общерусской» программы, но продолжал действовать осторожно, исподволь накапливая силы для ре-

¹³⁹ J. Dlugosz, *Dzieje Polski*, t. IV, str. 220.

¹⁴⁰ М. Г. Сафаргалиев, *Распад...*, стр. 193.

¹⁴¹ Об этом писал 17 марта 1419 г. комтур из Динабурга ливонскому магистру («Codex...», № 828, р. 443).

¹⁴² М. Г. Сафаргалиев, *Распад...*, стр. 194, 195, 202.

шительных шагов. Характерной в этом отношении была церковная политика литовского князя, претерпевшая большие изменения в связи с его возвращением к старым планам 90-х годов.

Как известно, Витовт сотрудничал тогда с митрополитом всея Руси Киприаном, который, оставаясь в первую очередь представителем интересов Царьграда¹⁴³, служил по существу нескольким хозяевам. Живя в Москве и поддерживая самые тесные отношения с московским князем Василием, митрополит всея Руси постоянно посещал Новгород, Вильно. Известно, что перед весьма важными событиями происходили обычно встречи Киприана с Ягайло и Витовтом. В 1405 г., накануне литовско-московской войны, он провел около года в Вильно и Киеве, где расправился с неугодными Витовту иерархами, участвовал в важном совещании Ягайло и Витовта, которое решило начало войны против Москвы¹⁴⁴.

Несомненно, линия поведения Киприана диктовалась стремлением сохранить свое звание митрополита всея Руси при любом исходе борьбы за объединение русских земель. Он поддерживал как самое «общерусскую» программу, так и попытки обоих князей осуществить ее. Что же касается одинаково благосклонного отношения к Киприану литовского и московского правительств, то оно опять-таки было обусловлено близостью внешнеполитических программ этих государств. Готовясь к борьбе с Литвой, Василий нуждался в митрополите, который знал бы хорошо религиозно-политическую жизнь не только Северо-Восточной, но и Юго-Западной Руси.

То же самое можно было сказать и о Витовте. Подготавливая осуществление грандиозной программы в отношении всех русских земель, литовский князь должен был опереться на такого иерарха, который мог бы ему быть полезен на всех русских землях. И тому и другому князю нужен был «митрополит всея Руси» в буквальном смысле этого слова, поскольку они сами стремились стать в будущем «государями всея Руси»¹⁴⁵.

¹⁴³ М. Д. Приселков, *История...*, стр. 128—142.

¹⁴⁴ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 337—339; А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак*, стр. 157; К. Chodyncki, *Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska (1370—1632)*, Warszawa, 1934, стр. 25; М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. V, Львів, 1905, стр. 509—510. — Характерно, что Киприан в 1405 г. расправился с туровским епископом Антонием якобы за его переговоры с Шадибеком, в которых речь шла о возможном выходе Руси из состава Литовского княжества (М. Żdan, *Stosunki...*, стр. 555; «Троицкая летопись», стр. 459).

¹⁴⁵ Особое положение митрополита Киприана в политической жизни русских земель конца XIV и начала XV в. получило отражение и в об-

Поэтом, когда умер Киприан (1406 г.), найти ему «достойного» преемника оказалось очень трудно. Витовт безуспешно добивался в Константинополе передачи митрополичьей кафедры своему ставленнику полоцкому владыке Феодосию греку по происхождению¹⁴⁶. В 1410 г. константинопольский патриарх по согласованию с Василием поставил митрополитом всея Руси грека Фотия, который должен был защищать интересы православной церкви в Восточной Европе и, учитывая трудное положение Византийской империи, обеспечить ей финансовую и политическую поддержку.

Интересно, что первые шаги Фотия на Руси носили характер политической разведки, свидетельствовали о его стремлении найти наиболее эффективный путь реализации инструкций Царьграда. В течение шести месяцев (сентябрь 1409 — февраль 1410 г.¹⁴⁷) Фотий пробыл в Киеве, и, видимо, ознакомление с реальной политической обстановкой в Литовской Руси (это было время, когда Поднепровье после инцидента со Свидригайло в 1408 г. даже формально находилось под контролем старост польского короля¹⁴⁸) убедило его в невозможности рассчитывать на помощь Великого княжества Литовского и Русского. Между тем из переговоров с князем Василием Фотий знал, что Московская Русь готова пойти на значительно более широкое сотрудничество с митрополитом всея Руси. Поэтому он решил на переезд в Москву и стал активно поддерживать политику Василия Дмитриевича, вызвав тем самым недовольство Витовта, начавшего против митрополита открытую борьбу.

Если в 1411—1412 гг. Фотий был еще допущен на территорию Литовской Руси¹⁴⁹, то более поздние его попытки проехать через Литву в Царьград и осуществить визитацию южнорусской церкви, предпринятые в 1414 г., были в грубой

шерусском своде 1409 г., инициатором которого, как считают, был сам Киприан.

Летопись 1409 г., как уже отмечалось, носила следы своеобразного литовско-московского «компромисса». Здесь были комплименты в адрес как московских, так и литовских князей (в частности, Ольгерда) (см. Д. С. Лихачев, *Русские летописи*, стр. 296—305).

¹⁴⁶ К. Chodyncki, *Kościół...*, str. 35; А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак*, стр. 158.

¹⁴⁷ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 361.

¹⁴⁸ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 109.

¹⁴⁹ «Того же лета поеха Фотей митрополит во Литву и тамо на Кieve постави Савостяна владыку ко Смоленску» (ПСРЛ, т. 17, стр. 55). Одной из причин, обусловивших признание Витовтом Фотия в качестве митрополита всея Руси в 1410—1412 гг., было, видимо, данное последним обещание сделать своим постоянным местожительством Киев (А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак*, стр. 165, 175).

форме отклонены правительством Витовта¹⁵⁰, все более склонявшегося к мысли о необходимости разрыва с митрополитом. В 1414 г. у Витовта, видимо, окончательно созрел план создания независимой от Фотия митрополичьей кафедры, с помощью которой можно было бы вести борьбу против влияния Москвы на всем пространстве русских земель. В качестве кандидата на пост митрополита литовский князь наметил весьма колоритную для своего времени фигуру племянника Киприана, иерарха болгарского происхождения Григория Цамблака¹⁵¹.

В начале 1414 г. Витовт созвал собор иерархов Литовской Руси, на котором предъявил ряд обвинений в адрес Фотия (пренебрежение к Киеву — «подлинной» столице русской церкви, взимание слишком большой дани, изъятие утвари из киевских церквей и т. д.¹⁵²). Но имя Цамблака как кандидата на пост митрополита названо еще не было, поэтому известие Супрасльской летописи о поездке Цамблака в Москву в 1414 г., вскоре после неудачного визита Фотия в Поднепровье¹⁵³, представляется довольно достоверным. Это была, видимо, попытка получить у самого митрополита Фотия согласие на создание автономной западнорусской церкви¹⁵⁴. Когда выяснилась безрезультатность этого шага, Григорий Цамблак вернулся в Литву, где осенью 1414 г. на вновь созванном церковном соборе была выдвинута его кандидатура на занятие киевской митрополии¹⁵⁵.

Однако предпринятая затем поездка в Константинополь в надежде получить благословение патриарха¹⁵⁶ не достигла.

¹⁵⁰ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 363, 372—373; К. Chodyncki, *Kościół...*, str. 37. — «В лето 6922 (1414. — И. Г.), — сообщает Симеоновская летопись, — Фотей митрополит въсхоте ити к Царюграду и яко доиде до Литвы, Витовт же не пусти его, но пограбив его возврати к Москве» (ПСРЛ, т. 18, стр. 161).

¹⁵¹ А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак*, стр. 144, 148, 157—158, 164—165, 174. — Есть основание предполагать, что сам Киприан хотел сделать Цамблака своим преемником. Известно, что Киприан вызвал его в 1406 г. в Москву, но смерть митрополита спутала все расчеты. С 1406 по 1414 г. Григорий Цамблак находился, видимо, то в Сербии и Константинополе, то в Литве.

¹⁵² П. П. Соколов, *Киевский митрополит Григорий Цамблак. Очерк его жизни и деятельности*, — «Богословский вестник», кн. VII, СПб., 1895, стр. 52—72.

¹⁵³ «Тогда был Цамблак на Москве» (ПСРЛ, т. 17, стр. 55).

¹⁵⁴ А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак*, стр. 176.

¹⁵⁵ Там же, стр. 177.

¹⁵⁶ Характерно, что Витовт в послании к царьградскому патриарху откровенно сформулировал свои цели в отношении митрополичьей кафедры в Киеве: «Мы обладаем Киевом (здесь и далее курсив мой. — И. Г.), а потому нужно, чтобы митрополит жил у нас и управлял делами митрополии как наш» (А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак*, стр. 173).

цели¹⁵⁷. Находившийся в стесненном положении патриархат очень дорожил своими позициями в русской церкви и, стремясь обеспечить сохранение своего влияния в русских землях, предпочитал иметь дело с одним реальным митрополитом всея Руси — «надежным», преданным интересам Царьграда Фотием. Поэтому Григорий Цамблак, за спиной которого стояли не очень «устойчивый» в церковно-религиозном отношении Витовт и активный католик Ягайло, не только не получил благословения в Константинополе, но «был извержен синодом из сана и отлучен»¹⁵⁸. Тем не менее это не остановило Витовта: осенью 1415 г. он созвал церковный собор в Новгороде (Новогрудок), где провозгласил Григория Цамблака киевским митрополитом¹⁵⁹.

Характерно, что уже тогда ни Витовт, ни Цамблак не думали ограничивать сферу влияния новой митрополии границами Великого княжества Литовского¹⁶⁰ и повели против Фотия ожесточенную борьбу. В первом митрополичьем послании Цамблак допускал не только прямые нападки на Фотия, но подчеркнуто называл его «бывшим» митрополитом. Естественно, что и московский митрополит платил своему противнику тем же¹⁶¹. Он предал Цамблака проклятию, разоблачал его в специальных посланиях псковичам, киевлянам, обвиняя в попытках подкупить патриархию, а также в симпатии к католицизму. Фотий использовал и «Полихрон», чтобы осудить церковное «двоевластие» и показать его тяжелые последствия для Руси¹⁶². В том же духе действовали царьградские патриархи Евфимий (ум. в марте 1416 г.) и его преемник Иосиф II: оба они отлучили Цамблака от церкви и предали проклятию¹⁶³.

¹⁵⁷ Яцимирский видел причину в «происках Фотия» (А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак*, стр. 177; РИБ, т. VI, стр. 311).

¹⁵⁸ Там же, стр. 178.

¹⁵⁹ ПСРЛ, т. 17, стр. 56—57; т. 4, стр. 414; Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 377; РИБ, т. VI, № 37, 38.

¹⁶⁰ А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак*, стр. 180. — Уже 1 января 1416 г. ливонский магистр писал великому магистру в Мальбург о том, что «Витовт выдвинул и избрал русского папу, или, как его называют, патриарха, в Литве и что он рассчитывает привести к послушанию этому патриарху москвичей, новгородцев, псковичей, словом, все русские земли» («Codex...», № 657, р. 335). Позднее, в 1418 г., польский король в грамоте папе Мартину V прямо называл Цамблака «митрополитом всея Руси» («Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia», т. XII, Cracoviae, 1891, pp. 98-100).

¹⁶¹ ПСРЛ, т. 23, стр. 145—146; РИБ, т. VI, № 39.

¹⁶² ПСРЛ, т. 22, ч. I, стр. 416.

¹⁶³ ПСРЛ, т. 4, стр. 419; А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак*, стр. 181; Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 370—377.

Все это толкало Витовта и Цамблака на полный разрыв с греческой церковью, сближало их с «латинством»¹⁶⁴. Не случайно резиденция Цамблака была перенесена из Киева в Вильно. Показательно также, что в мае 1417 г. папа римский Мартин V (1417—1431) утвердил Ягайло и Витовта в звании викариев римской церкви в Жмуди, Пскове, Новгороде и других русских землях¹⁶⁵. Дальнейшим шагом на этом пути была поездка Григория Цамблака на Констанцкий собор в начале 1418 г.

Миссия Цамблака представляется весьма сложным и вместе с тем заметным событием эпохи. Если создание киевской митрополии было связано лишь с ходом борьбы Витовта против Василия и Фотия, то поездка нового митрополита на Констанцкий собор свидетельствовала уже о стремлении Польско-Литовского государства, с одной стороны, и римско-католической церкви — с другой, использовать вновь созданную киевскую митрополичью кафедру в более широком плане. Речь шла по существу о попытке форсировать с помощью митрополита Цамблака унию православной церкви с католической¹⁶⁶, о чем говорила переписка Ягайло с папой Мартином V; в частности, в письме от 1 января 1418 г. польский король не только информировал папу о посольстве «митрополита всея Руси» Цамблака и целях этого посольства, но также выражал радость по поводу «окончания схизмы»¹⁶⁷.

Характерно, что линию Ягайло в отношении Цамблака как будто поддерживал и сам Витовт: об этом свидетельствовала совместная с Ягайло отправка нового митрополита на Констанцкий собор, выразившаяся в факте написания близких по содержанию писем от короля и литовского князя к папе Мартину V¹⁶⁸, в подборе сопровождавших Цамблака лиц (в его многочисленной свите были гнезненский архиепископ Николай Тромба, а также представители западнорусской церкви — из Полоцка, Киева, Львова, Перемышля и т. д.)¹⁶⁹, в составлении официальной речи Цамблака, которую от его имени прочел магистр из Чехии Маврикий¹⁷⁰. Однако поведение на соборе киевского митрополита заставляло заподозрить искренность Витовта. Действуя, несомненно, согласно тайной

¹⁶⁴ А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблук*, стр. 181; К. Chodynicky, *Kościół...*, стр. 45.

¹⁶⁵ A. Theiner, *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, Romae*, 1861, № 25, 26, pp. 20—22.

¹⁶⁶ E. Winter, *Rußland und Papsttum*, Berlin, 1960, S. 127—128.

¹⁶⁷ «Monumenta medii aevi historica...», t. XII, pp. 98—100.

¹⁶⁸ А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблук*, стр. 189—195, 202.

¹⁶⁹ Там же, стр. 191—192; К. Chodynicky, *Kościół...*, стр. 45—47.

¹⁷⁰ К. Chodynicky, *Kościół...*, стр. 46.

инструкции литовского князя, Цамблак предложил лишь провести диспут по вопросу об унии, отказавшись участвовать в ее осуществлении¹⁷¹.

Очевидно, посылая киевского митрополита на собор, Витовт стремился поддержать в Польше иллюзию своей вассальной зависимости от Ягайло и создать видимость максимальной приверженности к католической церкви¹⁷². Тем самым литовский князь обеспечивал себе поддержку Рима, императора и всего католического Запада, необходимую ему для осуществления самостоятельной «общерусской» программы. Вместе с тем это была демонстрация могущества Литвы, призванная произвести впечатление на русские земли, и одновременно демонстрация веротерпимости Витовта, его полного равнодушия к религиозным разногласиям¹⁷³. Не случайно в

¹⁷¹ А. Барбашев, *Витовт. Последние двадцать лет...*, стр. 135—137; А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак*, стр. 199, 202, 206; A. Prochaska, *Dążenia do unii cerkiewnej za Jagiełły*, — «Przegląd powszechny», 1897, z. VII, str. 52. — Хорошо информированный орденский летописец Линденблатт писал, что «Витовт послал на Констанцкий собор русских епископов будто с приказанием подчиниться католической церкви». Летописец подчеркивал, что «польские прелаты были очень довольны этим и встретили русских с большим почетом. Когда же русские епископы по прошествии некоторого времени были спрошены, зачем приехали, то они ответили, что Витовт прислал их на собор, но что они не имеют никакого желания подчиниться римской церкви, а намерены оставаться в прежнем положении. И тогда поляки были осмеяны всем собором» (Б. Я. Рамм, *Папство и Русь в X—XV вв.*, М. — Л., 1954, стр. 219).

¹⁷² Цамблак в речи на Констанцском соборе специально останавливался на католической «набожности» Витовта (А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак*, стр. 192). Об этом писал и Ягайло римскому папе Мартину V. Сам Витовт рекламировал свою преданность Риму, учреждая новые католические епископии («Codex...», № 743—744, 753). Он жаловался римской курии на факт заключения Орденом мирного договора с «нехристианским» Псковом (*ibid.*, № 764, p. 403).

¹⁷³ В этом отношении очень любопытна летописная трактовка поездки Цамблака на Констанцкий собор (ПСРЛ, т. 18, стр. 164). На основании текста летописи можно сделать вывод о том, что Витовт прежде всего добивался политической консолидации в княжестве, не считаясь при этом с политическими средствами: консолидация могла быть достигнута и с помощью православия, и с помощью «немецкой веры». Летописец подчеркивает, что Цамблак поехал на собор не ради осуществления унии, а ради дискуссии по этому вопросу, которая теоретически могла кончиться и «торжеством» православия.

Индифферентная позиция Витовта в сфере церковно-религиозных отношений получила отражение и в документе, вышедшем из канцелярии самого литовского князя вскоре после избрания Цамблака митрополитом. Оказавшись между требованиями Ягайло и римской церкви, с одной стороны, и реальными интересами православного населения своего княжества — с другой, Витовт проявил максимальную гибкость, провозгласив нечто вроде «веротерпимости» для территории Великого княжества Литовского и Русского. Извещая население об избрании Цамблака, он декла-

состав свиты Цамблака были включены как новгородские и волошские представители, так и татарские наблюдатели¹⁷⁴. По-видимому, Витовт хотел в их лице иметь свидетелей сдержанности литовского «митрополита всея Руси» по отношению к римско-католической церкви и таким образом заручиться поддержкой не только западных, но и восточных соседей. Такими свидетелями могли быть также и находившиеся тогда в Констанции представители византийского двора¹⁷⁵.

Тот факт, что глава Литовского княжества вел в этот период двойную игру, готовясь к осуществлению крупных политических замыслов, подтверждается и его дальнейшей церковной политикой. Витовт не мог не видеть, насколько непопулярной в Литве была фигура «самостоятельного» «митрополита всея Руси» Цамблака; акт о «веротерпимости» был результатом неприятия локальной митрополии значительной частью православного населения княжества. Поняв, что программа «собрания» русских земель оказалась несовместимой с церковной автономией Литвы, Витовт в 1419 г. решил изменить церковную политику, порвав с Цамблаком и сблизившись с Фотием¹⁷⁶.

Характерно, что это сближение последовало непосредственно за установлением контакта Витовта с Едигеем. Намечавшаяся в результате литовско-ордынского союза перспектива преобладания в Восточной Европе Великого княжества Литовского, возможно, заставила Фотия, стремившегося лю-

рировал следующее: «А кто хочет по старым держатися, под властью митрополита Киевского, ине так добро, а кто не хочет, ине воля ему ест» («Акты Западной России», т. I, СПб., 1846, № 25, стр. 37; М. С. Грушевский, *Історія України-Русі*, т. V, стр. 398, 403, 653—658).

¹⁷⁴ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 134; E. Winter, *Rußland...*, S. 128.

¹⁷⁵ А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак*, стр. 204—205.

¹⁷⁶ Этот шаг Витовта привлек внимание таких историков, как Макарий, Е. Голубинский, П. Соколов, Л. Саббатовский, А. Яцимирский, А. Прохаська, А. Левицкий и др. Исследуя проблему отношений литовского князя с Цамблаком и Фотием, они не смогли решить вопрос о том, умер ли Григорий Цамблак в 1419 г. или вынужден был уйти в один из монастырей Молдавии. Все показания о смерти Цамблака в 1419 г. или в самом начале 1420 г. (ПСРЛ, т. 18, стр. 165) исходят от лиц, заинтересованных в утверждении этого факта, и потому ненадежны. Представляется, что в данном случае речь должна идти не о естественной замене умершего митрополита новым, а о замене, обусловленной обстоятельствами сугубо политического порядка и связанной с возникновением новой расстановки сил в Восточной Европе. В условиях наметившегося тогда сближения Литвы с Ордой и возрождения «общерусской» программы Витовта Цамблак уже не мог быть эффективным орудием в руках литовского правителя и вынужден был уйти из активной политической жизни.

бой ценой сохранить свое положение в русской церкви, взяв на себя инициативу сближения с Витовтом¹⁷⁷. Во всяком случае митрополит всея Руси с 1419 г. стал активно сотрудничать с литовским князем¹⁷⁸ и хотя, подобно Киприану, не порывал сношений с великим владимирским княжением, тем не менее, выступая в роли своеобразного арбитра между Василием и Витовтом, в большинстве случаев оказывался на стороне главы Великого княжества Литовского и Русского. Характерно, что Фотий обязал великого князя московского в его духовной грамоте 1423 г. «приказать» «сына своего, князя Василия и свою княгиню (Софью Витовтовну. — И. Г.) и свои дети своему брату и тестю, великому князю Витовту»¹⁷⁹.

Знаменательным было и прекращение митрополитом в 1419 г. работы над «Полихроном». Этот летописный свод, созданный в период существования самостоятельной литовско-русской митрополии Цамблака и носивший следы ярко выраженной промосковской ориентации, естественно, не мог удовлетворить литовского князя, который теперь, в новых условиях, считал необходимым создать «свою» летопись. Она должна была сохранить как в фактическом, так и идеологическом отношениях общерусскую основу и стать историческим обоснованием его «общерусской» политической программы.

Осуществление этой задачи Витовт поручил смоленскому епископу Герасиму, являвшемуся весьма любопытной фигурой в истории западнорусской церкви первой трети XV в.¹⁸⁰. На-

¹⁷⁷ Характерно, что сближение Фотия с Витовтом было санкционировано самим Царьградом. Во время первой поездки Фотия в Литву его сопровождал представитель Константинополя: «Тогда был посол царевъ, Филантропонъ Гречин», — сообщала Супрасльская летопись под 1420 г. (ПСРЛ, т. 17, стр. 59).

¹⁷⁸ «В лето 6928 (1420. — И. Г.) поеха митрополит Фотей в Литвою месяца июня 1, а с ним владыка Амьброей и наехал великого князя Витовта в Новгороде... Того же лета поиде митрополит ко Киеву, и в Слоущкоу крестил князя Семен Александрович (сына князя Александра Владимировича и московской княжны Анастасии. — И. Г.)... Того же лета бысть митрополит в Галичи» (ПСРЛ, т. 17, стр. 58—59).

¹⁷⁹ «Духовные и договорные грамоты...», стр. 62.

¹⁸⁰ Судя по данным некоторых источников, Герасим родился и вырос в Москве. Об этом прямо говорят литовско-русские летописи: «Герасим... родом же Москвитин, Титов сын, Болванов внук» (ПСРЛ, т. 17, стр. 420). В течение 20—30-х годов этот иерарх занимал ряд важных церковных постов в западнорусских землях. Он был епископом Владимиро-Волынской земли, когда произошло примирение Витовта с Фотием. С общего соглашения литовского князя и митрополита Герасим был переведен из Владимира в Смоленск (там же). Известно, что после смерти Витовта князь Свидригайло («общерусские» притязания которого широко известны) за какие-то особые заслуги выдвинул Герасима на пост митрополита всея Руси. Герасим пробыл митрополитом до 1435 г., когда при загадочных обстоятельствах был сожжен в Витебске тем же князем Свидригайло (там же, стр. 61, 67).

чатая Герасимом в 20-х годах работа над составлением летописного свода на основе переработки «Полихрона» Фотия с широким привлечением летописных материалов Смоленска и Новгорода привела к созданию нового литовско-русского свода 1446 г., дошедшего до нас в виде Супрасльского списка и примыкающих к нему других списков¹⁸¹.

Несмотря на то что составление свода было закончено уже после смерти Герасима, представляется бесспорным его участие в работе¹⁸².

Об этом свидетельствуют некоторые дошедшие до нас подробности, связанные с литературно-идеологической деятельностью этого иерарха. Известно, что в 20-х годах XV в. один из учеников Герасима, Тимофей, сформулировал определенные идеологические положения, отражавшие настроения как его непосредственного наставника, так и руководителей политических и церковных кругов Литовского княжества. Сделанная в те годы Тимофеем официальная запись о политике Витовта гласила: «Витовт... много лет соужи держаща великое княжение Литовское и Русское и иная великие княжения, спроста реши вся русская земля». Уточняя свою мысль, Тимофей тут же разъяснял, что он имел в виду под словами «вся русская земля»: «Тогда бяху крепко слоужаху ему венлиции князи, великий князь Московский, великий князь Тферьской, великий князь Рязаньский, великий Новгород, великий Псков и спроста реши весь Роуский язык»¹⁸³.

Данный текст настолько точно фиксировал политические замыслы Витовта, что вошел составной частью в последующие редакции литовско-русских летописей в виде особого раздела, получившего наименование «Похвалы Витовта»¹⁸⁴. Не удивительно поэтому, что именно те люди, которые сумели четко сформулировать политическую доктрину князя, были привлечены к составлению особого литовско-русского летописного свода. Не удивительно также, что в этом своде нашли

¹⁸¹ Там же, стр. 4—84.

¹⁸² М. Д. Приселков, *Летописание Западной Украины и Белоруссии*, — «Ученые записки ЛГУ», 1941, вып. 7, стр. 19.

¹⁸³ ПСРЛ, т. 17, стр. 417.

¹⁸⁴ «Похвала Витовта» присутствует и в Супрасльском списке, восходящем к редакции 1446 г.; правда, уже в Археологическом описке, связанном с подготовкой Люблинской унии (ПСРЛ, т. 17, стр. 282), «Похвала» была сильно сокращена за счет удаления «общерусских» сюжетов, а в списке Быховца эти сюжеты оказались замененными рассуждениями о происхождении литовских князей от римских императоров и литовской шляхты от римской аристократии (там же, стр. 473—476, 527), а также рассказами о «срашивании» литовской и польской знати при Витовте (там же, стр. 526—528).

отражение элементы «общерусской» программы Витовта, которая в 20-х годах вновь стала на повестку дня.

В этот период Витовт, стремясь подготовить благоприятные условия для осуществления своих грандиозных замыслов, старался все в большей мере использовать напряженные политические отношения в Восточной и Западной Европе. В отношении Орды князь умело применял тактику противопоставления одних татарских ханов другим (сначала он противопоставлял враждебным ему Худайдату и Бораку своего ставленника Улуг-Мухаммеда, потом вынужден был действовать против Улуг-Мухаммеда с помощью ханов Девлет-берды и Хаджи-Гирея). Витовт вмешался и в гуситскую борьбу: если в начале 20-х годов он активно поддерживал гуситов, выступая в это время в качестве поминального обладателя чешской короны¹⁸⁵, то в конце 20-х годов правитель Литвы стал союзником императора Сигизмунда и магистра Ордена Руссдорфа, надеясь с их помощью осуществить свои планы. Ту же цель преследовала и церковная политика Витовта. Сотрудничая с Фотием и константинопольским патриархом в осуществлении «общерусской» программы, он одновременно убеждал Рим в своей готовности защищать интересы католичества на востоке Европы¹⁸⁶.

Так, используя сравнительно благоприятную международную обстановку, преодолевая активное противодействие польских феодалов во главе с З. Олесницким и королем Ягайло, Витовт в конце 20-х годов попытался реализовать план превращения Литовско-Русского княжества в самостоятельное королевство. Важными этапами на этом пути должны были явиться съезды в Луцке (начало 1429 г.) и Вильно (осень 1430 г.)¹⁸⁷. На Луцком съезде присутствовали император Сигизмунд, Ягайло, магистры Немецкого и Ливонского орденов, папский легат; здесь собрались многие князья «Белой Руси» — Василий II Московский, Борис Тверской, князья Рязанские, Одоевские и др. Присутствовал и митрополит Фотий, а также представители Перекопской и Заволжской орд. Съезд в Вильно был столь же представительным. К этому

¹⁸⁵ «Ruch husycki w Polsce», Wrocław, 1953, str. 67—76.

¹⁸⁶ Такое поведение Витовта порождало двойственное отношение к нему римской курии, которая, с одной стороны, рассчитывала при помощи литовского князя осуществить свои максимальные планы в Центральной и Восточной Европе (в том числе ликвидировать гусизм и реализовать церковную унию), а с другой — боялась в результате коронации Витовта потерять тот минимум влияния в восточнославянских землях, который обеспечивала ей в то время католическая Польша.

¹⁸⁷ J. Długosz, *Dzieje Polski*, t. IV, str. 342—352; ПСРЛ, т. 17, стр. 60 — 61, 616.

времени «Витовт договорился с цесарем о времени доставки короны от папы в Литовское королевство»¹⁸⁸.

Однако коронация Витовта, как известно, осуществлена не была. Польские феодалы, не желавшие потерять литовские и юго-западные русские земли, сделали все, чтобы не пропустить императорских послов, везших в Вильно обещанную корону, и таким образом помешали превращению Витовта в главу Литовско-Русского королевства. Смерть князя, последовавшая в конце 1430 г.¹⁸⁹, окончательно похоронила тогдашние планы создания самостоятельного Литовско-Русского государства.

2. Улусы Золотой Орды и восточноевропейские страны во второй четверти XV в.

Эпоха, последовавшая после ухода Едигея с исторической арены, была ознаменована резким усилением тенденции распада того государственного образования, которое некогда называлось «Улусом Джучи».

Во второй четверти XV в. «Улус Джучи» представлял собой несколько фактически самостоятельных юртов¹⁹⁰, объединенных лишь номинальной властью хана, находившегося в Сарай-Берке. Борьба этих юртов за преобладание в Орде, борьба претендентов на золотоордынский престол, естественно, вынуждала татарскую феодальную знать не только сократить размах наступательной политики в Восточной Европе, но и искать здесь себе союзников и покровителей.

Если «централизованная» Орда со времен Батыя и до Едигея чаще всего осуществляла наступательную политику в масштабе всей Восточной Европы, умело используя процессы децентрализации и централизации, то самостоятельные или полусамостоятельные юрты имели возможность вести атаку только против какой-либо одной восточноевропейской страны, опираясь при этом на союз с другой¹⁹¹ и используя лишь их внутривнутриполитические противоречия.

¹⁸⁸ M. Strykowski, *Kronika...*, t. II, str. 169; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 160—161.

¹⁸⁹ «Historia polityczna Polski», t. I, Warszawa — Kraków, str. 504—508; М. С. Грушевский, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 154; ПСРЛ, т. 17, стр. 61.

¹⁹⁰ M. Zdan, *Stosunki...*, str. 575.

¹⁹¹ Ibid., str. 559—560. — Это было «воскрешением» ордынской тактики начала XIV в., применявшейся теперь не ко всей Руси, а лишь к ее отдельным частям. Однако торжество этой тактики не исключало кратковременного появления в политике отдельных преуспевавших ханов тенденций старого «великодержавия».

Между тем усилившиеся Польша, Литва и Московская Русь все более активно пытались оказывать влияние на политическую жизнь Орды. Так, подготовленное всем ходом социально-экономического и политического развития, устанавливалось новое соотношение сил в Восточной Европе, которое и было зафиксировано созданием новой политической карты этой части европейского континента.

Новое соотношение сил ярко проявилось в событиях, последовавших за смертью Едигея. Характерно, что преемник Едигея — Мухаммед (вошедший в историю под именем Улуг-Мухаммеда, или Улу-Махмета) занял золотоордынский престол в 1421 г. при прямой и энергичной поддержке Витовта¹⁹² и позднее в наиболее острые моменты своего правления находил убежище в столице Литовского княжества¹⁹³. Хотя формально Улуг-Мухаммед возглавлял Орду довольно длительное время (до 1437 г.), тем не менее его реальная власть и отдаленно не напоминала власть Мамай, Тохтамыша или даже Едигея. Как сообщают восточные источники, при этом хане «смуты сделались постоянными и дела расстроились окончательно»¹⁹⁴. Одновременно с Улуг-Мухаммедом правили чаще всего как независимые государи, и другие ханы. Так, в начале 20-х годов в волжских и донских степях появились поочередно хан Худайдат и хан Борах, прибывшие сюда из Средней Азии¹⁹⁵, в конце 20-х годов в Крыму и Причерноморье властвовал Девлет-берды¹⁹⁶. Между этими ханами и номинальным повелителем Орды происходила то скрытая, то явная борьба.

В середине 20-х годов верх взял на короткое время хан Борах, вынудив Улуг-Мухаммеда бежать в Литву¹⁹⁷. Однако при поддержке Витовта Улуг-Мухаммеду удалось вскоре вытеснить Бораха и снова воцариться в Сарае¹⁹⁸, после чего он попытался подчинить себе и Крым. Однако теперь его «великодержавная» политика натолкнулась на противодействие как Витовта, так и самих крымских феодалов, выдвинувших в качестве правителя в 1427—1428 гг. Девлет-берды, а в

¹⁹² L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 128.

¹⁹³ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 410—411. — Характерно, что Витовт часто свои действия на международной арене согласовывал с Улуг-Мухаммедом. Летопись указывает на факт одобрения ордынским ханом похода Витовта на Псков в 1426 г. (ПСРЛ, т. 12, СПб., 1901, стр. 7).

¹⁹⁴ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 178.

¹⁹⁵ В. Г. Тизенгаузен, *Сборник...*, т. I, стр. 534.

¹⁹⁶ M. Żdan, *Stosunki...*, str. 578.

¹⁹⁷ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 142—143.

¹⁹⁸ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 413.

1430 г. Хаджи-Гирея¹⁹⁹. Но если Улуг-Мухаммед плохо ладил с Витовтом в конце жизни последнего, то с его преемником на великокняжеском престоле Свидригайло, часто конфликтовавшим с Витовтом, он сразу установил тесные контакты²⁰⁰. Характерно, что Улуг-Мухаммед, осуществляя в начале 30-х годов широкую политику в Восточной Европе, поддерживал не только Свидригайло, но и его «побратима» галицкого князя Юрия Дмитриевича, давнишнего антагониста внука Витовта московского князя Василия Васильевича²⁰¹. Однако перспектива политического сближения «побратимов» и консолидации таким образом русских земель, а также возможность использования этой консолидации Крымом заставили Улуг-Мухаммеда изменить линию поведения. Золотоордынский правитель сначала перестал сотрудничать с крупнейшим представителем крымских феодалов Тягиней, а потом предпочел поддерживать не Юрия и Свидригайло, а Василия II²⁰² и Сигизмунда Кейсрутовича, занявшего в сентябре 1432 г. виленский престол²⁰³.

Дальнейшая политическая деятельность Улуг-Мухаммеда была осложнена созданием в 1433 г. на причерноморских землях между Днестром и Доном нового татарского улуса, во главе которого с помощью могущественного тогда Свидригайло стал хан Сейид-Мухаммед (Сеид-Махмет, Седи-Ахмет)²⁰⁴.

Один из многочисленных внуков Тохтамыша, этот хан родился и вырос в Литве. Став главой нового улуса, он сыграл важную роль в политической жизни Восточной Евро-

¹⁹⁹ M. Żdan, *Stosunki...*, str. 576, 578.

²⁰⁰ О наличии полного взаимопонимания в это время между Улуг-Мухаммедом и Свидригайло свидетельствовало не только предоставление последнему летом 1431 г. ярлыка на русские земли (L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 166, 171, 254), но и освобождение мценского воеводы Григория Протасьева, «по ошибке» захваченного в плен ордынским князем Айдаром в то время, когда Григорий находился еще на службе у Витовта (ПСРЛ, т. 18, стр. 170—171).

²⁰¹ Стремление поддержать галицкого князя против московского проявилось в намерении ордынского царя выдать осенью 1431 г. ярлык на великое владимирское княжение именно Юрию Дмитриевичу (ПСРЛ, т. 18, стр. 171).

²⁰² Там же; т. 24, стр. 182; т. 23, стр. 147.

²⁰³ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 255—256. — Уже зимой 1432/33 г. Улуг-Мухаммед не прислал обещанных войск Свидригайло (см. Н. М. Карамзин, *История...*, т. V, стр. 115), а весной 1433 г. татарские отряды уже громили территории, контролировавшиеся тогда Свидригайло (L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 255). Видимо, в 1433 г. Сигизмунд получил от Улуг-Мухаммеда ярлык на русские земли (*ibid.*, str. 256; М. С. Грушевский, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 458).

²⁰⁴ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 254—256, 316.

пы 30—50-х годов XV в.²⁰⁵. В ходе борьбы, которую Сейид-Мухаммед вел против своих соперников в системе татарских улусов Золотой Орды, Хаджи-Гирей должен был покинуть крымский юрт в 1435—1436 гг., а позиции Улуг-Мухаммеда были сильно подорваны. Именно в эти годы положение последнего как правителя всей Золотой Орды крайне осложнилось, значительно расширился круг его противников, активизировалась их деятельность²⁰⁶. В результате он должен был сократить масштабы восточноевропейской политики, ограничившись активным вмешательством лишь в дела Северо-Восточной Руси.

Ослабленный борьбой с Сейид-Мухаммедом, Гыяс-эд-Дин²⁰⁷, Кучук-Мухаммедом²⁰⁸, не имея достаточной внутренней опоры, Улуг-Мухаммед в 1437 г. оказался вынужденным покинуть золотоордынский престол и уйти в эмиграцию. Возможно, по инициативе литовского князя Сигизмунда Кей-стутовича он вместе с частью своей орды переселился в московско-литовское пограничье (верховье Оки, район г. Белева)²⁰⁹. Показательно, что в этом новом положении Улуг-Мухаммед столкнулся с «единым фронтом» князей Северо-Восточной Руси и оказался перед необходимостью заменить политические методы борьбы против Московского государства чисто военными. Выиграв в 1437 г. сражение с войском

²⁰⁵ Ibid., str. 257; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 227. — Не исключено, что существование улуса Сейид-Мухаммеда было замечено тогда и в Италии. Возможно, что известный венецианец Барбаро, проводивший в Тане длительное время (с 1436 по 1452 г.), был послан Венецианской республикой для наблюдения за политической деятельностью Сейид-Мухаммеда («Библиотека иностранных писателей», т. I, СПб., 1836).

²⁰⁶ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 206, 207, 219; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 257.

²⁰⁷ Гыяс-эд-Дин, сын хана Шадибека, был организатором одной из диверсий, направленных против Улуг-Мухаммеда. Интересно, что накануне своего выступления против золотоордынского царя Гыяс-эд-Дин провел некоторое время в Москве в качестве политического эмигранта (В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 205—207, 219—221). В этот период в Северо-Восточной Руси еще не было специального центра для содержания татарских эмигрантов-царевичей. Такой центр был, как известно, создан только в 1452 г. в г. Городце, ставшем позднее называться Касимовым (В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о Касимовских царях и царевичах*, т. I, СПб., 1863, стр. 26, 41). Несомненно, однако, что организацию подобного центра должна была предшествовать длительная практика укрытия в пределах Московского государства политических эмигрантов из татарского мира. В частности, двор князя Василия всегда был открыт для татарских царевичей (там же, стр. 14). Подобная практика в Литве Витовта хорошо известна (L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 254—255, 258).

²⁰⁸ Ibid., str. 315—316; В. Г. Тизенгаузен, *Сборник...*, т. I, стр. 538.

²⁰⁹ «Тоя же осени пришед царь Махмут, седе в граде Белеве, бежав от иного царя», — записано под 1437 г. в Симеоновской летописи (ПСРЛ, т. 18, стр. 188).

Василия II, находившимся под командованием галицких князей Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного, Улуг-Мухаммед в дальнейшем участвовал в набеге на земли Северо-Восточной Руси: в 1439 г. он чуть было не овладел Москвой²¹⁰.

В начале 40-х годов Улуг-Мухаммед переселился с остатками своей орды на берега Средней Волги. Освоившись с новой обстановкой, подчинив себе население, жившее на территории Волжской Булгарии, Улуг-Мухаммед, или, вернее, его сын Махмутек, в середине 40-х годов возглавил новое ханство, ставшее называться Казанским²¹¹. Пребывание бывшего золотоордынского хана на Средней Волге было ознаменовано значительной военной и политической активностью, направленной против Северо-Восточной Руси. Это проявилось как в организации нескольких походов татарских войск (в 1444—1445 гг. на Муром, Рязань, Суздаль), так и в возрождении практики столкновения московских князей с галицкими²¹².

Характерно, что в условиях крайнего обострения отношений Московской Руси с Улуг-Мухаммедом великий князь Василий II счел нужным признать Сейид-Мухаммеда и Кучук-Мухаммеда (последний стал номинальным царем Золотой Орды в 1437 г.²¹³). Эта ориентация Москвы, очевидная из договорной грамоты Василия II с Дмитрием Шемякой²¹⁴, была обусловлена как логикой борьбы с Улуг-Мухаммедом, так и возросшей мощью нового татарского объединения, созданного Сейид-Мухаммедом. И действительно, вытеснив Хаджи-Гирея из Крыма и сделав невозможным пребывание Улуг-Мухаммеда на Нижней Волге, Сейид-Мухаммед стал активно вмешиваться в дела Польши и Литвы. Наблюдая за настойчивыми попытками польского двора покончить с самостоятельностью Литовско-Русского государства²¹⁵, Сейид-Мухаммед поддерживал на каждом отдельном этапе именно те силы Великого княжества Литовского и Русского, которые в тот момент

²¹⁰ Там же, стр. 190—192.

²¹¹ М. Г. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, Казань, 1923, стр. 15—18; В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование...*, т. I, стр. 11.

²¹² ПСРЛ, т. 18, стр. 192—201.

²¹³ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 257, 316.

²¹⁴ «Духовные и договорные грамоты...», стр. 107—117. — Отказавшись от старой датировки грамоты 1434 годом (см. «Собрание государственных грамот и договоров», т. I, М., 1813, № 52, 53), Л. В. Черепнин убедительно показал, что этот документ был создан в 1441—1442 гг. (Л. В. Черепнин, *Русские феодальные архивы*, т. I, стр. 125—128).

²¹⁵ Эта цель осуществлялась в 30—40-х годах XV в. путем столкновения между собой сначала Свидригайло и Сигизмунда, а затем более мелких князей — сторонников литовско-русского сепаратизма (см. L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 188—225, 229—236; М. С. Грушевский, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 184—229).

наиболее активно выступали против натиска польских правящих кругов. Так, в середине 30-х годов он оказывал помощь Свидригайло, в конце 30-х годов пытался сотрудничать с Сигизмундом Кейстутовичем, осуществляя набеги на контролируемые польскими войсками территории Поднепровья, Подолии и Волыни²¹⁶, в 40-х годах находился в тесном контакте с сыном Сигизмунда Михайлушкой и домом Олельковичей, ведя борьбу против короля Владислава (1434—1444) и князя Казимира, возглавившего в 1440 г. Великое княжество Литовское²¹⁷.

В этой обстановке контроль стратегически важных территорий Причерноморья становился все более трудным для Польши и Литвы. Стремясь найти противовес орде Сейид-Мухаммеда, польско-литовские правители обращали взоры на Крым как на возможного союзника. Сближение с Крымом облегчалось двумя обстоятельствами: во-первых, влиятельные группировки крымских феодалов, в частности ширинские и барыньские мурзы, из страха перед новым вторжением Сейид-Мухаммеда стремились к сотрудничеству с польско-литовским правительством; во-вторых, в Вильно находился сам недавний крымский правитель Хаджи-Гирей, которого правящие круги Литвы рассчитывали вернуть в Крым и ждали только для этого благоприятного случая. В 1443 г. такой случай представился: «Того же лета, — повествует хроника Стрыйковского, — татаре перекопские, барыньские и ширинские... прислали к Казимиру, великому князю литовскому, с просьбой дать им на царство Хаджи-Гирея, который, бежав из Орды, в то время проживал в Литве, где он владел для прокормления городом Лидою по милости панов литовских. Поэтому Казимир в назначенный день в Вильно, в приготовленном замке возвел с литовскими панами того Хаджи-Гирея на царство татарское и послал его в Перекопскую Орду с маршалком Радзивиллом, который смело посадил его там на трон отцовский»²¹⁸.

Однако утверждение Гирея на крымском престоле в 1443 г. не было окончательным. В середине 40-х годов Сейид-Мухаммед снова вытеснил оттуда ставленника Польши и Литвы. Только в 1449 г. в результате нового соглашения ширинских и барыньских мурз с представителями Казимира в Киеве Хаджи-Гирею удалось прочно захватить власть в Крыму²¹⁹. Утверждение этого хана на крымском юрте, естественно, обо-

²¹⁶ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 201, 215—216, 254—256.

²¹⁷ Ibid., str. 258—259.

²¹⁸ M. O. Strykowski, *Kronika...*, t. II, str. 212—213.

²¹⁹ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 265—266.

стрило и без того напряженные отношения между Сейид-Мухаммедом и Казимиром, результатом чего были разрушительные военные походы татар на польско-литовские территории в 1447, 1449, 1450 гг.²²⁰. Ведя борьбу против Казимира, Сейид-Мухаммед опирался на оппозиционные королю элементы Великого княжества Литовского, в частности на тесный союз с Михайлушкой²²¹.

Естественно, что атаки Сейид-Мухаммеда на Крым и Литву делали союз между Хаджи-Гиреем и Казимиром еще более тесным. В начале 50-х годов Казимиру удалось ликвидировать южнорусские княжения, парализовать литовско-русских партнеров Сейид-Мухаммеда и тем самым ослабить его политические позиции в причерноморских степях. Этим, вероятно, и поспешил воспользоваться Хаджи-Гирей, который зимой 1455/56 г. собрал большие силы и двинулся против своего давнего врага. По-видимому, поддержанный Казимиром, он нанес сокрушительное поражение Сейид-Мухаммеду, орда которого фактически перестала существовать²²². Побужденный Сейид-Мухаммед пытался найти убежище у прежних союзников — киевских князей Олельковичей, однако они не могли оказать помощи недавнему партнеру. Внук Тохтамыша был схвачен и отвезен в Ковно, где вскоре умер²²³. Хозяином Крыма и Северного Причерноморья стал Хаджи-Гирей.

* *

*

Все эти события происходили на территории развалившейся Золотоордынской державы в то время, когда в Северо-Восточной Руси развернулась грандиозная феодальная война. Она была подготовлена всем предшествующим развитием

²²⁰ Ibid., str. 258—260. — Следует отметить, что после ухода Улуг-Мухаммеда в Казань орда Сейид-Мухаммеда расширилась территориально и усилилась политически, восприняв некоторые традиции политики Большой Орды Улуг-Мухаммеда. В частности, походы против Литвы Сейид-Мухаммед и его дети чередуют с набегами на московские территории (в 1449—1454 гг.) (ПСРЛ, т. 18, стр. 204—209; т. 12, стр. 73—75). Возможно, в связи с этой переменой тактики Сейид-Мухаммеда и стоит отказ московского правительства использовать в политических целях Михайлушку (союзника Сейид-Мухаммеда), оказавшегося в 1449 г. в Москве.

²²¹ «Historia polityczna...», t. I, str. 551—553.

²²² В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 207; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда...*, стр. 421; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 281.

²²³ В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование...*, т. I, стр. 120—121. — Иван III в переписке с Менгли-Гиреем в 1504 г. вспоминал о смерти Сейид-Мухаммеда, последовавшей от «литовских рук» («Сборник императорского русского исторического общества», т. 41, СПб., 1893, стр. 522).

Московского княжества и являлась закономерным этапом в процессе становления национального централизованного государства²²⁴. Вместе с тем она являлась событием если не общеевропейского, то во всяком случае восточноевропейского масштаба, так как затрагивала не только Москву и Северо-Восточную Русь, но была тесно связана с интересами Орды и Польско-Литовского государства.

Феодальная война 1425—1446 гг. не была непрерывной: этапы активной вооруженной борьбы чередовались с периодами затухания борьбы и установления сравнительно долгих передышек²²⁵. Начало ее было связано с возникшим после смерти Василия I конфликтом между двумя претендентами на великое владимирское княжение—сыном Василия и Софьи Витовтовны Василием II и братом умершего князя галицким князем Юрием Дмитриевичем. Конфликт этот был чрезвычайно удобным случаем для вмешательства как литовского князя, который в это время вернулся к «общерусским» планам²²⁶ и готовился стать королем Литвы и Руси, так и его ставленника на золотоордынском престоле — Улуг-Мухаммеда. По-видимому, не случайно исход спора Василия и Юрия сразу оказался связанным с позицией ордынского царя. Не случайным было и то обстоятельство, что в момент, близкий к открытой войне, Юрий Дмитриевич передвинул свои войска к Нижнему Новгороду²²⁷, на территории, расположенные недалеко от Булгара, Казани и Вятки, т. е. на соседние с Ордой земли. Однако споры 1425 г. не переросли в открытый вооруженный конфликт. В урегулировании их принял участие Витовт²²⁸, во всяком случае Василий II пытался заручиться его поддержкой в борьбе с Юрием Дмитриевичем. В течение ряда лет (с 1426 по 1430 г.) борьба двух претендентов на великое княжение постепенно затихала. В 1428 г. между ними был

²²⁴ Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 737, 743.

²²⁵ Много занимавшийся данной эпохой Л. В. Черепнин выделил три этапа в ходе феодальной войны 1425—1446 гг. Первый этап был связан с началом конфликта в 1425 г. и военной кампанией 1431—1434 гг. Вторым этапом Л. В. Черепнин считает вооруженную борьбу 1434—1436 гг. и третьим — военные действия, протекавшие с 1439 по 1446 г. Намеченная Л. В. Черепниным периодизация не только облегчает выявление внутренних сил феодальной войны 1425—1446 гг., но и помогает учесть внешнеполитический фон всех тех событий, которые происходили в это время на территории Северо-Восточной Руси.

²²⁶ См. стр. 116—118 настоящей работы.

²²⁷ ПСРЛ, т. 18, стр. 168; Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 745, 746; «Очерки истории СССР. IX—XV вв.», ч. II, стр. 254.

²²⁸ А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 389; ПСРЛ, т. 12, СПб., 1901, стр. 2—3; «Очерки истории СССР. IX—XV вв.», ч. II, стр. 253.

заключен договор, в силу которого Юрий признал Василия великим князем²²⁹.

Возобновление борьбы произошло только в 1431 г., после смерти Витовта и митрополита всея Руси Фотия. Л. В. Черепнин показал, что сложившаяся в 1431 г. политическая обстановка позволила галицкому князю вновь начать старый спор и перенести его на обсуждение в Орду²³⁰. Дискуссия, развернувшаяся по данному вопросу в Сарай-Берке, чрезвычайно интересна²³¹. Она со всей определенностью свидетельствует о наличии тесной взаимосвязи между политикой Улуг-Мухаммеда, Московской Руси и Польско-Литовского государства, показывает активную роль московской дипломатии²³².

Переговоры в Орде длились долго. С русской стороны в них участвовали великий князь Василий, его «первый министр» И. Д. Всеволожский и князь Юрий. Представителями Орды выступали сам Улуг-Мухаммед, его помощники Айдар, Минь-Булат и ширинский бей Тягиня²³³. Уже на первом этапе переговоров вопрос о великом княжении был в сущности заранее решен в пользу Юрия. Именно в связи с этим и следует, по-видимому, рассматривать поездку Тягини и Юрия «зимовать в Крым»²³⁴. Весьма вероятно, что за необычной поездкой скрывалось также свидание Юрия с князем Свидригайло или близкими ему людьми, имевшее целью уточнить дальнейшую программу действий²³⁵. Во всяком случае важное политическое значение этой поездки было очевидно для Все-

²²⁹ «Духовные и договорные грамоты...», стр. 64—67; А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 389.

²³⁰ Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 752. — Весьма характерно, что уже начало конфликта заставило московского князя организовать поход на земли Волжской и Камской Булгарии: «Тое же зимы (в 1431 г. — И. Г.) князь Юрий Дмитриевич разверже мир с великим князем Василием... братником своим. Тое же весны князь Василей... посылал ратью на Болгары Воложския и Камския князя Федора Давыдовича Пестрого; он же, шед, воева их и в сю земле их плени» (ПСРЛ, т. 12, стр. 9).

²³¹ Эта дискуссия подробно разбирается в работах: Л. В. Черепнин, *Русские феодальные архивы*, т. I, стр. 104—106; Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 752—754; А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 389—391.

²³² ПСРЛ, т. 18, стр. 170—171; т. 12, стр. 16.

²³³ Там же, стр. 15. — Для того чтобы правильно понять сущность происходивших переговоров, необходимо как можно яснее представить себе политическое лицо Тягини, весьма сложной и очень влиятельной в то время фигуры. Летопись указывала, что «Тягиня в Орде и во царе волен» (там же, стр. 16). Он возглавлял, видимо, сильную группировку крымских феодалов (род Ширин), связанную и с правящими кругами Польско-Литовского государства. Именно Тягину наряду с Витовтом считают инициатором выдвижения Улуг-Мухаммеда (В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 205—207), позже представители рода Ширин ездили в Польшу приглашать в Крым Хаджи-Гирея (там же, стр. 227).

²³⁴ ПСРЛ, т. 18, стр. 170—171.

²³⁵ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 259.

воложского, который сделал попытку расколоть враждебный Москве союз. Упрекая Улуг-Мухаммеда и других татарских князей в потакании диктаторским замашкам Тягини (правильно ли, что царь Улуг-Мухаммед «не может из Тягина слова выступити» и должен «по его слову дати великое княжение князю Юрию»²³⁶), Всеволожский прямо предупреждал правящую верхушку Орды, что реализация программы Тягини — Свидригайло будет опасна не только для московского князя, но и для самого Улуг-Мухаммеда: «И коли царь по его (Тягини. — И. Г.) слову тако учинит, а въ васъ тогда что будет? Князь Юрий, князь велики будетъ на Москве, а в Литве князь велики побратим его Швитригайло, а Тягиня в Орде и во царе волен, не молвив вас». Летописец сообщает, что речь Всеволожского произвела большое впечатление на окружение хана²³⁷. Аргументация московского дипломата оказалась настолько убедительной, что Улуг-Мухаммед принял решение сделать ставку на Василия, а Тягиню, если он будет настаивать на своем, предать смерти. Характерно, что последний, вернувшись весной вместе с Юрием и будучи предупрежден о грозящей опасности, не стал отстаивать кандидатуру галицкого князя, но прибегнул к угрозе в адрес самого Улуг-Мухаммеда, намекнув, что в татарском мире существует уже новый кандидат на его место — Кучук-Мухаммед²³⁸. Угроза произвела сильное впечатление на Улуг-Мухаммеда. В результате он пошел на компромисс в вопросе о великом владимирском княжении: ни Василий, ни Юрий не получили санкции на занятие великокняжеского престола, однако Юрий Дмитриевич добился права на владение Дмитровом «По Тягинину слову»²³⁹.

Таким образом, хотя с этого времени союз Свидригайло с Улуг-Мухаммедом был разорван²⁴⁰, Орде удалось сделать

²³⁶ ПСРЛ, т. 12, стр. 16.

²³⁷ «И тем словом, якоже стрелою, уязви сердца их и таки все они князи Ордынстии начаша бить челом царю (хану. — И. Г.) за великого князя Василия» (ПСРЛ, т. 12, стр. 16).

²³⁸ Представляется, что упоминание имени Кучук-Мухаммеда в 1431—1432 гг. было всего лишь угрозой. Кучук-Мухаммед тогда еще не выступал реальным противовесом Улуг-Мухаммеду (В. Д. Смирнов. *Крымское ханство...*, стр. 206; ПСРЛ, т. 12, стр. 24).

²³⁹ ПСРЛ, т. 12, стр. 16; А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 390.

²⁴⁰ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 255. — Разрыв Улуг-Мухаммеда с князем Свидригайло, разумеется, не означал установления союза с Василием. После 1432—1433 гг. Улуг-Мухаммед идет в фарватере политики другого литовского князя пропольской ориентации, Сигизмунда. Если в 1431 г. Улуг-Мухаммед выдавал ярлыки на владение русскими землями Свидригайло, то в 1433 г. подобные ярлыки получал Сигизмунд, а Свидригайло должен был в 1433 г. обороняться от татарских войск Айдара, «правой руки» Улуг-Мухаммеда.

многое для того, чтобы раздуть пламя феодальной войны, которая должна была в конечном счете ослабить экономический, военный и политический потенциал Северо-Восточной Руси в системе восточноевропейских государств. Это вполне подтвердили дальнейшие события.

Как известно, осенью 1432 г. Василий все же получил великокняжеский стол. В ответ на это Юрий Дмитриевич, категорически отвергнув мирные предложения московского князя, собрал войско и двинулся на Москву. Заняв ее и провозгласив себя весной 1433 г. «великим князем», Юрий перевел Василия в Коломну (по совету боярина С. Ф. Морозова). Но так как значительная часть московских феодалов ушла вслед за Василием, Юрий вынужден был вернуться в Галич, предусмотрительно послав своих сыновей Василия, Дмитрия Шемяку и Дмитрия Красного в Кострому. В дальнейшем Кострома, Галич и Вятка оказались арсеналом галицких князей. Это обуславливалось как концентрацией здесь их земельных владений, так и наличием удобных водных путей²⁴¹. Используя вятские резервы, сыновья галицкого князя уже в начале 1434 г. разбили войско Василия II и заняли Москву²⁴², тем самым расчистив отцу путь к великокняжескому престолу. Юрий Дмитриевич мог торжествовать полную и окончательную победу, однако в разгар событий он неожиданно умер²⁴³. Сын его Василий (впоследствии Косой), став князем, оттолкнул от себя братьев, и те сблизились с Василием II, ожидавшим тогда в Нижнем Новгороде помощи из Орды. Здесь новоявленные союзники собрали войско и двинулись на Москву. Василий Косой должен был бежать. Московский князь Василий II в июле 1434 г. занял престол, пожаловав Дмитрию Шемяке Углич и Ржев²⁴⁴, а Дмитрию Красному — Бежецкий Верх.

Тем временем Василий Косой бежал из Москвы в Орду, затем в Новгород, Кострому и отсюда в нижегородские и вятские земли, где снова стал собирать силы для удара по Москве. В январе 1435 г. он выступил против армии Василия, но был разбит на р. Которосли. Однако это его не обескуражило. Вновь обратившись к неиссякаемому источнику своей силы — Вятской земле²⁴⁵ и собрав новое войско,

²⁴¹ ПСРЛ, т. 18, стр. 174, 175; Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 767.

²⁴² Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 758—762.

²⁴³ Там же, стр. 763; ПСРЛ, т. 12, стр. 21.

²⁴⁴ ПСРЛ, т. 18, стр. 175.

²⁴⁵ Очень верно замечает Л. В. Черепнин: «Бросается в глаза это устойчивое стремление галицких князей опереться на феодальные слои Вятской земли (а может быть, и на вятских горожан или даже крестьян)» (Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 761).

он опять двинулся в бой. Противники встретились на р. Костроме и здесь весной 1435 г. неожиданно заключили перемирие.

Судя по всему, это был маневр Василия Косого, боявшегося нового поражения. Уже через месяц он оказался в Костроме, затем совершил погромные рейды в Подвинье, взяв после двукратной осады Устюг. Но в решительном сражении 1436 г. галицкий князь потерпел полную неудачу; он попал в плен и был, как известно, ослеплен (именно с этих пор источники и стали называть его Василием Косым). После этого в ходе военных действий и, пожалуй, в политической жизни Северо-Восточной Руси наступило некоторое затишье²⁴⁶.

Обзор событий, происходивших в Северо-Восточной Руси с 1434 по 1436 г., позволяет сделать ряд наблюдений. Они касаются, в частности, использования Ордой феодальной войны на Руси в эти годы. Если начало феодальной распри в северо-восточных русских землях второй четверти XV в. было теснейшим образом связано с участием Улуг-Мухаммеда, то источники 1433—1436 гг. весьма редко упоминают о фактах вмешательства Орды. Однако молчание источников вряд ли является доказательством полной непричастности Улуг-Мухаммеда к событиям в Северо-Восточной Европе. Скорее оно свидетельствует о том, как ловко и искусно умела Орда маскировать свою политику.

А политика эта в действительности была, по-видимому, более активной, чем обычно принято считать, и преследовала все ту же тайную цель постоянно разжигать междоусобную борьбу на Руси, поддерживая то одну, то другую сторону. Только скрытой поддержкой Орды можно объяснить риск, на который пошел Юрий Дмитриевич в 1433 г., начиная открытую войну против Василия II, получившего от Улуг-Мухаммеда титул «великого князя». То же самое следует сказать обо всех последующих захватах Юрием и его сыном Василием Косым московского престола, когда они не выхлопатывали у Орды никаких формальных санкций.

Подозрительным представляется также постоянное использование соперничавшими князьями (особенно галицкими) Волжско-Камско-Вятского междуречья в качестве политического тыла и источника материальных и людских ресурсов²⁴⁷. Эта территория, занятая как славянским, так и тюркским населением, передвинувшимся сюда после разгрома

²⁴⁶ А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 393—394.

²⁴⁷ Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 764.

Волжской Булгарии войсками Булат-Темира в 1361 г. и похода Тамерлана 1395 г.²⁴⁸, находилась в 30-х годах XV в. под влиянием Золотой Орды²⁴⁹. Очевидно, что, если бы Улуг-Мухаммед практически не знал данной местности, ее ресурсов, водных путей²⁵⁰, не представлял себе ее ключевого значения для Северо-Восточной Руси, он вряд ли бы решился в конце концов осесть именно здесь, в Среднем Поволжье, когда в силу уже известных обстоятельств ему пришлось покинуть прикаспийские и причерноморские степи в самом конце 30-х годов XV в. Нельзя считать случайностью поэтому то обстоятельство, что в ходе феодальной войны обычно терпевший бедствие князь стремился найти на Волге «тихую пристань» и обрести новые силы в поддержке Орды. Так, после понесенного весной 1434 г. в Ростовской земле поражения московский князь «побеже к Новгороду Великому», после взятия Юрием Москвы «князь великий поиде из Новгорода на Мологу, да к Костроме, да оттуда в Новгород Нижний». Но Юрий продолжал преследовать Василия, и «князю же великому не бысть ни откуда помощи и *восхоте в орду поити* (курсив мой. — И. Г.)»²⁵¹. Еще более показательным был маршрут Василия Юрьевича, проделанный им во второй половине 1434 г., когда приближение к Москве Василия II, Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного заставило его быстро покинуть столицу Московского княжества и прямо направиться в Орду [«а князь Василий Юрьевич Косой *побеже с Москвы в Орду* (курсив мой. — И. Г.)»]²⁵². После короткого пребывания в Орде, где он, видимо, получил новые инструкции, Василий Косой появился в Костроме и Новгороде [«а князь Василей... Косой *шед на Кострому и началъ собирати воя на великого князя* (курсив мой. — И. Г.) Василия Васильевича». «Того же лета приехаша в Новгород Великий князь Василий Юрьевич Косой... из Новгорода... погробя едучи, по Мсте»], а после поражения на р. Которосли вновь бежал в Кашин, Вологду, Кострому. Вятку [«А князь Василий Юрьевич Косой убежа в Кашин, а собрався в Кашин не поиде (изгоном к Вологде) и поиде к Костроме и посла по Вятчан и Вятчане приидоша к нему»]²⁵³.

²⁴⁸ «История Татарской АССР», т. I, Казань, 1955, стр. 96.

²⁴⁹ Там же, стр. 96—101.

²⁵⁰ Значительно позднее, в 1553 г., этот район снова стал театром военных действий и снова Волга, Кама и Вятка были главными путями переброски войск, доставки резервов (ПСРЛ, т. 13, СПб., 1904—1906, стр. 231; П. Н. Луппов, *История города Вятки*, Киров, 1958, стр. 39, 51—52).

²⁵¹ ПСРЛ, т. 12, стр. 20.

²⁵² Там же.

²⁵³ Там же, стр. 22.

Все эти факты²⁵⁴ косвенно подтверждают наличие связей борющихся сторон с Ордой, главная забота которой заключалась в поддержании равновесия сил противников. Таким образом, несмотря на серьезное ослабление Золотоордынской державы, политика ее оставалась еще тем фактором, который оказывал известное влияние на жизнь русских земель.

В свою очередь и русские князья использовали в борьбе слабость татарского государства, междоусобные стычки ханов²⁵⁵. Так, Василий II, видимо, был причастен к диверсии Гыяс-эд-Дина, направленной против Улуг-Мухаммеда. Несомненно, что в начале 40-х годов, а может быть и раньше, князь опирался на Сейид-Мухаммеда, политика которого ослабляла Улуг-Мухаммеда и создавала благоприятные условия для подавления галицкой «крамолы» на территории Северо-Восточной Руси. Возникновение нового причерноморского улуса облегчило выполнение задач, поставленных перед Московским государством, хотя главную роль в разгроме галицких князей в 1435—1436 гг. сыграли, разумеется, прежде всего внутренние силы феодальной Руси.

Последний этап феодальной войны в северо-восточных русских землях был отмечен особенно активным вмешательством Орды. В конце 30-х — начале 40-х годов Василий II вынужден был столкнуться лицом к лицу со своим давним врагом Улуг-Мухаммедом, покинувшим прикаспийские и причерноморские степи. В 1437 г., возможно, с согласия литовского князя Сигизмунда, лишившийся престола хан появился на землях литовско-московского пограничья в районе Белева²⁵⁶. В течение 1438—1439 гг. он совершал неоднократно

²⁵⁴ В сущности факт постоянного вмешательства Орды в политическую жизнь русских земель того времени подтверждается настойчивым стремлением великого московского князя Василия контролировать отношения княжеств Северо-Восточной Руси с Ордой. Об этом говорили традиционные формулы докончальных грамот 30—40-х годов XV в.: «А Орда знати тебе, великому князю, а мне Орды не знати». Докончальная грамота Василия с суздальским князем Иваном Васильевичем 1448 г. провозглашала: «А Орда знати мне великому князю, и моему сыну Ивану Васильевичу, и моим детям меньшим. А тебе Орды не знати. А что будет оу тебе ярлыков старых на Суждаль и на Новгород на Нижней и на Городец и на все на Новгородское княжение, и тебе князю Ивану те ярлыки все отдати мне, великому князю и моим детям бесхитростно. А новых ти ярлыков не имати. А хотя который царь ярлыжки свои тебе канови дасть на Новгород и на Суждаль, или к тебе пришет и тебе и те ярлыки все отдати мне великому князю: а у тебе ти их не держати» («Духовные и договорные грамоты...», стр. 156. — Курсив мой. — И. Г.).

²⁵⁵ Там же, стр. 107—117; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 205—207, 219.

²⁵⁶ ПСРЛ, т. 18, стр. 188

ные вторжения в пределы Московского государства²⁵⁷; особенно сильным был налет на Москву в 1439 г. В начале 40-х годов Улуг-Мухаммед перекочевал на хорошо знакомые ему территории Волжско-Камско-Вятского междуречья. Осев сначала в районе Нижнего Новгорода, он возобновил нападения на земли Северо-Восточной Руси с еще большей силой. Набеги эти, видимо, не случайно совпали с операциями Казимира в бассейне Оки (Калуга, Козельск, Серпухов)²⁵⁸ и обострением отношений Москвы с Новгородом и Тверью.

Военные мероприятия Литвы и Улуг-Мухаммеда пока заметно не отражались на внутривосточном положении Московской Руси. Улуг-Мухаммед еще далеко не восстановил свои силы, а Василий II обладал слишком прочной властью, чтобы галицкие князья рискнули возобновить спор о великом княжении. Тем не менее весьма показательно, что в эти годы Василий II, хорошо знавший приемы ордынской дипломатии, считал нужным не только «задарить» Василия Косого возвращением ему прав на Дмитров, но и взять с него обещание отказаться от прежней практики сношений с Ордой и не принимать от татарских ханов ярлыки на «великое княжение»²⁵⁹. Предусмотрительность московского князя была не напрасной: уже в 1441—1442 гг. Дмитрий Шемяка вместе с одним из литовско-русских князей, А. В. Чарторыйским²⁶⁰, сделал попытку выступить против него, но потерпел неудачу и должен был после короткого пребывания в Новгороде вернуться в Москву и заключить мир с Василием II.

В июле 1445 г. соотношение сил резко изменилось не в пользу московского князя. 7 июля войска Улуг-Мухаммеда нанесли тяжелое поражение московской армии; Василий II был взят в плен, Москва подожжена²⁶¹. В этой обстановке для галицкого дома снова открылся путь к московскому престолу. Дмитрий Шемяка теперь не считал даже нужным скрывать своих отношений с ордынским ханом. Когда Улуг-Мухаммед «ко князю Дмитрию к Шемяке послал посла своего Бигича», галицкий князь «рад быв и многу честь въздаде ему, желаше бо великого княжения и отпусти его со всем лихом на великого князя». Львовская летопись добавляет к этому рассказу существенные детали: Шемяка до-

²⁵⁷ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 260—262.

²⁵⁸ Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 769.

²⁵⁹ «А имут нас сваживати татарове, почнут ми давати великое княжение и мне взяти» («Духовные и договорные грамоты...», стр. 103).

²⁶⁰ Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 771.

²⁶¹ Там же, стр. 779; В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование...*, т. I, стр. 7 и сл.

говорился с Бигичем о том, «чтобы великому князю убиену быти, а ему сести на великому княжении»²⁶².

О тесном сотрудничестве Дмитрия Шемяки с Улуг-Мухаммедом в тот период свидетельствует его договор с суздальскими князьями Василием и Федором Юрьевичами о восстановлении автономии Нижегородско-Суздальского княжества в границах 50—60-х годов XIV в.²⁶³. Совершенно правильно замечает Л. В. Черепнин: «Принимая во внимание, что Нижний Новгород был пунктом, где в 30—40-х годах XV в. укрепился Улуг-Мухаммед со своей Ордой, можно думать, что проект о реставрации великого Нижегородско-суздальского княжества был с ним согласован»²⁶⁴. Весьма существенным моментом этого договора было предоставление Орде особых прав в Нижегородском княжестве, которые, видимо, не только полностью изолировали нижегородские территории от московских, но и превращали их в земли, подвластные Улуг-Мухаммеду²⁶⁵.

Шемяка пошел на уступки хану, чтобы получить из его рук ярлык на великое княжение. Однако это не входило в планы Улуг-Мухаммеда. Верный своей практике середины 30-х годов, хан добивался теперь не торжества той или иной группировки князей в Московском государстве, а создания таких условий политической жизни страны, при которых борьба между антагонистическими «партиями» была бы постоянной. Поэтому он готовил одновременно обе группировки к новому туру политических и военных конфликтов. Пообещав через своего посла Бигича великокняжеский престол Дмитрию Шемяке, он тут же вернул его Василию II.

Таким образом, если в ходе феодальной войны середины 30-х годов можно уловить лишь отдельные намеки источников на подлинную роль Орды в событиях, то в 1445 г. факт столкновения борющихся сторон ордынской дипломатией совершенно очевиден. Ясна и «техника» этого столкновения: отпуская Василия II в Москву под условием огромного (около 200 тыс.

²⁶² ПСРЛ, т. 12, стр. 66; т. 20, стр. 258. — Дмитрий Шемяка требовал, «чтобы великому князю не выйти на великое княжение» (ПСРЛ, т. 18, стр. 195).

²⁶³ Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 551—556, 663, 735, 745.

²⁶⁴ Там же, стр. 788.

²⁶⁵ Вельяминов-Зернов не исключает, что хан избрал своей столицей Нижний Новгород (В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование...*, т. I, стр. 10). Совершенно верно, что договор отражал существование программы расчленения великого владимирского княжения. Представляется, однако, что автором данной программы в большей мере был сам Улуг-Мухаммед, чем Дмитрий Шемяка. Нельзя забывать, что главной целью Шемяки был великокняжеский престол, а она допускала «расчленение» не как программу, а как тактику.

рублей серебром) выкупа, Улуг-Мухаммед по существу заранее обеспечивал возникновение недовольства князем среди московского населения, на плечи которого ложились все тяготы по погашению долга Орде. Это недовольство, связанное с фактом военного поражения, тяжелым положением края, денежными сборами на княжеский выкуп и т. д., использовал Дмитрий Шемяка для достижения своих целей. Зная о крайней непопулярности Орды в широких массах, он стал распространять слухи о намерении Василия отдать Москву Улуг-Мухаммеду. Галицкий князь, должно быть, вел агитацию и среди боярства, учитывая его политическую неустойчивость. Все это постепенно приводило к изоляции великого князя. В результате уже через три-четыре месяца после возвращения Василия из плена Дмитрию Шемяке удалось не только организовать против него заговор, но и привести его в исполнение. В середине февраля 1446 г., когда Василий уехал в Троице-Сергиевский монастырь, Дмитрий захватил Москву и объявил себя великим князем, дав приказ схватить и ослепить Василия²⁶⁶.

Но, достигнув власти, Шемяка сразу же почувствовал на себе действие тех сил, которые он до недавнего времени сам использовал в борьбе против Василия. Хотя Дмитрий старался осуществлять внутреннюю и внешнюю политику в соответствии с общей линией Улуг-Мухаммеда (он признал независимость Нижегородского княжества, заключил договор с Новгородом и Тверью, находившимися в литовской сфере влияния, и т. д.), однако какие-то тайные силы поддерживали авторитет ослепленного и находившегося в заточении Василия, создали в Муроме (ближе всего к резиденции Улуг-Мухаммеда!) центр антишемякинской оппозиции; здесь же оказались и дети великого князя. Летописец был не так далек от истины, когда писал в тот момент, что «все людие негодоваху о княжении его (Дмитрия Шемяки. — И. Г.) и на самого мысляху, хотяще великого князя Василия на своем государстве видети»²⁶⁷. В мае 1446 г. возник боярский заговор против Шемяки, но попытка осуществить его в июне не удалась. Все участники заговора вынуждены были эмигрировать. Тем не менее политическое положение в стране было таким, что сам Шемяка понял необходимость освобождения Василия II. Это произошло в сентябре 1446 г., когда Василию дали в вотчину удаленную от центра Вологду. Однако в Вологде Василий пробыл недолго. В декабре 1446 г. столица Московского государства

²⁶⁶ Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 793—794.

²⁶⁷ ПСРЛ, т. 18, стр. 199.

оказалась в руках преданных ему бояр, а в феврале 1447 г. он выехал в Москву в качестве великого князя²⁶⁸.

Дмитрий Шемяка не сразу капитулировал, он продолжал собирать силы, тщетно обращаясь за помощью в Вятку и к хану вновь образованного Казанского ханства — Махмутеку (Мамотяку). В 1448—1450 гг. не раз доходило до военных столкновений²⁶⁹, однако ни по своим масштабам, ни по политическим последствиям они не шли ни в какое сравнение с военными действиями 1445—1446 гг. Резкий перелом в ходе борьбы двух группировок летом 1446 г. оказался решающим²⁷⁰.

Представляется, что этот перелом был связан с важными событиями, происшедшими в начале 1446 г. в складывавшемся тогда на берегах Средней Волги новом татарском ханстве. Речь идет об убийстве Улуг-Мухаммеда его сыном Махмутеком незадолго до взятия им Казани или немного времени спустя²⁷¹. Та же участь постигла младшего сына Улуг-Мухаммеда — Юсуфа. Под угрозой, как видно, находилась жизнь и двух других сыновей — Касима и Якуба, во всяком случае они тогда же бежали в Черкасскую землю, а осенью 1446 г. примкнули к Василию, как раз выступившему из Вологды против Шемяки²⁷².

Эти трагические события в доме Улуг-Мухаммеда и связанное с ними резкое ослабление Орды и явились тем фактором, который содействовал перелому в борьбе сил на Руси. Вследствие раздоров в правящей верхушке Орды Махмутек, естественно, не мог сразу стать преемником политики отца во всем ее объеме, не мог поддерживать и направлять антагонизм Василия и Дмитрия²⁷³. Ослабление влияния Орды подчеркивалось присутствием в армии Василия татарских частей Касима и Якуба (они участвовали в боях)²⁷⁴. О нем свидетельствовало индифферентное отношение Махмутека к просьбам Шемяки поддержать его. Любопытно, что и Вятская земля перестала оказывать помощь галицкому князю, по крайней мере в прежних размерах²⁷⁵.

²⁶⁸ А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 403.

²⁶⁹ Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 804—808.

²⁷⁰ Л. В. Черепнин, *Русские феодальные архивы*, т. I, стр. 137.

²⁷¹ В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование...*, т. I, стр. 11.

²⁷² Там же, стр. 4, 15.

²⁷³ «История Татарской АССР» отмечает, что Махмутек продолжал агрессивную политику отца в 1446—1448 гг., но в более скромных масштабах («История Татарской АССР», т. I, стр. 126).

²⁷⁴ Вельяминов-Зернов подчеркивает, что Василий поддерживал деловые отношения с детьми Улуг-Мухаммеда еще до их бегства от Махмутека (В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование...*, т. I, стр. 15 и сл.).

²⁷⁵ Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 804.

Занятый внутренними делами, Махмутек, видимо, преодолел событиями Северо-Восточной Руси развиваться естественным путем. А это, возможно, во многом обусловило и неожиданную уступчивость Дмитрия Шемяки, и еще более неожиданную решительность Василия II, и активность боярства в пользу Василия. Угроза вспышки классовой борьбы заставила отдельные группировки феодальных верхов стать на путь установления внутриклассового мира. Феодальная война на Руси продолжалась еще несколько лет, постепенно затухая. Таким образом, подходил к концу один из закономерных этапов внутреннего развития феодальной Руси, отмеченный в то же время своеобразными чертами. Одной из этих черт было широкое использование феодальной войны внешними силами, в частности ордой Улуг-Мухаммеда. Быть может, есть основания видеть в политике Орды 20—40-х годов XV в. элементы сначала завуалированной, а потом и открытой интервенции.

* *
*

Пока Северо-Восточная Русь была ареной изнурительной феодальной войны, Польша и Литва, связанные унией, продолжали наращивать силы. Однако и здесь развитие происходило в борьбе. Если в сфере международной жизни Польское и Литовское государства, формально возглавленные одним монархом, выступали все чаще единым фронтом, то внутриполитическая обстановка в польско-литовском объединении характеризовалась наличием весьма острых противоречий. Сталкивались два параллельно протекавших противоречивых исторических процесса: с одной стороны, продолжавшееся самостоятельное развитие Польского и Литовско-Русского феодальных государств и, с другой—срачивание этих государств в форме попыток «инкорпорации» Литовско-Русского государства феодальной Польшей²⁷⁶.

Исторический путь самостоятельного развития Великого княжества Литовского был связан с программой объединения

²⁷⁶ Данная проблема привлекала внимание многих польских (К. Шайноха, А. Прохаська, А. Левицкий, В. Чермак, Ф. Папе, О. Галецкий, Л. Колянковский, Ст. Кутшеба, Вл. Семкович и др.) и русских (М. Коялович, А. Барбашев, М. К. Любавский, И. И. Лаппо и др.) историков. Много занимался этим вопросом и Грушевский. В разработке темы существовала крайняя тенденциозность, только в последнее время историки-марксисты как в СССР, так и в народной Польше стали на путь правильного освещения этой сложной и важной проблематики. Здесь должны быть упомянуты работы В. И. Пичеты, Н. Г. Бережкова и главным образом общие работы по истории СССР, УССР, БССР и Польши.

русских земель, закономерно возникшей еще при князьях Гедимине и Ольгерде. Эта программа не отпала и после Кревской и Городельской уний, а в 90-х годах XIV и 20-х годах XV в. Витовт выступал с планом превращения Литовского княжества в самостоятельное Литовско-Русское королевство, противостоящее, с одной стороны, Польше, с другой — Московской Руси. Претендуя на политическое влияние в Литовско-Русском государстве, преемники Витовта также должны были считаться с «общерусской» программой. Так, Свидригайло в 1432 г. объявил себя «великим князем русским»²⁷⁷ и создал «своего» «митрополита всея Руси» Герасима²⁷⁸. Видимо, не случайной была попытка Сигизмунда Кейстуовича в 1434—1435 гг. привлечь на свою сторону литовско-русских феодалов Олелько, Носа, Федько, а также переманить Герасима, за что последний, вероятно, и был казнен Свидригайло²⁷⁹. Важное значение этой программы учитывал и сын Сигизмунда — Михайлушка²⁸⁰. Такая позиция литовских князей являлась следствием реальной оценки как внутривнутриполитического, так и международного положения Великого княжества Литовского в то время. Осуществляя политику «собирания» русских земель в Восточной Европе, «великие князья литовские, русские и жемайтійские» выражали интересы огромной массы русских феодалов, горожан и всего православного населения Литовского княжества.

Но тенденция продолжавшегося самостоятельного развития Великого княжества Литовского сталкивалась с энергичными попытками польских феодалов «инкорпорировать» Литву в состав Польского государства. Такие попытки неоднократно предпринимались в конце XIV — начале XV в. и давали все более ощутимые результаты²⁸¹. Однако натиск польских феодалов хотя и приводил иногда к важным последствиям (недопущение в 1429—1430 гг. коронации Витовта), тем не

²⁷⁷ А. Е. Пресняков, *Лекции по русской истории*, т. II, М., 1939, стр. 141; ПСРЛ, т. 17, стр. 61, 105.

²⁷⁸ М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. V, стр. 404.

²⁷⁹ ПСРЛ, т. 17, стр. 67; K. Chodynicki, *Kościół...*, str. 49.

²⁸⁰ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 254—255. — Наличие элементов «общерусской» программы в политике Свидригайло и Сигизмунда подчеркивается выдачей обоим князьям ярлыков на русские земли Улуг-Мухаммедом (в 1431 г. — Свидригайло, а в 1433 г. — Сигизмунду), а также заигрыванием того и другого с русскими феодалами Великого княжества Литовского (Свидригайло в 1431 г., а Сигизмунд в 1434 г. издали соответствующие привилеи) (L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 203—204, 255—257, 318; «Historia Polski», t. I, cz. I, str. 593).

²⁸¹ А. Е. Пресняков, *Образование...*, т. II, стр. 74—100; М. К. Любимский, *Очерк...*, стр. 56—66; М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 106—154.

мение до конца 40-х годов XV в. не ломал традиционной «прорусской» политики литовских князей. Характерно, что ставший в 1440 г. великим князем литовским Казимир, за спиной которого стояли польские феодалы, в первые годы своего правления вынужден был также считаться с этой традицией и по тактическим соображениям «допускать» проявление сепаратизма со стороны отдельных группировок русского феодального класса.

Известно, что после убийства Сигизмунда (1440 г.) на политической арене Великого княжества Литовского появилось несколько претендентов, желавших возглавить движение за реализацию «программы Витовта». Так, использовать сепаратистские настроения западнорусских феодалов одновременно старались «великий князь русский» Свидригайло (находившийся с 1438 до 1440 г. в эмиграции), киевский князь Олелько Владимирович и сын убитого Сигизмунда — Михайлушка.

Направлявшие политику юного Казимира польские феодалы, и прежде всего кардинал Збигнев Олесницкий, желая укрепить власть своего князя на литовском престоле, старались добиться своеобразного равновесия в политической жизни Литовского княжества, а для этого попытались столкнуть друг с другом отдельных претендентов на лидерство в стране²⁸². Так Олелько Владимирович стал киевским князем в 1441 г. «волей» Казимира²⁸³. Свидригайло уже в 1441 г. получил поддержку непосредственно из Кракова, а с 1443 г. превратился в пожизненного обладателя Волыни (Луцк, Владимир)²⁸⁴. В результате он не только признал себя вассалом юного Казимира, но и стал своего рода противовесом киевскому князю и главному тогдашнему противнику Казимира на Литве — Михаилу Сигизмундовичу (Михайлушке)²⁸⁵.

Когда польский король Владислав Варненчик погиб в 1444 г. и литовский князь Казимир получил польскую корону (1445 г.)²⁸⁶, внутривосточная борьба в Великом княжестве

²⁸² «Historia polityczna...», t. I, str. 548; J. Szujski, *Dzieje Polski*, t. II, str. 69—70, 77—78; М. К. Любавский, *Очерк...*, стр. 69—70.

²⁸³ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 233; «Historia polityczna...», t. I, str. 548.

²⁸⁴ O. Halecki, *Ostatnie lata Szwidrygielty*, Kraków, 1915, str. 63—70; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 236; J. Szujski, *Dzieje Polski*, t. II, str. 77.

²⁸⁵ «Historia polityczna...», t. I, str. 548, 551—552; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 234, 237; M. Gumowski, *Pieczęcie książąt litewskich*, — «Ateneum Wileńskie», Wilno, 1930, rocznik VII, z. 3—4, str. 707—708, 714—715.

²⁸⁶ J. Szujski, *Dzieje Polski*, t. II, str. 74—76, 77—78.

Литовском снова усилилась. Основным противником короля польского и князя литовского оставался Михайлушка²⁸⁷. Поиски союзников и стремление расширить политическую базу в Великом княжестве Литовском привели последнего к сближению с русскими князьями. Сначала он установил контакт с Юрием Лугвеновичем, находившимся тогда в Великом Новгороде²⁸⁸, а позже, по-видимому, и с Олельковичами²⁸⁹. Но главным союзником Михайлушки в середине 40-х годов стал Сейид-Мухаммед, являвшийся тогда главой Большой Орды. Он поддерживал литовско-русский сепаратизм, направленный против Польши, используя для этой цели Михайлушку²⁹⁰, а потом и других (например, Радзивилла)²⁹¹. В 1448 и 1449 гг. Михайлушка и Сейид-Мухаммед совершили ряд нападений на литовские владения Казимира, в 1449 г. овладели Киевом. Но это были последние успехи Михайлушки. В конце 1449 г. он оказался уже в Москве, куда в 1451 г. приехал и его союзник Семен Олелькович, сын киевского князя.

В конце 40-х — начале 50-х годов в жизни польско-литовского объединения произошли важные сдвиги. Если в начале XV в. развитие Польского и Литовско-Русского государств происходило в условиях своеобразного равновесия, то в середине века преобладание польских феодалов в политической жизни Великого княжества Литовского стало уже очевидным²⁹², а «общерусская» программа Витовта начала если не забываться, то внутренне перерождаться.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что эти перемены совпали по времени с ликвидацией орды Улуг-Мухаммеда и последовавшей затем постепенной стабилизацией политической обстановки в Северо-Восточной Руси. В таких условиях сотрудничество орды Сейид-Мухаммеда с литовско-русскими князьями Михайлушкой и Олельковичами стало особенно опасным для Казимира, который в связи с этим осуществил в 40—50-х годах ряд важных внешнеполитических мероприятий, отразившихся на развитии польско-литовско-русских отношений.

В 1449 г. между Казимиром и Василием II был заключен

²⁸⁷ «Historia polityczna...», t. I, str. 598; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 237; J. Szujski, *Dzieje Polski*, t. II, str. 69, 77; «Historia polityczna...», t. I, str. 552.

²⁸⁸ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 242.

²⁸⁹ Ibid., str. 280. — Не случайно в 1454 г. Олельковичи после смерти отца, Олелько Владимировича, были лишены своей киевской вотчины.

²⁹⁰ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 259, 266.

²⁹¹ Ibid., str. 272.

²⁹² «Historia polityczna...», t. I, str. 547—549.

известный договор²⁹³, который в исторической литературе квалифицируется как «великий акт раздела Руси между Москвой и Вильно»²⁹⁴. Договор действительно фиксировал установление своеобразного равновесия сил и в то же время подчеркивал вынужденное прекращение наступательной политики с обеих сторон. Поскольку для Василия II в течение 30—40-х годов наступление было невысказано, соглашение 1449 г. являлось как бы декларацией Казимира об отказе от наступательных операций на русские земли, от политики их «собира-ния»²⁹⁵. Взамен литовский князь получал возможность нейтрализовать союзников Сейид-Мухаммеда, орду которого он позже (в начале 50-х годов) стремился ослабить и разгромить с помощью крымского хана.

Одновременно Казимир сосредоточил свое внимание на решении ряда внутривосточных проблем. В конце 40-х годов наступил новый этап в его политике, который характеризовался ликвидацией отдельных княжений, устранением с политической арены «династов». Несомненно, что при этом Казимиром руководило стремление уничтожить политическую основу литовско-русского сепаратизма, и эта главная задача его тогдашней политики в Литовском княжестве осуществлялась весьма умело под лозунгом установления формального равноправия русских, литовских и польских феодалов. Как известно, в 1447 г. был издан знаменитый привилей, который должен был провести в жизнь этот замысел Казимира²⁹⁶. Однако дальнейшее развитие событий показало, что привилей

²⁹³ Договор провозглашал стабильность установленных границ: «А въ вотчину ся, брате, у твою... во все у твое великое княжение, ни у Смоленск... ни в Любутск, ни во Мценск... ни во вси у твои вкраинные места... не вступатисе. А тебе Казимиру,... не вступатисе в мою отчину, ни во все мое Великое княжение... также в Новгород Великий, и во Псков... тебе, королю и великому князю... не вступатисе». Вместе с тем этот договор можно было рассматривать как заключение союза против татарских улусов и их скрытых сторонников в Московском и Литовском государствах: «А недруга ти... моего, князя Дмитрия Шемяки, не примати. А быти... на него со мною за-один. А мне, брате, твоего недруга, князя Михайлушка, не примати, а бити ми, брате с тобою на него за-один... А пойдут брате, татарове на наши вкраинные места, и князем нашим и воеводам нашим вкраинным людям сослався, да боронитися им обоим съ одного» (см. «Духовные и договорные грамоты...», стр. 160—162).

²⁹⁴ L. Kolanowski, *Dzieje...*, t. I, str. 300; А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 413.

²⁹⁵ Тогда же, в 1448—1449 гг., Казимир вынужден был признать митрополитом всея Руси Иону, явного сторонника Василия II (L. Kolanowski, *Dzieje...*, t. I, str. 505). Ходыницкий указывает на связь Олельковичей с митрополитом всея Руси Ионой (K. Chodyncki, *Kościół...*, str. 56—57).

²⁹⁶ М. К. Любавский, *Очерк...*, стр. 71—75.

1447 г. оказался не только признанием реально существовавшего неравноправия, но и наиболее надежным средством ополчания и окатоличивания литовско-русских феодалов. В споре между литовскими и польскими феодалами за свои «права» на волынско-подольские земли Казимир счел нужным стать на сторону Литвы²⁹⁷. Но это было сделано лишь по чисто тактическим соображениям. Временное оставление Волыни и Подолии в составе Великого княжества Литовского позволило удержать всю Литву под контролем правящих кругов Польши, отнюдь не мешая проникновению на эти земли польской шляхты и быстрой колонизации местных феодалов.

Таким образом, в течение первой половины XV в. западно-русские земли Великого княжества Литовского превратились из базы грандиозных политических замыслов Витовта, стремившегося стать «королем литовским и русским», в окраину Польско-Литовского государства, в «русские воеводства» Польши и Литвы. Правда, местные феодалы не забыли о своих сословных интересах, которые обеспечивались определенной социальной, политической и исторической базой. Вопрос о восстановлении «русского княжества» в Поднепровье поднимался на протяжении всей второй половины XV в. и позднее. В той или иной форме его выдвигал Гаштольд (ум. в 1458 г.) в 50-е годы²⁹⁸ и киевские князья Олельковичи с 60 по 80-е годы XV в.²⁹⁹. Однако эти выступления не имели уже под собой той прочной базы, на которую опирался Витовт. Умелая политика колонизации края, осуществлявшаяся Казимиром, приводила к тому, что рубежами проектируемого «русского княжения» становились не границы Новгорода на севере и черноморские берега на юге, а всего лишь границы Киевского княжества.

В дальнейшем местные феодалы должны были силой обстоятельств либо вставать на путь колонизации и окатоличивания, либо идти на сближение с великим владимирским княжением³⁰⁰, где находился митрополит всея Руси, а с 1492 г. и «государь всея Руси». Средний путь — путь создания литовско-русской автономии, защитником которого был Витовт, в середине и во второй половине XV в. стал уже нереальным.

²⁹⁷ «Historia polityczna...», t. I, str. 552.

²⁹⁸ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 289—292.

²⁹⁹ Ibid., str. 310, 337—338; F. Papée, *Polska i Litwa na przełomie wieków średnich*, Kraków, 1903, str. 66—82; А. Е. Пресняков, *Лекции...*, т. II, стр. 151; А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 446—447; К. В. Базилевич, *Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в.*, М., 1952, стр. V; Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 858.

³⁰⁰ Характерно, что уже в конце 40-х — начале 50-х годов в Москве оказываются и Михайлушка, и Семен Олелькович (А. Е. Пресняков, *Лекции...*, т. II, стр. 151).

Борьба двух тенденций в развитии польско-литовского объединения была связана с международными событиями всеевропейского значения. Анализ этой борьбы, в частности, дает ключ к пониманию той роли, которую играл или пытался играть тогда римский престол в Восточной Европе.

Политика римской курии, разумеется, прежде всего состояла в том, чтобы максимально расширить сферу своего влияния, и в этом отношении православное население Восточной Европы уже давно привлекало особое внимание апостольского престола. Хорошо понимая всю сложность стоявшей перед ней задачи, римская церковь стремилась действовать различными путями.

Один из них состоял как раз в том, чтобы, опираясь на католическое Польское государство, начать постепенное окатоличивание православного населения Восточной Европы. Однако уже начальный опыт римской церковной политики в Галицкой Руси показывал, что окатоличивание небольшой части православного населения (при условии, что основная его масса оставалась под властью православного митрополита всея Руси) было делом неблагодарным и малоэффективным³⁰¹. Поэтому в Риме решили одновременно осуществлять наступление и с другого конца, имея в виду борьбу за константинопольский патриархат и киевско-владимирскую митрополию. Хорошо известна предпринятая в 1397 г. не без рекомендации Рима неудачная попытка Ягайло и митрополита Киприана начать переговоры о церковной унии с царьградским патриархом³⁰² и поездка митрополита Григория Цамблака на Константинский собор, где был поставлен на обсуждение, хотя и безрезультатно, вопрос о церковной унии³⁰³.

Характерно, что римский престол, хорошо зная о факте несовпадения политических, этнических и религиозных границ Восточной Европы, правильно рассматривал тогда все православное население Литвы, Новгорода и Москвы как единое целое³⁰⁴. Возможно поэтому «общерусская» программа литовских князей показалась ему достойной внимания. Не исключено, что римский папа Мартин V одно время склонен был

³⁰¹ Б. Я. Рамм, *Папство...*, стр. 208—216.

³⁰² Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 337—338.

³⁰³ К. Chodupicki, *Kościół...*, str. 46.

³⁰⁴ Это проявилось и в том, что митрополит киевский Цамблак фигурировал на Константином соборе в качестве «митрополита всея Руси» (А. И. Яцимирский, *Григорий Цамблак*, стр. 190—202).

поддерживать Витовта в его попытке создать из Великого княжества Литовского самостоятельное королевство, а папа Евгений IV был не прочь использовать митрополита всея Руси Герасима³⁰⁵.

Вероятно, поддерживая планы Витовта и Свидригайло, римская дипломатия рассчитывала с их помощью распространить потом влияние католической церкви на значительную часть Восточной Европы. В дальнейшем она продолжала искать новые кандидатуры для осуществления своей цели. Наиболее полно планы римской курии в отношении русских земель раскрылись в выдвижении на пост митрополита всея Руси Исидора и в деятельности этого прославленного католической литературой³⁰⁶ греческого иерарха, развернувшейся в 30-х годах XV в.

После того как в 1431 г. умер Фотий, появились две кандидатуры на пост митрополита всея Руси, одной из которых был выдвинутый в 1432 г. московским правительством рязанский епископ Иона³⁰⁷, другой — ставленник князя Свидригайло смоленский епископ Герасим³⁰⁸. Развернувшаяся в 30-х годах в Северо-Восточной Руси феодальная война закрыла путь в Константинополь московскому кандидату, и митрополитом всея Руси стал Герасим³⁰⁹. Однако после его смерти в 1435 г. снова возникла перспектива поставления митрополитом всея Руси Ионы. Поездка его в Константинополь состоялась, видимо, в 1435—1436 гг.³¹⁰. Но к этому времени обстановка там изменилась.

В 30-е годы XV в. положение Константинополя было уже настолько трудным, что идеи политического и религиозного сближения с Римом начинали находить все большее число сторонников в византийской столице. Желание обрести поддержку против турок заставляло императора Иоанна VIII Палеолога согласиться на унию с Римом, который рассчитывал

³⁰⁵ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. 1, str. 134, 147, 203.

³⁰⁶ Пирлинг, *Россия и папский престол*, т. I, М., 1912, стр. 103—145.

³⁰⁷ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 415, 419.

³⁰⁸ М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. V, стр. 403—405.

³⁰⁹ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 415—420; М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. V, стр. 404; К. Chodynicki, *Kościół...*, str. 49. А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 395. — Голубинский почему-то считает, что Герасим был только митрополитом литовско-русским (Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 418—420). Между тем Псковская летопись прямо утверждает, что Герасим был поставлен в Константинополе «митрополитом на русскую землю», и называет его то московским, то киевским митрополитом, то митрополитом всея Руси. Макарий считает его митрополитом общерусским (см. Макарий, *История русской церкви*, т. IV, СПб., 1866, стр. 105). Грушевський также должен был признать этот факт.

³¹⁰ М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. V, стр. 404.

таким образом подчинить своему влиянию православное население Восточной Европы и укрепить позиции папства, поколебленные борьбой на Констанцском и Базельском соборах³¹¹. В деле заключения унии³¹² значительная роль отводилась Исидору, греку по происхождению, который по рекомендации римской курии был возведен константинопольским патриархом в митрополиты всея Руси³¹³.

Ни тесные связи нового владыки с Римом, ни его униатские убеждения не были известны в Москве, куда Исидор прибыл 2 апреля 1437 г. Правда, его приезд был неожиданным для Василия II, который не хотел даже сначала принимать незваного гостя³¹⁴, но опытный дипломат и философ Исидор, видимо, сумел найти общий язык с князем и добился признания своего сана³¹⁵. Возможно, что Исидор завоевал расположение Василия II обещанием поддержать его в борьбе с галицкими князьями и отстоять интересы православия на предстоящем церковном соборе в Италии³¹⁶. Как бы то ни было, уже через пять месяцев после приезда Исидора в Москву Василий отпустил его в Феррару (сентябрь 1437 г.), где сначала должен был собраться съезд³¹⁷. Московский князь позаботился о том, чтобы миссия Исидора соответствовала достоинству русской земли, снабдив митрополита свитой в 100 человек³¹⁸. Любопытно, что Исидор, зная о немногочисленности сторонников унии в Литве и Польше, поехал в Италию не прямым путем через эти страны, Австрию, Швейцарию, а через Тверь, Новгород, Псков, Юрьев, Ригу, далее морем на Любек, а оттуда через Люнебург, Нюрнберг и Иннсбрук³¹⁹. В Феррару он прибыл в августе 1438 г., когда собор по существу еще не начинал работы. Ждали приезда различных европейских государей или их представителей, но, поскольку ведущие страны Западной Европы поддерживали тогда направленный про-

³¹¹ Б. Я. Рамм, *Папство...*, стр. 221—222.

³¹² Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 421. — Вопрос о созыве нового собора, контролируемого римским папой, был решен в 1433 г. Уже тогда было ясно, что главной целью этого собора будет церковная уния.

³¹³ Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 103—145; Н. Ф. Каптерев, *Характер отношений России к православному Востоку в XVI—XVII столетиях*, Сергиев Посад, 1914, стр. 5.

³¹⁴ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 428. — Характерно, что за признание Исидора в Москве хлопотал императорский посол.

³¹⁵ ПСРЛ, т. 18, стр. 176.

³¹⁶ Отправляя Исидора в Италию, в Москве считали, что он «вернет латин к древнему православию». Эта идея развивалась летописной «Повестью о митрополите Исидоре» (ПСРЛ, т. 18, стр. 176—188).

³¹⁷ Позже он был перенесен во Флоренцию.

³¹⁸ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 431—432.

³¹⁹ Там же, стр. 434.

тив папы Евгения IV собор в Базеле³²⁰, ожидания эти были напрасны. В результате работа началась только в октябре 1438 г.

Хотя религиозные споры заняли много времени в ходе заседаний собора, разумеется, не они решали судьбу унии. Показательно, что Исидор в чисто религиозных дискуссиях не принимал участия, но зато сыграл чрезвычайно важную роль при самом акте подписания унии 26 августа 1439 г.³²¹ И не случайно сразу после закрытия собора Исидор превратился в кардинала и папского легата на землях Литвы, Инфлянт, Руси и Польши³²². Это позволило ему возвращаться на Русь уже через Венецию, Хорватию, Венгрию, Польшу и Литву.

Находясь в Польше и Великом княжестве Литовском, Исидор попытался практически осуществлять якобы уже реализованную унию, выполняя сложные функции папского легата, кардинала и «митрополита всея Руси». Он обратился с папским посланием к православному населению Польши и Литвы, стал освящать церкви совместно с католическими епископами, служить в католических храмах. В Кракове ему был устроен прием кардиналом Збигневом Олесницким и самим польским королем Владиславом³²³. Около года он провел в русских землях Великого княжества Литовского, посетил Перемышль, Львов, Белз, Грубешов, Холм, Влодаву, Брест, Волковийск³²⁴.

Однако, как активно ни действовал Исидор в Литовской Руси, он, видимо, не сумел добиться здесь успеха. «Православные вовсе не хотели принимать унии»³²⁵, — писал Голубинский, перекликаясь с хроникой Длугоша³²⁶. Литовско-русские феодалы видели в Исидоре лишь митрополита всея Руси, игнорируя тот факт, что он был также кардиналом и папским легатом³²⁷. Среди них еще жила программа Витовта, предлагавшая «собрание» русских православных земель вокруг Литвы, и осуществить ее можно было только на базе православия. Известно, что сам Витовт должен был отказаться от идеи унии после неудачного эксперимента с Цамблаком. В то

³²⁰ Б. Я. Рамм, *Папство...*, стр. 224. — Базельский собор (1431—1447 гг.) стремился, как известно, расколоть гуситское движение. Он вел борьбу с папой Евгением IV, добился его низложения (25 июня 1439 г.) и выдвинул нового папу Феликса V (5 ноября 1439 г. — 7 апреля 1449 г.).

³²¹ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 443.

³²² К. Chodynicki, *Kościół...*, str. 51.

³²³ Ibid.

³²⁴ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 447—448.

³²⁵ Там же, стр. 450; «Historia polityczna...», t. I, str. 539.

³²⁶ J. Długosz, *Dzieje Polski*, t. IV, str. 567.

³²⁷ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 451.

же время занятые венгерско-чешскими планами польские феодалы, хотя они и не допустили создания «королевства Литвы и Руси», еще не имели возможности реально претендовать на все русские земли. Поэтому «уния в Польше и Литве была предоставлена самой себе»³²⁸ и провалилась³²⁹. Тем не менее ее ретивый сторонник Исидор поплатился за свое рвение. Через три дня по приезде в Москву он был арестован и объявлен еретиком (март 1441 г.)³³⁰. От смерти или позорного покаяния его спасло только бегство (сентябрь 1441 г.).

Таким образом, нужно признать, что римская курия, организуя Флорентийскую унию и предлагая Исидору определенную программу действий в Восточной Европе, означавшую на деле окатоличивание всего православного русского населения, переоценила свои силы³³¹. Выдвинутая Флорентийским собором идея унии не только оказалась абсолютно неприемлемой для Москвы, находившейся в процессе становления централизованного национального государства, но и противоречила политике Великого княжества Литовского, не отказавшегося еще тогда от идеи «собираения» русских земель (начало этого «отказа» падает на 50-е годы). Хотя Витовт, Свидригайло часто выступали как активные католики, тем не менее выдвигавшаяся ими «общерусская» программа, опиравшаяся на закономерные тенденции в политическом развитии различных частей Руси, не позволяла им пока использовать церковную унию в качестве орудия практической политики. Религиозная политика литовских князей в этот период не шла дальше борьбы за «своего» православного митрополита всея Руси или «митрополита литовского и русского», ибо именно такой владыка был им нужен для осуществления обширных планов на русских территориях. Поэтому все предпринимавшиеся римской курией в конце XIV и первой половине XV в. попытки навязать церковную унию Восточной Европе оставались безрезультатными.

³²⁸ Там же, стр. 450.

³²⁹ Б. Я. Рамм, *Папство...*, стр. 234—237.

³³⁰ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 456; Б. Я. Рамм, *Папство...*, стр. 236—237; ПСРЛ, т. 18, стр. 176—188.

³³¹ Как известно, Москва ответила на эти происки римской курии созданием «Хронографа» (написанного сербом Пахомием Логофетом в 1442 г.), в котором доказывалась религиозная и политическая самостоятельность Руси (А. А. Шахматов, *Обозрение...*, стр. 135; М. Д. Приселков, *История...*, стр. 148; Д. С. Лихачев, *Русские летописи*, стр. 333).

ТУРЦИЯ, КРЫМСКОЕ ХАНСТВО И СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV — НАЧАЛЕ XVI в.

1. Политика Турции и Крыма в 50—70-х годах

Процесс распада Золотой Орды совпал по времени с бурным развитием феодального государства турок-османов. Появившись на территории Малой Азии еще в XIII в., турки-османы в течение XIV и начала XV в. постепенно подчинили себе почти всю территорию Византийской империи, вплотную приблизившись к ее столице Константинополю. Завоевания их в эпоху Мурада (1359—1389) распространились на Балканский полуостров¹. Как известно, битва на Косовом поле (1389 г.) хотя и стоила жизни самому Мураду, все же не положила конец дальнейшему продвижению турок-османов на север, продолжавшемуся при Баязиде (1389—1402)². Вторжение армий Тамерлана на территорию Малой Азии и выигранная им битва при Ангоре в 1402 г. приостановили бурный рост турецкого феодального государства³, но только на время. Уже в период правления Мурада II (1421—1451) Турция продолжала расширять и укреплять свою власть над Балканским полуостровом⁴, а эпоха Мехмеда II (1451—1481) стала временем не только завоевания Константинополя (1453 г.) и напряженной борьбы с Венецией⁵, но и дальнейших захватов на

¹ N. Jorga, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd I, Gotha, 1908, S. 206, 210—213, 230, 236—265; Ф. И. Успенский, *История Византийской империи*, т. III, М., 1948, стр. 734—740; Ф. И. Успенский, *Очерки по истории Трапезундской империи*, Л., 1929, стр. 43, 126—140.

² N. Jorga, *Geschichte...*, Bd I, S. 266—304; А. Ф. Миллер, *Краткая история Турции*, М., 1948, стр. 11; И. С. Достян, *Борьба сербского народа против турецкого ига, XV — начало XIX в.*, М., 1958, стр. 5—10.

³ N. Jorga, *Geschichte...*, Bd I, S. 318—326; А. Ф. Миллер, *Краткая история Турции*, стр. 12.

⁴ N. Jorga, *Geschichte...*, Bd. I, S. 388—391, 402, 407, 413—414, 425, 436—439.

⁵ N. Jorga, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd II, Gotha, 1909, S. 29—36; А. Ф. Миллер, *Краткая история Турции*, стр. 13.

Балканах (в 1459 г. в турецких руках оказалась Сербия, в 1460 — Греция, в 1463 — Босния, в 1467 г. — Герцеговина и Албания)⁶ и распространения турецкой власти на Северное Причерноморье (в 1462 г. подчинение Валахии, в 1476—1484 гг. — Молдавии)⁷. Таким образом, именно в XV в. было воздвигнуто в основном здание Османской империи⁸, которая в дальнейшем продолжала вести воинственную, захватническую политику в Европе, Азии и Африке, постоянно раздвигая свои границы.

Внешнеполитическая активность Турецкого государства обуславливалась всем ходом внутреннего социально-экономического развития, определялась характером сложившихся здесь феодальных отношений. Крайне замедленное развитие производительных сил, очень незначительный рост массы прибавочного продукта, интенсивное наступление феодалов на непосредственного производителя и обострение противоречий внутри господствующего класса — все это способствовало превращению захватнических войн в постоянный источник пополнения доходов широких слоев турецкого господствующего класса, в условие «нормального» существования всей экономической системы султанской Турции, поддержания огромного здания Османской империи. «Военно-феодалное турецкое государство, видевшее в завоеваниях и грабеже населения новых территорий самый главный и наиболее доступный способ получения средств для своего существования, для содержания дорогостоящей армии и султанского двора, а также для обогащения господствующего класса, не могло и не хотело сойти с этого пути»⁹.

Османская Турция стала весьма важным фактором политической жизни Юго-Восточной Европы уже в середине XV в. Именно в это время турецкий султан Мехмед II стал проявлять все больший интерес к делам восточноевропейских государств, в особенности татарских феодальных государств, возникших на Волге и в Крыму.

Одним из них было Казанское ханство, основанное в 1446 г. Если в первые годы его существования глава государства Махмутек вынужден был только сократить масштабы наступательных операций своего отца Улуг-Мухаммеда, то в 50-х и

⁶ N. Jorga, *Geschichte...*, Bd II, S. 54—86, 105—129.

⁷ Ibid., S. 170—183, 257—274; «История Молдавии», т. I, Кишинев, 1951, стр. 144—145.

⁸ N. Jorga, *Geschichte...*, Bd II, S. 196—230; А. Ф. Миллер, *Краткая история Турции*, стр. 14—16; И. С. Достян, *Борьба...*, стр. 14—16.

⁹ Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XVI—XVII вв.*, т. II, М., 1946, стр. 171.

начале 60-х годов казанским феодалам пришлось совсем отказаться от открытой агрессивной политики в отношении Москвы. Однако борьба возобновилась в период правления хана Ибрагима (1467—1479), когда казанские войска ходили на Галич, Кострому, Муром, занимали г. Вятку и сажали там своих наместников¹⁰. Политика Казанского ханства была предметом постоянных забот Ивана III.

Вторым, еще более крупным татарским феодальным государством, существовавшим тогда на территории между Волгой и Днестром, была Большая Орда. Сформировавшаяся еще в середине 30-х годов XV в. в ходе борьбы ее главы Сейид-Мухаммеда против Улуг-Мухаммеда, с одной стороны, и Хаджи-Гирея — с другой, Большая Орда играла весьма важную роль в политической жизни Восточной Европы середины XV в. Сейид-Мухаммед то подчинял себе Крым, вытесняя оттуда Хаджи-Гирея¹¹, то распространял свое влияние на Волгу, устанавливая союз с Кучук-Мухаммедом против Улуг-Мухаммеда¹². В конце 40-х — начале 50-х годов он оказался в зените политического могущества и, опираясь на временное объединение татарских улусов, стал воскрешать политическую практику Тохтамыша и Едигея, стремясь к поочередному ослаблению соседей во имя поддержания известного равновесия. Обеспокоенный происшедшим в 1449 г. временным примирением Литвы с Москвой, Сейид-Мухаммед начал наступательные операции не только против Великого княжества Литовского и Русского¹³, но и против своего бывшего союзника Василия II¹⁴.

¹⁰ «История Татарской АССР», т. I, Казань, 1955, стр. 126—127. — Любопытно, что районы боевых действий в 1460—1470 гг. были те же, что и в 1430—1440 гг. Казанцы сажали в г. Вятку своего наместника, русские войска, двигаясь по Волге, Каме и Вятке, отесняли казанцев на юг.

¹¹ См.: L. Kolankowski, *Dzieje Wielkiego księstwa Litewskiego za Jagiellonów*, t. I, Warszawa, 1930, str. 256, 265, 272; M. O. Strykowski, *Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi*, t. II, Warszawa, 1846, str. 212—213.

¹² L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 257, 316, 318. — Известно, что Кучук-Мухаммед, являясь союзником Сейид-Мухаммеда, вел борьбу не только против Улуг-Мухаммеда на Волге, но и против Хаджи-Гирея в Крыму [«Полное собрание русских летописей», т. 17, СПб., 1907, стр. 543 (далее — ПСРЛ)].

¹³ [J. Długosz], «*Jana Długosza kanonika krakowskiego dziejów polskich ksiąg dwanaście*», t. V, str. 11 (далее — J. Długosz, *Dzieje Polski*); M. O. Strykowski, *Kronika...*, t. II, str. 299; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 317, 318.

¹⁴ ПСРЛ, т. 18, СПб., 1913, стр. 204; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 264—265; К. В. Базилевич, *Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в.*, М., 1952, стр. 52.

Однако в середине 50-х годов Большая Орда потерпела поражение от войск крымского хана Хаджи-Гирея, поддержанного польским королем и литовским князем Казимиром¹⁵. После этих событий центр ее, видимо, переместился с запада на восток, с берегов Днепра и Дона на берега Волги. Во всяком случае осевшие в низовьях Волги и чеканившие монету в Астрахани¹⁶ сыновья хана Кучук-Мухаммеда — Махмуд и Ахмат считали себя ханами Большой Орды и политическими преемниками Сейид-Мухаммеда. По данным М. Г. Сафаргалиева, Махмуд правил Большой Ордой с 1459 по 1465 г.¹⁷, однако его правление осложнялось скрытой оппозицией брата Ахмата, что роковым образом сказалось в момент решающего столкновения Махмуда с крымским ханом Хаджи-Гиреем. Дело в том, что Крымское ханство после победы над Большой Ордой Сейид-Мухаммеда в 1455 г. не только заметно усилилось, но и стало претендовать на ведущую роль в политической жизни татарских улусов Восточной Европы¹⁸. Однако аналогичные расчеты были и у правителя Большой Орды. Политическое соперничество двух крупнейших улусов вылилось уже в 1465 г. в вооруженное столкновение. Оно произошло где-то на Дону как раз в тот момент, когда Махмуд готовился нанести удар по Москве. Глава Большой Орды был разгромлен¹⁹, чем, видимо, сразу воспользовался хан Ахмат, подняв-

¹⁵ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 281—283. См. также стр. 124 настоящей работы.

¹⁶ М. Г. Сафаргалиев, *Распад Золотой Орды*, Саранск, 1960, стр. 264; А. К. Марков, *Инвентарный каталог мусульманских монет*, СПб., 1896, стр. 51. — Город Сарай-Берке — старая столица Золотой (Белой) Орды в 50—70-х годах переживала упадок. Не случайно епископ сарайский и подольский Вассиан перенес в 1460 г. свою кафедру из Сарая в Москву на Крутицкое подворье. По-видимому, значение Сарая подрывало не только постоянное перемещение главного центра Большой Орды, резиденции ханов Сейид-Мухаммеда, Махмуда и Ахмата (Б. Г. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда и ее падение*, М., 1950, стр. 428), не только быстрое развитие Астрахани, но также частые набеги противников Орды. Так, в 1472 г. на Сарай был совершен набег вооруженных отрядов вятчан (ПСРЛ, т. 25, М.—Л., 1949, стр. 291), в 1480 г. им овладел московский воевода Ноздреватов. В 1502 г. этот город был окончательно уничтожен Менгли-Гиреем.

¹⁷ М. Г. Сафаргалиев, *Распад...*, стр. 264—266.

¹⁸ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в.*, СПб., 1887, стр. 239; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 318. — Перемещение центра политической жизни татарских улусов в Крым подчеркивалось массовым переселением в Крым татар с Волги, а также татар из орды Сейид-Мухаммеда (см. В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 246).

¹⁹ Там же, стр. 241; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 319. — «Того же лета (1465 г. — И. Г.) поиде безбожный царь Махмут на Русскую землю с своею Ордою и быть на Дону. Божиею же милостию... прежде на него

ший восстание против брата и захвативший престол. Махмуд скрылся в Астрахани, основав здесь независимое от Большой Орды Астраханское ханство²⁰, включавшее первоначально главным образом прикаспийские территории до Дербента.

Таким образом, в процессе закономерного наступившего распада Золотоордынской империи на отдельные улусы, в ходе напряженной борьбы их друг с другом, в условиях крайне сложных и запутанных отношений этих улусов с Северо-Восточной Русью и Польско-Литовским государством на протяжении 40—60-х годов в Восточной Европе сложилось несколько татарских феодальных государств: Казань, Большая Орда, Крым и Астрахань. Внешняя политика каждого из этих государств не только была непосредственно связана с политикой Московской Руси и Польско-Литовского государства, но и тесно переплеталась с общим ходом международной жизни того времени. В частности, именно в эти десятилетия татарские улусы, как, впрочем, и другие государства Восточной Европы (Молдавия, Валахия), столкнулись с быстро возrastавшим политическим могуществом Турецкой империи.

В 50—70-е годы султанская Турция, продолжая расширять сферу своего влияния в Средиземноморье и на Балканах, стала обращать непосредственное внимание на Северное Причерноморье, в частности на Валахию, Молдавию и Крымское ханство²¹. Между Крымом и Портой уже в 50-е годы устанавливались политические и военные контакты. Так, в 1454 г. Хаджи-Гирей пытался штурмовать генуэзскую крепость Кафу, сотрудничая с турецким флотом²². Однако, поддерживая хорошие отношения с Турцией, крымские ханы стремились сохранить самостоятельность своего юрта²³. Поэтому генуэзская Кафа в середине 60-х — начале 70-х годов становится союзницей Хаджи-Гирея, а потом и Менгли-Гирея²⁴.

царь Ази Гирей, и би его и Орду взя и начали воеватися промеж себе и тако Бог избави Русскую землю от поганных» (ПСРЛ, т. 8, СПб., 1859, стр. 151).

²⁰ Возникновение самостоятельного астраханского улуса именно в эти годы подтверждается, как показал Сафаргалиев, письмом, написанным в 1466 г. ханом Махмудом к турецкому султану Мехмеду II (М. Г. Сафаргалиев, *Распад...*, стр. 265), а также свидетельствами современников Афанасия Никитина (ПСРЛ, т. 4, СПб., 1915, стр. 381) и Амбросия Контарини («Библиотека иностранных писателей», т. I, СПб., 1836, стр. 92).

²¹ N. Jorga, *Geschichte...*, Bd II, S. 113—116, 170—183, 270—275.

²² В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 244; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 321.

²³ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 243—245, 247.

²⁴ M. Małowist, *Kajfa — kolonia genuńska na Krymie i problem wschodni w latach 1453—1475*, Warszawa, 1947, str. 326—330; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 320, 321.

Правда, находившийся у власти в 1467—1468 гг. Нур-Девлет был, по-видимому, сторонником Турции, точно так же как его брат Айдар и поддерживавшие их тогда ширинские беи (их главой до 1473 г. был Мамак, потом Иминек, сын Мамака, а также Кара-мурза и др.²⁵). Именно эти круги крымских феодалов вступили в феврале 1475 г. в соглашение с Портой, которая, разумеется, лишь ждала повода для вмешательства в крымские дела. В результате согласованного выступления ширинских мурз, с одной стороны, и турецкого флота — с другой, летом 1475 г. Кафа и другие крымские города оказались под контролем султана, а Менгли-Гирей был свергнут²⁶. Крым стал вассалом султанской Турции, а крымским ханом сделался брат Менгли-Гирея — Айдар²⁷.

Но, поставив на крымский престол одного из сыновей Хаджи-Гирея, Мехмед II не забывал о существовании и других татарских улусов, прежде всего Астрахани и Большой Орды. Для политики султанской Турции этих лет были характерны, видимо, какие-то колебания и поиски. В эти годы турецкая дипломатия стремилась нащупать наиболее надежные способы проникновения на территорию Восточной Европы, старалась всемерно расширить круг своих союзников и вассалов. Именно в этой связи и находится попытка Мехмеда II установить сотрудничество с Астраханью еще в 1466 г.²⁸, а также попытки посадить на крымский престол хана из правящего дома Большой Орды. Устранив наследника Хаджи-Гирея, турецкие власти в 1476 г. сделали крымским ханом сына Ахмата — Джанибека²⁹. Характерно, что и при этом хане ширинские феодалы продолжали играть важную роль в политической жизни Крыма, возможно, контролируя деятельность самого Джанибека.

Турецкий султан довольно скоро понял невыгодность и не-

²⁵ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 252, 256; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 321.

²⁶ M. O. Strykowski, *Kronika...*, t. II, str. 280; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 323; N. Jorga, *Geschichte...*, Bd II, S. 174; M. Malowist, *Kaffa...*, str. 326—330.

²⁷ В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевицах*, т. I, СПб., 1863, стр. 126; К. В. Базилиевич, *Внешняя политика...*, стр. 112.

²⁸ М. Г. Сафаргалиев, *Распад...*, стр. 265—266.

²⁹ ПСРЛ, т. 8, стр. 181. — «Того же лета (1476 г. — И. Г.) посла царь Ахмет Ордынский сына своего с татары, и взя Крым и всю Азигиреву Орду, а сына Азигиреева Менгирея съгна, его же турки посадиша» (L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 330). Сохранилась грамота султана Мехмеда II к хану Ахмату как к «верховному» господину Крыма (В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 273).

надежность союза с Ахматом, который в это время достиг зенита своего политического могущества в Восточной Европе, добился частичного восстановления ордынской власти над Московской Русью (пребывание посла Бочюка в Москве в 1476 г.³⁰, предоставление ярлыка Ивану III³¹ в сущности оформляли восстановление некоторой зависимости Северо-Восточной Руси от Большой Орды). Усиление политического влияния Ахмата, а следовательно и Джанибека, почувствовали скоро и ширинские беи; в отношениях между Ахматом и Джанибеком, с одной стороны, Турцией и ширинскими беями — с другой, наступило резкое ухудшение. Оно нашло весьма своеобразное отражение в источниках, сохранивших сведения о том, что ширинские мурзы обратились к Мехмеду II с просьбой превратить Крым «в собственность султана», а изгнанного ранее Менгли-Гирея сделать «наместником»³². В результате Менгли-Гирей на переломе 1478—1479 гг. вновь взошел на престол, а условия полной вассальной зависимости Крымского ханства от турецкого султана были точно сформулированы. Турция дала со своей стороны обещание назначать последующих ханов только из дома Гиреев, не вмешиваться во внутренние дела ханства, разрешила хану сноситься с иностранными государствами.

В то же время правительство султанской Турции потребовало постоянного пребывания в Стамбуле ближайших родственников хана, настояло на сохранении за султаном прибрежной полосы горного Крыма (от Балаклавы и Мангупа до Керчи) с центром в Кафе. Здесь был расположен большой турецкий гарнизон, а также находилась резиденция турецкого паши (шах-заде). Все это давало Порте достаточные гарантии относительно внутренней и внешней политики Крыма.

Так были заложены основы крымско-турецких отношений, которые в дальнейшем видоизменялись в деталях, но продолжали оставаться неизменными в главном: Крым выступал вассалом Османской империи, послушным исполнителем ее воли, одним из тех орудий, при помощи которых Турция осуществляла свою политику в Юго-Восточной Европе.

³⁰ А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.*, т. I, СПб., 1889, стр. 207—208, 227; К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 118—119.

³¹ В датировке этого ярлыка, как и в его общей трактовке, в исторической литературе существуют разногласия: М. Г. Сафаргалиев относит ярлык к 1476 г. (М. Г. Сафаргалиев, *Распад...*, стр. 266), К. В. Базилевич, как представляется, без достаточных оснований — к 1480 г. (К. В. Базилевич, *Ярлык Ахмета-хана Ивану III*, — «Вестник МГУ», 1948, № 1, стр. 313; *Внешняя политика...*, стр. 163—167).

³² В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование...*, т. I, стр. 99; L. Kolanowski, *Dzieje...*, t. I, str. 330.

Вопрос о характере взаимоотношений между Крымом и Турцией давно вызывал полемику в исторической литературе³³.

Одни историки считали, что Крым с 70-х годов XV столетия до 1774 г. был не только формально, но и по существу вассалом Порты, являлся на протяжении всего этого времени ее слепым и послушным орудием³⁴. Наиболее четко эту точку зрения сформулировал В. Д. Смирнов в работе «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты». «Факты чисто внешнего политического свойства, — писал он, — ...почти исключительно были отражением оттоманской политики: перемены в ханском персонале, непрерывные походы крымских полчищ, даже самые переселенческие движения кочевых элементов сплошь и рядом совершались под влиянием намерений и планов Оттоманской Порты и временных заправил ее, производивших давление на Крым через посредство членов властвовавшей там династии Гераев (так. — И. Г.) и через собственных приставников, сидевших в Каффе и других укрепленных пунктах, железным кольцом оцеплявших центральную территорию ханства»³⁵.

Но в исторической науке были попытки иначе рассматривать развитие крымско-турецких отношений. Некоторые историки видели в политике Крымского ханства определенную независимость, подмечали самостоятельные замыслы крымских ханов и попытки реализации этих замыслов без согласования с Портой, а иногда и вопреки ей. Подобная точка зрения высказывалась польскими историками (Хованец, Чоловский, Барановский).

Отзвуки этой полемики слышны и в новейших исследованиях. Так, если в работах Н. А. Смирнова, С. О. Шмидта политика Крыма и Порты рассматривалась как нечто единое, то А. А. Новосельский показал наличие двух тенденций в политике Крымского ханства: одну, связанную с выполнением

³³ Принципиально новое, марксистское освещение различных периодов истории Турции и Крыма дается в целом ряде трудов советских авторов (см. А. Ф. Миллер, *Краткая история Турции*; Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XVI—XVII вв.*, т. I, М., 1946; А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.*, М.—Л., 1948, а также работы И. И. Смирнова, П. А. Садикова, В. Е. Сыроечковского, Е. Н. Кушевой, С. О. Шмидта, А. С. Тверитиновой, Г. Д. Бурдей, И. С. Достян и др.).

³⁴ В старых работах по истории Османской империи Гаммера, Цинкейзена, Иоргн, естественно, не рассматривалась проблема турецко-крымских отношений в качестве центральной, но в них постоянно подчеркивался вассальный характер этих отношений.

³⁵ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. XXXI.

Крымом своих вассальных обязательств перед Портой, и другую, вытекавшую из стремления крымских феодалов стать на путь самостоятельной политики³⁶.

Само существование разногласий в вопросе о характере крымско-турецких отношений говорит о его сложности и требует конкретного исторического подхода к решению проблемы³⁷, важность изучения которой для раскрытия основных направлений развития международных отношений в Юго-Восточной Европе очевидна. Окончательное решение этого вопроса можно найти только путем параллельного рассмотрения как основных этапов развития турецко-крымских отношений, так и хода экспансии Крыма и Турции на территории Империи, Польши, Литвы и Московской Руси.

Необходимо хотя бы в общих чертах проследить, как протекала эта экспансия и как исторически складывались в такой обстановке отношения султанской Турции и Крымского ханства в XV—XVI вв.

При этом, разумеется, стоит важная задача выяснить характер крымско-турецкой экспансионистской политики в это время, т. е. решить вопрос о том, была ли крымско-турецкая агрессия проявлением стихийного, хаотического натиска феодалов или являлась реализацией хорошо продуманных стратегических планов, результатом умелого использования определенных тактических приемов и традиций, идущих от Золотой Орды, с одной стороны, и от государства турок-османов — с другой. Такая задача требует комплексного анализа взаимоотношений Крыма, Турции, Москвы, Литвы, Польши, Империи Габсбургов и Ватикана, изучения всего сложного исторического процесса, происходившего на территории Восточной Европы в XV—XVII вв.

Более широкий охват исторических событий позволит не только уточнить некоторые моменты в понимании крымско-турецких отношений, но и осветить ряд других существенных вопросов.

Интересно выяснить, например, насколько обоснован официальный тезис турецких историков о том, что русская восточная политика со времени Василия III и Ивана IV была неизменно наступательной, а политика Турции — оборони-

³⁶ А. А. Новосельский, *Борьба...*; Н. А. Смирнов, *Россия...*, т. I; С. О. Шмидт, *Предпосылки и первые годы казанской войны (1545—1549)*, — «Труды Историко-архивного института», т. 6, М., 1954.

³⁷ Призывая необходимым учитывать две тенденции в политике Крымского ханства, мы все же считаем, что в период политического расцвета Османской империи (XV—XVI вв.) сепаратистские устремления крымских феодалов были в значительной мере приглушены.

тельной, насколько справедлива точка зрения некоторых старых польских историков, считавших Речь Посполитую в эту эпоху бастионом европейской цивилизации в «обороне» от таких «варварских», «азиатских» стран, как Крым и Москва. Базой для исследования всех проблем должен явиться «национальный» материал, накопленный исторической наукой в отдельных странах Восточной Европы.

* *

*

Требование одновременного учета событий, параллельно развивавшихся в Юго-Восточной Европе, заставляет рассмотреть политическую жизнь Московской Руси и Польско-Литовского государства.

В середине XV в. отношения между Московским государством и Великим княжеством Литовским формально регулировались договором 1449 г., зафиксировавшим установление своеобразного равновесия сил между двумя центрами объединения русских земель. Этим договором завершилось встречное движение Москвы и Вильно на пути «собирания» русских территорий³⁸. После 1449 г. Великое княжество Литовское уже не «собирало» русские земли, а удерживало силой часть их ради дальнейшего освоения польско-литовскими феодалами и католической церковью. Иными словами, оно окончательно превратилось из государства, сохранявшего тенденцию к равноправию литовских и русских феодалов, в государство, подвластное феодальной Польше, в котором русское православное население стало и формально и по существу в подчиненное положение по отношению к польско-литовским феодалам. Что касается Московской Руси, то для нее договор 1449 г., оградивший часть русских территорий от открытых посягательств Литвы, не только содействовал завершению феодальной смуты в стране, но и обеспечивал дальнейшее развитие централизованного государства на национальной основе, являясь, таким образом, определенной вехой в процессе его становления.

Разумеется, подлинный смысл происходивших тогда сдвигов в развитии Московской и Литовской Руси вряд ли понимали сами авторы договора. Его значение могло быть осознано позднее, когда середина XV в. стала далеким прошлым. Тем не менее уже первые два десятилетия, последовавшие за этим

³⁸ Имея в виду исторические судьбы Восточной Европы XV—XVI вв., К. Маркс писал: «Русь тогда была разделена на два государства: Москву и Литву» (К. Маркс, *Стенька Разин*, — «Молодая гвардия», 1926, № 1, стр. 107).

договором, были ознаменованы такими событиями, которые ясно указывали, в каком направлении пошло развитие Московской Руси и Польско-Литовского государства. Если в XIV — начале XV в. соперничество между Москвой и Литвой осуществлялось под общими, очень сходными лозунгами, то теперь каждая сторона подымала собственный флаг. Москва продолжала «собираение» русских земель в интересах русских феодалов, опираясь на авторитет митрополита всея Руси Ионы. Литва стремилась удержать или даже захватить ряд русских земель уже в качестве территорий, подчиненных польско-литовским феодалам и католической церкви, ведя борьбу с митрополитом всея Руси. Весьма показательным было выдвижение Казимиром в 1456 г. «своего» литовского митрополита Симеона, а в 1458 г. (после смерти Симеона) приглашение из Рима на пост литовского митрополита грека-униата Григория, являвшегося учеником и последователем «кардинала» Исидора³⁹.

Таким образом, в соперничестве между Москвой и Вильно появились новые качественные моменты, и они давали себя знать всюду, где тогда сталкивалось литовское и московское влияние, главным образом в Великом Новгороде, Пскове и других землях. Можно сказать, что уже 50—60-е годы принесли Москве определенные успехи. В 1454 г. был присоединен Можайск, в 1456 г. в сферу московского влияния вошла Рязань, был установлен контроль над Руссией. В том же году Василий II заключил договор с тверским князем Борисом Александровичем и его сыном Михаилом, в силу которого Тверь и Москва должны были стоять «за один» против татар. Литвы, ляхов и немцев⁴⁰. Тогда же московский князь вышел победителем из конфликта с Новгородом, заключив мир в Яжелбицах, в 1458—1459 гг. установил свою власть в Вятке, причинявшей ему так много беспокойств в смутные годы феодальной войны. В 1464 г. уже Иван III подчинил своему влиянию Псков⁴¹.

Не менее активно вел себя на русских землях в это время и польский король. Чем значительнее были достижения московского правительства, тем энергичнее Казимир подавлял

³⁹ Е. Голубинский, *История русской церкви*, т. II, СПб., 1900, стр. 464—467, 504, 507.

⁴⁰ «Собрание государственных грамот и договоров», т. I, М., 1813, № 76. — Новая датировка этого документа принадлежит Л. В. Черепнину.

⁴¹ Л. В. Черепнин, *Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв.*, М., 1960, стр. 817—885; К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 88—90.

русских князей-династов в Великом княжестве Литовском⁴², тем упорнее расширял круг своих сторонников в Новгороде, Пскове и других русских княжествах⁴³. Играя на страхе новгородского боярства перед «единодержавием» великого князя московского, Казимир планировал не только политическую, но и религиозную изоляцию Новгорода от Москвы, рассчитывая добиться этого с помощью «митрополита» Григория⁴⁴. Весьма характерной для тогдашней политики Казимира была практика «переброски» южнорусских феодалов в Северную Русь в качестве литовской политической агентуры. Так, в Новгороде находилось несколько таких «агентов»: князь Чарторыйский (с середины 40-х до середины 50-х годов XV в.)⁴⁵, князь Ольшанский (в 1459 г.), Михаил Олелькович (в 1470 г.)⁴⁶. Соблазняя этих князей новой политической карьерой в Новгороде, Казимир не только освобождался от оппозиционных и неблагонадежных элементов в Великом княжестве Литовском и, в частности, в Поднепровье, но и приобретал в их лице ревностных исполнителей замыслов польско-литовской дипломатии в Новгородской земле. А замыслы эти преследовали одну цель и для Новгорода, и для Поднепровья: обе территории должны были стать русской окраиной Польско-Литовского феодального государства.

* * *

Процессы, происходившие в Юго-Восточной Европе, оказывались в поле зрения крымских, астраханских и турецких правителей. Об этом говорила не только вся их практическая политика, но и организация ими информационной службы.

И во времена Золотой Орды, в период изолированного существования отдельных улусов, и в эпоху становления Османской империи татарские и турецкие политики имели в своем распоряжении разнообразные и порой весьма надежные источ-

⁴² Длугош подчеркивал в своей хронике, что король Казимир выступал выразителем интересов литовских правящих кругов: «Литвины усиленно наставляли на том, чтобы Киевское княжество с остальной Русью было бы заменено литовской провинцией, и заставили короля поставить над киевлянами Мартина Гаштольда» (J. Długosz, *Dzieje Polski*, t. V, str. 514—515). Стрыйковский отмечал, что после 1471 г. Киевское княжество было превращено в воеводство (М. О. Strykowski, *Kronika...*, t. II, str. 272).

⁴³ К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 89; Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 831.

⁴⁴ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 466, 503—507.

⁴⁵ В. Н. Бернадский, *Новгород и Новгородская земля в XV в.*, М.—Л., 1961, стр. 249—250, 255, 257; Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 830—836.

⁴⁶ К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 89; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 310.

ники информации. По-видимому, важным центром информации в Золотой Орде была сарайская епископия. Есть прямые указания русских источников о том, что в XIV в. татарские ханы использовали греков в качестве политических консультантов. Так, автор «Сказания о Мамаевом побоище» утверждал, что Мамай, готовясь повторить батыево нашествие на Русь, «нача испытывати от старых еллин, како Батый пленил Киев и Володимер и всю Русскую и Словенскую землю»⁴⁷.

Использование греческой церкви, греческих купцов и чиновников было характерно и для султанской Турции⁴⁸. Великим везирем самого Мехмеда II был Махмуд-паша, человек полусербского-полугреческого происхождения. Показательно также, что турки, захватив Константинополь, предписали сразу поставить нового патриарха⁴⁹, а позднее весьма бдительно следили за сменой патриархов в Царьграде⁵⁰.

Что касалось крымских ханов, то в их распоряжении находились не только греки Кафы (здесь, в генуэзском городе, они были в меньшинстве), но также обитатели ряда греческих монастырей, сохранившихся на крымской территории⁵¹, и жители находившегося в юго-западной части Крыма автономного княжества Мангуп (Манкуп, Феодоро)⁵². Главными консультантами крымского правительства являлись сами греческие князья из рода Манкупов, хотя на международной арене они выступали только в исключительных случаях⁵³.

⁴⁷ ПСРЛ, т. 11, СПб., 1897, стр. 46.

⁴⁸ Z. Abrahamowicz, *Katalog dokumentów tureckich*, Warszawa, 1959, № 18, 25. — Частым гостем Москвы и Польши, как видно из документов, приведенных Абрахамовичем, был купец греческого происхождения А. Халкокандил (*ibid.*).

⁴⁹ N. Jorga, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd III, Gotha, 1910, S. 197.

⁵⁰ А. П. Лебедев, *История греко-восточной церкви под властью турок*, Сергиев Посад, 1896, стр. 247—300.

⁵¹ См. В. В. Зверинский, *Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи*, т. I, СПб., 1890, стр. 129, № 156. — Таким, например, был Георгиевский монастырь, расположенный неподалеку от мыса Фиолент.

⁵² Турецкий историк Дженнаби (ум. в 1590 г.) писал, что Манкуп являлся в XV в. «одной из наилучше укрепленных и сильнейших крепостей, находившейся в руках князей, христиан румских» (В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование...*, т. I, стр. 100—101).

⁵³ Так, когда брак Ивана III с Софьей Палеолог стал совершившимся фактом, крымские, а возможно, и турецкие политики «рекомендовали» манкупскому князю Исааку предложить свою дочь в жены сыну Ивана (см. В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 255). Нельзя считать случайностью и то обстоятельство, что среди сопровождавших Софью Палеолог в ее путешествии в Россию находился брат манкупского князя Константин (см. Б. Дунаев, *Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в.*, М., 1916, стр. 16). Правда, в дальнейшем политическое лицо Константи-

Факт использования крымскими ханами и турецкими султанами в качестве информаторов греков, т. е. людей, более или менее компетентных в политической и религиозной жизни православной Руси⁵⁴, представляется весьма существенным. Но, разумеется, этот наиболее важный источник информации не был единственным. Известно, что еще Герберштейн застал в Кремле группу постоянно живших там татарских наблюдателей. Если такое положение существовало при Василии III, вероятно, оно имело место и при его предшественниках⁵⁵. Таким образом, внешнеполитическая деятельность правителей Турции, Крыма, Большой Орды, Астрахани базировалась обычно на сравнительно точных и достаточно полных данных⁵⁶. Поэтому не удивительна быстрая и чаще всего соответствующая обстоятельствам реакция Турции, Крыма и Большой Орды на перемены в расстановке сил Восточной Европы, на появление тех или иных тенденций во внешней политике соседних государств.

Можно не сомневаться в том, что основатель крымской династии Гиреев — хан Хаджи-Гирей в последний период своего правления (50—60-е годы XV в.) прекрасно знал не только о попытках создания польско-чешско-венгерской унии, но и о фактах продолжавшейся борьбы между Польско-Литовским и Московским государствами. Есть сведения о конкретной

на, по-видимому, в какой-то мере было в Москве раскрыто: в конце 70-х — начале 80-х годов этот греческий князь попал в опалу, а в конце 80-х — начале 90-х годов оказался уже постриженным в монахи. Характерно, что в числе его сподвижников были Нил Сорский (Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в.*, М. — Л., 1960, стр. 305, 314), ростовский архиепископ Иоасаф, которого в 1489 г. также постигла опала (ПСРЛ, т. 20, СПб., 1910—1914, стр. 347, 353), и князь Андрей Углицкий, заточенный в 1491 г. (там же, стр. 356—357; т. 12, СПб., 1901, стр. 219). Однако печальная судьба Константина не мешала турецкому правительству в дальнейшем широко использовать представителей манкупского княжеского дома в качестве ведущих дипломатов в переговорах с Москвой. Среди них нужно упомянуть и турецкого посла Скиндера, хорошо известного связями с Максимом Греком (см. Б. Дунаев, *Максим Грек...*, стр. 17).

⁵⁴ N. Jorga, *Geschichte...*, Bd III, S. 195—206; Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, Ташкент, 1942, стр. 24—25.

⁵⁵ С. Герберштейн, *Записки о московских делах*, СПб., 1908, стр. 161. — На существование татарского подворья в Кремле в 1476 г. указывал С. М. Соловьев (С. М. Соловьев, *История России*, т. V, стр. 1425).

⁵⁶ Свидетельством хорошей осведомленности крымских правительственных кругов могут служить и записки венецианских дипломатов — Барбаро, побывавшего в Крыму и Северном Причерноморье в 30—50-х годах XV в., и Контарини, посетившего Крымское ханство в 1474—1475 гг. Именно в Крыму они могли уточнить свое представление о политической и этнической карте Восточной Европы, о расположении городов и состоянии их укреплений («Библиотека иностранных писателей», т. I).

внешнеполитической деятельности Хаджи-Гирея, основанной на получаемой им информации. Известно, что Хаджи-Гирей поддерживал в течение более 30 лет самый тесный контакт с правящими кругами Польско-Литовского государства. Этот контакт он сохранил и с Казимиром Ягеллончиком⁵⁷.

Разумеется, основой союзных отношений Хаджи-Гирея и Казимира были не сентиментальные воспоминания о политическом сотрудничестве прошлых лет, а реальная обстановка в Восточной Европе, складывавшаяся в 50—60-х годах XV в. Основным противником Хаджи-Гирея была тогда Большая Орда, претендовавшая на подчинение себе Крымского полуострова, но в то время еще не имевшая сил, чтобы активно выступать против Крыма. Далекая Москва в тот период могла рассматриваться крымскими ханами если не в качестве союзника Орды, то во всяком случае в качестве страны, сохранявшей какую-то зависимость от ордынского хана. Возможно, что первый поход Махмуда на территорию Северо-Восточной Руси, предпринятый в 1460 г., в Крыму квалифицировали как карательную экспедицию, рассчитанную на упрочение власти Орды над «Белой Русью» (так тогда называли Русь, в частности Северо-Восточную)⁵⁸. Должна была настораживать Хаджи-Гирея и наступательная политика Василия II.

По-видимому, именно эти соображения препятствовали установлению прямых контактов Хаджи-Гирея с Москвой. Польский король и литовский князь Казимир, который вел войну с Орденом, был втянут в династическую борьбу на Дунае и начинал испытывать первые неудачи в соперничестве с Московским государством, казался хану не только более выгодным, но и более безопасным союзником. Хаджи-Гирей, видимо, рассчитывал, что трудное внешнеполитическое положение польского короля не только гарантирует безопасность для Крыма со стороны Литвы и Польши, но и обеспечит реальную заинтересованность Казимира в поддержании союзных отношений с Крымским ханством. Выражением этих союзных отношений явилось в 1461 г. Предоставление Хаджи-Гиреем ве-

⁵⁷ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 318—319.

⁵⁸ А. В. Соловьев, *Великая, Малая и Белая Русь*, — «Вопросы истории», 1947, № 7. — «Город этот (Москва.—И. Г.) принадлежит Великому князю Иоанну, государю Великой и Белой России» («Библиотека иностранных писателей», т. I, стр. 104). «Светлейший посол (венецианский.—И. Г.) переезжает через большую степь Азиатской Сарматии и, достигнув Москвы, столицы Белой России, представляется Великому князю» (там же, стр. 102). О том, что термины «Великая» и «Белая» Русь были тогда равнозначны, свидетельствует сравнение «Повести о Флорентийском соборе» Симеона Суздальского с летописной обработкой ее, приписываемой Пахомию Логофету (см. «Отчет о девятнадцатом присуждении наград гр. Уварова», СПб., 1878; ПСРЛ, т. 18, стр. 178).

дикому князю литовскому ярлыка на владение русскими землями, в том числе Великим Новгородом⁵⁹. Совершенно очевидно, что этим актом Хаджи-Гирей не только демонстрировал дружбу с королем Казимиром, но противопоставлял свою политику как Московской Руси, так и Большой Орде, претендовавшей на верховную власть над всеми русскими землями. Весьма показательно, что правитель Османской империи Мехмед II, сквозь пальцы смотревший в эти годы на близкие отношения крымского хана с Кафой⁶⁰, явно не возражал и против контактов Хаджи-Гирея с Польско-Литовским государством.

Однако менявшееся постепенно соотношение сил в Восточной Европе оказывало влияние на политику Турции и Крыма. Хаджи-Гирей все лучше понимал, что за формой вассальных отношений между Большой Ордой и Москвой кроется все более обостряющийся антагонизм, который мог быть полезен и Крыму.

В результате, когда Орда предприняла второй поход против Москвы в 1465 г., армия Хаджи-Гирея разбила войска ордынского правителя на Дону⁶¹. Этот шаг крымского хана несомненно принес пользу Москве и соответственно ухудшил шансы польского короля. Поэтому можно говорить о том, что уже Хаджи-Гирей наметил ту новую, «промосковскую» линию политики Крымского ханства, которая была характерна для Менгли-Гирея в 70—90-х годах. Это заставило польскую дипломатию искать союза против Москвы в Сарай-Берке⁶². Источники сохранили сведения о литовско-ордынских переговорах 1469—1471 гг., касавшихся проблемы создания антимосковской коалиции⁶³ литовский посол в Орде Кирей Кривой настаивал на осуществлении военных операций против Ивана III в 1470—1471 гг.)⁶⁴. Возможно, что переговоры начались

⁵⁹ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 309, 318; К. В. Базилович, *Внешняя политика...*, стр. 102; М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, Львів, 1907, стр. 458.

⁶⁰ Исследователь польско-крымских отношений этого времени М. Маловист связывает эту близость с влиянием Польши: «Нас не удивляет факт, что Казимир Ягеллончик стремился к тому, чтобы его крымские сателлиты, а именно каффинцы и татары, поддерживали между собой приятельские отношения» (M. Małowist, *Kaffa...*, str. 275). См. также L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 294.

⁶¹ ПСРЛ, т. 8, стр. 151; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 241; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 319.

⁶² L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 324; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 254.

⁶³ ПСРЛ, т. 18, стр. 241.

⁶⁴ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 325; ПСРЛ, т. 18, стр. 224.

еще в 1466 г., сразу после смерти Хаджи-Гирея, результатом чего и явилось, вероятно, выступление хана Ахмата против Москвы в 1468 г.⁶⁵

Разумеется, вступивший на престол в 1468 г. новый крымский хан Менгли-Гирей⁶⁶ не мог оставаться простым свидетелем сближения Орды с Польско-Литовским государством. Крым был на стороне Польши тогда, когда против нее была Москва и ее формальный патрон — ордынский хан. Теперь, когда форма вассальных отношений между Москвой и Ордой уступила место открытой войне между ними, а Казимир устанавливал союз с Ахматом, Польша не могла уже рассчитывать на безоговорочную поддержку крымского хана, которого сильно беспокоил также факт распространения влияния Ягеллонов на Чехию (в 1471 г., как известно, чешским королем стал сын Казимира — Владислав)⁶⁷ и связанное с ним усиление Польши в Южной и Восточной Европе.

В этой обстановке Менгли-Гирей начинает менять реальный курс внешней политики. Сохраняя в начале 70-х годов видимость добрососедских отношений с Польско-Литовским государством⁶⁸, он одновременно стал устанавливать прямые контакты с правительством Ивана III. В 1471 г. крымский хан организовал большой поход на территорию Подолии и Волыни, который некоторые польские историки⁶⁹ склонны рассматривать как попытку не допустить дальнейшего усиления Ахмата и Казимира и затруднить их совместные действия на международной арене.

Это военное мероприятие было явным симптомом перемены внешнеполитического курса Крымского ханства, показателем его отхода от Польши и Литвы. Организованное же летом 1472 г. вторжение на московские территории войск хана Ахмата⁷⁰ только укрепило Менгли-Гирея в правильности избранной им линии. В дальнейшем внешняя политика крымского хана характеризовалась его постепенным сближением с Москвой, добивавшейся в это время решающего перевеса в борьбе с Литвой за «нейтральные» русские земли.

⁶⁵ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 324.

⁶⁶ В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование...*, т. I, стр. 95.

⁶⁷ J. Szujski, *Dzieje Polski*, t. II, Lwów, 1862, str. 106, 108; К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 99.

⁶⁸ В 1472 г. Менгли-Гирей выдал Казимиру ярлык на русские земли (L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 67, 256; М. С. Грушевський, *Історія України-Руси*, т. IV, стр. 458, 461).

⁶⁹ M. Malowist, *Kaffa...*, str. 284; J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 109.

⁷⁰ К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 100; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 325.

и соперничество римского престола с Константинополем
в Восточной Европе в 70—80-е годы

Главной причиной успеха объединительной политики московских князей в XV в. было то, что она опиралась на определенные экономические и классовые предпосылки, что процесс создания Русского централизованного государства в конечном счете отвечал интересам более эффективной обороны русских земель от угрозы со стороны внешних сил⁷¹. Наряду с этим на отдельных этапах развития русского общества XIV—XVI вв. действовали и второстепенные политические факторы, которые играли иногда довольно значительную роль.

Установление крымско-московского союза, получившего оформление в середине или конце 70-х годов⁷², оказалось одним из таких факторов, который во второй половине XV в. облегчил великому московскому князю Ивану III активное противодействие проiscaм хана Ахмата. Другой фактор был связан с расширением и укреплением в 1467—1469 гг. московского влияния на территориях Средней Волги⁷³, что позволило Ивану III использовать вятские отряды для нанесения отвлекающего удара по Орде летом 1471 г.⁷⁴

Главным противником Ивана III был Казимир, активизировавший натиск на Новгород, Псков, Тверь и Рязань. В борьбе с ним московскому государю предстояло не только внимательно наблюдать за развитием отношений польско-литовского правительства с определенными группировками господствующего класса этих русских земель, но также учитывать всю международную обстановку в Европе.

Как известно, Европа оказалась тогда перед угрозой дальнейшего наступления турок. После падения Константинополя

⁷¹ Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 112—115, 135; К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 59.

⁷² «Сборник императорского русского исторического общества», т. 41, СПб., 1893, № 1—3, стр. 1—13 (далее — «Сборник РИО»); К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 63—64, 103—104, 115—116, 149—150; А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 г.*, — «Записки Одесского общества истории и древностей», т. 5, 1863, стр. 183—185, 189—190; Г. Карпов, *История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462—1508*, М., 1867, стр. 105—111.

⁷³ К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 67—72.

⁷⁴ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 325; ПСРЛ, т. 4, стр. 133. — В 1471 г. был совершен поход к Сарай-Берке.

Мехмед II захватил важные территории Балканского полуострова и столкнулся уже непосредственно с Венгрией и Венецианской республикой (война продолжалась с 1463 по 1479 г.)⁷⁵.

В этих условиях, когда обозначились перспективы дальнейшего сужения сферы римского влияния в Южной Европе, апостольский престол стал добиваться создания антитурецкой коалиции. С таким предложением папа Павел II (1464—1471) обратился к ряду европейских дворов. В самой Италии в 1468 г. он провозгласил примирение между отдельными княжествами и государствами. Но большинство феодальных государств Западной и Юго-Восточной Европы не откликнулось на призыв римского папы⁷⁶. Что касалось польского короля, то он, занятый планами восточной экспансии, а также увлеченный надеждами на закрепление чешского и венгерского престолов за своими сыновьями, исключал даже мысль о присоединении Польши и Литвы к антитурецкой коалиции. В 60—70-х годах XV в. Казимир Ягеллончик рассматривался в ряде стран Западной Европы чуть ли не как союзник Турции⁷⁷.

Именно в это время в Риме созрел план привлечения к борьбе против Турции московского великого князя⁷⁸. Реализуя намеченный план, римская курия выступила в 1468 г. с проектом женитьбы Ивана III на дочери наследника византийского престола Софье Палеолог.

В историографии существует полемика по вопросу о том, кто был инициатором этого проекта. Пирлинг считает, что инициатива исходила от Москвы⁷⁹, Голубинский утверждает, будто первое предложение было сделано Римом, а именно папой Павлом II и кардиналом Виссарионом Никейским⁸⁰. Пока трудно решить окончательно этот спор, тем не менее скорее следует признать, что начал дело все же римский престол. Кажется вероятным, что, находясь в Москве, Иван III мог узнать о существовании столь выгодной партии в Италии от итальянца Ивана Фрязина (Джъян Вольпе) не без участия Ватика-

⁷⁵ N. Jorga, *Geschichte...*, Bd II, S. 3—38; И. С. Достян, *Борьба...*, стр. 15—16.

⁷⁶ L. Pastor, *Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters*, Bd II, Freiburg, 1904, S. 470—474.

⁷⁷ M. Małowist, *Kaffa...*, str. 175, 276; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 331.

⁷⁸ L. Pastor, *Geschichte...*, Bd II, S. 474—476; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 326; Пирлинг, *Россия и папский престол*, т. I, М., 1912, стр. 168—178 и сл.; К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 76—77.

⁷⁹ Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 71.

⁸⁰ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 542—543.

на⁸¹. Как бы то ни было, уже летом 1468 г. в Риме появились два итальянца, посланных из Москвы Вольпе. Видимо, они имели поручение сообщить о намерении Ивана III начать серьезные переговоры с римскими политиками⁸². По сообщению летописи, ответное посольство из Рима с конкретным предложением брака прибыло в Москву 11 февраля 1469 г. Тогда же из Москвы в Рим был направлен сам Вольпе, после того как вопрос был всесторонне рассмотрен и решен Иваном III: «Князь же великий внять си словеса сия в мысль, и подумав о сем с своим отцом митрополитом Филиппом и с матерью своею и с боярыи тоя же весны марта 20 послал Ивана Фрязина к папе Павлу и к тому гардиналу Висариону»⁸³. Дальнейшие переговоры привели к заключению брака в 1472 г.⁸⁴

Обе стороны, идя на осуществление проекта женитьбы московского князя на греческой царевне, преследовали реальные цели.

Что касается римского престола, то, разумеется, им руководили при этом и политические, и религиозные интересы. Римская дипломатия стремилась не только приостановить натиск османской Турции, но и поставить под контроль все православное население Восточной Европы. Речь шла, по-видимому, о попытке осуществления Флорентийской унии; не случайно проект женитьбы Ивана III на Софье разрабатывал активный участник Флорентийского собора — Виссарион Никейский, друг и последователь митрополита Исидора⁸⁵. Веро-

⁸¹ В построении Пирлингга есть явное противоречие: с одной стороны, он утверждает, что инициатива исходила от самого Ивана III, а с другой — подчеркивает, что «во всем этом сватовстве, с самого его начала, видно участие хитрого итальянца. Он является тайным руководителем этой затеи» (Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 174).

⁸² Там же, стр. 170.

⁸³ ПСРЛ, т. 12, стр. 120; т. 25, стр. 279.

⁸⁴ См. E. Winter, *Rußland und Papsttum*, T. I, Berlin, 1960, S. 176—178.

⁸⁵ Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 172; К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 73. — Виссарион Никейский (1403—1472), грек по происхождению, в 30-е годы XV в. перешел из православия в католичество, стал активным поборником идеи объединения западной и восточной церквей, играл видную роль в Ферраро-Флорентийском соборе 1439 г. После собора получил сан кардинала, выступал даже кандидатом на папский престол. Он стремился объединить планы распространения папской власти на Юго-Восточную Европу с проектами создания антитурецкой коалиции. В связи с этим проявлял большую заботу о семье Палеологов, наследников византийского престола. Именно ему, по-видимому, и принадлежит идея женитьбы Ивана III на «цареградской царевне» (Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 168, 172, 179; Б. Я. Рамм, *Папство и Русь в X—XV вв.*, М. — Л., 1959, стр. 228—233).

ятно, последний поделился не только общими впечатлениями о Руси, но и анализом ошибок, допущенных им во время пребывания на митрополичьей кафедре в 1436—1441 гг. Причину своих неудач Исидор видел, разумеется, не в том, что сама идея унии католичества с православием была нежизненной (нежизненность эта, по-видимому, обуславливалась и тем, что православие, несмотря на всю его косность, было тогда средством защиты национальных интересов Руси), а в неверной тактике — в игнорировании светской власти, слишком быстрым темпе введения унии и т. д. Учет этих ошибок Исидора требовал от Виссариона изменения тактических приемов при сохранении главной стратегической цели — подчинения православной Руси Ватикану. Если Исидор действовал по формуле — сначала уния, потом подчинение светской власти через униатскую церковь, то теперь эту формулу решено было перевернуть. Римский папа Павел II рассчитывал, что Софья Палеолог, став женой Ивана III, обеспечит не только подчинение князя Риму и участие Москвы в борьбе с Портой, но и в конечном счете добьется соединения русско-православной церкви с католической.

Несомненно, Ивану III были ясны цели Рима, но после зрелых размышлений он пришел к выводу, что чисто внешние уступки курии при сохранении в его руках контроля над всей политикой страны не только не грозят Москве, но и сулят ей определенные выгоды. К. В. Базилевич считал, что в данном случае московский князь преследовал главным образом задачи внутривластного характера, стремился при помощи женитьбы на наследнице византийского престола поднять авторитет великокняжеской власти в русских землях. «Причину благожелательного отношения Ивана III к браку с Софьей Палеолог следует искать не в области внешних, а внутренних отношений»⁸⁶, — писал он. С этим в известной мере нельзя не согласиться⁸⁷. Но вместе с тем нельзя игнорировать и другое положение, сформулированное К. В. Базилевым: «Каждый крупный успех в деле укрепления русского государственного единства вызывал активизацию враждебных ему *внут-*

⁸⁶ К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 77.

⁸⁷ При этом, однако, не следует упускать из виду, что пребывание в Москве «римлянки» Софьи Палеолог одновременно значительно осложняло внутривластную деятельность Ивана III. Достаточно вспомнить отношение летописи и ряда литературных памятников к Софье Фоминичне, а также борьбу, которая развернулась вокруг вопроса о наследнике престола между сторонниками кандидатуры Дмитрия (внука Ивана III) и приверженцами кандидатуры Василия (сына Ивана III от брака с Софьей) (см. ниже, стр. 222—227).

ренных и внешних сил (курсив мой. — И. Г.)»⁸⁸. Действительно, внутривнутриполитическая борьба на Руси в тот период очень тесно переплеталась с борьбой международной, и в связи с этим в женитьбе Ивана III на Софье Палеолог можно видеть проявление и каких-то внешнеполитических расчетов московского государя.

Для Ивана III было очевидно политическое сотрудничество хана Большой Орды Ахмата и антимосковской оппозиции в Новгороде, Пскове и Твери с Казимиром IV, который в 60-х годах выступал в качестве организующего, руководящего центра всех антимосковских сил. Великий князь хорошо знал также, что вдохновителем восточной политики правящих кругов Польши и Литвы, особенно после Флорентийского собора 1439 г., являлся сам римский папа. Ничем иным нельзя было объяснить создание униатской русской митрополии, которую с 1458 г. занимал Григорий. Поэтому в правящих кругах Москвы, видимо, и возникла идея расщепления общего фронта противников Русского государства, появился план использования Ватикана в качестве фактора, способного сдерживать на какое-то время внешнеполитическую активность Польши.

В литературе давно было обращено внимание на то обстоятельство, что в течение 70—80-х годов Казимир Ягеллончик вел весьма сдержанную восточную политику, не оказывая активной вооруженной помощи своим союзникам в Новгороде, Пскове, Твери и Большой Орде. Специально занимавшийся этим вопросом К. В. Базилевич, отмечая определенную пассивность восточной политики Казимира в 70—80-х годах, подчеркивал, что данный факт почти не поддается объяснению⁸⁹. Так же считали и польские историки Папе⁹⁰, Колянковский и другие, хотя и выдвигали по этому поводу ряд предположений. В частности, Колянковский, использовавший целую систему аргументов для решения этого вопроса, перечислил много важных факторов, оказавших влияние на политику Литвы⁹¹, но вынужден был все же признать, что они не играли

⁸⁸ К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 124.

⁸⁹ Там же, стр. 129.

⁹⁰ F. Papée, *Polska i Litwa na przełomie wieków średnich*, Kraków, 1903, str. 36, 46—47.

⁹¹ «Совершенно излишне устанавливать, — писал Колянковский, — было ли и в какой мере было самоустранение Казимира причиной абсентеизма Литвы в момент новгородской трагедии. Может быть, уже тогда начала оформляться в правящих литовских кругах программа, которая позднее станет завершённой литовскими политиками казимировской школы: если Иван захочет записать на себя Великий Новгород, то на Литву должны

решающей роли. Основная причина выявлена им в такой общей форме, что в равной мере может рассматриваться и как источник, и как следствие пассивности Литвы. Таким образом, вопрос этот нельзя считать в полной мере изученным как в польской, так и в русской историографии. Возможно, при его решении следует принять в расчет и состояние московско-римских и римско-польских отношений в это время.

Римский престол до определенного момента благоволил к польскому королю. Поддерживая грека-униата Григория на посту литовско-русского митрополита, римская курия по существу проводила в западнорусских землях одну политику с Казимиром⁹². Однако в конце 60-х годов римский папа Павел II изменил отношение к главе Польско-Литовского государства.

Причины этой перемены могли быть различными. Тогдашнее поведение Казимира в турецком, венгерском и чешском

быть записаны Инфлянты... Во всяком случае бурные киевские события, носившие характер внутреннего раскола и закончившиеся в 1471 г. назначением Мартина Гаштольда воеводой, грозные ввиду династических устремлений князя Михаила и его связей с Москвой беспорядки, опустошение и грабеж литовских территорий на инфлянтских границах, отсутствие помощи со стороны короны, отказавшей королю в кредитах на войско, наконец, совсем неожиданное вторжение на Литовскую и Коронную Русь Менгли-Гирея и ответная операция южнорусских отрядов вместе с волошским господаром Стефаном — все это важные, но не решающие причины пассивности Литвы в 1471 г. Несравненно более важные причины заключались в увлечении Казимира перспективами и проблемами, которые открывались перед его домом после смерти (22 марта 1471 г.) чешского короля Иржи. Возведение своего сына-первенца Владислава на чешский трон и дорогостоящая вооруженная борьба за венгерскую корону для младшего сына — вот заботы, которые отвлекали короля не только в течение почти всего 1471 г., но и в течение ряда последующих лет. Но и они не были полностью и исключительно определяющими поведение Литвы в те годы. Ключ ситуации лежал в трудно, правда, уловимом, но все же действительно существовавшем изменении соотношения государственных сил в Восточной Европе» (L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 313).

⁹² М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. V, Львів, 1905, стр. 406. — Это, в частности, проявилось в том, что римская дипломатия, прежде чем санкционировать в 1458 г. назначение Григория литовско-русским митрополитом, предложила находившемуся тогда в Италии Исидору отказаться от титула «митрополита всея Руси», хотя этот титул представлял Риму формальную возможность добиваться подчинения не части, а всей Руси (K. Chodynicki, *Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska (1370—1632)*, Warszawa, 1934, str. 60). Позже папа римский прислал Казимиру грамоту, в которой рекомендовал иметь дело только с Григорием, а московского митрополита Иону игнорировать, во всяком случае не допускать его появления на территории Литовской Руси (М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. V, стр. 407; Б. Я. Рамм, *Папство...*, стр. 243—244).

вопросах явно вызывало неодобрение Ватикана⁹³. Но едва ли не главной причиной, обусловившей переделом в римско-польских отношениях, следует считать достигнутое летом 1469 г. соглашение между Иваном III и римским папой Павлом II. По-видимому, посол московского великого князя Вольпе-Фрязин вел тогда в Риме переговоры не только о получении портрета Софьи Палеолог, но и об условиях той политической сделки, которой являлся намечавшийся брак⁹⁴. Есть основания думать, что именно тогда обсуждались такие тесно связанные между собой проблемы, как вопрос о возможности политического и церковного сближения Москвы с Римом, вопрос об ослаблении антимосковской активности Казимира в Восточной Европе, а возможно, также и вопрос о характере дальнейшей деятельности литовско-русского митрополита Григория.

То, что переговоры касались примерно такого круга проблем, подтверждается целым рядом прямых и косвенных свидетельств. Так, хорошо знакомый с ватиканскими архивами историк-иезуит Пирлинг отмечал, что во время переговоров Вольпе-Фрязин характеризовал «перед папою Русь как католическую страну», «изображал, как потомок Мономаха склоняет свою голову и колена перед престолом римского первосвященника», «говорил о чувствах любви и покорности, будто бы питаемых русскими по отношению к Ватикану. В довер-

⁹³ Павел II, а потом Сикст IV больше симпатизировали не Казимиру, королю Польши, переставшей в это время быть «верной дочерью» Рима (L. Pastor, *Geschichte...*, Bd II, S. 178, 336, 622; Б. Я. Рамм, *Панство...*, стр. 225), а венгерскому королю Матвею Корвину, который в соответствии с рекомендацией Ватикана вел борьбу в середине 60-х годов против турок, а также против чешского короля Иржи Подибрада. В развернувшейся позднее борьбе между Корвином и Казимиром за главенствующую роль в создании венгеро-чешско-польской унии римские папы, видимо, чаще поддерживали венгерского короля. В 1470 г. Павел II потребовал от Казимира порвать с Иржи Подибрадом и установить союз с Корвином (J. Dlugosz, *Dzieje Polski*, t. V, str. 505—506). Хотя в 1471 г. чешский престол и был занят польским королевичем Владиславом (*ibid.*, str. 518—522), тем не менее римская курия резко осуждала этот факт (*ibid.*, str. 636), называя Казимира «защитником еретиков», а самого Владислава «отщепенцем» (F. Parée, *Polska i Litwa...*, str. 188). Не случайно Владислав в 1479 г. вынужден был уступить Корвину Моравию, Силезию, а также подтвердить наследственные права венгерского короля на Чехию. Только в конце 80-х годов Рим официально признал Владислава чешским королем, а в 1490 г., после смерти Корвина, санкционировал занятие им венгерского престола.

⁹⁴ Сообщая о переговорах Фрязина в Риме, автор Московского свода конца XV в. также допускал, что тогда речь шла не только о женитьбе Ивана III. «Он же (Иван Фрязин. — И. Г.) дошел тамо до папы и царевну виде и с чемъ послал (московский князь. — И. Г.), то и к папе и к кардиналу Висариону изглагола» (ПСРЛ, т. 25, стр. 281).

шение всего он предложил Риму и Венеции союз с татарами против турок»⁹⁵. Не удивительно поэтому, что после переговоров Вольпе с Павлом II в Риме утвердилось мнение об Иване III как о стороннике церковной унии, как о государе, расположенном к римскому престолу⁹⁶. Пирлинг допускал возможность обсуждения московским послом и римским папой и других вопросов⁹⁷. О том, что в ходе переговоров речь шла также о состоянии римско-польских отношений, о восточной политике Казимира и дальнейшей судьбе митрополита Григория, свидетельствует весь ход политических событий 1469—1471 гг.

Не случайно именно в эти годы происходило заметное ухудшение отношений между апостольским престолом и польским двором⁹⁸, а политические контакты между Римом и Москвой становились более тесными⁹⁹. Характерно, что сближение Ватикана с Москвой осуществлялось через голову польского короля, а это означало, что оно непосредственно задевало интересы Польши¹⁰⁰. Представляется не случайным и то обстоя-

⁹⁵ Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 28—29, а также см. стр. 174—176, 191, 195.

⁹⁶ Интересно, что такая память о политике Ивана III сохранялась в Риме в течение долгого времени. «Легенда о католических симпатиях Ивана III, — писал Пирлинг, — пережила этого государя» (Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 307). Не случайно и представитель Польши в Риме в 1518 г., предлагая канонизировать Казимира, подчеркивал заслуги польского короля, якобы обеспечившего своей политикой возможность проявления симпатий Ивана III к Ватикану (там же, стр. 305—306).

⁹⁷ Там же, стр. 195; J. Szulski, *Dzieje...*, t. II, str. 111—114; J. Długosz, *Dzieje Polski*, t. V, str. 501, 506, 527.

⁹⁸ Не исключено, что антиримская позиция Яна Острогора была связана с политическими расхождениями Казимира с апостольским престолом

(M. i Z. Wojciechowski, *Polska Piastów — Polska Jagiellonów*, Poznań, 1946, str. 337—339). В своем сочинении «Monumenta pro Reipublicae ordinatione» (написанном, по предположению Лепшего, в 1474—1477 гг.) Ян Острогор выдвигал требование установления полной независимости Польши от папского престола, предлагал отказаться от посылки в Рим больших денежных сумм, настаивал на ликвидации положения, при котором «польский король оказывался как бы в оковах римского папы» («Historia Polski», t. I, cz. II, Warszawa, 1958, str. 167—168).

⁹⁹ Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 191, 195; ПСРЛ, т. 25, стр. 281, 286.

¹⁰⁰ Показательно, например, что путь Софьи Палеолог и сопровождавшей ее свиты проходил не через Вену, Краков, Вильно, а через Швейцарию, Нюрнберг, Любек, Балтийское море, Ревель, Псков (ПСРЛ, т. 25, стр. 298—299; т. 20, стр. 375). О политическом характере выбора подобного маршрута свидетельствовал не только аналогичный маршрут митрополита Исидора, проданный им в 1439 г. из Москвы во Флоренцию (как известно, Исидор, не желая появляться в Литовской Руси до провозглашения унии, поехал через Балтику и Германию), но и более поздние рекомендации, сделанные в 1523 г. Альберто Кампензе римскому папе Клименту VII. В известном письме к папе Кампензе подчеркивал, что в пе-

тельство, что польский король, деятельно готовившийся к вооруженной борьбе за чешскую корону¹⁰¹ и Новгород¹⁰², так и не смог создать сильных воинских контингентов¹⁰³. Одной из важнейших причин этой неудачи была позиция католической церкви в Польше¹⁰⁴, а также нежелание Ватикана содействовать созданию такой армии¹⁰⁵.

Весьма важным фактом для правильного понимания содержания московско-римских переговоров 1469 г. являются неожиданные «зигзаги» в поведении литовско-русского митрополита Григория, его возвращение в лоно православия и стремление занять пост митрополита всея Руси, став на путь сотрудничества с Иваном III¹⁰⁶. Разумеется, обращение Григория к греческому патриарху в 1470 г. с просьбой о «воссоединении к православию» не было проявлением раскаяния «заблудшего» иерарха; вряд ли можно думать, что Григорий, становясь на рискованный путь, действовал по собственной инициативе. Правильнее считать, что он имел санкцию римского престола, а также скрытое одобрение московской дипломатии.

Если учитывать наличие некоторых общих внешнеполитических установок Рима и Москвы в этот период, то придется признать, что обе эти инстанции были заинтересованы в перемене политической платформы Григория. Для римского престола превращение литовско-русского митрополита в реально-

еговорах с Москвой об унии необходимо объезжать Польшу как противницу сближения Москвы с Римом: «Василий (речь шла о Василии III. — И. Г.)... конечно бы согласился присоединиться к римской церкви, если бы тайные козни и хитрость польского короля не разрушили всего дела» («Библиотека иностранных писателей», т. I, стр. 38, 48 и др.; Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 247—248).

¹⁰¹ J. Długosz, *Dzieje Polski*, t. V, str. 493, 495, 522, 524; «Historia polityczna Polski», t. I, Warszawa — Kraków, 1920, str. 571—574.

¹⁰² В. Н. Бернадский, *Новгород...*, стр. 267.

¹⁰³ J. Długosz, *Dzieje Polski*, t. V, str. 511, 527—528.

¹⁰⁴ Ibid., str. 511.

¹⁰⁵ На такую позицию Ватикана, правда, для более позднего периода (1479 г.), указывал В. Н. Татищев (В. Н. Татищев, *История Российская*, т. V, М., 1848, стр. 79).

¹⁰⁶ Об этом шаге Григория сообщает грамота Ивана III, посланная осенью 1470 г. в Новгород [«Русская историческая библиотека», т. VI, СПб., 1880, № 100 (далее—РИБ)]. См. также: Макарий, *История русской церкви*, т. IX, СПб., 1879, стр. 37; Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 534; М. С. Грушевский, *Історія України-Русі*, т. V, стр. 408, 529—530; К. Chodupicki, *Kościół...*, str. 65. — Характерно, что Григорий добивался отправки из Константинополя в Москву и Новгород послов с предложением не только признать его митрополитом всея Руси, но и устранить московского митрополита Филиппа как незаконного и не признанного греческим патриархом.

го «митрополита всея Руси» было средством засылки в Москву своего агента под видом духовного наставника будущей правящей четы — Ивана III и Софьи Палеолог. Это давало Ватикану возможность повторить эксперимент Исидора на более надежной, как ему казалось, основе. При этом переход Григория в православие являлся, разумеется, лишь тактическим приемом, отнюдь не снимавшим планов последующего осуществления унии. Для московского правительства также было важно добиться перемены политической позиции Григория, который, находясь на посту литовско-русского митрополита, играл заметную роль в идеологическом обосновании восточной политики Казимира и на протяжении 60-х годов XV в. содействовал утверждению литовского влияния в Новгороде. Задача Ивана III состояла в том, чтобы перспективой предоставления этому иерарху поста митрополита всея Руси сковать его антимосковскую активность, заставить его хотя бы на время отказаться от политического и идеологического сотрудничества с главой Польско-Литовского государства. Московский князь добился своей цели, лишив Казимира поддержки Григория в решающий момент активной подготовки к осуществлению литовско-польских планов захвата Новгорода. Удовлетворенный таким результатом, Иван III не торопился превращать Григория в реального главу русской церкви, продолжая опираться на московского митрополита Филиппа.

Таким образом, важное значение московско-римских переговоров 1469 г. для развития отношений Московской Руси с Польско-Литовским государством представляется несомненным¹⁰⁷. Тактическое сближение Москвы с Римом принесло Московскому государству большие политические выгоды, улучшив международное положение Руси в целом. Разгадав замыслы римской курии, Иван III противопоставил им свой план политического использования брака с «римлянкой»¹⁰⁸ и искусно ведя дипломатическую игру, добился его осуществления.

¹⁰⁷ Тесная связь римско-московских переговоров с развитием отношений между Московским и Польско-Литовским государствами находит подтверждение и в том факте, что, судя по описи царского архива XVI в., материалы о переговорах Ивана III с Римом и материалы о переговорах с польским королем находились в одном ящике (№ 49) (см. «Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г.», М., 1960, стр. 24).

¹⁰⁸ Иллюстрацией того, как относился к подобным бракам Иван III, может служить судьба его собственных детей. В начале 1484 г. он женил своего сына Ивана на дочери молдавского господаря Стефана, а в 1495 г. выдал замуж дочь Елену за литовского князя Александра Казимировича (1492—1506) (ПСРЛ, т. 20, стр. 360—362). Поскольку ее приданым, по

Так политический и дипломатический опыт московского государства, его способность правильно и быстро ориентироваться в складывавшейся внутривосточной и международной обстановке сыграли важную роль на этом этапе соперничества между Великим княжеством Литовским и Московской Русью, приблизив неизбежный исход, предрешенный социально-экономическим и политическим развитием обоих феодальных государств.

* *

*

Роль дипломатического фактора, международных отношений необходимо учитывать и при анализе других важнейших событий той эпохи, в частности при рассмотрении бурных событий 1470—1471 гг. на Волхове, не только решивших судьбу Великого Новгорода, но и повлиявших на развитие отношений между Польско-Литовским государством и Московской Русью.

Уже отмечалось, что в польской исторической литературе было высказано положение, согласно которому причиной пассивности Казимира в годы присоединения Новгорода к Москве являлось невыгодное для Польско-Литовского государства общее соотношение сил в Восточной Европе¹⁰⁹. Это положение кажется не совсем правильным. Начавшееся в конце 60-х годов сближение Казимира с ханом Ахматом, сравнительно спокойные отношения с Крымом (Менгли-Гирей выдал ярлык Казимиру на русские земли еще в начале 60-х годов)¹¹⁰, приверженность части правящих верхов Новгорода к Литве и литовскому митрополиту Григорию обеспечивали бесспорный перевес сил на стороне польского короля. Этот перевес оставался на стороне Казимира и после первого похода в Новгород Ивана III (1471 г.). Если учитывать успех Ягеллонов в Чехии в 1471 г., крымские события 1475—1479 гг., которые не только развязали руки хану Ахмату, но и значительно укрепили его положение (в 1477—1478 гг. сын Ахмата — Джанибек был даже правителем Крыма)¹¹¹, а также факт вооруженного

московским представлениям, была вся Русь, входившая в состав Польши и Литвы (Г. Карпов, *История...*, стр. 5), княгиня Елена Ивановна своим пребыванием в Великом княжестве Литовском должна была, видимо, подчеркивать, что принятый в 1493 г. ее отцом новый титул «государя всея Руси» относится отнюдь не только к Московскому государству. Иначе говоря, Иван III, перейдя в 90-е годы в контрнаступление против Литовского княжества, широко использовал те же средства дипломатической борьбы, какие за пятнадцать-двадцать лет перед этим были пущены в ход римским престолом.

¹⁰⁹ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 313.

¹¹⁰ М. С. Грушевский, *Исторія України-Русі*, т. IV, стр. 458—461.

¹¹¹ М. Г. Сафаргалиев, *Распад...*, стр. 265—266.

выступления Ордена против Москвы в 70-х годах, то придется признать, что внешне расстановка сил в середине и в конце 70-х годов была выгодна для Казимира¹¹².

Между тем в политической жизни Восточной Европы зрели силы, которые не всегда выступали на поверхность, но за которыми было будущее. Успех политики Ивана III, видимо, и был обусловлен тем обстоятельством, что он опирался на эти скрытые пока тенденции развития Московской Руси, в конце концов обеспечившие ему торжество в соперничестве с могущественным Казимиром. Базой политики Ивана III было поднимавшееся Русское централизованное феодальное государство, в то время не знавшее еще национальных и религиозных противоречий. Ему противостояло также феодальное государство, но значительно менее централизованное, многонациональное, ослабляемое постоянной национально-религиозной борьбой.

Умелая и энергичная политика московского князя, несомненно, ускоряла закономерное становление Русского централизованного государства. Не обладая абсолютным перевесом сил над Польшей, Литвой и их союзниками (Большой Ордой, Орденом, частью новгородского боярства), Иван III все же сумел найти такой узкий участок общего фронта борьбы, победа на котором определила успех его политики в целом. Накануне решительных столкновений с Польско-Литовским государством великому князю московскому удалось выбить из рук польского короля его главное идеологическое оружие (в лице митрополита Григория)¹¹³. Результат этого сказался уже на ходе политической и церковной борьбы в Новгороде, происходившей зимой 1470/71 г.

Известно, что в 60-х годах XV в. в Новгороде оформилась группировка бояр во главе с Борецкими, готовая пойти на сое-

¹¹² «Осенью 1480 г. Иван III стоял, — писал К. В. Базилевич, — перед оформленной или неоформленной коалицией врагов: Ордена, действовавшего в союзе с немецкими городами... (Рига, Ревель, Дерпт), Казимира, имевшего возможность располагать польско-литовскими силами, и Ахмед-хана, поднявшегося со всей Большой Ордой. Тяжесть положения усугублялась мятежом двух братьев, т. е. опасностью внутренней феодальной войны» (К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 134). Колянковский сам приводит данные, которые противоречат его тезису о якобы невыгодной для Казимира расстановке сил в Восточной Европе в 60—70-х годах. Он подчеркивает материальное превосходство Литвы над Московским государством, указывая, что Московская Русь в то время располагала 84 городами, а Великое княжество Литовское (без Польши) имело 190 городов (L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 311).

¹¹³ Макарий, *История...*, т. IX, стр. 56—61; М. С. Грушевский, *История України-Русі*, т. V, стр. 529; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 345.

динении с Литвой¹¹⁴. В какой-то мере ей удавалось влиять и на новгородского епископа Иону, который лавировал между Москвой и Вильно¹¹⁵. Против этой пролитовской оппозиции в течение 60-х годов вели борьбу Иван III и митрополиты Феодосий (1461—1464) и Филипп (1464—1473). В 1470 г. эта борьба усилилась: Иван III и Филипп, сообщив новгородцам о переходе Григория в православие, в то же время предупредили их о том, что бывший униат продолжает оставаться иерархом, неприемлемым для русской церкви, и что трапезундский патриарх, принявший Григория в «лоно православия», поступил противозаконно¹¹⁶. В такой обстановке 5 ноября 1470 г. умер епископ Иона. Через три дня в Новгород приехал киевский князь Михаил Олелькович¹¹⁷ (по-видимому, в качестве политического эмиссара Казимира¹¹⁸) с большой свитой. Его приезд был расценен партией Борецких как сигнал к открытому выступлению против Москвы. На вечевых собраниях сторонники Борецких формулировали свою программу в следующих выражениях: «Не хотим за великого князя московского ни зватися отчиною его, но хотим за короля польского и великого князя литовского Казимера»¹¹⁹. В этот период, видимо, был обсужден и в какой-то форме принят известный договор между Новгородом и Казимиром¹²⁰. Тогда же шли разговоры о женитьбе Михаила Олельковича на Марфе Борецкой¹²¹.

¹¹⁴ См.: К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*; Л. В. Черепнин, *Образование...*; В. Н. Бернадский, *Новгород...*

¹¹⁵ K. Chodyński, *Kościół...*, str. 64. — Весьма показательной для понимания литовско-новгородских отношений этой поры является попытка псковских церковников выйти из-под опеки новгородского владыки и создать в Пскове отдельную епископскую кафедру, подчиненную непосредственно московскому митрополиту («Псковские летописи», вып. 1, М. — Л., 1941, стр. 70—71).

¹¹⁶ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 534, 536; Макарий, *История...*, т. IX, стр. 37—39; Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 371. — Тогда же было еще раз сформулировано положение о том, что греческое «ся уже православие изрушило» (РИБ, т. VI, № 100, стр. 711).

¹¹⁷ К. В. Базилевич считает, что князь Михаил был приглашен новгородцами значительно раньше, еще при жизни новгородского архиепископа Ионы (К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 94).

¹¹⁸ Такой вывод вытекает из прямых указаний Длугоша (J. Dlugosz, *Dzieje Polski*, t. V, str. 515), а также из свидетельств Псковской летописи (ПСРЛ, т. 4, стр. 235). Тем не менее К. В. Базилевич склонен считать, что князь Михаил прибыл в Новгород по своей инициативе (К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 91).

¹¹⁹ ПСРЛ, т. 25, стр. 284.

¹²⁰ Об этом см. в книге К. В. Базилевича и в статье А. А. Зимина («Проблемы источниковедения», т. V, М., 1956, стр. 324—326).

¹²¹ Там же, стр. 91.

Развернулась борьба, в которой принимали участие различные классы и группировки новгородского общества. Если «низы» новгородские выступали за соединение с Москвой, за подчинение московскому митрополиту Филиппу, то отдельные группировки боярства и купечества готовы были передаться литовскому князю, признав власть его политических и духовных наместников в Новгороде. Ставшая у власти партия Борецких направила весной 1471 г. к Казимиру посольство с обращением, которое как нельзя лучше раскрывало сущность происходивших тогда событий: «Вольный есмы люди Великий Новгород, бьем челом тебе, честному королю, что бы еси, государь, нашему Великому Новугороду и нам господин был. И архиепископа вели нам поставити *своему митрополиту Григорию* и князь нам дай из своее (курсив мой. — И. Г.) державы»¹²².

Это обращение было, видимо, послано тогда, когда обстановка в самом Новгороде складывалась явно не в пользу Борецких. Избранный новгородским епископом по жребию (из трех кандидатов) Феофил не оправдывал надежд пролитовской группы боярства: он не пожелал стать слепым орудием Борецких и обратился в Москву с просьбой утвердить его на посту архиепископа Новгорода и Пскова. Как сообщает Московский свод конца XV в., Иван III согласился это сделать, но с условием постоянного пребывания Новгорода в сфере влияния великого владимирского княжения¹²³. Такая перспектива мало устраивала новгородских приверженцев Казимира, решивших теперь стать на путь открытой борьбы против Ивана III. Однако они должны были считаться с настроением широких слоев новгородского населения, решительно выступавших против «латинского» митрополита Григория и всех его возможных ставленников в Новгороде. Когда Пимен, один из кандидатов на пост новгородского епископа, не вытянувший жребий, заявил открыто о своей готовности стать епископом «из руки» Григория, он был по существу подвергнут «остракизму» всеми новгородцами¹²⁴.

Таким образом ощущалось отсутствие религиозно-политической базы во всех начинаниях казимировского наместника Михаила Олельковича и его союзников — новгородских бояр Борецких. Этим обстоятельством и воспользовался Иван III.

¹²² ПСРЛ, т. 21, стр. 285.

¹²³ ПСРЛ, т. 25, стр. 284.

¹²⁴ Псковская летопись сообщает под 1471 г.: «Великий Новгород ключника владычя Пимина великим, сильным избежествовав безчестием, на крепости издержав, самого измучив и казну всю у него разграбили и кончье самого на 1000 рублей продали» (ПСРЛ, т. 4, стр. 236).

Митрополит всея Руси Филипп посылал в Новгород одну грамоту за другой против «латинствующих» приверженцев Казимира¹²⁵. Грамота от 22 марта 1471 г. была прямо направлена против Григория и сил, стоявших за ним на Волхове. Она осуждала «молодых и несмышленных» сторонников Григория в Новгородской земле, «которые собираются на сходбища и поостраются на многие стремления и на великое земли неустроение, хотя ввести мятеж и великий раскол в святой церкви»¹²⁶. Грамота обращалась к «старым» и «опытным» людям, «твердым в православии», с просьбой вразумить молодых людей и обуздать «лихомыслящих».

Вероятно, такого рода документы производили определенное впечатление на набожных новгородцев, поскольку они исходили от единственного тогда «подлинно православного» митрополита всея Руси и стоявшего за ним великого князя московского. Если попытка Пимена провозгласить себя союзником Григория повлекла за собой его «посрамление» и арест, то умно составленные воззвания Филиппа, в которых бояре, выступавшие за Литву, открыто назывались отступниками от православия, приводили, видимо, к постепенной изоляции группировки Борецких. Во всяком случае уже в марте 1471 г. политическое положение в Новгороде было таким, что наместник Казимира — киевский князь Михаил Олелькович предпочел уехать¹²⁷.

В историографии имеется несколько попыток объяснить отъезд Михаила Олельковича из Новгорода, связав его и с последовавшей в ноябре 1470 г. смертью его брата Семёна, и с политическими расхождениями Михаила с королем¹²⁸. Представляется, что Михаил Олелькович, так же как и его тогдашний патрон Казимир, понял уже в марте 1471 г., что без идеологической поддержки Григория и военной помощи польско-литовских войск сделать что-либо в Новгороде невозможно. Разница состояла лишь в том, что Казимир, видя провал своих замыслов, пытался найти новые средства их осуществления, а Михаил Олелькович, наблюдая непосредственно за ходом напряженной борьбы в Новгороде между «пролитовскими» и «промосковскими» силами и предвидя полное поражение Казимира в Северо-Западной Руси, решил

¹²⁵ Макарий, *История...*, т. IX, стр. 39.

¹²⁶ Там же, стр. 37—40; Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 537; «Акты исторические, изданные А. И. Тургеневым», т. I, СПб., 1842, № 181.

¹²⁷ К. В. Базилиевич, *Внешняя политика...*, стр. 95.

¹²⁸ Там же; «Очерки истории СССР. IX—XV вв.», ч. II, М., 1953, стр. 273.

заранее удалиться в Поднепровье. Поэтому, если приезд Михаила Олельковича в Новгород был в полной мере согласован с польским королем, то отъезд киевского князя, по-видимому, был непосредственным проявлением его собственной инициативы.

Возможно, это было не столько бегство политического эмиссара Казимира, понявшего бесперспективность продолжения борьбы, сколько маневр искушенного политического деятеля, решившего начать новую карьеру, делая ставку на новые внешнеполитические ориентиры. Недаром «неожиданный» отъезд Михаила Олельковича из Новгорода весьма напоминал столь же «неожиданный» переход униатского митрополита Григория в православие. Оба эти события обнаруживали значительную внешнеполитическую активность московского правительства. Не исключено, что последнее, используя присутствие своих наместников в Новгороде, установило какие-то деловые контакты с киевским князем, родственником Ивана III. Такое предположение кажется правдоподобным, если учесть, что, находясь в Новгороде, Михаил проявлял «либерализм» по отношению к новгородским сторонникам общерусского единства, а также к прямым представителям московских властей в Новгородской земле. Показательно, что в Московском своде конца XV в., весьма враждебном по отношению к «латинствующим» Казимиру и Григорию, фигура их формального союзника Михаила Олельковича охарактеризована в довольно дружелюбных тонах: «Новгородцы же приаша его (Михаила.— И. Г.) честне»¹²⁹. Типографская летопись также отделяет «латинян» Казимира и Григория от православного князя Михаила, подчеркивая, что «праша его новгородцы с великой честию»¹³⁰. Обе летописи отмечают и факт оставления киевским князем московских должностных лиц в Новгородской земле: «наместников же князя великого не сослаша с Городища»¹³¹, «а князю Васильно, тогда у них, Шуйскому, живушу, и даша ему заволоскую землю»¹³².

Если принять во внимание эти намеки летописей на особый характер деятельности киевского князя в Новгороде, то сравнительно легко объяснить и его неожиданное удаление с берегов Волхова в середине марта 1471 г.¹³³, и немедленную

¹²⁹ ПСРЛ, т. 25, стр. 285.

¹³⁰ ПСРЛ, т. 24, Пг., 1921, стр. 188.

¹³¹ ПСРЛ, т. 25, стр. 284.

¹³² ПСРЛ, т. 24, стр. 189.

¹³³ К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 96—97.

опалу после его самовольного возвращения в Киевское Поднепровье¹³⁴.

Таким образом, великий князь московский, по-видимому, выступил здесь еще раз как искусный дипломат, способный своевременно устранить с пути препятствия. Вместе с тем в новгородских событиях он предстал и как умелый и энергичный военачальник, сумевший нанести военное поражение противникам. Уже в декабре 1470 г. в Пскове появился московский посол, чтобы поднять псковичей на «пролитовски» настроенных бояр Новгорода¹³⁵. Одновременно Иван III готовил две большие армии — для наступления непосредственно на Новгород и для операций на северо-восточных новгородских землях. В мае 1471 г. подготовка к вооруженной борьбе, видимо, была завершена, в июне одна колонна московских войск двинулась к берегам Ильменя, другая — по направлению к двинским владениям новгородцев. Решающее сражение произошло 14 июля 1471 г. на р. Шелони, где насупех собранные силы новгородцев были разгромлены наголову. На Двине новгородское войско также потерпело поражение (27 июля 1471 г.). Характерно, что отряд новгородского епископа не получил указания биться с московской армией.

После военного разгрома последовала политическая капитуляция: лидеры «пролитовской» группировки были взяты в плен и казнены (24 июля), а сам Новгород резко изменил курс внешней политики, заключив с Иваном III в Коростыни известное соглашение, главными положениями которого были полный разрыв с Казимиром и обещание оставаться «неотступно» при московском великом князе, отказ от приглашения литовских князей в Новгород и на «пригороды» и обязательство ставить новгородских епископов только в Москве¹³⁶.

Таким образом, хотя Казимир в 1469—1471 гг. обладал определенным перевесом сил в соперничестве с Московским

¹³⁴ J. Długosz, *Dzieje Polski*, t. V, str. 515. — Вся последующая деятельность киевского князя подтверждает такую трактовку. Ведь именно он стал объектом нападков со стороны Казимира уже летом 1471 г., когда был лишен своего Киевского княжества, именно он явился душой заговора князей 1481 г. и усобиц 1480 г. в Великом княжестве Литовском, заставивших Казимира бояться повторения новгородских событий на территории Киевского Поднепровья. Не случайно в 1481 г. пошел на эшафот не только сам Михаил Олелькович, но и многие из тех, кто сопровождал его в Новгород, в частности князь Ольшанский (F. Papée, *Polska i Litwa...*, str. 66—82).

¹³⁵ К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 95.

¹³⁶ Л. В. Черепинин, *Русские феодальные архивы*, т. I, М., 1948, стр. 369—372; В. Н. Бернадский, *Новгород...*, стр. 282—283.

государством, борьба была им проиграна. Это произошло не только потому, что Великий Новгород — основной объект борьбы того периода — тяготел в силу общих закономерностей исторического развития феодальной Руси к основному центру объединения русских земель, но и потому, что Иван III сумел осуществить более тщательную подготовку к решительному столкновению с польским королем и литовским князем на Волхове.

Добившись успеха в тяжелой борьбе, Иван III сразу постарался закрепить его путем установления еще более тесного сотрудничества со своими прежними союзниками — Крымским ханством и римским престолом.

Что касалось политического сближения с Римом, то оно проявилось в реализации соглашения, достигнутого еще весной 1469 г. В самом начале 1472 г. Иван III принял решение форсировать заключение брака с «римлянкой» Софьей Палеолог. «Тое же зимы, — сообщает Московский свод конца XV в. под 1472 г., — князь велики обмыслив с отцом своимъ митрополитомъ и с матерью своею великою княгинею Марьею и з братиею и з боары своими и послаша Фрязина в Римъ по царевну Софью генваря 16 съ грамотами и посольством к папе, да и к кардиналу Висариону»¹³⁷.

В источниках сохранилось много сведений не только о второй поездке Фрязина в Рим, но также о приезде в Московскую Русь самой «римлянки», о торжественном бракосочетании Ивана III и Софьи Палеолог. Эти события хорошо освещены и в историографии¹³⁸. До сих пор, однако, не уделялось достаточного внимания некоторым сопровождавшим их обстоятельствам, представляющим весьма характерными. Речь идет о резком усилении в Москве «антилатинской» пропаганды, с одной стороны, а с другой — о попытках якобы неофициальными документами «пролатинского» характера подкрепить официальную миссию Вольпе-Фрязина в Риме.

Первая тенденция явственно проглядывает в Московском великокняжеском своде 1472 г.¹³⁹, где выпады против «латинян» сопровождаются восхвалением «истинного» православия Московской Руси¹⁴⁰. Характерно и появление в эти годы «антилатинского» публицистического произведения «Словеса

¹³⁷ ПСРЛ, т. 25, стр. 293.

¹³⁸ Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 196—209; ПСРЛ, т. 25, стр. 293, 296, 298—300.

¹³⁹ М. Д. Приселков, *История русского летописания XI—XV вв.*, Л., 1940, стр. 173—176.

¹⁴⁰ ПСРЛ, т. 25, стр. 281, 287, 295.

избранные»¹⁴¹, а также попытка тогдашних московских идеологов изобразить Софью Палеолог, прибывшую из Рима с одобрения папы Сикста IV и кардинала Виссариона, в качестве активной противницы «латинской» веры и борца против римской церкви¹⁴².

Эта тенденция усиления «антилатинской» пропаганды была связана с тем обстоятельством, что вся идеологическая и внутривнутриполитическая жизнь Московской Руси строилась на противопоставлении православия «латинству». Однако, продолжая сотрудничать с Римом на международной арене, поддерживая с Ватиканом те отношения, которые установились еще в 1469 г., московское правительство одновременно должно было заботиться и о том, чтобы смазать в глазах римских политиков значение «антилатинских» выступлений, создать в апостольской столице впечатление наличия в русской церкви двух борющихся между собой направлений — «православного» и «проримского». Попыткой реализовать эту цель, возможно, явилось создание особого документа, известного под названием «Послание папе Сиксту от российских славян, живущих в северной стране»¹⁴³.

В исторической литературе высказан взгляд на это «Послание» как на документ действительно неофициального происхождения, что вытекает будто бы из факта «существования среди какой-то группы русских церковников (может быть, в Новгороде, в кругах „литовской партии“) униатских настроений»¹⁴⁴. Такой взгляд опирается на один из тезисов «Послания»: «несть бо разнствия о Христе греком и римлянам и нам сущим российским славяном, вси едино тоже суть»¹⁴⁵. Тем не менее представляется, что «Послание российских славян» было скорее документом, подготовленным самой княжеской канцелярией, а не какой-либо организованной группой «русских униатов».

Во-первых, бросается в глаза то обстоятельство, что основная идея документа, имевшего якобы неофициальное происхождение, совпадает с одним из главных направлений официальной внешней политики Ивана III, добивавшегося,

¹⁴¹ ПСРЛ, т. 4, стр. 498—503.

¹⁴² ПСРЛ, т. 25, стр. 281.

¹⁴³ Этот памятник находится в одном из церковных сборников начала XVI в. (Государственный Исторический музей, отдел рукописей, Синодальное собрание, № 700). В данном случае используется текст, приводимый в кн.: Н. А. Казакова, Я. С. Лурье, *Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI вв.*, М. — Л., 1955.

¹⁴⁴ Там же, стр. 235.

¹⁴⁵ Там же.

как известно, установления взаимопонимания с Римом. Вторых, нет сколько-нибудь определенных сведений о наличии организованной группы русского духовенства, всерьез интересовавшейся тогда подчинением русской церкви непосредственно римскому престолу. В сущности сам переход литовско-русского митрополита Григория из унии в православие был в какой-то мере подготовлен чрезвычайными трудностями его униатской миссии на территории Литовской Руси, а также и Великого Новгорода, обусловлен неудачей его соперничества как униата с московским митрополитом всея Руси¹⁴⁶. Правда, позиция новгородских приверженцев Литвы, в частности Борецких, характеризовалась как активно «проримская» целым рядом русских летописей, так или иначе связанных с Московским сводом конца XV в.¹⁴⁷ Однако такая трактовка определялась не столько действительным «латинством» Борецких, сколько своеобразием тактики Ивана III: упрекая новгородских сторонников Литвы в «латинстве», московский государь не только содействовал еще большей их изоляции в Новгороде, но и в известной мере маскировал собственные контакты с римским престолом, придавая им исключительно политический, а не церковный характер. Справедливость такого мнения подтверждают высказывания Борецких, сохранившиеся в актовых материалах того времени и свидетельствующие о том, что они сами считали себя чуть ли не ортодоксами православия¹⁴⁸.

Предположение о том, что «Послание российских славян» составлено какими-то тайными униатами русского происхождения, кажется неправдоподобным и в связи с самим характером памятника. Термин «российские славяне» вряд ли широко бытовал среди тогдашнего русского общества и духовенства; жители Москвы, Новгорода и других центров русской земли в XV в. не могли думать о себе как о «российских славянах», живущих «в северной стране». Так думать о Руси мог только иностранец, выросший где-то на европейском юге,

¹⁴⁶ М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. V, стр. 408; K. Chodunicki, *Kościół...*, str. 64—65.

¹⁴⁷ Д. С. Лихачев, *Русские летописи*, М. — Л., 1947, стр. 469—470; ПСРЛ, т. 25, стр. 284, 287; т. 24, стр. 188; т. 4, стр. 498—513.

¹⁴⁸ В известном «докончальном» договоре с Казимиром 1471 г. Борецкие выдвигали такие условия: «А у нас тебе, честны король, веры греческие православные иашие не отонати», князь-наместник в Новгороде должен был быть «от нашей веры от греческой, от православного крестьянства», «а римских церквей тебе, честный король, в Великом Новгороде не ставити, ни по пригородам новгородским, ни по всей земле новгородской» («Грамоты Великого Новгорода и Пскова», М. — Л., 1949, № 77, стр. 130—132).

но в то же время хорошо знакомый с политической и этнической картой Северо-Восточной Европы. Следовательно, сама терминология «Послания» заставляет предполагать, что в составлении его принимал участие человек южного происхождения, находившийся на московской службе. Таким московским дипломатом мог быть как раз Вольпе-Фрязин, несколько раз ездивший в Рим с политическими установками Ивана III, совпадающими с содержанием памятника¹⁴⁹. Если признать эту гипотезу реальной, то своеобразие и тонкость дипломатии московского князя становятся еще более очевидными.

Московско-римские переговоры 1472 г., так же как и факт женитьбы Ивана III на Софье Палеолог, несомненно, имели важное значение. Но отношения с Римом были не единственной сферой тогдашней дипломатической активности московского правительства. Сталкиваясь с фактом быстрого сближения польского короля Казимира с правителем Большой Орды ханом Ахматом, Иван III стал настойчиво добиваться установления политических контактов с Крымом.

Первые шаги в этом направлении были сделаны в 1472—1473 гг. с помощью некоего кафинца Хозю Кокоса, связанного как с манкупским князем, так и с Менгли-Гиреем. Последний немедленно поддержал инициативу Ивана III и в 1473 г. прислал в Москву посла Ази-Бабу. Тогда же было заключено предварительное соглашение, в силу которого крымский хан и московский государь должны были находиться в «братской дружбе и любви, против недругов стоять за одно»¹⁵⁰. Вслед за этими переговорами последовали другие: 31 марта 1474 г. из Москвы в Крым был направлен посол Никита Беклемишев¹⁵¹ с просьбой утвердить соглашение с Ази-Бабой, а также расширить сферу московско-крымского сотрудничества, имея в виду совместную борьбу против хана Ахмата и польского короля. Правда, глава Крымского ханства тогда еще не согласился включить Казимира в число «вопчих» врагов, но контакты с Москвой продолжал под-

¹⁴⁹ Вполне вероятно, что документ именно такого содержания мог фигурировать в переговорах Ивана Фрязина с римскими политиками в 1472 г. «Того же лета месяца маа в 23 день, — сообщается в Московском своде под 1472 г., — Иван Фрязин прииде в Рим к лапе Систюсю и къ гардиналу Висариону и бысть честь велика Ивану Фрязину и сущим с ним от папы и от царевичев Фоминых детей, Андрея и Мануила и дары велики и были тамо 30 дней и два» (ПСРЛ, т. 25, стр. 296).

¹⁵⁰ «Сборник РИО», т. 41, стр. 5—8; А. Малиновский, *Историческое...*, стр. 184.

¹⁵¹ К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 103—104; А. Малиновский, *Историческое...*, стр. 185.

держивать. В ноябре 1474 г. Беклемишев вернулся в Москву в сопровождении татарского посла Довлетек-мурзы¹⁵², который в марте 1475 г. был отпущен в Крым вместе с московским дипломатом Алексеем Старковым¹⁵³. Новое посольство имело инструкции добиваться заключения военного союза с Менгли-Гиреем, а также вступить в переговоры с манкупским князем Исааком¹⁵⁴. Однако миссия Старкова оказалась неудачной. Она была прервана важными для дальнейшей истории Крыма событиями¹⁵⁵.

Свержение Менгли-Гирея и пребывание на крымском престоле сына хана Ахмата — Джанибека в 1476—1478 гг. серьезно изменили международную обстановку. Удельный вес Большой Орды в системе государств Восточной Европы настолько увеличился, что Иван III счел нужным создать видимость восстановления былой зависимости Руси от ордынской власти. Эта зависимость была оформлена соответствующими переговорами московской и ордынской дипломатии, а также предоставлением московскому князю в 1476 г. специального ярлыка¹⁵⁶.

Результатом кратковременного московско-ордынского сближения было не только некоторое ослабление контактов Ахмата с польским королем, но и создание благоприятных условий для активизации политики Ивана III на западных рубежах его государства, что было особенно важно в тот период, когда Казимир готовился перейти к наступательным действиям на востоке, в частности на Волхове. Именно в это время не без поддержки польско-литовской дипломатии в «пролитовских» кругах новгородского боярства стали возрождаться планы объединения Новгорода с Литвой. Так, уже во время пребывания Ивана III в Новгороде зимой 1475/76 г. (во время так называемого «Городищенского сидения») были арестованы четыре видных деятеля «литовской партии»,

¹⁵² А. Малиновский, *Историческое...*, стр. 187.

¹⁵³ «Сборник РИО», т. 41, стр. 9—13.

¹⁵⁴ При переговорах с Беклемишевым Исаак предложил выдать свою дочь замуж за наследника московского престола Ивана Ивановича.

¹⁵⁵ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 273—274; М. С. Грушевский, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 320—324.

¹⁵⁶ К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 113—114; М. Г. Сафаргалиев, *Распад...*, стр. 265—266. — Декларируя свою зависимость от Орды, Иван III не только обещал собрать большой «выход» хану Ахмату, но, вероятно, дал заверения относительно передачи татарам касимовского царевича Данияра и сохранения каких-то традиционных символов подчинения Руси Орде («Батыево знамение»). Добившись этими уступками примирения с Ахматом, Иван III в дальнейшем, видимо, уклонился от выполнения взятых на себя обязательств (К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 118—123, 164—166).

которых обвиняли в том, что они «мыслили датися за короля»¹⁵⁷. В дальнейшем антимосковская активность «литовской партии» продолжала нарастать¹⁵⁸.

В этих условиях Иван III, укрепив свои позиции на юго-востоке соглашением с Ахматом, счел необходимым принять превентивные меры в отношении новгородских приверженцев Казимира. Видимо, с одобрения великого князя новгородские бояре московской ориентации направили к Ивану посольство с просьбой форсировать политическое сближение Новгорода с Московским государством. Пребывание новгородских послов при дворе великого князя, вероятно, и явилось тем поводом, которым воспользовались приверженцы Литвы для открытого выступления против Ивана III и осуществлявшейся им политики общерусского единства. Апелляция Борецких и их сторонников к вечу, казнь вернувшихся из Москвы новгородских послов, настойчивые попытки передачи Новгорода Казимиру — все это заставило московского князя действовать весьма решительно. Осенью 1477 г. к Новгороду с разных сторон были направлены московские войска, а также тверские и псковские отряды. Стянутые к Волхову армии Ивана III простояли здесь до февраля 1478 г., воздерживаясь от военных действий большого масштаба. В сущности война как средство достижения определенных политических целей в данном случае была излишней. «Пролитовская» группировка новгородского боярства оказалась теперь в еще большей внутривполитической и международной изоляции, чем в 1471 г. Казимир опять не пришел на помощь своим приверженцам в Новгороде. В результате Ивану III сравнительно легко удалось одержать «мирную» победу над противником, лишить боярский Новгород его автономии, парализовать деятельность веча, увезти знаменитый колокол в Москву¹⁵⁹.

Но, проиграв схватку с Иваном III на Волхове, Казимир отнюдь не думал складывать оружие. После того как Турция подчинила себе Крым зимой 1478/79 г., изгнав при этом Джанибека и посадив на крымский престол Менгли-Гирея, польский король стал быстро восстанавливать отношения с ханом

¹⁵⁷ В. Н. Бернадский, *Новгород...*, стр. 296.

¹⁵⁸ В. Н. Татищев располагал сведениями о том, что «новгородцы, забывше свое крестное целование, мнози начаша тайне колебаться, и королем лямким и князем литовским съсылатися, зовуще его с воинствы в землю новгородскую, и король обещал итти к Новгороду, а к хану Большой орды после звати на великого князя» (В. Н. Татищев, *История Российской*, т. V, стр. 79).

¹⁵⁹ В. Н. Бернадский, *Новгород...*, стр. 303—307.

Ахматом, а вместе с тем попытался использовать политический конфликт, возникший в правящих кругах Московской Руси, в частности выступление против Ивана III его братьев — Бориса и Андрея Большого. Установившееся в 1479—1480 гг. политическое сотрудничество между Ахматом, Казимиром и князьями московского правящего дома, факт которого был очевиден для летописцев-современников¹⁶⁰, поставило Северо-Восточную Русь перед угрозой новой феодальной войны. Знаменитый поход хана Ахмата на Угру был совершен при активном содействии как Казимира, так и братьев Ивана: «Того же лета, — записано в Московском своде конца XV в. под 1480 г., — злоименитый царь Ахмат Большая Орды по совету братьи великого князя, князя Андрея и князя Бориса, поиде на православное христианство, на Русь... похваляся разорити святыя церкви и все православие пленити и самого великого князя, яко же при Батые бяше»¹⁶¹.

В этой обстановке Москва постаралась ускорить сближение с Крымом, начавшееся еще в первый период правления Менгли-Гирея. Переговоры между Русью и Крымским ханством возобновились в Москве (1479 г.) и Бахчисарае (1480 г.), причем вопрос о военном союзе приобрел в это время еще большую актуальность¹⁶², чем в 1473—1475 гг. Не случайно договор, заключенный московским послом Звенцом в Крыму в 1480 г., носил оборонительно-наступательный характер по отношению к Казимиру и оборонительный по отношению к Ахмату¹⁶³. Связи между Крымом и Москвой становились настолько тесными, что Менгли-Гирей не возражал против пребывания на московской территории бывшего правителя Крыма Джанибека и даже просил перевезти из Литвы в Москву двух своих политических конкурентов — братьев Нур-Девлета

¹⁶⁰ «А слышав, что братия (князья Борис и Андрей.— И. Г.) отступиша от великого князя, — сообщает в Московском своде конца XV в., — король польской Казимер с царем Ахматом съединися, а послы царевы у короля беша и съвет учиниша приити на великого князя, царю от себя подем, а королю от себя» (ПСРЛ, т. 25, стр. 327).

¹⁶¹ Там же. — Подтверждением тогдашней ориентации «крамольных» князей на Казимира и Ахмата может служить маршрут бегства этих князей (из Углича они направились через Ржев на Великие Луки, откуда легко было перебраться и в Литву), их прямое обращение за помощью к польскому королю (К. В. Базилович, *Внешняя политика...*, стр. 124), а также попытка самого Ивана III вернуть братьев предоставлением им таких городов, которые граничили с Ордой (Алексин) и Литвой (Калуга). Отдавая эти города, Иван III рассчитывал, видимо, посорить Бориса и Андрея с Казимиром и Ахматом.

¹⁶² А. Маллиновский, *Историческое...*, стр. 189—190.

¹⁶³ «Сборник РИО», т. 41, стр. 17—24; Г. Карпов, *История...*, стр. 109—112.

и Айдар¹⁶⁴, рассчитывая в дальнейшем переправить их в Крым¹⁶⁵.

Таким образом, та тенденция развития крымской политики, которая была намечена в 1471 г. походом Менгли-Гирея на территорию Литовской Руси и давала себя знать во время московско-крымских переговоров 1473—1475 гг., тенденция, в силу ряда внешних обстоятельств «замороженная» в 1475—1478 гг., снова явно обозначилась. В октябре 1480 г. Менгли-Гирей организовал новый поход на литовско-русские земли¹⁶⁶, который оказался теснейшим образом связанным с борьбой Ивана III против Ахмата и Казимира.

* *
*

Имея четкую информацию о сотрудничестве ордынского хана с польским королем, великий князь московский старался создать равноценный противовес этой коалиции. Он продолжал поддерживать отношения с Римом, добился установления союза с Крымом. Но была еще одна область дипломатической деятельности Ивана III, непосредственно связанная с продолжением той политики, которая дала себя знать уже в новгородских событиях 1470—1471 гг. Закономерная тенденция становления Русского централизованного государства после присоединения Новгорода выдвигала задачу присоединения древнерусского Поднепровья¹⁶⁷. Иван III хотел превратить номинальный тогда уже титул «митрополита киевского и всея Руси» в реальный, уподобив этому церковному титулу и титул главы светской власти. Такой шаг был им сделан, как известно, только в 1492 г., когда он стал называться «государем всея Руси»¹⁶⁸.

Поскольку задача присоединения Киева в 1480—1481 гг. оказалась нереализованной, а подготовка к ее реализации

¹⁶⁴ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 340, 375.

¹⁶⁵ В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование...*, т. I, стр. 143.

¹⁶⁶ ПСРЛ, т. 25, стр. 328. — Под 1480 г. в летописи имеется такая запись: «Тогда бо воева Минли Гирей царь Крымский королеву землю Подольскую, служа великому князю» (ПСРЛ, т. 20, стр. 349).

¹⁶⁷ Весьма характерно, что, по словам Колянковского, такая же задача стояла перед Казимиром в 60-е годы, когда он с помощью митрополита Григория надеялся присоединить Новгород к Киеву под верховенством Великого княжества Литовского (L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 344).

¹⁶⁸ Ibid., str. 347. — Интересно, что ростовский епископ Вассиан в своем послании к Ивану III на Угрю в 1480 г. прямо писал: «...преславному государю великому князю (здесь и далее курсив мой. — И. Г.) Ивану Васильевичу всея Руси» (ПСРЛ, т. 20, стр. 339). В другом месте он называл Ивана III «великим русских стран христианским царем» (там же, стр. 343).

осуществлялась втайне, источники сохранили мало сведений об этих замыслах Ивана III и киевских князей Олельковичей. Тем не менее факт существования подобных планов как в Москве, так и в Киеве не вызывает сомнения. Отъезд из Новгорода Михаила Олельковича в марте 1471 г. дорого стоил казимировскому наместнику: он был лишен Киевского княжества, получив в удел мало значивший в то время Слуцк. В Киев был посажен в качестве наместника Мартин Гаштольд¹⁶⁹. Резкая перемена в положении князя Михаила не могла, разумеется, не усилить его контактов с московским правительством, которые были установлены, по-видимому, еще в Новгороде в 1471 г. Среди обиженных Казимиром оказались и другие русские князья, в частности Ольшанские, которые также были в Новгороде¹⁷⁰. Недовольство политикой Казимира росло в кругах русско-украинских феодалов Поднепровья.

Становясь на путь разрыва с Казимиром и сближения с Московской Русью, Михаил Олелькович, Иван Ольшанский и другие князья не могли не учитывать «опыта» новгородских событий 1470—1471 гг., когда, выступая в качестве наместников литовского князя в Новгородской земле, они по существу оказались изолированными, противопоставленными массе новгородцев. Поэтому в Поднепровье они действовали в качестве киевско-русских князей, опираясь на стремление широких слоев местного населения оградить себя от натиска польских феодалов и католической церкви. Базой заговора Олельковичей и Ольшанских являлись, по-видимому, и определенные круги местных феодалов, у которых в это время окончательно исчезли старые иллюзии о создании Литовско-Русского государства, существовавшие в эпоху Ольгерда и Витовта. В условиях интенсивного наступления польской шляхты и католической церкви для феодалов русско-украинского происхождения оставалось два пути: путь ополячивания и окатоличивания и путь ориентации на поднимавшееся Русское централизованное государство с его программой собирания русских земель, поддержанной московскими митрополитами всея Руси. Ориентация на Москву в этих условиях была настолько обычным явлением среди местных феодалов¹⁷¹, что Вильно понадобилось

¹⁶⁹ В. Б. Антонович, *Монографии по истории Западной и Юго-Западной России*, т. I, Киев, 1885, стр. 235—240; «*Historia polityczna...*», t. I, str. 584; М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 268.

¹⁷⁰ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 347.

¹⁷¹ В 70-е годы на сторону Москвы открыто переходят князья Одоевские, в 80-е годы — Воротынские, Белёвские, позднее — князья Мерецкие, Трубецкие, Мосальские (М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 276; С. М. Соловьев, *История...*, т. V, гл. 4).

осуждение подобной практики. Лишение Олельковичей киевского княжения было использовано в качестве поучительного примера: «Дед их князь Володимер бегал на Москву, — говорили тогда в литовской столице, — и тем пробегал отчину свою Киев»¹⁷².

Только наличием широкой оппозиции польско-литовской власти в Поднепровье можно объяснить настойчивое стремление Казимира поднять авторитет назначенного им митрополита Мисаила¹⁷³, а также конкретные меры, предпринятые польским королем в целях ограничения политического влияния самих Олельковичей и Ольшанских. О том, что влияние это было велико, свидетельствовало недовольство киевлян назначением Гаштольда наместником в Киеве¹⁷⁴. Не было ничего удивительного в том, что в такой обстановке широкое антиправительственное движение в Поднепровье приняло форму «княжеского заговора», причем он не носил династическо-родового характера, несмотря на наличие родственных связей Михаила Олельковича с Иваном III¹⁷⁵. Последнее явилось просто важным дополнительным фактором в наметившемся сближении Поднепровья с Московской Русью накануне событий 1480 г.¹⁷⁶.

¹⁷² А. Е. Пресняков, *Лекции по русской истории*, т. II, М., 1939, стр. 151.

¹⁷³ К. Chodynicki, *Kościół...*, стр. 67; М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. V, стр. 531—532; А. Е. Пресняков, *Лекции...*, т. II, стр. 151.

¹⁷⁴ Показательно, что Казимир, учитывая непопулярность Гаштольда в Поднепровье, заменил его в сентябре 1480 г. «православным» воеводой Иваном Ходкевичем («*Historia polityczna...*», т. I, стр. 584).

¹⁷⁵ М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 271. — Мать Михаила была сестрою великого князя Василия Васильевича, отца Ивана III (L. Kolankowski, *Dzieje...*, т. I, стр. 347). Интересна и другая линия родственных связей: Елена, дочь господара Молдавии Стефана III, с 1483 г. была замужем за старшим сыном Ивана III — Иваном, а сам Стефан III был женат вторым браком на киевской княжне Евдокии из дома Олельковичей («*История Молдавии*», т. I, стр. 146). В переписке с сестрой Михаила Олельковича Федькой (по мужу Пронской) Иван III называл Михаила «своим братом». Характерно, что в переговорах, происходивших еще в 1480 г. (с введом Мэнгли-Гирея), Иван III использовал Михаила и Федьку как посредников (В. А. Уляницкий, *Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв.*, М., 1887, стр. 111—112; «Сборник РИО», т. 41, стр. 22—23).

¹⁷⁶ Еще одним косвенным подтверждением этого сближения может служить факт переправки из Киева в Москву братьев крымского хана — Нур-Девлета и Айдара. О том, что не Казимир санкционировал этот переезд, свидетельствуют, во-первых, прямые указания источников — крымские князья «некоторыми людьми подмолвлены были» [«Сборник Муханова. (Акты 1393—1729)», М., 1836, № 25], — во-вторых, желание самого Айдара по приезду в Москву вернуться к польскому королю Казимиру. Остается предположить, что перевод в Москву Нур-Девлета и Айдара происходил при участии киевских князей.

Интересно, что источники сохранили сведения о прямых переговорах Олельковичей с Иваном III, происходивших под предлогом посредничества в намечавшейся женитьбе сына Ивана III на дочери молдавского господаря Стефана.

Все это привело к открытому выступлению оппозиции в Киеве в 1480 г. В Софийской летописи записано: «Того же лета бысть мятеж в Литовской земле: восхотеша вотчичи — Ольшанской да Олелькович, да князь Федор Бельский по Березыну реку отсести на великого князя (московского. — И. Г.)»¹⁷⁷. Есть сведения также о том, что Олельковичи претендовали и на значительно большие территории Польско-Литовского государства¹⁷⁸. Сообщение русских источников подтверждается свидетельством и польского хрониста (Гданский хронист)¹⁷⁹.

«Заговор князей» действительно имел место, в 1480 г. для его осуществления не хватало только одного звена: начала военных действий между Литвой и Московским государством. По-видимому, Казимир располагал информацией об общих настроениях в Поднепровье, хотя, может быть, и не знал конкретно о сговоре князей. Понимая, что в случае начала войны с Иваном III в Киеве могут повториться новгородские события 1470—1471 гг., он решил отказаться от совместных с Ордой операций против Москвы в октябре—ноябре 1480 г.¹⁸⁰. Летопись сохранила сведения о том, что Ахмат шел на соедине-

¹⁷⁷ ПСРЛ, т. 6, СПб., 1853, стр. 233; т. 20, стр. 348.

¹⁷⁸ М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 266.

¹⁷⁹ L. Kolaŋkowski, *Dzieje...*, t. I, str. 348; М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 483.

¹⁸⁰ См. Г. Карпов, *История...*, стр. 113 и сл.; К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 147—159 и др.; Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 874—886; А. Е. Пресняков, *Иван III на Угре*, — «Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову», СПб., 1911, стр. 280—298. — Весь комплекс сохранявшихся источников, характеризующих политику Казимира тех лет, с одной стороны, свидетельствует о его деятельной подготовке к решительному столкновению с Иваном III (на это указывают переговоры с Ахматом, о которых известно из летописи, длительное пребывание короля в Литве, о котором сообщает Длугош), а с другой стороны, говорит о его вынужденной пассивности в отношении Московской Руси. На одну из важных причин этой «пассивности» указывал Длугош, сообщая о существовании некоторых тактических расхождений между польским королем и правящей группировкой литовских феодалов. Из информации Длугоша становится ясным, что если литовские феодалы, рассчитывая на лояльность русских князей Поднепровья, требовали решительных действий против Ивана III, то Казимир, не веря в возможность союза с литовскими «русинами», предпочитал избегать вооруженного конфликта с московским князем. Так, Длугош отмечал, что когда «литвины», встревоженные усилением Московской Руси после присоединения Новгорода, «захотели против него (Ивана III. — И. Г.) использовать оружие, Казимир посоветовал им отказаться

ние с войсками Казимира: «И поиде безбожный царь Ахмат тихо велми, ожидая короля с собою, уже пошед послов его отпусти к нему, да и своего посла послал с ними же»¹⁸¹. Чтобы облегчить вступление в борьбу Казимира, «царь поиде в Литовскую землю хотя преитти через Угру»¹⁸², однако и эта мера не заставила короля действовать более активно. В такой обстановке 11 ноября 1480 г. хан Ахмат после длительного «стояния» на Угре вынужден был начать отступление на юг¹⁸³, продолжая ожидать помощи от Казимира: «Царь же со всеми своими татары поиде по Литовской земли мимо Мченск и Любутеск и Одоев и, пришед, ста у Воротынски, ожидая к себе королевь помощи. *Король же не поиде к нему, ни посла рати, быша бо ему свои усобицы* (курсив мой. — И. Г.). Тогда бо воева Мен-Гирей царь Перекопский королеву Подольскую землю, служа великому князю». Таким образом, для летописца причины пассивности Казимира были очевидны: это диверсия Менгли-Гирея в Подолию и политические «усобицы» в самом Великом княжестве Литовском. Отказавшись от борьбы с Иваном III в 1480 г., Казимир получил возможность предотвратить осуществление заговора, а 30 августа 1481 г. отправить на эшафот видных его участников.

Неосуществленный заговор в источниках выглядит обычно скромнее, чем заговор удавшийся. Это в полной мере относится и к документам, сохранившим сведения о событиях 1480—1481 гг.

Но как бы ни скромны были эти указания источников, все же они, взятые в совокупности, позволяют предполагать и широкую основу в борьбе киевско-русских феодалов за сближение с Москвой, и деятельную дипломатическую подготовку Ивана III и Олельковичей к присоединению Поднепровья к Московской Руси. О том, что «заговор князей» 1480—1481 гг.

от подобных замыслов, не вставать на путь войны, предостерегая, чтобы они сами, не имея опыта, не выступали легкомысленно против вождя, славного многими победами, обладающего огромной казной, не заручившись присылкой со стороны Польши опытного войска, чтобы они не возлагали больших надежд на русинов, принадлежащих Литве, которые из-за религиозных различий были им враждебны, чтобы хорошо знали, что если с Москвой захотят помериться силами, то скорее добьются своего поражения, чем победы. И послушали этих советов наиболее рассудительные из литвинов, признав, что король говорил правду» (J. Długosz, *Dzieje Polski*, t. V, str 658). Эти наблюдения Длугоша позднее были частично использованы и М. Стрыйковским (см. М. О. Strykowski, *Kronika...*, t. II, str. 284).

¹⁸¹ ПСРЛ, т. 20, стр. 338.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ ПСРЛ, т. 12, стр. 201; В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование...*, т. I, стр. 132—137.

в случае удачи должен был иметь важные международные последствия, свидетельствовал дальнейший ход событий. Не случайно предпринятый Менгли-Гиреем в сентябре 1482 г. по настоянию московского посла¹⁸⁴ поход на Киевщину был не просто грабительским, но имел черты карательной экспедиции против тех, кто предал князей. Во время похода Менгли-Гирей, как известно, сжег город, захватил замок, взял трофеи и увел большое число пленных во главе с воеводой Иваном Ходкевичем¹⁸⁵, который тогда считался чуть ли не основным виновником «разоблачения» князей¹⁸⁶. Любопытно также, что Менгли-Гирей понимал, видимо, характер намечавшейся в 1480 г. операции Ивана III и Олельковичей в Поднепровье и счел нужным после набега на Киев в 1482 г. направить московскому князю дары-«символы» — золотую чашу и тарель (потир и дискос) из собора св. Софии¹⁸⁷.

«Усобицы» в Литовском княжестве в 1480 г. и «заговор князей» 1481 г. некоторые историки (Папе¹⁸⁸, Галецкий, Колянковский¹⁸⁹, Базилевич¹⁹⁰) считают главной и единственной причиной пассивности Казимира на востоке в 1480—1481 гг. Однако, отмечая значительность этих событий, они подчеркивают их якобы локальный характер¹⁹¹. Такая трактовка дала возможность Грушевскому, а вслед за ним и Преснякову вообще поставить под сомнение значение киевских «усобиц» 1480 г.

¹⁸⁴ «Сборник РИО», т. 41, стр. 33.

¹⁸⁵ М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 326; F. Papée, *Polska i Litwa...*, str. 90; ПСРЛ, т. 20, стр. 349.

¹⁸⁶ М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 270. — Значительно позднее, в 1567 г., по поручению Ивана Грозного И. Бельский писал Григорию Ходкевичу: «Предки твои предательски изменили нашему родственнику Михаилу Олельковичу в Киеве и вышли из подчинения нам» («Послания Ивана Грозного», М.—Л., 1951, стр. 422). См. также «Сборник РИО», т. 71, стр. 501.

¹⁸⁷ А. Е. Пресняков, *Лекции...*, т. II, стр. 153; «Сборник РИО», т. 41, стр. 34; F. Papée, *Polska i Litwa...*, str. 92; ПСРЛ, т. 20, стр. 349. — Интересно, что Псковская летопись оплакивала набег татар на Киевскую землю: «пришедши... Перекопский царь с множеством безбожных своих татар и плени град Киев и огнем съжже... и от Киева зашел плени русских порубежных городов 11» (ПСРЛ, т. 5, СПб., 1851, стр. 41).

В то же время Казимир, стремясь восстановить мирные отношения с Крымом, в 1484 г. направил письмо Менгли-Гирею, в котором, между прочим, писал о том, что татары поступили правильно, разгромив в 1482 г. Киев: «Было тому городу гореть и тым людям погынуть коли на них божий гнев пришел» (М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 327).

¹⁸⁸ F. Papée, *Polska i Litwa...*, str. 57—65, 66—82.

¹⁸⁹ L. Kolanowski, *Dzieje...*, t. I, str. 348—350, 352—354.

¹⁹⁰ К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 148.

¹⁹¹ F. Papée, *Polska i Litwa...*, str. 67—82.

в ходе борьбы Казимира с Иваном III¹⁹². Больше того, отмечая «усобицы» и их «общерусский характер» как объяснение бездеятельности Казимира, Грушевский главной причиной пассивности считал просто... глупость польского короля¹⁹³, что позволило ему трактовать достижения Ивана III как легкую победу над «недалеким» и «незадачливым» противником.

Разумеется, с такой трактовкой трудно согласиться. Борьба, развернувшаяся во второй половине XV в. между Москвой и Вильно, была очень сложной, она потребовала от обеих сторон значительного политического опыта и большого дипломатического искусства¹⁹⁴. Положение осенью 1480 г. было настолько серьезным для той и другой стороны, что элементы «пассивности», некоторые колебания проявлял и сам московский князь¹⁹⁵.

В 1480 г. Казимира остановили не его политическое убожество, не мелкие усобицы фамильно-династического характера, а перспективы повторения в Поднепровье новгородских событий 1471 г. Вновь превратить польского короля в пассивного наблюдателя мог только действительно широкий размах подготовлявшегося движения, а в этом большую роль сыграла политическая и дипломатическая деятельность московского государя Ивана III.

3. Московско-литовские отношения и международная обстановка в Восточной Европе в конце XV — начале XVI в.

В течение последних двух десятилетий XV и в начале XVI в. происходило постепенное изменение расстановки сил в Восточной Европе. Именно в этот период Московская Русь стала добиваться некоторого преобладания в соперничестве с Польско-Литовским государством. Важной вехой в этом соперничестве явились события 1480—1481 гг., когда Казимир сумел сохра-

¹⁹² М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 271—275, 324—325, 482—484; А. Е. Пресняков, *Лекции...*, т. II, стр. 155—158. — Пресняков называет заговор «династически-родовым», отрицает, что за ним «стояло какое-либо заметное общественное движение» (А. Е. Пресняков, *Лекции...*, т. II, стр. 157).

¹⁹³ Грушевський говорит об убожестве восточной политики Казимира (М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 324—325, 328, 334—335, 375, 482).

¹⁹⁴ Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 35—36; К. В. Базилевич, *Внешняя политика...*, стр. 134, 155—156, 221.

¹⁹⁵ Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 877—881.

нить за собой Киев, но лишился наиболее могущественного союзника — хана Ахмата и фактически потерял возможность продолжать совместное с Ордой наступление на Московское государство. После гибели Ахмата, в 80—90-х годах XV в., Орда внешне оставалась все еще сравнительно большим государством, с влиянием которого на политическую жизнь Восточной Европы так или иначе продолжали считаться и в Вильно, и в Москве, и в Бахчисарае, но процесс ее дальнейшего ослабления все больше давал себя знать. «Дети Ахматовы» реально не обладали уже тем политическим влиянием в Восточной Европе, которым располагал их отец.

В начале 80-х годов польский король настойчиво добивался установления союзных отношений с Ахматовичами — Муртазой и Сеид-Махметом. Так, уже в 1482 г. велись переговоры о возобновлении союза, направленного против Москвы и Крыма. В 1482 г. Иван III через своего посла Ю. Шестака сообщал Менгли-Гирею о новой угрозе со стороны Большой Орды. Как утверждал Иван III, король «в Орду послал... подымает на меня моих недругов»¹⁹⁶. Такая же информация поступила в Крым в 1484 г.; московский посол в Бахчисарае В. Ноздреватов сообщал Менгли-Гирею, что к Ивану III «приехали... люди из Орды, а сказывают, что де в Орде у царя у Муртазы и у Седехмата царя королевы послы...»¹⁹⁷. От имени Ивана III Ноздреватов просил учитывать деятельность королевских послов в Орде и советовал перехватить их при возвращении в Литву, чтобы затруднить дальнейшее сотрудничество между Ордой и Польско-Литовским государством¹⁹⁸.

Результат установления союза между наследниками хана Ахмата и польским королем не замедлил сказаться. Уже в 1484 г. Ахматовичи начали наступление на Крымский полуостров¹⁹⁹. Возможно, в связи с голодом в Орде хан Муртаза перекочевал в Крым, вероятно, имея в виду в дальнейшем захватить и политическую власть над крымским юртом. Менгли-Гирей его арестовал, после чего последовало вооруженное вторжение в Крым войска другого сына Ахмата — Сеид-Мах-

¹⁹⁶ «Сборник РИО», т. 41, стр. 29.

¹⁹⁷ Там же, стр. 43; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 356.

¹⁹⁸ Позднее Иван III прямо указывал, что виновником атак Ахматовичей на Москву и Крым был польский король: «Князь великий велел... говорити (Менгли-Гирею. — И. Г.): иио ведаешь сам, как наш недруг король нам недружбу чинил, наших недругов Ахматовых детей на нас навел, и какво как тебе те наши недруги Ахматовы дети лихое дело учинили» («Сборник РИО», т. 41, стр. 136).

¹⁹⁹ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 357; ПСРЛ, т. 20, стр. 351, 356.

мста²⁰⁰. В этой обстановке на помощь Менгли-Гирею пришла Порта²⁰¹. Операции против Большой Орды вели и находившиеся тогда на московской службе татарские отряды под командой Нур-Девлета, брата Менгли-Гирея²⁰². В результате попытка Ахматовичей захватить Крым не удалась, хотя блокада Крымского полуострова со стороны Орды продолжалась еще долго²⁰³. Отразив натиск детей Ахмата, крымский хан сосредоточил усилия на борьбе с их союзником — Польско-Литовским государством. Уже в 1484 г. Крым отверг попытки Казимира добиться соглашения. Менгли-Гирей потребовал тогда определенных территориальных уступок в Поднепровье и крупной суммы денег на строительство татарской крепости в Очакове²⁰⁴. Не дождавшись этих «уступок» со стороны Казимира, крымский хан начал осуществлять систематические набеги на территории Литвы и Польши²⁰⁵.

Борьба Менгли-Гирея против Казимира и Ахматовичей совпала по времени с новой волной турецкого наступления в Юго-Восточной Европе. В 1484 г. Баязид II (1481—1512) перешел Дунай и совместно с крымскими частями захватил Килию и Белгород (Днестровский). Угроза турецкого наступления возродила проекты создания антитурецкой коалиции. По расчетам Рима, на этот раз в ней должны были принять участие не только Империя Габсбургов, Венгрия, Москва, но и Ягеллоны. Римская курия тогда же выслала деньги на восстановление киевской крепости²⁰⁶. В той же связи нужно рассматривать и ее попытку в 1482—1483 гг. предложить Ивану III королевскую или императорскую корону²⁰⁷. Но Казимир

²⁰⁰ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 290—292; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 357, 371; «Сборник РИО», т. 41, стр. 104, 111.

²⁰¹ М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 325; ПСРЛ, т. 20, стр. 352.

²⁰² Г. Карпов, *История...*, стр. 120, 138; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 371; ПСРЛ, т. 20, стр. 356.

²⁰³ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 416.

²⁰⁴ Ibid., str. 357, 372. — Речь шла о территории, контролировавшейся в свое время Семеном Олельковичем.

²⁰⁵ М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 328—334. — Набеги татар совершались почти ежегодно: в 1485—1490, 1492—1494, 1496—1497, 1499, 1501—1503, 1505 гг. (L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 378—385).

²⁰⁶ F. Papée, *Polska i Litwa...*, str. 90; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 363; М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 327.

²⁰⁷ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 359, 367, 384. — Это предложение было сделано Матвеем Корвином в 1482—1483 гг. московскому послу Федору Курицыну, который позже оказался турецким пленником в Белгороде, а затем был передан Ивану III Менгли-Гиреем (ПСРЛ, т. 25, стр. 329; т. 6, стр. 35; «Сборник РИО», т. 41, стр. 47, 51; Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 142—143).

мир и император Фридрих III не хотели ослаблять Турцию ценой усиления Московской Руси. Они считали, что превращение Ивана III в короля или императора будет угрожать «всему христианству», и, чтобы воспрепятствовать этому, выдвинули идею созыва съезда представителей Польши, Чехии, Империи и электоров. Однако съезд этот не состоялся, а Габсбурги постепенно стали отходить от Казимира и сближаться с Москвой²⁰⁸.

Изменение международной обстановки не изменило политической линии Казимира в отношении Корвина и Ивана III. Ягеллоны по-прежнему считали главной задачей овладение венгерским престолом и ослабление Московского государства²⁰⁹. В своей антирусской политике Казимир стремился все более широко использовать Большую Орду Ахматовичей, а также оппозиционные Москве элементы в отдельных русских землях, в частности в Твери, а возможно, и в Новгороде²¹⁰. Весьма характерной в этом отношении была и внутренняя политика Ягеллонов в Польско-Литовском государстве.

В конце XV—начале XVI в. происходило дальнейшее «сращивание» Польши и Литвы, осуществлявшееся в виде подчинения литовских и русских земель Великого княжества Литовского польским феодалам и католической церкви. Если до 1480—1481 гг. еще существовал полулегальный путь ориентации на Москву и митрополита всея Руси, то после казни киевских князей этот путь был крайне затруднен²¹¹ и тенденция ополячивания и окатоличивания литовско-русских феодалов еще больше усилилась²¹². В 1478 г. Казимир заставил литовских панов присягнуть его сыну Александру как наследнику великокняжеского престола²¹³. Участились случаи совместных заседаний коронного сената с литовской радой²¹⁴, при этом более влиятельными в политическом отношении оказывались, естественно, польские сенаторы. Если процесс реального «сращивания» Польши и Литвы при Казимире не получил еще юридического оформления (возможно, Казимир стремился избегать ненужных трений с литовскими и русскими феодалами на формально-юридической почве), то при его

²⁰⁸ H. Uebersberger, *Österreich und Rußland*, Bd I, Wien, 1905, S. 10—12.

²⁰⁹ J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 111—117.

²¹⁰ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 368—370, 387.

²¹¹ Ibid., str. 388—396.

²¹² М. С. Грушевский, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 291; Макарий, *История...*, т. IX, стр. 203.

²¹³ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 398.

²¹⁴ Ibid.; М. К. Любавский, *Литовско-русский сейм*, М., 1901, стр. 342—347.

преемнике Александре были сделаны попытки зафиксировать фактические сдвиги в политической жизни Польско-Литовского государства специальным юридическим актом.

Знаменитый привилей 1492 г. несколько ограничивал власть великого князя литовского²¹⁵, приближая его положение к статусу польского короля. Вместе с тем он уравнивал польских феодалов с литовскими, сближал всю политическую структуру Литовского княжества с политическим строем магнатско-шляхетской Польши. Таким образом, процессы слияния господствующих классов Польши и Литвы развивались параллельно процессам дальнейшего сращивания двух государственных организмов в одно целое. В этих условиях западнорусские земли с православным населением превращались в объект интенсивной полонизации и окатоличивания. У русских феодалов Польско-Литовского государства по существу не оставалось иного выхода, как отказаться от своей национальности и религии, иначе им «закрыты были пути к большой политической карьере в Литве в силу католического склада всей придворной среды»²¹⁶.

О той же тенденции свидетельствовало стремление Казимира и Александра обеспечить существование если не униатской, то особой, независимой от московского митрополита православной церкви в Великом княжестве Литовском. Так, Ягеллоны в конце XV — начале XVI в. выдвигали из Полоцка и Смоленска «своих» «митрополитов киевских и всея Руси» — Симеона (1481—1488), Иону Глезну (1492—1494), Макария Чорта (1495—1497), Иосифа I (1498—1501), Иосифа II (1507—1521) и т. д.²¹⁷. Хотя эти митрополиты вследствие особых исторических обстоятельств и сохраняли некоторую автономию в Великом княжестве Литовском, тем не менее они не могли остановить наступления польских феодалов и католической церкви на русские земли.

Такая политика правящих кругов Польши и Литвы, разумеется, вызывала протест со стороны местных православных феодалов, проявлявшийся, между прочим, в форме перехода на сторону «государя всея Руси», но чем чаще происходили такие случаи, тем настойчивее польские феодалы добивались инкорпорации Литвы в состав Польского государства. Ре-

²¹⁵ М. К. Любавский, *Очерк истории литовско-русского государства до Люблинской унии*, М., 1910, стр. 174—176.

²¹⁶ А. Е. Пресняков, *Лекции...*, т. II, стр. 167. См. также В. И. Пичета, *Литовско-польские унии и отношение к ним литовско-русской шляхты*, — «Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому», М., 1909.

²¹⁷ К. Chodupicki, *Kościół...*, str. 69—72, 120—121; Макарий, *История...*, т. IX, стр. 68—83, 89—109, 161—174 и сл.

зультатом этих усилий было известное соглашение 23 октября 1501 г.²¹⁸, в силу которого произошло слияние польского сената и литовской рады панов, была провозглашена необходимость общей политики, общего войска, общей монеты²¹⁹. Это соглашение, вызвавшее возражения со стороны части литовских феодалов, явилось важной вехой на пути к Люблинской унии 1569 г.

Характер внутренней и внешней политики Ягеллонов оказывал воздействие и на политическую деятельность Ивана III. Дипломатия московского великого князя в 80—90-е годы XV в. заметно расширила сферу своих политических интересов. В этот период Иван III не только продолжал поддерживать связи с Римом, но и установил контакт с венгерским королем Матвеем Корвином²²⁰. Московский посол Федор Курицын вел важные переговоры с венгерским королем в Буде в 1482—1483 гг.²²¹.

Несколько позднее московская дипломатия завязала отношения с Габсбургами. В Москву дважды приезжал Николай Попель (в 1486 и 1489 гг.) и во время своего второго визита от имени императора Фридриха III предложил Ивану королевскую или императорскую корону²²². Делая это предложение, Габсбурги рассчитывали на использование Москвы не только против Турции, но и против усилившего претензии на Венгрию и Чехию Казимира. Поскольку реализация плана Фридриха должна была превратить великого князя в вассала Империи, Иван III отверг предложение о короне; тем не менее факт установления дипломатических отношений с Габсбургами имел определенное значение в соперничестве Москвы с Польско-Литовским государством в Восточной Европе²²³.

После присоединения Новгорода к Москве в сферу политических интересов Ивана III прочно вошла балтийская пробле-

²¹⁸ J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 127.

²¹⁹ В. И. Пичета, *Литовско-польские унии...*, стр. 619.

²²⁰ ПСРЛ, т. 25, стр. 329.

²²¹ «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», т. I, СПб., 1854, стр. 162; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 359, 384; Н. А. Казакова, Я. С. Лурье, *Антифеодальные...*, стр. 148.

²²² «Памятники дипломатических сношений...», т. I, стр. 162; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 386; H. Uebersberger, *Österreich...*, Bd I, S. 11.

²²³ H. Uebersberger, *Österreich...*, Bd I, S. 11—12, 20.

ма; Швеции, Ливонии и Ганзе противостояла тогда сильная Дания. В 1493 г. московский князь заключил с датским королем договор о взаимной помощи²²⁴ и тогда же закрыл Ганзейский двор в Новгороде²²⁵.

Постоянно ощущая результаты союза Казимира с Ахматовичами, а также наблюдая за энергичными попытками Ягеллонов распространить свое влияние на Дунае, Иван III продолжал поддерживать союзные отношения с молдавским господарем Стефаном²²⁶ и с крымским ханом Менгли-Гиреем. Во время частых поездок московских дипломатов в Крым и крымских в Москву уточнялись общие планы борьбы с Большой Ордой и Польско-Литовским государством²²⁷. А в 1488 г. московская дипломатия поставила перед Менгли-Гиреем вопрос о посредничестве в установлении прямых дипломатических отношений с султанской Турцией²²⁸.

Расширяя арену деятельности в Юго-Восточной Европе, поднимавшееся Русское централизованное государство, разумеется, не упускало из вида того, что происходило в непосредственной близости от его тогдашних границ. В середине 80-х годов Ивану III пришлось сосредоточить внимание на событиях в Тверском княжестве²²⁹. В 1483 г. Казимир навязал тверскому князю Михаилу Борисовичу договор о «взаимной помощи», ставивший Тверь в зависимое от Литвы положение. Походом на Тверь Иван III аннулировал этот договор, превратив Михаила Борисовича из равноправного князя в своего «младшего брата». Попытка нового сближения с Литвой, предпринятая тверским князем в 1485 г., привела к полному подчинению Твери Московскому государству, а князя Михаила вынудила бежать к Казимиру²³⁰.

²²⁴ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 410; Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 29. — Тогда же речь шла о новом браке Ивана III — женитьбе на дочери датского короля.

²²⁵ В. Н. Бернадский, *Новгород...*, стр. 350—351.

²²⁶ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 339, 384—386, 415; «История Молдавии», т. I, стр. 146—147.

²²⁷ М. С. Грушевский, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 328—335; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 373, 375, 376, 381, 394; «Сборник РИО», т. 41, № 11, 12 и др.

²²⁸ Характерно, что примерно в то же время Польско-Литовское государство, ведя борьбу с Менгли-Гиреем, все же установило формально мирные отношения с Портой, заключив специальный договор с султаном Баязидом в 1489 г., а потом подтвердив его в 1494 г. (см. Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, № 3, 4, 6, 8).

²²⁹ А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 430, 443—449; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 387.

²³⁰ Г. Карпов, *История...*, стр. 3 и сл.; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 369, 388; «Памятники дипломатических сношений...», т. I, стр. 166 и сл.

В течение 80—90-х годов власть московского князя распространилась так или иначе на Рязань, Псков и другие земли, продолжала укрепляться в Новгородском княжестве. Одновременно Иван III повел борьбу со старой политикой перехода княжат и бояр из Московского государства в Литовское. Запрещение переходов коснулось прежде всего выходцев из Литвы — князей Холмских, Острожских, Бельских, Воротынских, Мстиславских и др.²³¹. Эта мера, так же как и депортация ненадежных элементов из окраинных русских земель (Новгорода, Вятки) в глубь страны²³², оказалась тесно связанной с превращением вассалов великого князя — княжат и бояр в его подданных, с созданием новых групп феодального класса — служилого дворянства.

Такое направление внутренней политики Ивана III в сочетании с внешней активностью великого князя свидетельствовало о дальнейшем развитии Русского централизованного государства.

* *

※

Когда Казимир IV и Иван III добились относительной консолидации внутренних сил в своих государствах и достигли известного предела в распространении политического влияния на территории Восточной и Юго-Восточной Европы, между Москвой и Великим княжеством Литовским фактически началась война, продолжавшаяся с 1487 по 1494 г.²³³. Основным театром военных действий в эти годы была область верховья Оки (Козельск, Мещовск, Одоев), а также район Великих Лук, Ржева, Торопца²³⁴. Борьба сопровождалась массовым переходом князей и бояр на сторону Москвы²³⁵. В ходе войны в 1492 г. умер Казимир. Его преемник Александр должен был в 1494 г. заключить мир с Иваном III, признав все «отъезды» «верховских» князей. Литва отказывалась «на вечные времена» от своих «прав» на Великий Новгород, Псков, Тверь, Рязань; район верховья рек Оки и Вязьмы также во-

²³¹ А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 446—449; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 388—393.

²³² ПСРЛ, т. 20, стр. 353; Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 38—40.
²³³ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 388—393, 403. — Эта война не была официально объявлена: Иван III «войну на миру пустил» («Акты Западной России», т. I, СПб., 1846, № 110).

²³⁴ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 404.

²³⁵ Ibid., str. 405; М. С. Грушевский, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 276—277.

шел в состав Русского государства. Литовско-польская сторона официально признала новый титул Ивана III — «государя всея Руси»²³⁶.

Естественно, что в этом новом титуле раскрывалась программа всей последующей политики московского князя. Уже договор 1494 г. предусматривал заключение брака между дочерью Ивана III Еленой и литовским князем Александром. Если последний рассчитывал этим браком сдержать московскую политику «собирания» русских земель, то Иван III хотел облегчить себе присоединение литовско-русских земель к Московскому государству²³⁷. Тактика и стратегия Ивана III очень скоро стали давать результаты. Непоследовательная политика Александра, характеризовавшаяся то уступками православию, то усилением национального и религиозного гнета в Великом княжестве Литовском²³⁸, приводила к тому, что все более широкие круги русских феодалов становились сторонниками московской ориентации. Так, уже в конце 90-х годов на сторону «государя всея Руси» снова перешли многие русские князья вместе со своими «отчинами», в частности Семен Бельский, Семен Можайский, Василий Шемяка (их отцы эмигрировали из Москвы в Литву в 60-е годы), Трубецкой и др. Под властью Ивана III оказались такие города, как Новгород-Северский, Чернигов, Любеч, Стародуб, Рылск, Гомель, Трубчевск²³⁹.

К концу века отношения с Литвой достигли такой напряженности, что возобновление войны стало неизбежным. Военные действия продолжались с 1500 по 1503 г.²⁴⁰. Результатом явился новый мирный договор, в силу которого к Русскому государству были присоединены Чернигов, Новгород-Северский, Гомель, Брянск, Путивль, Стародуб, Мценск²⁴¹. Программа, сформулированная в новом титуле Ивана III, постепенно начинала претворяться в жизнь. В этом плане весьма

²³⁶ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 412; М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 277. — Именно в это время Иван III официально стал называть себя «государем всея Руси». Этот термин уже несколько лет применялся в отношении великого князя (см., например, послание Вассиана 1480 г.). Тем не менее официально Иван III провозгласил себя «единым правым государем всея Руси отчич и дедич» в 1492 г., возможно, вскоре после смерти Казимира («Сборник РИО», т. 41, стр. 36).

²³⁷ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 414.

²³⁸ Макарий, *История...*, т. IX, стр. 121, 141, 155.

²³⁹ М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 278; А. Е. Пресняков, *Образование...*, стр. 446—449.

²⁴⁰ J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 127—128.

²⁴¹ М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 280.

характерной была реакция Ивана III на попытку римской курии вмешаться в борьбу, развернувшуюся между Московским и Литовско-Польским государствами. Как известно, «государь всея Руси», отвечая римскому папе, писал: «Надеюсь, папе хорошо известно, что короли Владислав и Александр имеют дедичные права от своих предков на Польское королевство и литовские земли, а Русская земля от наших предков издавна наша отчина»²⁴². Это положение еще более четко было сформулировано во время переговоров с представителями короля Александра в 1504 г.: «Не только то наша отчина — те города, что тяжой у нас, и вся Русская земля: Киев, Смоленск и иные города, которые он (Александр. — И. Г.) имеет у себя»²⁴³. Другими словами, великий князь заявлял: «Отчиной Александра является Польша и Литва, вся же русская земля должна по праву принадлежать московскому государю»²⁴⁴. Выдвигая этот тезис, Иван III опирался на достигнутые им в предшествующий период бесспорные политические успехи и открыто провозглашал свой будущий политический курс.

Таким образом, в течение второй половины XV — начала XVI в. в расстановке сил Восточной Европы произошли важные перемены. Если в первый период правления Казимир, имевший союзниками сначала Крым, а потом Большую Орду, обладал некоторым перевесом в борьбе с Иваном III, то с 80-х годов XV в. соотношение сил постепенно изменялось в пользу «государя всея Руси». «Изумленная Европа, — писал К. Маркс, — в начале царствования Ивана едва замечавшая существование Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была поражена внезапным появлением на ее восточных границах огромного государства, и сам султан Баязет, перед которым трепетала Европа, впервые услышал высокомерные речи Московита»²⁴⁵.

Основная причина этих важных сдвигов, видимо, состояла в том, что путь развития феодальной формации, осуществлявшийся на части русских земель и завершившийся созданием Русского централизованного государства, в конце концов ока-

²⁴² Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 278—284.

²⁴³ «Сборник РИО», т. 35, СПб., 1892, стр. 398—402, 457.

²⁴⁴ Там же, стр. 460.

²⁴⁵ К. Marx, *Secret Diplomatic History of Eighteenth Century*, London, 1899, p. 81.

зался более эффективным, чем тот путь, по которому пошло развитие феодализма на землях, охваченных польско-литовской государственной организацией. Московская Русь развивалась в основном как национальное государство, не знавшее национальных и религиозных противоречий²⁴⁶, а Великое княжество Литовское, особенно после унии с Польшей, развивалось как государство многонациональное, в котором польско-литовские феодалы постепенно брали верх над русскими, а католическая церковь все более энергично наступала на православное население. И чем значительнее в этих условиях были успехи полонизации и окатоличивания русских земель Великого княжества Литовского, чем в большей мере глава Литовско-Русского государства превращался в польского короля, тем полнокровнее становился титул «государя всея Руси», тем легче протекало «собрание» русских земель вокруг Москвы.

Таким образом, сам характер развития Московского и Литовского государств в известной мере предопределял исход соперничества Казимира и Ивана III. Но, кроме этих внутренних причин, определявших успехи Московской Руси и неудачи Литвы, были еще и факторы международного порядка, которые оказались использованными Казимиром и Иваном III далеко не одинаково. Важную роль в тогдашней международной жизни Восточной Европы сыграли своевременно установленные Иваном III контакты с римским престолом и Крымским ханством. Временная нейтрализация курии и союз с Крымом усилили позиции Московской Руси и соответственно ослабили внешнеполитические шансы Польско-Литовского государства.

4. Реформационное движение, московско-новгородская ересь и международные отношения в Восточной Европе в конце XV — начале XVI в.

В сложной борьбе феодальных государств Восточной Европы, происходившей во второй половине XV в., весьма важ-

²⁴⁶ Противопоставляя многонациональное Польско-Литовско-Русское государство Московской Руси как государству национальному, разумеется, нельзя забывать, что уже в XV в. в состав Русского централизованного государства входили некоторые земли Поволжья с нерусским населением. Но если на основании этого факта считать оба государственных образования многонациональными, как это делает А. М. Сахаров («Вопросы истории», 1961, № 9, стр. 75), то и в данном случае следует дифференцировать роль «русского элемента» в политической жизни Московского и Польско-Литовского государств, следует учитывать реальный «удельный вес» этого элемента как в одном, так и в другом случаях.

ная роль принадлежала церкви. Для того чтобы глубже понять характер деятельности многочисленных церковных иерархов в этот период, вернее выявить значение церкви в ходе напряженной политической борьбы, следует учитывать, что XV век был временем начавшегося реформационного движения в Европе.

Разумеется, исторические пути, пройденные различными феодальными государствами Западной и Восточной Европы, не были тождественными, тем не менее главные тенденции в социально-экономической и политической жизни всех феодальных стран были общими. Это положение подтверждается и историческими судьбами христианских церквей в Европе, и ходом реформационного движения во всех частях европейского континента.

Известно, что движение за реформацию церкви, подготовленное социально-экономическим и политическим развитием отдельных феодальных стран, обусловленное в значительной мере ходом антифеодальной борьбы «низов» против «верхов» феодального общества, осуществлялось в трех главных направлениях, одним из которых было так называемое «соборное» движение, характеризовавшееся стремлением национальных церквей противопоставить себя политически зарубежным церковно-религиозным центрам. Другой линией реформации являлась борьба за противопоставление локальных церквей вселенским центрам не только по политической, но и по идеологической линии. Это «евангелическое» направление реформации, связанное на Западе с именами Лютера, Цвингли и Кальвина, не выходило за рамки борьбы внутри господствующего класса. Третье, самое революционное направление реформации, так называемое «еретически-сектантское», выражало непосредственно классовый протест «низов» общества против церкви как части всей феодальной надстройки²⁴⁷.

Как бы своеобразно ни протекало реформационное движение в разных европейских странах, как бы причудливо ни переплетались различные тенденции классовой и политической борьбы феодальных государств XV—XVI вв., все три направления реформации, по-видимому, существовали не только в странах Западной Европы, но и в странах Восточной Европы, в частности на Руси, хотя отношения последней к константинопольскому патриархату, разумеется, не являлись буквальным повторением отношений западноевропейских католических стран к Риму.

²⁴⁷ Ф. Энгельс, *Крестьянская война в Германии*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 128—129, 132—138, 186.

В течение почти всей первой половины XV в., в ходе Констанцского и Базельского соборов, представители национальных церквей на Западе спорили с главой апостольского престола по поводу того, кто из них является решающей силой в католической церкви. Как известно, этот спор был завершён своеобразным компромиссом, в результате которого часть стран (Империя Габсбургов и др.) продолжала признавать римского папу религиозным и политическим главой католичества, в то время как другая часть сумела противопоставить себя Риму по политической линии. Такой страной была, например, Франция, добившаяся своеобразной политической автономии для своей, «галликанской», церкви (Прагматическая санкция 1438 г.).

Русская церковь в 40-х годах XV в., по-видимому, стала именно на этот, «французский», путь реформации²⁴⁸, хотя и решила для себя вопрос об ослаблении связей с Константинополем не на длительных «соборных» дискуссиях, а явочным порядком. Можно говорить о наличии на Руси «соборного» направления в реформационном движении, понимая его как попытку церкви Русского централизованного государства противопоставить себя Константинополю прежде всего по политической линии.

Правда, этот закономерный в своем существовании процесс был значительно осложнён особыми внешнеполитическими обстоятельствами, существовавшими в XIV—XV вв. в Восточной Европе. Когда русские земли находились под властью Орды, а Византия оказалась перед реальной угрозой вторжения турок с востока и политического наступления Рима с запада, между константинопольским патриархом и теми силами на Руси, которые начали борьбу с Ордой, установились довольно тесные, временами союзные отношения. В XIV в. Константинополь, как известно, неоднократно поддерживал тех кандидатов на пост митрополита всея Руси, которые осуществляли политику великого владимирского княжения. Однако позже факторы, диктовавшие сближение Москвы с Царьградом, стали действовать в совершенно обратном направлении. Усиление влияния Рима, выразившееся, в частности, в авантюре с «митрополитом всея Руси» Исидором в 1437—1439 гг., и окончательная утрата Константинополем самостоятельности в связи с захватом его турками в 1453 г. делали все более необходимым политическое отдаление от него Москвы.

Первое назначение митрополита без участия Константинополя состоялось на Московском церковном соборе 1448 г.

²⁴⁸ Н. М. Никольский, *История русской церкви*, М., 1930, стр. 80.

Именно тогда рязанский епископ Иона стал первым собствен-
но московским митрополитом всея Руси²⁴⁹. Собору предшест-
вовало два послания великого князя Василия II к константи-
нопольскому патриарху Митрофану (1441 и 1443 гг.) с прось-
бой о разрешении поставить русского митрополита собором
русских епископов²⁵⁰. Поскольку формального разрешения не
последовало, Василий решил выдвинуть своего митрополита
без санкции Царьграда. Вспышка феодальной войны 1444—
1446 гг. отодвинула осуществление этого замысла на несколь-
ко лет (до 1448 г.)²⁵¹.

Несмотря на отдельные неудачи, митрополит Иона сыграл
весьма важную роль в политической жизни русской церкви:
не случайно он был канонизирован почти сразу после своей
кончины²⁵², не случайно значительно позднее (в 1547 г.) митро-
полит Макарий перенес его мощи в новый Успенский собор
и в связи с этим событием ввел церковное празднование в об-
щерусском масштабе²⁵³. Следующие московские митрополиты
всея Руси — Феодосий (1461—1464) и Филипп (1464—1473)
также поставлялись без санкции Константинополя. Деятель-
ность митрополита Феодосия ознаменовала «новый период от-
ношений русских митрополитов к Константинопольским пат-
риархам — период фактической независимости... фактической
автокефалии»²⁵⁴. Феодосий, а вместе с ним и великий князь
рассматривались в Москве как преемники традиций самого
греческого императора. Это было довольно определенным по-
казателем сдвигов, происшедших в отношениях Москвы и
Царьграда.

Борьба с влиянием Константинополя шла тем более
успешно, что в этот период католический Рим пытался осуще-

²⁴⁹ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 483—484, 507—508, 513.

²⁵⁰ Там же, стр. 471—481. — Возможно, что это две редакции одного
послания («Акты исторические...», т. I, № 39).

²⁵¹ Отказ митрополита всея Руси от подчинения Константинополю, ви-
димо, импонировал тогда и Казимиру, который в течение 1449—1457 гг.
в условиях сохранявшегося относительного равновесия сил между Москвой
и Литвой признавал Иону «пастырем» православных земель Великого
княжества Литовского (К. Chodynicki, *Kościół...*, стр. 54—60). Однако
позднее он выдвинул «своего» литовско-русского митрополита-униата грека
Григория, что не только лишило Иону западнорусских епархий, но и зна-
чительно ослабило его влияние на Новгород и Тверь: на Московском со-
боре 1459 г. новгородский епископ Иона и тверской Моисей не присутст-
вовали (Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 506).

²⁵² В. Васильев, *История канонизации русских святых*, М., 1893,
стр. 113. — Особое почитание святого Ионы в Москве началось с 1472 г.
В связи с перенесением мощей тогда же были составлены два канона
в его память (там же).

²⁵³ Там же, стр. 113.

²⁵⁴ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 519.

свить унию с греческим патриархатом. Еще в обращении вновь избранного митрополита Ионы к западнорусским князьям, боярам и епископам (конец 1448 г.) прямо говорилось о том, что Царьград отступил от православия²⁵⁵. В эти же годы или несколько позднее на Руси появилось произведение «Слово избрано от святых писаний еже на латыню», которое имело не только антиримскую, но и антиконстантинопольскую направленность. В «Слове» восхвалялась деятельность Василия Васильевича, подчеркивалось, что «благочестие» стало выше на Руси, чем в поверженной греческой земле. Прославляя «большее православие и вышшее христианство Белой Руси»²⁵⁶, памятник осуждал связи греческого патриархата с «латинским» Римом (между прочим, используя эти «связи» в качестве одного из оправданий разрыва Москвы с Константинополем).

«Слово на латыню», независимо от его точной датировки²⁵⁷, отражало факт существования в 40—60-х годах как антиримских, так и антиконстантинопольских настроений в правящих кругах Московского государства. О том же свидетельствовали грамоты Ивана III и митрополита Филиппа к Новгороду, открыто деклариовавшие, что греческое «ся уже православие изрушило»²⁵⁸ и что постановления греческого патриархата для русской национальной церкви не имеют никакого значения. Таким образом, разрыв с Царьградом обосновывался как доводами конъюнктурно-политического характера (подчиненность туркам, связь с Римом), так и соображениями богословско-идеологического порядка.

Совершенно естественно, что подобная позиция московского правительства и московской церкви вызывала недовольство греческого патриархата. Это недовольство, вероятно, предвидели в Москве еще в 1448 г. Характерно, что составленное тогда «извинительное» послание в Константинополь по поводу избрания митрополита Ионы так и не было отправлено

²⁵⁵ РИБ, т. VI, № 64, стр. 539—542.

²⁵⁶ А. Попов, *Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян*, М., 1875, стр. 394—395; Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 368; Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 466—468.

²⁵⁷ Я. С. Лурье считает, что «Слово» было издано в те годы, когда Казимир отказался от признания московского митрополита всея Руси Ионы и в Литве появился униатский митрополит Григорий (1458 г.) (Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 370). Голубинский датирует появление сборника 1461—1462 гг. (после поставления Феодосия в мае 1461 г. и до смерти Василия Васильевича 17 марта 1462 г.) (Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 466).

²⁵⁸ РИБ, т. VI, № 100.

адресату²⁵⁹. И действительно, устами патриархов Григория Маммаса, а потом Дионисия (1469 г.) царьградская церковь осудила практику поставления московских митрополитов без своей санкции, отказав им по существу в признании²⁶⁰, и потребовала восстановления прежних отношений между Константинополем и Русью.

Борясь против тенденции отдаления Москвы от греческой церкви, правящие круги Константинополя с конца 60-х — начала 70-х годов стали действовать весьма активно. В частности, греческая церковь рассчитывала использовать для укрепления своего влияния на Руси вернувшегося в «лоно православия» в 1470 г. митрополита-униата Григория. Поскольку надежды эти не оправдались, а сам Григорий умер в 1472 г., в Царьграде возник план выдвижения нового митрополита для русских земель. В 1474—1475 гг. Мехмед II дал указание константинопольскому патриарху Рафаилу поставить на этот пост русского монаха тверского происхождения Спиридона Сатану²⁶¹. По-видимому, это назначение с начала и до конца было делом светских и духовных властей Константинополя: ни Иван III, ни Казимир с такого рода просьбами не обращались в бывшую византийскую столицу. Облеченный властью «новоизбранный» митрополит в 1476 г. прибыл в Литву²⁶², однако Казимир отказался его принять. Как сообщала Софийская летопись, «король же ять его и посади в заточение», где он находился до 1482 г.²⁶³

Таким образом, хотя эта попытка турецкого правительства не удалась, она ясно показала цель, которую преследовала Порта. Для правящих кругов Турции было очевидно значение греческой церкви в политическом развитии Восточной Европы, и, начиная с 70-х годов XV в., они все чаще пробовали поставить под контроль важнейшие рычаги политической жизни русских земель. При этом наряду с открытыми, лобовыми атаками Константинополь прибегал и к завуалированным методам идеологического и политического воздействия

²⁵⁹ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 487; К. Chodynicki, *Kościół...*, стр. 54.

²⁶⁰ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 511.

²⁶¹ Макарий, *История...*, т. IX, стр. 63—64.

²⁶² В Типографской летописи под 1476 г. говорится: «того же лета прииде из Царьграда в Литовскую землю митрополит, именем же Спиридон, а родом тверитин, поставлен по мзде патриархом, а повеленьем турецкого царя» (см. ПСРЛ, т. 24, стр. 195; Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 550—551).

²⁶³ В 1482 г. он бежал в Москву, где оказался также изолированным в Фералонтовом монастыре вплоть до своей смерти в 1503 г. (Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 551).

на русскую церковь. В этом отношении привлекают внимание какие-то особые контакты, установленные Царьградом и Афоном с московским митрополитом всея Руси Геронтием (1473—1480).

Это был уже новый этап во взаимоотношениях русской церкви с Константинополем, этап, тесно связанный с внешней политикой султанской Турции. Вместе с тем данный этап совпал по времени с развитием реформационного движения в русских землях, в частности с возникновением новгородско-московской ереси 70—90-х годов XV в.

* *

*

Верное своей основной стратегической задаче в Восточной Европе — поддерживать любыми средствами равновесие сил в ходе борьбы между ведущими восточноевропейскими государствами, турецкое правительство не могло «беспредельно» содействовать успеху Ивана III. Порта понимала значение союза великокняжеской власти с русской православной церковью, отделившейся от Константинополя и выступавшей в поддержку политики собирания русских православных земель вокруг Москвы. Она видела в этом союзе опасность и потому, при содействии Крыма продолжая сотрудничать с Иваном III в чисто политической сфере, в то же время начинала вести скрытую борьбу против Москвы в церковно-религиозной области. Именно в 70—80-е годы правители Турции стали усиленно поддерживать попытки константинопольского патриархата «воссоединить» греческую и русскую церкви, вернуть московскую церковь в лоно «истинного» греческого православия. Одновременно они стали все больше обращать внимание на положение дел в православной церкви Великого княжества Литовского.

Здесь турецкая дипломатия неожиданно встретила сочувственный прием. Обеспокоенный ходом борьбы с Москвой, усиливавшимся натиском Крыма, а также происшедшим в конце 60-х годов разрывом с римским престолом, Казимир в 70—80-е годы стремился восстановить отношения с Ватиканом и в то же время найти почву для сближения с Турцией.

Добиваясь восстановления контактов с Римом, литовский князь пытался использовать «медлительность» Ивана III в выполнении взятых им на себя «обязательств» перед Ватиканом. Когда в 1473 г. папский нунций Антонио Бонубре проездом из Москвы в Рим появился в Польско-Литовском государстве ²⁶⁴ и сообщил здесь об отказе московского князя не-

²⁶⁴ K. Chodynicki, *Kościół...*, str. 66.

медленно осуществится унию, Казимир инспирировал послание ряда западнорусских епископов к папе Сиксту IV. В 1476 г. было организовано еще одно письмо в Рим²⁶⁵. В 1477 г. Казимир направил в Италию Каллимаха, итальянца по происхождению, тогда видного польского дипломата²⁶⁶. Именно к этому времени относятся и переговоры Казимира с римским папой по поводу предоставления Литве денег для восточного похода.

В 70-х годах Литовская Русь оказалась «разбитой, не имея своего духовного вождя»²⁶⁷. Стремясь ликвидировать это положение, Казимир выдвинул в 1476 г. «электом» на должность «митрополита киевского и всея Руси» Мисаила и хотел добиться его утверждения Римом и Константинополем. Однако поездка Мисаила в Рим не дала результатов²⁶⁸, так же как и другие шаги, предпринятые Казимиром. Польско-литовскому правителю не удалось восстановить контакты с римским престолом и лишить Москву поддержки Ватикана. Несмотря на фактическую бездеятельность Ивана III на почве московско-римского «сотрудничества», московский государь, по-видимому, продолжал пользоваться некоторым «расположением» не только Сикста IV (1471—1484), но и его преемников — Иннокентия VIII (1484—1492) и Александра VI (1492—1503)²⁶⁹.

Так же неудачны были попытки Казимира сблизиться с Константинополем и Портой: политические шаги середины 70-х годов не имели успеха. Мисаил не был одобрен Царьградом, а выдвинутого турками на пост митрополита Спиридона Сатану не принял глава Польско-Литовского государства.

²⁶⁵ М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. V, стр. 531—533; K. Chodynicki, *Kościół...*, стр. 66—68; Макарий, *История...*, т. IX, стр. 43—44; L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 345.

²⁶⁶ Не случайно участник заговора 1468 г. против папы Павла II Филиппо Буонакорзи, более известный под именем Каллимаха Эксперिएнта, в конце концов оказался воспитателем детей Казимира IV и одним из ведущих польских дипломатов. (J. Gorbacik, *Kallimach jako dyplomata i polityk*, Kraków, 1948, str. 56—63).

²⁶⁷ L. Kolankowski, *Dzieje...*, t. I, str. 345.

²⁶⁸ Макарий, *История...*, т. IX, стр. 44—46, 56—61, 62—63. — Факт поездки Мисаила в Рим является вполне достоверным. По-видимому, Мисаил так и не был утвержден в сане митрополита до своей смерти в 1480 г.

²⁶⁹ В секретных переговорах с агентами Рима Иван III, видимо, не исключал возможности совместной борьбы против султанской Турции, во всяком случае он пропустил через Москву венецианского дипломата Контарини, возвращавшегося из Персии, где он стремился содействовать разжиганию персидско-турецкой вражды («Библиотека иностранных писателей», т. I, стр. 100—116). Иван III разрешил также проезд через русскую столицу в Сарай-Берке венецианцу Тревизано (ПСРЛ, т. 25, стр. 292, 299).

Сдвиг в отношениях между Казимиром и Константинополем произошел лишь в начале 80-х годов, когда предложенная Литвой кандидатура Симеона была «неожиданно» одобрена греческим патриархатом²⁷⁰.

Скромный результат усилий короля польского и князя литовского объяснялся, по-видимому, все той же умелой тактикой правителя Московского государства, который, произнося «проримские» декларации, в то же время осуществлял контакт с крымско-турецкой дипломатией. Представляется, что этот контакт государь всея Руси устанавливал не только в форме союза с Менгли-Гиреем, направленного против Орды и Польско-Литовского государства, но и в весьма своеобразной форме «заигрывания» с константинопольским патриархатом.

Отвергнув еще в 1470 г. попытку последнего восстановить власть над русской церковью, Иван III в дальнейшем вынужден был занять более гибкую позицию в данном вопросе. По-видимому, в течение 70-х годов он сделал ряд таких шагов, которые должны были свидетельствовать о его лояльном отношении к Константинополю. Разумеется, эти шаги отнюдь не ликвидировали того положения, которое было создано митрополитами Ионой, Феодосием и Филиппом, — русская церковь продолжала оставаться по существу независимой от Царьграда, — тем не менее создавалась видимость сближения между московской и греческой церквями.

В обстановке довольно натянутых отношений между патриархатом и московской митрополией особое значение должна была приобрести та или иная кандидатура на ставший вакантным после смерти Филиппа в 1473 г. пост митрополита всея Руси. По-видимому, не случайным было поставление в митрополиты Геронтия, имевшего репутацию иерарха, весьма лояльно относящегося к константинопольской церкви. Возможно, выбор пал на Геронтия именно потому, что Иван III считал этого иерарха способным добиться сближения с Константинополем, не жертвуя, естественно, при этом политическими интересами Московской Руси. Однако сравнительно немногочисленные сведения о деятельности Геронтия позволяют предполагать, что митрополит действовал, пожалуй, чересчур энергично и без должной гибкости выполнял поставленную перед ним задачу, порой вступая в конфликт с главой государства.

Весьма показательным было столкновение Ивана III с митрополитом Геронтием по поводу Кирилло-Белозерского

²⁷⁰ K. Chodynicki, *Kościół...*, str. 68, 71.

монастыря, который в 1478 г. по указанию митрополита перешел из ведения ростовского архиепископа Вассиана и, следовательно, в какой-то мере из ведения самого великого князя и официальной церкви в распоряжение верейско-белозерского князя Михаила Андреевича. Этот шаг Геронтия и Иван III и Вассиан стали рассматривать как выпад против великокняжеской власти и сложившихся союзных отношений между церковью и государством. Характерно, что имеющееся в летописях «Сказание о брани Геронтия с Вассианом» приписывает инициативу изъятия монастыря из сферы влияния великого князя и официальной церкви новопришедшему игумену Нифонту и каким-то «прихожим смутам»²⁷¹.

Если спор о подчинении монастыря не выходил за рамки внутреннего дела Московской Руси, то возникшая при освящении Успенского собора в 1479 г. дискуссия по поводу порядка движения крестного хода²⁷² приняла уже в начале 80-х годов международный характер. Весьма показательно, что в дискуссию включился молдавский епископ, естественно, находившийся в сфере влияния константинопольского патриарха. Когда московские послы в 1482 г. прибыли к молдавскому господарю Стефану, они встретились там с епископом Романа Торга — Василием, который взяв на себя роль арбитра в споре Геронтия с Иваном III, начал доказывать правоту митрополита ссылками на соответствующий порядок освящения церквей в Греции, в частности на Афоне²⁷³.

Создается впечатление, что разногласия относительно порядка движения крестного хода использовались только в качестве повода для споров между митрополитом и великим князем, а причины их были значительно более важными и

²⁷¹ «Иоасафовская летопись», М., 1957, стр. 117—118; Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 556.

²⁷² Спор шел о том, должна ли процессия двигаться по солнцу или против солнца (ПСРЛ, т. 20, стр. 335—336).

²⁷³ Характерно, что Василий резко осудил позицию оппонентов Геронтия, квалифицировав ее как «пролатинскую»: «А кто имет действовать по солнцу у Греческом закони, а тот есть проклят от первого собора... иже в Никеи. У нас латини тако творят» (см. Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 64; Е. Голубинский, *Краткий очерк истории православных церквей болгарской, сербской, румынской*, М., 1871, стр. 383—384). Это свидетельствовало о том, что спор по поводу крестного хода был в сущности проявлением соперничества двух церковно-политических концепций — греческой и латинской. Последнее обстоятельство подтверждается и другими фактами. Так, в частности, еще до освящения собора его строитель итальянец Аристотель Фиораванти высек над митрополичьим местом латинский крест, несомненно получив на это санкцию Ивана III, осуществившего тогда политику «заигрывания» с Римом. Между тем митрополит Геронтий предписал уничтожить этот крест: «его же митрополит последи стесати повеле» (ПСРЛ, т. 20, стр. 335).

носили, видимо, в основном политический характер. Поражает тот факт, что на протяжении ряда лет споры то затухали, то разгорались с новой силой (1479, 1481²⁷⁴, 1484 гг.²⁷⁵). При этом дискуссии носили настолько серьезный характер, что митрополит вынужден был сказываться больным и даже ставить вопрос об отставке. Характерно, что Иван III намеревался, как сообщает летопись, заменить Геронтия иерархом также «проафонской» ориентации, а именно Паисием Ярославовым²⁷⁶, но тот отказался от заманчивого предложения, сохранив тем самым Геронтия на посту митрополита. Представляется, что факт поддержки Геронтия Паисием свидетельствует о наличии между этими двумя иерархами какой-то солидарности, явной в организационных вопросах и скрытой в вопросах идеологических²⁷⁷. Тем более интересной является попытка Ивана заменить одного «грекофила» другим. Она ясно указывает на определенный политический курс князя, рассчитанный на известное поощрение «грекофильства», на сотрудничество с иерархами «проконстантинопольской» ориентации.

«Заигрывание» с константинопольским патриархатом шло не только по линии терпимости к «проафонским» настроениям. Весьма характерным для политики Ивана III 70—90-х годов было его подчеркнуто терпимое отношение к новгородско-московской ереси.

Возникновение в русских землях XIV—XV вв. ересей — этой наиболее радикальной формы реформационного движения — представляло собой естественный результат закономерного развития феодальной Руси. Выступление против церкви, являвшейся «высшей санкцией и обобщением фео-

²⁷⁴ ПСРЛ, т. 20, стр. 335, 348.

²⁷⁵ Там же, стр. 351.

²⁷⁶ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 558.

²⁷⁷ Мысль о том, что Геронтий и Паисий Ярославов были единомышленниками, высказал Денисов (Е. Denissoff, *Aux origines de l'église russe autocephale*, — «Revue des études slaves», Paris, 1947, t. 23, pp. 84—85). Исключая возможность такой трактовки, Я. С. Лурье писал: «Нам не известно ни одного случая, когда бы Геронтий, с одной стороны, и Паисий и Нил — с другой, выступали совместно и с одинаковых позиций» (Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 25). Представляется, что отказ Паисия занять пост митрополита как раз и является таким случаем, когда оба иерарха выступали объективно с одинаковых позиций и действовали совместно.

дального строя», было одним из проявлений социального протеста против феодального гнета вообще. Уже борьба против симонии в русской церкви XIV в. наметила симптомы антицерковного движения, но выступлением еретического характера было стригольничество, с особой силой проявившееся в Новгороде и Пскове, двух крупнейших и наиболее развитых в социально-экономическом отношении городских центрах феодальной Руси.

Стригольничество было прогрессивным общественно-религиозным движением, заставившим феодалов и феодальную церковь вести интенсивную борьбу против его участников. Известно, что стригольничество находилось под обстрелом официальной церкви²⁷⁸ (с осуждением его выступали митрополит всея Руси Фотий, епископ Стефан Пермский, константинопольский патриарх Нил). В 1375 г. в Новгороде против стригольников была применена смертная казнь²⁷⁹.

Опираясь в борьбе против феодалов главным образом на широкие слои посадского населения, стригольничество не смогло охватить феодально-зависимое крестьянство, что, разумеется, значительно ослабило движение²⁸⁰. Но, несмотря на классовую ограниченность и религиозную оболочку, оно знаменовало собой появление элементов нового гуманистического мировоззрения, представляло одну из форм революционной оппозиции феодальной церкви и феодальному строю²⁸¹.

Ересь стригольников конца XIV—начала XV в. была первым звеном в цепи других антицерковных еретических выступлений, среди которых особое место занимала повгородско-московская ересь 70—90-х годов XV в.

Этот важный этап в развитии реформационного движения на Руси представляется тесно связанным с борьбой русской «национальной» церкви против Константинополя, борьбой, развивавшейся по «французскому» пути.

Если в Чехии период становления национального государства и национальной церкви последовал за героической борьбой гуситов, если в имперских землях созданию независимых от Рима княжеств и лютеранской церкви предшествовала крестьянская война и евангелическая стадия реформации, то

²⁷⁸ Н. А. Казакова, Я. С. Лурье, *Антифеодальные...*, стр. 39—55, *Источники...* № 1—6.

²⁷⁹ Там же, стр. 39.

²⁸⁰ А. И. Клибанов, *Реформационные движения в России*, М., 1960, стр. 94; И. И. Смирнов, *Восстание Болотникова*, Л., 1951, стр. 502, 512; Н. А. Казакова, Я. С. Лурье, *Антифеодальные...*, стр. 73.

²⁸¹ Н. А. Казакова, Я. С. Лурье, *Антифеодальные...*, стр. 73.

во Франции сравнительно раннее (30-е годы XV в.) политическое отделение галликанской церкви от Рима значительно ослабило последующие стадии реформационного движения, в какой-то мере предопределило относительно скромный размах движения гугенотов.

Развитие реформационного движения в русских землях XV—XVI вв. во многом напоминает ход реформации во Франции. Политическое отделение русской церкви от греческой в 40-х годах XV в. не только усилило союз великокняжеской власти с русской «национальной» церковью, но и поставило последующее новгородско-московское еретическое движение 70—90-х годов XV в. в несколько особые условия, при которых эта антифеодальная в своей основе ересь, во-первых, не получила должного размаха, а во-вторых, оказалась тесно связанной со сложной политической борьбой, происходившей тогда на международной арене.

Иван III знал, что Царьград стремился всеми средствами восстановить те отношения греческого патриархата и русской церкви, которые существовали до 1448 г. Имея сведения о развитии ереси в Новгороде, о критике официальной московской церкви, осуществляемой некоторыми еретиками с позиций «истинного» греческого христианства, московский князь понимал, что деятельность этих критиков используется Константинополем в политических целях. Не желая, конечно, подчинять русскую церковь политическим и церковным кругам Константинополя, но понимая необходимость считаться с ними, Иван III стал на путь своеобразного «заигрывания» с еретиками, рассчитывая таким образом доказать патриархату свою готовность сблизиться с греческой церковью, а следовательно, находиться в политическом союзе с Портой и Крымом. Разумеется, Иван III видел социальную опасность, исходившую от ереси в целом, но в то же время считал целесообразным установить контроль над деятельностью еретиков. В связи с этим он не только намеренно затягивал борьбу с ересью, сознательно вел ее крайне вяло и нерешительно, но и по существу в 70—90-х годах XV в. становился на путь прямого сотрудничества с верхушкой еретиков.

Сведения о начальной стадии еретических выступлений в Новгородской земле весьма запутанны. Составленные на два-три десятилетия позднее «обличительные» материалы («Просветитель» Иосифа Волоцкого²⁸², послания новгородского архиепископа Геннадия²⁸³), по-видимому, создавали неверную.

²⁸² Там же, стр. 438—461.

²⁸³ Там же; Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 223.

искаженную картину зарождения еретического движения²⁸⁴. Ересь, возникшая в результате обострения социальных противоречий в феодальном Новгороде, была искусственно связана с иудаизмом, возможно, по каким-то не вполне ясным пока полемическим или пропагандистским соображениям. Однако частные факты, призванные служить обоснованием этого главного обвинения, выдвинутого Геннадием Новгородским и Иосифом Волоцким в адрес еретиков, являются вполне достоверными и находят подтверждение в более ранних источниках.

К сожалению, неизвестны многие подробности развития еретического движения в Новгороде на протяжении 70-х годов. Косвенным доказательством преуспевания ереси в Новгородской земле в это время может служить послание Иосифа Санина о Троице, написанное до 1479 г.²⁸⁵ Трудно сказать точно, догадывался ли в 70-х годах Иван III о причастности новгородских иерархов Алексея и Дениса к ереси (позднее великий князь раскаивался в том, что часто прикрывал своим авторитетом деятельность еретиков²⁸⁶). Как бы то ни было, в 1479 г. состоялся их перевод из Новгорода в Москву: Алексей был назначен протопопом главной кафедральной церкви Москвы — Успенского собора, а Денис стал служить в великокняжеском Архангельском соборе²⁸⁷. Таким образом, Иван III по существу содействовал возникновению кружка еретиков в Москве.

В 80-е годы деятельность еретиков в Новгороде стала предметом прямых и частых нападок новгородского епископа Геннадия, тем не менее Иван III не спешил расправиться с ними, так же снисходительно относился он и к московской ереси. Весьма характерно, что участники московского еретического кружка оказались связанными не только с правительственным

²⁸⁴ Прежде всего это касалось освещения роли Схари, который изображался в качестве чуть ли не единственного организатора и идеолога ереси, а также трактовки всего движения как «ереси жидовствующих». Ряд историков полностью воспринял эту концепцию (Макарий, Голубинский, Павлов и др.). Другая часть исследователей (Казакова, Лурье, Клибанов), опираясь на более глубокое изучение источников, отклоняла версию об иудейском характере движения. Некоторые историки вообще склонны отрицать реальное существование Схари и его прибытие осенью 1470 г. в Новгород в свите киевского князя Михаила Олельковича.

²⁸⁵ Н. А. Казакова, Я. С. Лурье, *Антифеодальные...*, стр. 305—309; Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 135.

²⁸⁶ Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 129.

²⁸⁷ Н. А. Казакова, Я. С. Лурье, *Антифеодальные...*, стр. 375—376; Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 136. — Алексей вскоре умер, а Денис продолжал свою службу вплоть до 1490 г.

аппаратом Русского государства²⁸⁸, но и с определенными внешнеполитическими сферами.

Так, еретиками были тогдашний руководитель внешней политики России Федор Курицын, ездивший в 1482—1484 гг. к венгерскому королю Матвею Корвину и молдавскому господарю Стефану. Из Венгрии вместе с Курицыным прибыл в Москву угрин Мартынок, ставший активным участником еретического кружка²⁸⁹, в конце 1483 г. из Молдавии приехала дочь Стефана, тогда уже турецкого вассала²⁹⁰, — Елена Волошанка, ставшая женой наследника престола в январе 1484 г.²⁹¹ Несмотря на полную неискuschenность в церковно-богословских спорах, она вскоре также примкнула к московскому кружку еретиков²⁹².

Хотя великий князь московский знал о размахе ереси, об участии Курицына и Елены в еретическом кружке, тем не менее он оставлял первого на посту «министра иностранных дел», а Елену Волошанку ставил почти на одну ступень со своей супругой Софьей Палеолог²⁹³. Не случайно после присоединения Твери Иван III сделал Елену «великой тверской княгиней», а сына Ивана — «великим князем тверским»²⁹⁴.

Все это свидетельствовало о том, что московский государь, реально отдавая себе отчет в определенной внешнеполитической ориентации части еретиков, связанных с Константинополем, терпимо относился к ереси и даже в известной мере покровительствовал еретикам. Подтверждением может служить тот факт, что после смерти Геронтия в 1489 г. Иван III сделал митрополитом Зосиму²⁹⁵, принадлежность которого к ереси подтверждается не только прямыми указаниями источников

²⁸⁸ Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 142—143, 181, 182, 405.

²⁸⁹ Там же, стр. 142, 181—182.

²⁹⁰ N. Jorga, *Geschichte...*, Bd II, S. 268—271, 274—275.

²⁹¹ Под 1484 г. во Львовской летописи записано: «тое же зимы женися великий князь Иван сын великого князя Ивана Генворя, а привели за него из Волох Елену дщерь Степана воеводы Волошского... того же году родися у сына великого князя у Ивана Ивановича сын Дмитрий от Волошенки октября 10» (ПСРЛ, т. 20, стр. 350).

²⁹² Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 143, 152. — Современники считали, что Елену свел в ересь Иван Максимов, сын новгородского попа Максима и зять протопопа Алексея (Н. А. Казакова, Я. С. Лурье, *Антифеодальные...*, стр. 436).

²⁹³ И действительно, женитьба наследника престола Ивана Ивановича на дочери турецкого вассала по своему политическому значению не уступала брачному союзу самого Ивана III с Софьей Палеолог. Об этом говорит напряженная политическая борьба, происходившая в 90-х годах XV в. между «партией» Елены и группировкой Софьи Палеолог.

²⁹⁴ ПСРЛ, т. 20, стр. 352; Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 390.

²⁹⁵ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 608; Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 143—151.

(«Просветитель» Иосифа Волоцкого), не только его терпимым отношением к еретикам, обнаружившимся на церковном соборе 1490 г., но и систематическим противопоставлением в документах эпохи этого митрополита его предшественникам — митрополитам Петру, Алексею, Ионе, олицетворявшим интересы русской национальной церкви. Иван III энергично поддерживал Зосиму, а когда стало необходимым устранить его с поста митрополита, обеспечил этому иерарху возможность весьма почетной отставки. Хотя преемником Зосимы оказался враг ереси митрополит Симон (1495—1511), тем не менее и он смог начать развернутое наступление на еретиков по идеологической и политической линиям только в 1502—1504 гг., когда сложились соответствующие внутриполитические и международные условия.

Таким образом, терпимость Ивана III к новгородским и московским еретикам на протяжении 80-х и даже 90-х годов является совершенно бесспорным фактом. Не без основания одни историки говорят о сотрудничестве Ивана III с еретиками²⁹⁶, а другие утверждают, что ересь была инструментом его внутренней политики²⁹⁷. Это парадоксальное на первый взгляд явление заставляло исследователей серьезно задумываться над его причинами.

Решить вопрос об основе сотрудничества еретиков (в какой-то мере носителей антифеодальных идей) с главой Русского централизованного феодального государства пытались в своих работах Казакова, Лурье, Клибанов, Зимин²⁹⁸.

²⁹⁶ Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 183, 402.

²⁹⁷ А. И. Клибанов, *Реформационные...*, стр. 183—190.

²⁹⁸ Клибанов рассматривал деятельность новгородского и московского кружков как проявление единого еретического движения в различных центрах феодальной Руси (А. И. Клибанов, *Реформационные...*, стр. 180—183 и др.), А. А. Зимин видел существенные различия между прогрессивной, опиравшейся на массы городского населения новгородской ересью и московским течением, которое он квалифицировал как «реакционное не только по форме, но и по существу», поскольку оно оказалось связанным с «феодално-боярской реакцией» [А. А. Зимин, *О политической доктрине Иосифа Волоцкого*, — «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XI, Л., 1955, стр. 164—165 (далее — ТОДРЛ)]. Эту связь отрицал Я. С. Лурье, хотя он и считал московскую ересь менее радикальной, рассматривая программу кружка московских еретиков в свете интересов нарождавшегося дворянства, в частности «низшего» (Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 181—183). Справедливо подчеркивая, что московские еретики были тесно связаны с великокняжеской властью [сам Иосиф Волоцкий утверждал, что какое-то время Иван III находился под влиянием Федора Курпчина: «тсю бо державный во всем послушаша» (там же, стр. 392)], Я. С. Лурье в то же время не совсем прав в попытке доказать органическое смыкание идей еретиков (он их квалифицирует целиком в качестве антифеодальных идей) с идеологией централизованного феодального государства.

Предложенные ими решения вопроса интересны, но довольно противоречивы и в конечном счете не являются исчерпывающими. Несомненно, рассмотрение проблемы сотрудничества Ивана III с ересью следует осуществлять на более широком фоне внутривосточной жизни Московской Руси и международных отношений в Восточной Европе того времени. Представляется, что в новгородско-московском еретическом движении следует различать два направления не по территориально-географическим, а по политическим признакам. Одно из них нужно связывать с антифеодальной борьбой народных масс («низы» еретического движения), другое — с борьбой внутри господствующего класса феодальной Руси, с попытками того или иного решения вопроса о московско-константинопольских отношениях («верхушка» еретиков). Необходимо учитывать, что «верхи» московской и новгородской ереси находились в тесном контакте и по идеологической, и по организационной линии, в то время как «низы» еретического движения при всем единстве антифеодальной направленности их идеологии все же оставались разобщенными в организационном отношении. Признание двух тенденций в еретическом движении позволяет выявить «объективные» и «субъективные» его стороны, объяснить антифеодальный характер новгородско-московской ереси и в то же время без элементов идеализации показать политическую основу сотрудничества некоторых еретиков с великокняжеской властью. При этом представляется чрезвычайно важным выяснение идеологической и политической сущности самой ереси²⁹⁹ и оценка ее в свете тогдашних внутренних и международных событий.

Исследователи вопроса уже отмечали тот факт, что позитивная богословская программа еретиков не отличалась последовательностью и цельностью, — это была эклектическая смесь ряда положений, провозглашавшихся в разное время в христианской литературе³⁰⁰. Политическая направленность ереси раскрывалась в критике официальной русской церкви. Здесь сравнительно редко проявлялись прямые антифеодаль-

²⁹⁹ Источниками для раскрытия идеологии новгородских еретиков в 70—80-х годах являются послания Геннадия, «Послание о Троице» Иосифа Волоцкого, «Слово об иконах»; в 90-х годах — «Сказание о седьмой тысяче», «Рассуждение об иноческом жителстве». Источниками для изучения московской ереси служат «Извещение о пасхалии» Зосимы (РИБ, т. VI, № 118), «Сказание о скончании седьмой тысячи» Иосифа Волоцкого (Н. А. Казакова, Я. С. Лурье, *Антифеодальные...*, стр. 394—409), «Начало пасхалии» Геннадия (РИБ, т. VI, № 119).

³⁰⁰ Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 154—156; Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 585.

ные настроения³⁰¹, основы феодальной религии, фундамент феодального строя не затрагивались³⁰², чаще звучали ноты недовольства в связи с недостатками церковной организации и злоупотреблениями церковников (поставление иерархов «по мзде», элементы «стяжательства» в жизни монастырей и т. п.³⁰³).

В этом отношении характерны высказывания «чернеца» Захара, который не без основания считается одним из идеологов новгородско-московской ереси³⁰⁴. Эти критические высказывания, воспроизведенные в посланиях новгородского епископа Геннадия (1490 г.), видевшего в Захаре «ересем начальника»³⁰⁵, были направлены не против христианства и православия, а против того порядка в русской церкви, при котором епископы и митрополиты ставились «по мзде» светскими властями.

Судя по изложению Геннадия, Захар утверждал, что отделение русской церкви от Константинополя ничего ей не дало, изменив положение только к худшему. Если раньше русская церковь зависела от Царьграда, то теперь, по его мнению, ее судьба определялась волей бояр: «Коли, деи, в Царьград ходил естъ митрополит ставится и он, деи, патриарху денги давал, а ныне, деи, он боярам посулы дает тайно, а владыки, деи, митрополиту дают деньги»³⁰⁶.

Выступление против «мзды» представляется началом борьбы со «стяжательством» церкви и монастырей, объективно оно являлось попыткой ослабить политический и экономический союз, существовавший тогда между церковью и великокняжеской властью³⁰⁷. По-видимому, так же следует рассматривать

³⁰¹ Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 164; Н. А. Казакова, Я. С. Лурье, *Антифеодальные...*, стр. 317; А. И. Клибанов, *Реформационные...*, стр. 179.

³⁰² Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 168, 402.

³⁰³ Там же, стр. 170—171.

³⁰⁴ Захар начал свою еретическую деятельность в Новгороде и Пскове, но тесно был связан и с Москвой: он посылал грамоты в Московскую землю, а когда был разоблачен Геннадием как еретик, бежал в Москву под защиту Зосимы или, может быть, самого великого князя (А. И. Клибанов, *Реформационные...*, стр. 171).

³⁰⁵ Н. А. Казакова, Я. С. Лурье, *Антифеодальные...*, стр. 383, 385; Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 162.

³⁰⁶ Н. А. Казакова, Я. С. Лурье, *Антифеодальные...*, стр. 380.

³⁰⁷ Как подчеркивает Я. С. Лурье, Захар не мог не знать, что митрополит ставился не боярами, а великим князем. А это означало, что, осуждая на словах сотрудничество церкви и бояр, он на самом деле осуждал союз московской церкви и великокняжеской власти (Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 181—183, 402). Это, однако, не мешало Захару видеть в Иване III своего защитника и чуть ли не союзника.

и критику некоторыми еретиками института монашества³⁰⁸ («Рассуждение об иноческом жителъстве»³⁰⁹, а также 11-е «слово» «Просветителя»)³¹⁰.

Еще одним документом, отражающим в известной мере взгляды еретиков, является «Изложение пасхалии» митрополита Зосимы³¹¹. Поскольку положение митрополита обязывало Зосиму оставаться в рамках официальной церковности, нельзя, разумеется, ждать от этого памятника утверждений слишком еретического характера. Тем не менее определенная тенденциозность документа все же чувствуется, в нем Зосима выступает, с одной стороны, как защитник идеи преемственной связи между Константинополем и Москвой, а с другой — как апологет Ивана III, которого он рассматривал в качестве «государя и самодержца всея Руси, нового царя Константина».

Представляется совершенно не случайным тот факт, что Зосима называет Москву новым, вторым градом Константина, но отнюдь не «третьим Римом». Это позволяет видеть в формуле «Москва — новый град Константинов» не прообраз будущей теории «Москва — третий Рим», а прямое указание на существование соперничавшей с ней самостоятельной доктрины: подчеркивая историческую преемственность Москвы и Константинополя, автор «Изложения пасхалии» не столько сталкивал эти два центра православия, сколько противопоставлял их вместе католическому Риму. Утверждая, что Москва является «новым градом Константина»³¹², митрополит тем самым делал скрытый комплимент греческому православию, оказавшемуся достойным подражания в Москве.

«Изложение пасхалии» Зосимы свидетельствовало, что за выступлениями верхушки еретиков скрывались отнюдь не антифеодальные настроения. Внешнеполитическая ориентация «верхов» еретического движения проявлялась здесь достаточно ясно и убедительно. Связь этого направления ереси с международными силами находит подтверждение и в факте борьбы двух политических группировок правящего класса феодальной Руси того времени — «партии» Софьи Палеолог и ее сына Василия, с одной стороны, и «партии» Елены Волошанки — с другой.

³⁰⁸ Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 170—171, 249, 403. — В работе Ю. К. Бегунова «Кормчая Ивана-Волка Курицына» подчеркивается связь в этом вопросе московских еретиков с последующими «нестяжателями» (ТОДРЛ, т. XII, М. — Л., 1956, стр. 141—159).

³⁰⁹ Н. А. Казакова, Я. С. Лурье, *Антифеодальные...*, стр. 414—419.

³¹⁰ Там же, стр. 485.

³¹¹ РИБ, т. VI, № 118, стр. 795—802.

³¹² Там же.

Задача поддержания хороших отношений с Царьградом, Портой и Крымом требовала от Ивана III укрепления контактов с ними. Известно, что уже в 1479—1481 гг. московский государь начал переговоры с турецким вассалом воеводой Стефаном Молдавским о выдаче замуж его дочери Елены (от первого брака с манкупской княжной Марией) за наследника московского престола. Этот шаг был сделан в тот период, когда, с одной стороны, становилась все более явной тенденция распространения турецкого влияния не только на Крым, но и на Придунайские княжества, а с другой — разворачивалось сепаратистское движение в Поднепровье.

На важное политическое значение намечавшегося брака Елены Волошанки и великого князя Ивана Ивановича сразу обратили внимание как глава Польско-Литовского государства, так и крымский хан. Если Казимир пытался помешать заключению брака, то Менгли-Гирей явно содействовал ему. Под 1482 г. в Львовской летописи записано: «еще же сватался князь великий с Волошским воеводою Степаном, взяти дщерь его Олену за своего сына, а ездил Андрей Плещеев, да Иван Зиновьевич... король же пути не хоте дати... Князь же великий посла к Мен Гирею Крымскому, повеле воевати королеву землю. Менг Гирей же с силою своею взя Киев»³¹³.

Таким образом, очевидно, что сватовство наследника московского престола и Елены Волошанки происходило вопреки воле Казимира и при прямом сочувствии и поддержке Менгли-Гирея³¹⁴; очевидны и определенные внешнеполитические расчеты Ивана III, связанные с этой женитьбой. Но у Ивана III были планы использовать новую великокняжескую чету и во внутриполитической жизни страны: уже отмечалось, что в 1485 г. московский государь передал ей только что присоединенное Тверское княжество.

Есть основания думать, что к этому шагу Иван III стал готовиться еще в 1483—1484 гг., когда он решил передать своей снохе какие-то драгоценности («сажения»), принадлежавшие

³¹³ ПСРЛ, т. 20, стр. 349.

³¹⁴ Любопытно, что, после того как переговоры о браке завершились и Елену Волошанку везли из Молдавии в Москву, Казимир, поняв бесполезность дальнейшего противодействия, стал демонстративно приветствовать женитьбу московского наследника на дочери молдавского воеводы. Когда Елена Волошанка проезжала «через королеву отчину», то Казимир «к ней дары прислал на дорозе из Новгорода из литовского» (ПСРЛ, т. 20, стр. 349).

ранее его первой жене — тверской княгине Марии³¹⁵. Хотя внешне передача тверских драгоценностей, как и само представление Волошанке и ее мужу тверского княжения, не выходили за рамки обычного великокняжеского «пожалования», по существу эти акты имели особо важное значение в политической жизни Руси того времени, помогая Ивану III вести борьбу против Твери, давней соперницы Москвы³¹⁶. Дело в том, что возведение на тверской престол константинопольской ставленницы Елены Волошанки парализовало традиционные связи тверского правящего дома с Царьградом, содействовало изоляции тверского князя Михаила Борисовича как на международной арене, так и внутри его княжества³¹⁷. В дальнейшем оно, возможно, ускорило и само присоединение Твери к Русскому государству.

Выдвижение на первый план наследника престола, жена того на дочери турецкого вассала, естественно, задевало интересы супруги Ивана III, воспитанницы Рима Софьи Палеолог. Противоречия, существовавшие тогда между Константинополем и Римом в Европе, как бы распространялись теперь и на московские придворные круги. Ушедшая на второй план группировка Софьи и Василия не хотела мириться со своим положением. В 1490 г. наследник престола великий князь Иван Иванович неожиданно умер в результате «лечения» лекаря Леона, приехавшего в Москву из Венеции. То, что эта смерть не была случайной и рассматривалась в Москве как результат происков, идущих из той страны, откуда явилась великая

³¹⁵ ПСРЛ, т. 20, стр. 350; А. В. Экземплярский, *Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.*, т. II, СПб., 1891, стр. 510; Л. В. Черепнин, *Образование...*, стр. 889.

³¹⁶ В 40—60-х годах XV в., в условиях ослабления Московской Руси, произошло заметное усиление Тверского княжества, вновь начавшего «выступать с претензиями на общерусскую власть» (Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 360). Об этом свидетельствовала не только сама политика тверского князя Бориса Александровича, но и ее идеологическое оформление, в частности создание панегириков «общерусской» программе этого князя (Н. П. Лихачев, *Инок Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче*, СПб., 1908). Характерно, что Тверь, несмотря на разрыв Москвы с Константинополем, продолжала «боготворить Царьград» (А. Н. Насонов, *Летописание Тверского княжества...*, — «Известия АН», 1930), а Царьград соответственно благожелательно относился к Твери, поддерживал ее «общерусские» претензии, содействовал, видимо, предоставлению князю Борису Александровичу «царского венца».

³¹⁷ Не удивительно, что тверской великий князь был крайне раздражен приездом в Тверь московского посла Гусева, сообщившего о рождении у Елены Волошанки сына Дмитрия: он не принял поклона от московского правительства, а самого посла «выслал... вон из избы» (ПСРЛ, т. 15, стр. 497—499).

княгиня московская, свидетельствует как казнь Леона, так и почти полное устранение от политической жизни Софьи и Василия в начале 90-х годов XV в.³¹⁸

Но группировка Софьи Палеолог не складывала оружия: в 1497 г. она организовала заговор, направленный против Елены Волошанки, ее сына Дмитрия, а в какой-то мере и против самого Ивана III³¹⁹. Заговор кончился провалом. Софью и Василия постигла опала, а «партия» Елены Волошанки значительно усилилась. 4 февраля 1498 г. в небывало торжественной обстановке произошла коронация Дмитрия: «великий князь Иван Васильевич всея Руси благословил и пожаловал великим княжением Володимирским и Московским всея Руси внука своего князя Дмитрия Ивановича», «по благословению митрополита Симана... всего священного збора Русския митрополия возложиша на него бармы Мономаховы и шапку». Летописный рассказ был повторен в более развернутом виде в специальном памятнике «Чин венчания»³²⁰, где Дмитрий назывался «царем» и также фигурировали «шапка Мономаха» и «бармы».

Весьма характерно, что автором «Чина венчания» и «Послания о Мономаховом венце» был не кто иной, как явный ставленник Порты, неудачливый «митрополит всея Руси» Спиридон Сатана, живший в Московском государстве с 1482 г.³²¹. Использование для теоретического обоснования коронации Дмитрия такого иерарха-богослова, как Спиридон, интересно во многих отношениях. Показательно, что именно сын Елены Волошанки, тесно связанной через своего отца с Турцией, стал объектом защиты и прославления со стороны человека, который еще в 1476 г. был поставлен турецким правительством в «митрополиты всея Руси». Любопытна также и «протверская» тенденция «Послания», которую Я. С. Лурье связывает с использованием тверичанином Спиридоном каких-то не дошедших до нас тверских памятников³²². Интерес к Твери объ-

³¹⁸ Показательно, например, что в 1493 г. Иван III готов был жениться на дочери датского короля.

³¹⁹ Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 363, 384; *Из истории русского летописания конца XV в.*, — ТОДРЛ, т. XII, стр. 180—181.

³²⁰ ПСРЛ, т. 12, стр. 246; т. 20, стр. 366; «Чин поставления на великое княжество князя Дмитрия Ивановича», — «Чтения Общества истории древностей российских», 1883, кн. I, стр. 32—38 (далее — «Чтения ОИДР»); «Сказание о князьях Владимирских», М.—Л., 1955, стр. 113—118.

³²¹ Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 386. — Р. П. Дмитриева связывает с «Посланием» Спиридона возникновение «Сказания о князьях Владимирских» (Р. П. Дмитриева, «Сказание о князьях Владимирских», М., — Л., 1955, стр. 60—66, 70, 72).

³²² Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 387—388.

аспаясь, по-видимому, прежде всего тем обстоятельством, что Елена Волошанка и Иван Иванович еще в 1485 г. приняли тверской великокняжеский титул, который, вероятно, перешел к их сыну³²³. Вместе с тем нельзя забывать, что сочинение Спиридона Сатаны было написано в те годы, когда еще живы были воспоминания об активных попытках Казимира (1483—1485 гг.) закрепить Тверь за собой, а это обязывало провозгласить «прочность» московско-тверского объединения.

«Венчание» Дмитрия в 1498 г. оказалось наивысшей точкой возвышения Волошанки и ее сына; торжество их «партии» продолжалось недолго. Как только определились перспективы резкого ухудшения отношений с Турцией и Крымом после разгрома Орды в 1502 г., «заигрывание» Ивана III с протурецкой группировкой становилось бесцельным. В 1502 г. Елена Волошанка и князь Дмитрий были отстранены от власти, руководящее место прочно заняла враждебная им группировка Софьи Палеолог и князя Василия³²⁴.

Естественно, что Стефан и Менгли-Гирей, уведомленные об опале Елены и Дмитрия литовским князем Александром, восприняли ее как крупное политическое поражение³²⁵. Не случайно перед московскими послами стояла задача смазать значение этого события или хотя бы преуменьшить его масштабы, показав в то же время, что виновником перемен является не Иван III, а сам Дмитрий, Елена Волошанка и ее помощники: «Внука своего государь наш было пожаловал, а он стал государю нашему грубить, но ведь жалуется всякий того, кто служит и норовит, а который грубит, того за что жаловать?»³²⁶. В инструкции направлявшемуся в Крым московскому послу Ивану Беклемишеву от октября 1502 г. было сказано: «А вопросят его (посла. — И. Г.) про внука и Ивану (Беклемишеву. — И. Г.) молвити: «внука был своего государь наш пожаловал великим княжеством, и он да и мати его великая княгиня Алена перед государем преступили, не по-

³²³ Выдвигая это объяснение, Лурье все же считает его недостаточным (Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 388). Пограничная с Литвой Тверь сохраняла особое политическое значение в составе Русского централизованного государства на протяжении всего XVI в. Совершенно не случайно «великий князь всея Руси» Симеон Бекбулатович был в свое время провозглашен и тверским князем.

³²⁴ ПСРЛ, т. 10, СПб., 1885, стр. 373; С. М. Соловьев, *История...*, т. V, стр. 1469.

³²⁵ С. М. Соловьев, *История...*, т. V, стр. 1469; Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 248; «Сборник РИО», т. 41, стр. 440. — Как только Стефан узнал об опале Елены и ее сторонников, он арестовал московское посольство Дмитрия Ралева (А. Малиновский, *Историческое...*, стр. 155).

³²⁶ «Сборник РИО», т. 41, стр. 440.

пригожу учинили; и государь наш, за ту их проступку, у своего внука великое княжество взял да пожаловал всеми княжества сына своего великого князя Василия»³²⁷.

* *
*

Положение, создавшееся во внутриполитической жизни Московской Руси (борьба внутри господствующего класса двух группировок, одна из которых была тесно связана с ересью), оказывало известное влияние на обстановку в церковных сферах, на развитие отношений еретиков с orthodoxами православия. При этом характерно, что Иван III, терпимо относившийся к еретикам и создававший благоприятные условия для их деятельности, не оставлял без поддержки и официальную церковь, в частности таких orthodoxальных ее представителей, как Геннадий, а затем Иосиф Волоцкий.

Создается впечатление, что Иван III вполне сознательно стремился «поднять» деятельность верхушки еретиков до уровня деятельности одной из политических группировок правящих кругов Московской Руси, в то же время стараясь поставить сторонников orthodoxального православия на положение другой политической группировки, вынужденной вести борьбу с первой главным образом в форме идеологической полемики и богословских дискуссий. Дошедшие до нас документы позволяют выявить некоторые детали этой особой тактики Ивана III.

Прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что государь всея Руси не только следил за стихийно возникшей ересью и пытался ее использовать в определенных политических целях, но и умело оказывал влияние на характер деятельности некоторых еретиков. Не чувствуя поддержки Ивана III, Елена Волошанка и Федор Курицын не смогли бы активно участвовать в ереси, а такие идеологи еретического движения, как Захар, не осмелились бы называть новгородского архиепископа Геннадия «еретиком»³²⁸. Между тем именно Захар вел острую полемику с Геннадием, считая еретиком не себя, а новгородского епископа; именно Захар, формально осужденный, предпочел все же ехать не в монастырскую ссылку, а в Москву³²⁹, надеясь здесь получить помощь от митрополита Зосимы, а возможно, и от самого Ивана III.

³²⁷ Там же.

³²⁸ Н. А. Казакова, Я. С. Лурье, *Антифеодальные...*, стр. 380.

³²⁹ Там же.

Без поддержки «державного» еретика не смогли бы вести себя столь развязно и во время церковного собора 1490 г., когда они не только не признали своей вины, но и перешли в наступление на Геннадия, обвиняя его в злоупотреблении властью при расследовании дела о ереси³³⁰. Последнее обстоятельство носило тем более серьезный характер, что план наступления был явно согласован с Еленой Волошанкой, Зосимой, Курицыным. Сам Геннадий прекрасно знал (в частности, от допрошенного еретика Самсонки), что многие новгородские еретики постоянно «поучались» у Курицына и что сам «Курицын начальник тем всем злодеем»³³¹. Все это заставило новгородского архиепископа перейти к обороне и раскрыть подлинную картину расследования, в котором, как выяснилось, сам Иван III играл весьма активную роль. Так, в оправдательном послании к собору 1490 г. Геннадий подчеркивал, что он вел расследование дела новгородских еретиков не один, а в составе целой комиссии: «А се яз святитель, да *два боярина великого князя* (здесь и далее курсив мой. — И. Г.), да мой боярин, да опрочь того неколико *детей боярских великого же князя*, да к тому игумены да священники». Указав на большой круг лиц, занимавшихся расследованием, Геннадий сокрушался по поводу того, что теперь все сваливают только на него одного: «Ино тому не верят, да *мимо всех тех* (участников расследования. — И. Г.), да на меня со лжою. А яз ли того Самсонка мучил? *Ведь пытал его сын боярский великого князя, а мой только сторож*, чтоб посула никто не взял»³³².

Таким образом, становится очевидным, что Иван III выступал одновременно в двух лицах: союзника еретиков и их активного обличителя. Но характеристика Ивана III как политика будет неполной, если не учесть того обстоятельства, что государь всея Руси одновременно был «противником» «латинства» и «союзником» римского папы.

На последнее указывает факт разрешения Геннадию сотрудничать с представителями римско-католической церкви³³³. Известно, что в кружок Геннадия входили монах-доминиканец «поп Вениамин, родом словенин, а верою латинянин», братья Дмитрий и Юрий Траханиоты, выполнявшие функции

³³⁰ «Вы ся перед нами заперли, а на Генадия многиа... есте хулы говорили» (Н. А. Казакова, Я. С. Лурье, *Антифеодальные...*, стр. 383). В соборном приговоре говорилось о нападках еретиков на Геннадия: «И **вы** паки приехав на Москву здесе били есте челом государю великому князю на Генадия архиепископа о том, что он вас имал и ковал и мучил изомениа, да грабил животы ваши» (там же).

³³¹ Там же, стр. 380.

³³² Там же.

³³³ Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 270.

дипломатов и переводчиков, братья Герасимовы, один из которых, Дмитрий, был переводчиком, а позднее дипломатическим представителем Московского государства в Риме (1526 г.).

Этот кружок занимался не только распространением церковных книг среди своих единомышленников (Геннадий посылал книги Иосифу Волоцкому и другим), но и вел полемику с еретиками (по вопросу о конце мира, церковном землевладении), обсуждал проблему введения инквизиции для борьбы с ересью. Весьма симптоматичным было появление в 1947 г. «Слова кратка», приписываемого Вениамину³³⁴. Доминиканца не случайно привлекла в «сей пресветлой русской стране» проблема законности церковного землевладения. Не случайными, по-видимому, были и его декларации о «близости» Константина и Карла Великого и о якобы существовавшей исторической преемственности между «грецы, русь и латыни»³³⁵.

Чрезвычайно важным результатом деятельности кружка был перевод Библии, сделанный в 1499 г. с латинского текста³³⁶.

Связи кружка Геннадия с «латинством» были настолько заметными, что послужили основанием для утверждений некоторых историков о направляющем воздействии доминиканцев на всю деятельность «обличителей»³³⁷. Хотя такая оценка является явным преувеличением, тем не менее сам факт сотрудничества с «латинами» не вызывает сомнений. Важно отметить, что это сотрудничество было известно Ивану III и в определенной форме санкционировано им (в своих посланиях Геннадий, например, прямо ссылается на латинскую информацию об испанской инквизиции).

Все это рисует государя всея Руси фигурой чрезвычайно сложной и в политическом отношении многогранной, свидетельствует о том, что его стратегия и тактика определялись весьма запутанной политической обстановкой как в самом Московском государстве, так и на международной арене. Эта своеобразная тактика довольно долго маскировалась видимостью колебаний Ивана III между Геронтием, Зосимой, Еленой Волошанкой, с одной стороны, и Геннадием, Иосифом Во-

³³⁴ «Чтения ОИДР», 1902, кн. II, отд. III; Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 225—227, 266, 270, 274.

³³⁵ Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 228.

³³⁶ Там же, стр. 270—283.

³³⁷ Н. П. Попов, *Афанасьевский извод «Повести о Варлааме и Иоасафе»*, — «Известия отделения русского языка и словесности», т. XXXI, стр. 229; E. Denissoff, *Aux origines...*, pp. 79—81.

лоцким, Софьей Палеолог — с другой, но умело осуществлявшаяся маскировка отнюдь не меняла самой сущности политики, важным элементом которой было создание двух конкурировавших группировок московской знати, ориентировавшихся одна на Рим, другая на Константинополь.

Политический эффект такой тактики состоял не только в том, что Рим и Константинополь, рассчитывая на успех «своей» партии, осуществляли в целом весьма сдержанную, если не дружелюбную, политику по отношению к Москве, но и в том, что обе эти группировки внутри страны выступали с весьма близкими по своей идеологической сущности программами дальнейшего усиления Русского централизованного государства. Разница состояла лишь в том, что идеологи, примыкавшие к Елене Волошанке, приветствовали процветание Москвы в качестве «нового Константинополя», а идеологи, близкие Софье Палеолог, готовы были славить сильную Москву в качестве «третьего Рима». Основные идеи таких памятников, как «Изложение пасхалии» Зосимы, «Чин венчания» и «Послание о Мономаховом венце» Спиридона Сатаны, с одной стороны, и «Сказание о князьях Владимирских», «Повесть о новгородском белом клобуке»³³⁸, сочинения Филофея³³⁹ — с другой, настолько близки, что исследователи считают даже возможным говорить о литературном заимствовании

³³⁸ Н. Н. Розов, *«Повесть о белом клобуке» как памятник общерусской публицистики XV в.*, — ТОДРЛ, т. IX, М. — Л., 1953; *«Повесть о новгородском белом клобуке» (идейное содержание, время и место составления)*, — «Ученые записки ЛГУ», 1954, вып. 20, № 173. — Розов справедливо относит возникновение памятника к концу XV в. Я. С. Лурье (*Идеологическая борьба...*, стр. 234) считает, что легенда о белом клобуке возникла в это время, но была переработана в «Повесть» позднее. Интересно стремление автора «Повести» называть Русское государство не вторым Константинополем, а третьим Римом. Так, трактуя белый клобук как символ подлинной святости и рассматривая перевозку этого клобука из Рима через Константинополь в русскую землю, — говорили константинопольскому патриарху явившиеся к нему во сне «мужи незнаемыс», — и да не обладают агаряне внуцы поганий, ни да поругают его, якоже латынский папа хотяже сотворить» («Хрестоматия по древней русской литературе XVI—XVII вв.», М., 1947, стр. 234).

³³⁹ См. В. Малинин, *Старец Елеазарского монастыря Филофей и его послания*, Киев, 1901, стр. 522—550; М. А. Дьяконов, *Власть московских государей. Очерки из истории политических идей древней Руси до конца XVI в.*, — СПб., 1889, стр. 66—79.

нии друг у друга авторов этих произведений, вышедших из двух соперничавших лагерей³⁴⁰.

Представляется, однако, что идеологическая близость этих памятников говорит не столько о литературном заимствовании, сколько о том, что сама борьба двух группировок и их литературная деятельность регулировались одной политической инстанцией в лице государя всея Руси. Ведь и ориентация Елены Волшанки на Константинополь, и ориентация Софьи Палеолог на Рим в сущности были чисто внешними, так как могли опереться лишь на словесные декларации Ивана III. Дипломатическое искусство Ивана III, видимо, в том и заключалось, что он с помощью словесных деклараций, подкрепленных существованием двух конкурировавших группировок, добивался весьма важных политических результатов как на международной арене, так и внутри страны.

Какими значительными ни казались бы внешние колебания московского князя между ориентациями на Рим и Константинополь, по существу государь всея Руси оставался выразителем политических интересов одного центра — Москвы. В конкретной дипломатической деятельности Иван III исходил из задач, стоявших перед Русским централизованным государством, перед теми или иными институтами этого государства. В этом отношении весьма характерен любопытный документ, свидетельствующий о стремлении Ивана III противопоставить московскую церковь как Риму, так и Константинополю. Присяга епископов Московского государства, которую должны были произносить русские иерархи при поставлении их на епископские кафедры в конце XV — начале XVI в., гласила: «Отрицаюсь — Исидора... Григория болгаря, Спиридона, нарицаемого Сатана, взыскавшего в Царьграде поставления в области безбожных турок поганого царя, такожде и тех всех отрицаюсь, еже по нем, когда случится приити на Киев от Рима латинского или от Царьграда турецкой державы»³⁴¹.

Эти слова присяги как нельзя более ясно выражали основную линию политики Ивана III по отношению к Риму и

³⁴⁰ Так, одни историки утверждают, что «Послание о Мономаховом венце» Спиридона Сатаны явилось первичным памятником, на основе которого позднее было создано «Сказание о князьях Владимирских» (см. Р. П. Дмитриева, «Сказание...», стр. 60—66; Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 387—390). Другие высказывают противоположное мнение, причем выдвигается предположение, что общей основой этих двух произведений является «Повесть, начинающаяся с разделения вселенной Августом» (см. рецензию А. А. Зимина на книгу Р. П. Дмитриевой в журн. «Исторический архив», 1956, № 3).

³⁴¹ Макарий, *История...*, т. IX, стр. 64.

Константинополю. Отстаивая интересы Русского государства, великий князь сумел использовать борьбу «партий» при московском дворе для нейтрализации антимосковской активности двух важнейших политических и религиозных центров Европы. Если учесть при этом, что сама ситуация борьбы двух группировок была создана при деятельном участии государя всея Руси, то нужно признать, что в данном случае великий князь осуществил хорошо задуманный политический маневр, который обеспечил благожелательный нейтралитет (если не союз) Рима и Константинополя в годы решающих схваток Ивана III с Польско-Литовским государством.

КРЫМ, ТУРЦИЯ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI в.

1. Крымско-турецкая политика в Восточной Европе в начале XVI в. и некоторые особенности ее тактики

Ликвидация Большой Орды в 1502 г. и значительное территориальное расширение Русского государства при Иване III создали новую расстановку сил в Восточной Европе, которая повлекла за собой постепенное изменение внешнеполитического курса Крыма.

Уже в первые годы XVI в. Крымское ханство стало относиться к Москве с постоянно возрастающей враждебностью. Именно тогда начали устанавливаться особенно тесные контакты между Бахчисараем и Казанью¹, а также связи Крыма и Казани с литовским князем и польским королем². В ходе литовско-русских войн первых десятилетий XVI в. Крым чаще всего выступал союзником Сигизмунда I (1506—1548). Менгли-Гирей, а затем его преемник Мухаммед-Гирей (1514—1522) заключали договоры с польским королем о совместных выступлениях против Москвы в 1507, 1513, 1520 гг.³

Есть основания считать, что уже в это время Крым и Казань действовали отнюдь не самостоятельно, а выступали в качестве исполнителей широких политических замыслов Турции. Несмотря на то что главное внимание турок в первой половине XVI в. было сосредоточено на ближневосточных

¹ С. М. Соловьев, *История России*, т. V, стр. 1437, 1594; И. И. Смирнов, *Восточная политика Василия III*, — «Исторические записки», т. 27, М., 1948, стр. 21—22; Г. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, Казань, 1923, стр. 54—60.

² J. Szujski, *Dzieje Polski*, t. II, Lwów, 1862, str. 166, 178, 198; Г. Карпов, *История борьбы Московского государства с Польско-Литовским*, 1462—1508, М., 1867, стр. 125; «Polska, jej dzieje i kultura», t. I, Warszawa, 1927, str. 309, 313, 341.

³ W. Konopczyński, *Dzieje Polski nowożytnej*, t. I, Warszawa, 1936, str. 296, 306, 313, 341.

землях⁴, Балканском полуострове и прилегающих территориях Средиземноморья⁵, правящие круги Порты не отказывались от экспансии в восточноевропейские страны, но осуществляли эту экспансию весьма своеобразными методами, используя отношения, исторически сложившиеся между Стамбулом и Бахчисараем.

Известно, что уже в XV в. внутривосточная и внешнеполитическая жизнь Крымского ханства оказалась под контролем турецкого правительства. О важном значении такого контроля для Порты свидетельствовал тот факт, что турецким пашой в Кафе в течение нескольких лет был сам Сулейман, впоследствии знаменитый султан Османской империи (1520—1540)⁶. Но постоянное присутствие в Кафе авторитетного представителя правящих кругов Турции было далеко не единственным средством держать Крымское ханство в повиновении. Добиваясь максимального послушания ханов-наместников, Porta широко использовала практику частой смены правителей крымского «юрта». В ее распоряжении всегда находилась целая группа кандидатов на ханский престол из дома Гиреев⁷. Кроме того, султанское правительство опиралось также на оппозиционные по отношению к правящим ханам группировки крымских феодалов (беи Ширинские, Барынские, мурзы Мансурова родства, Манкит-беи и т. д.)⁸, а также на соседние с Крымом орды (сначала Большая Орда, потом Астраханское ханство и, наконец, Большие и Малые ногаи)⁹.

Все эти средства помогали турецкому султану держать в повиновении своего вассала, а сложившийся таким образом характер турецко-крымских отношений позволял Османской империи маскировать свое активное участие в политической жизни восточноевропейских стран, создавая возможность

⁴ N. Jorga, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd II, Gotha, 1909, S. 243—256.

⁵ Ibid., S. 327—341.

⁶ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века*, СПб., 1887, стр. 370, 377—379.

⁷ В. Д. Смирнов подчеркивал, что Гирей, находившиеся в Турции, были в руках султана орудием устрашения тех Гиреев, которые сидели на крымском престоле (*Крымское ханство...*, стр. 442).

⁸ Там же, стр. 316—318, 323, 413.

⁹ В XV—XVI вв. Porta организовывала свою власть над Крымом примерно теми же методами, какие применяла в XIII—XIV вв. Золотая Орда, «управляя» русскими землями. Здесь было то же использование противоречий «по вертикали» (тенденция централизации, олицетворяемая ханами, и тенденция децентрализации, выразителем которой были отдельные феодальные роды Крыма) и «по горизонтали» (противопоставление Крыму ногайских орд, Астрахани и т. д.).

осуществлять политику, формально отличную от крымской. Если на Ближнем Востоке, Балканах и Средиземноморье правители Порты выступали с открытым забралом, вели прямое вооруженное наступление на государства, расположенные в тех районах, то в Восточной Европе они осуществляли экспансионистскую политику, тайно опираясь главным образом на Крымское ханство, выступавшее то в качестве тарана, то в качестве политической силы, с успехом использующей дипломатическую игру.

Ставя перед собой задачу расширения и упрочения сферы влияния на восточноевропейских территориях, крымско-турецкая дипломатия прибегала к самым разнообразным приемам. Здесь можно указать как на умелое и тонкое завуалированное вмешательство во внутренние дела восточноевропейских государств, так и на использование противоречий между ними. Поддерживая контакты с Москвой и Краковом¹⁰, она настойчиво стремилась не допустить установления мирных или союзных отношений между Московским и Польско-Литовским государствами, разжигала антагонизм между ними, что достигалось часто путем одновременной поддержки их стремлений к гегемонии в Восточной Европе.

2. Крым и «восстание» Глинского

Стремясь ослабить усилившуюся при Иване III Московскую Русь, крымско-турецкая дипломатия рассчитывала не столько на свои вооруженные силы, сколько на форсирование московско-литовского вооруженного конфликта, который подготовлялся весьма завуалированными методами. Одним из средств подстрекнуть Сигизмунда к началу военных действий было заключение в 1507 г. мира и союза между ним и Менгли-Гиреем¹¹ и выдача крымским ханом польскому королю ярлыка на русские земли¹². Одновременно правящая верхушка Крыма постаралась, чтобы встревоженное этим сою-

¹⁰ См. Н. А. Смирнов, *Россия и Турция в XVI—XVII вв.*, т. I, М., 1946; Z. Abrahamowicz, *Katalog dokumentów tureckich*, Warszawa, 1959. — После договоров 1489 и 1494 гг. был заключен договор между Турцией и Польшей в 1502 г. (Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, № 11, 12, 14).

¹¹ Г. Карпов, *История...*, стр. 122, 129—130; J. Szujski, *Dzieje...*, т. II, стр. 166.

¹² М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, Львів, т. IV, 1907, стр. 457—464; L. Kolankowski, *Dzieje Wielkiego księstwa Litewskiego za Jagellonów*, т. I, Warszawa, 1930, стр. 327. — Весьма характерно, что крымский хан, считая себя наследником прав Золотой Орды на всю Русь, передавал Сигизмунду не только литовско-русские территории, но также и Новгород и Псков.

зом московское правительство не стало на путь отказа от внешнеполитической активности. Крымско-турецкая дипломатия сделала все, чтобы развязать инициативу Василия III, создав перед ним перспективу сравнительно легкой и в то же время ощутимой по своим возможным результатам победы над противником.

Имея в виду эту цель, крымский хан, несмотря на заключенный с Сигизмундом союз, не только не собирался предоставить Польше значительную военную помощь против Москвы, но и не отказывался от организации татарских набегов на польско-литовское Поднепровье¹³. Более того, уже давно поддерживавший контакты с главой «русской» партии Великого княжества Литовского Михаилом Глинским¹⁴, он по существу предложил московскому правительству оказать этому влиятельному политическому деятелю совместную помощь:

Такая тактика крымско-турецких политиков, характеризовавшаяся одновременной поддержкой двух конкурирующих сторон, приводила к тому, что противники не только не думали уступать друг другу, но и готовы были решать все спорные вопросы на поле брани. Не удивительно поэтому, что «мирные» дипломатические переговоры, происходившие между ними в марте — апреле 1507 г. в Москве, зашли в тупик. В сущности вопрос о войне против Московской Руси был решен уже на Виленском сейме еще в начале февраля 1507 г.¹⁵, а посольство польского короля, приехавшее 21 марта 1507 г. в Москву, имело целью выведать «расположение тамошнего двора»¹⁶ и предъявить Василию III явно неприемлемые требования об уступке Литве всех городов, присоединенных к Московской Руси Иваном III. Резкий тон польско-литовских дипломатов объяснялся тем, что они возлагали большие надежды в это время на союз с Крымом, а также на сотрудничество с Казанским ханством. Но поскольку Василий III также имел основания рассчитывать если не на союз, то на нейтралитет Казани и Крыма, русское правительство заняло в переговорах столь же решительную позицию. Подчеркнув, что требования Сигизмунда не обоснованы, что «вся русская земля наша отчина», Василий III заявил о готовности вести войну против Литовского княжества¹⁷.

¹³ В 1506 и 1508 гг. крымские татары организовали походы на литовские «украины» (J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 131, 166—167).

¹⁴ Г. Карпов, *История...*, стр. 130—131.

¹⁵ С. М. Соловьев, *История...*, т. V, стр. 1585.

¹⁶ Там же, стр. 1586.

¹⁷ Там же.

Решимость Москвы подтвердило выступление отрядов Холмского и Захарьина в сторону Смоленска уже в конце апреля — начале мая 1507 г.¹⁸ Правда, эта кампания носила, видимо, разведывательный характер, ибо войска вскоре вернулись на московскую территорию. Летом военные действия на западном фронте не происходили. Крымский хан не выполнил своего обещания и не прислал в распоряжение короля татарских войск¹⁹.

В этих условиях Сигизмунд решил приостановить вооруженную борьбу, направив в Москву специальное посольство с предложением начать мирные переговоры при посредничестве самого крымского хана²⁰. Однако установление мира между Москвой и Польско-Литовским государством не входило в намерения правящих кругов Крыма. Именно летом и осенью 1507 г. они стали еще более энергично поддерживать Глинского, который появился в Поднепровье осенью 1507 г. после загадочного пребывания в Венгрии и начал вести интенсивные переговоры с московским правительством.

О так называемом «восстании» Глинского известно сравнительно мало, но и эти немногие данные определенным образом характеризуют и само движение, и отношение к нему со стороны Крыма, Польши и Москвы.

Несомненно, что Михаил Глинский был политическим авантюристом большого масштаба. Родившись в семье православных феодалов (далекие предки их были татарскими колонистами в Литве), он очень рано начал службу при различных европейских дворах. Длительное время он находился при дворе императора Максимилиана, служил у Альбрехта Саксонского, много лет провел в Италии, где принял католичество. В начале 90-х годов Глинский вернулся в Литву и здесь быстро завоевал расположение великого князя Александра. Уже в 1493 г. он едет во главе польско-литовского посольства в Крым, затем получает ряд земельных пожалований, в 1500 г. становится маршалком надворным литовским. Глинский был настолько влиятельным человеком при дворе Александра, что Менгли-Гирей обращался к королю через него²¹.

¹⁸ Там же, стр. 1587.

¹⁹ J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 167. — Соловьев, утверждает, что татарские отряды появились летом 1507 г. на южных границах Московского государства, но это, видимо, была далеко не та помощь, на которую рассчитывал Сигизмунд (С. М. Соловьев, *История...*, т. V, стр. 1594).

²⁰ Там же, стр. 1588—1589.

²¹ «Русский биографический словарь», «Герберский — Гогенлоэ», М., 1916, стр. 324; М. С. Грушевский, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 288; Л. Е. Пресняков, *Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий*, Пг., 1918, стр. 174—176.

По-видимому, уже в это время у Глинского родилась идея создания автономного русского княжества на русско-литовских землях. Для осуществления своих планов он рассчитывал, вероятно, использовать благосклонность Александра. Характерно, что ему удалось добиться некоторого ослабления власти литовского сепата и устранения от правительственной деятельности ряда видных литовских магнатов. Когда после смерти Александра литовским князем и польским королем стал Сигизмунд, Михаил Глинский оказался в ином положении²². Отстраненный от власти, он отнюдь не отказался от честолюбивых замыслов, но решил теперь добиваться своих целей в борьбе с Сигизмундом.

Готовясь к выступлению против нового польского короля, Глинский имел возможность опереться на русские элементы господствующего класса Литовского княжества, а также на Крым, который, по-видимому, поддерживал его и его «русскую» программу еще в конце XV — начале XVI в., стараясь таким путем ослабить эффект московской политики собирания русских земель²³. Пожалуй, у маршалка Великого княжества Литовского Яна Забжезинского были основания называть своего противника Глинского «изменником»²⁴. В устах литовского магната-католика это обвинение означало, что еще до возникновения открытого конфликта с Сигизмундом Глинский, опираясь на русские, православные элементы княжества, выступал и против литовской правящей верхушки, и против католической церкви. Таким образом, когда в 1507 г. московское правительство установило контакт с Глинским²⁵, программа последнего уже давно выкристаллизовалась, и

²² J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 130—131; С. М. Соловьев, *История...*, т. V, стр. 1587; «Полное собрание русских летописей», т. 17, СПб., 1907, стр. 334 (далее — ПСРЛ).

²³ Известно, что Глинский еще в 1493 г. был литовским послом в Крыму, а позднее Менгли-Гирей вел через него переговоры с Сигизмундом. «Менгли-Гирей, — писал Карпов, — принял участие в деле Глинского, предлагал последнему подчиниться Крыму и обещал посадить его в Киеве» (Г. Карпов, *История...*, стр. 130—131; С. М. Соловьев, *История...*, т. V, стр. 1594).

²⁴ С. М. Соловьев, *История...*, т. V, стр. 1587.

²⁵ А. Е. Пресняков, *Лекции по русской истории*, т. II, М., 1939, стр. 175. — Летописи зафиксировали содержание договора московского дипломата Губы Маклакова с Глинским. Речь шла, во-первых, о совместных боевых действиях, а во-вторых, о передаче в управление братьям Глинским важных западнорусских земель: «и которые литовские города возьмут и на тех гродах сидети князю Ивану (Глинскому. — И. Г.) с братьею, а великому князю в те грады не вступатися и на том на всем великого князя дьяк Губа Моклоков правду дал» (М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. VI, Київ — Львів, 1907, стр. 53).

московские дипломаты могли только поддержать ее в силу политической необходимости.

Переговоры Москвы с Глинским не остались незамеченными польско-литовским правительством. Сигизмунд попытался парализовать эти переговоры с помощью авторитета княгини Елены Ивановны. В письме к брату, великому князю Василию III, Елена просила прекратить войну и отказаться от поддержки Глинского. Но появление на политической арене Глинского, казалось, давало Василию III большие шансы на легкую победу. Поэтому он решительно отклонил просьбы сестры, подчеркнув при этом, что речь идет не об одном Глинском, а о широком движении «православных» элементов Великого княжества Литовского²⁶.

Таким образом, «мирная» инициатива Сигизмунда ни к чему не привела, и война продолжалась: в поябре московские войска снова перешли литовскую границу и осадили города Мстислав и Кричев. Однако наступившие холода приостановили военные действия до весны 1508 г.²⁷

Тем временем Глинский стал активно осуществлять свою программу. Несомненно, что он попытался использовать сепаратистские настроения русских феодалов Великого княжества Литовского. Источники сохранили намеки на то, что Глинский хотел стать либо великим князем литовским, либо великим князем русским. Последнее кажется более вероятным. Прежде всего об этом говорит район самого «восстания» Глинского — области современной Белоруссии (Минск, Слуцк, Мозырь, Бобруйск, Гомель) и территория Правобережной Украины (Житомир, Овруч, Киевщина)²⁸. Об этом свидетельствуют также энергичные попытки самого Глинского захватить Слуцк, где тогда находилась вдова Семена Олельковича Анастасия; в планы Глинского входило жениться на ней и тем

²⁶ «Ты пишешь, что присылал нам бить челом князь Михаил Глинский, но к нам присылал бить челом не один князь Михаил Глинский, а многие князья русские и многие люди, которые держат греческий закон» (С. М. Соловьев, *История...*, т. V, стр. 1589).

²⁷ Там же, стр. 1590—1591; J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 167.

²⁸ М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 281—292. — Стрыйковский писал, что брат Михаила Глинского Василий, действовавший тогда в районе Киева, Житомира и Овруча, подговаривал русскую шляхту и бояр вставать на сторону его брата, который пытался «воскресить Великое княжество от Литвы до Руси» и «обновить киевскую монархию». В результате этих обещаний Михаил «многих киевских бояр привлек на свою сторону, а некоторые ему уже присягали» (М. О. Strykowski, *Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkich Rusi*, t. II, Warszawa, 1846, str. 346). См. также «История Белорусской ССР», т. I, Минск, 1962, стр. 109—110.

самым подкрепить свои претензии на киевское княжение²⁹. На стремление Глинского опереться на русских феодалов указывала и его постоянная борьба с собственно литовскими феодалами. Еще при жизни Александра Глинский благоволил к русским феодалам, раздавая «имения и воеводства своей русской родне»³⁰.

В конце января 1508 г. Глинский совершил поход в район Гродно и Ковно. Здесь он расправился со своими давними политическими противниками, в частности с литовским маршалком Яном Забжезинским³¹. В дальнейшем боевые операции развернулись в Белоруссии и на Украине. Стремясь овладеть Слуцком, где находилась вдова Олельковича³², Глинский надеялся получить помощь от Василия III. Однако московское правительство, обеспокоенное связями претендента на киевское княжение с Крымом, уклонялось от прямой поддержки операций в районе Слуцка; возможно, это объяснялось также тем, что в Москве не хотели дальнейшего политического усиления Глинского и превращения его в главу особого «русского княжества». Поэтому совместные боевые действия против польско-литовских войск разворачивались преимущественно в районе Минска и Орши³³, где сражались полки Василия Шемячича.

В разгар «восстания», когда братья Глинские намеревались овладеть древней русской столицей Киевом, произошла резкая «перемена» в политике Крыма. Видя, что Глинский не сможет возглавить самостоятельного политического организма, противопоставленного Польско-Литовскому и Московскому государствам, и считая, что «восстание» уже сыграло свою роль в возобновлении войны между Василием III и Сигизмундом, правящие круги ханства решили отказаться от поддержки Глинского и в своем стремлении ослабить Москву стали ориентироваться главным образом на польского короля. Летом 1508 г. Менгли-Гирей предупредил польско-литовское

²⁹ «Русский биографический словарь», «Герберский — Гогенлоэ», стр. 326; М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. IV, стр. 288; J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 168; С. М. Соловьев, *История...*, т. V, стр. 1590.

³⁰ А. Е. Пресняков, *Лекции...*, т. II, стр. 174. — В числе союзников Глинского были князья Друцкие, Гаштольд, Хребтович, Ходкевич (J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 169).

³¹ Последний был убит в своем имении 2 февраля 1508 г. каким-то турком, постоянно находившимся при Глинском (С. М. Соловьев, *История...*, т. V, стр. 1588; J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 167; «Русский биографический словарь», «Герберский — Гогенлоэ», стр. 326).

³² С. М. Соловьев, *История...*, т. V, стр. 1590—1592; М. О. Strykowski, *Kronika...*, t. II, str. 347.

³³ М. О. Strykowski, *Kronika...*, t. II, str. 347; Г. Карпов, *История...*, стр. 129, 134; С. М. Соловьев, *История...*, т. V, стр. 1588.

правительство о намерении Глинского взять Киев³⁴, а также предложил королю военную помощь для борьбы против Москвы и ее союзника³⁵. Сигизмунд, правда, поспешил отказаться от татарской «помощи» в районе Киева и Вильно, но энергично настаивал на выступлении татар в районах Брянска, Стародуба, Новгорода-Северского и других московских «окраин». Вместе с тем король требовал полной реализации данного еще год назад ханского ярлыка на русские земли. «Ты нам, — писал Сигизмунд Менгли-Гирею, — ярлыки подавал на города, что были за нашими предками, ты сам посмотри, какой нам прибыток от твоих ярлыков, коли те города и земли Московской [князь] держит в своих руках и собирает с них дани»³⁶.

Новое сближение Сигизмунда с Менгли-Гиреем летом 1508 г. позволило польско-литовским войскам активизировать наступательные операции против Глинского и действовавших в Белоруссии московских полков, которые отступили за Днепр, уклоняясь от большого сражения с противником. Но и польско-литовская армия в этот момент была неспособна на генеральную битву, тем более что Сигизмунд имел основания ожидать нового татарского удара с юга. В этих условиях обе стороны пришли к мысли о целесообразности заключения мира³⁷. 19 сентября 1508 г. был подписан договор о «вечном мире» между двумя государствами, который признавал окончательными границы, возникшие в правление Ивана III, а также гарантировал Глинскому свободный выезд из Литвы в Москву³⁸. Кроме того, Василий и Сигизмунд обязались «быть заодно на всех недругов» и на татар, исключая крымского хана Менгли-Гирея³⁹.

Реакцией Крыма на «вечный мир» 1508 г. явился новый татарский набег на польско-литовские окраины, совершенный глубокой осенью того же года⁴⁰. Этот факт делает еще более очевидной двойственную роль Крыма в развитии тогдашних политических событий на территории Восточной Европы. Умело поддерживая честолюбивые планы как Василия III, так и Сигизмунда, стремившихся к установлению политической гегемонии на восточноевропейских землях, Крымское ханство

³⁴ «Русский биографический словарь», «Герберский — Гогенлоэ», стр. 326.

³⁵ С. М. Соловьев, *История...*, т. V, стр. 1594.

³⁶ «Акты Западной России», т. II, СПб., 1846, № 33, 41.

³⁷ J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 169; С. М. Соловьев, *История...*, т. V, стр. 1592; ПСРЛ, т. 20, СПб, 1910—1914, стр. 380—381.

³⁸ С. М. Соловьев, *История...*, т. V, стр. 1592—1593.

³⁹ Там же.

⁴⁰ J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 167.

постоянно сталкивало Московское и Польско-Литовское государства, оставаясь при этом одинаково «дружественным» со седом по отношению к ним.

Такая тактика широко применялась Крымом и в годы нового вооруженного конфликта между Польшей и Русью, продолжавшегося около десяти лет (1511—1521). В этот период борьбы за Смоленск⁴¹ крымская дипломатия продолжала использовать традиционные политические приемы: стремясь укрепить свое влияние на территории Восточной Европы, не допустить создания антитурецкой коалиции, крымские политики разжигали борьбу между ведущими восточноевропейскими государствами, концентрируя главные усилия наступательной политики против той стороны, которая в данный момент оказывалась наиболее могущественной⁴².

3. Усиление политического влияния Порты на татарские феодальные государства Восточной Европы и создание антимосковской коалиции

Рост могущества султанской Турции, происходивший при Баязиде II (1481—1512), Селиме (1512—1520) и в первые годы правления Сулеймана, оказывал прямое и косвенное воздействие на политику всех татарских феодальных государств Восточной Европы, стимулировал активизацию антимосковских настроений не только в Крыму, но в Астрахани и Казани. Если в период правления хана Мухаммед-Эмина (1502—1518) Казань формально находилась в сфере влияния Московского государства⁴³, то по существу здесь все более

⁴¹ См. С. М. Соловьев, *История...*, т. VI; J. Szujski, *Dzieje...*, t. II. — В борьбе за овладение Смоленском принимал активное участие Михаил Глинский, все еще рассчитывавший стать во главе автономного «русского княжества». Однако после того как Смоленск был взят и Василий III не отдал его в удел Глинскому, последний попытался «вернуться» к Сигизмунду. При попытке к бегству он был арестован, после чего провел в заключении тринадцать лет (1514—1527). Его освободила из тюрьмы вторая женитьба Василия III на Елене Глинской.

⁴² Методы турецкой дипломатии в Восточной Европе и на Балканах были очень сходными. Осуществляя экспансию на Балканском полуострове, Порта умело использовала в своих интересах происходившую тогда борьбу между Габсбургами и Ягеллонами за гегемонию в Дунайском бассейне. Именно такая политика Порты позволила ей изолировать венгерско-чешского короля Людовика Ягеллона и нанести ему сокрушительное поражение в битве под Мохачем в 1526 г. (N. Jorga, *Geschichte...*, Bd II, S. 398—402; J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 208—209).

⁴³ С. М. Соловьев, *История...*, т. V, стр. 1411—1420, 1581—1582.

усиливалась антимосковская феодальная группировка. Когда умер Мухаммед-Эмин, последний представитель рода Улуг-Мухаммеда, эта группировка сделала попытку посадить на ханский престол одного из Гиреев. В 1518 г. с этой целью из Казани в Крым было направлено специальное посольство⁴⁴.

Правда, оперативное вмешательство московского правительства отодвинуло реализацию этого плана на четыре года: с 1518 по 1521 г. на казанском престоле сидел ставленник Василия — касимовский царевич Шах-Али (Шагалеи)⁴⁵. Однако в 1521 г. он был свергнут братом крымского хана Мухаммед-Гирея — Сахиб-Гиреем, который овладел казанским престолом, опираясь на вооруженную помощь отрядов крымских войск, а также на политическую поддержку Порты.

Появление в Поволжье в начале 1521 г. Сахиб-Гирея и его военная активность против Нижнего Новгорода, Владимира и Рязани⁴⁶ находились в определенной связи с походом самого Мухаммед-Гирея на Москву в июле — августе 1521 г.⁴⁷ В широкую антимосковскую коалицию входили тогда не только Крым, Казань и замаскированно Порты, но также и Польско-Литовское государство⁴⁸. В 1521 г. Мухаммед-Гирей действовал согласованно с Сигизмундом как по военной (против Московского государства был послан отряд литовских войск Остафия Дашкевича⁴⁹), так и по политической линии (была сделана попытка отделить Рязанское княжество от Московской Руси, а также спровоцированы «мятежи» в отдельных русских городах⁵⁰).

Широта политического и стратегического замысла, хорошая координация крымских, казанских и литовских войск в ходе его тактического осуществления заставляют видеть в этой сложной комбинированной операции направляющую руку турецкого султана Сулеймана, хорошо знавшего политическую ситуацию в Восточной Европе благодаря многолетней службе в Кафе⁵¹.

⁴⁴ «История Татарской АССР», т. I, Казань, 1955, стр. 131.

⁴⁵ В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царевичах*, т. I, СПб., 1863, стр. 251, 257—260.

⁴⁶ «История Татарской АССР», т. I, стр. 131.

⁴⁷ И. И. Смирнов, *Восточная...*, стр. 39—42; С. М. Соловьев, *История...*, т. V, стр. 1630—1632.

⁴⁸ С. М. Соловьев, *История...*, т. V, стр. 1613—1615. — В 1519 г. был заключен польско-турецкий договор (Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, № 16—18), в 1525 г. он был продлен еще на три года (*ibid.*, № 19, 20). В основе этих соглашений лежал трактат 1502 г. (*ibid.*, № 11).

⁴⁹ С. Герберштейн, *Записки о московских делах*, СПб., 1908, стр. 149.

⁵⁰ И. И. Смирнов, *Восточная...*, стр. 42—43.

⁵¹ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 370; М. Г. Худяков, *Очерки...*, стр. 81, 103.

Дело в том, что если Турция официально предпочитала держаться в тени, то реально она выступала гегемоном в системе вассальных татарских государств Восточной Европы уже в первые десятилетия XVI в., направляя и координируя всю внешнеполитическую деятельность Крыма, Астрахани, Казани. Эту позицию турецкой дипломатии можно проследить и в московско-турецких отношениях⁵². Так, когда в 1513 г. в Москву из Стамбула приехал турецкий посол, он обратился к Василию с рядом требований и, в частности, настаивал на отпуске в Крым бывшего казанского хана Абдул-Латифа. Тогда же московские бояре упрекали турецкого посла за набеги «азовцев» на «украины», указывая на то, что от «азовских казаков (турок. — И. Г.) великого князя украинам много лиха чинитца», и требовали, чтобы турки «нашим украинам лиха никаторого не чинили». Естественные нарекания вызывали и набеги крымских татар, в частности набег Мухаммед-Гирея.

Однако эти упреки, как правило, отводились турецкими дипломатами. В переговорах с Москвой и Польско-Литовским государством турецкое правительство чаще всего отказывалось от причастности к действиям татарских ханств, подчеркивало свою полную неосведомленность и высказывало предположение, что подобные эксцессы могли быть вызваны лишь безответственными действиями «лихих людей». Оно осуждало эти действия, а иногда даже предлагало свои услуги «арбитра». О стремлении Порты замаскировать факт руководства крымской политикой по существу говорила и практика частой смены ханов. Устранение того или иного хана, выполнившего возложенную на него задачу, было весьма удобной формой, обеспечивавшей турецкому султану среол правителя, не только не поддерживающего, но и карающего «лихих» вассалов⁵³.

Стремясь дезориентировать московское правительство в отношении своей подлинной роли в международной жизни Восточной Европы, Турция использовала характерный прием предоставления Москве заведомо ложной информации. Посылая через Азов своих послов в Турцию, правительство Василия установило неофициальные контакты с некоторыми представителями турецкой администрации в этом городе. Через них оно рассчитывало получать важные сведения о

⁵² В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 416.

⁵³ Обсуждая в переговорах с русскими дипломатами вопрос о набегах, совершенных крымцами, правящие круги Турции ссылались обычно на свое «бессилие» предотвратить действия «лихих правителей». В то же время они давали обещания не допустить повторения подобных эксцесов, опровергая тем самым свои заявления.

турецкими и крымскими делах. Иногда эти сведения были точными и достоверными⁵⁴, а иногда заведомо фальшивыми, сознательно дезориентирующими московскую дипломатию. Вероятно, в последнем случае азовские информаторы русских послов действовали по указке турецкого правительства. Практикуя передачу неофициальным путем препарированных определенным образом сведений, правящие круги Турции достигали, разумеется, большего эффекта, чем при передаче тех же сведений через обычные официальные каналы.

Русское правительство иногда замечало несоответствие азовской информации реальной действительности, но склонно было объяснять это недобросовестностью турецкого агента («азовского бургана»), а не политической игрой султанского правительства. «Москва, — пишет Н. А. Смирнов, — нередко выговаривала ему (азовскому бургану. — И. Г.) за дезориентацию в отношении крымского хана»⁵⁵. Так случилось в 1521 г., когда подготовка Крыма к походу на Москву изображалась сначала азовским бурганом как военные приготовления против Литвы; информация была рассчитана на то, чтобы ввести в заблуждение московское правительство. Ту же цель преследовали и дипломатические переговоры Селима с Василием, где, разумеется, и речи не было об экспансионистских планах Турции в Восточной Европе, о подготовке выступления Крыма и Казани против Москвы. В грамоте Селима говорилось лишь о «дружбе», об охране русского купечества и т. д.⁵⁶

На самом же деле турецкое правительство отнюдь не было тогда пассивным. Особенно активизировалась Турция в 20-е годы XVI в.⁵⁷, в частности в период подготовки комбинированного крымско-казанского похода против Московского государства, осуществленного в 1521 г. Чтобы скрыть свое участие в кампании 1521 г., Порты предприняла и официальный маневр. В конце июня 1521 г. Василий III получил

⁵⁴ Так, например, направленный в марте 1519 г. в Турцию русский посол Борис Голохвостов, проехав в июле через Азов, сообщал в Москву о том, что турки завоевывают черкес и основали город в устье Кубани. Когда он возвращался через Азов, то от того же турецкого агента узнал о намерении Крыма идти на Русское государство (см. письмо от 22 апреля 1521 г. в кн.: Н. А. Смирнов, *Россия...*, т. I, стр. 80 и др., а также И. И. Смирнов, *Восточная...*, стр. 35). Из Азова же была получена в Москве отписка Заки Закудова (от 10 мая 1521 г.) о том, что связь между Казанским ханством и Крымом осуществляется через Азов (Н. А. Смирнов, *Россия...*, т. I, стр. 82; Б. Дунаев, *Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в.*, М., 1916, стр. 29—31).

⁵⁵ Н. А. Смирнов, *Россия...*, т. I, стр. 81.

⁵⁶ Там же, стр. 80.

⁵⁷ Z Abrahamowicz, *Katalog...*, № 16, 19, 20.

обращение от турецкого наместника в Кафе, согласно которому Турция приняла якобы все меры для того, чтобы предотвратить поход крымского хана на Русь⁵⁸. О желании «мира» и «дружбы» говорилось и в грамоте турецкого султана, привезенной русским послом Третьяком Губиным и султанским послом Скиндером: «...да будет... дружба как было при отце нашем и деде»⁵⁹. В том же духе протекали последующие переговоры между русским послом И. С. Морозовым и турецким правительством летом 1523 г.⁶⁰, в ходе которых турецкая сторона выдвинула предложение подтвердить прежний «мир», а русская сделала попытку заключить союз, направленный против Литвы и Крыма⁶¹.

Само возникновение проекта создания такого союза являлось косвенным признанием успеха политической игры Турции, сумевшей ввести в заблуждение московского государя. Однако безрезультатность переговоров очень скоро обнаружила всю беспочвенность московских планов. Реальная политика Турции состояла в том, чтобы с помощью Крыма, Астрахани и Казани обеспечить себе дальнейшее расширение сферы влияния в Восточной Европе.

Казанско-крымский поход против Русского государства, осуществленный под руководством Сулеймана и содействовав-

⁵⁸ И. И. Смирнов, *Восточная...*, стр. 38; «Сборник императорского русского исторического общества», т. 95, СПб., 1885, стр. 681—682 (далее — «Сборник РИО»).

⁵⁹ Н. А. Смирнов, *Россия...*, т. I, стр. 84.

⁶⁰ Б. Дунаев, *Максим Грек...*, приложение, стр. 33—35, 40, 43—48.

⁶¹ Там же, стр. 48—55, 65—71. — Факт подчеркнуто мирных переговоров представителей московского правительства с Турцией не меняет дела. Если иметь в виду всю совокупность обстоятельств, связанных с политикой Порты в Крыму и Казани, особенно в 1521 г., придется признать, что факт переговоров не опровергает, а косвенно подтверждает участие Турции в руководстве операциями, направленными против Московского государства, и что переговоры эти были сознательной маскировкой этого участия.

Эта мысль находит подтверждение и в исследовании И. И. Смирнова. Хотя он и видит в политике Сулеймана Великолепного элементы осуждения антимосковских планов Мухаммед-Гирея (И. И. Смирнов, *Восточная...*, стр. 38, 45), но при этом он подчеркивает, что «главную причину безрезультативности переговоров о русско-турецком союзе надо искать в коренных противоречиях между Русским государством и Турцией; в их отношениях к татарским государствам Восточной Европы: Казани, Астрахани и Крыму» (там же, стр. 45). Комментируя русский проект договора с Турцией, И. И. Смирнов совершенно верно отмечает нереальность этого предложения: «Он (план. — И. Г.) был построен на ошибочном предположении о наличии враждебных отношений между Турцией и Крымом, в то время как эти враждебные отношения в значительной степени связаны были персонально с Мухаммед-Гиреем и носили преходящий характер» (там же, стр. 60).

ший упрочению династии Гирсеев в Казанском ханстве, создал вокруг Московской Руси почти замкнутое кольцо враждебных сил. Попытка правительства Василия III разорвать это кольцо, организовав в 1523 г. поход на Среднюю Волгу, хотя и дала некоторые результаты (в 1523 г. был построен город-крепость Васильсурск), тем не менее не могла ликвидировать напряженности на восточных границах Русского государства⁶². Обстановка осложнялась тем, что весной 1524 г. Казанское ханство стало вассалом турецкого султана.

Последнее обстоятельство было связано с характерной особенностью тактики Турции. Распространяя свою власть не только на Крым, но и на Поволжье, Османская Порта отнюдь не стремилась создавать на территории Восточной Европы такого объединения татарских государств, которое было бы способно противопоставить себя Константинополю. Поэтому она не допустила в 1523 г. поглощения Крымом Астраханского ханства. Когда Мухаммед-Гирей попытался в 1523 г. раздавить Астрахань, Порта санкционировала выступление против него ногаев, которое привело не только к разгрому крымской армии в низовьях Волги, но и к физической ликвидации самого крымского хана. Новый хан, назначенный Портой, Сеадет-Гирей (1523—1533)⁶³, сразу же признал независимость астраханского хана Хуссейна, а затем отказался от дальнейших попыток распространения крымского влияния на Казань.

В 1523 г., когда казанский хан Сахиб-Гирей обратился в Крым с просьбой прислать пушки, пищали и янычар для борьбы с наступавшим Василием III⁶⁴, Сеадет-Гирей вынужден был ограничиться только дипломатической поддержкой Казани, направив в Турцию грамоту о помощи и предложив Москве прекратить атаки на Казанское ханство. Так как правительство Василия III не только отклонило требование Крыма, но и провозгласило свое право «сажать» на казанский престол удобных ему ханов, весной 1524 г. Сахиб-Гирей направил специальное посольство уже непосредственно в Порту и заключил с Сулейманом договор о превращении Казанского ханства в «юрт» Османской империи. Такой оборот событий означал, что Турция открыто вмешивалась в дела Восточной Европы, что она становилась гегемоном в системе татарских феодальных государств Причерноморья

⁶² И. И. Смирнов, *К вопросу о суде над Максимом Греком*, — «Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 120; И. И. Смирнов, *Восточная...*, стр. 53; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 397—400, 404.

⁶³ Н. А. Смирнов, *Россия...*, т. I, стр. 87.

⁶⁴ И. И. Смирнов, *К вопросу...*, стр. 120.

и Поволжья. Еще более тесное сближение Казани с Турцией ускорило подготовку Василия III к новому походу в Поволжье.

Летом 1524 г., когда московские войска выступили против Казанского ханства, в Москву прибыл посол Порты Скиндер, позиция которого сразу раскрыла карты Турции. Впервые открыто демонстрируя заинтересованность в восточноевропейских делах, Порта устами своего посла настаивала на признании Казанского ханства «юртом» султана. Против этого категорически возражали руководители Московского государства, утверждая, что Казань «изначала юрт государя нашего» Василия III. Это заявление Шигона Поджогина, сделанное в августе 1524 г., подкреплялось тем обстоятельством, что московские войска стояли тогда на берегах Волги, а Сахиб-Гирей должен был покинуть пределы Казанского ханства, уступив место своему племяннику Сафа-Гирею⁶⁵.

Стремясь «проучить» Москву за отказ принять требование Скиндера и организацию похода 1524 г. на Казань, турецкая дипломатия стала подготавливать новое грандиозное выступление против Руси, в котором должны были принять участие и войска самой Порты⁶⁶. Однако задуманный поход осуществить в силу ряда обстоятельств не удалось: в частности, этому помешала новая вспышка феодальных усобиц в Крымском ханстве. Острая внутривосточная борьба в ханстве продолжалась в течение нескольких лет (с 1525 по 1532 г.). Во главе одной группировки крымских феодалов стоял Сеадет-Гирей, во главе другой находился претендент на престол Ислам-Гирей⁶⁷. Это время характеризовалось определенным ослаблением крымского натиска на Русь. Устранение обоих соперников и назначение Портой нового хана Сахиб-Гирея, бывшего правителя Казани, знаменовало наступление нового периода в развитии крымско-московских отношений. Заняв ханский престол, Сахиб-Гирей стал на путь еще более активной борьбы с Московским государством, путь, который несомненно был санкционирован Османской Портой.

4. Московская Русь и римско-габсбургская дипломатия

Для того чтобы глубже понять развитие политических событий на территории Восточной Европы в первые два-три

⁶⁵ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 399.

⁶⁶ И. И. Смирнов, *Восточная...*, стр. 60.

⁶⁷ В. Д. Смирнов, *Крымское ханство...*, стр. 393—394, 397—399.

десятилетия XVI в., следует иметь в виду не только ход борьбы Русского государства с коалицией восточных, южных и западных противников, но также учитывать характер складывавшихся тогда отношений между Москвой и отдельными странами Западной Европы, в частности с империей Габсбургов и римской церковью.

В условиях усилившейся активности Османской империи на Балканах и в Средиземноморье⁶⁸ и начавшейся реформации в Северной Европе⁶⁹ Ватикан усиленно старался расширить круг своих союзников. Опорой папы Льва X (1513—1522) оставались Габсбурги⁷⁰. Польский король Сигизмунд если и поддерживал римский престол в религиозных вопросах⁷¹, то в политике (касающейся, в частности, организации антитурецкой коалиции) в лучшем случае оставался нейтральным. Его сотрудничество с крымским ханом, направленное против Москвы, не позволяло Ватикану рассчитывать на Польско-Литовское государство⁷².

Именно в первые десятилетия XVI в., когда и Русское государство столкнулось с фактами усиления крымской экспансии на московские «окраины», стали устанавливаться политические контакты между Василием III и папами Львом X, Климентом VII, а также римским императором Максимилианом I (1508—1519) и его преемником Карлом V (1519—1556)⁷³.

Сохранились весьма любопытные документы, раскрывающие тогдашние настроения влиятельных кругов католической церкви.

⁶⁸ N. Jorga, *Geschichte...*, Bd II, S. 276—299.

⁶⁹ J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 194—196.

⁷⁰ Позднее, как известно, когда император Карл V нанес в 1525 г. решительное поражение Франции и стал, таким образом, самой могущественной фигурой Западной Европы, между Римом и Габсбургами наступил короткий период резкого обострения отношений. Римский папа Климент VII создал против императора «Священную Лигу» (в составе Венеции, Швейцарии и Англии). В ходе войны 1527—1529 гг. войска Карла V заняли Рим. В дальнейшем успехи реформации в Германии и восстановление суверенитета Франции привели к полной «нормализации» отношений Карла V с Ватиканом.

⁷¹ 26 июня 1521 г. Сигизмунд издал эдикт против распространения сочинений Лютера (L. Pastor, *Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters*, Bd IV, T. 1, Freiburg, 1906, S. 329).

⁷² J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 166—167, 178.

⁷³ H. Uebersberger, *Österreich und Rußland*, Bd I, Wien, 1905, S. 105, 107, 117. — Не случайно Иван Грозный, готовя отправку своего посла Скобельцына в Вену, затребовал из царского архива дела этих лет, а в инструкции, данной послу, велел заключить с Максимилианом II такой же союз, какой Василий III в 1514 г. заключил с Максимилианом I (ibid., S. 413).

Наиболее интересным из них является письмо римского дипломата Альберто Кампензе (1523—1524 гг.) к папе Клименту VII, где автор призывал сосредоточить все внимание римской политики на подчинении Москвы римско-католической церкви. Это, по мнению Кампензе, диктовалось необходимостью отпора сторонникам Лютера, с одной стороны, и целесообразностью организации более эффективной борьбы с турецкой опасностью («противу ярости мусульман») — с другой. «Москвитян можно, не обнажая меча, без пролития крови и без малейших усилий приобщить всех до одного к спасительному стаду Христову», — писал он, отмечая, что польза от этого «гораздо важнее и гораздо достойнее имени христианского, нежели все выгоды, которые доставило бы нам покорение оружием Азии и Африки»⁷⁴.

В числе важных политических рекомендаций Кампензе следует признать его совет учитывать факт несовпадения политических и этнических границ Восточной Европы. В письме отмечалось, что россы-московиты и россы, живущие в пределах Литвы и Польши, говорят одним языком и исповедуют одну веру. Тем не менее, будучи в курсе территориальных споров между «государем всея Руси» и главой Польско-Литовского государства⁷⁵, автор письма советовал римской дипломатии считаться прежде всего с политическими границами, ориентируясь на россов-московитов, на Василия III, а не на союзника Порты и Крыма Сигизмунда. Кампензе считал своим долгом прямо предупредить папу о необходимости осуществлять намеченный в отношении Москвы план в строгой тайне, без какого бы то ни было участия Польши и Литвы: «От короля польского, несмотря на его благоразумие и набожность, нельзя ожидать ничего хорошего»⁷⁶, — писал он. — ...Мне кажется, что на христианские чувствования короля польского в этом деле отнюдь не должно полагаться, ни на него, ни на его подданных»⁷⁷.

Весьма любопытны и показательны в письме Кампензе

⁷⁴ См. послание Кампензе Клименту VII («Библиотека иностранных писателей», т. I, СПб., 1836, стр. 11).

⁷⁵ «Притязания свои... князья Московские основывают на том, что Россия, находящаяся ныне во власти короля польского, равно как и Львовщина и вся часть Польши, простирающаяся на север и северо-восток от гор Сарматских (Карпатских. — И. Г.), следует с неколебимостью греческому закону и признает над собой власть Константинопольского патриарха». «...Многие... считают за одно московитян и россов или рутенов, опираясь на то, что они говорят одним языком и исповедуют одну веру» («Библиотека иностранных писателей», т. I, стр. 20).

⁷⁶ Там же, стр. 49.

⁷⁷ Там же, стр. 52.

рекомендации тактического порядка. Они свидетельствуют о том, что их автор прекрасно учитывал наличие ряда специфических трудностей для деятельности представителя римской дипломатии в Москве. Предвидя сложную не только политическую, но и идеологическую борьбу в русской столице, римский дипломат настаивал на том, чтобы в Москву «послать людей опытных и искусных»: «Не следует отнюдь назначать для сего дела какого-нибудь старца с почетною свитою, но людей молодых, способных к перенесению тягости пути и суровости московского климата и сведущих в законе Божиим, дабы они могли каждому объяснить веру, надежду и любовь христианскую и показать, что противно нашему закону и что с оным согласно...»⁷⁸. Вместе с тем Кампензе усиленно рекомендовал «подобрать таких людей, которые, забывая собственные выгоды... не только не презирали обычаев народа, с которым придется им жить, но по возможности старались принаравливаться к оным»⁷⁹.

Характерно, что Кампензе счел нужным предупредить папу о неизбежности контршагов в отношении Москвы со стороны политических противников Рима в Европе. «Нет никакого сомнения, что турки, — писал он, — постараются привлечь на свою сторону этого могущественного монарха (Василия. — И. Г.)». По мнению Кампензе, основу турецких происков в Москве должна была составить надежда Константинополя на невозможность искреннего союза между Василием и Римом, неоднократно преследовавшим московского государя как «язычника» и «еретика». Таким образом, римская дипломатия как бы предвидела и считала «нормальным» появление в Москве константинопольских богословов, готовых вести решительную борьбу с эмиссарами апостольского престола формально на религиозной, а по существу на политической основе⁸⁰.

Письмо Альберто Кампензе ясно раскрывает подлинные настроения и действительные замыслы римских политиков в отношении Русского государства⁸¹. Печатью этих настроений

⁷⁸ Там же, стр. 49.

⁷⁹ Там же, стр. 50.

⁸⁰ Забегая несколько вперед, можно сказать, что дискуссия, развернувшаяся между Максимом Греком и Николаем Немчином в Москве в 20-х годах XVI в., была не каким-то необычным, из ряда вон выходящим событием, а представляла собой «будни» политической борьбы между представителями Порты, с одной стороны, и римско-габсбургской дипломатии — с другой.

⁸¹ Любопытно, что Пирлинг игнорирует послание Альберто Кампензе к папе Клименту VII, опубликованное еще в 1835 г. Такая позиция объясняется просто: послание Кампензе свидетельствует о том, что Рим сам

отмечено и сочинение о Московии, принадлежащее перу итальянского монаха Павла Иовия Новокомского (1526 г.)⁸², хотя оно и является менее конкретным и интересным. Иовию Новокомскому послужили материалом некоторые сочинения его предшественников, а также непосредственные впечатления от общения с русским представителем в Риме Дмитрием Герасимовым. Причина появления произведения заключалась, видимо, в желании папы Климента VII изобразить тогдашнюю Русь как страну, стремившуюся к политическому и религиозному союзу с Римом, что было нужно Ватикану для подчеркивания своей потенциальной мощи и перед лицом турок, и перед лицом сторонников Лютера. Поэтому сочинение Новокомского является ценным историческим свидетельством.

В распоряжении исследователя нет аналогичных документов, позволяющих изучить тогдашние настроения московского правительства. Тем не менее ряд конкретных фактов свидетельствует о том, что Василий III (как и его отец Иван III) считал целесообразным в сложившихся тогда условиях пойти на некоторое политическое сближение с Римом, установив контакт с его представителями. Так, в 1516 г. римский престол направил в Восточную Европу своего легата Николая Шомберга, который должен был оказывать влияние на ход переговоров между Польшей и Орденом, а также между Польшей и Москвой⁸³. Хотя сам Николай Шомберг не покидал пределов Польши, тем не менее по его инструкциям в Москве действовали в 1517 и 1519 гг. Дитрих Шомберг (брат Николая), в 1520 и 1524 гг. П. Чентурионе⁸⁴.

Правительство Василия не ограничивалось переговорами с Ватиканом: одновременно происходил обмен мнениями и с представителями Габсбургов. В 1517 г. в Москву прибыл С. Герберштейн⁸⁵, в 1518 г. из Москвы в Вену был послан дьяк Б. Семенов⁸⁶, в том же году император Максимилиан I направил в Москву новых послов — Колло и Конти⁸⁷.

Но, ведя переговоры с Львом X и Максимилианом I, Московское государство не думало поступаться ни своим

выступал инициатором союза с Москвой, настаивал на подчинении интересов Польши планам унии с Московской Русью. Эти факты противоречат одному из главных тезисов концепции Пирлинга, согласно которому не Рим, а Москва постоянно выдвигала идею религиозной унии.

⁸² См. «Библиотека иностранных писателей», т. I.

⁸³ L. Pastor, *Geschichte...*, Bd IV, S. 163.

⁸⁴ Пирлинг, *Россия и папский престол*, т. I, СПб., 1912, стр. 301—304, 310—311, 316—317; J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 189.

⁸⁵ J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 209.

⁸⁶ «Древняя Российская Вифлиофика», т. 4, СПб., 1788, стр. 130—132.

⁸⁷ Пирлинг, *Россия...*, т. I., стр. 304.

политическим, ни религиозным суверенитетом. Василий III, так же как и его отец, заботился, естественно, не об осуществлении Флорентийской унии, а прежде всего о выгодах политических, в частности о стабилизации отношений с Польшей и Литвой. Эта задача, имевшая большое значение еще тогда, когда крымский хан Менгли-Гирей был союзником Ивана III, теперь становилась все более актуальной, так как Турция и Крым вели по существу войну против Русского государства. Речь шла, таким образом, о том, чтобы, создавая перспективу распространения унии в Московской Руси и участия Москвы в борьбе против Порты, заставить Ватикан и Империю оказать соответствующее воздействие на польского короля. При этом правительство Василия имело в виду прежде всего отказ Польши от союза с Крымом и установление мирных отношений с Московским государством.

Надо сказать, что эти расчеты довольно часто себя оправдывали. Так, при посредничестве имперских послов Колло и Конти 31 декабря 1518 г. было заключено перемирие с Польшей на один год, закрепившее Смоленск за Москвой⁸⁸. Поэтому московская дипломатия и в последующие годы продолжала придерживаться испытанной тактики. Весьма показательными в этом плане были переговоры правительства Василия с Дитрихом Шомбергом в 1519 г.⁸⁹, во время которых обнаружилась широкая программа Ватикана в отношении Москвы. Речь шла не только о религиозной унии, но и об участии в антитурецкой коалиции, о предоставлении великому князю от имени папы королевской короны, о создании патриаршества в Москве (видимо, подчиненного Риму) и, наконец, даже о «передаче» Московской Руси Константинополя⁹⁰.

⁸⁸ H. Uebersberger, *Osterreich...*, Bd. 1, S. 189, 209.

⁸⁹ J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 188.

⁹⁰ Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 302, 304. — В соответствии с инструкциями римской дипломатии Николай Шомберг поручил своему брату Дитриху сделать московскому правительству несколько важных предложений. «Да делал тот же мних, — говорится в одном из документов великокняжеской канцелярии о пребывании Дитриха в Москве, — по прошенью папину, чтобы то дело против турского и наследье константинопольского вперед шло... Да также приказал говорит великому князю, что папа хочет его и всех людей Русские земли принять в единачество и согласие римские церкви, не умаляя и не прменяя их добрых обычаев и законов, но хочет покрепить и грамотою апостолскою утвердить и благословить вся та предреченная, занже церковь греческая не имеет главы: патриарх константинопольской и все царство в турских руках, и он ведает, что духовнейши митрополит есть на Москве, хочет его и кто по нем будет возвысити и учинити патриархом как было прежде константинопольской. А наяснейшего и непобедимейшего царя всеа Руси хочет короновати в крстьянского царя, и

Поскольку эти предложения выходили за рамки тогдашних внешнеполитических возможностей Русского государства, правительство Василия уклонилось от их делового обсуждения, но продолжало вести переговоры с представителями Ватикана, подчеркивая при этом свое стремление участвовать в антитурецкой коалиции и желание установить более тесные контакты между православием и католичеством. Таким образом, не без участия московской дипломатии у папы Льва X создалось впечатление о готовности Василия сблизиться с Римом. Вероятно, основываясь на впечатлениях Льва X и его предшественника папы Александра VI (1492—1503), 25 мая 1524 г. Климент VII направил Василию специальное послание, в котором предлагал ему королевский титул, обуславливая этот акт признанием Русью примата римского папы⁹¹. В ответ на это письмо осенью 1525 г. в Рим был направлен посол Дмитрий Герасимов. Подчеркнуто хорошо принятый Ватиканом, он оценил это обстоятельство и постарался своим поведением усилить оптимизм папы в отношении якобы господствовавших при московском дворе «проримских» настроений⁹². Маневр Герасимова не остался без последствий. Не случайно он выехал из Рима на родину в сопровождении папского легата епископа Джьян Франческо (родом из Потенцы), который и содействовал заключению в 1526 г. нового перемирия между Василием и Сигизмундом⁹³. Москва сумела опять извлечь выгоду из политического посредничества Ватикана, в то время как попытки римского престола осуществить в России свою религиозную программу оказались безрезультатными.

5. Крымско-турецкая политика в Восточной Европе и отношении Константинополя к православию в Польско-Литовском и Московском государствах

Осуществляя активное наступление на Балканах и в Средиземноморье, Турецкая империя конца XV—начала XVI в. должна была, естественно, прежде всего иметь в виду своих непосредственных противников — Габсбургов, Венгрию, Вене-

того папа от сердца желает» («Сборник РИО», т. 53, СПб., 1887, стр. 85—86; «Акты исторические, изданные А. И. Тургеневым», т. 1, СПб., 1842, стр. 128).

⁹¹ L. Pastor, *Geschichte...*, Bd IV, S. 569.

⁹² Ibid., S. 570.

⁹³ Ibid.: «Очерки истории СССР периода феодализма, XV—XVII вв.», М., 1955, стр. 153.

цию, римский престол. Вместе с тем Порта постоянно проявляла большой интерес к восточноевропейским странам, рассматривая их и как объект экспансии, и в качестве потенциальных участников антитурецкой коалиции. Стремясь установить выгодное ей соотношение сил в Восточной Европе, Турция ревниво следила за сохранением равновесия между двумя сильными государственными организмами: католическим Польско-Литовским и православным Русским централизованным государствами. Ведя по отношению к ним весьма своеобразную политику, Османская империя осуществляла целый комплекс мероприятий, включавший не только военные и дипломатические маневры, но и завуалированные попытки воздействия на внутривнутриполитическую жизнь борющихся между собою государств.

В конце XV—первой половине XVI в. это замаскированное вмешательство Порты проявлялось, в частности, в стараниях крымско-турецкой дипломатии, с одной стороны, усилить роль православной церкви в Великом княжестве Литовском, а с другой — ослабить экономические и политические позиции православной церкви в Русском централизованном государстве.

Известно, что, унаследовав традиции Золотой Орды, Турецкая империя широко использовала находившийся под ее контролем константинопольский патриархат в качестве своеобразного подспорья в осуществлении своих внешнеполитических замыслов на Балканах и в Восточной Европе⁹⁴. Последние десятилетия XV в. были ознаменованы активизацией деятельности турецкой дипломатии в этой области, что явилось, возможно, следствием известного толчка, данного попыткой обращения митрополита Григория к Трапезундскому патриарху в 1469—1470 гг.

Отвергнув Григория как иерарха, стремившегося прикрыть авторитетом греческой церкви свою прокатолическую деятельность, и не признав выдвинутую Казимиром кандидатуру Мисаила, Константинополь направил в 1476 г. в Литву «своего» «митрополита всея Руси» Спиридона Сатану. Характерно, что Порта остановила свой выбор на весьма квалифицированном богослове⁹⁵, который и в заточении продолжал выступать в ка-

⁹⁴ N. Jorga, *Geschichte...*, Bd II, S. 199—201; Bd III, Gotha, 1910, S. 196—205.

⁹⁵ Е. Голубинский, *История русской церкви*, т. II, СПб., 1900, стр. 551. — Современники о Спиридоне отзывались так: «бе бо он... мудр добре, умея писания ветхая и новая»; «сей человек в нынешняя роды беаше столп церковный, понеже измлада навиче священная писания» (Макарий, *История русской церкви*, т. IX, СПб., 1879, стр. 67).

честве идеолога ортодоксального православия. Находясь в Литве, он написал «Изложение о православной, истинной нашей вере», где изложил основы православия и изрек проклятия против ересей и заблуждений, охарактеризовав их сущность и перечислив в хронологическом порядке главных еретиков⁹⁶.

Хотя затея со Спиридоном не удалась, тем не менее это не означало отказа турецкой дипломатии от осуществления принятого ею курса в отношении православной церкви Великого княжества Литовского.

В дальнейшем Порта стала действовать более гибко и завуалированно, введя практику фактического согласования с Казимиром кандидатур на пост «митрополита киевского, галицкого и всея Руси». Угодных им митрополитов турки признавали через константинопольского патриарха, неугодных осуждали, а иногда и физически уничтожали с помощью татар. Так, по поводу убитого татарами около Мозыря в 1497 г. митрополита Макария Чорта (возможно, слишком тесно связанного с виленскими католическими кругами) посланец константинопольского патриарха говорил в Литве: «Вперед не поставляйте митрополита прежде, нежели получите благословение от нас»⁹⁷.

Вполне понятно, что при таком «дифференцированном» подходе Царьграда к кандидатурам на пост митрополита реальными митрополитами оказывались те, кто в одинаковой мере удовлетворял как правящие круги Порты, так и Литвы. В 1481 г. митрополитом был поставлен полоцкий епископ Симеон (1481—1488), затем епископ из Полоцка Иона Глезна (1492—1494), позднее смоленский епископ Иосиф (1498—1501)⁹⁸, а также другой епископ из Смоленска — Иосиф II Солтан (1507—1521). Последующие митрополиты — Макарий (1534—1556), Сильвестр Белекевич (Стефан Велькевич)

⁹⁶ Там же, стр. 64—65; С. А. Белокуров, *Предисловие к публикации текста «Послания инока Саввы»*, — «Чтения Общества истории древностей российских», СПб., 1902, кн. II, отд. III (далее — «Чтения ОИДР»). — Спиридон затрагивал и другие вопросы. Признавая необходимым наличие земельных владений у церкви и монастырей, он призывал «церковные имения употреблять по удовлетворении нужд церковных на пособие нищим, сиротам, вдовицам, на выкуп пленных» и т. д. (Макарий, *История...*, т. IX, стр. 66). На основании этого И. У. Будовниц видит в Спиридоне «нестяжателя» (И. У. Будовниц, *Русская публицистика XVI в.*, М., 1947, стр. 101).

⁹⁷ Макарий, *История...*, т. IX, стр. 83; В. В. Зверинский, *Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи*, т. I, СПб., 1890, № 502.

⁹⁸ Исключением был митрополит Иона (1502—1507), выдвинутый по настоянию княгини Елены Иваиовны и не санкционированный Константинополем.

(1556—1567)⁹⁹ и другие также выдвигались правящими кругами Польско-Литовского государства, а позднее утверждались Константинополем.

Поддержка западнорусской митрополии со стороны крымско-турецкой дипломатии выражалась не только в одобрении той или иной кандидатуры. Константинопольский патриархат заботился о расширении автономных прав западнорусской церкви, увеличении числа монастырей в Великом княжестве Литовском, усилении их хозяйственной мощи. «В течение всей первой половины XVI столетия православная церковь в Литовском государстве, — писал историк русской церкви Макарий, — не подвергалась стеснениям, число монастырей в ней не только не уменьшилось, но еще увеличилось. Излагая ее историю за это полустолетие, мы видели в ней до 50-ти монастырей: между ними до 30-ти прежних и до 20-ти вновь основанных»¹⁰⁰. Такими вновь основанными монастырями являлись: Георгиевский в Вильно, Троицкий в Новгороде, Георгиевский во Львове, Крестовоздвиженский и Борисоглебский в Киеве, Святодуховный и Спасский в Смоленске¹⁰¹. Кроме того, новые монастыри были открыты в Минске, Жировицах, Сурдечах, Полоцке, Витебске, Мстиславле, Овруче, Олышанах и т. д.¹⁰².

Благодаря заботам Константинополя значительная часть монастырей пользовалась особыми автономными правами: «Едва ли не половина тогдашних монастырей были изъяты из-под власти своих епархиальных архиереев и управлялись волею, точнее, своеволием своих настоятелей и светских патронов». Константинополь не только не ограничивал хозяйственного роста монастырей, но поощрял этот рост. «Не мало сохранилось известий о том, с какою ревностью монастыри старались приобретать себе имения и жалованные королевские грамоты, — писал Макарий, — как многие добивались настоятельных мест, особенно в богатых монастырях, как покупали и продавали эти места, как притесняли настоятели своих иноков и обогащались от монастырских имений, как корыстовались от монастырских имений сам король и другие патроны»¹⁰³.

⁹⁹ K. Chodynicki, *Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska (1370 – 1632)*, Warszawa, 1934, str. 69—72, 120—121; Макарий, *История...*, т. IX, стр. 68—83, 89—112, 161—189, 209—218, 234—250.

¹⁰⁰ Макарий, *История...*, т. IX, стр. 289.

¹⁰¹ В. В. Зверинский, *Материалы...*, т. I, № 502, 503, 507 и др.

¹⁰² Макарий, *История...*, т. IX, стр. 133—290.

¹⁰³ Там же, стр. 290—291. См. также В. А. Беднов, *Православная церковь в Польше и Литве*, Екатеринослав, 1908, стр. 75—79, 91.

Размеры монастырского землевладения постоянно росли, и как церковь, так и правительство поощряли этот рост¹⁰⁴. В 1503 г. великий князь литовский Александр дал грамоту полоцкому владыке Луке, которой возвратил церкви села и земли¹⁰⁵. В 1505 г. Александр обратился к константинопольскому патриарху с просьбой благословить созданный Ходкевичем монастырь на р. Супрасли¹⁰⁶ (патриарх благословил обитель и всех вкладчиков, поэтому позднее Супрасльский монастырь стали называть патриаршим¹⁰⁷). В 1504 г. князь Ф. И. Ярославич-Пинский соорудил церковь Иоакима и Анны, наделив ее пахотными и бортными землями, сеножатиями и пр.¹⁰⁸. Михаил Репинский с разрешения Александра жертвовал земли на церкви и монастыри¹⁰⁹. В 1508 г. Сигизмунд утвердил за луцкой и владимирской кафедрами несколько имений и фольварков¹¹⁰. Киевские монастыри получили в 1516 г. дополнительные земли к своим прежним владениям¹¹¹.

Внутреннюю структуру жизни литовско-русских монастырей раскрывает устав патриаршего Супрасльского монастыря, утвержденный в 1510 г. митрополитом Иосифом II и Ходкевичем. Хотя в этом документе подчеркивалась обязанность монахов вести скромный образ жизни, ходить в одинаковых одеждах, «не иметь в кельях никакого стяжания», тем не менее устав исходил из того, что основой хозяйственной жизни монастыря являются его имения, вклады и т. п.¹¹². Это положение активно проводилось в жизнь при поддержке самого Сигизмунда. С разрешения короля в 1510—1514 гг. в обители были возведены каменные стены и церкви, тогда же, по решению, принятому в присутствии посланца патриарха, монастырь был освобожден от всякой подвластности митрополиту и превращен в патриарший¹¹³.

Весьма показательным являлся церковный собор в Вильно (декабрь 1509 г.)¹¹⁴, на котором была осуждена практика перекупки церковных должностей, светского произвола над церквами и монастырями. Собор постановил «от игуменов и

¹⁰⁴ К. Chodynicki, *Kościół...*, str. 153—156, 164—171.

¹⁰⁵ Макарий, *История...*, т. IX, стр. 153.

¹⁰⁶ Там же, стр. 155—156.

¹⁰⁷ Там же, стр. 168.

¹⁰⁸ Там же, стр. 159.

¹⁰⁹ Там же, стр. 160—161.

¹¹⁰ Там же, стр. 191.

¹¹¹ Там же, стр. 197.

¹¹² Там же, стр. 184—185.

¹¹³ Там же, стр. 184, 187.

¹¹⁴ Там же, стр. 173.

священников не отнимать церквей без вины». Если князь или боярин отнимет церковное имение, следует обратиться к митрополиту, который будет защитником прав церкви¹¹⁵.

Характерно также, что литовско-русская церковь конца XV—первой половины XVI в. не знала случаев критической переоценки «кормчих книг» — этого руководства жизни церкви и монастырей¹¹⁶.

Таким образом, совершенно очевидно, что православная церковь в Великом княжестве Литовском переживала в конце XV—первой половине XVI в. период известной стабилизации¹¹⁷. Ей не были еще известны тенденции секуляризации монастырских или церковных владений, а следовательно, не были известны случаи идеологической борьбы по поводу монастырского землевладения и попытки ревизии кормчих книг. Откровенный выразитель мнений константинопольского патриархата и турецкого правительства «митрополит» Спиридон выступал в качестве защитника ортодоксального православия, осудив все известные ереси и заблуждения.

Еще одним показателем подъема православия в Великом княжестве Литовском в XVI в. было интенсивное развитие книгопечатания на церковнославянском и русском языках¹¹⁸. Начало его связано с именем уроженца Полоцка, студента Краковского и Болонского университетов Франциска (Георгия) Скорины, который вошел в историю как переводчик Библии на русский язык и мастер печатного дела. Скорина издавал церковнославянские и русские книги. Его издания выхо-

¹¹⁵ Там же, стр. 166—176.

¹¹⁶ Там же, стр. 291.

¹¹⁷ Если Макарий видел причину этой стабилизации в «добросовестном» служении церкви православных иерархов, в их энергичной борьбе с Римом (Макарий, *История...*, т. IX, стр. 284), то Ходыницкий объяснял ее «веротерпимостью» польских королей Казимира, Александра, Сигизмунда, их традиционным стремлением не задевать материальных и духовных интересов церкви вообще и православной в частности, стремлением выступать в роли «защитников церквей божьих» (K. Chodynicki, *Kościół...*, str. 120, 192). Ходыницкий был далек от того, чтобы признать известную автономию православной церкви в Литве в первой половине XVI в. результатом вынужденной уступки польских королей западнорусскому, украинскому и белорусскому населению, видевшему в православии единственное легально существовавшее тогда средство защиты своих национальных интересов. Ни он, ни Макарий не заметили также, что стремление православного населения Великого княжества Литовского к автономии старался использовать константинопольский патриархат (а следовательно, и Порты).

¹¹⁸ Вопрос о книгопечатании на церковнославянском и русском языках подробно освещен в работах М. Н. Тихомирова, А. С. Зерцовой, А. А. Сидорова, Т. Н. Протасевой, М. В. Щепкиной, Г. И. Коляды и др.

дидли в свет в Праге в 1517—1519 гг., а также в Вильно. В 1525 г. был напечатан «Апостол», а около этого времени появились издания «Псалтыри», «Часословца», «Святцев», «Малой подорожной книжицы» и т. д.¹¹⁹. Скорина имел в Литве продолжателей своего дела. В 1562 г. в Несвиже издавались книги, шрифты которых кое в чем напоминали шрифты Скорины. Некоторые исследователи утверждают, что техника изготовления этих книг носит на себе следы влияния нюрнбергской книгопечатной традиции.

Книгопечатание в условиях феодализма было мощным средством идеологического воздействия на довольно широкие слои населения. Оно не только отражало идеологическую борьбу, проявлявшуюся в виде борьбы различных религиозных течений, но и вместе с тем было подчинено ее задачам. Возникшее в результате внутренних потребностей развития феодальной Белоруссии, книгопечатание Скорины, несомненно, также имело конкретную политическую направленность, отвечало задачам политической и идеологической борьбы, происходившей тогда в восточноевропейских странах, в частности на арене православия. Необходимо подчеркнуть какую-то внутреннюю связь деятельности Скорины первой половины XVI в. с развитием церковнославянского книгопечатания в Придунайских княжествах. Нельзя считать случайностью тот факт, что в зависимых от Порты Молдавии и Валахии печатание церковнославянских книг стало интенсивно развиваться именно в период известной стабилизации православной церкви в Великом княжестве Литовском¹²⁰. Не исключено, что валашские издатели преследовали цель, связанную с политической стимуляцией православия в Великом княжестве Литовском. Такое предположение тем более вероятно, что в течение многих десятилетий XVI в. (с 10-х по 70-е годы) существовало сравнительно устойчивое политическое сотрудничество Турции и Польско-Литовского государства, направленное своим острием против Москвы и ее растущего влияния в православных землях Восточной Европы. Поэтому вполне возможно, что попытки стимулировать литовско-русское «православие», подчиненное политически Константинополю и

¹¹⁹ В. И. Пичета, *Белоруссия и Литва в XV—XVI вв.*, М., 1961, стр. 656—675, 731—743.

¹²⁰ Так, исследуя прошлое издательского дела в Румынии, Г. И. Коляда выявил следующую картину: «за 80 лет (1508—1588) было напечатано 38 книг, из них 31 книга — на церковнославянском языке, 5 на румынском и 2 книги — со специальным текстом на церковнославянском и румынском языках» («У истоков русского книгопечатания», М., 1958, стр. 86).

Вильно и призванное ослабить «православие» московское, ис-
ходили одновременно и из Турции, и из Литвы¹²¹.

Весьма характерно, что одновременно со стабилизацией православной церкви и развитием церковнославянского книгопечатания происходило возвышение отдельных православных феодальных «родов», таких, как Острожские, Слуцкие-Олельковичи, Ходкевичи, Сангушки, Солтаны, Вишневецкие, Мстиславские и др.

Наиболее яркими в этом смысле фигурами являлись отец и сын Острожские¹²². Уже Константин Иванович Острожский (1460—1532) был не только крупнейшим землевладельцем, но и одной из ведущих фигур политической жизни Великого княжества Литовского. В сущности его карьера магната и крупного политика началась после бегства из московского плена в 1508 г. и победы, одержанной им в 1512 г. под Оршей. Именно тогда К. Острожский получил права на старостства в Брацлаве, Виннице, Звенигороде, был пожалован большими земельными владениями и назначен гетманом, троцким воеводой и т. д. Благодаря двум бракам (первый — на Татьяне Гаштольд, второй — на Александре Семеновне из дома Олельковичей) он не только расширил свои земельные владения, но значительно укрепился политически. Несомненно, все это подготовило почву для деятельности и его сына Константина Константиновича (1526—1608), унаследовавшего огромный земельный фонд (ему принадлежало 25 городов, 10 местечек, 670 селений).

Характерно, что в последние два десятилетия своей жизни Острожский-отец стал играть видную роль в делах православной церкви Великого княжества Литовского. «Важнейшие перемены в церкви связывались с его именем, — подчеркивал Е. Лихач, исследователь жизни К. И. Острожского, — ...Благодаря его хлопотам, просьбам, ходатайствам было твер-

¹²¹ Возможна и иная трактовка факта совпадения деятельности Скорины с работой валашских и молдавских книгоиздателей. Получив католическое воспитание в Кракове, Болонье, Праге (см. П. В. Владимирова, *Франциск Скорина, его переводы, издания и язык.*, СПб., 1888), Скорина мог заниматься церковнославянским книгопечатанием с целью создания своего рода противовеса деятельности придунайской типографии. Во всяком случае в 80—90-х годах XVI в. в Великом княжестве Литовском со-
здавалось такое положение, когда в ряде литовских городов работала группа издателей русских церковных книг, находившаяся под влиянием иезуитов (типографии Виленской коллегии, Ленчицкого, Яна Корчана) и Константинополь (типографии Острожского, Мамоновичей и др.). Близкий к Острожскому князь А. Курбский осуждал деятельность Скорины.

¹²² М. С. Грушевський, *Історія України-Русі*, т. VI, стр. 479—487, 530—531.

до установленно юридическое положение православной церкви в Литве, до него находившейся в весьма неопределенном положении... Дружба Константина Ивановича с митрополитами, епископами и православными панами много содействовала поднятию материального благосостояния церкви»¹²³. Сподвижником Острожского на этом поприще был Александр Ходкевич, представитель другого православного феодального «рода», политический деятель, отстаивавший самостоятельность Великого княжества Литовского¹²⁴.

Факт возвышения отдельных православных феодальных фамилий заслуживает особого упоминания, так как знаменует новый этап в политическом развитии Польско-Литовского государства, отличавшийся от предшествующего периода истории западнорусских земель, когда были подавлены «заговор» киевских князей 1480—1481 гг. и движение Глинского. Тогда закономерным тенденциям в эволюции феодального общества Западной Руси был нанесен чувствительный удар, так как этому благоприятствовала международная обстановка. В конце XV—начале XVI в. крымско-турецкая дипломатия, напуганная перспективой усиления Ягеллонов, не только не становилась на путь союза с Польско-Литовским государством, а

¹²³ «Русский биографический словарь», «Обезьяинов — Очкин», СПб., 1905, стр. 461. — Интересно, что Константиин Константинович Острожский вплоть до 70-х годов XVI в. проявлял равнодушие к православной церкви, ограничиваясь участием в политической борьбе литовско-русской группировки феодалов, выступавшей против Люблинской унии. Но, начиная с 70-х годов, он оказывается в центре православной «партии» (K. Tyszkowski, *Stosunki ks. Konstantego Wasyla Ostrojskiego z Michałem, hospodarzem mułtańskim*, — «Książka pamiątkowa ku czci Oswalda Balzera», t II, Lwów, 1925, str. 641—649), становится ревнителем православия, сторонником создания православных школ, организации русского книгопечатания и т. д. К этому времени относится и парадоксальный на первый взгляд факт выдвижения турецким правительством кандидатуры К. К. Острожского на польский престол (N. Jorga, *Geschichte...*, Bd III, S. 254—255).

¹²⁴ Сын Александра Ходкевича Григорий, гетман литовский, в 60-х годах XVI в. поддерживал русское книгопечатание, активно выступал против Люблинской унии, сотрудничая с Константином Константиновичем Острожским (И. И. Лаппо, *Великое Княжество Литовское (1569—1586)*, СПб., 1901, стр. 18—19, 41—45, 54—60, 63—64). Однако в середине 70-х годов пути двух феодальных «родов» разошлись. Если Острожский, загипнотизированный выдвижением Портой его кандидатуры на польский престол, продолжал связывать свою политическую карьеру с «православием» и Константинополем, то «дом» Ходкевичей, явно недовольный позицией Порты, стал в 1573 г. поддерживать французского кандидата, в 1575 г. — австрийского, а позднее превратился в проводника экспансионистской политики Ватикана [В. В. Новодворский, *Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570—1582)*, СПб., 1904, стр. 25—26].

скорее осуществляла политическое сотрудничество с Москвой. В этих условиях Константинополь довольно пассивно поддерживал традиции православия и сепаратизма русско-украинских феодалов, а польские короли в связи с этим активно подавляли проявление этих традиций.

Возвышение православных феодалов, происходившее в течение нескольких десятилетий XVI в., было, таким образом, обусловлено не только исторической традицией и закономерностями развития Западной Руси, но и специфическими особенностями политической эволюции Восточной Европы в целом, своеобразием расстановки сил в системе восточноевропейских государств того времени. Политическое сближение между Сигизмундом и султанской Турцией, проявившееся в этот период в организации совместных военных и дипломатических мероприятий, направленных против Москвы, не могло не повлиять и на возникновение своеобразного параллелизма в скрытой политике Константинополя и правящих кругов Польско-Литовского государства по отношению к православным элементам Великого княжества Литовского. И крымско-турецкая дипломатия, и правительство Сигизмунда видели в развитии ортодоксального православия в западнорусских землях своеобразное средство борьбы с растущим влиянием православной Москвы, средство не только оборонительное, но и при благоприятных обстоятельствах и наступательное.

Такое положение продолжалось до 70-х годов XVI в., когда наступил новый этап политического развития восточноевропейских стран. В это время ослабленной длительными войнами Московской Руси противостояла усилившаяся при Стефане Батории Речь Посполитая. Ватикан и Орден иезуитов все глубже пускали корни в политическую жизнь православных земель Речи Посполитой. В Вильно, Львове и других городах создавались иезуитские школы, открывались типографии униатского профиля, шла деятельная подготовка к осуществлению церковной унии. В таких условиях крымско-турецкая дипломатия стала менять свои внешнеполитические установки. Оставив казавшийся уже традиционным союз с Польско-Литовским государством¹²⁵, она заняла позицию «нейтралитета», чаще благоприятного Москве и враждебного Речи Посполитой.

Перемена курса турецкой политики, естественно, отразилась и на поведении константинопольского патриарха в Восточной Европе. Поддержка Царьградом православия в Поль-

¹²⁵ N. Jorga, *Geschichte...*, Bd III, S. 256—258; В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 74—76.

ско-Литовском государстве стала служить теперь другим целям. Главной из них было воспрепятствовать утверждению римско-католического влияния в западнорусских землях.

* * *

Выше уже отмечалось, что русской церкви принадлежала довольно видная роль и в борьбе Московского государства с Польско-Литовским объединением, и в развитии московско-константинопольских отношений. По существу московская церковная организация в целом выступала союзником Ивана III во всех его международных и внутривосточных начинаниях, была его опорой в политике собирания русских «православных» земель вокруг Москвы и создания централизованного Русского феодального государства¹²⁶. В последней трети XV—начале XVI в. основная масса русского духовенства оставалась верной той традиции, которая сложилась при Ионе, Феодосии и Филиппе и типичным выразителем которой был в 70-х—начале 80-х годов ростовский епископ Вассиан¹²⁷. Характерными чертами этой традиции было строгое следование греческому православию в идеологической области (православию «древнему», а не современному, которое, по заявлению самого Ивана III, сделанному в 1470 г., тогда уже «испортилось»¹²⁸), а также противопоставление русской церковной организации константинопольскому патриархату, главным образом в сфере политических отношений. С другой стороны, для развития русской национальной церкви во второй половине XV в. были характерны, во-первых, идеологическая

¹²⁶ М. Н. Тихомиров, *Источниковедение истории СССР*, т. I, М., 1940, стр. 141—142; Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века*, М. — Л., 1960, стр. 64—66, 349, 494—497; Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, Ташкент, 1942, стр. 33; С. В. Бахрушин, *Иван Грозный*, М., 1945, стр. 54. — Трудно согласиться с тезисом Клибанова о том, что «в целом церковь, ее феодалы, ее идеология, были во второй половине XV в. силой, тормозившей процесс государственного объединения» (см. А. И. Клибанов, *Реформационные движения в России*, М., 1960). Этот вывод может быть объяснен недостаточным вниманием автора к таким сторонам исторической жизни Московской Руси второй половины XV в., как ход борьбы государя всея Руси Ивана III с Казимиром в политической и религиозной сферах, развитие московско-константинопольских отношений, политика феодального наступления, в котором церковь выступала союзником великокняжеской власти.

¹²⁷ И. М. Кудрявцев, *Послание на Угру Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в.*, — «Труды отдела древнерусской литературы», т. VI, М. — Л., 1948, стр. 158—186 (далее — ТОДРЛ).

¹²⁸ «Русская историческая библиотека», т. VI, СПб., 1880, № 100, стр. 711. См. также №№ 64, 81, 86, 87 и др.

борьба против римско-католических религиозных доктрин¹²⁹ и, во-вторых, тенденция к установлению политического сотрудничества с римским престолом на международной арене. Именно на основную часть русского духовенства, придерживавшуюся таких взглядов, и опирался «государь всея Руси», именно ее имел в виду, когда, стараясь обеспечить в полной мере самостоятельное развитие русской церкви, обязал всех епископов произносить при поставлении на кафедры публичную присягу, направленную своим острием как против римского престола, так и против константинопольского патриархата.

Но хотя эта присяга обнаруживала приверженность большинства русского духовенства великокняжеской власти, тем не менее само ее возникновение указывало, видимо, на то обстоятельство, что московская церковь, прочно ставшая на путь превращения в церковь «национальную», все же иногда становилась объектом воздействия извне, что определенные церковные и политические круги Московской Руси оказывались втянутыми в сложную религиозно-политическую борьбу, охватывавшую тогда чуть ли не всю Европу.

Наглядной иллюстрацией этого была схватка между двумя церковно-политическими группировками в Москве в конце XV в. Тогда под религиозной оболочкой борьбы ереси с ортодоксальным православием скрывалось ожесточенное соперничество Рима и Константинополя.

Характерной особенностью этой схватки было участие в ней самого великого князя, который тайно поддерживал обе стороны, извлекая политическую выгоду из их борьбы. Однако «проримские» и «проконстантинопольские» тенденции в политике Ивана III не выходили за рамки *тактического* маневрирования¹³⁰, в то время как использование костяка русской церкви, одновременно противопоставленного и Риму, и Константинополю, было одним из основных условий осуществления тех *стратегических* задач, которые стояли тогда перед Русским централизованным государством в области внутренней и международной жизни. Политическая обстановка вынуждала государя всея Руси видеть в русской церковной организации один из главных рычагов политической деятельно-

¹²⁹ Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 368—370.

¹³⁰ Изучая связи Руси с Римом изолированно от параллельных связей Москвы с Константинополем, Седельников и Денисов не считали контакты с Ватиканом особой тактикой Ивана III, а видели в них результат католического влияния на Руси (А. Д. Седельников, *Очерки католического влияния в Новгороде в конце XV—начале XVI в.*, — «Доклады АН СССР», 1929, серия В, № 1; Е. Denissoff, *Aux origines de l'église russe autocephale*, — «Revue des études slaves», Paris, 1947, t. 23, pp. 80—82.

сти в Восточной Европе. Не удивительно, что Иван III стремился придать своей политике церковно-религиозный оттенок, подчеркнуть тесную связь между православной русской церковью и Московским централизованным государством¹³¹. Не удивительно, что политический союз он старался дополнить экономическим сотрудничеством государства и церкви. Выступая союзником Ивана III, церковь получала огромные земли, населенные крестьянами, и тем самым превращалась в большую экономическую силу, что содействовало дальнейшему увеличению ее политического веса.

Это обстоятельство казалось очевидным для многих современников не только в Московской Руси, но и за ее пределами. Поэтому представляется совершенно не случайным, что конец XV—начало XVI в. в Москве были ознаменованы острой идеологической борьбой по вопросу о монастырском землевладении. «Борьба иосифлян с нестяжателями в первой половине XVI в., как и ранее, — указывает М. Н. Тихомиров, — была тесно связана с политической жизнью. Нестяжатели, нападая на монастырское землевладение, фактически поддерживали старые порядки периода феодальной раздробленности. Монастырское землевладение было страшно для них как опора самодержавия»¹³². В этой оценке спора «нестяжателей» с «иосифлянами» кроется ключ к пониманию проблемы в целом.

Характерно, что в идеологическую дискуссию по вопросу о монастырском землевладении оказались вовлеченными не только внутренние, но и внешние силы. Это позволяет рассматривать идеологическую борьбу в Московской Руси конца XV—начала XVI в. как часть той большой политической борьбы, которая происходила тогда на территории всей Восточной Европы.

История борьбы между «нестяжателями» и «иосифлянами» имеет большую литературу¹³³. Одной из последних работ,

¹³¹ На эту характерную особенность государственной деятельности Ивана III обращали внимание многие исследователи. Она не осталась незамеченной и таким историком, как Пирлинг. «Иван III хотел, чтобы религиозная идея освятила народную мощь и являлась оплотом его собственной власти, — писал он. — Иван III считал себя государем милостию Божьей... Сияние кремлевских святых должно было озарить его дворец». Таким образом, Кремль становился «эмблемой единения церкви и государства на страх врагам» (Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 256).

¹³² М. Н. Тихомиров, *Источниковедение...*, г. I, стр. 141—142.

¹³³ А. С. Архангельский, *Нил Сорский и Вассиан Патрикеев*, ч. I, СПб., 1882; М. С. Боровкова-Майкова, *Нила Сорского Предание и Устав*, СПб., 1912; А. Правдин, *Преподобный Нил Сорский и Устав его скитской жизни*, — «Христианское чтение», 1877, № 1; Я. С. Лурье, *К вопросу об идеологии Нила Сорского*, — ТОДРЛ, т. XIII, М.—Л., 1957; Н. А. Казакова, *Борьба против монастырского землевладения на Руси*, — «Ежегодник

дающих синтез событий конца XV—начала XVI в., является капитальная монография Я. С. Лурье¹³⁴. Бесспорная заслуга автора заключается в том, что он, выйдя за традиционные рамки раскрытия темы, рассматривает внутрицерковную борьбу в Московской Руси этого времени как идеологическую борьбу различных социальных группировок феодального общества, протекавшую на широком фоне внутривластной и международной жизни Русского централизованного государства¹³⁵. Однако нельзя согласиться со стремлением Я. С. Лурье изобразить московско-новгородскую ересь, с одной стороны, и деятельность «нестяжателей» — с другой, как полностью изолированные друг от друга явления. Представляются отнюдь не бесспорными тезисы автора об отсутствии преемственных связей между некоторыми еретиками и «нестяжателями», о сравнительно позднем появлении «нестяжательства» (только после 1504 г.) и непричастности к его доктрине Нила Сорского.

Между тем трактовка этих вопросов теснейшим образом связана с оценкой внутренней и внешней политики сначала Ивана III, а затем и Василия III.

Уже некоторые еретики одновременно с требованием сближения русского православия с греческим ставили вопросы о перестройке всей русской церкви, о реформе «иноческого жи-

музея истории религии и атеизма», Л., 1958; Н. А. Казакова, *Вассиан Патрикеев и его сочинения*, М., 1960; ТОДРЛ, т. XIII; XIV, М.—Л., 1958; И. Хрущев, *Исследование о сочинениях Иосифа Санина*, СПб., 1868; В. Жмакин, *Митрополит Даниил и его сочинения*, М., 1881; А. Д. Седельников, *Очерки католического влияния в Новгороде...*; А. А. Зими, *О политической доктрине Иосифа Волоцкого*, — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955; Макарий, *История русской церкви*, т. VI, СПб., 1872; Е. Голубинский, *История...*, т. II; Б. А. Рыбаков, *Воинствующие церковники*, — «Антирелигиозник», 1934, № 3—4; И. У. Будовниц, *Русская...*; Н. А. Казакова, Я. С. Лурье, *Антифеодальные еретические движения*, М.—Л., 1955; А. И. Клибанов, *Реформационные...*; Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*

¹³⁴ Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*

¹³⁵ Отказ от предвзятых схем и упрощенных построений, глубокий и всесторонний анализ источников, новый методологический подход к историческому процессу в целом позволили Я. С. Лурье нарисовать более полную и содержательную картину идеологической борьбы в феодальной Руси, чем это было сделано его предшественниками. К числу несомненных заслуг автора следует отнести выявление таких фактов, как поддержка еретиками идеологии централизованного государства, идеологическое сотрудничество Нила Сорского с Иваном III, критика Геннадием и Иосифом Волоцким некоторых политических шагов государя всея Руси, в частности его контактов с еретиками и «нестяжателями». Автор прав, когда показывает сложный путь развития «нестяжателей» и «носивлян», когда раскрывает не только различие между ними, но указывает на многие общие моменты их программ.

тельства», допускали критику икон и т. д., стремясь тем самым ослабить наметившийся союз церкви с централизованным государством. Эта еретическая группировка, возглавленная рядом влиятельных лиц, по-видимому, рассчитывала осуществить свою программу не столько систематической критикой монастырей, медленным подтачиванием союза церкви и государства, сколько захватом всей власти в стране с помощью сына Елены Волошанки — Дмитрия. Однако, чем в большей мере Иван III контролировал деятельность верхушки еретиков, тем отчетливее становилась бесперспективность их грандиозных политических планов. Возможно, что в этих условиях сравнительно «робкая» критика еретиков в адрес церкви и стала эволюционировать в более серьезные и продуманные нападки «нестяжателей» на монастыри и всю церковную организацию Московской Руси.

Представляется, что своеобразным «мостом», связывавшим еретиков с «нестяжателями» первых десятилетий XVI в., был Нил Сорский, который, несмотря на свое формальное неучастие в ереси и даже критику ее, занимал позицию, объективно сближавшую его с еретической группировкой 70—90-х годов¹³⁶. К этой группе церковных феодалов примыкали и некоторые светские феодалы, тесно связанные с Крымом и Константинополем, в частности манкупский князь Константин и приверженец Елены Волошанки — Вассиан Патрикеев. Близость последних к Нилу Сорскому, который писал «утешительные» послания манкупскому князю в связи с его опалой в 1480 г., а Вассиану — после заточения того в монастырь в 1499 г., указывает на определенные политические симпатии инока Кирилло-Белозерского монастыря. Не менее показателен тот факт, что присутствие Нила, Зосимы и Паисия Ярославова на соборе 1490 г. смягчило удар по еретикам.

Сочувствуя, таким образом, в известной мере еретическим идеям и поддерживая связь с «проконстантинопольской» группировкой в Москве, Нил Сорский до начала 80-х годов не выдвигал лозунга «нестяжательства». Характерно, что он «возлюбил образ монашеской жизни так называемый скитским»¹³⁷ лишь после поездки в Царьград и на Афон, пред-

¹³⁶ Для того чтобы правильно понять особую политическую роль Нила Сорского в происходившей тогда идеологической борьбе, следует учитывать, что среди русского духовенства той поры отнюдь не только отдельные еретики находились в лагере сторонников сближения Москвы с Константинополем. К числу «проафонски» настроенных иерархов относились формально не участвовавший в ереси митрополит Геронтий и зарекомендовавший себя в качестве ортодокса православия Спиридон Сатаина.

¹³⁷ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 625.

принятой в конце 70—начале 80-х годов¹³⁸. Если прежде Нил в общем удовлетворялся «общежительной» жизнью монастыря¹³⁹, то, вернувшись на Русь, он стал убежденным сторонником «скита» и «пришед... в... Сорскую пустыню»¹⁴⁰. В сущности и сам он не скрывал большого значения в своей жизни факта пребывания «в святой горе Афонстей и в стране Цариграда», поскольку он прямо об этом говорил в своем Уставе¹⁴¹.

К началу XVI столетия Нил Сорский стал законченным идеологом «нестяжательства». Есть определенные сведения о том, что на соборе 1503 г. он прямо поставил вопрос о недопустимости существования монастырей с селами¹⁴². Любопытно, что в сочинении Вассиана, ученика Нила Сорского, инициатором этого выступления Нила был назван сам Иван III. Вероятно, государь всея Руси понимал связь еретиков с «нестяжателями» и, в частности, с Нилом Сорским. Осуществляя на рубеже XV—XVI вв. решительное наступление на еретически настроенную «проконстантинопольскую группировку» Елены Волошанки, Иван III не только считал нужным ослабить впечатление от этих мероприятий в Крыму и Царьграде соответствующими дипломатическими средствами, но одновременно признал необходимым пачать скрытое сотрудничество с лидером «нестяжательства».

Но верный политике поддержания «равновесия сил» между двумя враждующими политическими группировками Мос-

¹³⁸ Время поездки на Афон определил Я. С. Лурье (Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 304—305).

¹³⁹ Правда, в посланиях к Гурию Тушину и Герману Подольскому Нил Сорский изображал свое «изшествие из монастыря» и поездку в Грецию как результат принципиальных разногласий с иноками Кирилло-Белозерской обители, как следствие неудовлетворенности образом жизни монастырской братии. Он утверждал, что покинул монастырь, «не видя ныне хранима жителства закон божиих», «непользы ради душевная» (Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 304). Однако эти послания написаны скорее всего в 80-х годах XV в., когда Нил уже вернулся с Афона. А. С. Лурье, датируя эти документы «доафонским» периодом, впадает в противоречие с собственным утверждением (там же, стр. 305—309).

¹⁴⁰ М. С. Боровкова-Майкова, *Нил Сорского Предание и Устав*, стр. XXIX—XXX.

¹⁴¹ Там же, стр. 89; А. Правдин, *Преподобный Нил Сорский и Устав его скитской жизни*. — Я. С. Лурье (*Идеологическая борьба...*, стр. 300) подчеркивает, что одно из основных произведений Нила, «Устав», написано в связи с пребыванием его в Греции.

¹⁴² В «Письме о нелюбках старцев Кириллова и Иосифова монастыря» (источник 30—40-х годов XVI в.) говорилось о выступлении Нила: «Нача старец Нил глаголити, чтобы у монастырей сел не было, а жили бы черньцы по пустыням, а кормили бы ся рукоделнем». («Послания Иосифа Волоцкого», М. — Л., 1955, стр. 367).

ного государства, великий князь осуществлял параллельное сотрудничество и с противниками «нестяжателей» — «иосифлянами».

Социальной средой, породившей идеологию «иосифлян», было крупное черное духовенство, видевшее условие своего экономического преуспеяния в союзе с сильным централизованным государством. Иосиф Волоцкий выступал защитником сильной в экономическом и политическом отношении церкви¹⁴³. «Заботами о судьбах монастырей и монастырского хозяйства определялись планы реформы монашества, предложенные Иосифом, — ценой строгого личного нестяжательства монахов Иосиф хотел спасти самую систему крупных общежительных монастырей с „селами и вертограды“»¹⁴⁴.

Выступая сторонником сильной церкви, Иосиф не мог оставаться равнодушным к заигрываниям Ивана III сначала с еретиками, потом с «нестяжателями», к первым попыткам секуляризации церковно-монастырских земель в Новгороде¹⁴⁵. Поэтому, защищая союз воинствующей церкви и централизованного государства на рубеже XV—XVI вв., он в то же время стал действовать как противник Ивана III, начав устанавливать политические контакты с братьями великого князя — Борисом Васильевичем Волоцким и Андреем Васильевичем Углицким¹⁴⁶. В этой связи следует рассматривать и появление концепции сильной воинствующей церкви, пос-

¹⁴³ А. А. Зимин, *О политической доктрине...*, стр. 176—177.

¹⁴⁴ Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 260. — Я. С. Лурье правильно подчеркивал, что в исторической литературе нет четкого понимания термина «нестяжательство»: «личное нестяжательство» монахов смешивается весьма часто с «коллективным нестяжанием» монастырей. Между тем разница здесь существенная. Что касалось «личного нестяжательства» монахов, то сторонниками этой концепции были в равной мере Нил Сорский, Иосиф Волоцкий и Спирidon Сатана, который по приезде из Турции в Литву не поднимал вопроса о замене монастырей скитом, а призывал всемерно содействовать благосостоянию православных монастырей Великого княжества Литовского. Однако, требуя «нестяжательства» монахов, их полного равенства в монастырях, сохранявших свои села и вотчины (Макарий, *История...*, т. IX, стр. 64—65), Спирidon и Иосиф выдвигали разные задачи. Если Спирidon монастырское и церковное землевладение считал прежде всего условием обеспечения нужд самой церкви, а потом и источником помощи сиротам, нищим, военнопленным и т. д. (там же, стр. 66), то Иосиф Волоцкий видел в монастыре-вотчиннике гарантию политической поддержки самодержавной власти (А. А. Зимин, *О политической доктрине...*, стр. 171).

¹⁴⁵ Иван III специально приезжал в 1496 г. в Новгород для подготовки секуляризации владичных и церковных земель, которая была осуществлена в 1499 г.

¹⁴⁶ Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 238, 243; ПСРЛ, т. 20, СПб., 1910—1914, стр. 356—357.

тавленний над «царством»¹⁴⁷: в «Послании вельможе Иоанну» Иосиф Волоцкий не только оплакивал смерть братьев великого князя, но и прямо указывал на Ивана III как на источник «распрей и ереси»¹⁴⁸.

Однако изменение международной и внутривосточной обстановки в начале XVI в. быстро изменило позицию «иосифлян». Решительное наступление на еретиков и группировку Елены Волошанки сделало Волоцкого активным союзником, незаменимым помощником и даже духовником государя всея Руси. Открыто опираясь с 1502 г. на группировку Софьи Палеолог, князя Василия, Иосифа Волоцкого, Иван III помог «иосифлянам» разгромить «нестяжателей» на соборе 1503 г. Иосиф Волоцкий открыто декларировал тогда прямую связь между экономически сильными монастырями и политически мощной церковью¹⁴⁹ и одержал полную победу.

Тем не менее сам факт идеологической дискуссии на церковном соборе свидетельствует о двойной игре государя всея Руси, спровоцировавшего полемику, возможно, из каких-то соображений внешнеполитического порядка. В условиях отстранения от власти группировки Елены Волошанки и Дмитрия санкционированная правительством дискуссия между бывшим гостем Афонского монастыря Нилом Сорским и Иосифом Волоцким могла быть еще одной попыткой показать готовность Ивана III продолжать сотрудничество с Константинополем.

Подобную тактику использования борющихся между собой группировок великий князь продолжал применять и в дальнейшем¹⁵⁰. В этой связи характерна его позиция по от-

¹⁴⁷ Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 226, 239. — Если у Вениамина-доминиканца в его «Слове кратком» концепция превосходства «священства» над «царством» выглядит как призыв поставить светскую власть под контроль церковной, то у Геннадия и Иосифа Волоцкого она выступает не как принципиальное порицание союза церкви с государством, а как критика ошибочной политики Ивана III, жертвующего интересами церкви в угоду еретикам и «нестяжателям», как попытка теоретически доказать необходимость восстановления экономического и политического сотрудничества церкви и государства.

¹⁴⁸ Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 244.

¹⁴⁹ «Аще у монастырей сел не будет; како честному и благородному человеку постричься? И аще не будет честных старцев, отколе взяти на метрополию или архиепископа или епископа и на всякие честные власти. А коли не будет честных старцев, и благородных, ино в вере будет колебание» («Житие преподобного Иосифа», М., 1865, стр. 40).

¹⁵⁰ Имеющаяся в историографии попытка поставить чуть ли не знак равенства между взглядами Нила Сорского и идеями Иосифа Волоцкого до 1503 г. (Я. С. Лурье, *Идеологическая борьба...*, стр. 321—322, 335, 340—345, 502) основывается как раз на факте параллельного сотрудничества их с московским государем. Действительно, контакты обеих «пап-

поощению к одному из лидеров «нестяжателей», активному участнику группировки Елены Волошанки до своей опалы и насильственного пострижения, последовавших в 1499 г. Вассиану Патрикееву (Косому). Показательно, что Иван III, осудив еретиков, разгромив группировку Елены Волошанки, дав отпор в 1503 г. «нестяжателям», все же предпочел «не сжигать мостов». Так, приказав еще в 1499 г. заточить Патрикеева в монастырь, государь всея Руси продолжал поддерживать с ним довольно тесный контакт¹⁵¹. Скрытое покровительство Ивана III, а потом и Василия III¹⁵² позволило Вассиану Косому развернуть бурную публицистическую деятельность, направленную против монастырского землевладения и идеолога сильной церкви и сильного государства Иосифа Волоцкого.

Являясь представителем крупного боярско-княжеского рода, игравшего видную роль в политической жизни Московской Руси, Патрикеев, живя в монастыре, разумеется, не стал чистым теоретиком-богословом. Его нападки на вотчинное владение монастырей и защита скитского образа жизни монахов не были самоцелью. Вассианом руководили более «мирские» интересы. Перед ним стояла задача политического ослабления и русской церкви, и Русского централизованного государства. Но эта главная политическая цель Патрикеева была, естественно, замаскирована богословской формой его полемики, в которой он опирался главным образом на авторитет Нила Сорского (ум. в 1508 г.), а затем на авторитет «Житий святых отцов» и книги церковных законов — «Кормчей».

Однако использовать эти церковные сочинения оказалось нелегко, так как они скорее подкрепляли платформу Иосифа Волоцкого, чем позиции «нестяжателей»¹⁵³. Тогда Вассиан решил опорочить и «Жития», и «Кормчую», предприняв составление нового свода церковных правил в духе тех принципов, которые проповедовал Нил Сорский¹⁵⁴. Ясно представляя

тий» с государем всея Руси обуславливали близость их политической тактики, заставляли «подстраиваться» к тем или иным зигзагам официальной политики Ивана III, но это отнюдь не означало, что совпадали их идеологические позиции, политические взгляды в целом. Стратегические задачи Нила Сорского и Иосифа Волоцкого в области внутренней и внешней политики оказывались различными.

¹⁵¹ См. Н. А. Казакова, *Вассиан Патрикеев и его сочинения*.

¹⁵² Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 653—663.

¹⁵³ Еще в конце XV в. использовать «Кормчую» пытался еретик Волк Курицын (Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 655—660).

¹⁵⁴ Там же, стр. 664. — Интересно, что работу по составлению новой «Кормчей» Вассиан Косой начал с благословения митрополита Варлаама (1511—1521), являвшегося, видимо, скрытым его сторонником.

основные идеи и главное направление работы, он тем не менее явно ощущал недостаточность своей богословской квалификации, невозможность использовать греческие оригиналы «Кормчей» и другие памятники греческой церковной литературы. Преодолеть эти трудности Вассиану помог приезд в Москву из Константинополя богослова и философа Максима Грека, ставшего одной из центральных фигур движения «нестяжателей».

Деятельность этого дипломата высокого класса в Москве особенно наглядно показывает внутреннюю и внешнюю ориентацию «нестяжательства», одновременно помогая понять особенности тактики московской великокняжеской власти в начале XVI в.

* *
*

Хотя роль Максима Грека в церковной и политической жизни Московской Руси в 1518—1525 гг. была весьма значительной, о его конкретной деятельности в Москве сохранилось сравнительно мало сведений. Исследователи располагают главным образом большим количеством написанных им богословских произведений, а также рядом сообщений отдельных источников. Однако все эти данные, взятые в совокупности, позволяют видеть в Максиме Греке не столько знающего переводчика и богослова, сколько весьма тонкого дипломата и опытного политического деятеля.

Известно, что Максим родился в 1475 г. в греческой семье и очень рано покинул пределы Турции, направившись в Италию для получения образования. Он учился в Венеции, Падуге¹⁵⁵, Флоренции, Ферраре и Милане, занимаясь языками, философией и богословием. Это были годы понтификата знаменитого папы Александра VI Борджиа (1492—1503), когда римская церковь переживала предреформационный кризис¹⁵⁶. По-видимому, Максим Грек, проходя курс наук в Италии, был далек от увлечения римско-католической церковью. В 1503—1505 гг. он направился на Афон, где провел около десяти лет¹⁵⁷. Максим Грек был приглашен в Москву при весьма любопытных обстоятельствах. В 1515 г. великий князь Василий направил на Афон посольство, везшее с собой две тысячи рублей «на поминовение родителей» и просьбу молиться «о чадородии его неплодной супруги Соломонии»¹⁵⁸. Вместе

¹⁵⁵ Макарий, *История...*, т. VII, СПб., 1874, стр. 265.

¹⁵⁶ См. L. Pastor, *Geschichte...*, Bd III.

¹⁵⁷ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 674.

¹⁵⁸ Там же, стр. 676.

с тем посольству было дано поручение подыскать опытного переводчика для работы в Москве. Речь шла о переводе с греческого языка на русский толковой псалтыри, что, видимо, было вызвано ходом идеологической дискуссии и стремлением обеих борющихся группировок найти дополнительные аргументы для доказательства своей правоты¹⁵⁹. Возможно, однако, что перевод псалтыри был лишь поводом, а причины приглашения греческого богослова в Москву были значительно более важными или во всяком случае более сложными. Как бы то ни было, Константинополь довольно быстро откликнулся на просьбу Василия и летом 1516 г. направил в русскую столицу Максима Грека в сопровождении двух афонских монахов и двух видных иерархов греческой церкви (проигумена Пантелеймонова монастыря и представителя константинопольского патриарха — митрополита зихнийского)¹⁶⁰.

Весьма характерно, что переводчик, отправляемый из Турции в Москву, хорошо знал древние и почти все европейские языки, но совсем не знал русского¹⁶¹. Уже одно это обстоятельство свидетельствовало о том, что в Константинополе смотрели на Максима Грека не только как на переводчика. О том, что миссия его носила политический характер, говорили и его свита, и темпы следования «переводчика» к месту назначения: выехав из Турции в июне—июле 1516 г., Максим прибыл в русскую столицу только 4 марта 1518 г.¹⁶², пробыв все это время в Крыму¹⁶³. Не исключено, что он просто выжидал наступления такого момента в развитии международных событий, когда его появление в Москве стало бы наиболее целесообразным и эффективным с точки зрения крымско-казанско-турецкой политики в Восточной Европе. Объяснить чем-либо иным почти двухлетнюю задержку Максима Грека в Крыму довольно трудно¹⁶⁴.

¹⁵⁹ Сам Максим Грек подчеркивал, что необходимость перевода диктовалась «какими-то особыми нуждами времени» (Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 673).

¹⁶⁰ Там же, стр. 678, 781.

¹⁶¹ А. С. Орлов, *Древняя русская литература*, Л., 1937, стр. 294.

¹⁶² Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 677.

¹⁶³ Филарет, *Максим Грек*, — «Москвитянин», 1842, № 11, стр. 44—96. — Позднее сам Максим вспоминал о пребывании в Крыму в одном из своих посланий: «Живушу ми в Перекопин, един татарин ять быть в татьбе» ([М. Грек], *Сочинения преподобного Максима Грека*, т. III, Казань, 1862, стр. 174).

¹⁶⁴ Возможно, что в Крыму Максим Грек сблизился с манкупским князем Скиндером, направленным позднее, в 1524 г., в качестве турецкого посла в Москву. Не исключено, что толчком для переезда Максима из Крыма в Москву явилась информация о переговорах русского правительства с габсбургско-римской дипломатией (Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 321).

Исследователя не может не поражать тот факт, что, появившись в марте 1518 г. в столице Русского государства, Максим Грек сразу же оказался вовлеченным в происходившую там напряженную идеологическую и политическую борьбу.

Быстрая ориентировка в существе спорных проблем, оперативное написание больших трактатов по вопросам, выдвигавшимся ходом дискуссии, строгая последовательность и целенаправленность предлагаемых им политических «рецептов» — все это заставляет предполагать предварительную осведомленность Максима о положении дел в Русском государстве, видеть четко профилированную Константинополем и тщательно осуществленную самим афонским «переводчиком» подготовку к весьма сложной и ответственной миссии в Московской Руси.

В самом деле, как только Максим Грек прибыл в Москву, он тем или иным способом установил контакты со всеми кругами московского общества, определявшими политический климат в столице Русского государства. Хорошо принятый великим князем Василием III и митрополитом Варлаамом, он очень быстро завязал сношения и с противниками монастырского землевладения, возглавленными в то время Вассианом Косым, и с теми кругами, которые были связаны с неофициальным представителем римской дипломатии в Москве — доктором Николаем Немчином. Одновременно Максим знакомился с боярством, нащупывая оппозиционные правительству элементы. В частности, в лице боярина Берсень-Беклемишева он нашел надежного союзника. Прибытие греческого богослова в Москву сразу активизировало деятельность «нестяжателей» и их лидера Вассиана Косого. Максим Грек обеспечил Вассиану столь необходимую помощь, «доказав» на основе знания оригиналов греческой церковной литературы, что существовавший на Руси перевод «Кормчей» был неверным, что в греческом тексте¹⁶⁵ речь шла не о селах монастырских, населенных крестьянами, а только о полях, которые должны обрабатываться самими монахами¹⁶⁶.

Но это было лишь началом той борьбы против «иосифлян», которую Максим Грек начал систематически проводить

¹⁶⁵ Речь шла о греческом тексте «Кормчей», привезенной Фотием в Москву.

¹⁶⁶ После заявления Максима Грека «Вассиан поспешил провозгласить, что в греческой Кормчей... сел у монастырей не велено держать и что в нашей русской Кормчей вероятно кто-нибудь приписал к правилам, что монастырям держать села» (Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 660—661; А. С. Орлов, *Древняя...*, стр. 298).

в годы своего пребывания в Москве. Он написал ряд произведений, остро критиковавших сложившуюся практику монастырского землевладения¹⁶⁷, где проповедовал «истиннохристианский» уклад жизни монастырей, основой которого должны были стать милостыня и добровольные подаяния мирян. Поскольку таких «идеальных» монастырей не существовало ни в Московской Руси, ни в Великом княжестве Литовском, ни даже в захваченной турками Греции¹⁶⁸, Максим вынужден был привести в качестве «образца» какие-то монашеские ордена Италии: «Флоренция град есть прекраснейший предобрейший сущих в Италии градов, их сам видех: в том граде монастырь есть мнихов, отчина глаголимых по латынски предикаторов, еже есть Божьих проповедников»¹⁶⁹.

Характеризуя «нестязательский» образ жизни этих монашеских орденов, Максим Грек не жалел красок: «Таково у них совершенно братолюбие есть и благопокорство и настоятелем своим: несть у них ничто же свое, но вся обща, нестяжание же любят, аки велие благо духовное, соблюдать бо их в тишине и всякой правде и непоколебании помыслов и вне всякого сребролюбия и лихоимания... И вси они исполнены всякие философии и разума богодохновенных писаний... и сих всех питает град, в он же собираются в елико время, живут в нем». Греческий богослов раскрывал и «технику» собирания милостыни: «По вся дни настоятель обители отпускает мниха два имуща каждо мех льняной на левом плече висящ, иже вшедше во град обходят дома сущие во единой улицы и просят о имени Господни хлеб на братию и напол-

¹⁶⁷ Из сочинений Максима Грека, направленных против монастырского землевладения, наиболее известны «Инока Максима Грека стяжание о известном иноческом жителстве. Лица же стяжующихся: Филоктимон да Акимон сиречь Любостязательный да Пестязательный» ([Максим Грек] *«Сочинения преподобного Максима Грека»*, т. II, Казань, 1860, стр. 89—118); «Инока Максима Слово о покаянии, вельми душеполезно верою и любовью...» (там же, стр. 119—147); «Того же инока Максима Слово о покаянии» (там же, стр. 148—152); «Того же инока Максима Грека на насытное чрево и бесчисленных зол виновно иночествующим» (там же, стр. 153—154); «Слово воспоминательно о исправлении иноческого жития к неким честным инокиням» (там же, стр. 396—415).

Характерно, что Максим Грек отказался переводить «Историю Блаженного Феодорита», на чем настаивал в 1523 г. митрополит Даниил. Отказ был обусловлен тем, что «История» содержала свидетельства о дозволении монахам владеть вотчинами (Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 708).

¹⁶⁸ Когда в 1531 г. вновь разбирали дело Максима Грека, ему указывали: «а и в ваших монастырях во святой горе и в иных местах в вашей земле и у церквей и у монастырей села есть» (Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 724; [Максим Грек], *«Сочинения...»* т. III, стр. 184—186).

¹⁶⁹ [Максим Грек], *«Сочинения...»*, т. III, стр. 189, 194.

пившие мяхи чистых пшеничных хлебов, возвращаются во обитель свою... сим образом по вся дни добывают себе всedневную пищу, пременяюще улицы градские»¹⁷⁰.

Изображая идиллическую картину жизни итальянских монашеских орденов, Максим Грек тем самым стремился показать, что главная цель духовных институтов состояла не в политическом сотрудничестве с феодальным государством, а в распространении «истинного» христианства среди мирян. В связи с этим источники существования монастырей должны были, по его мнению, обеспечивать не государство путем раздачи сел и вотчин, а сами миряне в форме добровольных пожертвований и подаваний. Таким образом, критика монастырского землевладения на Руси, программа реорганизации всего уклада жизни русских монастырей таили в себе ясный политический смысл: речь шла о стремлении ликвидировать материальную базу политического могущества монастырей на Руси, упразднить основу сотрудничества феодальной церкви с феодальным централизованным государством, превратить монастыри в орудие политики бояр и княжат¹⁷¹.

Пытаясь ослабить политическую роль церкви в Русском централизованном государстве, Максим Грек в то же время прилагал все усилия к тому, чтобы восстановить зависимость московского митрополита всея Руси от константинопольского патриарха, а вместе с тем и от константинопольского правительства. Он энергично протестовал против установившейся «незаконной» практики поставления московских митрополитов в Москве¹⁷², против той присяги, которую должны были давать все русские епископы при вступлении в должность¹⁷³. Он делал это устно и письменно, правда, в последнем случае с максимальной осторожностью. Так, в одном из своих сочинений, обращаясь к митрополиту или великому князю, он высказывал недоумение и удивление по поводу нежелания русской церкви подчиниться Царьграду: «рукоположения... константинопольского вселенского патриарха, [который пре-

¹⁷⁰ Там же, стр. 185—186, 189.

¹⁷¹ Это не значит, что отдельные наблюдения Максима Грека над жизнью монастырей нельзя использовать в качестве материала, показывающего пороки церковно-монастырского землевладения, раскрывающего тяжелое положение крестьянства и т. д. Необходимо помнить, однако, что греческий философ отнюдь не был сторонником ликвидации феодального строя и феодальной эксплуатации вообще, а выступал только против одного вида землевладения (церковно-монастырского) с определенной политической целью — ослабить союз церкви и самодержавной власти в Московском государстве.

¹⁷² Макарий, *История...*, т. IX, стр. 64.

¹⁷³ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 714.

бывает] во всяком православии и благозаконии божиею благодатью и доселе кое ради вины отмечаешься, о пречудный?»¹⁷⁴. Добиваясь восстановления главенства Константинополя над церковью Московской Руси, Максим Грек старался устранить возможные препятствия на этом пути. Он доказывал, что пребывание греческой церкви под турецким контролем ни в коей мере не умаляет ее святости и истинного православия, и создал специальное произведение на эту тему: «Инока Максима сказание о том, яко не оскверняются святая николище, аще и многа лета обладаемы суть от поганых»¹⁷⁵.

Одновременно греческий богослов энергично возражал против установления политических контактов русского правительства с римским престолом, он осуждал перспективу сближения Москвы с Римом, исключал возможность «рукоположения» римского папы для московских митрополитов. В этой связи весьма характерно, что идеологическим и политическим противником Максима Грека явился лекарь Николай Немчин, занимавшийся в Москве пропагандой католичества и церковной унии.

Николай Немчин был, по-видимому, преемником лекаря-венецианца, казненного в 1490 г. по обвинению в убийстве великого князя Ивана Ивановича. Находясь в Москве, Николай «всегда оставался любимым лекарем великого князя (Василия III. — И. Г.), который был к нему милостив до конца»¹⁷⁶. Но думать, что функции Немчина ограничивались лечением великокняжеской семьи, было бы вряд ли правильно. Используя близость к трону, он одновременно занимался и активной политической деятельностью, в частности вел пропаганду в пользу Рима и церковной унии¹⁷⁷. Из-под пера лекаря вышло несколько посланий, составленных в духе примирения и сближения Рима с Москвой¹⁷⁸.

Поскольку политические программы Николая Немчина и Максима Грека были, естественно, различными, а объект их политических ухищрений одним и тем же (им являлись правящие круги Московского государства), столкновение между

¹⁷⁴ [Максим Грек], *«Сочинения...»*, т. III, стр. 154—156.

¹⁷⁵ Там же, стр. 156—164.

¹⁷⁶ Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 320. — Врачей присылал московскому двору и Константинополь. Скиндер в 1524 г. просил отпустить из Москвы в Порту лекаря-грека Марка (И. И. Смирнов, *Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в.*, М. — Л., 1958, стр. 124).

¹⁷⁷ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 684.

¹⁷⁸ Содержание этих посланий известно из ответов противников Николая: ростовского архиепископа Вассиана (1506—1515), дьяка Мунехина и Максима Грека (Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 320, 321; Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 684).

представителями римского престола и посланцем Константинополя оказалось неизбежным. Оно вылилось в форму богословской дискуссии, что являлось характерным для периода средневековья вообще и эпохи реформации в частности. Не было ничего удивительного в том, что Николай Немчин «принадлежал к числу тех светских людей, которые принимали близко к сердцу дела церковные»¹⁷⁹, а Максим Грек представлял собой одного из тех служителей церкви, которые отнюдь не оставались равнодушными к светским и мирским делам и не только не уходили от политической борьбы, но принимали в ней активное участие.

Уже в 1519 г. между Немчином и Греком происходил весьма интересный спор. Характерно, что он протекал не в форме частной беседы двух «теоретиков» богословия, а в виде обмена письменными посланиями. Любопытно, что в организации этой письменной дискуссии участвовал представитель правящих кругов Московского государства — окольничий боярин Ф. И. Карпов-Долматов. Последнее означало, что правительство Василия III внимательно следило за ходом спора. По-видимому, это обстоятельство учитывалось и самими его участниками: в своих посланиях¹⁸⁰ и Николай Немчин, и Максим Грек не столько стремились убедить друг друга, сколько сделать более убедительными свои выкладки для Ф. И. Карпова-Долматова и стоящего за ним великого князя¹⁸¹. По существу Максим Грек сам признавал в своем «ответе» Николаю, что он писал не ради Немчина, а ради «истинного знания» и убеждения Федора Ивановича Карпова и «прочих» в порочности и ошибочности всех латинских «новин»: «Сие же глаголю не зане изъявления Николаева имеют глубину, мала бо сия суть и немощна», «не подобно быти таковыми епистолиями сиречь

¹⁷⁹ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 684.

¹⁸⁰ Два «Слова на латинов» были составлены Максимом Греком уже в 1519 г. ([Максим Грек], *Сочинения преподобного Максима Грека*, т. I, Казань, 1859—1860, стр. 235—266, 322). На них последовали ответы («эпистолии») Николая, после чего Максим написал еще три послания (там же, стр. XIV, XV, XXV).

¹⁸¹ Вряд ли можно рассматривать Ф. И. Карпова-Долматова в качестве «адепта и единомышленника» представителя Ватикана в Москве Николая Немчина (Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 685). Когда Карпов попросил Николая изложить в письменной форме свои взгляды на церковную унию и при этом сообщил ему о намерении показать этот материал приехавшему из Турции афонскому богослову, окольничий боярин действовал отнюдь не как частное лицо и выполнял определенное задание своего государя (Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, т. VII, СПб., 1840, стр. 306). Через Карпова правительство Василия III просто контролировало ход дискуссии, выделяло политическое лицо участников спора.

Гиколаевыми, възскати и украсшати, в них же азвоистину толико отстою наслаждатися, елико и в смертоносных врачеваниях насыщати и наслаждатися». «Яже о истине... яко убо да не зрится лжа противу истины и тьма противу света хвалится, и да познаеши и ты (Федор Иванович Карпов. — И. Г.) прочим словом и делом, яже ничто же Максим храмлетъ во известнейшей феологии богоносных отец, но и паче же ненавидит и отвращается всех еретических велеречий и латинския последняя новины и суесловия»¹⁸².

Эта недвусмысленная направленность «богословских» посланий Максима Грека еще раз показывала, что за религиозной формой его деятельности скрывалась вполне определенная политическая программа¹⁸³, предложенная ему не столько константинопольским патриархом, сколько константинопольским правительством. Об этом говорят и связи, которые он установил в боярской среде. Весьма показательно, что если в идеологической сфере афонский монах был продолжателем Нила Сорского, союзником Вассиана Патрикеева и отчасти самого митрополита Варлаама¹⁸⁴, то в области политической он оказался сотрудником боярина Берсень-Беклемишева. Последний, начав свою карьеру в качестве дипломата (он ездил послом в Польшу в 1492 г. и Крым в 1503 г.)¹⁸⁵, пользовался при Иване III значительным влиянием, но при Василии постепенно отошел от дел¹⁸⁶. В начале 20-х годов XVI в. Беклемишев выступал защитником «старины» и хулителем всего, что привезла с собой на Русь «римлянка» Софья Палеолог и что, по его мнению, продолжал культивировать Василий III.

Основа политического сотрудничества русского боярина и греческого монаха раскрывается в ряде интересных высказываний Берсень-Беклемишева, дававших оценку внутренней и международной политики Василия III и воспроизведенных Максимом Греком в 1525 г. в ходе судебного разбирательства. «Как пришла сюда мать великого князя великая княгиня

¹⁸² [Максим Грек], *«Сочинения»...*, т. I, стр. 236—237.

¹⁸³ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 712 и сл.

¹⁸⁴ Там же, стр. 697—698. — Вассиан Косой вел работу по составлению новой «Кормчей» с благословения Варлаама (там же, стр. 664, 678).

¹⁸⁵ А. Малиновский, *Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 г.*, — «Записки Одесского общества истории и древностей», т. 5, 1863, стр. 162.

¹⁸⁶ Когда в ходе литовской войны Беклемишев попытался возражать Василию по поводу планов в отношении Смоленска, великий князь его резко оборвал: «Поди прочь, смерд, ненадобен ми еси» («Акты археографической экспедиции», т. I, СПб., 1836, № 172, стр. 143.

Софья, — утверждал, по словам Максима, Беклемишев, — так наша земля и замешалась, и пришли нестроения великия... Царь упрям и встречи не любит и государь наш, запершись сам третей у кровати всякие дела делает»¹⁸⁷. Беклемишев не одобрял внешний курс государя всея Руси: «Ныне отвсюды брани, ни с кем нам миру нет, ни с Литовским, ни с Крымским, ни с Казанью, все нам недрузи, а за наше нестроение»¹⁸⁸. Таким образом, все трудности международного положения Московского государства Максим Грек и Берсень-Беклемишев объясняли не политикой Порты, Крыма, Казани и их союзника — Польско-Литовского государства, а «нестроением» самой Московской Руси, связанным с приездом «римлянки» Софьи Палеолог и с поддержанием ее «традиции» Василием III.

То, что в высказываниях Беклемишева звучали ноты, направленные против самого великого князя, было не случайным. В 20-х годах XVI в. группа бояр, возглавляемая Берсень-Беклемишевым и Максимом Греком, опираясь на союз с Вассианом Патрикеевым и митрополитом Варлаамом, повела тайную борьбу против Василия, решившего расторгнуть брак с бездетной Соломонией Сабуровой¹⁸⁹ и жениться во второй раз, чтобы дать Московскому государству наследника престола. В осуществлении этого замысла, естественно, огромную роль должна была сыграть церковь. Поэтому Василий около 1520 г. обращался в Константинополь через тверского епископа Нила (родом грека) с просьбой о разводе¹⁹⁰. Он обращался и к митрополиту Варлааму, старцу Вассиану Патрикееву, Максиму Греку¹⁹¹. Позднее великий князь снова решил искать помощи вселенских патриархов¹⁹². Все они понимали важность намерения Василия для дальнейшего политического развития Московского государства, но тем не менее единодушно осудили его. Отказываясь благословить развод великого князя, они совершенно сознательно толкали страну к политическому хаосу, который неминуемо должен был возникнуть в случае смерти бездетного Василия III.

Понятно, что последний не оставался пассивным наблюдателем антигосударственной деятельности своих скрытых противников. Ведя борьбу на международной арене с сильной коалицией соседей (Крым, Казань, Польско-Литовское госу-

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Там же; И. И. Смирнов, *Очерки...*, стр. 19—24.

¹⁸⁹ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 731.

¹⁹⁰ Там же, стр. 733.

¹⁹¹ Там же, стр. 708—710.

¹⁹² Там же, стр. 731—733.

дарство), государь всея Руси должен был обращать все более пристальное внимание на козни внутренних врагов.

Первый удар был нанесен по митрополиту Варлааму, тесно связанному с Вассианом Патрикеевым и Максимом Греком. Сразу после крымско-казанского похода на Москву (август 1521 г.) Варлаам был смещен со своего поста, арестован и в оковах направлен из Москвы в Белозерский монастырь¹⁹³. Совершенно естественно, что подобная расправа со вторым лицом Московского государства была обусловлена не религиозными разногласиями, а каким-то крупным политическим промахом Варлаама. Источники сохранили указание на то, что поводом для устранения Варлаама послужила попытка митрополита взять под свою защиту повгород-северского князя Василия Ивановича Шемячича¹⁹⁴, который, видимо, оказался связанным с правящими кругами Польско-Литовского государства. Не исключено, однако, что среди причин, определивших отставку Варлаама, было и нежелание последнего санкционировать заключение второго брака великого князя.

Устранив Варлаама, государь всея Руси не тронул Максима Грека и Василия Косого. Видимо, он действовал так же, как и его отец Иван III, выводя из строя противников не сразу, а постепенно. Оставляя на свободе часть своих врагов, он не только получал возможность наблюдать за их дальнейшей деятельностью в стране, выявляя при этом их связи, тактические приемы и т. п., но и вместе с тем создавать у соседей Московского государства впечатление о терпимом отношении правительства к их политическим эмиссарам на Руси. Однако, сохранив свободу Греку и Вассиану, Василий III, по-видимому, не строил иллюзий по поводу их политической «благонадежности». Его «просьбы», адресованные к одному и другому, носили характер «разведки». Известно, что Василий III и новый митрополит Даниил поручили Максиму Греку перевести с греческого языка на русский «Историю блаженного Феодорита», в которой содержались сведения о дозволении монахам в греческой церкви владеть вотчинами¹⁹⁵. Известно также, что и Максима, и Вассиана просили высказать свое отношение к плану развода Василия III. Негативная позиция, занятая Греком в обоих случаях, видимо, в еще большей мере раскрыла глаза государю всея Руси на характер деятель-

¹⁹³ Там же, стр. 697—699. — Отставке Варлаама (ноябрь — декабрь 1521 г.) предшествовало изгнание с тверской кафедры епископа Нила (3 апреля 1521 г.), безрезультатно ездившего в Царьград за получением санкции на второй брак Василия (там же, стр. 733).

¹⁹⁴ С. Герберштейн, *Записки...*, стр. 41.

¹⁹⁵ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 708.

ности афонского монаха и его коллег в Московском государстве. Но роковыми для Грека и его приверженцев оказались 1524—1525 годы.

В напряженной международной обстановке, сложившейся тогда в Восточной Европе, в условиях тяжелой борьбы, которую Москва вела против коалиции татарских государств и Порты, Максим Грек и Берсень-Беклемишев вошли в тесный контакт с турецким послом Скиндером, прибывшим в Москву в 1524 г., чтобы закрепить за Портой Казань и одновременно, имея в виду организацию нового вооруженного похода крымско-турецких войск против Московской Руси, собрать сведения о ее внутреннем положении, установить связь с оппозиционными правительству элементами. Факт установления такой связи подтверждается прежде всего знаменитой обвинительной речью митрополита Даниила против Максима Грека и его друзей. «Да вы же ведали, — говорил Даниил, обращаясь к Максиму и спасскому архимандриту греку Савве, — Искандера Турского посла советы и похвалы, что хотел подымати... Турского царя на государя великого князя и на всю его державу... И вы с Савою вместо благих великому князю злая умышляли, и совещали и посылали грамоты к Турским пашам и к самому Турскому царю, подымая его на благочестивого ... великого князя Василия Ивановича всея Руси»¹⁹⁶.

О контактах Скиндера с группировкой Максима Грека говорил факт обнаружения у Саввы «грамоты греческие посольные», а также политическая информация, которую привез Скиндер из Москвы в Крым и Порту. Основываясь на показаниях Грека и его коллег, Скиндер считал Московскую Русь в тот период крайне ослабленной в политическом и военном отношениях. В Москве у него сложилось «впечатление, что налицо была исключительно благоприятная обстановка для нападения на Русское государство, ослабленное походом на Казань и острой внутривосточной борьбой»¹⁹⁷. Нельзя считать простой случайностью то обстоятельство, что именно после возвращения Скиндера из Москвы в Бахчисарай крымско-турецкая дипломатия стала форсированно подготавливать новое вторжение в русские земли, намечавшееся на лето 1525 г.¹⁹⁸.

Московское правительство своевременно обратило внимание на весьма подозрительные контакты турецкого посла

¹⁹⁶ «Чтения ОИДР», т. VII, СПб., 1847, № 7, стр. 4—5.

¹⁹⁷ И. И. Смирнов, *Очерки...*, стр. 121.

¹⁹⁸ Там же.

с Максимом Греком, Саввой, Берсень-Беклемишевым и другими оппозиционными элементами из церковно-боярской среды. Окончательно убедившись в «протурецкой» деятельности Грека и его московских соратников, Василий III решил принять крутые меры. В результате вскоре после отъезда Скиндера¹⁹⁹ Максим Грек и Савва были арестованы (в конце ноября — начале декабря 1524 г.), а вслед за ними был заключен под стражу и Берсень-Беклемишев.

До недавнего времени в историографии существовало мнение, что Максим Грек и Берсень-Беклемишев были арестованы по различным поводам, что суд над Греком, происходивший в 1525 г., касался главным образом церковно-религиозных «провинностей» афонского монаха и только суд над Берсением имел в виду политические «козни» последнего. В то же время считалось, что происходивший в 1531 г. новый суд над Максимом Греком и Вассианом Косым хотя и касался политических и церковных преступлений обвиняемых, тем не менее был обусловлен не их реальной «протурецкой» политической деятельностью, а личной антипатией к ним митрополита Даниила, который якобы и сфабриковал задним числом все обвинение в их адрес²⁰⁰. Современная историография стала иначе трактовать эти вопросы. Критический пересмотр старых источников, а также использование вновь обнаруженных документов позволили прийти к выводу, что Максим и Берсень были привлечены к суду по одному делу, что первый был не столько переводчиком-богословом, сколько политическим деятелем протурецкой ориентации. Работами С. Н. Чернова и И. И. Смирнова установлено, что судебное разбирательство 1525 г. имело в виду в первую очередь политическую деятельность Максима²⁰¹.

По-видимому, суд над Максимом Греком в 1525 г. совершался в два этапа: в январе рассматривались главным образом его политические преступления «у великого князя на дворе в палате», позднее, в апреле — мае, разбирались как политические, так и церковные прегрешения уже не в княжеских палатах, а в митрополичьих: «Потом соборы многие были у митрополита в палате его лета 7033 на того Максима

¹⁹⁹ Скиндер уехал в сентябре 1524 г.

²⁰⁰ См. Филарет, *Максим Грек*; Макарий, *История...*, т. VI; Е. Голубинский, *История...*, т. II; В. Ржига, *Максим Грек как публицист*, — ТОДРЛ, т. I, 1934.

²⁰¹ С. Чернов, *К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком*, — «Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову», Пг., 1922; С. Чернов, *Заметки о следствии по делу Максима Грека*, — «Сборник статей, посвященных А. С. Орлову», Л., 1934; И. И. Смирнов, *К вопросу...*, стр. 118—126; И. И. Смирнов, *Очерки...*, стр. 19—24.

о тех хулах, которые прибыли и взыскавшиеся, месяца апреля и месяца майя»²⁰².

Известен характер обвинений, предъявленных Греку правительством и сформулированных в речи митрополита Даниила. Максиму инкриминировались не только контакты с турецким послом Скиндером, турецкими пашами и самим султаном, но также и то, что он подымал Турцию и Крым против Московской Руси, считал неминуемой полную победу султана над русской землей.

Естественно, что, выдвинув такое обвинение, правительство Василия должно было вынести самый суровый приговор Греку и всем, кто стоял за его спиной. Осенью 1525 г. Берсень был казнен, а Максим и Савва по существу осуждены на пожизненное заключение²⁰³. Совершенно закономерным являлось привлечение к суду по этому делу и Вассиана Патрикеева. Интересно, что в 1525 г., в силу каких-то пока неясных причин, «великий князь еще не хотел и не находил нужным наложить на полемику (о монастырском землевладении. — И. Г.) своего вето»²⁰⁴. Однако в 1531 г. он привлек к суду Вассиана Косого за попытки ликвидировать вотчинное владение монастырей и сотрудничество с Максимом Греком²⁰⁵. Вассиана Патрикеева «обвиняли в незаконном составлении „Кормчей“, в непозволительном сравнении священных правил с кривилами», в чрезмерной переоценке Грека как богослова²⁰⁶. Характерно, что церковный собор 1531 г. не только осудил Максима Грека, Вассиана Косого и их замыслы, но и подчеркнул связь «ереси» Максима с другими еретическими учениями, в частности с ересью «жидовствующих»²⁰⁷.

²⁰² «Чтения ОИДР», 1847, № 7, стр. 11.

²⁰³ Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 718—719. — Замена казни пожизненным заключением объяснялась не меньшей виной Грека по сравнению с Берсением, а просто его принадлежностью к духовному сану и иностранным подданством.

²⁰⁴ Е. Голубинский, *История...*, стр. 724.

²⁰⁵ Н. А. Казакова, Вассиан Патрикеев и его сочинения, стр. 75—77.

²⁰⁶ Вассиану приписывали следующие слова по поводу Максима: «Здесь книги все лживые, а до Максима есмь по тем книгам бога хулили... а ныне есмь бога познали Максимомъ и его учением» (Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 729).

²⁰⁷ Митрополит Даниил уже после собора наказал некоего Михаила Медоварцева за то, что тот длительное время скрывал известные ему вины Максима: «столько много время [покрывал ты] Максима Грека, а неведомого и незнакомаго человека, новопришедшего из Турской земли, и книги переводяща и писания составляюща хульные и еретические, и во многие люди и народы сеюща и распространяюща жидовские и еллинские учения... и прочая... ереси» (Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 725). Вассиану инкриминировалось признание Христа не богом, а тварью, что также указывало на связь Патрикеева с «еретиками» (там же, стр. 730).

Суровое наказание, вынесенное Вассиану Косому²⁰⁸, завершило борьбу правительства Василия III и митрополита Даниила с влиятельной церковно-боярской группировкой, которая формально выступила в защиту «истинного» христианства, боярской «старины» и т. д., а по существу старалась в интересах Османской империи затормозить процесс дальнейшего развития Русского централизованного государства, подготовить благоприятные условия для последующих вторжений крымско-турецких войск на территорию Московской Руси.

Такая трактовка деятельности Максима Грека и его московских коллег подтверждается и летописными материалами, обнаруженными и введенными в научный обиход М. Н. Тихомировым²⁰⁹ и свидетельствующими о тесной связи афонского богослова не только с константинопольской церковью, но и с константинопольским правительством. Автор летописного отрывка, изданного М. Н. Тихомировым, рассказывая о событиях 1525 г., специально остановился на деятельности «греков». «Того же лета князь великий Василей Иванович всеа Руси довел на Спасского архимандрита на Саву на Грека да на Максима на философа измену — посылали грамоты да и поминки железца стрелные к паше туретцкому, а велели ему итти воевати украин великого князя. А Даниил митрополит всеа Руси с священным собором довел до них ересь. Да с ними же были в совете Иван Берсен Беклемишов да Петр Муха Карпов да Федко Жареной. И сказали на соборе во всем виноваты. Государь же над грекы показал милость, Саву послал в заточенье в обитель Пречистыа на Возмища, а Максима в Сифов (т. е. в Иосифов Волоколамский монастырь. — И. Г.), а келейника их Афонасьаа в Пафнутье, а Берсеня велел казнити главною казнию, а Муху велел в темницу заключити, а Жареному велел язык вырезати»²¹⁰.

Таким образом, протурецкая деятельность Максима Грека, выразившаяся не только в передаче сведений Скиндеру, но и в связи с оппозиционными правительству кругами, является фактом бесспорным²¹¹. Об этом свидетельствуют и неодно-

²⁰⁸ Там же, стр. 708, 731.

²⁰⁹ М. Н. Тихомиров, *Новый памятник московской политической литературы XVI в.*, — сб. «Московский край в его прошлом», ч. 2, М., 1930, стр. 105—114.

²¹⁰ Там же, стр. 112.

²¹¹ Достоверность сведений отрывка, опубликованного М. Н. Тихомировым, подтверждается тем обстоятельством, что автор летописи пользовался рассказами сотрудника Грека «кейника Афонасия», сосланного в Пафнутьев-Боровский монастырь (М. Н. Тихомиров, *Новый памятник..*, стр. 112).

кратные настойчивые попытки Царьграда выручить из беды своего эmissара, а также внимание и интерес к судьбе Максима, проявленные римской церковью (сведениями о нем располагал значительно позднее и А. Поссевино)²¹².

Если Максим Грек внимательно следил за поведением посланцев Ватикана, то и представители римско-габсбургской дипломатии пристально наблюдали за деятельностью греческого богослова, приехавшего в Москву из столицы Османской империи. Это происходило не столько потому, что обе стороны олицетворяли собой западное и восточное христианство, сколько потому, что они представляли враждовавшие между собой политические силы тогдашней Европы: султанскую Турцию, с одной стороны, и Рим, Венецию и Габсбургов — с другой.

Но развернувшаяся между ними борьба за влияние в Восточной Европе отнюдь не означала, что московское правительство оказывалось игрушкой в руках внешнеполитических сил, выступало в роли пассивного наблюдателя. Следя за ходом этой борьбы и сознательно допуская проявление ее в самой Москве, правительство Василия III стремилось не только содействовать взаиморазоблачению и взаимоослаблению борющихся сторон, но и извлечь максимум выгоды для Московского государства, отвергнув все то, что представляло угрозу его политическому и религиозному суверенитету.

²¹² Е. Голубинский, *История...*, т. II, стр. 814; И. И. Смирнов, *К вопросу...*, стр. 118—126. О политической ориентации Максима Грека свидетельствовал также тот установленный И. Денисовым факт, что одним из биографов этого греческого иерарха был А. Курбский (Е. Denissoff, *Une biographie de Maxime de Grec par Kourbski*, — «Orientalia christiana periodica», Roma, vol. XX, 1954, № 1—2, pp. 44—84), тесно связанный тогда с К. Острожским (см. Н. Д. Иванишев, *Жизнь князя Андрея Курбского в Литве и на Волыни*, т. I, Киев, 1849, стр. 45), а через него и с Константинополем (как известно, Острожский выдвигался Портой кандидатом на польский престол в 1572—1573 гг.). Показательно, что в опубликованных «Русской исторической библиотекой» (т. XXXI, СПб., 1914) сочинениях Курбского («История о великом князе Московском», «История о осьмом соборе» и др.) апологетика Максима Грека сопровождалась критикой католического Рима, осуждением Флорентийского собора, порицанием Грозного как «отступника» от «истинного греческого православия». Все это не позволяет согласиться с главным тезисом И. Денисова о «западничестве» Максима Грека. Критику этих взглядов И. Денисова см. в статьях А. И. Клибанова и С. М. Каштанова, опубликованных в «Византийском временнике» (т. XIV, М., 1958).

КРЫМ, ТУРЦИЯ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА в 40—80-х годах XVI в.

1. Крымско-турецкая политика конца 30-х — начала 40-х годов и отношение к ней московского и польско-литовского правительств

Продолжавшаяся в 20—30-х годах турецко-крымская агрессия в страны Юго-Восточной Европы протекала в условиях постепенного изменения международной ситуации, непрекращавшейся борьбы между Габсбургами, Ягеллонами и Московским государством¹ и нарастания реформационного движения в Европе². Несомненно, что развитие политических событий в Юго-Восточной Европе было предметом внимательного изучения турецких и крымских политиков; состояние отношений между Веной, Краковом и Москвой так или иначе влияло на выработку их стратегической и тактической линий.

Так, после битвы у Мохача 1526 г., когда полный крах планов польско-венгерско-чешской унии стал очевиден, когда сфера влияния Ягеллонов ограничилась Польшей и Литвой, а исход борьбы Польско-Литовского государства с Московским после присоединения Смоленска и Северщины обнаружил неудачу Сигизмунда I на востоке, крымско-турецкая дипломатия начала, с одной стороны, все чаще устанавливать союзные отношения с ослабевшими Ягеллонами³, а с другой — активизировала борьбу против усилившейся Империи Габсбур-

¹ N. Jorga, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd II, Gotha, 1909, S. 316—326, 385—425; H. Uebersberger, *Österreich und Rußland*, Wien, 1906, S. 159—253; J. Szujski, *Dzieje Polski*, t. II, Lwów, 1862, str. 182—185, 194—200, 208—211.

² G. Egelhaaf, *Deutsche Geschichte in XVI Jahrhundert bis zum Augsburger Religionsfrieden*, Bd. I, Stuttgart, 1889, S. 217—244, 349—393.

³ «Polska, jej dzieje i kultura», t. I, Warszawa — Kraków, str. 309, 313, 327, 336, 341; Z. Abrahamowicz, *Katalog dokumentów tureckich*, Warszawa, 1957, № 47, 20, 23. — Характеризуя крымско-турецкие отношения в период правления Сигизмунда Старого, О. Галецкий писал: «Значительным был его успех в татарской политике: удалось убедить Крымское ханство в том, что ее основным врагом является Москва, заключить с Крымом несколько

гов⁴ и окрещенного Русского государства. Как известно, султанская Турция осуществляла экспансию на Дунае, постоянно учитывая наличие австро-польских противоречий в Венгрии и вместе с тем сотрудничая с определенными кругами венгерских феодалов (в частности, с Яном Заполья⁵). В наступлении на территории Восточной Европы Порты имела возможность не только использовать антагонизм между Польшей и Москвой⁶, но и опереться на совместные усилия Крыма, Астрахани и Казани.

Соотношение сил в Восточной Европе в 20—30-е годы XVI в. явно складывалось, таким образом, не в пользу Руси. Опасность усугублялась тем, что реальная зависимость татарских государств Поволжья от Турции и Крыма в течение первой половины XVI в. постоянно возрастала. Опираясь на своих вассалов, Османская империя стремилась установить гегемонию на всем пространстве Восточной Европы, навязать Русскому государству в той или иной форме новое татарское иго⁷. Об этих планах свидетельствовали не только прямые вторжения крымцев и казанцев на территории Московского государства, но и характер крымско-польских отношений⁸.

Так, когда вспыхнула новая война между Москвой и Литвой (1534—1537 гг.)⁹, активизировались антимосковские силы как в Крыму, так и в Казани. На казанском престоле вместо хана русской ориентации Джан-Али оказался представитель крымской династии Сафа-Гирей, который и перешел в наступление на Русское государство (в 1536 г. была взята Балахна, совершен поход к Костроме и Нижнему Новгороду)¹⁰. Что касалось Крыма, то здесь ханский престол был занят бывшим казанским ханом Сахиб-Гиреем, вынужденным, правда, неко-

выгодных договоров, а также организовать оборону русских земель (Польша и Литвы. — И. Г.) от татарских набегов, которые становились значительно более редкими» («Polska...», t. I, стр. 341).

⁴ G. Egelhaaf, *Deutsche Geschichte in XVI Jahrhundert bis zum Augsburger Religionsfrieden*, Bd II, Stuttgart, 1892, S. 398—399.

⁵ J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 210—211, 217; N. Jorga, *Geschichte...*, Bd II, S. 399, 404, 422; Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, № 21, 26, 38; J. Pajewski, *Węgierska polityka Polski 1540—1571*, Kraków, 1932, стр. 12—18.

⁶ «Polska...», t. I, str. 333—334.

⁷ И. И. Смирнов, *Иван Грозный*, Л., 1944, стр. 68.

⁸ «Polska...», t. I, str. 326—327, 336.

⁹ W. Konopczyński, *Dzieje Polski nowożytnej*, Warszawa, 1936, стр. 37—39.

¹⁰ «Полное собрание русских летописей», т. 13, СПб., 1904—1906, стр. 106—107 (далее — ПСРЛ); М. Г. Худяков, *Очерки по истории Казанского ханства*, Казань, 1923, стр. 92—93; И. И. Смирнов, *Очерки политической истории русского государства 30—50-х годов XVI в.*, М. — Л., 1958, стр. 56.

торое время делить власть со своим предшественником Ислам-Гиреем. Крымские феодалы действовали в полном контакте с Казанью, потребовав отказа русского правительства от Поволжья¹¹. Во взаимодействии с литовско-польским командованием они организовали в 1535 г. крупную диверсию против Рязани¹².

Тесное сотрудничество Польско-Литовского государства с Крымом доказывала и судьба политического эмигранта князя Семена Федоровича Бельского¹³. Бежав из Москвы в Литву в 1534 г.¹⁴, Семен Бельский стал играть крупную роль в планах расчленения Русского государства и создания автономного Рязанского княжества. Сначала он рассчитывал на помощь Литвы, а потом старался осуществить те же планы с помощью Крыма и Порты. В 1536 г. он участвовал в походе крымцев на Русь¹⁵, а в 1537 г. получил грамоту от султана, в которой не только Сахиб-Гирею, но и польскому королю предлагалось оказывать Бельскому содействие. Речь теперь шла уже не о создании автономного Рязанского княжества, а о совместном походе польско-литовских и крымских войск против Москвы¹⁶. Находясь в Крыму и хорошо зная правящие круги Польши и Литвы, Семен Бельский пытался играть роль связующего звена между Бахчисараем, Краковом и Вильно. При его участии между Сахиб-Гиреем и Сигизмундом был заключен договор, в силу которого Литва и Польша должны были выступить вместе против Москвы, а Крым обещал «вернуть» Сигизмунду все московские города, ранее принадлежавшие Ягеллонам¹⁷.

Таким образом, польский король активно участвовал в политической подготовке антимосковской кампании¹⁸. Однако турецкий султан в своем стремлении к наступлению на территории Восточной Европы рассчитывал не столько на поддержку Польско-Литовского государства, сколько на помощь проконстантинопольских элементов в самой Москве. В этой связи

¹¹ М. Г. Худяков, *Очерки...*, стр. 94—98.

¹² «Polska...», t. I, str. 327; J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 223—225; И. И. Смирнов, *Очерки...*, стр. 38. — Сулейман также готов был оказать вооруженную помощь Сигизмунду (Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, № 39—42).

¹³ Семен Бельский — младший сын Федора Ивановича Бельского, бежавшего из Литвы в Москву в 1481 г.

¹⁴ ПСРЛ, т. 13, стр. 79.

¹⁵ Поход крымцев и турок, в котором участвовал Семен Бельский, был совершен тогда, когда «князь великий воевод своих съ многими людьми послал к Казани» (ПСРЛ, т. 13, стр. 100).

¹⁶ «Polska...», t. I, str. 333—334.

¹⁷ Ibid., str. 336; Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, № 49, 50.

¹⁸ «Polska...», t. I, str. 336; N. Jorga, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd III, Gotha, 1910, S. 110—113.

представлял особый интерес борьба, происходившая тогда в Московской Руси между силами «дворянской» централизации и «боярской» децентрализации. Есть основания полагать, что она в известной мере оказалась связанной с борьбой международной, во всяком случае крымско-турецкая дипломатия использовала ее в своих интересах. Характерно, что деятельность ставленника Порты Семена Бельского по созданию автономного Рязанского княжества перекликалась с попытками Андрея Старицкого возродить традиции новгородского сепаратизма, свалить правительство Елены Глинской и малолетнего Ивана IV¹⁹. Ликвидация заговора Андрея Старицкого в 1537 г. отнюдь не означала ослабления напряженности борьбы и прекращения связи оппозиционного боярства с крымско-турецкой дипломатией.

Как известно, конец 30-х — начало 40-х годов XVI в. были ознаменованы приходом к власти противников правительства Елены Глинской и Ивана IV — бояр Шуйских и Бельских²⁰. Если весной 1538 г., непосредственно после смерти Елены, Шуйские и Бельские действовали согласованно, то позднее борьба за политическое преобладание в стране привела их к конфликту. Сначала верх взяли Шуйские, в конце 1538 г. они расправились с Иваном Федоровичем Бельским, посадив его в тюрьму (октябрь 1538 г.)²¹, а затем устранили митрополита Даниила, заменив его в феврале 1539 г. Иоасафом, бывшим игуменом Троицкого монастыря²². Однако торжество Шуйских

¹⁹ И. И. Смирнов, *Очерки...*, стр. 50—52, 53—74. — Правительство Елены Глинской и Ивана IV, по-видимому, осуществляло в течение 1534—1537 гг. политику, направленную прежде всего на удовлетворение интересов подчинявшегося дворянства. Правительство Елена пыталась реорганизовать финансово-денежную систему, поддержать города (строительство Кремля в Великом Новгороде, Китай-города в Москве), ограничить дальнейший рост монастырей. Разумеется, это последнее мероприятие отнюдь не было связано с пропагандой Максима Грека, направленной на ликвидацию монастырей как сложившейся уже хозяйственной и политической организации Русского централизованного государства. Речь шла, видимо, об ограничении чрезмерного роста монастырского землевладения, вступавшего в противоречие с развивавшимся землевладением дворянства.

²⁰ Иван и Дмитрий Бельские были братьями Семена. Если Иван являлся, видимо, единомышленником Семена, то Дмитрий активно не участвовал в осуществлении политических замыслов своих братьев; он был воспитанником при Василии III (С. Герберштейн, *Записки о московских делах*, СПб., 1908, стр. 108, 113, 148, 151), оставался на службе и при Иване IV вплоть до 1550 г. (ПСРЛ, т. 13, стр. 158).

²¹ И. И. Смирнов, *Очерки...*, стр. 83—84.

²² Под 1539 г. в Никоновской летописи записано: «Тоя же зимы, февраля 2, сшедъ съ митрополии Данилъ митрополит, великого князя бояр любящем» (ПСРЛ, т. 13, стр. 127). См. также М. Н. Тихомиров, *Малоизвестные летописные памятники XVI в.*, — «Исторические записки», т. 10, М., 1944, стр. 90.

продолжалось недолго: фигура Василия Шуйского была, по видимому, настолько одиозной, что сам Иоасаф счел за благо устранить его с политической арены. Заботясь об упрочении своих позиций на посту митрополита, стремясь обеспечить более надежное и последовательное осуществление намеченной уже тогда особой программы, Иоасаф стал исподволь подготавливать почву для замены Шуйского Иваном Бельским. Установив контакт с некоторыми боярами, он уже в июле 1540 г. добился освобождения Бельского из тюрьмы, а затем и превращения его в главу правительства малолетнего Ивана IV.

Создается впечатление, что в 1539—1541 гг. Иоасаф был наиболее влиятельной и политически определенной фигурой. Во всяком случае сопоставление деятельности митрополита с поведением Василия Шуйского и Ивана Бельского в это время свидетельствует о том, что в осуществлении общей политической программы Иоасаф играл самую активную роль.

Недаром именно в речи Иоасафа, произнесенной им при поставлении в митрополиты, раскрылся характер этой программы. В противоположность Даниилу, осуществлявшему последовательную борьбу против Константинополя и Максима Грека, Иоасаф занял явно «проконстантинопольскую» позицию. Он не скрывал намерения во всем следовать за константинопольским патриархом, маскируя эту тенденцию демагогическим призывом к борьбе с влиянием Рима на Руси. «Во всем последую, — говорил он, — и по изначальству согласуя всесвятейшим вселенским патриархом, иже православне держащим истинную и непорочную христианскую веру, от святых апостол уставленную и от богоносных отец преданную, а не тако, яко же Исидор принесе от новозлочестивне процветшаго несвященного латиньского собора»²³.

Четко сформулированная таким образом политическая программа перекликалась с рядом последующих мероприятий Иоасафа, носивших практический характер. Так, митрополит освободил из заключения Максима Грека. Подобный поступок может быть объяснен только близостью политических взглядов Иоасафа концепции Максима (подчинение московской митрополии Константинополю, борьба с влиянием Рима и т. д.), а также личной связью между двумя церковными деятелями²⁴. Эта близость давала себя знать в области не только внешней, но и внутренней политики Московского государства

²³ «Акты Археографической экспедиции», т. I, СПб., 1836, стр. 162.

²⁴ Характерно, что в начале 50-х годов к Иоасафу, находившемуся в Троицком монастыре, был переведен и Максим Грек (А. А. Зимин, И. С. Пересветов и его современники, М., 1958, стр. 156).

(заигрывание с боярством²⁵, элементы критики монастырско-го землевладения²⁶).

Политические установки митрополита Иоасафа совпадали с курсом сначала Шуйского, а потом Бельского. Характерно, что Василий Шуйский, так же как и Иоасаф, занял непримиримую позицию по отношению к представителям католической Италии: еще в сентябре 1538 г. из Москвы должен был бежать в Ливонию итальянский архитектор Петр Фрязин²⁷. Известно также, что Шуйский, стремясь упрочить свое положение политически выгодной женитьбой, избрал княжну Анастасию, дочь Евдокии (сестры Василия III) и касимовского царевича Кудайкулы Петра²⁸, желая, возможно, этим браком продемонстрировать готовность сотрудничать с татарскими силами Восточной Европы.

Еще теснее с татарскими государствами был связан пришедший к власти в середине 1540 г. князь Иван Бельский. В архивах московского правительства сохранились письма двух крымских агентов (Отылый-Гаджи и Садык-Челебея), адресованные к Семену Бельскому, находившемуся тогда на службе крымского хана. Письма содержали важную информацию о возвышении Ивана Бельского и, возможно, были своеобразным призывом к его брату начать более активную деятельность против Москвы. Весьма показательно, что почти одновременно с отправкой этих писем²⁹ в Москве произошло характерное событие: правительство митрополита Иоасафа и Ивана Бельского добилось официальной амнистии того самого Семёна, который не только в прошлые годы открыто выступал против Москвы в качестве орудия крымско-турецкой дипломатии, но и теперь готовился принять самое активное участие в новой военной кампании Крыма и Порты против Русского государства³⁰.

²⁵ И. И. Смирнов, *Очерки...*, стр. 86.

²⁶ Е. Голубинский, *История русской церкви*, т. II, М., 1900, стр. 743.

²⁷ И. И. Смирнов, *Очерки...*, стр. 78—80.

²⁸ С. Герберштейн, *Записки...*, стр. 145—146.

²⁹ «Акты Западной России», т. II, СПб., 1846, № 218. — Характерно, что Отылый-Гаджа в письме к С. Бельскому, между прочим, сообщал о том, что «Петра Карпова в живое не стало». Если учесть, что Петр Карпов был соучастником дела Максима Грека, Берсень-Беклемишева и других, то связь определенных кругов московского общества с Портой и Крымом становится еще яснее. И. И. Смирнов доказал, что датировать эти письма нужно не 1542, а 1540 г. (И. И. Смирнов, *Очерки...*, стр. 83).

³⁰ ИСРЛ, т. 13, стр. 136. — В мае 1541 г. «князь Иван Федорович Бельский был челом Иоасафу митрополиту, чтобы печаловался великому князю о брате его о князе Семёне... Бельском, чтобы его великий государь пожаловал, гнев свой отложил и проступку его отдал, что он погрехомъ своею молодостью от великого князя дерзнулъ отъехать. И митрополит

Тесная связь правительств Иоасафа и Ивана Бельского с крымско-турецкой дипломатией подтверждается не только самим фактом предоставления амнистии, но и расчетами использовать ее для последующего беспрепятственного возвращения князя Семена к политической деятельности в Московском государстве. Естественно, что, находясь в далеко не дружественном окружении, Иоасаф и Иван не могли просто открыть ворота Москвы крымскому царю и его ставленнику, но они делали все, чтобы облегчить осуществление военных и политических задач Крыма в Московской Руси. Вслед за предоставлением амнистии Семену Бельскому Иоасаф навязал правящим кругам московского боярства дискуссию о том, как следует поступить с малолетним Иваном IV в случае военных действий у стен Москвы. Большинство бояр, предвидя возможность сдачи Москвы татарам, настаивало на переводе Ивана IV в более безопасные северные районы, тем самым стараясь предотвратить использование малолетнего государя враждебными силами. Иную позицию занял митрополит Иоасаф. В наиболее опасный для Москвы момент татарского похода 1541 г., когда крымские войска пытались форсировать Оку, Иоасаф потребовал оставления Ивана IV в столице, тем самым уготовлявая ему в лучшем случае роль марионетки в руках Семена Бельского и его крымских союзников.

Все эти отрывочные данные позволяют предполагать существование грандиозного заговора, целью которого было подчинение Москвы крымско-турецкой власти. Но, по-видимому, для осуществления этого плана все же оказалось недостаточно тех военных и политических усилий, которые были затрачены Крымом и его русской агентурой. Как известно, заговор не был реализован. В Московском государстве нашлись силы, которые в 1541 г. не допустили к Москве татарские войска, а в январе 1542 г. смели группировку Бельских и митрополита Иоасафа³¹. Важную роль в этом сыграло, в частности, мос-

великому князю печаловался о князе Семене, и великий государь по печалованию... Иоасафа пожаловал князю Семену, хочет гнев свой отложить и проступку его отдати». Характерно, однако, что, когда человек Ивана Бельского поехал в Крым, чтобы известить Семена об амнистии, он узнал, что князь уже находится на Днепре в татарской армии, собранной для выступления против Москвы. «Князь Иван (Бельский. — И. Г.), — сообщает летописец, — послал своего человека... брату своему в Крым от себя з грамотами... с Остафием вместе. И Остафий царя в Крыме не заехал, ни... князя Семена: царь его с собою взял в Поле, а стоит царь и царевици со многими людьми крымскими и с Ногаи на Днепре на Ислам-Кермении, а съжидается со многими людьми, а говорят в Крыму, что царь хочет итти на великого князя» (там же, стр. 137).

³¹ Иоасаф был заточен в монастырь, Иван Бельский сначала сослан на Белоозеро, а затем убит. Семен Бельский после отступления от Оки

ковское дворянство, городские элементы Москвы, Новгорода, Владимира, а также определенные круги русской церкви, возглавленные новгородским епископом Макарием, ставшим в январе 1542 г. митрополитом всея Руси³².

Однако сам факт наличия заговора братьев Бельских и митрополита Иоасафа свидетельствовал о большой активности крымско-турецкой дипломатии в осуществлении своих далеко идущих планов. Подтверждением может служить то обстоятельство, что операции против Москвы сопровождались наступлением войск Сулеймана на Дунае. Летом 1541 г. турецкий султан атаковал венгерскую крепость Буду, захват которой (в августе 1541 г.) облегчил расчленение венгерской территории и обеспечил установление длительного контроля турок над Венгрией³³.

Разумеется, синхронность всех этих акций крымско-турецкой дипломатии не была случайной. В политической подготовке московской и венгерской кампаний можно заметить определенный параллелизм. Если на территории Восточной Европы турки умело играли на антагонизме между Польско-Литовским и Русским государствами, то на Дунае они использовали, а возможно, и раздували противоречия между Ягеллонами и Габсбургами. Если к борьбе против Москвы были привлечены протурецки настроенные круги русского боярства и духовенства, то против Габсбургов выступала венгерская феодальная оппозиция во главе с Яном Заполья.

Следует отметить, что активная политика султана Сулеймана в Венгрии, Молдавии и Московской Руси, намечавшаяся перспектива полного торжества братьев Бельских и Иоасафа в Москве, по-видимому, оказывали сдерживающее воздействие на поведение польского короля Сигизмунда I. Правящие круги Польско-Литовского государства в конце 30-х — начале 40-х годов, видимо, осознали, что, обеспечив с помощью Бель-

летом 1541 г. сразу исчез с исторической арены. Позднее Иван IV использовал с определенными политическими целями только внука Федора Ивановича Бельского — Ивана Дмитриевича, но и к нему не относился с полным доверием (см. комментарий Я. С. Лурье к кн.: «Послания Ивана Грозного», М. — Л., 1951, стр. 672). Весьма показательно, что в знаменитом письме И. Д. Бельского к Сигизмунду II Августу (1567 г.), написанном, как известно, самим Грозным, при изложении прошлого рода Бельских упомянуты их предки — киевские князья Олельковичи, князь Иван Бельский, Федор Бельский, бежавший из Киева в Москву в 1481 г., но совершенно обойдены молчанием Дмитрий, Семен и Иван Бельские (там же, стр. 420—421).

³² И. И. Смирнов, *Очерки...*, стр. 93—100.

³³ N. Jorga, *Geschichte...*, Bd III, S. 3—52, 64—70, 90; W. Konopczyński, *Dzieje...*, t. I, str. 60.

ского политическое содействие Крыму против Москвы и под- держав в борьбе за венгерский престол креатуру Порты Яна Заполья против ставленника Габсбургов Людовика, они сами ничего не выиграли. Именно в этой связи и следует рассма- тривать попытки Сигизмунда укрепиться в Молдавии, что вы- звало недовольство Порты и заставило молдавского воеводу Петра эмигрировать в Литву³⁴. Тем же объясняются и разно- гласия, возникшие между Турцией и Польшей в результате заключения в 1538 г. брака Яна Заполья с Изабеллой Ягел- лон³⁵. Хотя после смерти Яна Заполья (1540 г.) Порта все же решила выдвинуть на венгерский престол его малолетнего сына, она обусловила этот шаг весьма характерным требова- нием, адресованным польскому королю: новый венгерский правитель должен был вести себя не так, как его отец в по- следние годы, он обязывался всегда оставаться послушным Порте, вносить ежегодные «поминки» султану, ограждать страну от недругов Османской империи и т. д.³⁶. Вероятно, прямым следствием такой позиции Турции в венгерском воп- росе было наметившееся в начале 40-х годов сближение Ягел- лонов с Габсбургами³⁷ и робкие попытки их борьбы с турками за Очаксв³⁸. Разногласия с Сулейманом в венгерском и мол- давском вопросах не позволили Сигизмунду принять активное участие и в комбинированном выступлении крымских, казан- ских и турецких войск против Москвы в 1541 г. В марте 1542 г. польский король заключил с Московским государством семи- летнее перемирие³⁹.

Однако новые тенденции в политике Польско-Литовского государства оказались весьма неустойчивыми. Как только исчезла перспектива распространения крымско-турецкого влияния на Московскую Русь, как только была разгромлена группировка Бельских и Иоасафа и к власти пришли «нацио- нальные элементы» Русского централизованного государства (Макарий и др.), внешнеполитический курс Сигизмунда стал заметно меняться. Снова окрепли связи Польши с Крымом и Портой, снова антимосковские настроения стали определять всю политику Польско-Литовского государства.

³⁴ Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, № 49, 50.

³⁵ J. Pajewski, *Węgierska polityka...*, str. 12—15; W. Koponczyński, *Dzieje...*, t. I, str. 59—60; J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 233—235; Z. Abraha- mowicz, *Katalog...*, № 52, 56.

³⁶ Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, № 56, str. 68.

³⁷ W. Koponczyński, *Dzieje...*, t. I, str. 60, 62.

³⁸ «Polska...», t. I, str. 337. — Источники сообщают о фактах военных столкновений между татарскими и польскими войсками (Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, № 52, 56).

³⁹ ПСРЛ, т. 13, стр. 141—142; «Polska...», t. I, str. 337.

2. Крымско-турецкая дипломатия в конце 40 — начале 50-х годов и вступление Ивана Грозного на путь активной внешней политики

Вооруженная борьба на Востоке. Овладение Казанью

Сложность международного положения Русского государства в 40-х годах XVI в. усугублялась тем обстоятельством, что это был период «боярского правления», время острой борьбы внутри господствующего класса феодальной Руси⁴⁰. В 1564 г. Иван Грозный в знаменитом послании Курбскому характеризовал эту эпоху следующими словами: «Со всех сторон на нас двинулись войной иноплемменные народы—литовцы, поляки, крымские татары, Надчитархан, нагаи, казанцы... а вы, изменники, тем временем начали причинять нам многие беды—Семен Бельский и Иван Ляцкий... сбежали в Литву, и куда только они не бегали, взбесившись? И в Царьград, и в Крым, и к нагаям... бояре, изменники... получили царство без правителя... бросились добывать богатство и славу и напали при этом друг на друга»⁴¹.

Из послания видно, что для царя Ивана была очевидна тесная связь как между Казанью, Крымом и Польшей, так и между внешними врагами и внутренней боярской оппозицией. Понимание этой связи появилось у Грозного, несомненно, уже в 40-е годы, когда великий князь Иван Васильевич принял решение венчаться на царство⁴². Возможно, что многое ему было подсказано митрополитом Макарием, а также его ближайшими советниками того периода—Адашевым, Сильвестром, Захарьиным и др.⁴³. Но как бы ни сформировались политические взгляды молодого царя, по-видимому, действительно, Грозный был ведущей фигурой в выработке и осуществлении тогдашней внешнеполитической программы Русского государства⁴⁴. Именно от него зависело так или иначе использовать между-

⁴⁰ И. И. Смирнов, *Очерки...*, стр. 33—44, 73—100.

⁴¹ «Послания Ивана Грозного», стр. 302—303.

⁴² Р. П. Дмитриева, *«Сказание о князьях Владимирских»*, М.—Л., 1955, стр. 114—118; ПСРЛ, т. 13, стр. 150, 450.

⁴³ И. И. Смирнов, *Очерки...*, стр. 100, 201, 230—231, 248—250 и др.; Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, Ташкент, 1942, стр. 42; С. О. Шмидт, *Правительственная деятельность А. Ф. Адашева*, — «Ученые записки МГУ», вып. CXVII, 1954, № 167, стр. 25—54.

⁴⁴ Основой для решения этого вопроса должны стать не столько полемические сочинения Грозного и Курбского, сколько «Летописец начала царства» (см. Д. С. Лихачев, *Русские летописи*, М.—Л., 1947, стр. 478). Poleмику по этому вопросу см.: И. И. Смирнов, *Очерки...*; С. В. Бахрушин, *Иван Грозный*, М., 1945; А. А. Зимин, *Реформы Ивана Грозного*, М., 1960.

пародию обстановку в интересах дальнейшего развития централизованного феодального государства.

Уже в конце 40-х годов Иван IV отдавал себе отчет в том, что Русское государство и в силу своего географического положения, и в силу сложившейся международной обстановки было поставлено перед необходимостью иметь дело с несколькими противниками, угрожавшими как с северо-запада, так и с юго-востока. Но, хорошо сознавая, что одновременная борьба на два фронта поставила бы Русское государство в крайне опасное положение, правительство царя Ивана противопоставило планам комбинированного наступления на Москву свою программу действий, свою стратегию и тактику. Царь Иван признал целесообразным начать активные наступательные действия только против одного из противников, в то же время энергично добиваясь нейтрализации всех остальных потенциальных недругов Москвы. Так, решив сосредоточить все усилия на борьбе с наиболее близким и опасным казанским очагом агрессии⁴⁵, он старался установить мирные отношения со Швецией и Ливонией⁴⁶, Польшей и Литвой⁴⁷ и даже с Крымом и Турцией⁴⁸.

Решение казанского вопроса было первым важным шагом в политической деятельности Ивана IV. Как известно, война велась около семи лет. Уже первая военная демонстрация 1545 г. имела определенные политические последствия: в ханстве произошло восстание, в результате которого представитель крымской династии Сафа-Гирей был изгнан, а на его месте оказался Шах-Али (Шагалеи), выдвинутый московским правительством. Но он недолго оставался на этом посту: через несколько месяцев с помощью крымских сил Сафа-Гирей вернулся на казанский престол.

После венчания Ивана на царство (16 января 1547 г.) активность Московского государства против Казани усилилась⁴⁹. Этому благоприятствовала смерть Сафа-Гирея в марте 1549 г. Однако на первых порах военные операции Москвы (походы 1547—1548 и 1549—1550 гг.) не давали значительных резуль-

⁴⁵ См. С. О. Шмидт, *Предпосылки и первые годы казанской войны (1545—1549)*, — «Труды Историко-архивного института», т. 6, М., 1954.

⁴⁶ Н. И. Костомаров, *Ливонская война*, — Собрание сочинений, кн. I, СПб., 1903, стр. 552.

⁴⁷ «Сборник императорского русского исторического общества», т. 59, М., 1887, №№ 18—24, стр. 264—369 (далее — «Сборник РИО»).

⁴⁸ Г. Д. Бурдей, *Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40—50-х гг. XVI в.*, — «Ученые записки Саратовского государственного университета», т. XLVII, Харьков, 1956, стр. 183—206.

⁴⁹ С. В. Бахрушин, *Иван Грозный*, стр. 29—30.

татов. Казань оставалась в руках крымско-турецкой группировки татарских феодалов. Иван IV должен был усилить как военную, так и политическую подготовку к решительным схваткам: ему удалось сначала расчленив территорию ханства, выделив из него правый берег Волги с г. Свияжском, а потом восстановить Шах-Али на казанском престоле (в 1551 г.)⁵⁰.

Эти шаги Ивана заставили активизироваться крымско-турецкую дипломатию, в Казань были присланы подкрепления, из Астрахани направлен Ядигер, ставший казанским ханом. Одновременно были предприняты наступательные операции и со стороны Крыма. В 1552 г. новый хан Девлет-Гирей (1551—1577) двинул на Москву крымские войска, усиленные турецкими отрядами, но на подступах к русской столице его ждала большая армия Ивана IV, занимавшая линию фронта от Коломны до Каширы⁵¹. Наличие русских войск на этих рубежах спутало планы Девлет-Гирея, рассчитывавшего на прямое движение русских к Казани. Столкнувшись с активным сопротивлением тульского гарнизона и поняв неизбежность сражения с основными силами Ивана, крымский хан изменил тактику и вернулся в Крым⁵². Тем временем царь быстрым маршем подошел к Казани и после планомерной осады, длившейся более месяца, овладел крепостью⁵³.

Взятие Казани имело огромное значение⁵⁴. Последствия этого события очень скоро дали о себе знать: в 1552—1557 гг. территории Среднего Поволжья и Башкирии вошли в состав Русского государства. В 1556 г., несмотря на самое активное противодействие Турции, к Русскому государству была присоединена и Астрахань⁵⁵.

Дипломатическая борьба на Западе. Миссия Шлитте и Штейнберга

Успех восточной политики Грозного был бесспорным. Ему способствовали не только внутреннее поступательное развитие

⁵⁰ В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование о касимовских царях и царицах*, т. I, СПб., 1863, стр. 347—355. — Шах-Али находился в Казани с августа 1551 г. по 6 марта 1552 г.

⁵¹ ПСРЛ, т. 13, стр. 184—187.

⁵² С. М. Соловьев, *История России*, т. VI, стр. 73—75.

⁵³ ПСРЛ, т. 13, стр. 191—192, 199—201, 205—220; М. Г. Худяков, *Очерки...*, стр. 130—144; С. М. Соловьев, *История...*, т. VI, стр. 80—85.

⁵⁴ Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 49—50; С. В. Бахрушин, *Иван Грозный*, стр. 28—29, 35—36.

⁵⁵ П. А. Смирнов, *Россия и Турция в XVI—XVII вв.*, т. I, М., 1946, стр. 90.

Русского централизованного государства и известные реформы начала 50-х годов⁵⁶, но и определенные политические шаги московского правительства на Западе, предпринятые в конце 40-х — начале 50-х годов, т. е. в наиболее ответственный момент военных операций в Поволжье.

Речь идет о деятельности двух секретных представителей царя в Западной Европе — «московского посла» Ганса Шлитте и «московского канцлера» Иоганна Штейнберга.

Ганс Шлитте приехал на службу к великому князю из Бранденбурга по рекомендации герцога Альберта, являвшегося до 1525 г. великим магистром Тевтонского ордена⁵⁷. В Москве Ганс Шлитте провел несколько лет, а в 1547 г. был направлен в Германию с официальным поручением нанять на русскую службу «мастеров и ученых»⁵⁸. Эта задача Шлитте была сформулирована в грамоте Ивана IV, но ею не исчерпывались функции секретного агента русского правительства. Параллельно с подыскиванием специалистов он едва ли не более активно должен был заниматься «большой политикой». Ведя переговоры с императором Карлом и Ватиканом в 1547—1552 гг., Шлитте, а затем Штейнберг упорно предлагали заключение политической и религиозной унии с Русью⁵⁹.

Факт этих переговоров абсолютно достоверен, но в литературе имеются попытки изобразить их как результат личной инициативы, «личного авантюризма» Шлитте и Штейнберга. Такую точку зрения высказал Пирлинг⁶⁰, потом Юберсбергер⁶¹. Однако с подобной оценкой деятельности секретных агентов русского правительства согласиться трудно. Хотя Пирлинг и потратил много усилий для того, чтобы доказать ограниченность полномочий Шлитте и Штейнберга вопросами найма специалистов и сделать очевидными «самозванство» этих политических эмиссаров Грозного, тем не менее представляется бесспорным, что они, предлагая Карлу V и папам Павлу III и Юлию III план религиозной и политической унии с Москвой, действовали согласно соответствующим инструкциям царя Ивана и дьяка Висковского, руководившего русской внешней политикой в 1547—1570 гг.⁶².

⁵⁶ И. И. Смирнов, *Очерки...*, стр. 289—477; А. А. Зимин, *Реформы...*, стр. 316—479; С. В. Бахрушин, *Иван Грозный*, стр. 18—28.

⁵⁷ J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 201—202.

⁵⁸ Пирлинг, *Россия и панский престол*, т. I, М., 1912, стр. 344.

⁵⁹ Там же; Н. Uebersberger, *Österreich...*, S. 289—302.

⁶⁰ Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 348, 375.

⁶¹ Н. Uebersberger, *Österreich...*, S. 240.

⁶² Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 348—350, 360, 375. — Сам Пирлинг подчеркивал, что еще правительство Василия III предпочитало по религиозным вопросам вести переговоры с Ватиканом устно, а «в письменных

О том, что миссия Шлитте и Штейнберга была инспирирована Москвой, говорит целый ряд обстоятельств. Прежде всего в политических результатах этой миссии (стабилизация отношений с Веной, Римом, а следовательно, в какой-то мере с Ягеллонами) было крайне заинтересовано тогдашнее русское правительство, занятое напряженной борьбой в Поволжье. Но причастность Москвы к «инициативе» Шлитте и Штейнберга вытекает не только из объективной необходимости для Грозного обеспечить успех своей восточной политики. Правительство Ивана IV приняло решение начать непосредственные переговоры с Габсбургами и Римом именно потому, что в Москве знали о заинтересованности обеих этих сил в сотрудничестве с Русским государством, понимали, что натиск Сулеймана в Средиземноморье и на Балканах, с одной стороны, и успехи реформации — с другой, заставляли римских и венских дипломатов рассматривать Россию как возможного партнера в делах общеевропейской политики. Деятельность Шлитте и Штейнберга, таким образом, была основана на реальном учете той политической обстановки, которая сложилась на европейском континенте в конце 40-х — начале 50-х годов, исходила из существования взаимной заинтересованности руководителей политики Москвы, Вены и Рима.

Тезис об «авантюризме» и «самозванстве» московских эмиссаров резко противоречит факту совпадения развивавшихся ими политических концепций с проектами других русских дипломатов, действовавших бесспорно по московским инструкциям (например, проекты Фрязина-Вольпе в 1468—1472 гг.⁶³, Дмитрия Герасимова в 1525 г. и др.). Это обстоятельство показывает, что Шлитте и Штейнберг действовали не «самочинно», а лишь применяли в новых условиях тактические приемы, выработанные длительной практикой русской дипломатии. Характерно, что ту же программу политического и религиозного сближения с Римом изложил и сам Грозный в 1580 г. в письме к папе Григорию XIII⁶⁴.

сношениях не сходить с чисто политической почвы» (там же, стр. 312). Считая Шлитте и Штейнберга «самозванцами», Пирлинг не объясняет, почему эти «самозванцы», превысившие свои полномочия, не боялись вернуться в Москву (известно, что Шлитте вернулся на Русь в 1557 г.) (там же, стр. 352, 353, 359, 360, 374). См. также: И. И. Смирнов, *Очерки...*, стр. 194—252, 257—261; Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 53.

⁶³ Характерно, что и Фрязина-Вольпе Пирлинг считал авантюристом, действовавшим по своей личной инициативе (Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 28, 35, 181, 191—192, 351).

⁶⁴ В. В. Новодворский, *Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой (1570—1582 гг.)*, СПб., 1904, стр. 269; Pierling, *La Russie et le Saint-Siège. Etudes diplomatiques*, t. II, Paris, 1897, pp. 3—6.

Таким образом, миссия Шлитте и Штейнберга по существу не являлась «самозванной»⁶⁵, хотя форма ее нередко давала повод к упрекам подобного рода. Возможно, это было не случайным. Дело в том, что если реальное международное положение Московского государства требовало установления контактов с Римом и Веной, то афиширование этих контактов могло затруднить осуществление восточных планов Ивана IV, а также отразиться на позиции русской православной церкви и помешать успешному проведению церковных соборов в Москве в эти годы⁶⁶. Следовательно, сознательное засекречивание миссии Шлитте и Штейнберга было продиктовано, с одной стороны, желанием царя не давать дополнительных поводов для активизации Крыма и Порты против России, а с другой — его стремлением избежать излишних внутривнутриполитических осложнений в стране. Нужно при этом учитывать и особую склонность самого Ивана IV ко всякого рода политическим маскарадам.

Все эти соображения в значительной мере объясняют как поведение секретных агентов Москвы, так и отношение к ним различных кругов на Западе. Снабженный грамотами царя Ивана, Шлитте уже в январе 1548 г. добился встречи с императором Карлом V, находившимся тогда на Аугсбургском съезде⁶⁷. Этот этап деятельности Шлитте раскрывается одним любопытным документом. Речь идет о черновике письма, написанного Шлитте 31 января 1548 г. от имени царя к Карлу V, где давались гарантии передачи «значительных сумм для войны с турками», высказывались пожелания дальнейшего политического сближения и делались предложения созыва вселенского церковного собора для установления религиозного единства⁶⁸.

Как бы ни был самостоятелен в этом письме Шлитте, основные его идеи все же, по-видимому, соответствовали перво-

⁶⁵ Косвенным подтверждением тесного контакта, существовавшего между Москвой и Штейнбергом, могут служить некоторые «детали» русско-польских дипломатических переговоров начала 50-х годов. Когда польская сторона, отказываясь называть Ивана IV царем, подчеркивала, что царский титул предполагает согласие римского папы и императора, русские бояре прямо сослались на одобрение Вены и Рима, правда, при этом они, видимо, померенно называли не папу Юлия и императора Карла V, а папу Климента и цесаря Максимилиана («Сборник РИО», т. 59, стр. 397, 458—459).

⁶⁶ А. А. Зимин, *Реформы...*, стр. 377—388; С. В. Бахрушин, *Иван Грозный*, стр. 18—27.

⁶⁷ Н. Uebersberger, *Oesterreich...*, S. 291.

⁶⁸ Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 355; E. Winter, *Rußland und Papsttum*, Berlin, 1960, S. 208—209.

начальным инструкциям царя Ивана. Это подтверждается и самим ходом переговоров Шлитте с Карлом V, во время которых «московский посол» уверял императора в том, что «Иван IV разделяет чувства своего покойного отца Василия», что «царь желает подчиниться латинской церкви»⁶⁹. Все это делает понятным, почему Шлитте обратился к Карлу с просьбой разрешить отправку на Русь не только мастеров, но и богословов. Понятна также и положительная реакция на эту просьбу императора Карла. При его поддержке Шлитте быстро удалось набрать 123 человека, среди которых были военные специалисты, а также четыре теолога.

Зато в Северной, «протестантской» Европе Шлитте ждали неудачи. Любек и Ливония стали активно возражать против переправки в Москву нанятых им «католиков», в результате чего Шлитте был задержан. Правда, в 1550 г. он бежал из Любека и возобновил свою деятельность, продолжая предлагать союз с Москвою не только Карлу V, но и папе Юлию III, однако репутация его оказалась испорченной.

Тогда летом 1550 г. функции политического эмиссара принял на себя Иоганн Штейнберг⁷⁰, который стал называться «московским канцлером», чтобы придать больший авторитет своей персоне⁷¹. Даже Пирлинг вынужден признать, что «Штейнберг пользовался хорошей репутацией при венском дворе», был в «лучших отношениях» с нунцием Бертано, считавшимся специалистом по делам Восточной Европы⁷², и получал финансовую поддержку от влиятельного австрийского вельможи графа Эберштейна, рассчитывавшего таким путем улучшить отношения с Римом и увеличить свое состояние. Не случайно император Карл в сентябре 1551 г. направил «московского канцлера» к папе Юлию III⁷³, призвав главу католического мира серьезно отнестись к предложениям эмиссара Москвы.

В Риме Штейнберга встретили весьма благожелатель-

⁶⁹ Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 345, 349; H. Uebersberger, *Osterreich...*, S. 291.

⁷⁰ J. Fiedler, *Ein Versuch der Vereinigung der russischen mit der römischen Kirche im 16 Jahrhundert*, — «Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Akademie der Wissenschaften», Bd XL, Wien, 1862, S. 80; H. Uebersberger, *Osterreich...*, S. 295—297; Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 350.

⁷¹ Пирлинг исключает возможность получения такого титула из Москвы, хотя, вообще говоря, в этом не было ничего невероятного: ведь назначил же Грозный в 1575 г. Симеона Бекбулатовича «царем всея Руси» (Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 351).

⁷² «Уже во времена Павла III (1534—1549) он (Бертано. — Н. Г.) интересовался московскими делами» (Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 357).

⁷³ E. Winter, *Rußland...*, S. 209—210.

по⁷⁴. После потери и поражений, понесенных «святым престолом» от реформации, посланец московского царя, готовый заключить церковную унию и договориться об участии в анти-турецкой коалиции, был желанным гостем. К тому же «канцлер» много предлагал и сравнительно мало требовал, ставя вопрос лишь о предоставлении Ивану IV короны и учреждении на Руси должности примаса. О других требованиях Пирлинг не упоминает, если не считать просьбы самого Штейнберга пропустить его в Москву с ответом римского папы.

Между тем несомненно, что в ходе переговоров Штейнберга с Юлием III были затронуты проблемы политических отношений восточноевропейских государств, в частности отношений Московского государства с Империей, Польшей и протестантской Ливонией⁷⁵. Об этом свидетельствовала реакция этих стран на деятельность московских посланцев.

О беспокойстве правящих кругов протестантской Прибалтики говорило уже их резко отрицательное отношение к Шлите в конце 40-х годов⁷⁶. Так же враждебно реагировала на деятельность «московского канцлера» и Польша. Когда в конце 1552 г. римский престол и Габсбурги информировали ее о факте переговоров со Штейнбергом и о самом их содержании⁷⁷, правительство Польско-Литовского государства крайне встревожилось. Источники говорят о том, что в Кракове и Варшаве возникали даже панические настроения⁷⁸. По существу сообщения, полученные Польшей в конце 1552 г. из Италии и Москвы, поставили Сигизмунда II Августа (1548—1572) перед необходимостью иначе взглянуть на складывавшуюся между-

⁷⁴ J. Fiedler, *Ein Versuch...*, S. 80—83; H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 297—298.

⁷⁵ Когда в 1580 г. Иван IV послал Шевригина в Рим, последний прямо потребовал, чтобы папа приказал Баторию прекратить войну с Россией (Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 164, 269; В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 269).

⁷⁶ И. И. Смирнов, *Иван Грозный*, стр. 75. — Не удивительно, что Грозный позднее мотивировал выступление России против Ливонии ее отходом от Рима и приверженностью к Лютеру («Послания Ивана Грозного», стр. 490).

⁷⁷ В русском переводе работы Пирлинга (т. I, стр. 361) указана неверная дата — «ноябрь 1551 г.», во французском стоит «ноябрь 1552» (Pierling, *La Russie et la Saint-Siège. Etudes diplomatiques*, t. I, Paris, 1896, p. 339). См. также: «Historia polityczna Polski», t. II, Kraków, 1923, str. 66—67, 69. Руководители римской политики, по-видимому, решили информировать Польшу о деятельности Штейнберга только после того, как фактически сами прекратили поддерживать планы «московского канцлера», узнав о падении Казани (2 октября 1552 г.) и превращении Грозного в наиболее весомую политическую фигуру Восточной Европы.

⁷⁸ W. Konopczyński, *Dzieje...*, t. I, str. 74; «Historia polityczna...», t. II, str. 69—70.

народную обстановку, дать новую оценку своей предшествующей внешнеполитической деятельности.

Дело в том, что в период острой политической и религиозной борьбы, одолевшей Карла V на несколько лет (с 1546 по 1552 г.) «властителем» Западной Европы, польский король не только допускал заигрывание с протестантскими силами⁷⁹, но и позволял себе бороться против Габсбургов за венгерскую корону⁸⁰. Вместе с тем правящие круги Польши, заключившие с Портой договор о мире в 1549 г., в ряде случаев сотрудничали с крымско-турецкой дипломатией. Турция поддерживала Ягеллонов в борьбе за предоставление венгерского престола малолетнему сыну Яна Заполья и Изабеллы Ягеллон⁸¹; Польша содействовала операциям татар Девлет-Гирея на московских «окраинах»⁸².

Проводя такую политику, Сигизмунд II Август лелеял замыслы совместного с Крымом выступления против Москвы⁸³, хотя официальные отношения Польши с Русским государством базировались на заключенном в январе 1549 г. договоре, в силу которого перемирие было продлено до 1554 г.⁸⁴. Известие о захвате Грозным Поволжья нарушало литовско-польские планы. Сообщение же о том, что Москва за спиной Польши в течение пяти лет вела с римским престолом и Габсбургами секретные переговоры⁸⁵, которые в случае их удачи должны были превратить Ивана IV из «еретика», «схизматика» в помазанного папой католического короля, а само Русское государство из территории, предназначенной для распространения польского влияния, сделать Московским королевством, — это сообщение ошеломило Сигизмунда и заставило принять срочные меры. Уже созванный в январе 1553 г. в Кракове сейм обсуждал вопрос о сближении с Габсбургами и Римом, хотя при этом не исключалась возможность установле-

⁷⁹ L. Pastor, *Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters*, Bd V, Freiburg, 1904, S. 699—701.

⁸⁰ «Polska...», t. I, str. 342, 344; «Historia polityczna...», t. II, str. 68—71; J. Pajewski, *Węgierska polityka...*, str. 88—90.

⁸¹ «Polska...», t. I, str. 344. — Султан настаивал на том, чтобы Сигизмунд помогал молодому сыну Заполья получить венгерскую корону (J. Pajewski, *Węgierska polityka...*, str. 90; «Historia polityczna...», t. II, str. 69).

⁸² «Сборник РИО», т. 59, стр. 354, 361.

⁸³ «Historia polityczna...», t. II, str. 73.

⁸⁴ «Сборник РИО», т. 59, стр. 303 и сл.; H. Uebersberger, *Österreich...*, 3. 278—282. — Не исключено, что Польша пошла на заключение этого договора под влиянием дипломатии Габсбургов и Ватикана, так как правительство Сигизмунда в то время имело реальную возможность затруднить взятие Казани, сблизившись с Крымом и Портой.

⁸⁵ «Historia polityczna...», t. II, str. 69.

ния тесного контакта с Францией и Портой⁸⁶. Польско-литовское правительство выбирало себе возможных союзников, имея в виду возобновление борьбы с Русским государством⁸⁷.

Решив начать с Габсбургов и римского папы, Сигизмунд II Август направил к «римскому королю» Фердинанду I своего родственника Радзивилла⁸⁸. Во время переговоров, протекавших в духе взаимопонимания (март 1553 г.), речь шла, естественно, об осуждении планов унии с Москвой, а также о предполагаемой женитьбе овдовевшего Сигизмунда на дочери Фердинанда — Екатерине.

К римскому папе Юлию III польский король послал Альберта Крыского⁸⁹. Интересна инструкция Сигизмунда Крыскому, подписанная 18 февраля 1553 г., которая рассматривает возможную политическую и религиозную унию с Русским государством в разных аспектах: «со стороны интересов Польши, пользы для христианства и, наконец, достоинств святого престола»⁹⁰. Документ молчаливо исходит из программы подчинения в будущем всей Восточной Европы с ее русским населением Польскому государству, а также из того предположения, что осуществить эту программу будет возможно лишь военным путем. Инструкция признавала, что «война против короля Московского, получившего корону от папы, может быть не вполне удобной», но указывала, что отказ от военных шагов и превращение Москвы в «Русское королевство» не ослабит тягу русского населения Польши к объединению с остальной Русью, а усилит ее и, наверное, приведет к отпадению плодороднейших территорий Польско-Литовского государства. Призывая не верить заманчивым обещаниям Грозного, Сигизмунд II Август предлагал решительно отказаться от проектов, выдвинутых Штейнбергом от имени царя⁹¹. Если же продолжение переговоров с Москвой было, по мнению Рима, неизбежным, то в этом случае польский король считал необходимым предложить царю такие условия унии, которые должны были либо превратить его в «вассала» Польши и римского престола, либо оказаться для Грозного неприемлемыми. В числе таких условий королевская инструкция преду-

⁸⁶ «Polska...», t. I, str. 346.

⁸⁷ J. Bukowski, *Dzieje reformacji w Polsce*, t. II, Kraków, 1885, str. 239; «Historia polityczna...», t. II, str. 65—70.

⁸⁸ Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 365—367; H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 283—286.

⁸⁹ «Scriptores rerum polonicarum», t. I. *Dyariusze sejmów koronnych 1548, 1553, 1570*, Kraków, 1872, str. 1—33.

⁹⁰ Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 368.

⁹¹ H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 281—282, 331; J. Bukowski, *Dzieje...*, t. II, str. 239.

смаатривала передачу всех ответственных должностей в русской церкви католическим епископам, предоставление полной свободы действий польскому королю в политической жизни Русского государства, дарование царю титула «короля московского», а не «короля русского». «О Руси не должно и упоминаться, так как она войдет в состав Польши»⁹², — заявляла инструкция.

Таким образом, правящие круги Польско-Литовского государства со всей серьезностью критиковали проекты «московского канцлера», упорно добивались их осуждения, не подозревая, что Рим и Габсбурги сами отказались от продолжения переговоров с Москвой в связи с изменившимся соотношением сил в Восточной Европе после падения Казани (а не в связи с просьбами польского короля и его дипломатов, как они пытались изобразить)⁹³. Видимо, Крыский понял это, когда приехал в Рим. «Предполагаемый протест против коронования Ивана, наверное, не был заявлен, ибо в Москву короны так и не послали. К решительным мерам прибегать не пришлось»⁹⁴, — так объяснял Пирлинг бездеятельность польского посла в Риме. Вскоре Крыский получил формальное уведомление, что все предложения Москвы отклонены и что впредь подобные дела будут решаться «с ведома короля и епископов польских». Тем самым римская канцелярия лишний раз подтверждала, что до сих пор она действовала за спиной Польши. Это запоздалое извинение Рима не было результатом победы польской дипломатии, как считал Пирлинг⁹⁵. Скорее оно свидетельствовало о том, что Ватикан вынужден был признать свою неудачу в отношениях с Москвой, которая вновь сумела добиться нейтрализации части своих противников.

3. Крымско-турецкая политика в Восточной Европе и начало Ливонской войны

Взятие Казани знаменовало собой наступление нового этапа в развитии международных отношений Центральной и Восточной Европы. После этого события соотношение сил в системе восточноевропейских государств изменилось в пользу Руси. Это было очевидно для многих политических наблюда-

⁹² Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 368; J. Bukowski, *Dzieje...*, t. II, str. 239.

⁹³ См. письмо папы Юлия от ²⁷ мая 1553 (Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 367—368).

⁹⁴ Там же, стр. 373.

⁹⁵ «Инцидент был исчерпан: поляки одержали блестящую победу по всей линии» (Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 373).

телей того времени. «Когда великий князь Московский покорил все княжества в России и оба упомянутые татарские царства (Казань и Астрахань. — И. Г.), — писал ливонский летописец XVI в. Рюссов, — то с ним не мог уже справиться не только ливонский магистр, но и король»⁹⁶. Хотя эта фраза, возможно, и была некоторым преувеличением, тем не менее она действительно фиксировала возросшую силу России, подчеркивая одновременно то обстоятельство, что успех, достигнутый Московским государством на Востоке, вызывал немедленную реакцию на Западе.

Тесная связь между положением дел на восточных, южных и западных рубежах Русского государства была очевидна и самому Ивану Грозному. Он прекрасно понимал, что каждое его новое достижение в Поволжье тревожит южных и западных соседей Руси и стимулирует тенденцию объединения антимосковских сил. Непосредственным ответом на восточные успехи Грозного было усиление антимосковских настроений не только в Турции и Крыму, но также в Польше, Литве, Ливонии, Швеции. Чрезмерного усиления России боялись также Рим и Габсбурги, хотя они и были заинтересованы в ослаблении крымско-турецкого потенциала.

Естественно, что наиболее активная реакция последовала со стороны Турции и Крыма⁹⁷, усиливших свое противодействие упрочению русского влияния в Поволжье. Возобновив союз с Литвой в 1552 г., Крым продолжал осуществлять и прямые нападения на «окраины» Московского государства (в частности, большой набег был совершен в 1555 г.)⁹⁸. В 1554 г. военные действия против России открыли шведы. В те же годы резко ухудшились русско-польские отношения⁹⁹. Еще в 1552 г. Сигизмунд II Август возобновил союз с Крымом. В 1553 г. Крыский в Риме, а Н. Радзивилл в Вене откровенно заявили о готовности Польши при создавшихся обстоятельствах заключить союз также и с Турцией¹⁰⁰. В тесной связи с усилением антимосковских тенденций в политике Польско-Литовского государства находилась, видимо, и се-

⁹⁶ Бальтазар Рюссов, *Ливонская хроника*, — «Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края», т. III, Рига, 1880, стр. 282.

⁹⁷ N. Jorga, *Geschichte...*, Bd III, S. 113; Е. Н. Кушева, *Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг.*, — «Исторические записки», т. 34, М., 1950, стр. 243—245.

⁹⁸ Н. А. Смирнов, *Россия...*, т. I, стр. 89—90; Г. Д. Бурдей, *Взаимоотношения...*, стр. 190.

⁹⁹ A. Kłodziński, *Stosunki Polski i Litwy z Inflantami przed zatargiem z r. 1556—1557*, — «Kwartalnik historyczny», t. XXII, 1908, str. 380—381.

¹⁰⁰ «Scriptores rerum polonicarum», t. I, str. 74; H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 283, 285; Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, № 138.

рия попыток Сигизмунда превратить Ливонский орден в вассальное княжество. В 1554 г. коадьютором рижского архиепископа католика Вильгельма был назначен родственник польского короля герцог Христофор Мекленбург¹⁰¹, а когда магистр Ордена Генрих фон Гален, города и дворянство Ливонии ответили на эту акцию активным противодействием, дело дошло даже до открытой вооруженной борьбы (в 1556 г.)¹⁰².

Таким образом, международная обстановка в Восточной Европе в середине 50-х годов складывалась явно не в пользу Русского государства. Свидетельствуя о том, что сохранение результатов деятельности Грозного на востоке возможно лишь при одновременной внешнеполитической активности Русского государства на всех направлениях, она требовала осуществления единой, хорошо скоординированной государственной политики. Для правительства царя Ивана, стоявшего перед фактом создания антимосковской коалиции¹⁰³, особенно острым стал вопрос об определении дальнейшего курса. Не имея возможности вести энергичную борьбу на два фронта, Грозный оказался перед дилеммой: либо сосредоточить все силы на активном «замирении» Поволжья и пассивно наблюдать за формированием антимосковской коалиции в Юго-Восточной Европе, либо активной политикой на западе попытаться предотвратить создание этой коалиции, продолжая одновременно пассивное «замирение» Поволжья. Первый путь рано или поздно привел бы к столкновению Русского государства с мощным фронтом держав, которые в конце концов могли, используя перевес сил, вынудить Грозного на территориальные уступки не только в районах Днепра и Двины, но и в самом Поволжье; второй путь, по-видимому, предоставлял

¹⁰¹ Разумеется, нельзя игнорировать и той религиозно-политической борьбы, которая происходила тогда во всей Европе между католическими и протестантскими силами и, несомненно, в скрытой форме имела место и в Ливонии. Римский престол с помощью Сигизмунда I пытался влиять на борьбу ливонских католиков и протестантов еще в 30—40-е годы XVI в. Так, римский папа Павел III (1534—1549) объявил польского короля опекуном рижского архиепископа, тем самым противопоставив последнего протестантским силам Ливонии (городам, отчасти дворянству). Занявший в 1539 г. пост рижского архиепископа Вильгельм (брат прусского герцога Альберта) начал борьбу за превращение Ордена в светское княжество, зависимое от Польши. Этот план потерпел поражение на Вольмарском ландтаге 1546 г., провозгласившем недопустимость дальнейшего вмешательства католических сил во внутриполитическую жизнь Ливонии («История Латвийской ССР», т. I, Рига, 1952, стр. 158—159; A. Kłodzinski, *Stosunki...*, str. 377—379, 387).

¹⁰² A. Kłodzinski, *Stosunki...*, str. 390—391.

¹⁰³ Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, № 151, str. 150—151, 155, 157.

Москве больше преимуществ, однако реализовать их в складывавшейся в это время политической обстановке было не так просто.

В течение 1553—1556 гг. правительство Ивана усиленно старалось разорвать замыкавшееся вокруг Руси кольцо враждебных сил. После переговоров с крымскими послами в Москве в июне 1553 г. в Крым был направлен русский посол Ф. Загряжский, но эта миссия не дала сколько-нибудь значительных результатов¹⁰⁴. В 1554 г. происходили переговоры с Ливонским орденом, которые закончились подписанием договора о 15-летнем перемирии. В этом договоре, между прочим, был пункт, исключавший возможность союза Ордена с Польско-Литовским государством¹⁰⁵. Тогда же русское правительство решило вступить в прямые переговоры с Сигизмундом, рассчитывая заключить с ним длительное перемирие. Однако польский король согласился заключить перемирие всего лишь на два года¹⁰⁶.

Таким образом, все эти меры не дали значительных результатов. Несмотря на активные усилия Грозного, Московское государство продолжало оставаться в опасной изоляции, в тесном окружении явных и скрытых противников. Но дипломатический опыт Ивана IV подсказал ему все же правильное решение. Выход из создавшегося положения оказался связанным с умелым использованием острой политической борьбы, происходившей тогда в Западной Европе.

Середина 50-х годов в жизни Западной Европы характеризовалась, как известно, чрезвычайно важными событиями. Это было время крайнего обострения противоречий между католичеством и протестантством и поражения католических сил, зафиксированного Аугсбургским религиозным миром 1555 г. Именно тогда ряд протестантских государств, противопоставивших себя Риму и Габсбургам, добился легального признания¹⁰⁷. В те же годы происходили столкновения турецких вооруженных сил с армиями Габсбургов и итальянских государств в Средиземноморье и на Балканах¹⁰⁸, а также имела место скрытая политическая борьба в Венгрии, в которой Турция выступала совместно с Польшей против импера-

¹⁰⁴ ПСРЛ, т. 13, стр. 231—232; т. 20, СПб., 1910—1914, стр. 541; Е. Н. Кушева, *Политика...*, стр. 248.

¹⁰⁵ A. Kłodziński, *Stosunki...*, str. 386; H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 315.

¹⁰⁶ «Сборник РИО», т. 59, стр. 421—446.

¹⁰⁷ G. Egelhaaf, *Deutsche Geschichte...*, Bd II, S. 587—600.

¹⁰⁸ J. W. Zinkeisen, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd II, Hamburg—Gotha, S. 835—840; M. Ritter, *Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation*, Bd I, Stuttgart, 1889, S. 92—95.

тора Фердинанда, добиваясь возведения на венгерский престол короля протурецкой ориентации Яна Сигизмунда Заполья, сына Изабеллы Ягеллон¹⁰⁹. В 1556 г. польско-турецкое политическое сотрудничество принесло результаты: Изабелла Ягеллон и ее сын оказались в Венгрии. «Дело было решено, — подчеркивал историк этого периода Ю. Паевский, — волей и мощью султана... слабостью Фердинанда», который отныне «не имел и тени власти в Венгрии»¹¹⁰.

Совершенно естественно, что все эти события, явно ослаблявшие позиции Габсбургов и Рима в Западной Европе, вновь заставляли их искать союзников на Востоке. В такой обстановке Русское государство опять вошло в орбиту интересов габсбургско-римской дипломатии. Если сразу после «казанского взятия» «промосковские» настроения в Ватикане и Вене оказались заглушенными, то во второй половине 50-х годов они стали играть все большую роль. Цель Рима и Габсбургов прежде всего состояла в том, чтобы с помощью Русского государства ослабить военный потенциал Крыма и Порты, затруднив тем самым активную политику Стамбула на Балканах и в Средиземноморье. Ради этой цели габсбургско-католические деятели готовы были даже пойти навстречу внешнеполитическим интересам Грозного. Другим обстоятельством, пробудившим большой интерес Рима и Вены к Москве, оказалась неожиданно обнаружившаяся «нетерпимость» Грозного к Лютеру и его последователям в Северной Европе.

В пробуждении такого интереса к Русскому государству нельзя не видеть определенных заслуг самого Ивана IV. Внимательно наблюдая за развитием событий в Южной и Западной Европе, на Балканах и в Средиземноморье, присматриваясь к религиозно-политической борьбе и правильно оценивая ее смысл, Грозный сумел понять, что религиозные противоречия становятся теперь политическими противоречиями между отдельными государствами, а политическое соперничество довольно часто приобретает религиозный характер¹¹¹.

Это стало особенно очевидным во время осуществленной летом 1557 г. попытки Сигизмунда II Августа навязать протестантской Ливонии протекторат католической Польши. Ре-

¹⁰⁹ J. Pajewski, *Węgierska polityka...*, str. 128—135, 147—152, 161; Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, № 142—144, 146, 147, 149.

¹¹⁰ J. Pajewski, *Węgierska polityka...*, str. 161—162. — Подлинное значение маневра турецкой дипломатии выяснилось несколько позднее. С помощью нового венгерского короля польского происхождения Сулейман рассчитывал не только ослабить Габсбургов, но и легализовать захват Турцией ряда венгерских территорий (Серета и др.) (*ibid.*, str. 174—173).

¹¹¹ Об этом свидетельствовала как практическая дипломатия Грозного (ПСРЛ, т. 13, стр. 359—360), так и полемика его с Курбским.

альное политическое значение предпринятой Польшей акции состояло в том, что в результате вторжения 100-тысячной армии Сигизмунда в Прибалтику только что ставший магистром Ордена Фюрстенберг (фон Гален умер в мае 1557 г.) вынужден был капитулировать и заключить с польским королем 5 сентября 1557 г. договор в Позволе¹¹². В силу Позвольского соглашения Орден принял ряд обязательств внутривосточного и международного характера. В частности, он должен был стать союзником Польши против Москвы, что находилось в резком противоречии с ливонско-московским договором 1554 г. и с шестилетним перемирием России и Польши, заключенным в 1556 г.

Учитывая действительное значение этого договора как попытки проникновения Сигизмунда в Прибалтику, Грозный в то же время видел и стремление правящих кругов Польши оправдать этот шаг религиозными мотивами. Таким образом, наблюдая за развитием событий в Европе вообще и в Ливонии в частности, правительство царя Ивана вполне отдавало себе отчет в том, какие задачи ставили перед собой католические и протестантские силы Европы. При этом оно, несомненно, учитывало и реальные возможности обеих сторон, оценивая их с точки зрения полезности для внешнеполитических целей Москвы.

Исходя из сложившихся тогда внешнеполитических задач Русского государства (предотвращение создания антимосковской коалиции, обеспечение выхода к Балтийскому морю), Иван Грозный считал более полезным союзником католический лагерь и решил снова пойти на сближение с Римом и Габсбургами. Именно в этой связи и следует рассматривать политику Грозного 1555—1559 гг., его стремление, с одной стороны, продемонстрировать активную роль в борьбе с Крымом и Турцией, а с другой — изобразить себя в качестве принципиального противника «лютерова учения» и его последователей в Северной Европе. В распоряжении исследователя есть бесспорные данные, свидетельствующие о совпадении некоторых религиозных и политических взглядов Грозного и римских политиков, по крайней мере в 1560—1561 гг. Так, в 1560 г. царь Иван мотивировал появление русских войск в Прибалтике тем, что ливонцы «преступили заповедь Божию», «впали в Лютерово учение» и что только таким путем возможно вернуть их «к справедливости и старому закону»¹¹³. Известно также, что римский папа в 1561—1562 гг. неоднократно

¹¹² M. Ritter, *Deutsche Geschichte...*, Bd I, S. 243.

¹¹³ «Послания Ивана Грозного», стр. 490—491.

пытался направить в Москву своих эмиссаров, чтобы, во-первых, пригласить «Герцога Московского» на Тридентский собор (цель собора — если не сокрушить, то ослабить протестантские силы Европы), а во-вторых, предложить посредничество в урегулировании русско-польских отношений¹¹⁴.

Корни этого политического сближения начала 60-х годов безусловно следует искать в развитии событий предыдущего пятилетия. Несомненно, что римская дипломатия все это время внимательно следила за положением дел в Восточной Европе, постоянно учитывала характер отношений Москвы с ее соседями и старалась вести свою политическую линию таким образом, чтобы заручиться поддержкой Руси в борьбе с Турцией и протестантскими силами Европы. Если Рим предложил посредничество в 1561 г., когда война между Москвой и Польшей была уже по существу предрешена, то вполне вероятно, что дипломатия Ватикана старалась воздействовать на Сигизмунда II Августа и в середине 50-х годов. Возможно, именно этим воздействием и следует объяснить тот факт, что в 1556 г. Сигизмунд санкционировал шестилетнее перемирие с Русским государством, тогда как в 1554 г. он согласился лишь на двухлетнее перемирие¹¹⁵. В Риме и Вене хорошо знали о сотрудничестве польского короля с турецким султаном Сулейманом в венгерском и московском вопросах. Не исключено поэтому, что в 1557—1558 гг. римско-габсбургская дипломатия активно не возражала и против планируемого Грозным противодействия польским попыткам установить протекторат над Ливонией.

Таким образом, как это ни парадоксально, но именно продолжение борьбы царя Ивана против Крыма и Турции, с одной стороны, и антипротестантские декларации царя — с другой, обуславливали существование в Западной Европе не только «антимосковских», но и «промосковских» настроений. А это создавало реальные условия для одновременной активизации русской политики на Балтике.

Как известно, Ливонская война была подготовлена всем ходом социально-экономического и политического развития феодальной России. Доступ к берегам Балтийского моря яв-

¹¹⁴ Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 383—392.

¹¹⁵ «*Historia polityczna...*», t. II, str 78; «Сборник РИО», т. 59, № 27, 28, 32; ПСРЛ, т. 13, стр. 235, 263.

лялся необходимым условием дальнейшего поступательного развития Русского государства¹¹⁶. Но если общие причины войны Руси за выход к балтийским берегам были очевидны, то конкретные обстоятельства, связанные с ее началом, долгое время оставались не вполне выясненными¹¹⁷.

Поводом для вооруженного выступления Москвы против Ливонии, по-видимому, послужил Позвольский договор 1557 г.¹¹⁸. Как на важное внутривосточное условие, обеспечивавшее России возможность начать войну, историки обычно указывают на факт разрыва Грозного с «избранной радой»¹¹⁹. Представляется, однако, что это утверждение не совсем правильно. Скорее не «торжество» Грозного над «избранной радой» сделало возможным войну, а, наоборот, начавшаяся война в конце концов потребовала устранения тех лиц, которые составляли «избранную раду». Если говорить о внешнеполитических условиях, позволивших начать военные действия, следует указать на факт русско-шведского перемирия 1557 г., а также на уже отмечавшийся особый характер отношений Руси с габсбургско-католической дипломатией в эти годы, который в известной степени примирял Рим и Габсбургов с ливонской политикой Грозного.

Видимо, главным образом ради нейтрализации Ватикана и Вены царь и вел очень осторожную и внешне нерешительную борьбу в Ливонии. Как известно, вступившие в январе 1558 г. в Ливонию русские войска под командой Шагалея и М. В. Глинского в сущности ограничились глубокой разведкой и де-

¹¹⁶ К. Маркс, *Хронологические выписки*, — «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, М., 1946, стр. 165.

¹¹⁷ Работы Форстена (Г. В. Форстен, *Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях*, т. I, СПб., 1893), Новодворского (В. В. Новодворский, *Борьба...*), Платонова (С. Ф. Платонов, *Иван Грозный*, Пг., 1923) и Виппера (Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*) были в последнее время дополнены трудами Зутиса (Я. Я. Зутис, *К вопросу о Ливонской политике Ивана IV*, — «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. IX, 1952, № 2), Дербова (Л. А. Дербов, *К истории падения Ливонского ордена*, — «Ученые записки Саратовского государственного университета», т. XVII, 1947), Королюка (В. Д. Королюк, *Ливонская война*, М., 1954). Важное значение для этой темы имели также работы Бахрушина (С. В. Бахрушин, *Иван Грозный*), И. И. Смирнова (И. И. Смирнов, *Иван Грозный*), Садикова (П. А. Садиков, *Очерки по истории опричнины*, М.—Л., 1950).

¹¹⁸ J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 282; H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 314.

¹¹⁹ Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 51; Л. А. Дербов, *Борьба русского государства за Прибалтику и Белоруссию*, — «Ученые записки Саратовского государственного университета», т. XVII, стр. 160; С. В. Бахрушин, *Иван Грозный*, стр. 56—57.

монстрацией своей мощи¹²⁰, после чего покинули территорию Ордена, предоставив внутренним силам Ливонии решать вопрос о дальнейших взаимоотношениях с Русским государством. Хотя сторонников примирения с Россией в Ливонии было много, переговоры не привели к соглашению. Весной новая большая русская армия вторглась в Прибалтику и в течение мая — июля овладела Нарвой, Дерптом и рядом других укрепленных пунктов¹²¹. Однако захватить Ревель русским войскам в ходе летней кампании 1558 г. не удалось. В январе 1559 г. было предпринято еще одно разведывательное наступление в сторону Риги, которое также не привело к взятию этого города. «Странная война» в Прибалтике неожиданно закончилась в марте 1559 г. заключением перемирия между русским командованием и Орденом.

Этот шаг русского правительства в историографии оценивается самым различным образом. Одни считают его проявлением чуть ли не глупости царя, другие склонны видеть в нем вынужденную уступку Ивана IV «избранной раде», осуществлявшей якобы боярскую программу национального предательства¹²². Представляется, однако, что временный отказ Грозного от активных действий в Прибалтике и санкционированный им поход Адашева и Вишневецкого против Крыма (лето 1559 г.)¹²³ были вызваны совершенно иными обстоятельствами и иными соображениями. Дело в том, что уже зимой 1558/59 г. сравнительно скромные успехи Грозного в Ливонии заставили Швецию, Данию и, что было особенно важно, Габсбургов ставить вопрос о «посредничестве» в мирном урегулировании ливонско-русских отношений¹²⁴. Именно эта позиция, означавшая, что Габсбурги грозили прекратить скрытое сотрудничество с Москвой, и вынудила Грозного снова продемонстрировать ограниченность своих претензий к Ливонии, одновременно доказав на деле готовность быть активным участником антитурецкой коалиции.

¹²⁰ В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование...*, т. I, стр. 419—445; Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 59—61; Я. Я. Зутис, *К вопросу...*, стр. 131—143; «История Латвийской ССР», т. I, стр. 158; В. Д. Королук, *Ливонская война*, стр. 36.

¹²¹ H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 318—319; С. В. Бахрушин, *Иван Грозный*, стр. 43—46.

¹²² В. Д. Королук, *Ливонская война*, стр. 45.

¹²³ А. А. Новосельский, *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.*, М. — Л., 1948, стр. 427; Е. Н. Кушева, *Политика...*, стр. 259—261.

¹²⁴ J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 283; Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 63—64; H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 321; С. В. Бахрушин, *Иван Грозный*, стр. 47.

Однако, давая разрешение на крымский поход 1559 г., Грозный, видимо, должен был думать не только о поддержке связей с Габсбургами и Римом. Царю Ивану приходилось учитывать и просто усилившуюся военную активность крымского хана Девлет-Гирея, тесно сблизившегося с Польшей в это время. Очень интересные данные, характеризующие политическую обстановку на юге в 1554—1559 гг., сообщает А. А. Новосельский. Он связывает с фактом распространения русского влияния на территории Поволжья процесс дальнейшего раздробления Ногайской орды и оформления двух самостоятельных орд — Большой орды ногаев, кочевавшей в низовьях Волги, и Малой орды, кочевавшей в устье Дона и Приазовье. Если первая во главе с князем Исмаилом с 1557 по 1563 г. находилась в вассальной зависимости от московского царя, то Малая орда тогда же оказалась вассалом турецкого султана и союзником Девлет-Гирея. В связи с этим Азов превратился в «прямое похитительное место, гнездо и пещеру разбойников»¹²⁵. В 1558 г. Малые ногаи (казыевцы) вместе с крымцами совершили набег на московские территории¹²⁶, а в 1559 г. польское правительство, установив прямой контакт с Малой ордой, приглашало ее перекочевать на левый берег Днепра (на территории вдоль рек Орель и Псел)¹²⁷, т. е. на земли, весьма близко расположенные к московским «окраинам».

Открыто обещая казыевцам жалованье за службу против Москвы, Польша старалась спровоцировать новый поход крымцев и казанцев против Русского государства. К тому же времени относятся диверсии крымского хана на Кавказе и в Астрахани, направленные, по-видимому, против Большой орды Исмаила и Кабарды, находившейся тогда в сфере влияния московского правительства¹²⁸. Нельзя считать случайностью и тот факт, что Девлет-Гирей выдал польскому королю в 1560 г. ярлык на русские земли¹²⁹.

Если учесть все эти обстоятельства, необходимо признать, что совершенный летом 1559 г. поход русских войск против Крыма¹³⁰, выступавшего союзником Сигизмунда II Августа, был событием большого военно-стратегического и политиче-

¹²⁵ А. А. Новосельский, *Борьба...*, стр. 116.

¹²⁶ Е. Н. Кушева, *Политика...*, стр. 261.

¹²⁷ А. А. Новосельский, *Борьба...*, стр. 17. — Речь шла даже о переходе Малых ногаев в польское подданство.

¹²⁸ Е. Н. Кушева, *Политика...*, стр. 260 и сл.; Н. А. Смирнов, *Россия...*, т. I, стр. 90.

¹²⁹ L. Kołankowski, *Problem Krymu w dziejach jagiełłońskich*, — «Kwartalnik historyczny», 1935, z. 3, str. 290.

¹³⁰ ПСРЛ, т. 13, стр. 315, 318—320; ПСРЛ, т. 20, стр. 612—613.

ского значения. Что касалось непосредственных результатов этого похода, совершенного под руководством Д. Вишневецкого и Д. Адашева, то он, видимо, действительно сыграл определенную роль в пресечении попыток хана распространить свое влияние на Северный Кавказ и Казань¹³¹.

Таким образом, решение предпринять летом 1559 г. военную демонстрацию против Крыма было оправдано как с точки зрения сдерживания антимосковских сил на юге¹³², так и с точки зрения широкой европейской политики Ивана IV, стремившегося своим вкладом в борьбу против крымско-турецкой экспансии обеспечить хотя бы относительный нейтралитет Рима и Габсбургов в Ливонии. Этот нейтралитет имел особенно важное значение для русского правительства в тот момент, когда военные неудачи Ордена 1558—1559 гг. сделали неизбежным вмешательство в дела Ливонии внешних сил.

Ограничить это вмешательство минимальным кругом держав, не допустить использования ливонских событий в качестве повода для создания широкой антимосковской коалиции — такова была задача, стоявшая перед Иваном Грозным в конце 50-х годов.

4. Ход Ливонской войны в 1560—1572 гг. и крымско-турецкая экспансия в Восточной Европе

Дальнейшее развитие международной жизни Восточной Европы подтвердило правильность политических шагов Грозного, предпринятых им в 1558—1559 гг. Хотя польский король 31 августа 1559 г. и сумел навязать свой протекторат Ли-

¹³¹ Дмитрий Вишневецкий был послан на Донец еще в феврале 1559 г., ему было велено «приходить на крымские улусы, суды поделав, от Азова под Керчь и под иные улусы». Около Керчи Вишневецкий разбил крымцев, стремившихся пройти «под Казанские [места] войною» (ПСРЛ, т. 20, стр. 612). См. также Е. Н. Кушева, *Политика...*, стр. 261; В. А. Голобуцкий, *Запорожское казачество*, Киев, 1957, стр. 80—84; J. Szujski, *Dzieje...*, I, II, с. 293—294. Данные Абрахамовича сообщают о военной активности Вишневецкого не только в 1558—1559 гг., но и в предшествующие годы (Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, № 153, 157).

¹³² Перигнувший из Крыма «служивый» татарин Тавкей рассказывал в Москве следующее: «А коли Данило (Адашев. — И. Г.) с моря приходил на улусы и тогда у них страх был великой от царева и великого князя приходу, и все бегали в горы, чаяли, что государь пришел; и впредь на них страх великой от государя если с моря и с поля многими места приходил на Крым, уберечися им нельзя, и всю землю приходили ко царю, чтобы си со царем и великим князем помирил: от Днепра улусам иужа великая» (ПСРЛ, т. 20, стр. 621).

воини¹³³, а датский король Фридрих в сентябре 1559 г. установил контроль над о. Эзель¹³⁴, Габсбурги и Рим не вмешивались активно в дела Ливонии, не угрожали войной Русскому государству¹³⁵.

Вероятно, в этом большую роль сыграл не только недавний поход Грозного на Крым, подтвердивший готовность Москвы участвовать в антитурецкой коалиции, но и то обстоятельство, что царь Иван, сознательно или бессознательно допустив поглощение Ливонии Польшей в 1559 г., тем самым столкнул Сигизмунда II Августа с императором Фердинандом, являвшимся верховным протектором Ливонского ордена¹³⁶. Последнее обстоятельство способствовало еще большему сближению Габсбургов с Русью. Во всяком случае деловые отношения между Римом, Веной и Москвой сохранялись в течение нескольких лет, несмотря на возобновление военных действий в Ливонии¹³⁷. Правда, Грозный в 1560 г. получил от Фердинанда письмо с просьбой прекратить войну против его вассалов, но не принял его всерьез. В своем ответе царь Иван, как известно, сослался на необходимость искоренения «лютедова учения»¹³⁸, и в то же время ловко указал на изменившуюся после вмешательства Польши политическую обстановку в Ливонии, ставшей протекторатом не императора, а Сигизмунда. Ответ Грозного имел большой резонанс в тогдашней Европе, он был немедленно напечатан на латинском и немецком языках¹³⁹. Хотя ответное послание царя и не устранило полностью беспокойства Фердинанда о дальнейшей судьбе

¹³³ J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 283; H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 323; «История Латвийской ССР», т. I, стр. 162.

¹³⁴ Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 63; J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 284.

¹³⁵ M. Ritter, *Deutsche Geschichte...*, Bd I, S. 241—244.

¹³⁶ J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 238; H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 324. — Наличие в то время польско-австрийских противоречий в Ливонии подчеркивал и Л. А. Дербов (*Борьба...*, стр. 167).

¹³⁷ H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 324—325. — В ноябре 1559 г. из Вены в Москву (через Лифляндию) направился австрийский курьер Гофманн, который в феврале 1560 г. предлагал Грозному вести переговоры о более активном включении Московской Руси в антитурецкую лигу и о «восстановлении» позиций Империи в Прибалтике, допуская при этом какие-то уступки в пользу Ивана IV (*ibid.*, S. 326, 328—329).

¹³⁸ «Послания Ивана Грозного», стр. 490; «Historia polityczna...», t. II, str. 82. — «Этот ответ Ивана, — писал Юберсбергер, — есть прекрасное применение ловкой диалектики, которое привело в крайнее удивление всех иностранных дипломатов и до которой едва ли дорос сам иезуит Поссевино» (H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 329).

¹³⁹ *Ibid.*, S. 330; «Послания Ивана Грозного», стр. 490. См. также «Чтения Общества истории древностей российских», т. IV, М., 1915, стр. 147.

его ливонского вассала, тем не менее оно послужило основанием для продолжения своеобразного «сотрудничества» между габсбургско-католической дипломатией и русским правительством.

Одним из ярких проявлений намечавшегося сотрудничества была попытка римского папы Пия IV установить прямой контакт с Москвой, предпринятая в 1561 г. В столицу Русского государства отправились два посольства (летом 1561 г. был послан Канобио, осенью того же года — Джованни Джиральди), чтобы предложить посредничество в урегулировании русско-польского конфликта и пригласить Ивана на Тридентский собор, являвшийся, как известно, орудием контрреформации в Европе¹⁴⁰.

Уже характер этих поручений свидетельствовал о том, что в Риме придавали очень серьезное значение роли Русского государства в международной жизни Европы. Решение римского папы пригласить Грозного на Тридентский собор, а также его намерение предложить Польше примирение с Россией в момент острой борьбы за Ливонию — все это указывало на то, что политику римско-габсбургской дипломатии определяло не положение дел в Ливонии, а задачи борьбы против реформации на севере Европы и против Турции на юге¹⁴¹.

Цель миссий Канобио и Джиральди была прекрасно понята и правящими кругами Польши. Намечившееся сближение римско-габсбургской дипломатии с Россией резко расходилось с внешнеполитической программой Сигизмунда II

¹⁴⁰ Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 384—392, 395—397.

¹⁴¹ Сам факт установления политического взаимопонимания между габсбургско-римской дипломатией и Москвой на почве общей «вражды» к Порте и реформации не был чем-то необычным в тогдашней международной жизни Европы. Современник Грозного, французский король Генрих II (1547—1559), ведя борьбу с Габсбургами и продолжая политику Франциска I 1525—1547 гг., стремился установить взаимопонимание, с одной стороны, с протестантскими немецкими княжествами, а с другой — с турецким султаном Сулейманом (см. N. Jorga, *Geschichte...*, Bd III, S. 83, 89, 101, 103; M. Ritter, *Deutsche Geschichte...*, Bd I, S. 92—97). Таким образом, в середине XVI в. в Москве и Париже осуществление государственной политики в соответствии с реальной расстановкой сил, складывавшейся в Европе, часто «заставляло» правительства идти на «уступки» в вопросах религии.

Характерно, что политические наблюдатели того времени баварцы Фент-Лен и Либенауэр, связанные с «московским послом» Шлитте, не только были убеждены в том, что Грозный прекрасно знал сущность политики Генриха II, но и допускали возможность в случае размолвки царя с Габсбургами установления русско-французско-турецкого союза (H. Uehersberger, *Österreich...*, S. 302, 304).

Августа¹⁴², стремившегося в союзе с Турцией и Крымом ослабить Русское государство и тем самым упрочить свои позиции в Ливонии. Эти расхождения по внешнеполитическим вопросам между Римом и Польшей были тогда настолько значительными, что польский король не только запретил эмиссарам Ватикана проследовать в Москву, но чуть ли не силой вернул их в Италию¹⁴³. Это, однако, не остановило габсбургско-католическую дипломатию от дальнейших попыток сближения с Русью¹⁴⁴, что явилось косвенным признанием успеха умелой политики Грозного, сумевшего не допустить создания широкой антимосковской коалиции с участием «всей» Европы и Турции. Наличие скрытых союзников в Европе позволило Грозному возобновить вооруженную борьбу в Прибалтике уже в 1560 г. В ходе военной кампании этого года русским войскам удалось овладеть Мариенбургом, Феллином и другими укрепленными пунктами Ливонии¹⁴⁵.

Успех русской политики в Прибалтике вызвал реакцию не только Польско-Литовского государства, но и Дании и Швеции. Под Ригой оказались литовские войска, о. Эзель был оккупирован датскими частями, а Северная Эстония с Ревелем захвачена в 1561 г. шведским королем Эриком. В ноябре 1561 г. произошел формальный раздел территории Ордена между Литвой, Швецией и Данией¹⁴⁶. Однако это соглашение было лишь прикрытием острых противоречий, существовавших в Северной Европе. Швеция вела длительную борьбу с Данией за господство на Балтике, и их новое соседство в Ливонии лишь подливало масла в огонь¹⁴⁷. Занятые своей борьбой, ни Швеция, ни Дания активно не выступили с поддержкой антирусских планов Сигизмунда¹⁴⁸.

¹⁴² Ibid., S. 347—348.

¹⁴³ Ibid., S. 349; Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 395—397.

¹⁴⁴ «Послания Ивана Грозного», стр. 491. — В 1564 г. римский папа снова безуспешно попытался направить через Польшу своего агента в Москву (Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 397), а в 1566 г. Максимилиан II пытался привлечь Русское государство к борьбе против «бешеных псов-турок». В 1570 г. Пий V намеревался послать в Россию папского нунция Портико, однако Сигизмунд II Август и на этот раз воспротивился осуществлению этой миссии (Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 102).

¹⁴⁵ С. В. Бахрушин, *Иван Грозный*, стр. 48—49; «История Латвийской ССР», т. I, стр. 163.

¹⁴⁶ H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 355; В. Д. Корольюк, *Ливонская война*, стр. 49; С. В. Бахрушин, *Иван Грозный*, стр. 51.

¹⁴⁷ H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 355; Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 93.

¹⁴⁸ «Historia polityczna...», t. II, str. 91—92. — Именно в начале 60-х годов Москва принимала шведских (ПСРЛ, т. 13, стр. 365—366, 369) и датских послов, требовавших предоставления своим монархам особых прав в Ливонии (там же, стр. 373—374).

Между тем в политике Ивана Грозного появились новые веяния. Стремясь разорвать создавшееся вокруг Москвы кольцо враждебных сил, царь Иван решил не ограничиваться скрытыми и явными переговорами с габсбургско-римской дипломатией. Параллельно он пытался установить какое-то взаимопонимание с непосредственными соседями Русского государства. Овдовев в начале августа 1560 г.¹⁴⁹, Грозный задумал заключить новый брачный союз, который мог бы принести ему определенные политические выгоды. Его выбор пал прежде всего на дом Ягеллонов¹⁵⁰. Намереваясь жениться на одной из сестер польского короля — Екатерине или Анне, Иван делал ставку на прямые переговоры с Сигизмундом.

Уже 18 августа 1560 г. царь направил в Польшу своих послов. Переговоры, начатые осенью того же года в Вильно русским послом Ф. И. Сукиным, были в феврале 1561 г. продолжены в Москве польскими дипломатами Яном Шимковым и Яном Гайкой¹⁵¹. В ходе переговоров выяснилось, что польская сторона готова санкционировать брак Екатерины или Анны с Иваном IV только в случае фактического отказа царя от его планов в Ливонии¹⁵². Отвергнув, таким образом, предложение Грозного, Сигизмунд II Август усилил свою наступательную политику на территории Ордена. 28 ноября 1561 г. после длительных переговоров был подписан акт о присоединении Ливонии к Польско-Литовскому государству¹⁵³.

Неудача заставила Грозного искать среди соседей других союзников. Уже летом 1561 г. он подписал 20-летнее перемирие со шведским королем Эриком¹⁵⁴. В 1562 г. аналогичный договор был заключен с Данией¹⁵⁵. Тогда же царь Иван вре-

¹⁴⁹ ПСРЛ, т. 13, стр. 328.

¹⁵⁰ «Велелъ царь и великий князь митрополиту и владыкам и архимандритам и боярам всем у себя быти и говорил... для митрополита прощения и земли для хочет то дело о женитве совершити, а искати бы ему нецесты в иных землях... И царь... Иван... приговорил послать искати себе нецесты в Литву к королю о сестре, да к Свейскому королю дочерей смотрети, да к Черкасы у Черкасских князей дочерей же смотрети» (ПСРЛ, т. 13, стр. 329).

¹⁵¹ «Сборник РИО», т. 71, стр. 23; ПСРЛ, т. 13, стр. 329—330.

¹⁵² «Сборник РИО», т. 71, стр. 32, 33, 40. — Эта позиция Сигизмунда II Августа была в полной мере согласована с Габсбургами, боявшимися дальнейшего усиления Ивана IV (H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 351).

¹⁵³ Л. А. Дербов, *Борьба...*, стр. 165—166.

¹⁵⁴ ПСРЛ, т. 13, стр. 329—330; Г. В. Форстен, *Балтийский вопрос...*, т. 1, стр. 288; H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 354.

¹⁵⁵ Р. Ю. Випнер, *Иван Грозный*, стр. 59, 80; Л. А. Дербов, *Борьба...*, стр. 170. В 1562 г. к датскому королю Фридриху II направился Висковатый, который и заключил договор о политическом и торговом сотрудничестве с Данией (J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 29; H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 352).

мненно отказался от активных военных операций в Ливонии, понимая, что наступление его войск способно лишь привести к дальнейшему сближению Швеции, Дании и Польши¹⁵⁶.

Одновременно Иван IV, учитывая контакты, существовавшие между турецко-крымской дипломатией и Польско-Литовским государством, стал усиленно добиваться сближения с Крымом и Портой. Характерно, что придававший большое значение брачным связям Грозный после неудачного сватовства в Польше решил искать супругу на мусульманском Востоке. Осенью 1561 г. он остановил свой выбор на кабардинской («черкасской») княжне Марии Темрюковне¹⁵⁷. Этим браком Иван IV открыл целую серию мероприятий 60-х годов, которые должны были доказать его лояльность к мусульманским странам и вместе с тем подчеркнуть решимость Москвы вести борьбу только против Польско-Литовского государства. К числу этих мероприятий Грозного следует прежде всего отнести многочисленные знаки внимания к татарским царям, перешедшим на московскую службу¹⁵⁸, настойчивые попытки дипломатическим путем добиться примирения с Крымом (миссия Афанасия Нагого)¹⁵⁹ и какого-то взаимопонимания с Константинопо-

¹⁵⁶ Возможно, что сдержанная политика Грозного в Ливонии в 1561—1562 гг. содействовала обострению датско-шведских противоречий, о чем свидетельствовал факт семилетней войны (1563—1570) между Данией и Швецией (H. Uebersberger, *Osterreich...*, S. 355—356).

¹⁵⁷ ПСРЛ, т. 13, стр. 333, 366; П. А. Садиков, *Очерки...*, стр. 13; Е. Н. Кушева, *Политика...*, стр. 265, 273. — «Брак с Марией Темрюковной, — подчеркивает Е. Н. Кушева, — закреплял связи не только с Кабардой. Одна сестра Марии — Алтынчач-царица — была за одним из потомков ханов Золотой Орды, астраханским царевичем Бекбулатом, братом царевича Тохтамыша, выехавшего служить в Москву еще в 1556 г. В 1561 г. Бекбулат вместе с сыном Саин-Булатом, будущим Симеоном Бекбулатовичем, одновременно с приездом Марии Темрюковны выехал служить в Москву. Это было тем более важно, что сын астраханского царя Дервиш-Алея Магмет находился в Турции под охраной: по-видимому, на его дочери был женат сын Сулеймана (с 1566 г. султан) Селим. Другая сестра Марии — Малхуруб — была женой Тилехмата, сына ногайского князя Измаила» (Е. Н. Кушева, *Политика...*, стр. 273).

¹⁵⁸ Среди этих князей первое место занимал «касимовский царь» Шах-Али (Шагадей) (см. В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование...*, т. I, стр. 455, 461, 464 и др.). Кроме того, в их число входили казанский царь Едигер-Махмет (после крещения 1553 г. — Симеон) (ПСРЛ, т. 20, стр. 539; Н. А. Смирнов, *Россия...*, т. I, стр. 123), казанский царь Утямыш-Гирей, сын Сююн-Беки (после крещения — Александр), а также царевичи Ибака, Тохтамыш, Бекбулат и др. (В. В. Вельяминов-Зернов, *Исследование...*, т. I, стр. 454, 456, 459). Все эти цари и царевичи в разное время перешли на московскую службу, но именно в 1562—1564 гг. они стали активными участниками войны против Литовско-Польского государства (ПСРЛ, т. 13, стр. 347—350, 360, 364).

¹⁵⁹ А. А. Новосельский, *Борьба...*, стр. 19—25.

дем¹⁶⁰, подкрепнутое использование татарских контингентов на западном фронте¹⁶¹ и т. д. Совершенно не случайно такой внимательный наблюдатель тогдашней русской действительности, как купец Джером Горсей, отмечал, что после второго брака Иван IV располагал «непреодолимой силой татар», набранных, по-видимому, в Поволжье¹⁶². Однако, как ни энергичны были попытки Грозного разорвать польско-крымский союз, добиться

¹⁶⁰ Еще накануне Ливонской войны, в 1557 г., воспользовавшись приходом в Москву представителя царьградского патриарха митрополита Иоасафа (ПСРЛ, т. 13, стр. 275), Иван IV обратился к греческому патриарху Дионисию с просьбой санкционировать вселенским собором его новый царский титул (там же, стр. 278). Весьма характерно, что Грозный считал наиболее целесообразным направить в Царьград с данной миссией бывшего архимандрита Спасо-Евфимьевского монастыря Феодорита, который был «согласником» одного из главных идеологов «нестяжателей» — Артемия, а через него был связан с лидерами «проконстантинопольской» группировки московского духовенства. Известно, что Артемий, назначенный в 1551 г. игуменом Троицкого монастыря, в котором находился тогда бывший митрополит всея Руси Иоасаф, добился перевода в этот монастырь Максима Грека; Артемию же принадлежит инициатива выдвижения самого Феодорита на пост игумена суздальского Спасо-Евфимьевского монастыря (см. А. А. Зимин, *И. С. Пересветов...*, стр. 101, 156, 161). Посылая в Царьград Феодорита, иерарха константинопольской ориентации, Иван Грозный рассчитывал расположить к себе греческий патриархат, а вместе с ним и правящие круги Константинополя. Разумеется, этот шаг царя Ивана сам по себе не мог создать перелома в московско-константинопольских отношениях, но, дополненный целым рядом других мероприятий Грозного (в частности, демонстративными колебаниями в 1558—1560 гг. между «ливонским» и «крымским» вариантами московской политики), он также сыграл свою роль. В 1561 г. Константинополь не только санкционировал принятие царского титула Грозным (ПСРЛ, т. 13, стр. 334; Р. Н. Дмитриева, *«Сказание...»*, стр. 119—120), но только подчеркнул преемственную связь между Русью и Византией путем использования легенды о пещании Владимира Мономаха византийским «царским делом» («Соборная грамота православной восточной церкви, утвержденная сам царя за великим князем Иоанном IV Васильевичем, Губа», М., 1850, стр. 17—18), но и благословил царя Ивана на борьбу с «люторскою ересью», которая, по мнению Царьграда, существовала тогда как в Ливонии, так и в Литовской Руси: в послании патриарха Иоасафа митрополиту Макарию, облачавшем «злословимую и пагубную и богомерзкую люторскую ересь», утверждалось, что «есть въ вашихъ градахъ и Митои Руси (курсив мой. — И. Г.) пекня отпадоша в погибель, и злословение Люторско» (ПСРЛ, т. 13, стр. 335). Таким образом, Иван IV в 1561 г. добился от Константинополя не только формального признания царского титула, но и фиктивного одобрения активной политики на Востоке.

¹⁶¹ ПСРЛ, т. 13, стр. 363. Н. В. Велимиров-Зернов, *Исследование...*, т. 1, стр. 161—171. М. Н. Гухомиров, *Россия в XVI столетии*, М., 1962, стр. 387.

¹⁶² Д. Горсей, *Записки о Московии*, СПб., 1909, стр. 22. Под 1953 г. в Никоновской летописи значится: «А февраль в 16 день послал государь в великий князь Литовские земли послати царевича Ибака да воеводу своим Юрия Петровича Ревина, а с ним татар пятнадцать тысяч, опричь иных заготовщиков» (ПСРЛ, т. 13, стр. 363).

ся значительного эффекта в этой области долгое время не удавалось. Политическое и военное сотрудничество Сигизмунда II Августа и Девлет-Гирея продолжалось и в начале 60-х годов. Поэтому, несмотря на стремление ограничивать наступательные операции только районом Белоруссии и Полоцка, Грозному приходилось держать оборону и со стороны Крыма.

Так, в мае 1562 г. Иван IV вынужден был приостановить едва начавшиеся на литовско-русском пограничье разведывательные операции из-за вторжения на территорию Московского государства Крымской орды. Появление армии Девлет-Гирея в районе Мценска в момент развертывания военных действий в Литве, разумеется, следует рассматривать как результат прямой договоренности Сигизмунда с правящими кругами Крыма. По поводу этого похода крымских татар состоялся даже обмен мнений между ханом и польским королем. Сигизмунд благодарил Девлет-Гирея за совершенную в мае 1562 г. операцию, настаивая при этом на новом выступлении татарских войск против Москвы осенью того же года. Видимо, этим новым походом польский король хотел помешать начинавшимся операциям русских войск в районе Полоцка¹⁶³. Однако осенью нового татарского вторжения не последовало. Возможно, в этом была заслуга уже московской дипломатии.

Как бы то ни было, Иван Грозный получил возможность в течение зимних месяцев 1562/63 г. сосредоточить усилия на литовском фронте. Перед русскими войсками стояла задача овладеть Полоцком, важнейшей крепостью на Двине, контролирувавшей подступы не только к Риге, но и к самой столице Литовского княжества — Вильно. Хотя подготовительные операции в районе Полоцка начались осенью 1562 г., непосредственная осада города происходила в январе и феврале 1563 г. Операциями руководил сам Иван IV. Город был взят 15 февраля 1563 г.¹⁶⁴. Захват Полоцка русскими произвел на-

¹⁶³ А. А. Новосельский, *Борьба...*, стр. 18.

¹⁶⁴ ПСРЛ, т. 13, стр. 354—358. — Характерно, что овладение Полоцком Иван IV трактовал как торжество «православного христианства греческого закона» над «безбожной лютеровой ересью», как результат выполнения предначертаний константинопольского патриарха Иоасафа, сформулированных им в «учительном послании» митрополиту Макарию (1561 г. (там же, стр. 334—339). В «антилютеровском» духе было составлено послание новгородского архиепископа Пимена царю Ивану (там же, стр. 350—353). Осматривая сохранившуюся в Полоцке церковь святой Софии, Грозный намеренно подчеркнул свою радость по поводу того, что «не въ конецъ безбожнии Люторне церкви святыя осквернили и разорили и святым иконам поругалися» (там же, стр. 359). Не случайно «полоц-

столько сильное впечатление на правящие круги Литовского княжества, что уже 21 апреля этого года начались переговоры между представителями Сигизмунда II Августа и Ивана IV, закончившиеся заключением короткого перемирия (до декабря 1563 г.)¹⁶⁵. Пользуясь этой передышкой, прикрываясь мирными переговорами¹⁶⁶, обе стороны осуществляли военную и дипломатическую подготовку к возобновлению борьбы.

Сигизмунд созвал в мае 1563 г. сейм и старался мобилизовать денежные и людские ресурсы для увеличения военного потенциала страны¹⁶⁷. Он активизировал усилия по осуществлению унии между Польшей и Литвой, ставя это новое сближение условием участия короны в обороне литовских земель¹⁶⁸. Вместе с тем польский король стремился активно действовать и на международной арене. Он снова толкал Крым к выступлению против Москвы¹⁶⁹, а также зондировал почву в Скандинавии.

Со своей стороны и Грозный деятельно готовился к предстоявшим столкновениям с противником, широко используя

кие, градские и посадские священники» выражали царю благодарность за освобождение «от люторского насилования» (там же, стр. 360). Известно, что тогда же Грозный не только декларировал свою неприязнь к «лютеровой вере», но и сурово расправился с полоцкими приверженцами «лютеровой ереси». Если эмигрировавшего в Полоцк Феодосия Косого, единомышленника «мартинианской ереси» (А. А. Зимин, *И. С. Пересветов...*, стр. 212), в 1563 г. уже не было в живых, то его последователь Фома попал в руки Грозного и был казнен (J. Bukowski, *Dzieje...*, стр. 357; А. А. Зимин, *И. С. Пересветов...*, стр. 162, 186).

¹⁶⁵ ПСРЛ, т. 13, стр. 364, 373; Л. А. Дербов, *Борьба...*, стр. 173—174; Н. Uebersberger, *Oesterreich...*, S. 358.

¹⁶⁶ Во время переговоров Ходкевича, Воловича и М. Гарабурды с русским правительством в декабре 1563 г. в Москве обе стороны намеренно выдвигали максимальные претензии (см. ПСРЛ, т. 13, стр. 373, а также «Сборник РИО», т. 71, № 12). Русский царь требовал возвращения Поднепровья, Волыни, Подолии, Галицкой Руси; польский король настаивал на уступке Новгорода, Пскова, Полоцка, Смоленска, Вязьмы, Новгорода-Северского. Несмотря на явную нереальность осуществления этих требований при тогдашних обстоятельствах, они все же обнаруживали основные направления политических устремлений правящих кругов Литвы и Русского государства, раскрывали претензии каждой из борющихся сторон на политическую гегемонию в Восточной Европе (см. Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 128).

¹⁶⁷ J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 294—300.

¹⁶⁸ «Historia polityczna...», t. II, str. 81. — В ноябре 1563 г. был созван новый сейм, продолжавшийся до апреля 1564 г. На нем был открыто поставлен вопрос об унии Польши с Литвой (*ibid.*, str. 112—113; J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 302—306).

¹⁶⁹ Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, № 179, 180, 199; L. Kolanowski, *Problem...*, str. 298; Л. А. Дербов, *Борьба...*, стр. 174.

дипломатические средства. Его послы продолжали хлопоты в Крыму и Прибалтике. Так, Афанасий Нагой, находившийся в Крымском ханстве с мая—июня 1563 г., пытался нейтрализовать союзника Сигизмунда¹⁷⁰, и в январе 1564 г. ему даже удалось заключить с Девлет-Гиреем договор о мире¹⁷¹. Правда, этот договор не сразу создал перелом в крымско-московских отношениях: крымские феодалы не выполняли соглашения, продолжая осуществлять враждебную Москве политику¹⁷².

В этом не было ничего удивительного: Россия, овладевшая Поволжьем, частью Ливонии, Полоцком, казалась Крыму более сильным государством, чем Польша и Литва. Этого соотношения сил не изменили и отдельные довольно крупные поражения русских армий (при р. Уле 26 января 1564 г., под Оршей 2 июня)¹⁷³. Поэтому в сентябре—октябре 1564 г., т. е. именно тогда, когда литовско-польские войска пытались вернуть Полоцк, крымский хан Девлет-Гирей выступил с большим войском против Московского государства¹⁷⁴. Однако ни татарам, ни польско-литовским войскам не удалось добиться важных стратегических результатов. Девлет-Гирей, разорив Рязань, вернулся в Крым, а отряды Сигизмунда вынуждены были оставить мысль об овладении Полоцком. Более того, в ноябре русские войска, перейдя в контрнаступление, овладели важной крепостью на Витебщине — Озерищем¹⁷⁵.

Хорошо известно, что кровопролитные столкновения между русскими и литовскими войсками в эти годы сопровождались острой внутривосточной борьбой как в Русском¹⁷⁶,

¹⁷⁰ Вскоре после взятия Полоцка, 29 апреля 1563 г., Иван IV «послал в Крым к Девлет-Кирею царю Офонасия Федоровича Нагово с сеунчомъ Полотцким!... а послал ко царю... Полотцские помиики, жеребцы Литовские в седлах Литовских, и ошеники и узды, у всего наряд серебряной» (ПСРЛ, т. 13, стр. 366, 369—370). Целью миссии Нагого было установление мирных отношений с Крымом: «...будет Девлет-Кирей царь похочет со царем и великим князем в братстве и в любви быти... и царь и великий князь Офонасию Нагому на том делати велел посолским обычаем» (там же, стр. 366).

¹⁷¹ А. А. Новосельский, *Борьба...*, стр. 21. — В «крымских делах» сохранилась присяга Ивана IV от 9 марта 1564 г. по поводу соблюдения договора (см. «Известия Таврической ученой комиссии», Симферополь, 1895, № 27, стр. 35—38).

¹⁷² А. А. Новосельский, *Борьба...*, стр. 21.

¹⁷³ J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 308; Л. А. Дербов, *Борьба...*, стр. 175—176.

¹⁷⁴ А. А. Новосельский, *Борьба...*, стр. 21. — В походе принимали участие татары Крыма, Белгородской орды, а также азовцы.

¹⁷⁵ «Historia polityczna...», t. II, str. 82; Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 103.

¹⁷⁶ См. статью М. Н. Тихомирова в «Вопросах истории» (1958, № 5), а также: Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 75—80.

так и в Польско-Литовском государстве¹⁷⁷. Естественно поэтому, что именно в середине 60-х годов обе стороны почувствовали необходимость в передышке. Мирные переговоры между Иваном и Сигизмундом возобновились в июне 1566 г., когда в Москву прибыли литовские послы Ходкевич, Тышкевич, Гарабурда.

Переговоры сосредоточились на тех же проблемах¹⁷⁸, что и в 1563 г., когда максимальные требования обеих сторон показали стремление Ивана IV и Сигизмунда II Августа к гегемонии в Восточной Европе. Важное место в переговорах заняла проблема будущей судьбы Ливонии¹⁷⁹. Польская сторона предложила план раздела таким образом, что Россия не получала выхода к морю (если не считать Нарвы). Этот проект польско-литовских дипломатов был отвергнут царем и собором.

В результате послы вынуждены были покинуть русскую столицу, не добившись никаких результатов. Такими же безрезультатными оказались и переговоры в феврале 1567 г., когда в Литву направились русские послы Ф. Колычев, Г. Нагой, В. Щелкалов.

Для того чтобы правильно оценить ход и результаты переговоров середины и конца 60-х годов, следует учитывать, что они сопровождались интенсивной дипломатической деятельностью польских и русских эмиссаров почти во всех странах Центральной Европы, Скандинавии и Крыма. Как известно, в 1566 г. Иван Грозный заключил со шведским королем Эриком соглашение, по которому передавал ему ряд важных центров Ливонии — Ревель, Пернов, Вейсенштейн¹⁸⁰. Естественно, что эта уступка обеспечивала на ряд лет определенную стабильность в русско-шведских отношениях. Тогда же Иван IV стал

¹⁷⁷ J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 294—300, 302—310; «Historia polityczna...», t. II, str. 104—113.

¹⁷⁸ «Сборник РИО», т. 71, стр. 369—370 и др.

¹⁷⁹ Под прикрытием этих переговоров обе стороны готовились решить судьбу Ливонии по-своему. Осенью 1566 г. Сигизмунд II Август приступил к реализации своего проекта. Он произвел важные перемены в управлении Ливонией, которые свидетельствовали о его намерении укрепить власть Польши над всеми Инфлянтами: вместо наместника Ливонии Кетлера «гетманом и администратором» этих территорий был назначен Ян Ходкевич. 26 декабря 1566 г. была подтверждена уния Ливонии с Литвой («Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края», т. III, стр. 158—161).

Примерно в то же время и несколько позднее развертывалась деятельность и Ивана Грозного, выдвинувшего план создания самостоятельного Ливонского королевства во главе с королем Магнусом (В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 42—47; H. Uebersberger, *Osterreich...*, S. 364—365).

¹⁸⁰ ПСРЛ, т. 13, стр. 407.

на путь сближения с Англией¹⁸¹, вызвав серьезное недовольство габсбургско-католического блока¹⁸².

Это недовольство имело еще и другие причины. Следует учесть, что Грозному удалось на ряд лет (1565—1568) оградить московские окраины от вторжения со стороны крымско-турецких сил¹⁸³. Это явилось, видимо, плодом напряженной дипломатической борьбы царя Ивана, результатом переговоров в Москве¹⁸⁴ и в Крыму. Именно в эти годы, когда, по общему выражению С. М. Соловьева, «послу Ивана IV предстояло тягаться с королем на крымском аукционе»¹⁸⁵, русское правительство пыталось нейтрализовать усилия польско-литовских дипломатов в Крыму и Турции. Русские послы постоянно подчеркивали, что в Прибалтике царь стремится к созданию самостоятельного королевства, что наступающей стороной является Сигизмунд. Усилия русских дипломатов, а также факт длительных переговоров о мире между Литвой и Москвой, свидетельствовавшие об установлении некоторого временного равновесия между этими двумя странами, начали было колебать «антимосковские» устои крымской политики.

Правда, это были именно «колебания», а не радикальная перемена¹⁸⁶. Тем не менее в течение двух-трех лет они прояв-

¹⁸¹ «Послания Ивана Грозного», стр. 499; Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 81, 84—96; В. Д. Корольюк, *Ливонская война*, стр. 67.

¹⁸² Виппер говорит об охлаждении отношений между Москвой и Габсбургами в это время (Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 82—83).

¹⁸³ В грамоте 1569 г. в Польшу султан Селим (см. Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, № 199) утверждал, что польский король просил еще его отца Сулеймана направить против Москвы крымцев или татар Добруджи. Однако просьба эта в течение 1564—1569 гг. не была выполнена. В 1565 г. Сулейман ограничился присылкой Сигизмунду письма, в котором сообщал о своем приказе крымскому хану оказывать в случае надобности вооруженную помощь Польше (*ibid.*, № 186). Но и эта декларация оставалась нереализованной вплоть до 1569—1571 гг.

¹⁸⁴ Н. А. Смирнов, *Россия...*, т. I, стр. 92.

¹⁸⁵ В. М. Соловьев, *История...*, т. VI, стр. 216.

¹⁸⁶ Русские источники, приводимые А. А. Новосельским, рисуют очень любопытную картину дискуссии в правящих кругах Крыма по вопросам, связанным с крымско-московскими отношениями. В этой дискуссии, происходившей в 1564 г., часть мурз высказывалась за установление мира с московским государем, другие мурзы, особенно представители казанских феодалов, выступали против этого предложения, приводя интересные аргументы. Они настаивали на том, чтобы «короля не выдавать», а с царем не мириться, потому что он «дороден и славен», захватил Казань и Астрахань и города у немцев, взял Полоцк, «осилил» черкас, Большие ногаи его «слушают». Царь ставит города на Дону, строит суда на Псле и Днепре и хочет посылать своих ратных людей Доном на Азов, а Днепром на Крым. Без помощи Крыма король не выстоит против него и одного года. А если король окажется побежден, то это будет опасно для Крыма (А. А. Новосельский, *Борьба...*, стр. 20).

лялись довольно заметно. В 1566—1568 гг. татары даже предприняли небольшие походы на территорию Польско-Литовского государства¹⁸⁷. В эти годы крымские дипломаты в переговорах с московскими послами настаивали на присылке большой казны хану, а также, что особенно любопытно, на активизации борьбы против Польши и Литвы, на отказе царя от заключения мира с польским королем¹⁸⁸.

Совершенно естественно, что временное прекращение активной борьбы против Крыма, сближение Ивана со Швецией и Англией не могло вызвать одобрения габсбургско-римской дипломатии, терпевшей как раз в это время удары и со стороны Турции (осада Сегета 1566 г.)¹⁸⁹, и со стороны протестантских государств Северной Европы. Раздражение Рима и Вены усилилось, когда в 1566 г. на непосредственное обращение императора Максимилиана II (1564—1576) к Руси выступить против Крыма и Турции и поддержать таким образом Империю Иван Грозный ответил по существу отказом. Он «согласился» оказать помощь только при условии выполнения двух его требований: 1) чтобы ливонцы перестали ему «несправедливо противоборствовать», 2) чтобы польский король не беспокоил его несправедливыми и беспрерывными войнами¹⁹⁰.

Такая позиция Ивана IV повлекла за собой, по-видимому, какие-то важные сдвиги в отношениях между Габсбургами и Сигизмундом II Августом. Изменения произошли и в отношениях Империи с султанской Турцией. Во всяком случае бесспорным является факт заключения в 1568 г. Максимилианом II мира с новым турецким султаном Селимом¹⁹¹, а позднее одобрение Габсбургами акта Люблинской унии¹⁹².

¹⁸⁷ «Historia polityczna...», t. II, str. 75; Z. Abrahamowicz, *Katalog...* № 190; L. Kołankowski, *Problem...*, str. 298.

¹⁸⁸ А. А. Новосельский, *Борьба...*, стр. 23; ПСРЛ, т. 13, стр. 406.

¹⁸⁹ M. Ritter, *Deutsche Geschichte...*, Bd I, S. 290—291; H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 359.

¹⁹⁰ «Послания Ивана Грозного», стр. 492; H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 359, 361.

¹⁹¹ M. Ritter, *Deutsche Geschichte...*, Bd I, S. 292. — Паевский приводит любопытные высказывания турецкого посла Ибрагим-бея, приехавшего в Варшаву на Люблинский сейм, который в разговорах с австрийскими послами заявил: «император может быть вполне уверен в том, что с турецкой стороны договор будет точно выполняться и что султан не позволит никому бороться с императором» (J. Rajewski, *Węgierska polityka...*, str. 222, 227).

¹⁹² J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 318—324. — Юберсбергер попросту объясняет поведение в Польше в 1565—1569 гг. габсбургских дипломатов Андрея Дудича, епископа Вильгельма Оломоутского, Иоханна Берихарда Мальтцапа, аббата Цира и других их непригодностью и непониманием серьезности момента (H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 383—386).

Не случайно именно в это время польские феодалы, воспользовавшись благоприятной международной обстановкой, а также военными и политическими трудностями Литовского княжества, сравнительно легко добились на Люблинском сейме 1569 г. превращения Польши и Литвы в один государственный организм¹⁹³. Это событие имело огромное значение для дальнейшего внутривосточного развития многонациональной магнатско-шляхетской Речи Посполитой, так как уния, сопровождавшаяся передачей украинских земель польским феодалам, явилась одним из важнейших этапов усиления феодальной эксплуатации, ополчания и окатоличивания украинско-белорусского населения Речи Посполитой. Заключение Люблинской унии имело большие последствия и международного порядка, создав новую расстановку сил в Восточной Европе. В результате унии Речь Посполитая стала более сильным государством, с которым еще в большей мере должны были считаться ее соседи¹⁹⁴.

* *
*

Таким образом, международная обстановка, сложившаяся в конце 60-х — начале 70-х годов, вновь оказывалась явно неблагоприятной для Русского государства. Внешнеполитическое положение Московской Руси осложнилось еще и тем, что в Швеции в 1568 г. пришел к власти давний враг Грозного — Юхан III, женатый на бывшей «невесте» царя Екатерине Ягеллон. Новый шведский король сразу стал добиваться примирения с Данией (1569 г.), имея в виду бросить все силы на борьбу с Иваном IV в Прибалтике¹⁹⁵. Между тем Речь Посполитая продолжала попытки укрепиться в Ливонии¹⁹⁶, установила тесные контакты с Бахчисараем и Константинополем.

¹⁹³ «История Польши», т. I, М., 1954, стр. 178—180; «Historia polityczna...», t. II, str. 110—117; И. И. Лаппо, *Великое княжество Литовское от Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586)*, СПб., 1901, стр. 1—85.

¹⁹⁴ Большое международное значение заключения унии было очевидно уже многим современникам. Так, Матвей Стрыйковский, говоря о международном резонансе этого события, сообщает о том, что на Люблинском сейме присутствовали кардинал Гозий, папский легат Портико, послы Империи, Швеции, Турции, Московской Руси и т. д. (М. О. Strykowski, *Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkich Rusi*, t. II, Warszawa, 1846, str. 418).

¹⁹⁵ Н. Uebersberger, *Österreich...*, S. 364; «Historia polityczna...», t. II, str. 91; Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 93, 130.

¹⁹⁶ «Historia polityczna...», t. II, str. 91.

В 1568 г. польский король заключил союз с султанской Турцией¹⁹⁷ и тогда же вел переговоры с Девлет-Гиреем об осуществлении совместного выступления против Москвы, подготавливая для этой цели чуть ли не 100-тысячную армию¹⁹⁸.

Явное усиление Речи Посполитой, поддерживавшей связи с Крымом и Портой, отсутствие контактов с Габсбургами и Римом, грозная перспектива новой волны крымско-турецкой агрессии и вероятность атак нового шведского короля в Ливонии — все это толкало царя Ивана IV на путь поисков новых союзников, новых внешнеполитических комбинаций и соглашений. В 1569—1570 гг. Грозный вел сугубо секретные переговоры с английской королевой Елизаветой по поводу заключения союза, направленного против Польско-Литовского государства¹⁹⁹. Не добившись цели, Иван решил пойти на некоторые уступки Сигизмунду II Августу: в 1570 г. он заключил трехлетнее перемирие с королем на условиях сохранения фактически занятых территорий²⁰⁰, что имело определенное значение в деле предотвращения намечавшегося военного сотрудничества Польши и Турции²⁰¹.

Другой областью дипломатической активности Грозного в это время была сфера сношений с Данией²⁰², в союзе с которой царь стремился возобновить борьбу в Прибалтике. Именно в 1569 г. Таубе и Краузе, действуя по поручению Ивана IV, стали вести переговоры с братом датского короля Магнусом, находившимся тогда в Ливонии в качестве епископа Эзельского²⁰³ и стремившимся укрепиться там. Прямым результатом этих переговоров было то, что Магнус, не добившись поддержки Сигизмунда, направился в начале 1570 г. в Москву²⁰⁴.

¹⁹⁷ Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, № 182, 197, 199, 200.

¹⁹⁸ В. Д. Королюк, *Ливонская война*, стр. 69. — Турецкий султан Селим в письме к Сигизмунду II Августу (29 марта — 7 апреля 1569 г.) не только сообщал о намерении осуществить захват Астрахани силами крымских и турецких войск, но и приглашал польского короля одновременно выступить против Москвы. Для переговоров к королю был послан турецкий посол Ибрагим (Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, № 199; J. Pajewski, *Węgierska polityka...*, str. 222).

¹⁹⁹ С. М. Соловьев, *История...*, т. VI, стр. 292—294; «Акты исторические, издаваемые А. И. Тургеневым», т. II, СПб., 1842, стр. 366—378.

²⁰⁰ «Сборник РИО», т. 71, стр. 432; «Historia polityczna...», t. II, str. 84.

²⁰¹ Н. А. Смирнов, *Россия...*, т. I, стр. 98—99, 109; Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, № 197, 199.

²⁰² Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 193; «Послание И. Таубе и Э. Краузе», — «Русский исторический журнал», 1922, № 8, стр. 29—59.

²⁰³ H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 364.

²⁰⁴ «Historia polityczna...», t. II, str. 92, 93. — Сигизмунд скорее ориентировался тогда на своего родственника по жене Юхана III.

где был подчеркнута хорошо принят, провозглашен королем Ливонии и обручен с царской племянницей Марией, дочерью Владимира Старицкого²⁰⁵. Выполняя соглашение, заключенное с Грозным, «король» Магнус уже в августе 1570 г. во главе большого войска двинулся в Эстонию, находившуюся тогда под формальным верховенством императора, но фактически контролировавшуюся Швецией и частично Данией. Вооруженные силы Магнуса и Ивана IV вскоре начали планомерную осаду Ревеля, продолжавшуюся безрезультатно в течение нескольких месяцев (до 16 марта 1571 г.). Дальнейшие наступательные операции Грозного в Прибалтике затруднило вторжение крымско-турецких войск на южные территории Русского государства.

В 1569 г. состоялся знаменитый астраханский поход турецких войск²⁰⁶. Однако, несмотря на тщательную подготовку нападения, относительную слабость русского гарнизона в Астрахани и небольшие размеры посланного к Дону русского подкрепления под командой князя Серебряного²⁰⁷, экспедиция кончилась полным провалом для Турции²⁰⁸, не дав сколько-нибудь значительных результатов противникам Русского государства. Тем не менее неудача не обескуражила Селима и Девлет-Гирея. В 1570 г. крымцы предприняли новую экспедицию в рязанские и каширские земли, а в 1571 г. совершили грандиозный поход непосредственно на Москву, в результате которого русская столица была сожжена²⁰⁹. В 1572 г. Девлет-Гирей опять пришел с войсками на Оку, но встретил здесь сокрушительный отпор армии Воротынского. В 1573 г. крымские царевичи снова нападали на Рязанщину²¹⁰, стремясь соединиться с поднявшими мятеж казанскими феодалами²¹¹.

Военная активность Крыма и Порты 1569—1572 гг. проявлялась не стихийно, это была целеустремленная экспансия, осуществлявшая широко задуманные, далеко идущие планы. О крымско-турецких замыслах подробно сообщает Г. Штаден.

²⁰⁵ М. Н. Тихомиров, *Малоизвестные...*, стр. 92.

²⁰⁶ J. Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd II, Pest, 1835, S. 377—378; П. А. Садиков, *Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г.*, — «Исторические записки», т. 22, М., 1947; Е. Н. Кушева, *Политика...*, стр. 281—283.

²⁰⁷ Н. А. Смирнов, *Россия...*, т. I, стр. 94—98, 109.

²⁰⁸ Там же, стр. 103—104, 106—115.

²⁰⁹ М. О. Strykowski, *Kronika...*, t. II, str. 419; Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 108, 114—117; С. В. Бахрушин, *Иван Грозный*, стр. 67.

²¹⁰ Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 115—116; П. А. Садиков, *Очерки...*, стр. 38—39; А. А. Новосельский, *Борьба...*, стр. 28.

²¹¹ Д. Флетчер, *О государстве русском*, СПб., 1906, стр. 75—76; И. Масса, *Краткие известия о Московии в начале XVII в.*, М., 1936, стр. 27.

придерживавшийся габсбургской ориентации, но в то же время близкий к московским правительственным кругам и располагавший поэтому надежной информацией. Если во время похода 1571 г. Девлет-Гирей требовал передачи Астрахани и Казани, то в 1572 г. речь шла, по словам Штадена, о подчинении Порте и Крыму всего Московского государства, о восстановлении татарского ига над русскими землями. Штаден писал: «Города и уезды Русской земли все уже были расписаны и разделены между мурзами, бывшими при крымском царе... При крымском царе было несколько знатных турок, которые должны были наблюдать за этим; они были посланы турецким султаном по желанию крымского царя. Крымский царь похвалялся перед турецким султаном, что он возьмет всю Русскую землю в течение года, великого князя пленником уведет в Крым и своими мурзами займет Русскую землю... Он дал своим купцам и многим другим грамоту, чтобы ездили они со своими товарами в Казань и Астрахань и торговали там беспошлинно, ибо он царь и государь всея Руси»²¹².

Международная обстановка, сложившаяся в это время в Восточной и Центральной Европе, благоприятствовала реализации агрессивных планов крымско-турецкой дипломатии²¹³. По существу в эти годы Московское государство оказалось изолированным, и наступательные акции Крыма и Порты осуществлялись при сочувствии и поддержке Речи Посполитой и Швеции. По-видимому, речь шла об организации грандиозной антимосковской коалиции, в которой главную роль должны были играть Турция и Крым, с одной стороны, Польшо-Ли-

²¹² Г. Штаден, *О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника*, Л., 1925, стр. 111—112. — Сведения Штадена находят подтверждение и в русских источниках: «И улицы на Москве расписали, коемуждо мурзе коя улица» (Н. М. Карамзин, *История государства Российского*, т. IX, СПб., 1843, стр. 119).

²¹³ О грандиозности и решительности крымско-турецких замыслов того времени в отношении Московской Руси сообщают многие источники. Используя турецкого автора Пичеви, об этих замыслах писал Хаммер (J. Hammer, *Geschichte...*, Bd II, S. 377—378). О них говорил голландский посол в Москве Исаак Масса, сообщивший о факте присылки султаном Селимом Грозному грамоты, в которой называл царя своим «конюшим» (И. Масса, *Краткие известия...*, стр. 27). О крымско-турецких планах упоминается и в кн.: А. Лызлов, *Скифская история*, СПб., 1787. Аналогичные сведения сообщает Абрахамович, воспроизводя содержание некоторых грамот Селима в Польшу (Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, № 197, 199). Наиболее полным источником по этому вопросу являются донесения Афанасия Нагого и Новосильцева. Крымский пленник Семен Мальзов, хорошо информированный о крымско-турецких планах в отношении Москвы, сообщил Нагому 21 ноября 1570 г., что из Азова турки весной собираются идти на Москву и что у них «реки и дороги город Москва и посад Коломна вычерчены» (Н. А. Смирнов, *Россия...*, т. I, стр. 108, 115).

товское государство и Швеция — с другой. Программа коалиции предусматривала наступление на Русское государство с запада, юга и востока. О широте задуманного плана говорили некоторые мелкие факты. Так, важным симптомом изменения расстановки сил на юге явился переход на сторону крымского хана кабардинского князя Темрюка, отца умершей уже тогда жены Грозного — Марии²¹⁴.

Реставрация Астраханского и Казанского ханств должна была стать лишь началом осуществления широких замыслов противников Москвы. Поэтому вряд ли может быть принята существующая в исторической литературе точка зрения, рассматривающая астраханскую экспедицию Селима в качестве изолированного от Крыма военного мероприятия. Турции²¹⁵ и трактуемая крымские походы 1570—1572 гг. как кампании, осуществлявшиеся в интересах только Крыма и вопреки воле турецкого султана²¹⁶. По существу операции турецких войск на Волге и набеги крымцев на Москву были частями одного стратегического плана. Значительное количество фактов²¹⁷ позволяет видеть в крымско-турецкой экспансии 1569—1572 гг. не проявление соперничества между Константинополем и Бахчисараем, а осуществление своеобразного сотруд-

²¹⁴ Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 117; Е. Н. Кушева, *Политика...*, стр. 284.

²¹⁵ Н. М. Карамзин, *История...*, т. IX, стр. 76—77; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVI в.*, СПб., 1887, стр. 433. — Неодобрительные высказывания Девлет-Гирея о походе, сделанные в присутствии русских послов (А. А. Новосельский, *Борьба...*, стр. 24—27), могли быть выражением его субъективных настроений, но объективно ничего не меняли: крымские феодалы активно участвовали в астраханской экспедиции. Судя по всему, высказывания Девлет-Гирея были маскировкой перед московскими дипломатами факта деятельного участия татар в этом походе. Косвенным подтверждением этого могут служить переговоры русского посла Новосильцева в Константинополе (1570 г.), во время которых ему внушали мысль, что султан Сулейман был противником распространения турецкой власти на Астрахань и Казань и сторонником традиционной дружбы с Москвой. Фантастичность этих утверждений указывает на сознательное стремление турецкой дипломатии дезориентировать русское правительство и заставляет усомниться в искренности высказываний Девлет-Гирея в 1569 г. Современный этим событиям иранский источник утверждает, что походы Крыма совершались по указанию султана и что никаких разногласий между ханом и султаном по этому вопросу не было (Е. Н. Кушева, *Политика...*, стр. 285). Об этом говорят и материалы, собранные Абрахамовичем (Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, № 199, 208, 210, 212, 218). Н. А. Смирнов подчеркивает, что в 1570—1572 гг. именно «турки... организуют ряд набегов крымского хана и азовского гарнизона на русские земли» (Н. А. Смирнов, *Россия...*, т. I, стр. 115).

²¹⁶ С. В. Бахрушин, *Иван Грозный*, стр. 67

²¹⁷ Н. А. Смирнов, *Россия...*, т. I, стр. 106—115.

ничества, реализацию политики «рационального разделения труда», при которой Крым и Порта не только выступали в роли фланговой защиты по отношению друг к другу, но и добивались необходимого им распыления сил Московского государства.

По-видимому, это хорошо понимал Иван Грозный, осуществляя оборонительные мероприятия на всем протяжении южных рубежей Русского государства. Исходя из существования одновременной угрозы со стороны Крыма на Оке и Порты на Дону, Северном Кавказе и Южной Волге²¹⁸, русское правительство вынуждено было усиливать гарнизоны в Астрахани, поощрять донское казачество и организовывать все более планомерную оборону южных границ. С 1569 г. размещение полков «на берегу» стало постоянным и обязательным; с 1572 г. установился следующий порядок дислокации войск: большой полк — в Серпухове, полк правой руки — в Тарусе (или Алексине), передовой — в Калуге, сторожевой — в Коломне, левой руки — в Кашире²¹⁹.

Организуя оборону южных границ Русского государства от крымско-турецких вторжений на Волге и Оке, Иван Грозный в то же время не прекращал попыток нейтрализовать Крым и Порта дипломатическими методами. В Крыму, как известно, продолжал находиться Афанасий Нагой, в Константинополь 24 января 1571 г. был послан Новосильцев²²⁰, чтобы заверить турецкого султана в том, что мусульманское население в Московском государстве не испытывает никаких притеснений, и предложить Селиму II политический союз, направленный против цесаря, королей польского, чешского, французского и всех итальянских государей²²¹. Однако эти смелые предложения, по-видимому, не дали ощутимых результатов. Несмотря на сравнительно вежливый прием Новосильцева и Кузьминского²²², султанская Турция продолжала толкать Крым на территории Московского государства, по-прежнему настаивала на «возвращении» Порте Казани и Астрахани, требовала подчинения Москвы Константинополю²²³.

²¹⁸ Г. И. Кушева, *Политика...*, стр. 259, 275, 281; А. А. Новосельский, *Борьба...*, стр. 35, 41.

²¹⁹ А. А. Новосельский, *Борьба...*, стр. 43.

²²⁰ Их деятельность в Крыму и Константинополе получила отражение в сохранившихся статейных списках (ЦГАДА, Крымские дела, № 13; Турецкие дела, Посольская книга, № 2).

²²¹ Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 129; Н. А. Смирнов, *Россия*, т. I, стр. 123.

²²² Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 129.

²²³ Н. М. Карамзин, *История...*, т. IX, стр. 118—119; Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 129.

Естественно, что в условиях напряженной борьбы с крымско-турецкими силами на юге Иван IV вынужден был сократить размах операций, начатых им в Прибалтике. Уже в марте 1571 г. пришлось отказаться от осады Ревеля и пойти на ряд других уступок²²⁴. Хотя и тяжелой ценой, но Русское государство все же нашло силы не допустить полного осуществления программы крымско-турецких захватчиков, отстоять свои государственные рубежи на юго-востоке. Крах планов завоевания Московской Руси заставил крымско-турецких политиков, рассчитывавших противопоставить значительно ослабленной Москве окрепшую после Люблинской унии Речь Посполитую, более трезво оценивать сложившуюся к тому времени обстановку в Восточной Европе. Этому отрезвлению содействовал и разгром турецкого флота кораблями Испании, Венеции, Италии 7 октября 1571 г. у Лепанто²²⁵.

Все это вынуждало крымско-турецкую дипломатию менять линию своей внешней политики в Восточной Европе, находить новые формы поддержания того равновесия, которого традиционно добивались Константинополь и Бахчисарай. Однако реализация новых веяний в крымско-турецкой политике была осложнена смертью короля Сигизмунда II Августа (12 июля 1572 г.). Это событие, сделавшее польский престол вакантным, выдвинуло перед всеми соседями Речи Посполитой в качестве первоочередной задачи активное участие в элекционной борьбе.

5. Элекционная борьба в Речи Посполитой и политические взаимоотношения Москвы, Вены, Рима и Константинополя в 1573—1576 гг.

Наступившее летом 1572 г. бескорольевье в Речи Посполитой явилось весьма важным событием в политической жизни Польско-Литовского государства и всех остальных стран Восточной Европы, ознаменовав собой наступление периода острой политической борьбы. Вопрос о том, кто займет польский престол, не был безразличным для соседей Речи Посполитой. Не удивительно поэтому, что борьба за польскую корону сразу превратилась в одну из центральных проблем тогдашней международной жизни.

Допустив усиление Речи Посполитой во время Люблинско-

²²⁴ Г. В. Форстен, *Балтийский вопрос...*, т. I. *Борьба из-за Ливонии*, СПб., 1893, стр. 579; В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 42—43.

²²⁵ N. Jorga, *Geschichte...*, Bd III, S. 145—152.

го сейма 1569 г., крымско-турецкая дипломатия не могла, разумеется, приветствовать появление на польском престоле представителей Рюриковичей или Габсбургов²²⁶. Между тем Габсбурги и Иван Грозный стремились помешать избранию польским королем протурецкого кандидата²²⁷, стараясь в той или иной форме обеспечить установление своего влияния в Польше и Литве. На почве борьбы за польскую корону произошло новое сближение между Веной и Москвой²²⁸.

Крымско-турецкая активность на южных рубежах Московского государства 1569—1571 гг., вынужденный уход войск Магнуса и Ивана IV из-под Ревеля в марте 1571 г., враждебные отношения с Речью Посполитой, продолжавшиеся, несмотря на трехлетнее перемирие 1570 г.²²⁹, — все это ставило перед московским правительством задачу восстановления сотрудничества с Габсбургами. Со своей стороны, и Империя, находившаяся в крайне напряженных отношениях с Портой и Францией, обеспокоенная усилением Речи Посполитой после Люблинской унии и политикой Сигизмунда II Августа в Венгрии и Прибалтике, также постепенно становилась на путь поисков сближения с Иваном Грозным, хотя действия последнего в Ливонии сильно тревожили венский двор²³⁰.

Хорошо известно, что в Империи Габсбургов в это время существовали как «антимосковские», так и «промосковские» настроения. Отражением первых было представленное в 1570 г. рейхстагу сочинение анонимного автора, в котором московская политика в Ливонии характеризовалась в резко отрицательных тонах, подчеркивалось, что Иван IV «страшнее султана»²³¹. Почти одновременно создавались политические

²²⁶ Еще при жизни Сигизмунда II Августа (в 1570—1571 гг.) Порта совместно с Францией начала борьбу за польский престол. Везир Мухамед Соколи выдвигал кандидатуру уже упоминавшегося семиградского князя Яна Сигизмунда (Стефана) Заполья, пытаясь одновременно устроить брак этого родственника Ягеллонов с сестрой французского короля. Только неожиданная смерть Яна Заполья (2 марта 1571 г.) разрушила все эти планы (N. Jorga, *Geschichte...*, Bd III, S. 148; H. Uebersberger, *Osterreich...*, S. 386; Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 434; Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, № 210).

²²⁷ А. Трачевский, *Польское бескорольеве по прекращении династии Ягеллонов*, М., 1869, стр. 183—184, 261—268.

²²⁸ Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 139—140; H. Uebersberger, *Osterreich...*, S. 306—307, 371.

²²⁹ В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 1—6.

²³⁰ H. Uebersberger, *Osterreich...*, S. 406.

²³¹ Сочинение это носило название: «О страшном вреде и великой опасности для всего христианства, а в особенности Германской Империи и всех прилегающих королевств и земель, как скоро москвит утвердится в Ливонии и на Балтийском море» (Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 82).

документы диаметрально противоположного содержания. Баварцы Фейт Зенг и Либенауер в своих сочинениях 1570 г. обосновывали необходимость и целесообразность сближения с Москвой, установления общего фронта борьбы против Турции²³².

В существовании этих двух взаимоисключающих тенденций, по-видимому, можно было усмотреть наличие колебаний внутри самой правящей верхушки Империи, колебаний, связанных с выбором одного из двух возможных путей имперской внешней политики. Оставаясь в любом случае противниками Порты и Франции, Габсбурги должны были либо идти на врага вместе с Польско-Литовским государством, допуская при этом переход под контроль польского короля значительной части Ливонии²³³, либо заключить антитурецкий союз с Москвой, неизбежно санкционируя тем самым проникновение политического влияния Ивана IV в Прибалтику²³⁴.

Но добиться вступления Сигизмунда II Августа в антитурецкую коалицию оказалось делом крайне сложным, если не безнадежным²³⁵, хотя попытки такого рода предпринимались вплоть до 1571—1572 гг., когда в Варшаву с этой целью были направлены сначала Бертольд из Лины, потом Прошковский, а также нунций Коммендоне²³⁶. Правда, в это время речь шла уже не только об участии Речи Посполитой в борьбе с турками, но и о провозглашении кого-либо из Габсбургов (Максимилиана или Эрнста) официальным наследником Сигизмунда²³⁷. Однако и на этот раз представителей Вены ждала неудача. Глава Польско-Литовского государства слишком проч-

²³² Н. Uebersberger, *Österreich...*, S. 304—307; Г. В. Форстен, *Балтийский вопрос...*, стр. 465—477; Г. В. Форстен, *Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI—XVII столетиях*, — «Записки историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета», т. XXI, 1889, № 31, стр. 35—45; «Материалы по истории СССР», т. II, М., 1955, стр. 257—267.

²³³ Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 411; «Historia polityczna...», t. II, str. 93. — Заинтересованность Габсбургов в сохранении прав на Ливонию была зафиксирована шведско-датским договором, заключенным на Штеттинском конгрессе 1570 г. В силу этого договора император становился формальным главой Ливонии (Н. Uebersberger, *Österreich...*, S. 366—367).

²³⁴ Польская дипломатия особенно подчеркивала последнее обстоятельство, стараясь предотвратить сближение Грозного с Габсбургами (Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 413—415). В этой связи интересна книга Альберта Шлихтинга, находившегося некоторое время на московской службе, эмигрировавшего в Польшу и написавшего там по заданию Сигизмунда тенденциозное сочинение «О Московии».

²³⁵ Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 411.

²³⁶ «Historia polityczna...», t. II, str. 129.

²³⁷ Ibid.

но был связан с Крымом и Портой (в частности, по линии общих планов в Венгрии и Московской Руси)²³⁸, чтобы надежда переориентировать его на иной путь политики была сколько-нибудь реальной.

Таким образом, невозможность добиться взаимопонимания с Речью Посполитой все более настойчиво ставила перед Венной вопрос о необходимости сближения с Иваном IV. В течение 1560—1571 гг. имело место несколько попыток установить более тесное политическое сотрудничество между двумя государствами. Характерно, что поиски путей сближения, почти одновременно предпринятые и Венной, и Москвой, осуществлялись в форме секретных «разведывательных» переговоров, дававших в руки обоих правительств нужные сведения, но в то же время не сковывавших официальную внешнеполитическую деятельность как Ивана Грозного, так и Максимилиана Габсбурга.

В исторической науке уже обращено внимание на факт переговоров 1569—1570 гг. Курбского с аббатом Циром по поводу заключения антитурецкого союза между Венной и Москвой. Правда, этот факт обычно рассматривают в плане установления контактов эмигрантских кругов русского боярства с Габсбургами²³⁹. Однако представляется, что переговоры лидера московских эмигрантов с тайным агентом императора имели более широкое значение, далеко выходя за рамки частных сношений. Конечно, трудно предположить, что в 1569—1570 гг. между Грозным и Курбским произошло полное примирение, были забыты все разногласия и князь Андрей стал обычным дипломатическим чиновником московского царя. Против этого говорит хотя бы послание Грозного Курбскому, написанное в 1577 г.²⁴⁰ И тем не менее ряд обстоятельств позволяет думать, что переговоры Курбского с Циром, явившиеся важной вехой в развитии политических отношений русской дипломатии с Габсбургами, представляли собой событие, хотя и необыч-

²³⁸ Русский посол Новосильцев, побывавший в Константинополе в 1570 г., подчеркивал в своем статейном списке: «с Литовским (королем. — И. Г.) Турской (султан. — И. Г.) в дружбе... был при Иване (Новосильцеве. — И. Г.) Литовский посланник, а приезжал... с поминки... с Угорским (королем Яном Сигизмундом Заполья. — И. Г.) Турской в дружбе» («Путешествия русских послов в XVI—XVII вв.», М. — Л., 1954, стр. 86—87). См. также Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, № 218, 219.

²³⁹ Я. С. Лурье, *Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А. И. Курбским*, — «Археографический ежегодник», 1957, стр. 451—466. — Юберсбергер говорит, что в 1569 г. симпатии Курбского, несмотря на его личную неприязнь к Ивану IV, находились на стороне Русского государства, оказавшегося перед прямой угрозой крымско-турецкого вторжения (H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 397).

²⁴⁰ «Послания Ивана Грозного», стр. 208—211, 384—385.

ным образом, но санкционированное московским правительством.

Рассматриваемые годы, по-видимому, снова потребовали от Ивана IV применения особых форм дипломатии. Дело в том, что борьба против яростного натиска Крыма и Порты на юге подсказывала необходимость сближения Москвы с Веной²⁴¹, но одновременные операции Грозного и Магнуса в «габсбургской провинции» Ливонии отнюдь не способствовали этому, а смелая миссия Новосильцева в Константинополе, носившая отчасти антигабсбургский характер, требовала тщательной маскировки переговоров с Империей²⁴². Все эти обстоятельства заставили Грозного остановить свой выбор на таком «дипломате», который, во-первых, сумел бы выполнить намеченный план и, во-вторых, легко мог быть дезавуирован в случае провала всего замысла. Князь Андрей Курбский, вероятно, и оказался именно таким дипломатом. Подобно Шлитте и Штейнбергу, он формально выступал в качестве самостоятельного лица, «самозванца», несущего личную ответственность за свое поведение, но по существу действовал в рамках политической программы Грозного.

В пользу такой трактовки переговоров Курбского с Циром говорит прежде всего то обстоятельство, что стратегические предложения князя Габсбургам совпадали с тогдашними политическими установками Грозного в отношении Вены²⁴³. О том же свидетельствует и поведение, с одной стороны, Курбского, а с другой — самого Ивана Грозного. В самом деле, беря на себя роль негласного посредника между Москвой и Веной и тем самым ставя на карту то относительное благополучие, которым он располагал в качестве «гостя» польско-литовского правительства, Курбский должен был, вероятно, ощущать поддержку мощных политических факторов. Этими факторами могли быть Габсбурги и Иван Грозный. Поскольку из донесений Цира видно, что для венского двора Курбский являлся человеком малознакомым, которого австрийский агент усиленно «навязывал» Максимилиану Габсбургу, остается сделать на первый взгляд парадоксальный вывод, что опорой Курбского в этом случае было прежде всего московское правительство. Такой вывод подтверждается всей совокупностью обстоятельств, связанных с ходом переговоров. Он объясняет

²⁴¹ Н. Uebersberger, *Oesterreich...*, S. 398, 406.

²⁴² Вслед за Новосильцевым в Константинополь был направлен Кузьминский (март 1571 г.), который прямо предложил заключить союз с Турцией против западных стран (С. М. Соловьев, *История...*, т. VI, стр. 222—223).

²⁴³ Я. С. Лурье, *Донесения агента...*, стр. 464.

и стремление Курбского изобразить свою политическую эмиграцию 1564 г. в качестве обычного феодального «отъезда»²⁴⁴ (это могло быть даже подготовкой к возвращению в Москву), и всестороннюю информированность князя о московской политике конца 60-х — начала 70-х годов²⁴⁵, и его неожиданную настойчивость в установлении тайных контактов с императором²⁴⁶.

Надо сказать также, что и в официальном поведении Грозного по отношению к Курбскому в 1569—1571 гг. наметились довольно существенные сдвиги. На это указывает инструкция русским послам И. М. Камбарову и Г. Ф. Мещерскому, находившимся в Польше в первой половине 1571 г.²⁴⁷ Если в предшествующие годы московские послы постоянно требовали выдачи царю беглеца Курбского²⁴⁸, то Камбарову и Мещерскому было предписано отвергнуть любые предложения такого рода, выдвинутые польско-литовской стороной. Характерен и проявившийся в инструкции особый интерес Грозного к факту опалы Курбского в Литве, пристальное внимание царя к причинам этого важного и показательного с его точки зрения явления политической жизни Великого княжества Литовского²⁴⁹.

Таким образом, переговоры Курбского с Циром 1569—1570 гг. нужно рассматривать как одну из первых попыток сближения между Москвой и Габсбургами. За ней последовал ряд других шагов, носивших также неофициальный, засекреченный характер и предпринимавшихся уже венским правительством. В числе неофициальных миссий австрийской дипломатии в Москву следует отметить состоявшиеся осенью 1571 г. две поездки уже упоминавшегося Фейт Зенга (в сентябре он сопровождал некоего немецкого ювелира, в декабре 1571 — январе 1572 г. был спутником какого-то загадочного врача из

²⁴⁴ Там же, стр. 459.

²⁴⁵ Там же, стр. 464—465. — Тексты донесений Цира говорят о том, что Курбский знал не только о ходе военных действий 1569 г. на южных рубежах Русского государства, но и о полусекретных дипломатических шагах Грозного в отношении Персии, в частности о посольстве от «астраханского царя» к персидскому шаху, возглавленном астраханским воеводой Долматом Федоровичем Карповым («Путешествия...», стр. 98).

²⁴⁶ В донесениях Цира (от 26.XI.1569 г., 7.I, 8.I, 31.III, 19.VI, 26.VI 1570 г.) подчеркивается, что Курбский активно добивался тайного свидания с Максимилианом Габсбургом (Я. С. Лурье, *Донесения агента...*, стр. 460—466).

²⁴⁷ «Сборник РИО», т. 71, стр. 763—807.

²⁴⁸ В этом отношении характерна инструкция Федору Мясоедову, отправленному из Москвы в январе 1569 г. («Сборник РИО», т. 71, стр. 593).

²⁴⁹ Там же, стр. 778.

Любска - Захария Фелинга²⁵⁰). Примером установления неофициальных контактов Вены с Москвой может служить и переписка «короля» Магнуса (укрывавшегося после снятия осады Ревеля на о. Эзель) с Иваном Грозным.

Естественно, что после того, как на Штеттинском мирном конгрессе 1570 г. были провозглашены верховные права императора на Ливонию²⁵¹, «король» Магнус, являвшийся вассалом Ивана IV, вынужден был одновременно считаться с политическими интересами Максимилиана II. Не случайно в 1572 г. он стал по воле императора «герцогом» Ливонии²⁵². Не удивительно поэтому, что именно Магнус сыграл роль связующего звена между Габсбургами и Рюриковичами, что именно он (неизвестно, по своей инициативе или по инициативе Вены) обратился к Грозному с письмом, в котором подчеркивал целесообразность сближения Москвы с Империей²⁵³. Иван IV в сентябре 1571 г. ответил Магнусу специальным посланием, содержащим одобрение идеи сближения и выражавшим готовность предоставить австрийским послам разрешение на въезд в Московское государство²⁵⁴. Этот ответ Грозного быстро стал известен в Вене и повлек за собой непосредственное обращение императора к московскому царю (письмо 20 ноября 1572 г.)²⁵⁵. Максимилиан даже начал консультации с курфюрстами по вопросу о финансировании будущего посольства и о характере самой миссии. Правда, предполагаемый обмен посольствами встретил возражение рейхстага, поскольку среди курфюрстов были протестанты. Однако характерно, что присутствовавшие на заседании рейхстага представители Ватикана Мороне и Дельфино выразили недовольство позицией протестантских курфюрстов, так как ожидали от переговоров с Москвой весьма важных результатов, в частности заключения религиозной унии и вступления Русского государства в антитурецкую коалицию²⁵⁶.

²⁵⁰ Н. Uebersberger, *Österreich...*, S. 306. — Захарий Фелинг на самом деле был не врачом, а юристом и дипломатом. Политические переговоры и позднее часто происходили с помощью купцов, ювелиров и т. д. (*ibid.*, S. 417 и. а.).

²⁵¹ «Historia polityczna...», t. II, str. 93.

²⁵² Н. Uebersberger, *Österreich...*, S. 365.

²⁵³ *Ibid.*, S. 368—369. — Посредником между «королем» Магнусом, царем и императором выступал ливонец Магнус Паули (*ibid.*, S. 369, 403—404; В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 19), которого Тарановский, польский посол в Москве (1573 г.), рассматривал в качестве посла императора (В. В. Новодворский, *Борьба...*, приложение, стр. 20).

²⁵⁴ Н. Uebersberger, *Österreich...*, S. 404, 406.

²⁵⁵ Письмо было передано через Магнуса Паули (Н. Uebersberger, *Österreich...*, S. 405).

²⁵⁶ *Ibid.*, S. 371; Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 426—427.

Все это указывало на то, что «промосковские» настроения в Вене и Риме становились все сильнее. Смерть Сигизмунда и начало элекционной борьбы в Речи Посполитой²⁵⁷ привели к установлению еще более тесного взаимопонимания между Империей и Московским государством²⁵⁸. В ходе этой борьбы Вена, настаивавшая на избрании польским королем выдвинутого еще в 1571 г. Эрнста Габсбурга²⁵⁹, и Москва, обсуждавшая в 1571—1573 гг. с панами Литвы и Польши возможность избрания на польский престол Ивана Грозного²⁶⁰, должны были объединиться против происков крымско-турецкой дипломатии, стремившейся утвердить в Польско-Литовском государстве свое влияние. Так, во время переговоров представителей Речи Посполитой с турецким правительством в Константинополе везирь Мухаммед Соколи предложил «неожиданную» кандидатуру на польский престол — князя Константина Острожского²⁶¹. Позднее это предложение было подкреплено планом объединения Молдавии, Валахии и Польско-Литовского государства²⁶². Если иметь в виду, что Придунайские княжества являлись по существу вассалами турецкого султана, то смысл проектов Соколи становится совершенно ясным. Правда, они остались неосуществленными в связи с выдвижением на польский престол французского кандидата Генриха Валуа, явившегося приемлемой фигурой и для Порты, выступавшей тогда в союзе с Францией.

Явно обозначившаяся таким образом перспектива утверждения в Речи Посполитой кандидатуры протурецкой и профранцузской ориентации содействовала быстрому сближению Максимилиана с Иваном IV. Хорошо понимая, какое направление будет иметь реальная политика «французского короле-

²⁵⁷ «Historia polityczna...», t. II, str. 124—130.

²⁵⁸ В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 16—17.

²⁵⁹ H. Uebersberger, *Osterreich...*, S. 403—408; «Historia polityczna...», t. II, str. 128—129.

²⁶⁰ В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 7—13, приложение, стр. 5—7. — Грозный проявил интерес к будущей судьбе польского престола уже в начале 1569 г., отправляя в Польшу посла Ф. Мясоедова («Сборник РИО», т. 71, стр. 593). В 1570 г. сами послы Речи Посполитой, приехав в Москву, говорили о возможности избрания в будущем Грозного на польский престол (там же, стр. 677). Русские послы Камбаров и Мещерский, побывавшие в Польше в 1571 г., должны были даже содействовать заключению брака сына Ивана IV с сестрой короля Софьей (там же, стр. 803).

²⁶¹ N. Jorga, *Geschichte...*, Bd III, S. 254. — В тесной связи с этим фактом находится и факт создания в 1573 г. Курбским «Истории о великом князе Московском». О датировке «Истории» см. ст. А. А. Зимина (ТОДРЛ, т. XVIII, М., 1962, стр. 306).

²⁶² «Historia polityczna...», t. II, str. 131—133; Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 421; N. Jorga, *Geschichte...*, Bd III, S. 254—256.

вича» в случае получения импольской короны²⁶³, Грозный и Максимилиан старались совместными усилиями если не предотвратить подобный исход дела, то по крайней мере установлением более тесного сотрудничества ослабить его политический эффект²⁶⁴. В это время Империя переходит от секретных контактов с Москвой к открытым официальным переговорам. Очень показательным было отправленное с Магнусом Паули письмо Максимилиана к Грозному, в котором не только осуждались французско-турецкие козни в Польше, но и намечалась программа совместной имперско-московской политики в польско-литовском вопросе²⁶⁵. В ответ на это обращение Иван Грозный послал 31 июля 1573 г. в Вену гонца Скобельцына с наказом поддерживать проект предоставления польской короны Габсбургам, а литовской — представителю московского правящего дома. Естественно, что при этом Скобельцын должен был поставить вопрос о заключении союза²⁶⁶.

Правда, несмотря на старания Грозного и ухищрения Габсбургов и Рима уже весной 1573 г. состоялось формальное избрание польским королем 23-летнего Генриха Анжуйского, брата французского короля Карла IX²⁶⁷. Но после бегства Валуа в 1574 г., когда в Речи Посполитой опять наступило бескорольевье и вновь началась напряженная борьба внутренних и внешних сил за будущую судьбу польской короны²⁶⁸, политика сближения с Москвой была продолжена Габсбургами.

²⁶³ Трезвое понимание обстановки, сложившейся в Речи Посполитой, Иван IV обнаружил в письме к литовским панам от 15 июня 1573 г. Так, Грозный утверждал, что «королевич французский» послан «как бы на розлитие крови всего христианства, занеже французский по турецкого солтана присылце будет с ним во дружбе, и в послушании к французскому (королю. — И. Г.) будучи у вас на государстве по турецкого солтана велению быти с ними и с цесарем в недружбе и то всему христианству будет по многому кровопролитию» (В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 16, приложение, стр. 10—11).

²⁶⁴ H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 403.

²⁶⁵ Ibid., S. 406—409.

²⁶⁶ Ibid., S. 415; С. М. Соловьев, *История...*, т. VI, стр. 251; В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 17. — Характерно, что отправке Скобельцына в Вену предшествовала тщательная подготовка. Еще в 1571 г. Грозный затребовал в Александрову слободу из Царского архива ящик, в котором находились имперские дела: «Ящик 19, в нем книга — посольства цесарей Максимьяна и Фердинанда... к великому князю Ивану и к великому князю Василию; и ответ великим князем и цесарем» («Описи царского архива XVI в.», М., 1960, стр. 19). Не удивительно, что в Вене Скобельцын предложил заключить с императором такой же союз, какой в свое время существовал между венским двором, с одной стороны, и Иваном III и Василием III — с другой (H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 413).

²⁶⁷ J. Szujski, *Dzieje Polski*, t. III, Lwów, 1864, str. 25—31.

²⁶⁸ «Historia polityczna...», t. II, str. 135—136.

Это диктовалось чрезвычайным осложнением международной обстановки. Политика Османской империи становилась в этот период все более активной. Турецкий флот, ослабленный поражением у Лепанто в 1571 г., был быстро восстановлен, вновь превратившись в грозную силу на Средиземном море²⁶⁹. В этих условиях Венеция предпочла заключить с Портой мирный договор (7 марта 1573 г.). Перспектива выхода из анти-турецкой коалиции встала и перед Испанией, вынужденной в 70-х годах вести напряженную борьбу с Англией²⁷⁰. Поддерживая политический контакт с Францией, Турция начала устанавливать связи с английской королевой Елизаветой, известной противницей Рима²⁷¹. Турецкая дипломатия самым настойчивым образом вмешивалась в борьбу за польский престол, пытаясь навязать Речи Посполитой кандидатуры то шведского короля, то кого-нибудь из Пястов, т. е. одного из видных представителей магнатских кругов, расположенных к Константинополю. Кроме того, Порта все более энергично выдвигала кандидатуру семиградского князя Стефана Батория²⁷².

Все это, несомненно, ухудшало внешнеполитическое положение Империи и Ватикана, заставляя их добиваться взаимопонимания с Иваном Грозным. Усиленно предлагая имперского кандидата на польский престол²⁷³, венский двор стремился заручиться поддержкой Москвы. После письма Максимилиана к Грозному (весна 1573 г.) и поездки Скобельцына в Вену (он достиг имперской столицы в марте 1574 г.)²⁷⁴ отношения между Габсбургами и Иваном IV становились все более тесными, хотя во время переговоров Скобельцына с Максимилианом и выявились некоторые расхождения²⁷⁵. В начале лета из Вены в Москву был отправлен Магнус Паули с письмом от

²⁶⁹ Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 420.

²⁷⁰ N. Jorga, *Geschichte...*, Bd III, S. 155—157. — Формально Испания вышла из антитурецкого союза лишь в 1578 г.

²⁷¹ N. Jorga, *Geschichte...*, Bd III, S. 138—139, 252.

²⁷² Ibid., S. 256—257; «Historia polityczna...», t. II, str. 137. — Не было ничего удивительного в том, что именно турецкий посол на сейме 1574 г. первым предложил кандидатуру Стефана Батория. Это предложение в марте 1575 г. было подкреплено специальным посланием султана Мурада III, а в мае 1575 г. подтверждено на Стенжицком съезде польским послом Тарановским, только что вернувшимся тогда из Турции.

²⁷³ Как известно, в числе австрийских кандидатов был император Максимилиан, его сын Эрнст, а также чешский магнат Розенберг (H. Uebersberger, *Osterreich...*, S. 429—430).

²⁷⁴ Ibid., S. 412—416. — Вернулся в Москву Скобельцын в августе 1574 г.

²⁷⁵ В частности, разногласия возникли в связи с настойчивым требованием Скобельцына именовать Ивана царским титулом.

императора, датированным 8 мая 1574 г. Тогда же был послан в Москву и ювелир Десфалюс также с письмом императора, но уже от 5 июня. Посланцы венского двора, ехавшие через Германию, Балтику, Ливонию, где они узнали о бегстве Генриха Валуа из Польши, прибыли в Москву только в декабре. Выразив благодарность царю за присылку Скобелевца, они снова стали предлагать Грозному от имени Габсбургов элекционный блок, своим острием направленный против турецкого кандидата, а также выдвинули идею заключения антитурецкого союза, восходящего якобы к переговорам 1490 и 1514 гг.²⁷⁶ В январе 1575 г. Десфалюс вместе с русским послом Никоном Ушаковым был отправлен Иваном IV к императору, однако миссию перехватили шведы на Балтике²⁷⁷. До Вены добрался только австрийский посол, передавший Максимилиану просьбу царя о присылке специального посольства в Москву. После длительных приготовлений император направил осенью 1575 г. в Русское государство особую миссию, возглавленную Кобенцлем²⁷⁸. Выхав 16 октября из Вены, Кобенцль и сопровождавший его Даниэль Принц направились через Речь Посполитую в Москву, куда прибыли в декабре 1575 г.

Для того чтобы правильно понять значение этих отдельных этапов московско-габсбургских переговоров, следует иметь в виду тогдашнюю политику Ивана IV как по отношению к Речи Посполитой и Ливонии, так и по отношению к Турции и Крыму. Нужно отметить, что дипломатия Грозного этих лет отличалась исключительной настойчивостью и особым тактом, характеризуясь, с одной стороны, весьма целеустремленной стратегией, а с другой — необыкновенно гибкой тактикой. Эти черты дипломатии царя проявились и в его поведении в период второго бескорольева и возобновления элекционной борьбы в Речи Посполитой.

В исторической науке уже давно дискутируется вопрос о реальном значении в политике Грозного его участия в борьбе за польско-литовский престол. Исследователями высказан взгляд, согласно которому Грозный энергично добивался польской или литовской короны, считая это главной задачей своей политики. При этом провал планов Ивана IV объясняют тем, что он якобы оказался жертвой умной и тонкой иг-

²⁷⁶ Н. Uebersberger, *Österreich...*, S. 414—418.

²⁷⁷ Ibid., S. 418—419; «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», т. I, СПб., 1851, стр. 497.

²⁷⁸ См. Ф. Вержбовский, *Донесения Иоханна Кобенцля*, — «Материалы по истории Московского государства в XVI и XVII вв.», т. IV Варшава, 1903.

ры польско-литовских дипломатов, сумевших сначала увлечь царя далеко идущими обещаниями, а потом не выполнить их ²⁷⁹. Следует отметить, что в историографии имеются попытки выдвинуть иную точку зрения, которая объясняет неизбрание Грозного на польский престол вполне осознанной пассивностью царя, его намеренно сдержанным участием в элекционной борьбе ²⁸⁰.

Такая точка зрения представляется более верной не только потому, что трудно представить себе искушенного дипломата, каким был Грозный, простой игрушкой в руках польско-литовских правящих кругов. В пользу ее говорит вся стратегия царя. Хорошо помня о том, что захват русскими войсками Полоцка и части Ливонии в 1563—1570 гг. вызвал взрыв крымско-турецкой экспансии 1569—1572 гг., протекавшей при поддержке Сигизмунда II Августа и шведского короля и нейтралитете габсбургско-римской дипломатии, Грозный не мог не понимать, что появление его на польско-литовском престоле должно привести к созданию еще более мощной антимосковской коалиции, опасной для самого существования Русского государства. С другой стороны, пассивное участие Грозного в элекционной борьбе, тактика затягивания «междущарствия» в Речи Посполитой вербовали царю союзников как внутри Польско-Литовского государства, так и вне его, позволяли выступать в роли скрытого арбитра между различными кандидатурами на польский престол, а главное, создавали благоприятные политические условия для форсированного наступления в Ливонии.

Таким образом, как бы ни существенно было значение элекционной борьбы в развитии международных отношений того времени, как бы ни важна была эта борьба для Грозного, по-видимому, она являлась не основной целью московской политики, а лишь средством для достижения цели. Главной же задачей Ивана IV продолжало оставаться завоевание Ливонии. Представляется, что эти общие соображения находят подтверждение в реальной исторической действительности начала и середины 70-х годов XVI столетия, в конкретном ходе переговоров Ивана IV с представителями Речи Посполитой, Империи, Рима, Турции и т. д.

Известно, что вопрос о кандидатуре царя на польский престол был выдвинут уже в 1569—1572 гг., он широко обсу-

²⁷⁹ В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 11—13, 19—20 и др.; Н. Uebersberger, *Österreich...*, S. 402, 409—410.

²⁸⁰ В. Д. Корольюк, *Ливонская война*, стр. 87. — Этот правильный, на наш взгляд, вывод, к сожалению, оказался недостаточно развитым в работе.

дался во время приезда в Москву польских послов: Воропая в сентябре 1572 г., Стефана Матвеева в начале 1573 г., Гарабурды в феврале—марте 1573 г., Тарановского и Воропая в июне—июле 1574 г., а также во время пребывания в Речи Посполитой с лета 1574 до июня 1575 г. московского гонца Федора Елчанинова²⁸¹. Казалось бы, что, ведя переговоры о своем избрании, Иван IV должен был бросить на выполнение этой задачи все свои политические и материальные ресурсы. Тем не менее на деле это было далеко не так. Если признать, что Грозный всерьез добивался польско-литовской короны, многое в поведении тогдашней московской дипломатии вызывает удивление.

Так, договорившись с Воропаем и Гарабурдой в конце 1572 — начале 1573 г. о возможной «баллотировке» своей кандидатуры на предстоящем элекционном сейме²⁸², Иван не послал на этот сейм, происходивший с 5 апреля по 20 мая 1573 г., полномочных представителей, мотивируя такое решение нежеланием заниматься «волокитой»²⁸³. Когда после приезда летом 1573 г. в Москву Магнуса Паули и Тарановского перед Грозным открылся как будто бы прямой путь к польскому престолу (посланцы Империи и Речи Посполитой предлагали ему либо польско-литовскую, либо литовскую корону²⁸⁴), он проявил трудно объяснимое хладнокровие и даже определенный скепсис. На предложение раздела Польши и Литвы между домами Габсбургов и Рюриковичей Иван ответил следующим образом: «Мы все будем стараться о том, чтобы Польское королевство и Литва не отошли от наших государств, мне все одно, мой ли, твой ли сын сядет там на престол»²⁸⁵. Показателен и такой факт: как только возникла перспектива появления французского принца на польском престоле, Грозный предупредил представителей Речи Посполитой, что он силой оружия заставит Генриха уйти из Польши²⁸⁶, однако после избрания француза царь не только не исполнил своей угрозы, но и сразу направил к нему гонца Федора Елчанинова²⁸⁷. А когда Валуа бежал и в Польше вновь создавалась благоприятная обстановка для форсирования усилий по избранию русского кандидата, Грозный по просьбе польско-

²⁸¹ В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 10, 13—14, 17—19, 23—27.

²⁸² «Акты исторические...», т. I, стр. 229.

²⁸³ В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 19.

²⁸⁴ Н. Uebersberger, *Osterreich...*, S. 404—411.

²⁸⁵ С. М. Соловьев, *История...*, т. VI, стр. 251.

²⁸⁶ В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 16; «Акты исторические...», т. I, стр. 242.

²⁸⁷ В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 21, приложение, стр. 9.

литовской стороны продлил перемирие на два года (до 1576 г.)²⁸⁸. В то же время московский посол Ф. Елчанинов вел себя в Речи Посполитой весьма пассивно, ограничиваясь главным образом сбором информации.

Создается впечатление, что Грозный, умело содействуя популяризации русской кандидатуры в шляхетской среде, намеренно не использовал для элекционных целей своих политических успехов в Речи Посполитой. Так, Иван IV обратился к польско-литовской шляхте с чрезвычайно смелой программой: став на путь тонкой демагогии, он соглашался даже отказаться от православия, если в богословском диспуте будут доказаны преимущества католичества, обещал выступить в роли «второго Ягайло» в случае избрания Рюриковича, намекая тем самым на возможность соединения Московской Руси с Польско-Литовским государством²⁸⁹.

Эта программа была изложена шляхтичем Граевским, находившимся в качестве частного лица в Москве и вернувшимся в Речь Посполитую накануне Стенжицкого съезда²⁹⁰. Несмотря на предупредительные меры Ходкевича, арестовавшего Граевского, декларация Грозного была доведена до сведения шляхетских послов в Стенжице²⁹¹ и имела большой политический эффект. Шляхетские послы стали явно симпатизировать избранию царевича Федора больше, чем избранию представителя дома Габсбургов²⁹². Во время съезда был вывешен на кресте плакат с весьма симптоматичной надписью: «Кто называет цесаря, тот готовит себе смерть, ибо Федор хотел быть, как Ягайло, и с ним нам было бы очень хорошо». Создалось положение, при котором «московская кандидатура стала на время кандидатурой шляхетской массы против Австрии»²⁹³.

²⁸⁸ Там же, стр. 19; «Historia polityczna...», t. II, str. 136—137.

²⁸⁹ В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 23—24.

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ «Historia polityczna...», t. II, str. 137. — Съезд в Стенжице протекал с 12 мая по 7 июня 1575 г.

²⁹² Н. Uebersberger, *Österreich...*, S. 428—433, 444—445, 453. — На съезде говорилось о том, что лучше избрать черта, чем австрийского кандидата (ibid., S. 431).

²⁹³ «Historia polityczna...», t. II, str. 137. — В Речи Посполитой действительно оказалось много приверженцев русской кандидатуры. Не говоря уже об определенных «промосковских» симпатиях нешляхетского православного населения Великого княжества Литовского, к числу сторонников Ивана IV еще в период первого бескоролья принадлежали значительные круги польских и литовско-русских феодалов (С. М. Соловьев, *История...*, т. VI, стр. 235; В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 21—23, 27; Н. Uebersberger, *Österreich...*, S. 400—401, 431—438). Противниками царя выступали магнаты (Радзивиллы, Ходкевичи и др.), боявшиеся за свои экономические и политические привилегии в случае избрания Ивана или

Казалось, дипломатия Грозного добилась важного успеха, который нужно было только закрепить соответствующим заявлением официального представителя Русского государства Елчанинова. Однако именно он повел себя таким образом, что, несмотря на наличие явных симпатий в пользу русской кандидатуры, съезд не принял никаких решений по этому вопросу. Вместо того чтобы умело и активно бороться за победу, Елчанинов по существу стал отмалчиваться²⁹⁴. Более того, он просил стенжицких послов высказаться по поводу предложений Грозного, сделанных еще в 1573 г. через Гарабурду²⁹⁵. Сущность их сводилась к требованию передать Полоцк, Смоленск, Киев и Ливонию Московскому государству, закрепить польско-литовский престол «навечно» за домом Рюриковичей²⁹⁶, установить тесный политический союз между Москвой и Польско-Литовским государством в целях обороны не только от «поганства», но от Рима и других государств²⁹⁷. Разумеется, эта программа уже не могла содействовать успеху русской кандидатуры на предстоящих выборах. Ответом на нее была соответствующая декларация Ходкевича, выдвинувшего неприемлемые для Грозного требования²⁹⁸.

Полная противоположность концепции Граевского позиции Елчанинова в Стенжице совершенно очевидна. Поскольку автором этих взаимоисключающих политических программ был сам Иван IV, остается предположить существование у Грозного какого-то особого тактического замысла, целью которого, видимо, было не овладение польско-литовской короной, а затягивание самого состояния элекционной борьбы в Речи Посполитой. Дальнейшее поведение царя вполне подтверждало наличие такого замысла: вместо того чтобы отправить на элекционный сейм полномочных послов, Грозный послал сначала гонца Семена Баштакова, поставив перед ним задачу выхлопотать у сенаторов пропуск для будущего посла, и только затем направил в Речь Посполитую Луку Новосильцева²⁹⁹.

Федора польско-литовским королем. В середине 70-х годов они открыто ориентировались на Габсбургов (В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 27; Н. Uebersberger, *Österreich...*, S. 431), а в начале 1576 г. стали сторонниками Батория.

²⁹⁴ Н. Uebersberger, *Österreich...*, S. 445.

²⁹⁵ В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 25.

²⁹⁶ Н. Uebersberger, *Österreich...*, S. 402—403; В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 18—19.

²⁹⁷ Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 134.

²⁹⁸ В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 26.

²⁹⁹ Там же, стр. 27; Н. Uebersberger, *Österreich...*, S. 445—446. — Решение о поездке Баштакова состоялось в июле — августе, а прибыл он в Варшаву 16 ноября 1575 г.

Разумеется, политические замыслы Ивана IV было невозможно осуществить путем двусторонних московско-польских переговоров. В элекционную борьбу так или иначе были втянуты почти все государства Восточной и Центральной Европы, поэтому перед Грозным открывалось широкое поле деятельности в Вене и Риме, в Константинополе и Бахчисарае. Когда царь распространял через Граевского декларацию о готовности изменить православия и выступить в роли «второго Ягайла», он имел в виду не только склонить на свою сторону польско-литовскую шляхту, но и расположить к себе в какой-то мере Габсбургов и римский престол. Естественно, что при этом Грозный думал не о реальной «инкорпорации» Москвы в состав Речи Посполитой, а о приобретении репутации монарха, сдержанного в своих притязаниях и готового на любые формы сотрудничества с политическими партнерами на Западе.

Глубже понять характер внешнеполитической деятельности московского правительства в те годы помогает анализ отношений Русского государства с крымско-турецкой дипломатией. Известно, что Иван IV, ведя открытую вооруженную борьбу с Крымом, пытался еще в 1570—1571 гг. добиться взаимопонимания с Константинополем. Новосильцев и Ищенин-Кузьминский в своих декларациях, произносимых в турецкой столице, возводили веротерпимость к мусульманам в принцип московской государственной политики и предлагали заключить московско-турецкий союз, направленный против ряда западноевропейских стран³⁰⁰.

В распоряжении исследователя нет данных о прямых контактах Грозного с султанской Турцией после миссии А. Ищенина-Кузьминского (1571—1572), тем не менее в какой-то форме переговоры московского правительства с крымско-турецкой дипломатией продолжались. В Крыму находились представители Московского государства (Судаков, Мясоедов), а в Москву приезжали крымские послы Девлет-Кирдей и др. Во всяком случае определенные результаты этих пока еще мало известных сношений были налицо: после 1572—1573 гг. атаки Крыма на московские территории стали прекращаться³⁰¹, а Порта заняла более «миролюбивую» позицию по отношению к Русскому государству. Так, в переговорах Грозного с Гарабурдой, происходивших в 1573 г., речь шла, между прочим, о том, что сын царя, возможно, в ближайшее время окажется заложником турецкого султана. Это, разумеется, предполага-

³⁰⁰ С. М. Соловьев, *История...*, т. VI, стр. 223

³⁰¹ А. А. Новосельский, *Борьба...*, стр. 30—32.

ло какую-то особую договоренность между двумя правитель-ствами³⁰². Характерно также, что турецкий кандидат на польский престол — Стефан Баторий, ведя борьбу против имперских конкурентов, относился к русскому претенденту более терпимо³⁰³.

Известно, что в наиболее напряженный период элекционной борьбы в Польше в 1575 г. Грозный пошел на очень смелый и рискованный шаг, который, несомненно, имел определенное значение в тогдашней международной жизни Восточной Европы. Речь идет о «возведении» на московский престол правнука хана Ахмата — «касимовского царя» Симеона Бекбулатовича.

В литературе высказывалась мысль, что этот очередной политический маскарад был вызван стремлением Ивана IV облегчить прохождение своей кандидатуры на престол Речи Посполитой³⁰⁴. Однако выдвижение на пост «великого князя всея Руси» «касимовского царя», тесно связанного с Востоком³⁰⁵, должно было скорее насторожить польско-литовских

³⁰² Н. Uebersberger, *Österreich...*, S. 403.

³⁰³ «Historia polityczna...», t. II, str. 138.

³⁰⁴ П. А. Садиков, *Очерки по истории опричнины*, М. — Л., 1950, стр. 43. — В историографии имеются и другие точки зрения. Например, Я. С. Лурье склонен объяснять выдвижение Симеона причинами внутриполитического характера («Послания Ивана Грозного», стр. 642).

³⁰⁵ Симеон, сын царевича Бекбулата, использованного Грозным в борьбе против западных соседей в конце 50-х — начале 60-х годов, находился в Москве с 1561 г., в 1566 г. был приглашен к московскому двору, а в 1567 г. получил титул «касимовского царя». О его привилегированном положении в Московском государстве не без умысла особенно подробно распространялся Новосильцев в Константинополе в 1570 г.: «Государь наш посадил в Касимове-городке царевича Саин-Булата, мизгити (мечети) и кишени (кладбища) велел устроить, как ведется в бусурманском законе, и ни в чем у него воли государь наш не отнял» (С. М. Соловьев, *История...*, т. VI, стр. 222). Сам Симеон Бекбулатович в это время находился на ливонском фронте в качестве «воеводы передового полка» (в Ливонии он был и в конце 70-х годов). Симеон крестился, а затем женился на Анастасии Мстиславской, дочери князя Ивана Федоровича, еще в 1567 г. использованного Грозным в качестве претендента на значительную часть литовско-русских земель («Послания Ивана Грозного», стр. 427). Последовавшая в 1574 г. опала Мстиславского не повлияла на дальнейшее возвышение Симеона Бекбулатовича, в 1575 г. он стал «великим князем всея Руси» (П. А. Садиков, *Очерки...*, стр. 43; «Послания Ивана Грозного», стр. 642—645).

В 1576 г. Иван IV дал Симеону в удел тверское княжение (см. Н. В. Лилеев, *Симеон Бекбулатович хан Касимовский великий князь всея Руси, впоследствии великий князь Тверской*, Тверь, 1891), повторив тем самым политический эксперимент с Еленой Волошанкой. Если учесть, что жена наследника московского престола, дочь молдавского господаря стала в 1485 г. «тверской княгиней» по определенным политическим мотивам,

феодалов, чем расположить их в пользу Ивана Грозного. По-этому представляется, что назначение Симеона Бекбулатовича было связано не столько с польско-литовскими планами Грозного, сколько с его намерением продемонстрировать готовность сближения с мусульманскими странами Восточной Европы³⁰⁶.

Как бы то ни было, не без усилий Ивана IV в московско-турецких отношениях намечались сдвиги в сторону их улучшения. Успех этих усилий в значительной мере объяснялся тем, что дипломатические шаги Грозного совпали с важными переменами тогдашнего политического курса султанской Порты. Уже отмечавшиеся выше новые веяния в турецкой политике, вызванные ослаблением Москвы в результате крымско-турецкого натиска 1569—1572 гг. и усилением Польско-Литовского государства после Люблинской унии, получили в 70-х годах дальнейшее развитие. Именно в это время крымско-турецкая дипломатия отказалась от нападения на московские «окраины», сосредоточив все внимание на элекционной борьбе в Польше, одновременно она пошла на смягчение в дипломатических отношениях с Русским государством: в 1578 г. новый султан Мурад III послал в Москву Андрея Свира «для братственной любви»³⁰⁷. Тогда же в развитии турецко-польских официальных отношений обозначились сдвиги в сторону явного ухудшения. Во второй половине 70-х годов Порты и Крым осуществили три крупных похода на «окраины» Польско-Литовского государства³⁰⁸.

Этот перелом в политике Крыма и Турции был умело использован Иваном Грозным. Поддерживая «мирные» отношения с Востоком и добиваясь одновременно взаимопонимания с

вам, то нужно признать, что предоставление «великому князю всея Руси» «касимовскому царю» титула «тверского князя» также имело особый политический смысл. По-видимому, «буферное» Тверское княжество, сохранявшее многие пережитки удельного времени (М. Н. Тихомиров, *Россия...*, стр. 181), являлось в глазах Константинополя одной из ключевых инстанций политической жизни Восточной Европы в ту эпоху. Именно поэтому Иван IV, стремясь в середине 70-х годов сблизиться с Царьградом, решил последовать примеру своего деда и удостоить Симеона Бекбулатовича не только титулом «великого князя всея Руси», но и титулом «тверского князя».

³⁰⁶ Характерно, что в течение некоторого времени боярскую думу возглавлял служилый татарский царевич Михаил Кайбулович (С. В. Бахрушин, *Иван Грозный*, стр. 69).

³⁰⁷ Н. А. Смирнов, *Россия...*, т. I, стр. 126.

³⁰⁸ М. О. Strykowski, *Kronika...*, t. II, str. 421; N. Jorga, *Geschichte...*, Bd III, S. 256—258; «Historia polityczna...», t. II, str. 138. — Татары установили контакт с Гданьском, начавшим борьбу против Батория в 1576—1577 гг. (В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 40).

Веной и Римом, предлагая своего сына в качестве претендента на литовский престол и в то же время энергично не настаивая на этом, царь, в сущности, содействовал такой политической ситуации в Восточной Европе, при которой элекционная борьба в Речи Посполитой постепенно превращалась главным образом в борьбу Вены с Константинополем, сводилась к конфликту Габсбургов со Стефаном Баторием. Между тем именно это обстоятельство и создавало благоприятные условия для развертывания наступательных операций русских войск в Ливонии. Не случайно элекционная борьба в Речи Посполитой, острые столкновения Габсбургов с турецкой дипломатией на польской почве совпали по времени с большими военными успехами Ивана IV в Прибалтике. Хорошо известно, что уже в январе 1573 г. была взята крепость Вейсенштейн, в начале 1575 г. московские войска и силы «короля» Магнуса овладели замком Салис, в июле того же года захватили г. Пернов. Опираясь на эти успехи, армии Грозного в 1576 г. заняли почти все побережье от Ревеля до Риги³⁰⁹.

Такой оборот событий не мог не вызвать международной реакции. Пока шла напряженная элекционная борьба в Польше, в которой Грозный открыто выступал сторонником Габсбургов, а скрыто поддерживал антигабсбургские силы, в том числе косвенно и Батория, венская дипломатия не придавала ливонской проблеме решающего значения и сквозь пальцы смотрела на наступательные операции Ивана IV в Прибалтике. По существу Империя, увлеченная борьбой за польский престол, не могла оказать поддержки своим сторонникам из среды литовских магнатов (в частности, Радзивиллам, Ходкевичам), которые пытались противодействовать наступлению Грозного в Ливонии и закрепить эти территории за собой³¹⁰. Однако, когда определилась как будто перспектива избрания одного из Габсбургов на польско-литовский престол, венский двор стал более внимательно относиться к ливонскому вопросу. Усиленный интерес имперских политиков к Ливонии получил довольно четкое отражение в миссии Кобенцля и Принца 1575 г.³¹¹.

Покинув Вену 16 октября 1575 г., проехав Прагу и Варшаву, Кобенцль и Принц были на литовско-московской границе в декабре, т. е. как раз в то время, когда в Речи Посполитой

³⁰⁹ Там же, стр. 43—46.

³¹⁰ Там же, стр. 44.

³¹¹ Н. Uebersberger, *Oesterreich...*, S. 440, 458; «Памятники дипломатических сношений...», т. I, стр. 481—567. — См. также Ф. Вержбовский, *Посольство Кобенцля*, — «Материалы по истории Московского государства в XVI и XVII вв.», т. I. Варшава, 1896.

почти одновременно были выбраны на польско-литовский престол два короля: 12 декабря при поддержке примаса Уханского и папского нунция Лаурео сенат предложил корону императору Максимилиану; 15 декабря представители шляхты во главе со Зборовскими и Яном Замойским провозгласили королем Стефана Батория, обязав его жениться на вдовствующей королеве Анне³¹².

Изменившаяся политическая обстановка в Речи Посполитой не позволяла Грозному спешить с приемом австрийских послов и тем более с проведением деловых переговоров³¹³. Когда в январе 1576 г. начался обмен мнениями, обе стороны делали вид, что не знают о важных переменах в политической жизни Речи Посполитой. Сообщив о том, что Габсбург в ближайшее время должен стать польским королем, и дав понять тем самым, что шансы царевича Федора теперь незначительны, австрийские послы потребовали от Грозного поддержки представителя Габсбургов против семиградского князя³¹⁴.

Высказывая, таким образом, претензии Империи на всю Польшу и Литву, Кобенцль и Принц, действуя согласно полученной инструкции, поставили вопрос и об отказе Грозного от Ливонии³¹⁵. В порядке «компенсации» австрийские послы предложили Ивану IV создание антитурецкой коалиции в составе Империи, Речи Посполитой, Испании, а также план отвоения территории бывшей Византийской империи в пользу московского царя и предоставления ему императорского титула. «Что значат несколько ливонских городов по сравнению с Восточной империей?»³¹⁶ — говорил Кобенцль Грозному.

Разумеется, эта программа не была принята Иваном IV. Он упорно отстаивал свои права на Ливонию, Киев, однако все же обещал помогать австрийскому кандидату в элекционной борьбе³¹⁷. 29 января послы были отпущены: Кобенцль отправился через Литву и Польшу в Вену, а Принц в качестве сопровождающего русских послов Сугорского и Арцыбашева должен был проследовать через Ливонию несколько позднее.

³¹² «Historia polityczna...», t. II, str. 140—141.

³¹³ H. Uebersberger, *Oesterreich...*, S. 442, 444.

³¹⁴ Ibid., S. 448—449.

³¹⁵ Ibid., S. 440—441.

³¹⁶ Ibid., S. 449.

³¹⁷ H. Uebersberger, *Oesterreich...*, S. 450. — Австрия согласилась на передачу Киева с условием, что Грозный в случае избрания Габсбурга будет защищать Империю и Речь Посполитую от Турции, Франции и семиградского князя.

Явно недовольный результатами переговоров³¹⁸, Иван Грозный отнюдь не считал, что все потеряно, и развернул энергичную деятельность. Уже в феврале 1576 г. царский посол Л. Новосильцев был в Вильно, а в марте вел переговоры с примасом и устанавливал контакты с широкими кругами литовско-русской шляхты. Новосильцев вел себя таким образом, что Ходкевич, перешедший уже в январе на сторону семиградского князя, стал надеяться «завербовать» московского посла. Он убеждал Новосильцева в том, что Максимилиан слишком стар и не годится для активной политической деятельности, а Баторий молод, энергичен и вполне соответствует стоящим перед Речью Посполитой задачам³¹⁹. Не случайно и австрийская дипломатия, наблюдавшая за деятельностью Новосильцева, готова была упрекать правительство Грозного в «двойной игре»³²⁰.

Поведение Ивана IV особенно тревожило Империю в связи с усилением напряженности политической обстановки в Речи Посполитой. 8 февраля Баторий присягнул на верность польской конституции, 24 апреля появился в краковском кремле и 1 мая был коронован вместе с супругой Анной³²¹. 23 марта 1576 г. в венской кирхе дал присягу и Максимилиан³²². Несмотря на возраст и болезнь, он также, видимо, готовился отправиться в Польшу.

Оказавшись перед угрозой возникновения гражданской войны в Речи Посполитой, венская дипломатия снова обратилась за помощью к Ивану IV, прося оружием изгнать из Польши Батория, «вассала турецкого султана», и утвердить Габсбургов на польско-литовском престоле³²³. Интересно, что при этом правительство Максимилиана не упоминало ни о Ливонии, ни о Киеве. Тем не менее переговоры на эту тему между Москвой и Веной, по-видимому, велись. Сущность политической ситуации того времени прекрасно передает содержание беседы папского нунция Лаурео с представителями венского двора на Варшавском элекционном сейме — Поппелем,

³¹⁸ Это не помешало Грозному произвести на Кобенцля самое хорошее впечатление и вдохновить на создание сочинения о Московской Руси. В своем трактате Кобенцль не только подчеркивал величие царя и значительный военный потенциал Москвы, но и указывал на полную реальность как политического союза с Русью против Порты, так и религиозной унии православия с католичеством. Его сочинение стало хорошо известно в Вене и Риме (Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 421).

³¹⁹ H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 458.

³²⁰ Ibid., S. 462, 466.

³²¹ «Historia polityczna...», t. II, str. 142.

³²² Ibid.

³²³ H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 459.

Фридрихом Зеротином и Кобенцлем. Так, Лаурео спрашивал у Поппеля, не захочет ли теперь император в целях защиты Польши от Батория и турок выдать замуж вдовствующую французскую королеву (из дома Габсбургов) за Федора, отдать Ивану Ливонию, а в крайнем случае и Литву?³²⁴

Подобный вопрос в устах папского нунция был не случайным: он отражал как попытки Габсбургов договориться с русским царем, так и активное участие в переговорах римской дипломатии. Эволюция отношения римского престола к Московской Руси в эти годы была весьма характерной. Как известно, Ватикан еще в 1570 г. пытался возобновить с Грозным политические контакты, намереваясь направить в Москву миссию Портико, однако по неизвестным причинам этот план не был осуществлен³²⁵. Римский папа Григорий XIII (1572—1585), увлеченный идеей создания новой антитурецкой коалиции, а также планами расширения католического влияния, сразу обратил непосредственное внимание на положение дел в Восточной Европе, но, основываясь на рекомендациях нунция в Польше Лаурео³²⁶, делал сначала ставку на французского ставленника Генриха Валуа, рассчитывая с его помощью насильственно насадить католичество в Московской Руси³²⁷. Бегство анжуйского принца из Польши сделало осуществление этих планов невозможным, да и фантастичность их очень скоро была осознана Римом. Поэтому в дальнейшем, особенно после Стенжицкого съезда, папа Григорий XIII и Лаурео радикально изменили установки в отношении Русского государства. Лаурео пришел к выводу, что именно царь как противник Порты и еретиков мог стать союзником Ватикана и «лучше всякого другого решить восточный вопрос»³²⁸.

Демарши московских дипломатов в Речи Посполитой, а также беседы Грозного с австрийским послом Кобенцлем, написавшим восторженное сочинение о Московском царстве, наконец, непосредственные переговоры направленных летом 1576 г. в Рим русских послов Сугорского и Арцыбашева с папой Григорием XIII и кардиналом Комо привели к тому, что римский престол тогда же принял решение установить прямой контакт с московским правительством, имея в виду заключение антитурецкого союза и осуществление религиоз-

³²⁴ Ibid., S. 460—461.

³²⁵ Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 403. — Одной из причин могло быть тенденциозное сочинение А. Шлихтинга «О Московии», другой — противодействие польского короля Сигизмунда.

³²⁶ H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 421.

³²⁷ E. Winter, *Rußland...*, S. 221.

³²⁸ Пирлинг, *Россия...*, т. I, стр. 421.

ной ушнн. Кроме того, речь шла о даровании Грозному титула «короля» или «императора», о «передаче» ему Константинополя и т. д. Все эти проекты римской курии должен был изложить в Москве опытный богослов и политик Рудольф Кленке³²⁹.

Заинтересованность Рима в контактах с Москвой объяснялась не только стремлением использовать ее потенциал против Турции и при возможности осуществить религиозную унию с русской церковью, но и желанием с помощью России вести борьбу против «турецкого вассала» Стефана Батория. Исходя из таких соображений, Лаурео и участвовал в переговорах Вены и Москвы, пытаясь, по-видимому, склонить Габсбургов к уступкам. Однако из этих планов ничего не вышло. Под впечатлением торжества Батория в Польше и успехов Грозного в Прибалтике Империя меняла внешнеполитический курс. Разумеется, она также хотела использовать военный потенциал России против Турции и Крыма, но не ценой превращения Ивана IV в короля или императора и обладателя Ливонии. Поэтому Максимилиан пустил в ход все свое влияние, чтобы предотвратить возможность прямых переговоров Рима с Иваном Грозным. Одновременно он не терял надежды добиться от Москвы помощи в Речи Посполитой.

Разумеется, Грозный не был бы самим собой, если бы позволил использовать себя таким образом. В создавшейся обстановке он все меньше поддерживал Габсбургов, в то же время устанавливая контакты со сторонниками Батория³³⁰. Рассчитывая таким путем сделать венских политиков более уступчивыми, Иван IV продолжал настаивать на своих требованиях. Так, в июле 1576 г. на имперском съезде в Регенсбурге³³¹, рассматривавшем, между прочим, вопрос об отношениях Вены с Москвой, русские послы Сугорский и Арцыбашев, хотя и просили прислать к царю имперское посольство, но предупреждали, что Ливония — это царская «вотчина»³³².

Поддерживая отношения с двумя борющимися сторонами, Грозный, несомненно, рассчитывал на то, что внешнеполитическая обстановка (возможно, он не исключал даже и войны между Империей и Портой) будет содействовать решению ливонской проблемы. Поэтому последовавшая 12 октября

³²⁹ Там же, стр. 426—429.

³³⁰ Стефан Баторий и Иван Грозный вскоре стали на путь обмена посольствами. В июле 1576 г. из Речи Посполитой в Москву направились Ю. Грузинский и Л. Буковецкий (В. Н. Новодворский, *Борьба...*, стр. 35—39).

³³¹ M. Ritter, *Deutsche Geschichte...*, Bd I, S. 479—483, 508, 513.

³³² H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 463, 465. См. также Я. С. Лурье, *Новые данные о посольстве Сугорского и Арцыбашева в 1576 г.*, — «Исторические записки», т. 27, М., 1948.

1576 г. смерть Максимилиана, императора и вновь избранного «польского короля», была весьма чувствительным ударом для политики царя. Она ломала всю сложившуюся систему политического равновесия, которая была выгодна Ивану IV и которая во многом была его детищем. Теперь вместо двух борющихся королей в Речи Посполитой неожиданно появился один, к тому же весьма энергичный. Новая расстановка сил в Восточной Европе, созданная смертью Габсбурга и соответственным упрочением позиции в Речи Посполитой короля Батория, требовала изменения политической тактики как со стороны Грозного, так и со стороны его противников.

6. Завершение Ливонской войны и новая расстановка сил в Восточной Европе

Хотя положение Стефана Батория на польском престоле в конце 1576 г. значительно упрочилось, тем не менее на протяжении почти двух первых лет своего правления он находился в крайне напряженных отношениях почти со всеми соседями Речи Посполитой.

Так, вплоть до середины 1577 г. Вена и римский престол рассматривали нового польского короля в качестве ставленника Порты, видели в нем орудие турецкой политики³³³. Это обстоятельство приводило к тому, что Габсбурги и римская курия поддерживали противников Батория как на международной арене, так и во внутривосточной жизни Речи Посполитой. Они не только смотрели сквозь пальцы на выступления Гданьска и Пруссии против Польши, но и на первых порах кое в чем им помогали³³⁴. Эти контакты в сущности были естественным продолжением политики предшествующих лет, когда Гданьск в ходе элекционной борьбы в Речи Посполитой выступал противником Генриха Валуа и сторонником Максимилиана³³⁵.

Показательным было в эти годы и отношение Дании к новому польскому королю. Датский флот оказывал систематическую поддержку Гданьску. Эта помощь приводила к тому,

³³³ «Historia polityczna...», t. II, str. 145; H. Uebersberger, *Österreich...*, S. 421; E. Rykaszewski, *Relacje nuncjuszów apostolskich i innych osób w Polsce od roku 1548—1690*, t. I, Paryż — Berlin, 1864, str. 288—290. — Наследник Максимилиана Рудольф II Габсбург откровенно заявил в начале 1577 г., что предпочитает иметь дело с Польским королевством, а не с польским королем (E. Rykaszewski, *Relacje...*, t. I, str. 298).

³³⁴ M. O. Strykowski, *Kronika...*, t. II, str. 425; J. Szujski, *Dzieje Polski*, t. III, Lwów, 1864, str. 50—54.

³³⁵ «Historia polityczna...», t. II, str. 143—144.

что попытки Батория взять штурмом Гданьск или создать в противовес ему новый порт в Эльбинге оканчивались безрезультатно³³⁶.

Не менее напряженными оказались в эти годы отношения Речи Посполитой с Крымом и Турцией, уже в середине 70-х годов XVI в. начавших менять свои внешнеполитические установки в Восточной Европе. Правда, формально Турция находилась в мирных отношениях с Польшей: в 1574 и 1577 гг. султан заключал мирные договоры с Речью Посполитой³³⁷; примеру Порты следовал и Крым³³⁸. Однако эти мирные соглашения лишь прикрывали подготовку и осуществление грандиозных вторжений крымцев в пределы Речи Посполитой. Первым показателем новой, воинственной по отношению к Польско-Литовскому государству политики был организованный осенью 1575 г. поход татарских войск на территорию Волыни и Подолии³³⁹. За ним последовали еще более мощные и разорительные набеги 1577³⁴⁰ и 1578 гг.³⁴¹.

Пытаясь объяснить эти парадоксальные на первый взгляд факты, польская историография сталкивалась с большими трудностями³⁴². Представляется, однако, что причины «неожиданных» зигзагов в политике правителей Крыма и Порты следует искать в существовании неоднократно отмечавшихся особых традиций крымско-турецкой тактики, заключавшихся в поддержании своеобразного равновесия между государствами Юго-Восточной Европы. Такой подход к данной проблеме позволяет объяснить энергичные действия крымско-турецкой

³³⁶ Ibid., str. 145; J. Szujski, *Dzieje...*, t. III, str. 53.

³³⁷ Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, № 223, 225, 227; M. O. Strykowski, *Kronika...*, t. II, str. 421; «Historia polityczna...», t. II, str. 148; E. Rykaszewski, *Relacje...*, t. I, str. 299.

³³⁸ B. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 77; «Historia polityczna...», t. II, str. 148.

³³⁹ M. O. Strykowski, *Kronika...*, t. II, str. 421—422; T. Korzon, *Dzieje wojen i wojskowości w Polsce*, t. II, Lwów — Warszawa, 1923, str. 28—29.

³⁴⁰ M. O. Strykowski, *Kronika...*, t. II, str. 426; J. Szujski, *Dzieje...*, t. III, str. 55.

³⁴¹ B. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 74—75; T. Korzon, *Dzieje...*, t. II, str. 28—29.

³⁴² «Татарские наезды 1577 и 1578 гг., — писал Корзон, — представляют для историка необыкновенные трудности, если он учтет все обстоятельства, которые должны были обезопасить Польшу. Ведь султан Мурад II почитал Стефана Батория за своего слугу и Польшу включал в число стран, находившихся в вассальной от него зависимости: как же смогли предпринимать грабительские набеги зависимые от него татары?». Поставив этот вопрос, Корзон по существу не дал на него никакого ответа, он только описал ход этих вторжений (T. Korzon, *Dzieje...*, t. II, str. 28). Конопчинский связывал татарские набеги с воздействием на крымского хана «московских рублей» (W. Konopczyński, *Dzieje...*, str. 151).

дипломатии в период элекционной борьбы в Речи Посполитой, направленные на утверждение турецкого кандидата на польском престоле: добиваясь торжества своего ставленника в Речи Посполитой, Крым и Порты стремились предотвратить победу других кандидатов и вместе с тем предупредить распространение на Польшу австрийского или московского влияния. Не менее понятным при подобном подходе к вопросу становится и тот факт, что бывший турецкий вассал Баторий, обещавший Польше накануне своего избрания прочный мир с Крымом и Турцией³⁴³, оказался вынужденным уже в самом начале своего правления оборонять территорию Речи Посполитой от натиска крымских войск. Вполне естественно, что, добившись торжества своего ставленника на польском престоле и не допустив тем самым преобладания Москвы или Вены в Восточной и Центральной Европе, крымско-турецкая дипломатия не имела намерения содействовать дальнейшему усилению Речи Посполитой, и без того заметно укрепившейся после Люблинской унии.

Совершенно очевидно, что возобновившаяся экспансия Крыма против Речи Посполитой ставила нового польского короля в довольно затруднительное положение. Особенно неприятным для Батория было то, что крымская активность на юге Польско-Литовского государства совпала по времени с выступлением Гданьска на северных его рубежах. Создавшуюся на международной арене политическую обстановку немедленно постарался использовать в своих интересах и другой восточный сосед Речи Посполитой — «царь и государь всея Руси» Иван Васильевич. Хорошо зная о напряженных отношениях Батория с Веной и Римом, с одной стороны, и Константинополем и Бахчисараем — с другой, Иван Грозный стал форсированно осуществлять свои планы в Прибалтике, бросая в бой заранее подготовленные московские и казанские войска. Современник событий 70-х годов Стрыйковский отмечал, что, начиная с августа 1577 г., когда Стефан Баторий находился под Гданьском, московский великий князь вместе со своим старшим сыном и Магнусом вел активные действия в Ливонии³⁴⁴, в результате которых в его руках вскоре оказались Кешь, или Венден, а также Вестен, Эрлен, Нитав, Йоргенбург, Сонсель, Румборг, Маркенхауз, Динабург, Крейцбург, Кокенхауз и десятки других, более мелких замков и крепостей³⁴⁵. В ходе операций 1577—1578 гг. у Грозного были

³⁴³ М. О. Strykowski, *Kronika...*, t. II, str. 424.

³⁴⁴ Ibid., str. 426.

³⁴⁵ Ibid.; «Historia polityczna...», t. II, str. 148; С. М. Соловьев, *История...*, т. VI, стр. 261—263.

и отдельные неудачи (измена «короля» Магнуса, вынужденная уступка польско-литовским войскам Динабурга и Вендена³⁴⁶), тем не менее в течение этого времени он бесспорно контролировал почти всю территорию Прибалтики, за исключением Риги и Ревеля³⁴⁷.

Стремясь закрепить военные успехи, Иван IV стал на путь интенсивных дипломатических переговоров со многими дворами Европы. Так, еще в сентябре 1577 г. в Вену было направлено посольство Ждана Квашнина, которому вменялось в обязанность добиваться сближения с Габсбургами и наладить с ними более тесное сотрудничество против короля «турецкой руки» Стефана Батория³⁴⁸. Хотя Ждан Квашнин встретил в целом неплохой прием в Вене, сумел установить контакты с противником Сигизмунда II Августа польским эмигрантом Альбрехтом Ласко, а также с венгерским воеводой Робертом, обратившимся к царю с предложением воевать против Турции, тем не менее московский посол не добился главного: император Рудольф II не только не проявил желания вести борьбу против Батория, но и поставил вопрос о прекращении Иваном IV военных действий в Ливонии³⁴⁹.

Такой результат миссии был не случайным. Направляя посла в Вену, Иван IV исходил из уверенности в том, что отношения между Рудольфом и Стефаном Баторием по-прежнему оставались враждебными. После возвращения Ждана Квашнина в Москву (июнь 1578 г.) Грозному стало ясно, что он несколько запоздал со своими предложениями Габсбургам. И действительно, если бы подобная дипломатическая акция была предпринята царем года на два раньше, она встретила бы значительно более благоприятный прием в правящих кругах Империи. В тот период римско-габсбургская дипломатия откровенно рассчитывала на Москву как на противоядие Турции и ее ставленнику в Речи Посполитой: в секретном письме папского нунция в Рим от 3 мая 1576 г. прямо указывалось на возможность согласованных действий Габсбургов и Грозного против Турции и Стефана Батория³⁵⁰. В 1578 г. это

³⁴⁶ См. В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 84—85.

³⁴⁷ С. М. Соловьев, *История...*, т. VI, стр. 263.

³⁴⁸ Н. М. Карамзин, *История...*, т. IX, стр. 161—163.

³⁴⁹ J. Szujski, *Dzieje...*, t. III, str. 57; Н. М. Карамзин, *История...*, т. IX, стр. 163.

³⁵⁰ «Что касается Турка, — писал тогда нунций, — то имеются способы успокоить его... стоит дать ему понять, что цесарь в союзе с Москвой могли бы в короткий срок занять Польшу с полной ликвидацией Батория и с явной угрозой самой Оттоманской порте» (Е. Rykaszewski, *Relacje...*, t. I, str. 289). См. также: E. Winter, *Rußland...*, S. 223.

было уже невозможно. Значительные успехи Грозного в Ливонии, с одной стороны, а также фактический разрыв между Крымом и Речью Посполитой — с другой, заставили Габсбургов иначе смотреть на нового польского короля. Теперь Стефан Баторий становился в глазах венских дипломатов такой политической фигурой, которая могла быть использована не только в роли противовеса московскому царю и турецкому султану, но и в качестве орудия воинствующего католицизма. Не удивительно поэтому, что габсбургская дипломатия не только отказалась поддерживать программу, предложенную Грозным через Квашнина, но и тогда же выступила в роли посредника в споре Стефана Батория с «взбунтовавшимся» Гданьском. При содействии венских политиков 16 декабря 1577 г. между Гданьском и польским королем был заключен договор, восстановивший статус-кво и развязавший Баторию руки для активной политики на северо-востоке.

Эту позицию Империи поддерживала и римская курия. Примерно с середины 1577 г. представитель римского престола в Польше Лаурео начал менять политические установки в отношении Стефана Батория, все чаще становясь на сторону нового польского короля³⁵¹. Одним из первых симптомов этих перемен был созванный еще в мае 1577 г. церковный синод в Петркове³⁵², на котором король и польская католическая церковь, разумеется, не без участия Рима³⁵³, выработали общую программу деятельности в духе постановлений Тридентского собора, подчеркнув необходимость совместного наступления на «разноверцев» Речи Посполитой³⁵⁴. В дальнейшем Ватикан стал еще более последовательно поддерживать Стефана Батория, выступая в роли посредника и при урегулировании его конфликта с Гданьском, и при заключении брачного союза сына Батория — Стефана с дочерью шведского короля Анной³⁵⁵. Кроме того, римский престол в скором времени санкционировал передачу Ливонии новому польскому королю, обещая содействовать сохранению польского престола за домом Батория, назначил его 18-летнего сына Анджея кардиналом, а в 1579 г. в знак благословения военно-политической

³⁵¹ О целесообразности отрыва Батория от султанской Турции путем признания его Веной говорил еще летом 1576 г. кардинал Комо в письме к папскому легату в Империи (E. Rykaszewski, *Relacje...*, t. I, str. 292—294).

³⁵² «Historia polityczna...», t. II, str. 146.

³⁵³ E. Rykaszewski, *Relacje...*, t. I, str. 299.

³⁵⁴ «Historia polityczna...», t. II, str. 146.

³⁵⁵ Ibid.

активности короля Стефана на Востоке прислал ему меч и «капелюш»³⁵⁶. Весной 1579 г. в высших кругах католической церкви Батория рассматривали уже в качестве надежного покровителя «всех москалей и татар»³⁵⁷.

Военные успехи Грозного в Ливонии вызвали реакцию многих государств тогдашней Европы: в это время на сторону Стефана Батория открыто становились не только различные «земли» Империи (так, в частности, Саксония и Бранденбург оказали польскому королю значительную финансовую помощь)³⁵⁸, но и такие державы, как Швеция, заключившая в 1578 г. оборонительный и наступательный союз с Речью Посполитой³⁵⁹. Дания, в предшествующие годы выступавшая открытой противницей Батория, теперь заняла выжидательную позицию, следя за ходом борьбы в Ливонии польско-шведских и московских сил.

Обнаружившееся в результате военных кампаний в Ливонии новое усиление Московского государства заставило, по-видимому, крымско-турецкую дипломатию прекратить прямые атаки против Речи Посполитой и наметить новые политические мероприятия с целью поддержать традиционное равновесие между ведущими государствами Восточной Европы. Встав на путь сталкивания своих северных соседей и создания условий для взаимоослабления Речи Посполитой и Московской Руси, правители Крыма и Порты не скупились на мирные заверения как в адрес Москвы³⁶⁰, так и в адрес Польши³⁶¹. В 1578 г. Константинополь принимал польского посла Дроголевского, а Бахчисарай — Броневского³⁶². В результате в сентябре этого года не только было достигнуто новое примирение между Крымом и Польшей, но и заключено соглашение, в силу которого крымцы обещали Баторию военную помощь в борьбе против Москвы³⁶³. Идя навстречу требованиям Крыма и Порты, польский король решился даже на такой шаг, как публичная казнь казацкого гетмана Ивана

³⁵⁶ E. Winter, *Rußland...*, S. 229—230.

³⁵⁷ E. Rykaszewski, *Relacje...*, t. I, str. 307.

³⁵⁸ J. Szujski, *Dzieje...*, t. II, str. 59; С. М. Соловьев, *История...*, т. VI, стр. 277.

³⁵⁹ Н. М. Карамзин, *История...*, т. IX, стр. 171; W. Koperczyński, *Dzieje...*, t. I, str. 151.

³⁶⁰ «Известия Таврической ученой комиссии», Симферополь, 1891, № 14, стр. 45, 50, 80.

³⁶¹ В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 74—77.

³⁶² J. Szujski, *Dzieje...*, t. III, str. 59; Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, № 229.

³⁶³ А. А. Новосельский, *Борьба...*, стр. 31; «Historia polityczna...», t. II, str. 148; В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 77. — «Хан требовал даров от Литвы, — писал Карамзин, — и получил их под условием содействовать ей в войне Российской» (Н. М. Карамзин, *История...*, т. IX, стр. 171).

Подковы, которая была совершена во Львове в 1578 г. на глазах у крымско-турецких послов³⁶⁴.

Одновременно крымско-турецкая дипломатия предлагала свою «дружбу» и Ивану Грозному. Весьма характерно, что именно в 1578 г. Крым заключил мирное соглашение с Русским государством³⁶⁵. Показательным было также и то, что представитель крымского хана во время переговоров 1578 г. с поляками откровенно «требовал, чтобы король давал ему (хану. — И. Г.) ежегодно поминки даже в том случае, если татары не будут служить польскому правительству и будут находиться в союзе с Москвой»³⁶⁶. Подлинная роль Крыма в событиях этих лет была зафиксирована Гейденштейном, секретарем Яна Замоиского. Сообщив о заверениях крымского посла по поводу готовности ханства выступить в союзе с Речью Посполитой против Москвы, Гейденштейн должен был признать, что хан «в московской войне... вопреки данному обещанию вообще никакого участия не принимал»³⁶⁷.

Становится очевидным, таким образом, что крымско-турецкая дипломатия совершенно сознательно вела двойную игру, и тактика ее имела определенный успех. Надеясь на обещания Константинополя и Бахчисарая, рассчитывая если не на союз, то на «дружественный» нейтралитет Крыма и Порты, оба правительства — польское и русское — энергично готовились к возобновлению борьбы друг с другом, проявляя одинаковую неуступчивость в дипломатических переговорах 1578—1579 гг. Баторий требовал «возврата» всей Ливонии, Полоцка и Смоленска; на оставлении за Россией Ливонии и Полоцка настаивал и Грозный, хотя, уже не веря в возможность сотрудничества с Веной и Римом, он и снял прежние претензии на Киев и другие территории, принадлежавшие тогда Речи Посполитой³⁶⁸. Поскольку территориальные планы обоих государств оказывались несовместимыми, возобновление вооруженной борьбы между Баторием и Грозным становилось неизбежным. Новая московско-польская война началась уже в середине 1579 г.

Сравнивая международное положение воюющих сторон, нельзя не прийти к выводу, что польский король, начиная войну, оказался в значительно более благоприятных услови-

³⁶⁴ J. Szujski, *Dzieje...*, t. III, str. 55.

³⁶⁵ Р. Ю. Виппер, *Иван Грозный*, стр. 144.

³⁶⁶ В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 77.

³⁶⁷ R. Heidenstein, *Pamiętniki wojny moskiewskiej*, Warszawa, 1927, str. 40—41.

³⁶⁸ В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 64—67, 78—79, 91; С. М. Соловьев, *История...*, т. VI, стр. 267.

ях, чем московский царь. В то время как Стефана Батория в 1579 г. поддерживали Габсбурги, римский престол, Швеция, в какой-то мере также Крым и Порты, Иван IV в этот момент оказался перед лицом почти полной внешнеполитической изоляции³⁶⁹. Эта изоляция была тем более опасной, что первоначально не в полной мере, видимо, осознавалась царем.

Что касается внутривойсковых положений обоих государств, в частности состояния вооруженных сил, то и здесь преимущество Батория было бесспорным. Займы, предоставленные Империей, а также денежные сборы, санкционированные сеймом 1578 г., позволили польскому королю создать в довольно короткий срок большое войско, располагавшее кавалерией, пехотой, артиллерией³⁷⁰. Создававшаяся заново армия Батория представляла собой весьма боеспособную, сконцентрированную в один кулак ударную силу, готовую действовать на любом участке фронта³⁷¹. Если не по численности, то по организованности, маневренности, сконцентрированности в стратегически важных районах она превосходила изнуренные длительной и тяжелой войной, разбросанные по гарнизонам Ливонии и крепостям на западных и южных рубежах Русского государства войска Ивана IV³⁷².

Конечно, эти различия в состоянии вооруженных сил Речи Посполитой и Московского государства определялись во многом обстоятельствами внутреннего развития каждой страны³⁷³. Тем не менее нельзя игнорировать и влияния внешнеполитической обстановки, отразившейся на выработке стратегии и тактики Батория и Ивана Грозного. Благоприятная для польского короля международная ситуация позволила ему не только создать в короткий срок боеспособную армию, но и использовать ее в решающем направлении, не считаясь при этом с возможностью ударов со стороны Империи, Швеции и даже Порты. В то же время внешнеполитическая изоляция Русского государства в 1579—1580 гг. заставляла Грозного распылять свои силы, исключив по существу возможность наступательных операций большого масштаба, вынуждала его избегать генеральных сражений, обязывала осуществлять тактику активной обороны и т. д.

³⁶⁹ Одним из ярких показателей изменившегося положения Московской Руси на международной арене был переход «короля» Магнуса на сторону Польши в 1578 г.

³⁷⁰ T. Korzon, *Dzieje...*, t. II, str. 36—38, 64—68.

³⁷¹ Ibid., str. 36—38.

³⁷² С. М. Соловьев, *История...*, т. VI, стр. 269.

³⁷³ См. В. В. Чернов, *Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв.*, М., 1954; С. М. Соловьев, *История...*, т. VI, стр. 268—270.

Все эти обстоятельства оказались уже в самом ходе кампании 1579 года, явившегося переломным годом в Ливонской войне. Не случайно именно Баторий, а не Грозный выбрал тогда главный театр военных действий, решив начать наступление с осады Полоцка. Поскольку Иван IV, вынужденный ожидать ударов с разных сторон, не смог обеспечить Полоцк достаточно сильным гарнизоном, эта крепость, несмотря на героическую оборону, все же оказалась 9 сентября 1579 г. в руках польско-литовских войск³⁷⁴. Вслед за Полоцком был взят еще один небольшой укрепленный пункт — Сокол³⁷⁵. Неудача преследовала русскую армию и на других направлениях: шведы наступали в Карелии и Эстонии, а войско Константина Острожского успешно действовало в Северной земле, доходя до Стародуба и Почепа³⁷⁶.

Военные операции в течении 1580 г. складывались также не в пользу Ивана IV: на этот раз Баторий неожиданно появился у Великих Лук, сразу начав планомерную осаду крепости³⁷⁷, одновременно польско-литовское командование вело успешные операции по овладению Невелем, Озерищем, Заволочьем и другими укрепленными пунктами. Единственная победа, одержанная Бутурлиным под Оршей³⁷⁸, естественно, не могла уравновесить всех поражений московских войск. Не принесли удачи русскому оружию и военные действия 1581 г.: польско-литовские войска взяли Холм, Старую Руссу, в Ливонии замок Шмильтен³⁷⁹. Летом 1581 г. польско-литовские армии двинулись к Пскову и организовали длительную осаду этой сильно укрепленной крепости, защищавшейся многочисленным гарнизоном³⁸⁰. Одновременно шведы активизировали наступательные действия в Прибалтике, захватив не только несколько ливонских крепостей, но и русские города Ивангород, Ям, Копорье³⁸¹.

Таким образом, военное поражение Грозного было очевидно: хотя Баторий в это время также испытывал определенные затруднения военного и политического порядка (не хватало средств для оплаты войск, со шведами в Ливонии начались трения), тем не менее он все еще мог продолжать боевые действия, направленные против Московского государст-

³⁷⁴ J. Szujski, *Dzieje...*, t. III, str. 60—62; T. Korzon, *Dzieje...*, t. II, str. 41—42.

³⁷⁵ T. Korzon, *Dzieje...*, t. II, str. 41—42.

³⁷⁶ В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 113, 115.

³⁷⁷ J. Szujski, *Dzieje...*, t. III, str. 64—65.

³⁷⁸ С. М. Соловьев, *История...*, т. VI, стр. 276.

³⁷⁹ T. Korzon, *Dzieje...*, t. II, str. 53—56.

³⁸⁰ J. Szujski, *Dzieje...*, t. III, str. 66—67.

³⁸¹ T. Korzon, *Dzieje...*, t. II, str. 60.

на³⁸². Однако неудачи не сломили Ивана IV. Пытаясь найти новые средства ослабления натиска Речи Посполитой и Швейцарии, он вновь активизировал дипломатическую деятельность. Ведя все время интенсивные переговоры с самим Баторием³⁸³, царь стал на путь восстановления политических контактов с Веней и римским престолом³⁸⁴.

Весьма характерно, что годы поражений под Полоцком и Великими Луками были вместе с тем временем максимального унижения Грозного, которое он, возможно, сознательно допускал в переговорах с Баторием. Однако зимой 1580/81 г. Иван IV стал занимать по отношению к польскому королю более независимую позицию, хотя военное положение Москвы резко не улучшилось. В частности, когда Баторий в конце 1580 г. потребовал от московского государя не только всей Ливонии, но Новгорода, Пскова, Смоленска и 400 тыс. червонцев, Грозный ответил на это разрывом переговоров. «Мы ищем того, — писал он Баторию, — чтобы кровь христианскую унять, а ты ищешь того, как бы воевать; так зачем же нам с тобою мириться?»³⁸⁵.

Разумеется, твердость позиции Грозного в какой-то мере объяснялась упорным сопротивлением московских войск натиску польской армии. Но, кроме того, определенную роль в перемене настроений Ивана IV сыграл и некоторый сдвиг в развитии международных отношений, к которому в известной степени оказался причастным сам Грозный. Так, 6 сентября 1580 г. московское правительство направило в Прагу, Вену, Венецию и Рим посла Шевригина³⁸⁶ с жалобой на «нехристианское» поведение Батория, «учинившегося государем из султановой руки», и проектом создания военного союза против Порты. Шевригин должен был также предложить заключение унии православия с католичеством³⁸⁷.

Император Рудольф организовал хороший прием Шевригина в Праге и Вене, еще лучше встречала русского посла Венеция, римский же папа Григорий XIII стал на путь самых серьезных переговоров с представителем московского двора. Если еще в мае 1579 г. в Риме рассматривали Батория как потенциального покорителя «всех москалей и татар»³⁸⁸, то те-

³⁸² E. Winter, *Rußland...*, S. 236.

³⁸³ С. М. Соловьев, *История...*, т. VI, стр. 267, 273—275, 277—281.

³⁸⁴ Н. М. Карамзин, *История...*, т. IX, стр. 183—190; J. Szujski, *Dzieje...*, t. III, str. 66—68.

³⁸⁵ С. М. Соловьев, *История...*, т. VI, стр. 280.

³⁸⁶ Н. М. Карамзин, *История...*, т. IX, стр. 183, 190; В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 269; H. Uebersberger, *Osterreich...*, S. 291.

³⁸⁷ В. В. Новодворский, *Борьба...*, стр. 269.

³⁸⁸ E. Rykaszewski, *Relacje...*, t. I, str. 307.

перь Ватикан явно менял свои тактические установки в отношении Московского государства. Стремление расширить круг союзников в борьбе против султанской Турции, а также против реформации заставило папу направить ранней весной 1581 г. в Польшу и Москву испытанного дипломата иезуита Антонио Поссевино, поручив ему как дело примирения Батория с Грозным, так и задачу заключения религиозной и политической унии с Москвой³⁸⁹. Выбор этой фигуры отнюдь не был случайным. Среди деятелей католической контрреформации второй половины XVI — начала XVII в. Антонио Поссевино был одним из самых активных и выдающихся³⁹⁰. Уже до поездки в Польшу и Москву он хорошо был знаком с положением дел в Восточной Европе, так как еще в 70-х годах по указанию Григория XIII стал проявлять к ним большой интерес.

Миссия Поссевино 1581 г. представляет собой весьма интересный и по-своему важный эпизод в истории международных отношений Восточной Европы конца XVI в.³⁹¹. Следует иметь в виду, что Поссевино, хотя и получил поддержку папы Григория XIII, а также правящих верхов Венеции, отнюдь не был желанным гостем Батория³⁹². Польский король сразу же попытался добиться отозвания Поссевино, и с этой целью королевский духовник Скарга обращался со специальными просьбами к папе Григорию и к генералу Ордена иезуитов Аквавиве. Однако позднее польский король вынужден был прислушаться к аргументам римского дипломата. Антонио Поссевино сумел убедить Батория в том, что вовлечение России в борьбу с Османской империей должно неизбежно привести к ослаблению обоих государств, что речь, таким образом, идет об обеспечении коренных интересов всех католических держав, в том числе и Польши³⁹³.

Добившись взаимопонимания с Баторием и получив от него условия возможного примирения с Русским государст-

³⁸⁹ L. Pastor, *Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters*, Bd IX, S. 691—693, 701; Pierling, *La Russie...*, t. II, pp. 25—29, 34—36.

³⁹⁰ А. Поссевино (1533—1611) получил специальное богословское образование и прошел хорошую школу политической интриги в Ордене иезуитов (одно время он был даже секретарем генерала Ордена). В 1577—1579 гг. он несколько раз бывал в Швеции, где с помощью жены короля Юхана III Екатерины Ягеллон пытался восстановить католичество не только при дворе, но и во всем королевстве. Хотя эта попытка не удалась, тем не менее Швеция и в дальнейшем не выходила из поля зрения Поссевино.

³⁹¹ E. Rykaszewski, *Relacje...*, t. I, str. 346—419.

³⁹² М. Коялович, *Литовская церковная уния*, т. I, СПб., 1859, стр. 50.

³⁹³ E. Rykaszewski, *Relacje...*, t. I, str. 348—349, 361—364, 365—368.

пом, Поссевино направился в Москву. Действуя согласно пожеланиям Батория и инструкциям папы Григория XIII, он беседовал с Грозным не только о польско-московском примирении на условии отказа царя от Ливонии, но также об унии православия с католичеством и о вступлении России в антитурецкую коалицию. Выдвигая программу союза всех «христианских» государей против Османской империи, представитель римской церкви подчеркивал, что союз этот не может быть крепок, если все государи не будут принадлежать к одному исповеданию³⁹⁴. Играя на тщеславии царя, Поссевино уговаривал Ивана прибавить к тому богатству и славе, которыми уже обладал Грозный, еще «славу единения с верою апостольскою». Одновременно московскому царю внушалась мысль о «неприличии» для русской церкви подчиняться константинопольскому митрополиту, «рабу турок», иерарху, «погрязшему в грехе симонии». Вместе с тем посланец апостольского престола заверял государя всея Руси в том, что принятие унии и выступление против Порты принесут ему не только славу, но и реальные выгоды, обеспечат Москве приобретение новых территорий за счет «стран турецких». В ход были пущены и аргументы исторического плана: Григорий XIII прислал Грозному книгу о Флорентийском соборе, «чтобы ты ее сам читал и своим докторам приказал читать».

Грозный, видимо, довольно хладнокровно относился ко всем этим широковещательным декларациям³⁹⁵, так как отдавал себе полный отчет в том, что автором религиозной и политической программы Ватикана в какой-то мере являлся он сам. Не отвергая этой программы и подчеркивая свою «непримиримость» к Лютеру, царь настойчиво добивался того, чтобы Поссевино «унял» Батория, заставив польского короля заключить мир с Россией на приемлемых условиях.

Тактика Грозного увенчалась успехом. После того как с помощью Поссевино главные пункты примирения были намечены³⁹⁶, обе стороны направили полномочных послов для заключения мирного договора. В результате многочисленных совещаний 6(16) января 1582 г. в Яме-Запольском был подписан договор о десятилетнем перемирии³⁹⁷, в силу которого к

³⁹⁴ С. М. Соловьев, *История...*, т. VI, стр. 284.

³⁹⁵ Показательно, например, что царь предписал сопровождавшему Поссевино приставу не касаться религиозных вопросов: «Если посол станет... говорить о вере греческой или римской, то приставу отвечать: грамоте не учивался, да не говорить ничего про веру» (С. М. Соловьев, *История...*, т. VI, стр. 284).

³⁹⁶ Там же, стр. 176—183, 248—258.

³⁹⁷ E. Rykaszewski, *Relacje...*, t. I, str. 386—387, 418—419.

Речи Посполитой отходила часть Ливонии (ее северная часть оставалась за Швецией), Полоцк, Велиж, а Москва возвращала себе Великие Луки³⁹⁸. Таким образом, восстанавливались довоенные очертания западных границ Русского государства.

Договор в Яме-Запольском свидетельствовал о том, что России, несмотря на колоссальные усилия и огромные жертвы, не удалось добиться осуществления всех поставленных в начале войны задач. Укрепившись в Поволжье и начав борьбу за Ливонию, Русское государство столкнулось с противодействием не только Речи Посполитой, но также Крыма и Турции, Империи, римского престола и Швеции. Изнурительная непосильная борьба против могущественной коалиции привела к расстройству хозяйственной жизни феодальной Руси, разорению целых районов, усилению эксплуатации крестьянства. Положение осложнилось обострением противоречий внутри господствующего класса, острым конфликтом царя с боярством. В результате правительство Ивана IV вынуждено было отказаться от приобретений на западе, сохранив контроль лишь над территориями Поволжья, и вывести ослабленное Русское государство из войны.

С более благоприятными итогами завершила Ливонскую войну Речь Посполитая. Она участвовала в военных действиях более короткое время, вернула Полоцк и приобрела известные права на часть Ливонии. Но главным достижением польской политики было произошедшее в 1569 г. слияние скрыто конкурировавших между собой Литвы и Польши в один государственный организм. На первых порах это событие явилось источником возросшей силы Речи Посполитой, что, между прочим, и позволило Баторию выдвинуть программу перекройки политической карты Восточной Европы в конце 70-х — начале 80-х годов XVI в.

Характерно, однако, что польскому королю также не удалось осуществить эту программу. Дело в том, что Ливонская война не была изолированным конфликтом Московской Руси, Ливонии и Польско-Литовского государства. Речь шла по существу о напряженной международной борьбе, в которой так или иначе участвовали также Турция и Крым, Рим и Габсбурги, Швеция и Дания. Это обстоятельство наложило отпечаток на весь ход Ливонской войны.

Показательно, что на разных ее этапах обе борющиеся стороны выдвигали самые разнообразные и «неожиданные» проекты новых государственных границ. Так, Грозный тре-

³⁹⁸ Ibid., стр. 411—412.

бывал присоединения к Московской Руси не только Ливонии, Полоцка, но и Киева и всех территорий, входивших в понятие «всея Руси». Правительство Польско-Литовского государства неоднократно высказывало претензии на Прибалтику, Новгород, Псков, Смоленск и другие русские земли. Однако явные стремления Речи Посполитой и Московской Руси радикально пересмотреть свои государственные рубежи наталкивались не только на вооруженное сопротивление самих борющихся друг с другом Польско-Литовского и Русского государств, но также и на активное противодействие других держав, боявшихся чрезмерного усиления как Польши, так и России и старавшихся то явно, то скрыто поддерживать равновесие между двумя ведущими странами Восточной Европы.

Таким образом, созданная в конце XVI в. политическая карта Восточной Европы явилась итогом сложной и длительной международной борьбы, своего рода равнодействующей различных политических и военных акций многих государств того времени. В ее формировании наряду с Московской Русью и Речью Посполитой участвовали также Турция и Крым, Империя Габсбургов и римский престол, Швеция и Дания. А это означало, что возникавшие как результат определенной расстановки сил в тогдашней Европе новые политические рубежи между Русским государством и Речью Посполитой не были той извечной «китайской стеной» между «европейской цивилизацией» и «азиатским варварством», о которой любят говорить реакционные идеологи буржуазного мира, не были той стабильной границей, которая «рассекала» население, ведущее свое происхождение из единого корня древнерусской народности, на якобы извечно существовавшие, постоянно замкнутые в себе народы, не имевшие между собой ничего общего.

	Стр.
Введение	3
Глава I. Золотая Орда и страны Восточной Европы в XIV в. . .	13
1. Несколько вводных замечаний	13
2. Золотая Орда и некоторые приемы ее политики в Восточной Европе до середины XIV в.	22
3. Основные центры объединения русских земель и восточно-европейская политика Золотой Орды во второй половине XIV в.	38
Глава II. Распад Золотой Орды и страны Восточной Европы в первой половине XV в.	79
1. Взаимоотношения Орды, Литвы и Московского княжества в первой четверти XV в.	79
2. Улусы Золотой Орды и восточноевропейские страны во второй четверти XV в.	118
Глава III. Турция, Крымское ханство и страны Восточной Европы во второй половине XV — начале XVI в.	147
1. Политика Турции и Крыма в 50—70-х годах	147
2. Московско-литовские отношения и соперничество римского престола с Константинополем в Восточной Европе в 70—80-е годы	164
3. Московско-литовские отношения и международная обстановка в Восточной Европе в конце XV — начале XVI в.	194
4. Реформационное движение, московско-новгородская ссора и международные отношения в Восточной Европе в конце XV — начале XVI в.	204
Глава IV. Крым, Турция и Восточная Европа в первой трети XVI в.	233
1. Крымско-турецкая политика в Восточной Европе в начале XVI в. и некоторые особенности ее тактики	233
2. Крым и «восстание» Глинского	235
3. Усиление политического влияния Порты на татарские феодальные государства Восточной Европы и создание антимосковской коалиции	242
	373

	Стр.
4. Московская Русь и римско-габсбургская дипломатия . .	248
5. Крымско-турецкая политика в Восточной Европе и отношение Константинополя к православию в Польско-Литовском и Московском государствах	254

<i>Глава V. Крым, Турция и Восточная Европа в 40—80-х годах XVI в.</i>	288
--	-----

1. Крымско-турецкая политика конца 30-х — начала 40-х годов и отношение к ней московского и польско-литовского правительств	288
2. Крымско-турецкая дипломатия в конце 40-х — начале 50-х годов и вступление Ивана Грозного на путь активной внешней политики	297
Вооруженная борьба на Востоке. Овладение Казанью	297
Дипломатическая борьба на Западе. Миссия Шлите и Штейнберга	299
3. Крымско-турецкая политика в Восточной Европе и начало Ливонской войны	307
4. Ход Ливонской войны в 1560—1572 гг. и крымско-турецкая экспансия в Восточной Европе	317
5. Элекционная борьба в Речи Посполитой и политические взаимоотношения Москвы, Вены, Рима и Константинополя в 1573—1576 гг.	336
6. Завершение Ливонской войны и новая расстановка сил в Восточной Европе	359

Игорь Борисович Греков

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
XIV — XVI вв.

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

*

Редактор *С. М. Фалькович*
Технический редактор *Э. Ш. Язловская*
Корректоры *Л. М. Каменецкий*
и *Э. И. Спирина*

*

Слано в набор 20/IX 1962 г.
Подписано к печати 24/IV 1963 г.
А 05036. Формат 60×90^{1/16}. Печ. л. 23,5.
Уч-изд. л. 23,59. Тираж 2000 экз.
Зак. 2158. Цена 1 руб. 50 коп.

*

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Типография № 1 Государственного издательства
литературы по строительству, архитектуре
и строительным материалам. г. Владимир